

ЖЮЛЬ ВЕРН

ТАИНСТВЕННЫЙ
ОСТРОВ

Жюль Верн

Таинственный остров

«Public Domain»

1875

Верн Ж. Г.

Таинственный остров / Ж. Г. Верн — «Public Domain», 1875

«Таинственный остров» – один из самых увлекательных романов французского писателя-фантаста Жюля Верна. Во времена гражданской войны в США пятеро смельчаков-северян спасаются от плена на воздушном шаре. Страшная буря выбрасывает их на берег необитаемого острова. Отвага и таланты новых поселенцев острова помогают им обустроить свою жизнь. Мирное пребывание «робинзонов» на острове нарушает угроза нападения пиратов, но на помощь приходит таинственный и всемогущий друг...

© Верн Ж. Г., 1875

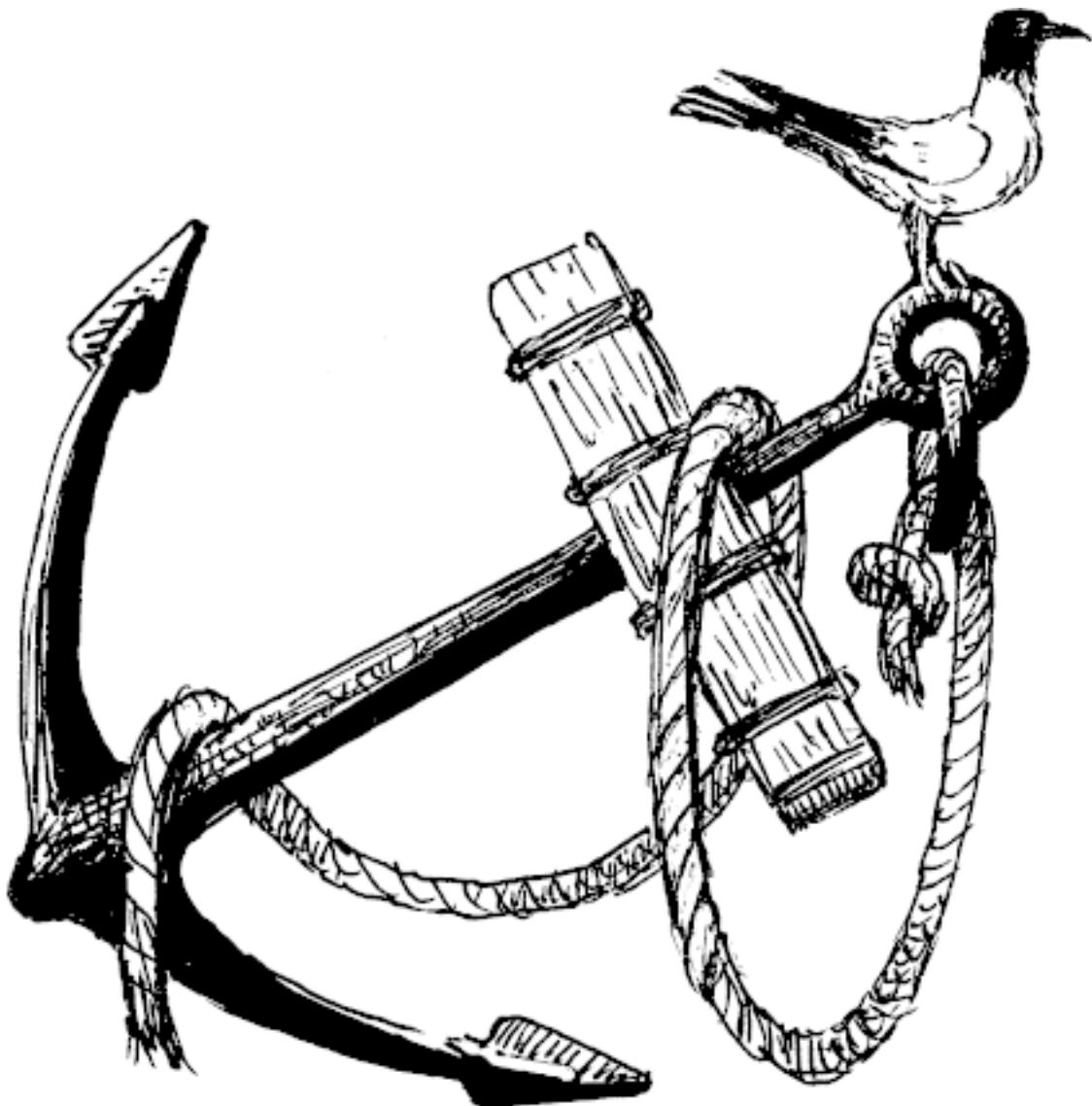
© Public Domain, 1875

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	24
Глава четвертая	30
Глава пятая	37
Глава шестая	45
Глава седьмая	50
Глава восьмая	60
Глава девятая	67
Глава десятая	78
Глава одиннадцатая	88
Глава двенадцатая	96
Глава тринадцатая	103
Глава четырнадцатая	113
Глава пятнадцатая	122
Глава шестнадцатая	129
Глава семнадцатая	136
Глава восемнадцатая	145
Глава девятнадцатая	152
Глава двадцатая	159
Глава двадцать первая	165
Глава двадцать вторая	171
Часть вторая	181
Глава первая	181
Глава вторая	189
Глава третья	198
Глава четвертая	207
Глава пятая	214
Глава шестая	223
Глава седьмая	236
Глава восьмая	246
Глава девятая	255
Глава десятая	263
Глава одиннадцатая	273
Глава двенадцатая	283
Глава тринадцатая	292
Глава четырнадцатая	300
Глава пятнадцатая	308
Глава шестнадцатая	315
Глава семнадцатая	324
Глава восемнадцатая	332
Глава девятнадцатая	341
Глава двадцатая	348
Часть третья	355
Глава первая	355

Глава вторая	363
Глава третья	372
Глава четвертая	382
Глава пятая	391
Глава шестая	398
Глава седьмая	407
Глава восьмая	416
Глава девятая	419
Глава десятая	425
Глава одиннадцатая	433
Глава двенадцатая	440
Глава тринадцатая	449
Глава четырнадцатая	459
Глава пятнадцатая	467
Глава шестнадцатая	479
Глава семнадцатая	485
Глава восемнадцатая	493
Глава девятнадцатая	502
Глава двадцатая	513

Жюль Верн
Таинственный остров

Часть первая Потерпевшие крушение

Глава первая

Ураган 1865 года. – Крики в воздухе. – Воздушный шар подхвачен ураганом. – Шар опускается. – Кругом вода. – Пять пассажиров. – Что происходит в корзине. – Земля на горизонте. – Развязка.

– Мы поднимаемся?
– Нет, наоборот, мы опускаемся!
– Хуже, мистер Сайрес, мы падаем!
– Ради бога, выбрасывайте балласт!
– Вот последний мешок!
– Шар поднимается?
– Нет!
– Я слышу плеск волн!
– Под нами море!
– Оно, должно быть, от нас в пятистах футах!
– Выбрасывайте все, что только можно!.. Не жалейте ничего!.. Бросайте скорей, иначе мы погибнем!..

Крики эти раздавались в воздухе над безбрежной пустыней Тихого океана около четырех часов дня 23 марта 1865 года.

Вероятно, все еще помнят страшный северо-восточный ураган, разразившийся в этом году во время равноденствия, когда барометр упал до 710 миллиметров. Ураган продолжался, не утихая, с 18 до 26 марта. Он охватил территорию шириной тысяча восемьсот миль, между тридцать пятой параллелью северной широты и сороковой южной параллелью. Причиненные им разрушения в Азии, Европе и в Америке, где, собственно, он и начался, на экваторе были огромны. Многие города превратились в груды развалин, вместо зеленеющих лесов образовались беспорядочные кучи вырванных с корнями деревьев, реки вышли из берегов и затопили окрестности, сотни судов были выброшены на берег, тысячи людей, убитых, покалеченных или утонувших, – вот что оставил на память о себе этот страшный ураган. По своим ужасным последствиям он превосходил те бури, которые уничтожили Гавану 25 октября 1810 года и Гваделупу 26 июня 1825 года.

В то время, когда одна за другой происходили катастрофы на суше и на море, не менее ужасная драма разыгрывалась и в воздухе. Воздушный шар, подхваченный ураганом, летел со скоростью девяносто миль¹ в час, вращаясь в бешеном вихре, как если бы он попал в середину воздушного водоворота.

Внизу, под воздушным шаром, прикрепленная к охватывающей его веревочной сетке, качалась корзина с пятью пассажирами, едва видимыми среди густых облаков, пропитанных парами тумана и мелкими, как пыль, брызгами воды, долетавшими с бушующей поверхности океана.

Откуда летел этот шар, ставший игрушкой ужасной всесокрушающей бури? В какой точке земного шара поднялся он в воздух? Не мог же он отправиться в путь во время урагана? А между тем ураган продолжался уже пять суток, и первые его признаки появились еще 18

¹ 46 метров в секунду, и 166 километров в час.

марта. Вероятно, шар летел издалека, потому что за сутки он пролетал не менее двух тысяч миль.

Но откуда бы ни мчался этот шар, пассажиры не могли определить пройденное ими расстояние, потому что им не на что было ориентироваться. Кроме того, они, видимо, даже не чувствовали страшного ветра. Шар летел с бешеною скоростью, одновременно вращаясь вокруг себя, а они не ощущали ни этого вращения, ни движения вперед в горизонтальном направлении. Их взгляды не могли проникнуть сквозь густую пелену тумана и плотных облаков, обволакивающих корзину. Они даже не могли с уверенностью сказать, день ли сейчас или ночь. Ни свет, ни рев бушующего океана не доходили до воздухоплавателей в этой мрачной беспредельности, пока они держались в верхних слоях атмосферы. Только быстрый спуск шара напомнил им об опасности погибнуть в волнах океана.

Между тем шар благодаря тому, что из корзины был выброшен почти весь груз, состоявший из запасов провизии, оружия и прочего снаряжения, снова поднялся на высоту четырех тысяч пятисот футов. Пассажиры, узнав, что внизу под ними не земля, а море, справедливо заключили, что вверху гораздо безопаснее, чем внизу, и поэтому, не колеблясь, выбросили из корзины даже самые необходимые вещи, заботясь только о том, чтобы как можно выше подняться над раскинувшейся под ними бездной.

Ночь прошла в тревоге, которую, наверное, не перенесли бы люди менее энергичные и слабые духом и еще до наступления катастрофы умерли бы от страха. Наконец стало светать, и ураган как будто начал стихать. С самого утра 24 марта погода, видимо, начала меняться к лучшему. На заре облака поднялись выше. Постепенно ураган перешел на «очень свежий» ветер, и скорость перемещения воздушных потоков уменьшилась вдвое, хотя ветер был еще очень силен и дул, как говорят моряки, «бриз в три рифа». Однако по сравнению с ураганом погода стала гораздо лучше.

Часам к одиннадцати нижние слои атмосферы почти очистились от облаков. Ураган, по-видимому, не пошел дальше на запад, – он просто «убил» сам себя. Может быть, он рассеялся электрическими разрядами, как это случается иногда с тайфунами Индийского океана.

Но в это же время воздухоплаватели заметили, что шар снова, хотя и медленно, опускается ниже. Газ из него постепенно улетучивался, и оболочка шара опадала, растягиваясь и удлиняясь, принимая вместо сферической формы яйцеобразную.

Около полудня аэростат находился на высоте не более двух тысяч футов над поверхностью моря. Но благодаря своей вместимости – его объем равнялся пятидесяти тысячам кубических футов² – он мог еще долго держаться в воздухе, поднявшись на большую высоту и перемещаясь в горизонтальном направлении.

Пассажиры выбросили за борт даже последние запасы провизии и все, что было у них в карманах, чтобы облегчить корзину. Один из воздухоплавателей взобрался на кольцо, к которому были прикреплены концы веревочной сетки, и стал крепче связывать на всякий случай нижний выпускной клапан аэростата. Но его попытка не дала желаемых результатов: шар продолжал опускаться. Они были не в силах удержать его в верхних слоях атмосферы.

Они должны погибнуть!

Там, внизу, нет земли. Кругом, насколько мог охватить взгляд, не было видно ни одного клочка твердой земли, ни одной выступающей из моря скалы, за которую мог бы зацепиться якорь.

Под ними расстипался безбрежный океан, где волны продолжали бушевать с прежней яростью. Хотя шар и опускался, пассажиры из своей корзины все же могли окинуть взором горизонт радиусом не менее сорока миль. Но – увы! – на всем этом пространстве виднелись только огромные волны с белыми гребешками, несущиеся друг за другом!

² Около 1700 кубических метров.

Необходимо во что бы то ни стало удержать шар и не дать ему погрузиться в волны. Однако, несмотря на все усилия, шар опускался все ниже и ниже, продолжая в то же время стремительно перемещаться по направлению ветра, то есть с северо-востока на юго-запад.

Положение несчастных пассажиров было катастрофическим! Они уже не могли управлять аэростатом. Все их попытки ни к чему не привели. Оболочка шара все более и более опадала. Газ улетучивался, а они были не в состоянии этому помешать. Шар продолжал опускаться, и в час дня корзина висела почти в шестистах футах над поверхностью океана.

Освободив корзину от всего багажа, пассажиры могли продлить еще на несколько часов свое пребывание в воздухе и ровно на столько же отсрочить неизбежную катастрофу. Но если до наступления ночи земля не появится, воздухоплаватели, корзина и шар навсегда исчезнут в волнах океана.

Оставался, впрочем, еще один способ, который мог дать некоторую надежду на спасение при благоприятных обстоятельствах. Прибегнуть к этому способу отважились бы только энергичные люди, умеющие без страха смотреть смерти в лицо. И воздухоплаватели сделали это. Ни одного слова протesta, ни одной жалобы не слетело с их уст. Они решили бороться до последней минуты и, насколько от них зависит, задержать падение аэростата в клокочущую бездну. Его корзина, сплетенная в виде четырехугольного ящика из тростника, не была приспособлена для того, чтобы держаться на воде и заменить собой лодку. В случае падения она непременно должна была утонуть.

В два часа дня аэростат находился примерно в четырехстах футах над морем. В это время послышался мужественный голос – голос человека, сердце которого не знает страха. Ему отвечали другие голоса, не менее энергичные.

- Все выбросили?
 - Нет! Остались еще деньги – десять тысяч франков золотом!
 - Бросайте их!
- И тяжелый мешок тотчас упал в море.
- Ну что? Поднимается теперь шар?
 - Немного, но скоро он снова начнет падать!
 - Что можно еще выбросить?
 - Больше ничего нет!
 - Есть!.. Корзина!..
 - Держитесь за сетку!.. Рубите веревки!.. Долой корзину!

Это и в самом деле было единственным и последним средством облегчить аэростат. Аэронавты перебрались на веревочную сетку над кольцом и, держась за петли, бесстрашно смотрели на кипевшие под ними океанские волны. Веревки, прикреплявшие корзину, перерезали, и освободившийся от лишней тяжести аэростат снова поднялся на две тысячи футов.

Всем известно, какой чувствительностью к изменению нагрузки обладают аэростаты. Достаточно выбросить даже самый легкий предмет, чтобы вызвать перемещение шара вверх в вертикальном направлении. Аэростат, плавая в воздухе, держит точный, математически верный баланс. Если значительно уменьшить груз, шар в ту же минуту стремительно поднимется кверху. То же самое произошло и на этот раз.

Однако аэростат недолго продержался на такой высоте и вскоре снова начал опускаться. Газ быстро улетучивался, а воздухоплаватели не имели возможности заделать отверстие в оболочке шара. Аэронавты сделали все, что могли, и теперь им оставалось надеяться только на чудо.

В четыре часа дня всего лишь пятьсот футов отделяло аэростат от поверхности океана.

Вдруг послышался громкий лай. Это лаяла собака, принадлежавшая одному из пассажиров, она тоже вцепилась в сетку возле своего хозяина.

– Топ что-то увидел! – закричал один из пассажиров.

Вслед за ним другой радостно крикнул:
– Земля! Земля!

Аэростат, который ветер с утра увлекал в юго-западном направлении, за эти несколько часов пролетел значительное расстояние, многие сотни миль, и теперь на горизонте действительно показалась гористая полоса земли.

Но эта земля была еще далеко, милях в тридцати под ветром. Чтобы добраться до нее, понадобится не менее часа, если, конечно, ветер не изменится и не отнесет шар в сторону. Целый час!.. А что, если шар раньше этого срока потеряет весь оставшийся газ?

Положение и в самом деле было ужасным! Аэронавты ясно видели берег, до которого им необходимо было добраться во что бы то ни стало. Они не знали, остров это или материк, не знали даже, в какую часть земного шара их занес ураган. Но это земля, а обитаема она или нет – им пока все равно. Им нужно только добраться туда!

Однако вскоре стало ясно, что аэростат не может больше держаться в воздухе. Он почти касался поверхности воды. Гребни громадных волн уже не раз лизали нижние концы сетки, еще более утяжеляя ее, и воздушный шар временами даже погружался в воду. Теперь он летел над водой прыжками, точно подстреленная птица.

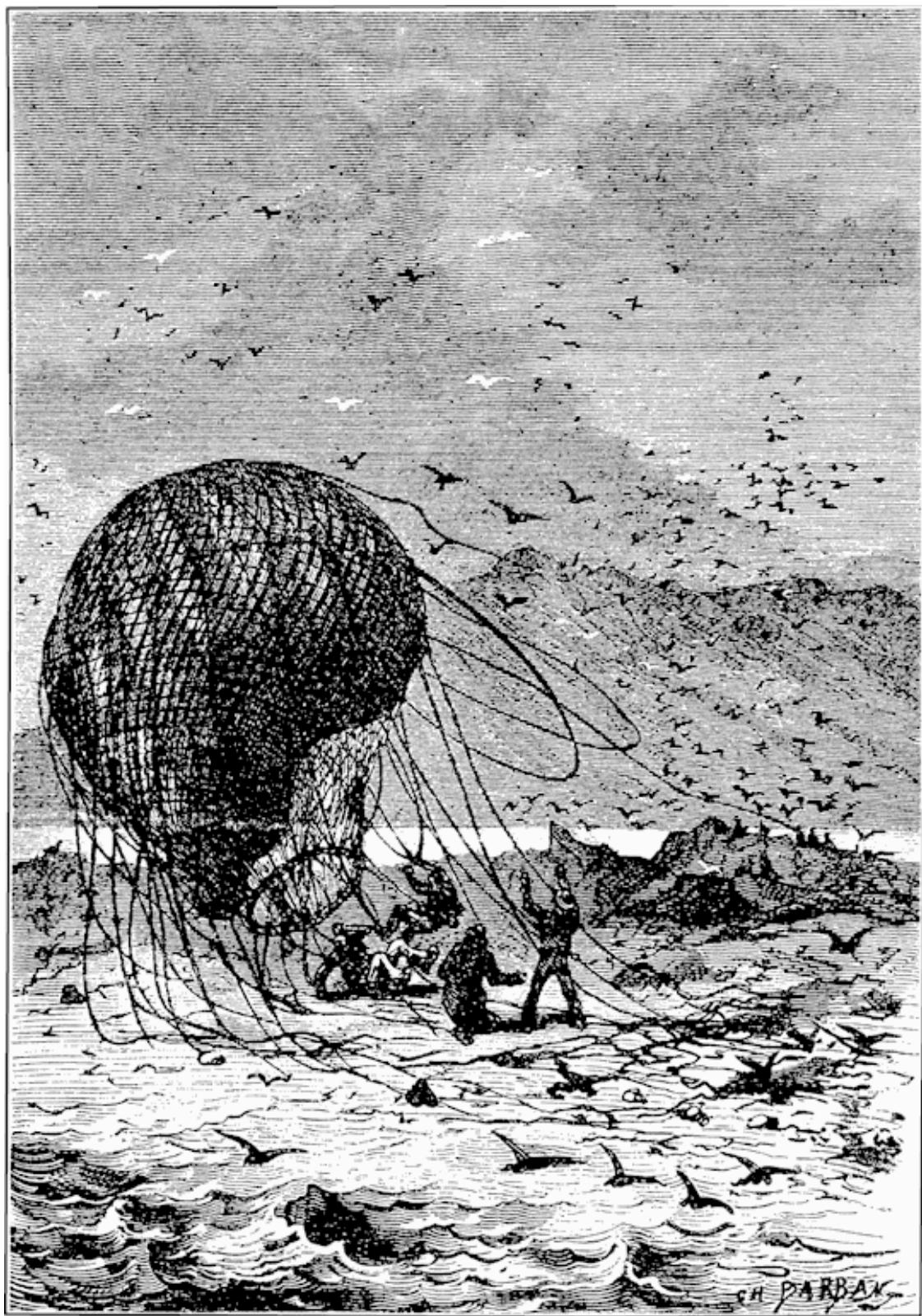
Полчаса спустя земля была на расстоянии одной мили, но шар уже почти не двигался вперед. Обвисший, растянутый, весь в крупных складках, похожий на большой мешок, воздушный шар, еще сохранявший в верхней части немного газа, без пассажиров мог бы еще пролететь гораздо дальше, но теперь он постепенно опускался все ниже и ниже. Аэронавты, вцепившиеся в сетку, очутились по пояс в воде и плыли за шаром, преодолевая волны, которые заливали их клокочущей пеной. Но в ту минуту, когда они уже были на волосок от смерти, совершенно неожиданно оболочка шара легла на воду, надуввшись, словно парус, и поплыла вперед, подгоняемая ветром. Может быть, благодаря этому им удастся добраться до земли...

До берега оставалось не больше двух кабельтовых³, когда вдруг раздались страшные крики – шар совершенно неожиданно подпрыгнул вверх после того, как в него ударил сильный порыв ветра, поднявшись примерно на полторы тысячи футов, однако, вместо того чтобы двигаться прямо к земле, полетел почти параллельно берегу, попав в боковой воздушный поток. К счастью, через две минуты он снова стал понемногу приближаться к земле и наконец упал на прибрежный песок в нескольких десятках футов от воды.

Аэронавты, помогая друг другу, довольно быстро выпутились из веревочной сетки. Ветер подхватил освобожденный от тяжести аэростат, и он, подобно раненой птице, в предсмертной агонии собравшей все свои силы, взвился кверху и исчез в облаках.

В корзине было пять пассажиров, не считая собаки, а на берегу оказалось только четверо. Пятого, очевидно, унесло неожиданно налетевшей волной. Это и позволило облегченному аэростату подняться вверх в последний раз и затем, спустя несколько минут, благополучно достигнуть земли.

³ Морская мера длины, 1 кабельтов приблизительно равен 200 метрам.

Как только четверо потерпевших крушение, но спасшихся аeronавтов почувствовали под ногами твердую землю, так сразу же закричали, думая о том, что надо спешить на помощь пропавшему товарищу:

– Может быть, он теперь как раз плывет к берегу!.. Надо его спасти!.. Спасем его!..

Глава вторая

Эпизод Гражданской войны в Америке. – Инженер Сайрес Смит. – Гедеон Спилет. – Негр Наб. – Моряк Пенкроф. – Герберт. – Неожиданное предложение. – Свидание в десять часов вечера. – Бегство во время бури.

Выброшенные ураганом на берег люди не были ни воздухоплавателями по профессии, ни любителями воздушных прогулок. Это были отважные военнопленные, которым удалось убежать при необыкновенных обстоятельствах. Раз сто за это время поврежденный воздушный шар мог навеки погрузить их в бездну океана. Но судьба предназначила им другую участь. Поднявшись 20 марта из Ричмонда, осажденного войсками генерала Улиса Гранта⁴, они теперь находились на неизвестном острове в семи тысячах миль от этого города, столицы штата Виргиния, главного укрепленного пункта южан во время Гражданской войны Севера и Юга. Их воздушное путешествие продолжалось пять суток.

Вот при каких любопытных обстоятельствах произошел побег пленников, закончившийся исчезновением одного из аeronautов.

В феврале 1865 года во время сражения под Ричмондом, который генералу Гранту никак не удавалось захватить, несколько офицеров-северян попали в руки неприятеля и были отведены в город. В числе пленных оказался и Сайрес Смит, один из выдающихся офицеров федеральной армии, состоявший при штабе главнокомандующего.

Сайрес Смит, уроженец Массачусетса, считался среди южан самым знаменитым инженером. Федеральное правительство поручило ему на время войны управление железными дорогами, стратегическое значение которых было неоценимо. Худой, костлявый, лет около сорока пяти, он по-военному коротко стриг начавшие уже седеть волосы и носил густые усы. Особенно обращала на себя внимание его голова, одна из тех красивых «numizmatических голов», которые как будто специально созданы для изображения на монетах и медалях. Живые, горящие глаза и редко улыбающийся рот дополняли описание наружности этого замечательного во всех отношениях человека. Несмотря на полученное прекрасное специальное образование, Сайрес Смит, подобно многим своим американским коллегам, начал профессиональную деятельность простым рабочим с молотком и киркой в руках. Благодаря этому он обладал не только солидными научными познаниями, но и крепкими мускулами, а соединяя теорию с практикой, достигал таких результатов, которые были бы немыслимы при других условиях. Смит-ученый разрабатывал проекты, а Смит-практик приводил их в исполнение. Суровая школа жизни закалила его характер и научила не терять самообладания. Даже в самые критические минуты он смело смотрел в глаза опасности, уверенный, что знания и опыт всегда помогут ему выйти из любого затруднения, лишь бы только у него хватило настойчивости и силы воли.

В дополнение к перечисленным качествам Сайрес Смит был олицетворением храбрости. Он участвовал почти во всех сражениях этой междоусобной войны. Начав службу в рядах волонтеров от штата Иллинойс, Смит под командованием генерала Гранта участвовал в осаде Коринфа, в сражениях при Падуке, Бельмонте, Порт-Гибсоне, Питтсбург-Лэндинге, Уилдернессе, на Блэк-ривер, Чаттануге и на Потомаке. Это был солдат, достойный своего генерала, который с гордостью говорил: «Я никогда не считаю убитых!» Сотни раз за это время Сайрес Смит мог оказаться в числе тех, кого не хотел пересчитывать грозный Грант, но судьба хранила его до той минуты, когда он был ранен и взят в плен на поле битвы под Ричмондом.

В тот же день и час вместе с Сайресом Смитом попал в плен к южанам еще один северянин. Это был не кто иной, как Гедеон Спилет – знаменитый корреспондент не менее знаме-

⁴ Генерал Грант (1822–1885) был главнокомандующим армией северян. В 1869–1872 годах он был избран президентом США.

нитой газеты «Нью-Йорк Геральд»⁵, который, сопровождая северную армию, передавал сообщения о ходе военных действий. Он принадлежал к числу тех замечательных английских или американских журналистов, которые ни перед чем не отступают и готовы рисковать даже собственной жизнью, чтобы получить точные сведения и сообщить их своей газете в кратчайший срок.

За время своей литературной деятельности Гедеон Спилет искалесил весь свет. Для него не было ничего невозможного, когда дело касалось его профессии, когда он знал, что может сообщить своей газете что-нибудь интересное. Одновременно солдат и художник, Спилет презирал опасность и ради удовлетворения своего профессионального любопытства готов был на все: он под градом пуль писал свои заметки и, не обращая внимания на свист ядер, опытной рукой чертил карандашом планы местности или делал зарисовки каких-нибудь характерных сцен.

⁵ «New York Herald» – «Нью-йоркский Вестник».

Как и Сайрес Смит, Спилет участвовал почти во всех сражениях и неизменно шел в первых рядах, с револьвером в одной руке и блокнотом в другой. Но он не перегружал телеграфные провода бесконечными депешами, как это часто делают корреспонденты, желающие наполнить газетные столбцы своими сообщениями. Каждая его заметка, краткая, ясная и конкретная, заслуживала самого серьезного внимания, освещала какое-нибудь важное событие и высоко ценилась редакцией. При этом ему не было чуждо и чувство юмора. Так, во время боя на Блэк-

ривер, желая сохранить свое место у телеграфного окошка для того, чтобы первым сообщить своей газете о результате битвы, Гедеон Спилет в течение двух часов диктовал телеграфисту главы из Библии. Это стоило «Нью-Йорк-Геральд» две тысячи долларов, но зато газета первой опубликовала известие об этом сражении.

Гедеон Спилет был человеком высокого роста, лет около сорока. Белокурые с рыжеватым отливом бакенбарды обрамляли его лицо, на котором выделялись спокойные, живые и очень зоркие глаза – это были глаза человека, привыкшего одним взглядом замечать до мельчайших подробностей все, что оказывалось в поле его зрения. Крепкое здоровье позволяло ему легко переносить всевозможные лишения, неизбежные при том образе жизни, который он вел.

Уже десять лет Гедеон Спилет работал постоянным корреспондентом «Нью-Йорк Геральд», посылая в редакцию не только свои статьи и сообщения, но и рисунки, потому что так же хорошо владел карандашом, как и пером. Перед тем как его взяли в плен, он как раз иллюстрировал одну из батальных сцен, а последними словами в его блокноте были: «Один из южан целится в меня и...» И Гедеон Спилет остался невредим, потому что и тут обычное счастье ему не изменило: он не получил даже царапины, потому что стрелок промахнулся.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет знали друг о друге только понаслышке в то время, когда в качестве пленников попали в Ричмонд. Инженер довольно быстро поправлялся от своей раны и во время выздоровления познакомился с журналистом. Новые знакомые очень понравились друг другу, вскоре эта симпатия превратилась в дружбу, чему немало способствовало их общий интерес при первом же удобном случае убежать из города, чтобы присоединиться к армии генерала Гранта. Однако случай этот все не представлялся. Пленники, правда, не были лишены некоторой свободы и могли разгуливать по всему городу, но Ричмонд так хорошо охранялся, что побег следовало рассматривать как нечто невозможное.

Спустя некоторое время в Ричмонд к Сайресу Смиту пробрался его слуга, преданный ему всей душой. Этот храбрый человек был негром, родившимся в поместье родителей инженера, его мать и отец были рабами, однако Сайрес Смит уже давно дал ему вольную, так как по своим убеждениям принадлежал к противникам рабства. Освобожденный невольник, впрочем, не воспользовался предоставленными ему правами и остался у своего хозяина, которого любил больше всех на свете. Это был мужчина лет тридцати, сильный, ловкий, умный, кроткий, подчас наивный, постоянно улыбающийся, послушливый и добрый. Его звали Навуходоносор, но длинное библейское имя было заменено более удобным для произношения и коротким: Наб.

Когда Наб узнал, что его хозяин ранен и взят в плен, то, недолго думая, ушел из Массачусетса, пробрался к Ричмонду и, пустив в дело всю свою хитрость и ловкость, рискуя собственной жизнью, в конце концов все-таки сумел проникнуть в осажденный город. Как же был удивлен и в то же время обрадован Сайрес Смит при виде своего слуги и каким восторгом светились при этом глаза преданного Наба – этого нельзя и выразить словами.

Но если Набу удалось пробраться в Ричмонд, то выбраться из него было гораздо труднее или, вернее, невозможно, потому что южане следили за каждым шагом пленников. Нужно было подождать стечения каких-нибудь особенно благоприятных обстоятельств, чтобы решиться на побег с некоторыми шансами на успех, но случай такой все не представлялся, да и едва ли можно было рассчитывать, что он когда-нибудь представится.

Между тем Грант продолжал все так же энергично вести свои наступательные действия, но южане защищались очень упорно. Победа под Питтсбургом обошлась ему очень дорого, а Ричмонд, несмотря на то, что к осаждавшей его армии Гранта присоединился еще и генерал Батлер со своими войсками, все еще не сдавался, и ничто пока не давало надежды на близкое освобождение пленников.

Гедеона Спилета бездеятельное и скучное пребывание в плену не только лишило возможности следить за ходом всех перипетий войны, но и не доставляло интересных материалов для

его блокнота, и он хотел любой ценой выбраться из Ричмонда и даже несколько раз пытался бежать, однако каждый раз его останавливали непреодолимые препятствия.

Между тем осада Ричмонда продолжалась, и если пленникам не терпелось убежать из Ричмонда, чтобы присоединиться к армии Гранта, точно так же желали выйти из города и многие из осажденных, чтобы стать в ряды армии южан. Больше всех мечтал об этом Джонатан Форстер, ярый сторонник отделения южных штатов. Дело в том, что не только пленникам нельзя было выбраться из Ричмонда, в том же положении находились и все горожане, и даже весь гарнизон осажденного города, как железным кольцом обложенного неприятелем, то есть войсками северян. Губернатор Ричмонда давно уже не получал никаких известий об армии генерала Ли, а между тем было крайне необходимо дать знать о печальном положении города и потребовать скорейшей присылки подкреплений. В это время Джонатану Форстеру пришла в голову мысль перелететь на аэростате за линию осады и таким образом добраться до лагеря южан.

Губернатор, конечно, охотно дал свое согласие на осуществление смелого проекта. В течение нескольких дней подготовили аэростат и предоставили его в распоряжение Джонатана Форстера, с которым выразили желание отправиться в воздушное путешествие еще пятеро южан. Они запаслись оружием на случай, если им придется защищаться, спустившись на землю, а также деньгами и провиантом, если их воздушное путешествие сверх ожидания затянется надолго.

Отправление шара было назначено в ночь на 18 марта, и воздухоплаватели рассчитывали, что небольшой северо-западный ветер поможет им через несколько часов добраться до штаба генерала Ли.

Но ожидавшийся на 18 марта попутный северо-западный ветер оказался совсем не простым ветром, как это предполагали накануне. Еще с самого утра появились все признаки начинаяющейся бури, а через несколько часов ураган был уже так силен, что Форстеру пришлось отложить на некоторое время свое путешествие, потому что разбушевавшаяся стихия грозила гибелью как воздушному шару, так и аeronавтам.

Аэростат, наполненный газом и надежно привязанный, находился на главной площади Ричмонда и был готов отправиться в путь, как только стихнет ветер. В городе все, конечно, очень интересовались отправлением воздушного шара и с нетерпением ждали, когда прекратится буря.

18 и 19 марта не принесли никаких изменений к лучшему в состоянии погоды, напротив, буря как будто бы даже еще усилилась, и большого труда стоило удерживать на привязи воздушный шар, который каждую минуту мог сорваться и улететь в пространство.

Прошла еще ночь. Утром 20 марта ураган продолжал свирепствовать. Об отправлении шара нечего было и думать.

Этот день, однако, ознаменовался чрезвычайно важным событием. Какой-то совершенно незнакомый Сайресу Смиту человек остановил его на улице. Это был моряк по имени Пенкроф, лет тридцати пяти – сорока, крепко сложенный, загорелый, с живыми, часто мигающими глазами на очень симпатичном и добром лице. Уроженец северных штатов, Пенкроф побывал во всех морях Старого и Нового Света и за время своих странствий испытал все, что только может вынести существо на двух ногах и без перьев. Следует добавить, что это был человек в высшей степени смелый и энергичный, ради достижения своей цели готовый на любой риск. В начале года Пенкроф по делам приехал в Ричмонд из Нью-Джерси вместе с пятнадцатилетним юношей, сыном его бывшего капитана, Гербертом Брауном, сиротой, которого он любил, как родного сына. Пенкрофу не удалось выехать из города до начала осады, и, таким образом, он тоже оказался в блокаде, к своему большому неудовольствию, и с этого самого момента задумал бежать из Ричмонда любым способом. Он тоже слышал о знаменитом инженере Сайресе Смите и знал, как тяготится каждой минутой, проведенной в плену, этот решительный

человек. Вот почему Пенкроф решил в этот день поговорить с инженером о том, что так интересовало их обоих.

– Мистер Смит, вам очень надоел Ричмонд?

Инженер пристально посмотрел на человека, задавшего ему этот странный вопрос. Тот, не смущаясь, продолжал, понизив голос:

– Мистер Смит, вы хотите бежать?

– Когда? – быстро спросил инженер.

Вероятно, такой вопрос вырвался у него невольно, потому что он еще не успел хорошо рассмотреть незнакомца, предлагавшего ему бежать. Но, всмотревшись проницательным взглядом в честное лицо собеседника, Сайрес Смит уже не сомневался, что видит перед собой не шпиона, а человека, которому можно довериться.

– Кто вы такой? – отрывисто спросил он.

Пенкроф отрекомендовался.

– Хорошо! – ответил Сайрес Смит. – А каким способом вы предлагаете мне бежать?

– А очень просто. При помоши вон того лентяя-шара, который болтается там без толку и как будто только нас с вами и дожидается!..

Моряку не нужно было пояснить свою идею. Инженер все понял с первого слова и, схватив Пенкрофа за руку, повел его к себе. Там Пенкроф подробно изложил свой план, в сущности, оказавшийся очень простым. В случае неудачи они рисковали только своей жизнью. Ураган свирепствовал, это правда, но такой ловкий и смелый инженер, как Сайрес Смит, сумеет, наверное, справиться с аэростатом. Если бы Пенкроф умел управлять воздушным шаром, он,

не задумываясь, отправился бы на нем и не один, а с Гербертом, конечно. Он и не такое видел на своем веку, и неужели ему надо бояться урагана?

Сайрес Смит слушал моряка не перебивая, но глаза его лихорадочно блестели. Удобный случай, которого он так долго ждал, наконец представился, а Сайрес Смит был не такой человек, чтобы им не воспользоваться. Проект Пенкрофа, правда, очень опасен, но в том, что он предлагает, нет ничего невозможного. Ночью, несмотря на бдительность охраны, им, вероятно, удастся незаметно пробраться к аэростату, забраться в корзину и перерезать канаты... Конечно, они рискуют быть убитыми, но, с другой стороны, им может и посчастливиться, и если бы не эта буря... Но если бы не эта буря, аэростат давно бы улетел, и так давно ожидаемая возможность не представилась бы.

— Я не один!.. — сказал Сайрес Смит.

— Сколько же человек хотите вы взять с собой? — спросил Пенкроф.

— Двоих: моего друга Гедеона Спилета и слугу Наба.

— Значит, вас трое, — сказал Пенкроф, — а с Гербертом и со мной будет пятеро... Ну, а так как на шаре должны были подняться шестеро...

— Довольно. Мы летим! — воскликнул Сайрес Смит.

Под словом «мы» следовало подразумевать и журналиста, но Гедеон Спилет был не из тех людей, которые из-за возможной опасности отказываются от своих намерений, и, когда ему рассказали о плане Пенкрофа, он одобрил его безоговорочно. При этом он только выразил удивление, как такая простая мысль до сих пор не пришла в голову ему самому. Что касается Наба, то его и спрашивать было незачем: он торжественно объявил, что готов следовать за своим господином куда угодно и на чем угодно.

— Итак, сегодня вечером, — сказал Пенкроф, — мы все впятером будем разгуливать вокруг шара в качестве любопытных!..

— Сегодня вечером, в десять часов, — ответил Сайрес Смит. — Только бы буря не утихла до тех пор!..

Пенкроф простился с инженером и отправился домой, где оставался молодой Герберт Браун. Смелый мальчик, конечно, знал о намерениях моряка и не без некоторой тревоги ожидал результатов его переговоров с инженером. Да, эти пять человек, собирающиеся подняться на аэростате в такую страшную бурю, и в самом деле были людьми, не знающими страха...

Желание пленников исполнилось, ураган не прекращался, и Джонатан Форстер со своими компаниями не мог даже подумать подняться в воздух в тростниковой корзине под воздушным шаром. Погода в этот день была ужасной. Сайрес Смит боялся только, чтобы аэростат, привязанный канатами и метавшийся из стороны в сторону, то поднимаясь кверху, то пригибаясь к земле, не разорвался на тысячу кусков. Несколько часов бродил он по почти пустой площади, наблюдая за шаром. Пенкроф, засунув руки в карманы и часто зевая, как человек, который не знает, как убить время, разгуливал по противоположной стороне площади и также внимательно следил за шаром, боясь, что он лопнет или сорвется с привязи и исчезнет в облаках.

Наконец наступил вечер, а следом за ним и ночь, темная и сырья. Густые клубы тумана, окутывающие весь Ричмонд, словно облака, висели над самой землей. Шел дождь со снегом, и было довольно холодно. Казалось, буря вынудила осаждающих и осажденных заключить перемирие, и пушки решили умолкнуть, внимая завываниям урагана. На улицах не было ни души. И в самом деле, едва ли была необходимость в такую ужасную погоду охранять площадь, посередине которой отчаянно бился шар.

Все благоприятствовало бегству пленников, но каким будет путешествие в такую бурю?!

— Вот так погодка! — ворчал Пенкроф, покрепче нахлобучивая шляпу, которую срывало ветром. — Но это ничего не значит, мы справимся...

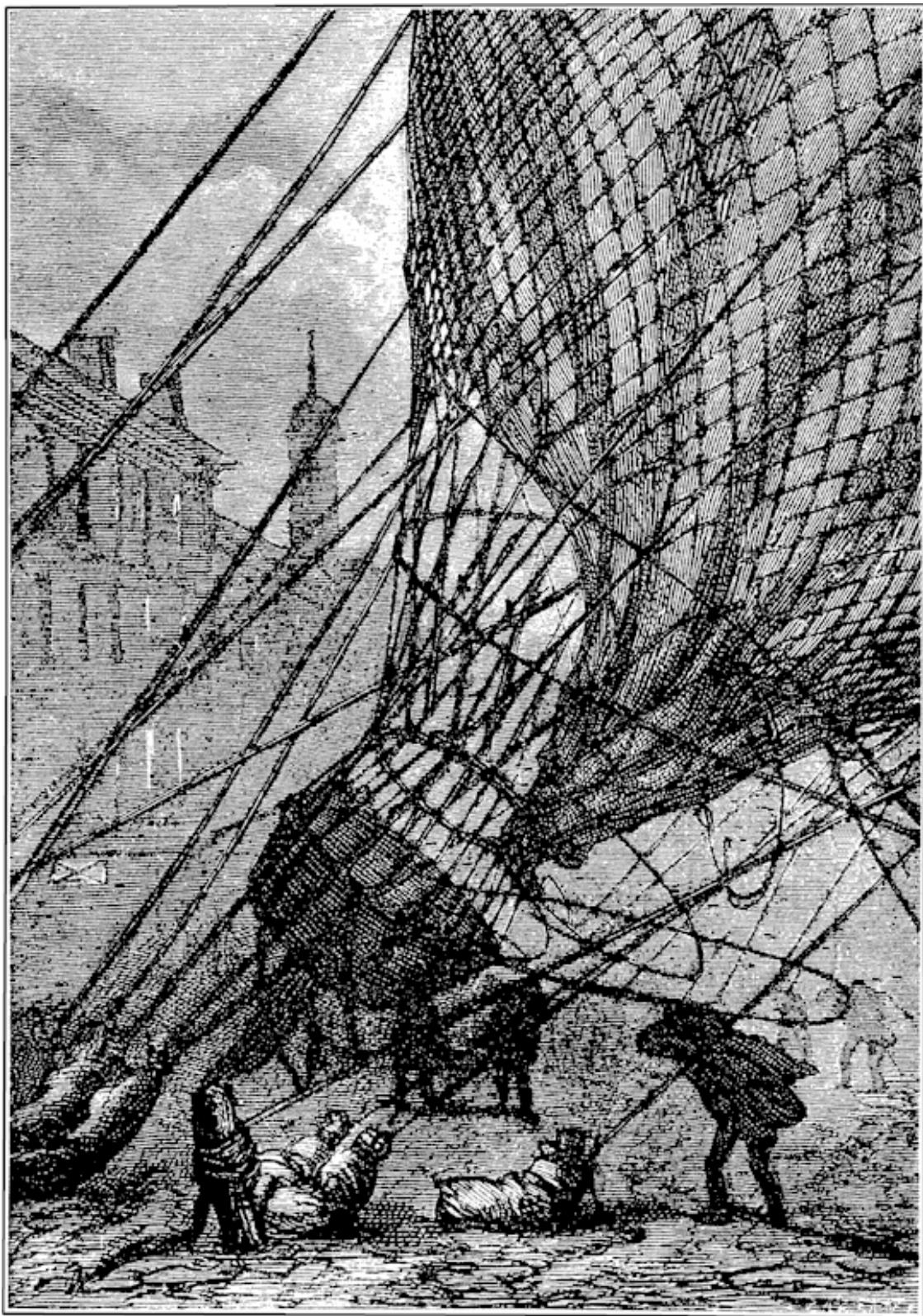
В половине десятого Сайрес Смит и его спутники с разных сторон пробирались на площадь, погруженную в глубокую темноту, так как газовые фонари задуло сильным ветром. С трудом можно было рассмотреть огромный аэростат, который ветром совсем пригнуло к земле. Кроме тяжелых мешков с балластом, привязанных веревками к сетке, корзина удерживалась еще толстым канатом, прикрепленным к железному кольцу на тротуаре.

Пятеро пленников подошли к шару. Их никто не заметил, впрочем, было так темно, что они и сами едва видели друг друга.

Не говоря ни слова, Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Наб и Герберт заняли места в корзине, а Пенкроф по приказанию инженера начал поочередно отвязывать мешки с балластом. Он быстро закончил свою работу и присоединился к своим товарищам. Теперь аэростат держался всего на одном канате, и Сайресу Смиту оставалось только отдать приказ к отлету.

Вдруг какая-то собака одним прыжком вскочила в корзину. Это был Топ, любимец инженера, сорвавшись с цепи, он прибежал по следам своего хозяина. Сайрес Смит, нарочно оставивший собаку дома, чтобы не перегружать шар, хотел выбросить бедное животное за борт.

– Ба! Одним больше! – проговорил Пенкроф, выбрасывая из корзины два мешка с песком.

Вслед за этим моряк отвязал канат, и аэростат рванулся вверх, зацепив корзиной и разрушив две трубы.

В это время ураган достиг, казалось, максимума своей ярости. В течение всей ночи инженер даже и не думал о том, чтобы открыть клапан и спуститься, а когда наконец рассвело, земля была уже закрыта туманом. И лишь спустя почти пять суток, когда ураган начал поне-

многу утихать и небо прояснилось, они увидели безбрежное море под аэростатом, который ветер увлекал за собой с ужасающей скоростью.

Но из пяти человек, отправившихся на аэростате вечером 20 марта, всего четверо были выброшены 24 марта на пустынное побережье более чем в шести тысячах миль от Ричмонда⁶.

Пятый астронавт, который исчез так неожиданно и на помощь к которому спешили четверо его товарищей, оставшиеся в живых, был не кто иной, как знаменитый инженер Сайрес Смит.

⁶ Ричмонд 5 апреля сдался генералу Гранту, и сепаратистским устремлениям южан нанесен был страшный удар; Ли отступил со своими войсками к западу, и хотя война еще продолжалась, в ее исходе уже никто не сомневался: Север победил Юг.

Глава третья

Пять часов вечера. – Отчаяние Наба. – Поиски на севере. – Островок. – Тревожная ночь. – Утренний туман. – Наб плывет. – Земля. – Вброд через пролив.

Вероятно, сетка разорвалась как раз в том месте, где за нее держался инженер, и поэтому он упал в море. Его собака тоже исчезла. Верный Топ в ту же минуту бросился на помощь к своему хозяину.

– Вперед! – крикнул журналист.

И все четверо – Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб, – несмотря на страшную усталость и полное истощение сил, отправились на поиски.

Бедный Наб плакал, как ребенок, при мысли, что он потерял самого дорогого человека на свете.

С момента исчезновения Сайреса Смита до высадки путешественников на землю, не прошло и двух минут. Это давало надежду, что они успеют вовремя прийти ему на помощь.

– Ищите, ищите! – кричал Наб.

– Да, Наб, будем искать, – ответил Гедеон Спилет, – и мы его найдем!

– Живым?

– Живым!

– А он умеет плавать? – спросил Пенкроф.

– Да, – ответил Наб. – И кроме того, с ним Топ!..

Моряк, слыша рев бушующего океана, только покачал головой.

Инженер исчез у северной стороны берега, приблизительно в полумиле от того места, где высадились на землю его спутники. Если ему удалось достичь ближайшей суши, то искать его следовало не дальше полумили от места высадки.

Было около шести часов. Поднялся туман, и ночь от этого казалась еще темнее. Аэронасты направились к северу вдоль западного берега этой неизвестной им земли, на которую их забросила судьба. Они шли по песку, усеянному мелкими камнями и изрытому ямками, из которых при приближении людей высекали большие неуклюжие птицы, с громкими криками разлетавшиеся в стороны от опасного соседства. Ближе к берегу ютились гнезда других, более проворных птиц, которые вспархивали стайками и с пронзительными криками носились взад и вперед над головами людей. Пенкроф сказал, что это поморники и чайки, которые любят устраивать гнезда как можно ближе к воде.

Время от времени Спилет и его спутники останавливались и кричали, надеясь, что услышат ответ на свои призывные крики. Они рассчитывали, что если инженер недалеко и не в состоянии отозваться, то за него должен ответить громким лаем Топ, который наверняка находится рядом со своим хозяином. Но ни крика, ни лая в ответ, слышались только пронзительные крики встревоженных птиц, шум волн и неумолчный рокот прибоя. И они снова шли вперед, тщательно осматривая побережье.

Минут через двадцать им вдруг пришлось остановиться – перед ними бушевал океан. Они очутились на конце острого мыса, о который яростно разбивались огромные волны.

– Это мыс, – сказал Пенкроф. – Нам придется вернуться назад, держась правой стороны, и таким образом мы снова выберемся на материк.

– А вдруг он там! – возразил Наб, показывая рукой на океан, белеющий во мраке гребешками волн.

– Ну, так давайте кричать!

И все четверо в один голос принялись громко кричать, но на крики никто не отозвался. Они немного помолчали и затем закричали снова. Опять никакого ответа.

Они решили вернуться и пошли по правой стороне мыса по такой же песчаной почве, усеянной камнями. Пенкроф, впрочем, заметил, что берег становится круче, и на этом основании решил, что они идут к высокому косогору, который, по его словам, смутно обрисовывался в темноте. Птиц на этой части берега было гораздо меньше. Море тоже, казалось, здесь волновалось гораздо меньше, не так бурлило, и даже высота волн была значительно ниже. Шум прибоя был чуть слышен. Вероятно, эта сторона мыса образовывала полукруглую бухту, которую выдававшийся в море мыс защищал от ярости волн.

Но следовать в этом направлении означало идти к югу, то есть в сторону, противоположную той части берега, к которой мог приплыть Сайрес Смит. Пройдя приблизительно еще полторы мили, путники заметили, что берег все еще уклоняется влево, поэтому они и не могут повернуть к северу. Но рано или поздно, а все-таки они дойдут до того места, где этот мыс связывается с материком, и четверо потерпевших крушение, несмотря на сильную усталость, все еще храбро шли вперед в надежде, что длинная полоска земли наконец повернет на север.

Каково же было их разочарование, когда, пройдя еще около двух миль, они оказались на довольно высокой скале и снова увидели впереди море.

— Мы на островке, — заявил Пенкроф, — и уже успели обойти его кругом!

Замечание моряка было верно. Воздухоплаватели были выброшены не на континент и даже не на остров, а на маленький островок длиной не больше двух миль и очень незначительный шириной.

Теперь осталось только решить, является ли этот пустынный островок частью какого-нибудь архипелага или же уединенно лежит посреди океана. Ответ на этот вопрос представлялся довольно затруднительным – с воздушного шара аeronавты видели только полосу земли, окутанную туманом, но тогда им было ни к чему ее рассматривать. Впрочем, Пенкроф уверял всех, что своими зоркими глазами старого морского волка, привыкшими к темноте, он видит на западе очертания какой-то большой массы, очень похожей на высокий берег. К несчастью, было так темно, что не только никто из спутников Пенкрофа, но даже и он сам не мог подтвердить справедливость этого утверждения. Впрочем, если там на самом деле есть земля, они все равно не могут сейчас перебраться на нее. Но это ничего не значит: переночевать можно и здесь, их огорчает не это, а необходимость отложить до утра поиски инженера, о судьбе которого им до сих пор ничего не известно.

– Молчание Сайреса Смита ничего не доказывает, – сказал журналист. – Может быть, он сильно ушибся и лежит где-нибудь на берегу без сознания, поэтому и не в состоянии отзоваться на наши крики... Не надо только терять надежду!..

И Гидеон Спилет предложил товарищам развести костер на каком-нибудь высоком месте, который мог бы послужить инженеру сигналом. Но это не удалось сделать, потому что на всем островке не оказалось ни одного деревца, ни одного кустика... Только песок и камни... больше ничего.

Нечего, конечно, и говорить, как были огорчены Наб и все остальные неожиданным исчезновением инженера, потому что каждый из них успел по достоинству оценить того, кого они лишились при таких ужасных обстоятельствах, и привязаться к нему. Но – увы! – несмотря на все их желание, они ничем не могли помочь ему в эту минуту. Приходилось ждать рассвета. Если Сайресу Смиту удалось спастись, он, наверное, нашел убежище где-нибудь на берегу, а если нет... Неужели он погиб?!

Ночь была печальной, очень холодной и длинной, бесконечно длинной... Измученные, продрогшие, голодные, они жестоко страдали, но как будто ничего не чувствовали и совсем не думали об отдыхе. Забывая о себе, они думали только о пропавшем инженере и надеялись или, по крайней мере, хотели надеяться, что он еще жив, что они его еще увидят... Всю ночь ходили они вперед и назад по бесплодному островку, постоянно возвращаясь к его северной оконечности, которая была все-таки ближе к тому месту, где произошла печальная катастрофа. Они кричали, прислушивались, опять кричали... Голоса их были слышны на довольно значительном расстоянии, потому что в это время в воздухе наступало относительное спокойствие, и шум моря постепенно утихал к рассвету.

На один из криков Наба им как будто бы ответило эхо. Герберт обратил на это внимание Пенкрофа, сказав:

– Это доказывает, что на западе, недалеко от нас, есть земля.

Моряк молча кивнул головой в знак согласия. Он очень доверял своим глазам, и если он, хотя и очень смутно, видел землю, значит, она действительно была там, где он ее видел.

Но это отдаленное эхо было единственным ответом на все крики Наба, больше они не слышали ничего, кроме неумолкающего рокота моря.

Между тем небо постепенно очищалось. К полуночи кое-где показались звезды, и, если бы инженер был вместе с ними, он наверняка заметил бы, что эти звезды не те, что светят в северном полушарии. На небосклоне не было видно Полярной звезды, а вместо нее ярко сиял Южный крест. Остальные созвездия тоже резко отличались от созвездий Северного полушария.

Наконец наступило утро 25 марта. Около пяти часов на небе появились светлые полосы. Но горизонт все еще оставался темным, потому что с первыми проблесками рассвета с океана поднялся густой туман, который сгущался все сильнее, непроницаемой пеленой окружая островок. Это было большим несчастьем. Из-за тумана они ничего не могли различить на рас-

стоянии двадцати шагов. Наб и Гедеон Спилет не сводили глаз с океана, но, конечно, ничего не видели. Так же неудачно Герберт и Пенкроф искали землю на западе, но тоже ничего не замечали из-за тумана.

– Все равно, – сказал наконец Пенкроф, – если я и не вижу землю, я ее чувствую… Она там… Там… Это так же верно, как и то, что мы уже не в Ричмонде!

Вскоре туман начал рассеиваться. Это была обыкновенная утренняя дымка, точный признак хорошей погоды. Яркое солнце согревало верхние слои воздуха, и его тепло проникало к поверхности островка. К половине седьмого утра, через три четверти часа после восхода солнца, туман стал прозрачнее. Вскоре показался весь островок, словно сбросивший с себя облако, постепенно очищалось по кругу и море, безбрежное к востоку и ограниченное на западе высоким и обрывистым берегом.

Да! Там земля. Там спасение, по крайней мере, хотя бы на некоторое время. Островок отделялся от берега небольшим проливом в полмили шириной, с быстрым и шумным течением.

Вдруг один из находившихся на островке людей, не говоря ни слова своим товарищам и следуя только влечению своего преданного сердца, бросился в воду и поплыл к противоположному берегу. Это был Наб. Ему не терпелось попасть на тот берег, чтобы пройти по нему к северу. Никто не мог бы его удержать. Пенкроф, впрочем, звал его назад, но негр даже не обернулся. Спилет хотел последовать за ним, но Пенкроф вовремя успел остановить его:

– Вы тоже хотите переплыть пролив?

– Да, – ответил Гедеон Спилет.

– Подождите немного, послушайте меня, – сказал ему Пенкроф. – Наба и одного будет достаточно, чтобы помочь своему хозяину. Если мы пустимся за ним через пролив, нас унесет течением в открытый океан… Разве вы не видите, как быстро несется вода?.. Если я не ошибаюсь, это начинается отлив… Вода заметно убывает. Потерпите немного, и, когда отлив кончится, мы, вероятно, найдем брод…

– Вы правы, – ответил журналист. – Будем держаться вместе, насколько возможно…

Тем временем Наб боролся с течением, пересекая пролив наискось. Видно было, как его черные плечи показывались над водой при каждом взмахе рук. Сильное течение относило его в сторону, несмотря на это, он все-таки приближался к берегу. Ему потребовалось, впрочем, больше получаса, чтобы проплыть полмили, и он подплыл к берегу намного ниже того места, против которого бросился в воду.

Наб вышел на берег у подножия высокой гранитной стены, энергично отряхнулся, потом он быстро побежал и исчез за выступом скалы, которая выдавалась в море почти против северной оконечности островка.

Спутники Наба с тревогой наблюдали за смелым негром. Когда он скрылся из виду, они перевели глаза на землю, где рассчитывали найти убежище и, главное, пищу более питательную, чем раковины, которыми был усеян песок. Впрочем, за неимением лучшего они безропотно довольствовались этими раковинами.

Привоположный берег образовывал обширную бухту, оканчивающуюся на юге очень острым выступом, лишенным всякой растительности и казавшимся очень пустынным. К северу, наоборот, бухта расширялась полукругом, тянувшимся с юго-запада на северо-восток и оканчивавшимся продолговатым мысом. Расстояние между этими двумя крайними точками, на которые опиралась дуга бухты, составляло приблизительно восемь миль. В полулиле от противоположного берега островок, на котором они находились, тянулся узкой полосой и казался увеличенным островом громадного китообразного. В самом широком месте он имел не больше четверти мили.

С островка виднелась только небольшая часть этой неизвестной земли. На первом плане песчаное побережье было покрыто небольшими темными скалами, которые в это время посте-

пенно обнажались вследствие начавшегося отлива. Дальше, на втором плане, выделялось нечто вроде гранитного вала высотой не меньше трехсот футов, заостренного кверху и увенчанного гребнем причудливой формы. Этот вал тянулся на расстояние около трех миль, с правой стороны он неожиданно обрывался, оканчиваясь отвесной стеной, которая казалась отесанной руками человека. Слева, над мысом, эта стена разветвлялась на множество отрогов призматической формы, которые шли, постепенно понижаясь и соединяясь продолговатой грядой с утесами южной оконечности бухты.

На верхнем плато не было ни одного деревца. Это было обнаженное плоскогорье, вроде вершины Столовой горы, возвышающейся над Капшадтом на мысе Доброй Надежды, но только гораздо меньших размеров. По крайней мере, так казалось с островка. Но зато кругом не было недостатка в зелени. Без труда можно было различить очертания высоких деревьев, сливавшихся в необозримые леса, которые тянулись до самого горизонта.

Наконец на самом заднем плане, выше плато, в северо-западном направлении, на расстоянии не меньше семи миль сияла белая вершина, освещенная солнечными лучами. Это была снежная шапка, украшавшая далекую гору.

Глядя с островка, нельзя было определить, что это за земля: часть материка или большой остров. Но геолог по одному только виду этих беспорядочно нагроможденных скал, не задумываясь, сказал бы, что эта земля вулканического происхождения и все эти скалы – продукт работы подземных сил.

Гедеон Спилет, Пенкроф и Герберт внимательно рассматривали землю, где им, возможно, придется жить долгие годы и, может быть, даже умереть, если это остров, лежащий в стороне от морских дорог.

– Ну, – спросил Герберт, – что ты об этом думаешь, Пенкроф?

– Ну, – в тон ему отвечал моряк, – здесь есть и плохое и хорошее, как это, впрочем, всегда бывает. Поживем – увидим. Однако отлив становится все заметнее. Через три часа можно будет попробовать перебраться на ту сторону, и, конечно, прежде всего мы примемся за поиски мистера Смита.

Пенкроф не ошибся в своих предположениях. Через три часа наступил полный отлив, и частично обнажилось песчаное дно пролива. Между островком и берегом оставался лишь узкий ручей, через который они, конечно, легко переправятся.

И в самом деле часов около десяти Гедеон Спилет и двое его товарищей сняли с себя одежду, связали ее в узлы и, положив их на головы, пошли через ручей, глубина которого не превышала пяти футов. Герберт, для которого это было много, плавал, как рыба, и за него бояться было нечего. За несколько минут все трое перебрались на противоположный берег. Жаркое солнце быстро их обсушило, они оделись и стали совещаться, кому и куда идти на поиски исчезнувшего инженера, о котором до сих пор они не имели никаких известий.

Глава четвертая

Литодомы. – Устье реки. – Гроты. – Поиски продолжаются. – Лес. – Заготовка топлива. – Ожидание отлива. – Сплав леса. – Возвращение на берег.

Прежде всего Спилет захотел один пойти на разведку, договорился с Пенкрофом, что тот будет на этом же месте дожидаться его возвращения, и, не теряя ни минуты, быстро пошел по берегу в том направлении, в котором несколько часов тому назад бежал Наб. Вскоре он исчез за скалами.

Герберт тоже хотел идти вместе с ним, но Пенкроф его удержал.

– Останься, мальчик, – сказал он, – нам надо устроить лагерь и, кроме того, поискать какую-нибудь более вкусную и питательную еду, чем эти жалкие ракушки. Наши друзья вернутся голодными, и мы должны добыть им что-нибудь, чем они могли бы подкрепиться... Каждому свое дело.

– Я согласен, Пенкроф, – ответил Герберт.

– Отлично! – продолжал моряк. – У нас дело пойдет на лад. Будем действовать систематически. Мы устали, замерзли и чертовски проголодались. Поэтому нам нужно отыскать пристанище, развести огонь и добыть пищу. В лесу есть дрова, в гнездах есть яйца, остается найти дом.

– Хорошо, – сказал Герберт. – Я поишу пещеру в этих утесах. В конце концов, я, наверное, найду какую-нибудь нишу, в которой нам можно будет укрыться!

– Отлично, – опять проговорил Пенкроф. – Идем, мой мальчик.

И они двинулись вдоль огромной каменной стены по песчаному берегу, значительно обнажившемуся после отлива. Но вместо того чтобы идти к северу, они направились к югу. Пенкроф заметил, что в нескольких сотнях шагов ниже того места, где они высадились, берег образует узкую расщелину, которая, по его мнению, должна была служить устьем реки или ручья. С одной стороны, важно было поселиться поблизости от воды, пригодной для питья, а с другой, он предполагал, что течение могло занести Сайреса Смита в эту сторону.

Стена достигала трехсот футов высоты, но ни вверху, ни внизу у подножья стены не видно было ни малейшей расщелины, которая могла бы послужить временным приютом для потерпевших крушение. Это была отвесная стена из твердого гранита, которую не победила еще всесокрушающая сила волн прилива. Над вершиной ее парило множество водяных птиц, в основном перепончатопалых, с длинным, но узким и острым клювом. Эти крикливы птицы, по-видимому, совсем не были испуганы появлением людей, которые, без сомнения, впервые проникли в их владения. Рассматривая птиц, Пенкроф узнал в них старых знакомых – поморников, которых часто называют «морскими разбойниками», и маленьких прожорливых чаек, гнездящихся в углублениях гранита.

Выстрел из ружья, направленный в середину этой стаи птиц, уложил бы, наверное, целую дюжину сразу, но, для того чтобы выстрелить из ружья, нужно иметь ружье, а ни у Пенкрофа, ни у Герberта его не было. Впрочем, они не особенно огорчались, так как поморники и чайки совершенно не съедобны, и даже их яйца имеют отвратительный вкус.

Герберт отошел немного дальше влево и там заметил несколько утесов, покрытых водорослями, которые еще несколько часов тому назад были покрыты водой. Здесь на скалах среди скользких водорослей виднелись тысячи двухстворчатых раковин, которыми не могли пренебречь голодные люди. Герберт позвал Пенкрофа, и тот сейчас же подбежал к нему.

– Э! Да это устрицы! – воскликнул моряк. – Вот чем мы заменим птичьи яйца!

– Это не устрицы, – возразил Герберт, внимательно осматривая моллюсков, прилепившихся к скалам, – это литодомы.

– А их едят? – спросил Пенкроф.

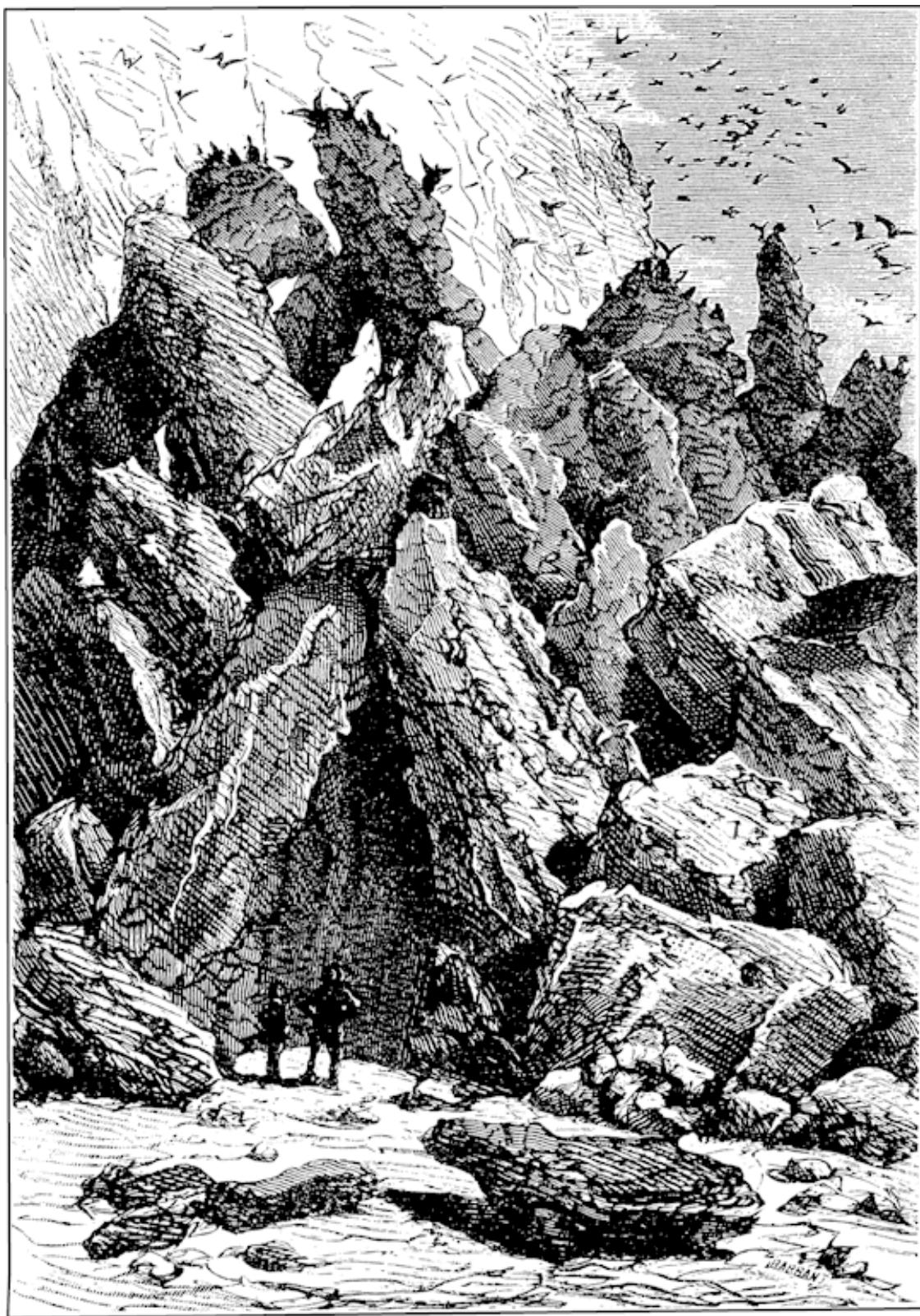
– Еще как!

– Ну, тогда будем есть литодомы.

Пенкроф мог поверить Герберту на слово. Юноша был очень силен в естественной истории и, кроме того, с подлинной страстью любил эту науку. Его отец всегда поощрял наклонности мальчика и дал ему возможность прослушать лекции лучших профессоров в Бостоне, которые очень хорошо отзывались об умном и трудолюбивом юноше. Довольно обширные знания Герberта как в зоологии, так и в ботанике впоследствии не раз пригодились ему и его товарищам.

Раковины литодомов имели продолговатую форму и целыми гроздьями прилеплялись к скалам. Они принадлежат к породе сверлящих моллюсков, пробуравливающих отверстия в самых твердых горных породах. Раковины литодом закруглены с обоих концов, что отличает их от раковин других съедобных улиток.

Пенкроф и Герберт основательно закусили литодомами, раковины которых раскрылись под действием солнечного тепла. Они ели их живыми, как едят устрицы. Моллюски имели горьковатый привкус, как будто были сильно посыпаны перцем, поэтому ни Пенкроф, ни Герберт не пожалели о том, что у них нет перца или каких-нибудь других острых приправ. Литодомы утолили только голод, но не жажду, которая еще больше усилилась благодаря пряному вкусу моллюсков. Надо было как можно скорее найти пресную воду, которой не может не быть в этой причудливой местности. Однако сначала Пенкроф и Герберт запаслись литодомами, наполнив ими свои карманы, кроме того, каждый завязал еще по хорошей порции моллюсков в свой носовой платок. После этого они пошли к подножью горы.

Сделав не больше двухсот шагов, они добрались до того ущелья, где, по мнению Пенкрофа, должна была протекать хотя бы маленькая, но многоводная речка, и он не ошибся. В этом месте стена точно раздвигалась надвое, давая место небольшой расщелине, углубление которой образовывало довольно острый угол. Ширина реки, бежавшей к морю по этому ущелью, была около ста футов, отвесные гранитные берега поднимались с обеих сторон не больше чем

на двадцать футов и шли, понижаясь, внутрь материка. Дальше поток резко сворачивал в сторону и исчезал в лесу на расстоянии полумили.

— Здесь вода, там в лесу топливо! — сказал Пенкроф. — Ну, Герберт, теперь нам не хватает только дома!

Вода в речке была чиста и прозрачна. Пенкроф попробовал воду и убедился в том, что во время отлива, когда море отходит от берегов, вода в устье реки совершенно пресная.

Утолив жажду, Герберт снова принял разыскивать какую-нибудь впадину, которая могла послужить хотя бы временным убежищем, но поиски его не увенчались успехом, — отвесные стены не имели ни одного углубления. Но зато у самого устья реки, немного выше линии прилива, груда обвалившихся скальных обломков образовала огромное отверстие, очень похожее на систему гротов.

Пенкроф и Герберт углубились довольно далеко между скал по усыпаным песком узким проходам, куда свет свободно проникал в отверстия между неплотно прилегавшими гранитными обломками, некоторые из них держались на весу только каким-то чудом. Вместе со светом туда врывался и ветер — настоящий сквозняк, приносивший снаружи резкий холод. Несмотря на такие неудобства, Пенкроф решил, что если заделать кое-какие отверстия смесью камней с песком, то можно будет приспособить эти гроты для жилья. Геометрический план гротов имел вид типографского знака &, который означает сокращенное *et caetera*⁷. Если отдельить верхний завиток этого знака, через который, собственно, и врывался юго-западный ветер, удастся, вероятно, воспользоваться остальной частью помещения.

— Это как раз то, что нам нужно, — сказал Пенкроф, — и если мы когда-нибудь снова увидим мистера Смита, он сумеет извлечь пользу из этого лабиринта.

— Мы обязательно увидим его, Пенкроф, — вскричал Герберт. — Нам нужно только устроить здесь к его возвращению удобное жилище. Оно будет довольно сносным, если нам удастся сложить очаг в левом проходе, оставив небольшое отверстие для выхода дыма.

— Конечно, удастся, мой мальчик, и гроты, — Пенкроф сохранил это название за их временным убежищем, — будут для нас отличным жильем. Но сначала поищем топливо. Кроме того, дерево понадобится нам еще и для того, чтобы заделать эти отверстия, через которые дует такой дьявольский ветер.

Герберт и Пенкроф вышли из Гротов и, обогнув скалу, стали подниматься по левому берегу реки. Течение было довольно быстрым, и по воде несло сухие сучья. Прилив, — а он уже начинался, — должен был сильно поднять уровень воды в реке и притом на довольно значительное расстояние. А если это так, то понижением или повышением уровня воды в реке во время приливов и отливов можно будет пользоваться для сплава леса.

Примерно через четверть часа Пенкроф с Гербертом дошли до того места, где река делала крутой поворот влево и дальше текла уже среди густого леса. Несмотря на позднюю осень, деревья все еще стояли зелеными, потому что принадлежали к породе хвойных, различные виды которых распространены по всему земному шару, от северных широт до тропиков. Юный натуралист обратил внимание своего спутника на широко распространенный в Гималаях вид *Deodars*, распространявших приятный смоляной запах. Тут же отдельными группами попадались сосны-великаны, зонтиками раскинувшие свои зеленые кроны. Под ногами у путников в высокой траве трещали сухие ветки, от залежей которых некому было расчищать этот девственный лес.

— Слышишь, как трещат, мой мальчик, — сказал Пенкроф. — Хотя я и не знаю, как называются эти деревья, но зато прекрасно знаю, что все они годятся на дрова, а сейчас нам только такие и нужны.

— Давай соберем их побольше! — ответил Герберт и сразу же принялся за работу.

⁷ В переводе с латинского означает «и так далее».

Работа была нетрудной; им не пришлось даже ломать ветки на деревьях, потому что очень много сухого хвороста валялось у них под ногами. Но если собирать его было легко, то перевозить к месту назначения оказалось не на чем, а дров нужно запастися много, потому что сухие ветки горят быстро. Однако Герберт заметил, что вдвоем они не успеют натаскать достаточно дров в Гrotы.

— Верно, мой мальчик, — ответил Пенкроф. — Надо придумать способ переправить эти дрова. Придется хорошенъко поработать головой! Будь у нас тележка или лодка, тогда не о чем было бы и разговаривать.

— А на что же здесь течет река?! — сказал Герберт.

— Верно, — обрадовался Пенкроф. — Река заменит нам и телегу и лошадь... Недаром же старые люди придумали сплавлять лес по воде.

— Одно только нехорошо, — заметил Герберт. — Сейчас наша лошадь бежит не туда, куда нам нужно: начался прилив и гонит воду от устья в верховье реки.

— Это ничего не значит! Нам придется только подождать, пока вода не начнет спадать, — возразил моряк, — и тогда отлив доставит наши дрова как раз к Гrotам. А пока будем готовить плот.

Вслед за этим они вернулись к тому месту, где река сворачивала под углом в сторону. Каждый из них нес по вязанке хвороста. Свалив свою ношу, они принялись собирать валежник возле берега реки, где в густой траве тоже валялось множество сухих веток. Когда было собрано достаточно хвороста, Пенкроф начал устраивать плот.

В образованном береговым выступом небольшом затоне, где тихо стояла вода, Пенкроф с Гербертом спустили на воду несколько довольно толстых сухих сучьев, которые Пенкроф с ловкостью старого матроса крепко-накрепко связал сухими лианами. Получилось нечто вроде небольшого плота, на который затем равномерно разложили весь собранный хворост, примерно двадцать вязанок. Через час работа была окончена, и плот, привязанный к берегу, дождался только начала отлива.

До отлива оставалось еще несколько часов, и Пенкроф с Гербертом решили воспользоваться этим временем для того, чтобы добраться до верхнего плато и осмотреть окрестности с более высокого места.

Не больше чем в двухстах шагах от поворота реки стена оканчивалась кучей камней, отлого спускаясь к опушке леса, образуя как бы естественную лестницу. С этого места Герберт и Пенкроф и начали свое восхождение. Через несколько минут они уже добрались до вершины плато и подошли к краю выступа, возвышавшегося над устьем реки.

Прежде всего они взглянули на океан, через который перелетели на аэростате. С волнением смотрели они на северную часть побережья, где произошла катастрофа, сопровождавшаяся исчезновением Сайреса Смита. Не было видно никаких остатков воздушного шара, за которые мог бы уцепиться человек, — ничего, только безбрежная водяная пустыня. На берегу тоже никого не было. Ни Гедеон Спилет, ни Наб еще не показывались, возможно, они находились слишком далеко от зрителей, которые осматривали окрестности невооруженным глазом.

— Что-то говорит мне, — заметил Герберт, — что такой энергичный человек, как мистер Сайрес, не мог утонуть. Он должен был доплыть до берега. Правда, Пенкроф?

Моряк печально покачал головой. Он уже не надеялся увидеть когда-нибудь Сайреса Смита, но, не желая разочаровывать Герберта, сказал:

— Конечно, правда! Наш инженер такой человек, который сумеет справиться с трудностями там, где любой другой наверняка бы погиб!

Говоря это, Пенкроф одновременно внимательно осматривал берег. Перед его глазами расстипалось песчаное побережье, окаймленное справа от устья линией утесов. Эти утесы, все еще не покрытые водой, походили на группу амфибий, отдыхавших в прибоем. Дальше, за грядой рифов, море сверкало под лучами солнца. На юге острый мыс закрывал горизонт, и

поэтому нельзя было узнатъ, продолжается ли земля в этом направлении или же она сворачивает на юго-восток и на юго-запад. В последнем случае эта часть земли имела бы вид очень удлиненного полуострова. На северной оконечности бухты на достаточно значительном расстоянии были видны очертания берега, плавно закруглявшегося внутрь. Берег там был низкий, плоский, без утесов, с широкими песчаными отмелями, которые заливала водой во время прилива.

Потом Пенкроф и Герберт повернулись к западу. Их взгляд остановился на горе со снежной вершиной, видневшейся на расстоянии шести-семи миль. От первых уступов берега начиналось обширное лесистое пространство, бурое в местах произрастания лиственных пород и зеленое там, где преобладали хвойные заросли. Дальше, начиная от лесной опушки и до самого берега, раскинулась зеленая равнина, кое-где только поросшая небольшими группами деревьев. По этой равнине узенькой извилистой лентой бежала небольшая речка, которая, по-видимому, брала начало в горах. В том месте, где Пенкроф оставил плот, она протекала между высокими гранитными стенами. Левая стена была гладкой и отвесной, а правая шла, постепенно снижаясь, к юго-востоку до самой оконечности мыса: массив переходил в отдельные скалы, скалы – в камни, камни – в голышы.

– Неужели мы на острове? – прошептал моряк.

– Если это остров, то очень большой, – сказал Герберт.

– Маленький или большой, но все-таки остров! – печально проговорил Пенкроф.

Но вопрос о том, куда их забросила судьба – на континент или на остров, – нельзя было решить сейчас, и его пришлось отложить на время. Впрочем, местность казалась красивой и плодородной: здесь были леса и реки, а значит, должны быть и животные.

– Это большое счастье, – заметил Пенкроф, – и мы должны благодарить за это судьбу.

Долго еще стояли Пенкроф и Герберт на своем наблюдательном пункте, осматривая землю, на которую забросила их судьба, хотя такой поверхностный осмотр не давал им даже приблизительного представления о том, что их ожидало в будущем.

Затем они решили вернуться к своему плоту и пошли по южному гребню гранитного плато, окаймленного длинным фестоном скал с причудливыми очертаниями. В расщелинах между камнями гнездились тысячи птиц. Герберт, прыгая со скалы на скалу, спугнул целую стаю пернатых.

– Ах! – крикнул он. – Это уже не поморники и не чайки!

– Что же это за птицы? – спросил Пенкроф. – Можно подумать, что это голуби!

– Это и есть голуби, но только дикие, – ответил Герберт. – Я узнаю их по двойной черной кайме на крыльях и по пепельному цвету перьев. Жареные голуби очень вкусны, а их яйца просто объеденье, и если только мы найдем их в гнездах...

– Мы не будем дожидаться, пока из них выведутся птенцы, и уничтожим их в виде яичницы! – весело перебил его Пенкроф.

– В чем же ты станешь жарить яичницу? – спросил Герберт. – В своей шляпе?

– Еще чего захотел, – возразил моряк. – Нет, брат, я пока еще не стал фокусником. Если нельзя будет сделать яичницу, мы ограничимся яйцами, сваренными всмятку, а я буду брать себе самые крутые!

Пенкроф с Гербертом внимательно осмотрели все гнезда и действительно нашли яйца. Они набрали столько яиц, сколько уместилось в узелке из платка моряка, а затем, увидев, что прилив достигает своего максимума, продолжили спуск к реке.

Когда они подошли к повороту реки, уже был час дня. Течение реки начинало меняться, и надо было воспользоваться отливом, чтобы переправить дрова к устью. Пенкроф не имел намерения доверить плот воле течения и в то же время не хотел и сам плыть на нем, хотя необходимо было так или иначе управлять плотом. Но моряк всегда найдет канат или веревку, и Пенкроф очень быстро сплел из сухих лиан длинную веревку и одним концом привязал ее

к плоту, а другой конец взял в руку. Герберт оттолкнул плот от берега, и он поплыл вниз по течению. Пенкроф регулировал скорость плота, ослабляя или натягивая веревку, а Герберт с помощью длинного шеста не позволял плоту подходить очень близко к берегу.

Опыт удался как нельзя лучше. Плот, которым управлял Пенкроф с берега, быстро плыл вперед по течению и меньше чем через два часа достиг устья реки в нескольких шагах от Гровтов.

Глава пятая

Переделки в Гротах. – Вопрос об огне. – Коробка спичек. – Поиски на побережье. – Возвращение Наба и журналиста. – Одна-единственная спичка! – Огонь. – Первый ужин. – Первая ночь на земле.

Как только они выгрузили дрова с плота, Пенкроф сразу решил заняться приспособлением Гротов для жилья. Прежде всего нужно было заделать боковые отверстия, чтобы избавиться от сквозняка. Песок, камни, ветки, влажная глина – все пошло в дело, и через некоторое время верхний завиток был герметично отделен от нижнего и прекращен доступ холодному южному ветру. Сбоку был оставлен только один узкий извилистый проход для выхода дыма и усиления тяги в очаге, устроенным в углу. Таким образом, Гроты оказались разделенными на три-четыре комнаты, если только можно назвать комнатами мрачные берлоги, в которых, пожалуй, не стал бы жить даже дикий зверь. Но в этом помещении было сухо и можно было стоять во весь рост, по крайней мере, в самой большой из этих комнат, расположенной в центре. Мелкий песок толстым слоем покрывал пол, и устроиться здесь можно было довольно удобно, конечно, на первых порах.

Во время работы Герберт и Пенкроф вели оживленную беседу.

– Может быть, – говорил Герберт, – наши товарищи найдут другое помещение, лучше этого?

– Весьма возможно, – ответил моряк, – но мы не будем особенно на это рассчитывать! Лучше иметь лук с двумя тетивами, чем совсем без тетивы!

– Только бы они привели с собой мистера Смита, – продолжал Герберт. – Только бы им удалось найти его, и тогда нам больше нечего было бы просить у Бога!

– Да! – сказал Пенкроф. – Это был настоящий человек!

– Был… – сказал Герберт. – Ты думаешь, что больше уже не увидишь его?

– Нет! Конечно, нет! – ответил моряк.

Вскоре все отделочные работы были окончены, Пенкроф даже сказал, что очень доволен результатами.

– Теперь, – сказал он, – наши друзья могут возвращаться. Они найдут здесь довольно сносное убежище.

Оставалось только устроить очаг и приготовить обед. Первое сделать было легко и просто. В глубине первого левого коридора, около отверстия, оставленного для выхода дыма, они устроили очаг из больших плоских камней. Того тепла, которое распространит вокруг себя этот очаг, будет, несомненно, достаточно для того, чтобы поддерживать внутри помещения комнатную температуру. Запас дров перенесли в одну из соседних комнат, и Пенкроф положил на камни очага несколько сухих щепок и небольшую вязанку хвороста.

В то время как он занимался этим, Герберт спросил, есть ли у него спички.

– Конечно, – ответил Пенкроф, – и надо добавить еще, что к счастью, потому что без спичек или без трута наши дела были бы очень плохи!

– Мы могли бы добывать огонь так, как это делают дикари, – сказал Герберт, – трением двух кусочков сухого дерева один о другой!

– Ну, этого я тебе не советую и пробовать! Сколько бы ты ни возился, а огня не добудешь и только сотрешь себе пальцы до крови или вывихнешь руки!

– А между тем этот способ очень простой и очень распространен на островах Тихого океана.

– Я не спорю, – ответил Пенкроф, – но, вероятно, дикари знают, как надо его применять, или они употребляют для этого какое-то особое дерево, потому что я сам не раз пробовал

добывать огонь таким способом и никогда не мог добиться успеха. Поэтому я предпочитаю спички!.. Где же, однако, мои спички?..

Пенкроф стал искать в карманах своей куртки спички, которые всегда носил при себе, потому что был заядлым курильщиком. Но спичек там не было. Тогда он пошарил в карманах брюк, но, к величайшему его удивлению, драгоценного коробка нигде не было.

– Как это глупо, и даже больше чем глупо! – говорил он, глядя на Герберта. – Они, должно быть, выпали из моего кармана, и я их потерял! А у тебя, Герберт, неужели у тебя нет ничего – ни огнива, ни чего-нибудь такого, чем можно было бы высечь огонь?

– Нет, Пенкроф!

Моряк почесал затылок и, что-то бормоча про себя, вышел из пещеры. Герберт последовал за ним.

Они принялись искать потерянный коробок на песчаном берегу, тщательно осматривая все ямки. Но – увы! – его нигде не было, а между тем спичечница была медной и достаточно заметной.

– Пенкроф, – спросил Герберт, – а не выбросил ли ты свою спичечницу в то время, когда мы выбрасывали из корзины все, что было можно?

– Нет! – ответил моряк. – Но, когда начинает так подбрасывать, как подбрасывало нас, такая маленькая вещица могла легко выскочить из кармана. Даже трубки и той нет. Чертова спичечница! Куда она могла деться?

– Смотри, море отступает, – сказал Герберт. – Пойдем, поищем на том месте, где мы спустились на землю.

Едва ли можно было рассчитывать найти спичечницу, которую, вероятно, смыло волнами во время прилива, но попытаться следовало, и Герберт с Пенкрофом быстро направились к месту, где высадились накануне, находившемуся примерно в двухстах шагах от Гротов.

Там они опять обыскали самым тщательным образом каждую ямку, перевернули каждый камешек, но точно так же поиски их не увенчались успехом. Если даже спичечница и упала в этом месте, то ее, наверное, смыло волнами и унесло в океан. По мере того как море отступало, моряк обшаривал все расщелины между утесами, но своего коробка не находил. Это была очень серьезная потеря, а в тех условиях, в которых они находились, даже непоправимая.

Пенкроф не в силах был скрыть свое огорчение. Наморщив лоб, он угрюмо молчал. Герберт, желая его утешить, сказал, что спички все равно, вероятно, намокли в морской воде, и поэтому ими нельзя было бы пользоваться.

– Нет, нет, мой мальчик, – возразил Пенкроф. – Спички лежали в медной коробке, которая очень плотно закрывалась!.. Что же мы теперь будем делать?

– Мы, конечно, найдем какое-нибудь средство добить огонь, – сказал Герберт. – Мистер Смит или мистер Спилет, наверное, выручат нас.

– Да, – ответил Пенкроф, – а пока мы будем сидеть без огня, и, когда наши товарищи вернутся, им нечем будет подкрепить свои силы.

– Но, – поспешил возразить Герберт, – не может быть, чтобы у них не было ни огнива, ни спичек.

– Сомневаюсь, – ответил Пенкроф, качая головой. – Во-первых, Наб и мистер Спилет не курят, а во-вторых, я предполагаю, что мистер Спилет больше заботился о своей записной книжке, чем о коробке со спичками.

Герберт ничего не ответил. Потеря спичек была слишком печальным фактом. Несмотря на это, молодой натуралист все-таки надеялся, что так или иначе огонь им удастся добить. Зато Пенкроф, человек более опытный, думал об этом совсем иначе, хотя и не любил отступать перед трудностями. По его мнению, им оставалось только одно: дождаться возвращения Наба и журналиста. А теперь поневоле приходилось отказаться от приготовления вареных яиц,

которыми он хотел их угостить, и довольствоваться сырьими литодомами, что не могло быть особенно приятно ни ему самому, ни всем остальным.

По дороге в Гроты Пенкроф с Гербертом на случай, если им все-таки не удастся развести огонь, пополнили запас литодомов и молча направились в свое жилище.

Пенкроф шел, отпустив глаза вниз, все еще надеясь найти свою пропавшую спичечницу. Он даже поднялся вверх по левому берегу реки, начиная от устья до того поворота, где был привязан к берегу плот. Затем он взобрался на верхнее плато, исходил его во всех направлениях и наконец стал искать в высокой траве на опушке леса, но все напрасно.

Около пяти часов вечера Герберт с Пенкрофом вернулись в Гроты. Нечего, конечно, и говорить, что каждый уголок пещеры был тщательно обыскан, но и там не оказалось злополучной спичечницы.

Часов около шести, когда солнце уже почти скрылось за горами на западе, Герберт, который ходил взад и вперед по плоскому песчаному берегу, закричал, что видит Наба и Гедеона Спилета.

Они возвращались одни!.. У Герберта болезненно сжалось сердце. Неужели Пенкроф не ошибся в своих предчувствиях?.. Неужели им так и не удалось найти Сайреса Смита!..

Журналист, подойдя к товарищам, сел на камень, не говоря ни слова. Измученный долгой ходьбой, голодом и усталостью, он был не в силах произнести хотя бы одно слово.

Что касается Наба, то его покрасневшие глаза лучше любых слов свидетельствовали о том, как много он плакал, а новые слезы, которых он не смог сдержать, слишком ясно говорили, что у него уже не осталось никакой надежды.

Отдохнув немного, Гедеон рассказал, что они делали за это время и где искали Сайреса Смита. Вместе с Набом они обследовали берег на расстоянии более восьми миль, то есть гораздо дальше того места, где шар в предпоследний раз упал в воду и где исчез инженер со своей собакой. Песчаный берег был пуст. Нигде не видно было никаких следов. Ни одного камешка, сдвинутого со своего места, ни одного знака на песке, ни одного отпечатка человеческой ноги. Очевидно, что эта часть берега совершенно необитаема. Море было так же пустынно, как и берег. Вероятно, вот там, в нескольких сотнях футов от берега, и нашел инженер свою могилу.

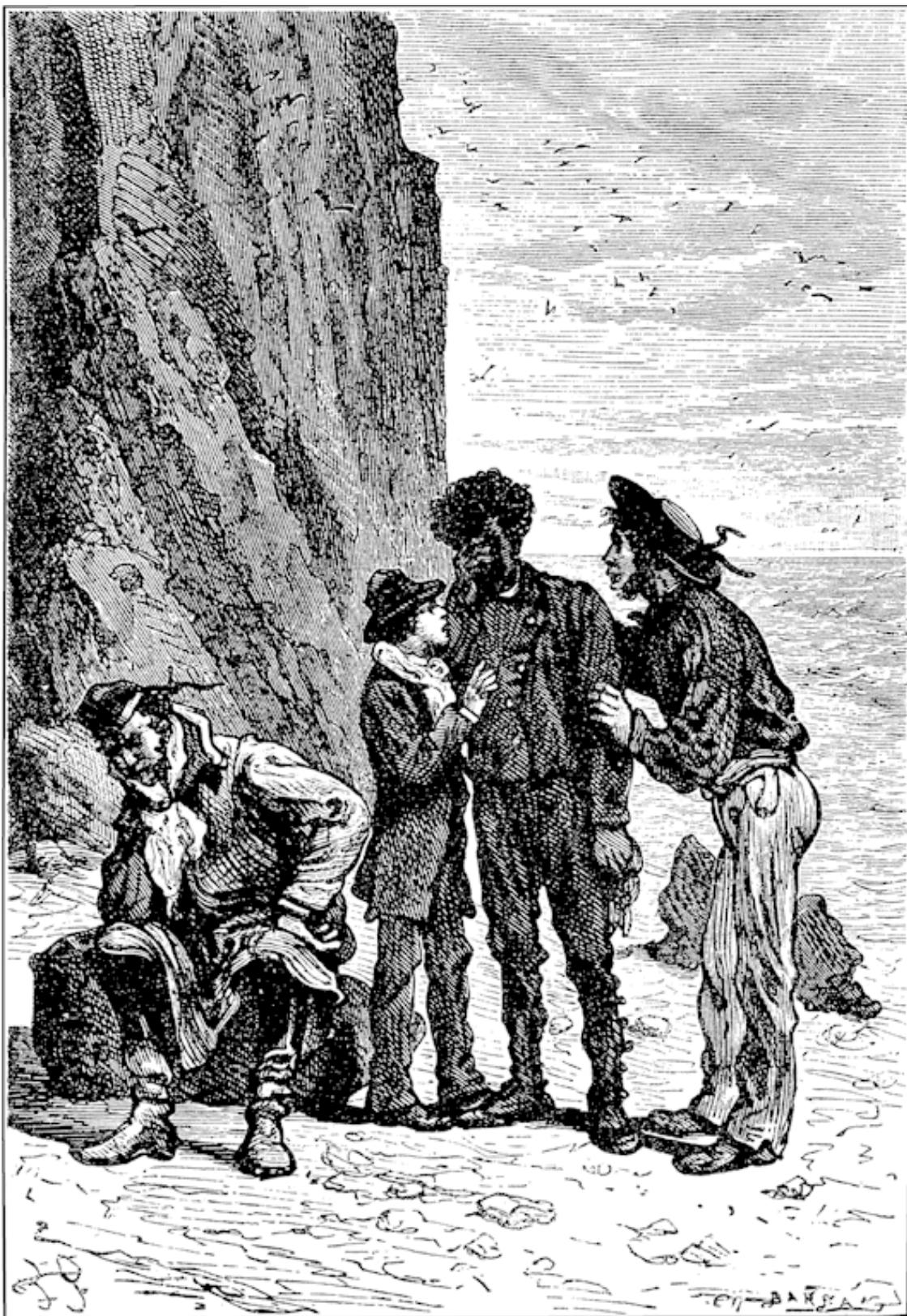
В эту минуту Наб встал и голосом, доказывающим, как много еще надежды у него осталось, воскликнул:

– Нет! Он не умер! Нет! Не может быть, чтобы он... Нет! Я, любой другой человек – это возможно! Но он – никогда! Это такой человек, он всегда сможет спастись!

За сильным нервным возбуждением наступила реакция: силы оставили его, и он, застонаив, опустился на камень.

– Ах, я не могу больше! – прошептал он, всхлипывая.

– Наб, – воскликнул Герберт, подбегая к нему, – мы найдем его! Он к нам вернется! Но послушайте, вы голодны! Вам надо подкрепить силы! Поешьте хоть немного, пожалуйста!

С этими словами юноша предложил бедному негру несколько ракушек – скучную и мало-питательную пищу, но больше у них ничего не было.

Наб не ел уже много часов, но, несмотря на это, все-таки отказался. Лишившись своего хозяина, он не мог или, вернее, не хотел больше жить. А Гедеон Спилет с жадностью накинулся на моллюсков, поев, он улегся на песке у подножия скалы. Он очень устал, но был спокоен.

Герберт подошел к нему и, взяв за руку, сказал:

– Сэр! Мы нашли убежище, где вам будет гораздо лучше, чем здесь. Наступает ночь. Пойдемте, надо отдохнуть! Завтра посмотрим...

Спилет встал и в сопровождении Герберта направился к Гrotам.

В эту минуту Пенкроф подошел к нему и самым обычным голосом спросил, нет ли у него случайно хотя бы одной спички.

Гедеон Спилет остановился, поискав в карманах и, не найдя в них ничего, сказал:

– У меня были спички, но я, наверное, их выбросил...

Моряк задал тот же вопрос Набу и получил такой же ответ.

– Проклятие! – проворчал он, не в силах сдержать досаду.

Спилет услышал его восклицание и, подойдя к Пенкрофу, спросил:

– У нас нет ни одной спички?

– Ни одной, а следовательно, нет и огня!

– Ах! – воскликнул Наб. – Если бы мой хозяин был здесь, он сумел бы добить огонь!

Теперь только все четверо потерпевших крушение ясно поняли значение отсутствия спичек и молча стояли, с тревогой глядя друг на друга. Герберт первым нарушил молчание.

– Мистер Спилет, – сказал он, обращаясь к журналисту, – вы ведь курите, и поэтому у вас всегда должны быть при себе спички! Может быть, вы не очень хорошо искали? Поиските еще! Нам бы хватило и одной спички!

Гедеон Спилет снова обыскал карманы брюк, жилета, пальто и вдруг, к великой радости Пенкрофа и к своему крайнему изумлению, нашупал спичку за подкладкой жилета. Он судорожно сжимал пальцами драгоценный кусочек дерева, раздумывая, как бы его достать. Это наверняка была спичка, и притом единственная, поэтому вытаскивать ее надо было осторожно, чтобы не повредить фосфорную головку.

– Позвольте мне это сделать, – предложил свои услуги Герберт.

И вслед за этим он осторожно и очень ловко вытащил маленький кусочек дерева, маленькую спичку, такую драгоценную для этих несчастных людей. Спичка оказалась совершенно целой.

– Спичка! – воскликнул Пенкроф. – Теперь мне кажется, что мы нашли ценный груз!

Он взял спичку и в сопровождении своих товарищей вошел в Гrotы.

С этим маленьким кусочком дерева, который в обитаемых землях не имеет никакой ценности и расходуется с полным равнодушием, здесь надо было обращаться очень бережно. Пенкроф еще раз внимательно осмотрел спичку и убедился, что она целая и к тому же совершенно сухая. Затем, не обращаясь ни к кому особенно, сказал:

– Мне нужна бумага.

– Вот вам бумага, – ответил Гедеон Спилет, после некоторого колебания он решился вырвать листок из своего блокнота.

Пенкроф взял листок у журналиста и присел на корточки перед очагом. Для того чтобы спичка вернее исполнила свое назначение, он подложил под хворост немного сухой травы, листьев и сухого мха, расположив их так, чтобы между ними свободно циркулировал воздух и сухое дерево быстрее загорелось.

Затем Пенкроф свернул бумагу в виде воронки, как это делают курильщики, когда хотят разжечь трубку на ветру, и осторожно засунул ее между пучками сухой травы. После этого он взял слегка шероховатый камешек, тщательно вытер его и, затаив дыхание, с сильно бьющимся сердцем несколько раз провел спичкой по камню. Никакого эффекта: Пенкроф чиркнул спичкой чересчур слабо, боясь содрать фосфор.

– Нет, не могу, – сказал он наконец, – у меня рука дрожит... Спичка не горит... Я не могу... Я не хочу!.. – и, поднявшись, попросил Герберта заменить его.

Никогда еще в своей жизни юноша не был взволнован так сильно, как в эту минуту. Сердце у него громко стучало. Даже Прометей, когда шел похищать небесный огонь, и то, наверное, был более спокоен! Но Герберт недолго колебался и быстро чиркнул спичкой о камень. Послышался легкий треск, и вслед за тем показался небольшой голубоватый огонь, сопровождаемый едким дымом. Герберт осторожно повернул спичку, чтобы дать огню разгореться, и сунул ее в бумажную воронку. Через несколько секунд бумага вспыхнула, и вслед за ней загорелся и мох.

Вскоре весело затрещал хворост, и яркое пламя, энергично раздуваемое сильными легкими моряка, озарило темную пещеру.

– Наконец-то! – воскликнул Пенкроф, поднимаясь на ноги. – Я еще никогда в жизни не дрожал так от страха!

Огонь прекрасно разгорался в очаге из плоских гладких камней. Дым легко уходил в узкий проход, тяга была отличной, и вскоре приятное тепло распространилось по всему помещению.

Теперь оставалось только следить за тем, чтобы огонь не погас, и всегда сохранять тлеющие угольки под пеплом. Но это были такие пустяки, о которых и говорить не стоило. В лесу было достаточно сухих веток, и запас топлива всегда можно было пополнить, как только в этом появится необходимость.

Пенкроф решил сразу же воспользоваться огнем и приготовить более питательное блюдо, чем моллюски. Герберт принес две дюжины яиц. Журналист, сидевший в углу пещеры, смотрел на эти приготовления, не говоря ни слова. Три вопроса занимали его мысли: жив еще Сайрес Смит или нет? Если он жив, то где он теперь находится? Если он не погиб во время падения, то почему он не нашел способа дать знать о себе никому из них?

Наб в это время, понурив голову, бродил по песчаному берегу, весь во власти своего горя. Пенкроф, знающий пятьдесят два способа приготовления яиц, сейчас не мог блеснуть своими талантами и ограничился тем, что положил яйца в горячую золу, чтобы они испеклись на медленном огне.

Через несколько минут яйца были готовы, и Пенкроф пригласил журналиста принять участие в ужине. Это была первая трапеза потерпевших крушение на этом неизвестном берегу.

Печенные яйца оказались очень вкусными, а так как в яйце содержатся все необходимые для питания человека элементы, то все четверо не только остались очень довольны, но и хорошо подкрепили свои силы.

О, если бы их пятый товарищ был с ними! Если бы все пленники, бежавшие из Ричмонда, находились сейчас здесь, в пещере, под прикрытием скал, сидя на сухом песке перед ярко пылающим огнем, тогда им оставалось бы только благодарить судьбу! Но самый изобретательный, самый ученый из них, который, бесспорно, был их руководителем... Сайрес Смит, к несчастью, отсутствовал, и даже тело его до сих пор не найдено и не предано земле.

Так прошел этот день, 25 марта. Настала ночь. Снаружи были слышны завывания ветра и плеск монотонного прибоя. Мелкие камни, гонимые волнами вперед и назад, перекатывались по берегу с оглушительным шумом.

После ужина Спилет кратко описал в своем блокноте все события прошедшего дня: первое появление новой земли, исчезновение инженера, его поиски, инцидент со спичками и т. д. Потом он улегся в глубине пещеры и здесь, когда усталость взяла свое, ему удалось наконец заснуть.

Герберт заснул гораздо раньше. Что касается Пенкрофа, то он всю ночь продремал возле очага, в который, не жалея, периодически подкладывал дрова.

И только один из потерпевших крушение не остался спать в пещере. Это был безутешный, отчаявшийся Наб, который до утра, несмотря на уверения товарищей, советовавших ему отдохнуть, блуждал по берегу, в отчаянии призывая своего хозяина.

Глава шестая

Имущество потерпевших крушение. – Опять ничего. – Сожженный платок. – Экскурсия в лес. – Бегство якамара. – Следы диких зверей. – Трегоны. – Глухари. – Ловля птиц удочкой.

Нельзя сказать, чтобы потребовалось особенно много времени на составление списка имущества, уцелевшего у несчастных воздухоплавателей, выброшенных на эту необитаемую землю.

Одежда, та самая, которая была на них в момент катастрофы, – вот и все, что было у каждого из них. Впрочем, Гедеон Спилет сохранил при себе блокнот и часы, но это произошло только потому, что он про них просто забыл, когда опустошал свои карманы один за другим. Больше ничего: ни ружья, ни револьвера, никаких инструментов, даже ни одного перочинного ножа. Аэронавты все выбросили в воду, чтобы облегчить воздушный шар.

Герои Даниеля Дефо или Висса точно так же, как Селькирк и Рейналь, потерпевшие крушение около острова Хуан-Фернандес и у Оклендского архипелага, никогда не находились в таком бедственном положении. Они получали все необходимое – зерно, скот, оружие, инструменты, съестные припасы – прямо с корабля, севшего на мель, а если корабль разбивался, то море услужливо выбрасывало на берег остатки груза, который по какой-то счастливой случайности всегда состоял из самых нужных предметов. Они, так сказать, во всеоружии вступали в борьбу с дикой природой. Но у наших несчастных воздухоплавателей не было буквально ничего, и они должны были, не имея даже ножа, из ничего создать для себя все.

Если бы Сайрес Смит был с ними, если бы инженер мог применить в этих условиях свои обширные знания, изобретательный ум и практический опыт, может быть, они могли еще надеяться на улучшение своего поистине бедственного положения! Но – увы! – нельзя было рассчитывать на появление Сайреса Смита! Они должны были надеяться только на свои силы.

Прежде чем устраиваться на этом пустынном побережье, им следовало узнать, куда их забросила судьба: на континент или на остров? Живет здесь кто-нибудь или же они единственные обитатели этой пустынной земли?

Это были очень важные вопросы, выяснение которых нельзя было откладывать. От более или менее удачного разрешения этих вопросов зависел и образ действий потерпевших крушение. Однако по совету Пенкрофа все решили отложить на несколько дней разведывательную экспедицию. Нужно было запастись провизией на дорогу и раздобыть пищу более питательную и удобоваримую, чем яйца и моллюски. Исследователи, которым предстояли, возможно, утомительные переходы и ночевки под открытым небом, должны были иметь какую-то еду, чтобы подкрепить свои силы.

Помещение, которое они себе устроили среди скал, могло служить довольно надежным убежищем на первое время. В очаге горел огонь, и поддерживать его было нетрудно, сохраняя в золе тлеющие угли. На берегу среди скал достаточно яиц и литодом. Кроме того, вероятно, им удастся так или иначе убить несколько голубей из тех, которые сотнями кружились над плато. Может быть, в соседнем лесу удастся найти какие-нибудь съедобные плоды или ягоды? Наконец, – и это самое важное, – здесь у них есть пресная вода. Словом, все решили остаться еще на несколько дней в Гротах и использовать это время на обследование берега и прилегающей к нему местности.

Этот план особенно понравился Набу. Упрямо следуя своим мыслям и повинувшись какому-то безотчетному предчувствию, он не хотел так быстро покидать ту часть берега, где разыгралась печальная катастрофа. Наб не верил и не хотел верить в гибель Сайреса Смита. Он даже представить себе не мог, что такой необыкновенный человек, как инженер, окончил свою жизнь так банально, то есть утонул в нескольких сотнях шагов от берега! Пока волны не выбросят на берег тело инженера, пока он, Наб, не увидит своими глазами, не потрогает своими

руками бездыханное тело своего хозяина, он будет считать его живым! Эта мысль твердо укоренилась в его упрямой голове. Может быть, это только иллюзия, но в любом случае преданность негра заслуживала уважения, и Пенкроф не стал ему противоречить. Сам Пенкроф уже не сомневался, что инженер утонул, но, конечно, не хотел говорить об этом. Бедный Наб был похож на собаку, которая не может покинуть то место, где погиб ее хозяин, и, вероятно, точно так же не перенесет эту потерю.

Утром 26 марта Наб встал с первыми лучами восходящего солнца и снова отправился на север к тому месту, где море, возможно, сомкнуло свои воды над бедным Сайресом Смитом.

Завтрак в этот день состоял исключительно из голубиных яиц и моллюсков. Герберту посчастливилось найти немного соли, осевшей в углублениях одной из скал после испарения морской воды, и эта находка пришлась как нельзя кстати.

После завтрака Пенкроф предложил журналисту пойти в лес, где они с Гербертом собирались попробовать поохотиться. Но, посоветовавшись, они пришли к заключению, что кому-нибудь необходимо остаться в пещере, чтобы поддерживать огонь. Да и Набу могла неожиданно понадобиться помощь. В итоге остался Гедеон Спилет.

— Идем на охоту, Герберт, — сказал матрос. — У нас, правда, нет оружия, но это ничего не значит, мы добудем себе ружья в лесу.

Но в ту самую минуту, когда они уже собирались уходить, Герберт заметил, что у них нет трута и поэтому его необходимо заменить чем-нибудь другим.

— Чем же? — спросил Пенкроф.

— Жженой тряпкой, — ответил юноша, — при необходимости она может заменить трут.

Пенкроф нашел это замечание заслуживающим серьезного внимания. Единственное неудобство заключалось в том, что для этого нужно было пожертвовать носовым платком. Но приходилось выбирать одно из двух, и часть его клетчатого платка за несколько минут была превращена в обгоревшую тряпку. Затем этот новый трут самым тщательным образом положили в небольшое углубление в камне в средней комнате, где нечего было бояться ни ветра, ни сырости.

Было девять часов утра. Погода начинала меняться, небо хмурилось, и дул юго-восточный ветер. Герберт с Пенкрофом, выйдя из пещеры, невольно обернулись, чтобы взглянуть на струйку дыма, поднимавшуюся над остроконечной скалой, и затем двинулись по левому берегу реки.

В лесу Пенкроф прежде всего обломал с ближайшего дерева две толстые ветки и очистил их от листьев, а Герберт превратил их в две дубинки, слегка заточив концы о камень. В эту минуту он бы все отдал за то, чтобы иметь острый нож! Потом оба охотника пошли дальше по высокой траве, стараясь не уходить далеко от реки. Начиная от поворота на юго-запад, река понемногу сужалась и текла между очень крутых берегов, поросших с обеих сторон густыми деревьями. Чтобы не заблудиться, Пенкроф решил идти вверх по течению реки, чтобы иметь возможность без затруднений вернуться потом обратно. Но пробираться по берегу реки было очень и очень трудно: не раз гибкие ветви больших деревьев, раскинувшись над водой, препрятствовали им дорогу, цепкие лианы и колючие кустарники переплетали им ноги, и дорогу приходилось прокладывать, сбивая дубинками эти зеленые барьера. Герберт часто, как кошка, проскальзывал между деревьями и исчезал в зарослях. Но Пенкроф тотчас же окликнул его и просил не отходить далеко.

Моряк между тем внимательно изучал расположение и природу местности. Левый берег, по которому они шли, был ровным и постепенно повышался вверх по течению. Местами под ногами чувствовалась сырость, и местность принимала болотистый характер. Можно было предположить, что здесь протекает целая сеть подземных ручейков, которые вливались в реку. Иногда им встречались небольшие ручейки, которые они без малейшего затруднения пересекали вброд. Противоположный берег казался более гористым, и очертания долины, представ-

лявшей собой собственно русло реки, вырисовывались еще отчетливее. Гора, покрытая деревьями, которые росли по уступам, загораживала вид. Вообще по правому берегу было бы идти гораздо труднее, потому что берег там был очень крутой, и склонившиеся над рекой деревья удерживались только благодаря своим мощным корням.

Нечего, конечно, и говорить, что в лесу, как и на всей осмотренной ими части побережья, нигде не было видно следов человека. Пенкроф заметил только следы различных четвероногих и свежие просеки, проложенные животными неизвестных ему пород. Герберт согласился с ним, что некоторые следы оставлены большими хищными зверями, с которыми им, вероятно, еще придется иметь дело и которых следует опасаться. Но нигде не было видно следов топора, остатков костра или следов человеческой ноги. Впрочем, возможно, это было к лучшему, потому что в местностях, омываемых водами Тихого океана, присутствия человека следовало скорее бояться, чем желать.

Герберт и Пенкроф только изредка обменивались короткими замечаниями, потому что каждому из них ежеминутно приходилось преодолевать препятствия, которые им ставила негостеприимная природа, и они за час прошли всего около мили. До сих пор охота даже еще и не начиналась. Птицы, порхавшие и певшие между ветвями, казались очень пугливыми, по-видимому, они боялись близкого соседства людей, хотя и видели их в первый раз. В болотистой части леса Герберт заметил птицу с острым продолговатым клювом, которая была очень похожа на зимородка, она отличалась от него только более густым опереньем, отливавшим металлическим блеском.

– Это, должно быть, якамар, – сказал Герберт, стараясь поближе подобраться к птице.

– Интересно было бы попробовать, каков этот якамар на вкус, – заметил Пенкроф, – если только он позволит себя изжарить.

В эту минуту Герберт ловко бросил в птицу камень, но меткий удар не дал желаемого результата: он попал в нижнюю часть крыла, якамар вспорхнул и исчез в одну секунду.

– Какой я неловкий! – воскликнул Герберт.

– Вовсе нет, мой мальчик! – ответил матрос. – Удар нанесен был очень ловко, не каждый сумел бы попасть в птицу… Ну-ну! Не сердись! В следующий раз мы ее догоним!

Исследование продолжалось. По мере того как охотники двигались вперед, одни породы деревьев сменялись другими, но до сих пор им не попалось ни одного дерева со съедобными плодами. Напрасно Пенкроф искал глазами столь драгоценные для каждого путника пальмы, которые приносят людям такую пользу и которые в северном полушарии растут до сороковой параллели, а в южном – только до тридцать пятой. Весь этот лес, видимо, состоял из одних только хвойных деревьев, подобных тем, которые растут на северо-западном побережье Америки. Особенно заметны были гигантские сосны, достигавшие ста пятидесяти футов высоты.

Вдруг целая стая маленьких птичек с красивым оперением и длинными с отливом хвостами вспорхнула и рассыпалась по ветвям, устилая землю тонким нежным пухом. Герберт поднял с земли несколько перышек и, взглянув на них, сказал:

– Это трегоны.

– Я предпочел бы цесарку или глухаря, – ответил Пенкроф, – но, конечно, если они съедобны…

– Они очень вкусные, и мясо у них очень нежное, – продолжал Герберт. – Кроме того, если я не ошибаюсь, к ним можно подойти и убить камнем или дубинкой.

Пенкроф с Гербертом, согнувшись, стали осторожно подкрадываться к дереву, на нижних ветвях которого расположилось множество маленьких птичек, на лету ловивших насекомых, служащих им пищей. Снизу было видно, как их покрытые перьями лапки крепко охватывали веточки, на которых они сидели.

Охотники приподнялись и, размахивая дубинками, начали сбивать с веток трегонов, которые и не думали улетать. Почти сотня птиц лежала на земле, когда остальные сообразили, что им пора спасаться, и улетели.

– Ух! – с довольным тоном проговорил Пенкроф. – Вот дичь, вполне подходящая для таких охотников, как мы! Ее можно ловить голыми руками!

Он нанизал трегонов, как полевых жаворонков, на гибкий прутик, и исследователи отправились дальше. В этом месте река слегка закруглялась и поворачивала к югу, но потом опять изменяла свое направление, потому что она должна была брать начало в горах, питаясь растаившим снегом, покрывавшим склоны средней вершины.

Главной целью экскурсии было, как известно, желание раздобыть для обитателей Гровов как можно больше дичи. Нельзя сказать, что цель эта была достигнута. Поэтому Пенкроф упорно продолжал поиски добычи и сердито ругался, когда какое-нибудь животное, которое он даже не успевал рассмотреть, быстро убегало, скрываясь в высокой густой траве. Если бы еще с ними была собака! Но Топ исчез вместе со своим хозяином и, вероятно, погиб вместе с ним.

Около трех часов дня охотники заметили стаю других птиц среди кустов можжевельника, где они склевывали душистые ягоды. Вдруг в лесу раздались громкие звуки трубы. Эти странные звучные рулады издавались птицами семейства куриных, которых называют глухарями. Через несколько минут они увидели несколько пар этих птиц, отличавшихся желтовато-коричневым оперением и коричневыми хвостами. Герберт опознал самцов по приподнятым перьям на шейке. Пенкроф, как только увидел этих крупных птиц, сразу решил во что бы то ни стало завладеть хоть одной из них, величиной с хорошую курицу, а по вкусу напоминавшей рыбчика. Однако глухари держались очень осторожно и не позволяли им к себе приблизиться. После нескольких бесплодных попыток, которые только распугали птиц, Пенкроф сказал своему спутнику:

– Нечего и думать достать их дубинкой, придется попытать счастья и поймать хоть одного из них на удочку.

– Как ловят карпов? – спросил Герберт, очень удивленный таким планом.

– Да, как ловят карпов! – серьезно ответил Пенкроф.

Моряк отыскал в траве с полдюжины гнезд глухарей, в каждом гнезде было по два-три яйца. Но он не взял ни одного и даже не дотронулся до яиц, так как был уверен, что скоро на гнезда вернутся их хозяева. У него в голове в это время уже сложился план, как завладеть не только яйцами, но и птицами. Вот почему он сказал Герберту, что хочет попытаться поймать глухарей на удочку. Отойдя на некоторое расстояние, Пенкроф начал мастерить рыболовные снаряды с такой тщательностью, которой позавидовал бы даже ученик Исаака Уолтона⁸. Герберт очень заинтересовался этим процессом и внимательно следил за работой, хотя и не надеялся на успех. Лески были сделаны из тонких лиан, связанных одна с другой, длиной от пятнадцати до двадцати футов. Толстые, очень крепкие шипы с загнутыми концами, добытые на кусте малорослой акации, были привязаны к концам лиан вместо крючков. Что касается приманки, то для этой цели прекрасно подошли жирные красные черви, копошившиеся в земле.

Приготовив удочки, Пенкроф пригнулся, осторожно пополз по траве и разложил концы лесок с крючками у самых гнезд. Затем он все так же осторожно отполз назад и спрятался с Гербертом за большое дерево, крепко держа в руках концы лиан. Теперь оставалось только терпеливо ждать, пока клюнет рыба, то есть пока птица схватит приманку.

Прошло не меньше получаса, пока наконец глухари, как это и предвидел Пенкроф, стали парами возвращаться к своим гнездам. Они прыгали по земле, что-то клевали и, видимо, вовсе не подозревали, что близко от них сидят в засаде охотники, которые, впрочем, приняли меры на этот счет и уселись с подветренной стороны.

⁸ Знаменитый автор трактата о ловле рыбы удочкой.

Герберт хотя и не верил в успех, но тем не менее с большим интересом следил за птицами. Он даже затаил дыхание, а Пенкроф – тот и вовсе не дышал и неподвижно сидел, вытаращив глаза, открыв рот и оттопырив губы, словно собирался проглотить глухаря живьем.

Между тем глухари спокойно расхаживали вокруг удочек, не обращая на них никакого внимания. Пенкроф начал слегка подергивать леску, и червяки зашевелились как живые.

Наверное, в эту минуту моряк волновался гораздо больше, чем обычно волнуется даже самый страстный любитель рыбной ловли, который к тому же не видит своей добычи в воде.

Движения червячков заинтересовали птиц, и они подскочили к приманке, широко раскрыв клювы. Три глухаря, наверное самые прожорливые, вместе с приманкой, то есть с червяком, проглотили и крючок. Пенкроф резким движением дернул за лески и «подсек» добычу. Сильное хлопанье крыльев и громкие тревожные крики глухарей послужили доказательством, что птицы пойманы.

– Ура! – закричал Пенкроф, бросаясь вперед, в ту же минуту у него в руках бились три пойманных глухаря.

Герберт громко захлопал в ладоши. Он в первый раз видел, как ловили птиц на удочку, но Пенкроф, как человек очень скромный, объяснил, что он уже и раньше проделывал такое, хотя заслуга этого изобретения принадлежит не ему.

– В нашем положении, – добавил он, – нам придется пускаться и не на такие хитрости, если только не выберемся отсюда!

Пенкроф, очень довольный, что они вернутся не с пустыми руками, связал глухарей за лапки и сказал Герберту, что пора двигаться в обратный путь, потому что солнце уже клонилось к закату.

Обратный путь они совершили, следя по течению реки, и часов около шести усталые, но очень удовлетворенные результатами своей экскурсии Герберт и Пенкроф стояли уже у входа в Гrotы.

Глава седьмая

Наб еще не вернулся. – Размышления журналиста. – Ужин. – Тревожная ночь. – Буря. – Ночные поиски. – Борьба с дождем и ветром. – В восьми милях от Гротов.

Гедеон Спилет, скрестив руки на груди, неподвижно стоял на песчаном побережье и смотрел на море, которое на восточной стороне горизонта сливалось с огромной черной тучей, быстро продвигавшейся по небу. Ветер, уже довольно сильный, усиливался к ночи. По всем признакам собиралась буря, которая должна была разразиться в самом скором времени.

Герберт вошел в грот, а Пенкроф направился к журналисту. Полностью погруженный в свои мысли, Спилет даже не заметил их возвращения.

– А ночь будет скверная, мистер Спилет! – сказал моряк. – Дождя и ветра будет столько, что даже буревестники⁹ останутся довольны!

Журналист обернулся и, увидев Пенкрофа, сразу спросил:

– На каком расстоянии от берега, по вашему мнению, наш шар подхватило ветром, когда сорвался мистер Смит?

Пенкроф не ожидал такого вопроса. Он немного подумал и сказал:

– Не больше чем в двух кабельтовых.

– А кабельтов – это сколько? – спросил Гедеон Спилет.

– Это около шестисот футов.

– Значит, – продолжал допытываться Спилет, – Сайрес Смит исчез в тысяче двухстах футах от берега?

– Около того, – ответил Пенкроф.

– А вместе с ним и собака?

– Да.

– Что меня всего больше удивляет, дружище Пенкроф, так это исчезновение Топа. Неужели он не мог проплыть такое небольшое расстояние и тоже погиб вместе со своим хозяином? Наконец, если оба они утонули, почему до сих пор море не выбросило на берег их трупы?

– В этом нет ничего удивительного. Вспомните только, какие тогда были волны, – ответил моряк. – Возможно, что течением отнесло их куда-нибудь в сторону.

– Значит, по вашему мнению, Сайрес Смит погиб в волнах вместе со своей собакой? – еще раз спросил Спилет.

– Да, я так думаю.

– А я с вами не согласен, – возразил Гедеон Спилет. – Я очень ценю ваш опыт, Пенкроф, но думаю, что на этот раз вы ошибаетесь. Мне это двойное исчезновение Сайреса Смита и его собаки представляется невозможным и неправдоподобным.

– Хотел бы я и сам думать по-вашему, да не могу, мистер Спилет, – ответил Пенкроф. – К сожалению, я уверен, что они погибли!

С этими словами он направился к Гротам. В очаге весело трещал огонь. Герберт только что подложил охапку хвороста, и высокое красноватое пламя освещало все углы пещеры.

Пенкроф сразу занялся приготовлением обеда. Ему казалось необходимым угостить всех куском жареного мяса, потому что все они нуждались в подкреплении сил. Связку трегонов он отложил на завтра, ощипал двух глухарей и, насадив их на вертел, начал поджаривать на огне.

На часах Спилета было семь часов, а Наб все еще не вернулся. Его долгое отсутствие беспокоило Пенкрофа. Ему казалось, что с беднягой или случилось какое-нибудь несчастье на незнакомой земле, или он в припадке отчаяния покончил с собой. Герберт, однако, совсем иначе относился к продолжительному отсутствию Наба. По его мнению, это означало, что

⁹ Морские птицы, которые особенно любят бурю.

он сделал какое-нибудь новое открытие и теперь деятельно продолжает поиски пропавших. А любое новое открытие давало новую надежду найти Сайреса Смита.

— Почему Наб до сих пор не вернулся? Да просто потому, что он не хочет зря терять время. Может быть, он нашел какой-нибудь знак, следы ног, какую-нибудь вещь, которая послужила для него путеводной нитью? Может быть, в эту минуту он идет по верному следу? Может быть, он даже уже нашел своего хозяина и теперь находится вместе с ним?..

Так рассуждал юноша вслух, не скрывая своих мыслей. Двое его товарищей внимательно, не перебивая, слушали Герберта, хотя только один Гедеон Спилет соглашался с доводами юноши. Что касается Пенкрофа, то он уже составил себе определенное мнение на этот счет, но все же допускал, что Наб просто зашел в своих поисках дальше, чем накануне, потому и не успел до сих пор вернуться.

Тем не менее Герберт, очень взволнованный какими-то неясными предчувствиями, много раз порывался пойти Набу навстречу. Но Пенкроф всеми силами старался отговорить его, доказывая, что он только напрасно будет утомлять себя и, кроме того, ночью, в такую ужасную погоду, он не увидит следов Наба. Надо подождать, и если Наб не вернется до утра, то он первый пойдет его искать и, конечно, возьмет с собой Герберта. А идти сейчас было бы чистейшим безумием.

Гедеон Спилет был того же мнения на этот счет и, кроме того, советовал по возможности держаться всем вместе. Герберту поневоле пришлось отказаться от своего плана, хотя на глазах у него показались слезы. Спилет не мог удержаться, чтобы не поцеловать великодушного мальчика.

Между тем начинала разыгрываться буря. Юго-восточный ветер свирепствовал на берегу со страшной силой. Сышен был рев морских волн, которые, несмотря на отлив, разбивались о кромку скал на той стороне побережья, которая выступала в открытый океан. Дождь, распыляемый ураганом на мелкие брызги, наполнял воздух, словно жидкий туман. Казалось, что клочья облаков висели над берегом. Мелкая галька с грохотом перекатывалась по побережью, и, ударяясь один о другой, камни стучали так, как стучит град, падая на железную крышу. Тучи песка, поднятого ветром, смешивались с дождем. В воздухе было столько же минеральной пыли, сколько и водяной. Между устьем реки и утесами кипели водовороты. Ветер, яростно завывая, врывался в ущелье, по которому текла река, и гнал воду назад. Даже дым от очага и тот ветром загоняло внутрь, и он распространялся по всем узким проходам пещеры, затрудняя дыхание. Поэтому, как только глухари изжарились, Пенкроф потушил огонь, оставив только тлеющие угли под пеплом.

В восемь часов Наб еще не появился, но теперь можно было предположить, что ему помешала вернуться ненастная погода. Вероятно, он нашел себе какое-нибудь убежище и там будет ждать окончания шторма или, по крайней мере, рассвета. Идти к нему на помощь, разыскивать его в такую ужасную погоду нечего было и думать. Смелчаки, которые решились бы на это, могли дорого поплатиться за свою отвагу.

Обед или, вернее, ужин состоял только из одного блюда — жареных глухарей. Впрочем, все с удовольствием полакомились мясом, которое было превосходно. Пенкроф и Герберт, особенно проголодавшиеся после долгой прогулки, ели с большим аппетитом.

Поужинав, они улеглись спать на тех же местах, где провели прошлую ночь. Герберт быстро заснул возле Пенкрофа, который растянулся перед очагом.

С наступлением ночи буря становилась все сильнее. По силе она не уступала урагану, который перенес воздухоплавателей от Ричмонда до этой земли на Тихом океане. Период равноденствия вообще отличается частыми бурями, особенно жестоко свирепствующими в этом поясе, где они не встречают на своем разрушительном пути никаких преград и часто становятся причиной ужасных катастроф. Ураган особенно сильно свирепствовал именно на этом

ничем не защищенном побережье, обращенном на восток, то есть прямо к разбушевавшейся водной стихии.

К счастью, гранитные скалы, под защитой которых ютились люди, стойко сопротивлялись урагану, хотя некоторые глыбы, казалось, вздрагивали и даже шатались при особенно сильных порывах ветра. Пенкроф, приложив руку к стене, почувствовал, что она слегка дрожит. Но он надеялся, и не без основания, что тревожиться нечего и что их каменное убежище с честью выйдет из этой борьбы. Временами вой бури перекрывался грохотом камней, сброшенных ветром с вершины плато вниз на плоское песчаное побережье. Некоторые из этих камней подкатывались даже к верхней стене Гротов и, ударившись об нее, разбивались на мелкие кусочки, брызгами падающие вниз. Два раза Пенкроф подползал к выходу, чтобы взглянуть, что делается снаружи. Результаты исследования были утешительны: обвалы, видимо, были незначительными, и ни один из них не причинил никакого вреда их убежищу. Успокоившись, Пенкроф снова ложился у очага, в котором слабо потрескивали угли, прикрытые золой.

Несмотря на вой урагана и грохот падавших камней, Герберт продолжал спать как младенец. Скоро его примеру последовал и Пенкроф, который за свою долгую жизнь на море привык хладнокровно смотреть в глаза опасности и не бояться самых страшных ураганов. Только Гедеон Спилет не мог справиться со своим тревожным состоянием и заснуть. События последних дней одно за другим вставали перед ним. Он упрекал себя за то, что не пошел вместе с Набом. Ведь он и сам не терял надежды и даже был уверен, что Сайрес Смит жив. Его волновали и предчувствия Герберта, и непонятное отсутствие Наба. Почему не вернулся Наб? Где он сейчас? И Гедеон Спилет ворочался на своем песчаном ложе, не обращая внимания на бушующий ураган. Иногда усталость брала свое, глаза его смыкались, но через минуту он снова просыпался и снова отдавался своим невеселым мыслям.

Время шло. Около двух часов ночи Пенкроф, который крепко спал, вдруг почувствовал, что его кто-то сильно толкает.

– Что случилось? – спросил он, моментально просыпаясь и приходя в себя, как все моряки.

Склонившись над ним, Гедеон Спилет сказал:

– Слушайте, Пенкроф, слушайте!..

Моряк стал прислушиваться, но не услышал ничего, кроме рева бури.

– Это ветер, – проговорил он.

– Нет, – возразил Гедеон Спилет, снова прислушиваясь. – Мне послышался...

– Что?

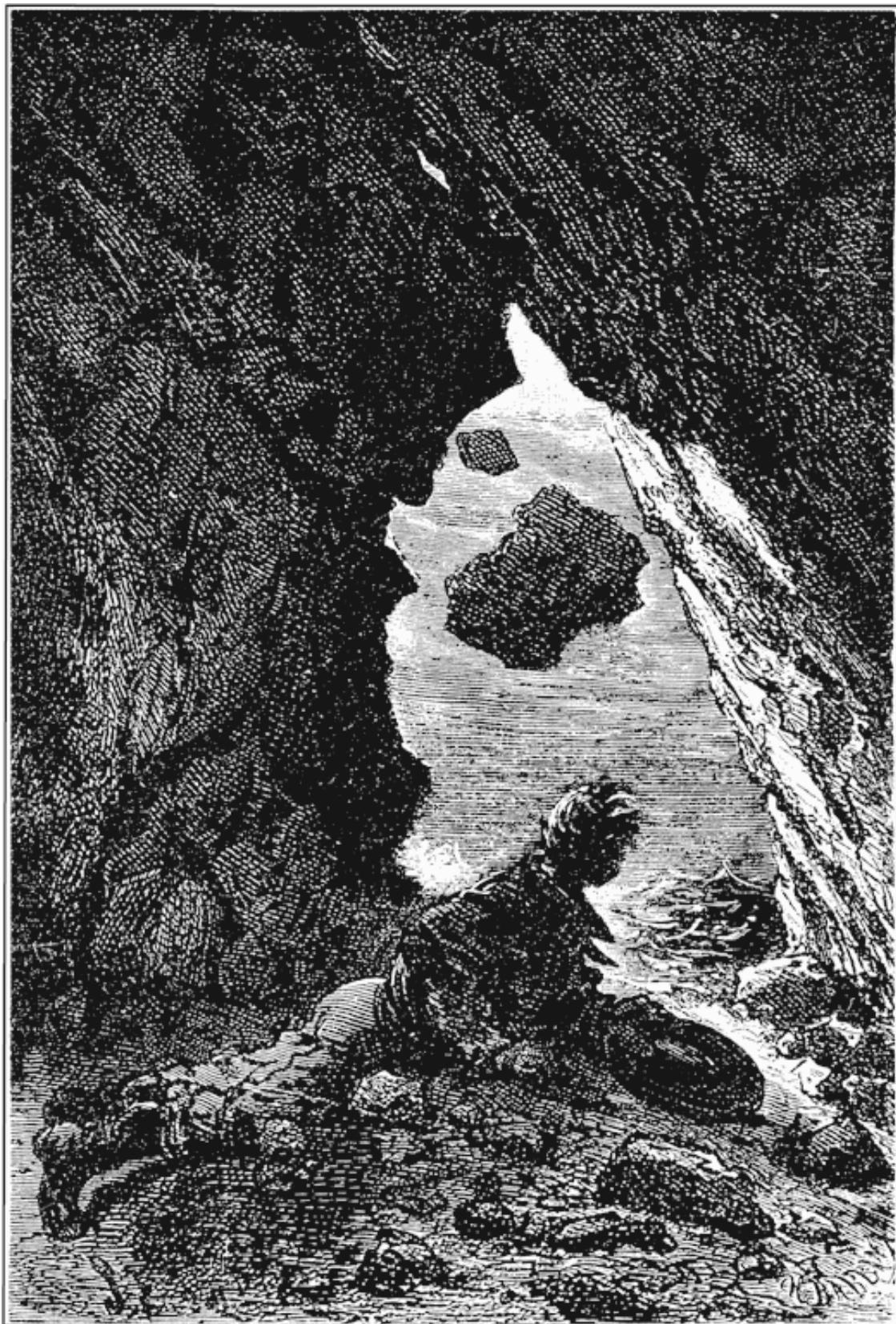
– Лай собаки!

– Собаки! – воскликнул Пенкроф и в ту же минуту вскочил на ноги.

– Да... лай собаки...

– Этого не может быть, – сказал моряк. – Как вы могли в такую бурю...

– Тихо... Слушайте!..

Пенкроф снова стал прислушиваться, и в минуту затишья ему действительно показалось, что он слышит отдаленный лай.

– Ну что?.. – спросил Спилет, крепко сжимая его руку.

– Да... да... – волнуясь, ответил Пенкроф.

– Это Топ! Это Топ! – воскликнул Герберт, который тоже проснулся.

И все трое бросились к выходу. Однако выбраться наружу оказалось нелегко. Ветер валил их с ног и толкал назад. Наконец им это удалось, но для того, чтобы удержаться на ногах, приходилось прижиматься к скале. Буря ревела так, что не слышно было ни одного слова соседа, и они молча смотрели вперед. Кругом было совершенно темно. Вода, небо, земля – все сливалось в одну непроницаемую туманную массу, и ничего нельзя было рассмотреть во мраке.

Несколько минут все трое стояли на месте, точно приплюснутые ветром к скале, они еле держались на ногах, их поливало дождем, песок слепил глаза и набивался в рот. Но вот наступила минута затишья, и до них снова донесся лай. Лаять мог только Топ. Но если это Топ, то интересно знать, один он или с кем-нибудь? Скорее всего, один, потому что если бы Наб нашел его, то, конечно, не блуждал бы так долго по берегу, а давным-давно был бы в пещере...

Не рассчитывая, что Спилет его услышит, Пенкроф сжал его руку, как бы желая сказать: «Подождите!», и побежал назад в грот. Через минуту он уже вышел оттуда, держа в руках несколько горящих веток, которыми он размахивал, как бы подавая сигналы и издавая резкий пронзительный свист.

Как бы в ответ на этот сигнал лай послышался уже гораздо ближе, и вскоре мимо изумленных людей в грот проскочила собака. Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет поспешили следом за ней. В очаг подбросили свежую охапку хвороста, и грот осветился ярким пламенем.

– Это Топ! – радостно закричал Герберт.

И в самом деле, это был Топ, великолепная собака смешанной англо-нормандской породы. От своих предков она унаследовала резвые ноги и тонкое чутье – два отличительных качества хорошей охотничьей собаки.

Это была собака инженера Сайреса Смита. Но она была одна. Ни ее хозяин, ни Наб не вернулись вместе с ней.

А между тем, каким бы чутьем ни обладала эта собака, она не могла одна найти это убежище, о существовании которого даже не знала. Это казалось более чем странным, особенно в такую ночь и в такую бурю. Но что было совершенно необъяснимо, так это внешний вид Топа: он не выглядел ни измученным, ни истощенным, он даже не был грязным.

Герберт подозвал к себе собаку и, обняв ее голову, начал ласкать животное. Топ не остался в долгу и в ответ на ласки юноши лизал ему руки.

– Если нашлась собака, значит, найдется и хозяин! – сказал журналист.

– Идем! – воскликнул Герберт. – Идем! Топ нас поведет.

Пенкроф не возражал. Он сам отлично понимал, что появление Топа до некоторой степени опровергало его мрачные предположения, и поэтому ничего не имел против того, чтобы идти на поиски.

– Пошли! – сказал он.

Перед уходом Пенкроф сгреб угли в очаге, тщательно прикрыл их сверху золой и, кроме того, положил в золу несколько сухих веток, чтобы можно было моментально развести огонь, когда они вернутся. Потом, захватив с собой на всякий случай остатки ужина, он бросился вслед за Топом, который отрывистым лаем звал их за собой. Спилет и Герберт поспешили за ними.

К этому времени буря свирепствовала так, что, казалось, достигла своего максимума. Было полнолуние, но бледный диск ночного светила полностью закрывали свинцовые тучи. Идти, выбирая дорогу, было невозможно. Оставалось только одно – положиться на инстинкт Топа. Гедеон Спилет и Герберт шли следом за собакой, а Пенкроф замыкал шествие. Разговаривать было невозможно. Дождь уже не был таким сильным, но ветер бушевал по-прежнему.

Но в этом путешествии была и хорошая сторона. Ветер с юго-востока дул им не в лицо, а в спину и не только не мешал идти, а, напротив, даже подгонял их, и они не шли, а летели на крыльях урагана. Песок, который поднимал ветер, не слепил им глаза, не набивался в рот, и они даже не обращали теперь на него внимания. Вообще они двигались вперед гораздо быстрее, чем если бы шли в хорошую тихую погоду среди дня. По временам им приходилось даже бежать под напором ветра, который грозил сбить их с ног. Но теперь горячая надежда удваивала их силы, и они неутомимо стремились вперед. Все, даже скептик Пенкроф, были уверены, что Наб нашел Сайреса Смита и послал за ними верную собаку. Не знали они только одного, жив инженер или лежит где-нибудь на берегу мертвый, и Наб послал Топа за остальными только для того, чтобы отдать последний долг несчастному Сайресу Смиту.

Обойдя вокруг горы с усеченной вершиной, переходить которую было крайне рискованно в такую темную ночь, Герберт, Гедеон Спилет и Пенкроф остановились на минуту перевести дух. Гора защищала их от ветра, и после пятнадцати минут почти непрерывного бега они могли наконец отдохнуть. Здесь они могли даже говорить и слышать друг друга, и, когда Пенкроф произнес имя Сайреса Смита, Топ отрывисто залаял, точно желая сказать этим, что его хозяин жив.

– Он жив? Да?.. – повторял Герберт. – Ну, говори же, Топ!.. Он жив?

Собака еще раз залаяла в ответ.

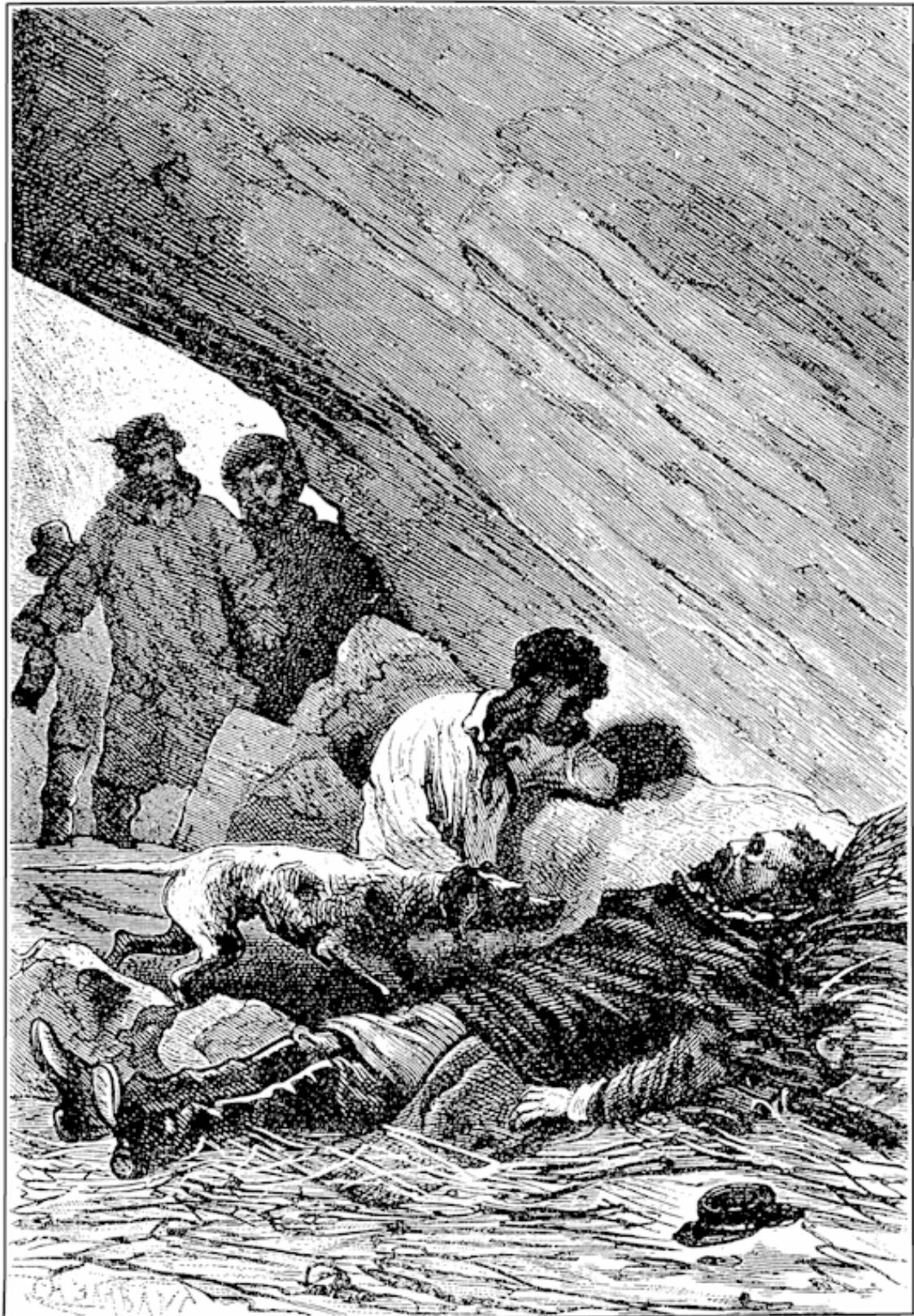
Отдохнув немного, снова тронулись в путь. Было уже около половины третьего утра. Начинался прилив, который благодаря ветру, гнавшему массы воды к берегу, обещал быть очень сильным, как всегда в новолуние. Громадные валы с шумом разбивались о скалы и, вероятно, уже затопили маленький островок, невидимый во мраке. А если островок залит, значит, и берег, где они устроили себе временное убежище, также будет затоплен, потому что защищавшая его широкая плотина из скал не сможет уже выполнять свое назначение: прикрывать берег, который принимал на себя удары яростного прибоя.

Как только Пенкроф с товарищами вышли на открытое место, ветер набросился на них с прежней яростью и погнал вперед. Согнувшись, они побежали за Топом, который, не останавливаясь ни на минуту, уверенно держался все время впереди, показывая дорогу. Они двигались к северу. С правой стороны от них волны с оглушительным ревом разбивались о скалы, а с левой – неизвестная местность, которую они, к несчастью, не могли рассмотреть из-за темноты. Впрочем, они все-таки заметили, что это равнина, потому что ветер, пролетая над ними, не возвращался назад, как было, когда он на своем пути встречал гранитную стену.

К четырем часам утра они прошли около пяти миль. Тучи стали рассеиваться и уже не висели так низко над землей. Дождь почти перестал, зато резкий холодный ветер пронизывал до костей. Все трое, не исключая и привыкшего ко всяkim невзгодам Пенкрофа, очень мерзли в своих легких одеждах, но эти мужественные люди умели страдать молча, и ни одного слова жалобы не сорвалось с их уст. Раз они решили идти на поиски, доверившись инстинкту Топа, то пойдут за ним, куда бы их ни повело умное животное.

Часов около пяти начало светать. На небе появились первые светлые полоски, и вскоре, резко очерчивая края темных облаков, на горизонте возникла более светлая граница моря. Белая пена волн снова приобрела свой обычный цвет. Справа начал смутно вырисовываться гористый берег, но пока путники видели все это как будто в тумане.

В шесть часов утра совсем рассвело. Облака, поднявшиеся довольно высоко, плотной массой быстро проносились по небу. Пенкроф и его товарищи были в это время милях в шести от Гротов. Они шли по очень плоскому берегу, окаймленному со стороны океана грядой скал, но сейчас из воды торчали только их верхушки, потому что прилив достигал своей полноты. Равнинная местность слева была покрыта песчаными дюнами, на которых росли дикая трава и колючий кустарник. Цепь невысоких холмов отделяла и в то же время защищала это пространство со стороны океана. То тут, то там, словно часовые, виднелись искривленные деревья. Но это были ненадежные часовые: юго-восточный ветер жестоко трепал их, и они пригнулись к земле. Далеко позади, на юго-западе, зеленела опушка леса.

Неожиданно Топ, до сих пор довольно спокойный, начал проявлять явные признаки волнения. Он то убегал вперед, то возвращался к Пенкрофу, точно обращаясь с просьбой ускорить шаги. Затем Топ свернул с дороги и, ведомый своим удивительным инстинктом, уверенно направился к дюнам. Герберт, а за ним Спилет и Пенкроф чуть не бегом последовали за собакой.

кой. Вся местность казалась совершенно пустынной. Не было видно ни одного живого существа.

Дюны были отделены от берега широкой полосой земли с прихотливо разбросанными пригорками и холмами. По первому впечатлению эта местность казалась маленькой песчаной Швейцарией, и только один Топ со своим безошибочным чутьем не мог здесь заблудиться.

Через пять минут после того, как они повернули в сторону, Спилет, Герберт и Пенкроф оказались перед небольшой пещерой на противоположной стороне высокого холма. Здесь Топ остановился и громко залаял. Все трое бросились в пещеру. Посреди ее они увидели Наба. Он стоял на коленях, наклонившись над телом человека, лежавшего на травяной подстилке...

Это было тело инженера Сайреса Смита.

Глава восьмая

Жив ли Сайрес Смит? – Рассказ Наба. – Следы человеческих ног. – Неразрешимый вопрос. – Первые слова Сайресса Смита. – Осмотр следов. – Возвращение в Гроты. – Изумление Пенкрофа.

Наб даже не пошевелился при появлении тех, за кем он посыпал Топа. Пенкроф, окинув взглядом открывшуюся перед ним картину, коротко спросил:

– Жив?

Наб не ответил. Гедеон Спилет и Пенкроф побледнели. Герберт в отчаянии сложил руки и замер на месте. Но молчание Наба вовсе не доказывало, что инженер умер. Бедный негр так был поглощен своим горем, что не видел, как в пещеру вошли его товарищи, и не слышал вопроса Пенкрофа.

Спилет опустился на колени перед неподвижным телом инженера и приложил ухо к его груди, расстегнув на нем одежду. Прошла минута, показавшаяся вечностью, пока журналист прислушивался, бьется ли у него сердце.

Наб, слегка выпрямившись, смотрел перед собой блуждающим взглядом. Его лицо выражало такое отчаяние, что Наба было трудно узнать, до того он был утомлен и убит горем. Он думал, что его хозяин, человек, которого он любил больше всего на свете, лежит перед ним мертвый.

Наконец Гедеон Спилет после долгого и внимательного осмотра инженера поднялся на ноги и твердым голосом сказал:

– Он жив!

Пенкроф не поверил ему и опустился на колени возле Сайресса Смита. Его чуткое ухо также уловило биение сердца, хотя и очень слабое.

Герберт по приказу Спилета отправился за водой. В ста шагах от пещеры он нашел прозрачный ручеек, видимо пополнившийся благодаря прошедшему накануне дождю. Но вот вопрос, во что набрать воды? Вокруг не видно ни одной раковины, которая могла бы собой заменить кружку. Подумав с минуту, Герберт ограничился тем, что намочил в ручье свой носовой платок и бегом вернулся в пещеру.

Это было как раз то, что требовалось. Гедеон Спилет смочил мокрым платком губы инженера и обтер ему все лицо. Холодная вода почти немедленно оказала свое действие. Из груди Сайресса Смита вырвался глубокий вздох, и губы его пошевелились, словно он хотел что-то сказать.

– Мы спасем его! – сказал журналист.

Наб посмотрел на Гедеона Спилета, и в его глазах засветилась надежда. С ловкостью, выработанной долгой практикой, он быстро раздел своего хозяина, чтобы посмотреть, не ранен ли он. Однако на голове и на теле инженера не было ни ран, ни царапин, ни даже синяков, чтоказалось очень удивительным, так как ему, наверное, не раз пришлось удариться о прибрежные скалы. Даже на руках не видно было ни одной ссадины, а между тем, действуя главным образом только руками, инженер мог перебраться через гряду подводных утесов, где так страшно кипело и бурлило море во время шторма.

Но объяснение этого непонятного обстоятельства они получат в свое время. Когда Сайрес Смит придет в себя и будет в состоянии говорить, он, наверное, охотно расскажет обо всем, что с ним случилось за эти дни. Теперь же самое главное – как можно скорее привести в чувство инженера, который лежал в глубоком обмороке. В этом случае, по мнению Гедеона Спилета, одним из лучших средств является растирание тела сукном. Фланелевая рубашка Пенкрофа как раз годилась для этой цели, и ее немедленно пустили в дело. Энергичный массаж быстро согрел Смита, и он несколько раз пошевелил руками, дыхание у него стало почти нормальным.

мальным. Он страшно ослаб от истощения и, если бы вовремя не пришла помощь, наверное, умер бы в этой пещере.

— Значит, вы считали вашего хозяина мертвым? — спросил Пенкроф у Наба.

— Да, я думал, что он умер, — ответил Наб, — и если бы Топ не нашел вас, если бы вы не пришли, я похоронил бы моего хозяина и сам умер бы на его могиле.

Вот каким образом была спасена жизнь Сайреса Смита!

Затем Наб подробно рассказал, как он нашел инженера. Накануне рано утром покинув своих товарищей, он пошел по берегу в северо-западном направлении и вскоре достиг той части побережья, которую уже обследовал раньше. Там без всякой надежды на успех он искал на берегу между утесами и на песке какие-нибудь следы, которые могли бы направить его на верный путь. Особенно тщательно он осматривал часть берега, недосягаемую для волн, потому что ниже этой полосы следы могли быть смыты водой во время приливов и отливов. Наб уже не надеялся найти своего хозяина живым. Все его помыслы сосредоточивались на одном — найти его тело, которое он хотел похоронить собственными руками.

Долго искал Наб, но все поиски его оставались бесплодными. На пустынном берегу не было видно никаких признаков, по которым можно было бы предположить, что здесь прошел человек. Раковины моллюсков, которыми было усеяно все побережье, нетронутыми оставались лежать на своих местах. Если бы там проходил голодный человек, а инженер наверняка был голоден, то он, видимо, уничтожил бы их не один десяток. На всем этом пространстве протяженностью от двухсот до трехсот ярдов¹⁰ не было никаких следов, которые непременно должен был бы оставить человек, проходя по песчаной почве.

Наб решил пройти по берегу еще несколько миль. Возможно, течение отнесло тело инженера куда-нибудь в сторону. Если утопленники тонут недалеко от низменного берега, тела их обычно рано или поздно прибиваются волнами к этому берегу и выбрасываются на сушу во время приливов. Наб знал это и хотел в последний раз увидеть своего хозяина.

— Я прошел по берегу еще две мили, осмотрел всю линию подводных камней во время отлива, все побережье во время прилива и уже потерял надежду найти когда-нибудь того, кого искал, живым или мертвым, как вдруг вчера, часов в пять вечера, я заметил на песке следы человеческих ног...

— Следы? — перебил его Пенкроф.

— Да, следы, — ответил Наб.

— И эти следы начинались у самых скал? — спросил Спилет.

— Нет, — ответил Наб, — как раз на границе прилива, дальше за этой чертой, я думаю, они были смыты водой...

— Пожалуйста, продолжай, Наб, — сказал Гедеон Спилет.

— Когда я увидел эти следы, я чуть с ума не сошел. Следы были отлично видны и вели прямо к дюнам. Я бежал по этим следам с четверть мили, стараясь их не затоптать. Пять минут спустя, когда уже начинало темнеть, я услышал лай собаки. Это был Топ, который и привел меня сюда, к моему хозяину.

Затем Наб в ярких красках описал свое горе, когда увидел перед собой безжизненное тело. Раньше он желал найти его хотя бы мертвым, а теперь, когда он его нашел, ему уже хотелось видеть его живым. Но — увы! — все, что он ни делал для этого, ничего не помогало! Он умер! А Набу оставалось только похоронить человека, которого он так любил и за которого он с удовольствием сам лег бы в могилу!

В эту минуту Наб вспомнил о своих товарищах. Они, наверное, тоже ищут инженера и будут очень огорчены, если не будут присутствовать при погребении. Топ здесь. А если попробовать послать его за остальными... Собака такая умная, и у нее такое замечательное чутье...

¹⁰ Ярд — американская мера длины, равная 0,9144 метра.

Наб несколько раз произнес вслух имя журналиста, которого Топ знал лучше других. Потом он показал собаке на юг, и Топ быстро умчался в указанном направлении.

Не будем повторять, каким образом умный Топ, ведомый только инстинктом, который может показаться почти сверхъестественным, так как собака ни разу не была даже вблизи Гротов, все-таки добрался до них.

Спутники Наба слушали его рассказ очень внимательно. Они только не могли понять, почему Сайрес Смит после долгой борьбы с волнами, выплывая на берег и перебираясь через подводные скалы, не получил ни одной царапины. Также было непонятно, как ему удалось добраться до этой пещеры, затерянной среди песчаных холмов и удаленной от берега больше чем на милю.

— Послушай, Наб, значит, ты не переносил своего хозяина в эту пещеру?

— Нет, — ответил Наб.

— Тогда, значит, мистер Смит добрел до пещеры сам, — сказал Пенкроф.

— Очевидно, что так, — заметил Гедеон Спилет, — но это просто невероятно!

Объяснить эти обстоятельства мог только один человек, а именно сам инженер. Осталось лишь подождать, когда он будет в состоянии говорить. К счастью, жизнь уже брала верх над смертью. Растирание восстановило кровообращение. Сайрес Смит опять пошевелил руками, затем головой и даже произнес несколько неясных слов.

Наб, склонившийся над Смитом, громко звал его по имени, но инженер, видимо, не слышал, и глаза его все еще были закрыты. Жизнь проявлялась в нем пока только в движениях, а того, что происходило вокруг, он еще не сознавал.

Пенкроф очень сожалел, что в пещере не горит огонь и что у них нет даже самого необходимого для того, чтобы его развести. Второпях он забыл захватить свой платок, обращенный в легко воспламеняющийся трут, — пара камней дала бы нужную искру. Наб стал проверять одежду Смита, но ничего не нашел, кроме часов, вероятно случайно уцелевших в одном из карманов жилета. Поэтому было необходимо как можно скорее перенести Сайреса Смита в Гроты, где в одну минуту запылает целый костер. С этим мнением Пенкрофа согласились и все остальные.

Между тем благодаря растиранию инженер приходил в себя быстрее, чем они предполагали. Холодная вода, которой ему смачивали лицо и губы, тоже, по-видимому, оказала свое действие. Пенкрофу пришла в голову мысль влить инженеру в рот вместе с водой немного желе из мяса глухаря, которое он захватил с собой. Герберт сбежал на берег и принес две большие двухстворчатые раковины. Моряк составил нечто вроде микстуры и осторожно влил ее в рот инженеру, который с видимым удовольствием проглотил эту смесь. Вскоре Сайрес Смит открыл глаза. Наб и Спилет наклонились над ним.

— Мой господин!.. Господин!.. — вскричал Наб.

Инженер услышал его голос. Он узнал Наба и Спилета, а потом и остальных своих товарищей и даже слабо пожал им руки. С его уст опять сорвалось несколько слов, которые он уже произносил. Это доказывало, что какие-то мысли даже теперь мучили его. На этот раз его слова были понятны всем.

— Остров или материк? — прошептал он.

— Черт возьми! — воскликнул Пенкроф, который не смог сдержаться. — Не все ли равно! Самое главное, чтобы вы были живы и здоровы, мистер Сайрес! А что это такое, остров или материк, узнаем потом.

Инженер слегка кивнул головой и, по-видимому, задремал.

Никто не рискнул нарушить его сон, а журналист решил воспользоваться этим временем, чтобы как можно удобнее перенести инженера в их убежище на берегу. Наб, Герберт и Пенкроф вышли из пещеры и направились к высокой дюне, на которой росло несколько худосочных деревьев. По дороге моряк не мог удержаться, чтобы не повторять:

— Остров или материк! Есть о чем думать, когда сам едва дышит! Вот человек!

Взобравшись на вершину холма, Пенкроф и оба его товарища голыми руками обломали самые толстые ветви у довольно хилого дерева, похожего на приморскую сосну, засущенную ветрами, потом из этих ветвей сделали носилки. Если на них постелить листья и траву, можно было бы без особого труда перенести инженера.

На все это потребовалось около сорока минут, и было уже десять часов, когда Пенкроф, Наб и Герберт вернулись в пещеру, где Сайреса Смита ни на минуту не покидал Гедеон Спилет.

Как раз в это время инженер проснулся или, вернее, очнулся от дремоты, больше похожей на забытье. Его щеки, которые до сих пор были мертвенно-бледными, немного порозовели. Приподнявшись на локте, он осмотрелся вокруг и спросил, где они находятся.

— Вы в силах выслушать меня, Сайрес? — спросил Спилет.

— Да, — ответил инженер.

— Мне кажется, — заметил Пенкроф, — что мистер Смит будет слушать вас еще лучше, если поест еще немного желе из дичи... Имейте в виду, мистер Смит, что это настоящий глухарь, — прибавил он, предлагая инженеру новую порцию желе, к которому на этот раз добавил немного мяса.

Сайрес Смит с удовольствием съел несколько кусочков глухаря, а остальное по-братьски поделили между собой его товарищи, они тоже сильно проголодались и нуждались в подкреплении сил.

— Не беда, — сказал Пенкроф, проглотив доставшийся на его долю почти микроскопический кусочек мяса, — в Гротах нас ждет хороший запас дичи, которого хватит на всех. Вам надо знать, мистер Смит, что к югу отсюда, около берега, у нас есть дом из нескольких комнат, постели и даже камин, а в кладовой хранится несколько дюжин птиц, которых Герберт называет трегонами. Носилки для вас уже готовы, и, как только вы соберетесь с силами, мы перенесем вас в наше жилище.

— Спасибо, друг мой, — ответил инженер. — Дайте мне отдохнуть еще час или самое большее два, и тогда можно будет отправляться... А теперь говорите вы, Спилет.

Гедеон Спилет подробно рассказал обо всем, что с ними случилось с момента исчезновения Сайреса Смита, который, конечно, ничего не мог знать ни о том, где упал шар, как перебрались они с маленького островка на эту землю, которая, что бы это ни было — материк или остров, очевидно, была необитаемой. Он сообщил инженеру, как было открыто убежище среди скал, как искал его Наб, как отличился Топ, и вообще рассказал все.

— Но, — спросил Сайрес Смит все еще слабым голосом, — разве не вы нашли меня на берегу?

— Нет, — ответил Спилет.

— А сюда, в эту пещеру, кто меня перенес?.. Вы?

— Нет.

— На каком расстоянии находится эта пещера от берега?

— Приблизительно в полумиле, — ответил Пенкроф. — Это в самом деле удивительно, мистер Сайрес, мы даже представить себе не можем, каким образом вы добрались сюда.

— Странно, — проговорил инженер, к которому, видимо, вернулись силы, а с ними вместе и интерес ко всему, что заслуживало внимания. — Действительно, это очень странно!

— Мистер Сайрес, — продолжал Пенкроф, — не можете ли вы рассказать нам, что случилось с вами после того, как вы упали в море?

Сайрес Смит ответил не сразу, как бы желая сначала собраться с мыслями. В действительности он мог рассказать очень немногое. Порывом ветра его сорвало с сетки аэростата. Сначала он погрузился в воду на глубину нескольких метров, а когда наконец всплыл на поверхность, то в полумраке почувствовал, что около него держится на воде какое-то живое существо. Это был Топ, бросившийся ему на помощь. Посмотрев вверх, инженер не увидел

шара, – значительно облегченный падением в воду инженера и собаки, он стрелой поднялся в верхние слои и исчез. Таким образом, инженер очутился один в открытом океане на расстоянии полумили от берега. Волны заливали его, перебрасывая с места на место, несмотря на это, он все-таки пытался бороться с волнами и с помощью Топа старался доплыть до берега. Вдруг встречное течение подхватило их и отбросило к северу. Инженер начал терять силы и почувствовал, что идет ко дну, увлекая за собой в морскую пучину и Топа. Что было потом, инженер уже не помнит, он пришел в себя только здесь, в пещере, где его окружали друзья.

– А все-таки, – заметил Пенкроф, – после того как вас отбросило течением к северу, у вас, наверное, хватило сил добраться до этого места, потому что Наб нашел на песке следы ваших ног!

– Да… вероятно, так… – ответил инженер, о чем-то раздумывая. – А вы не видели другие следы человека на этом берегу?

– Ни одного, – ответил Гедеон Спилет. – Но если бы здесь были люди и кто-нибудь из них спас вас, он едва ли оставил бы вас после этого одного…

– Вы правы, дорогой Спилет. Послушай, Наб, – сказал инженер, обращаясь к своему верному слуге, – может быть, это ты… и потом… нет, ты не мог… нет… это было бы просто дико… А что, целы еще эти следы, которые вы считаете моими? – спросил в заключение Сайрес Смит.

– Да, хозяин, – ответил Наб. – Посмотрите, даже вот здесь, у входа в пещеру, ясно видны следы. Их не засыпало песком и не смыво дождем, а дальше к берегу следы уже плохо видны.

– Пенкроф, – сказал Сайрес Смит, – возьмите, пожалуйста, мои ботинки и проверьте, подходят ли они к этим следам.

Моряк без возражений отправился выполнять просьбу инженера. С ним пошли Герберт и Наб, который выступал в роли проводника. В пещере остались только Гедеон Спилет и Сайрес Смит.

– Тут произошло что-то необъяснимое! – сказал инженер.

– Да, в самом деле необъяснимое! – ответил Гедеон Спилет.

– Пока придется отложить разгадку этой тайны, дорогой Спилет… Мы еще поговорим об этом.

Через несколько минут вернулись Пенкроф, Герберт и Наб.

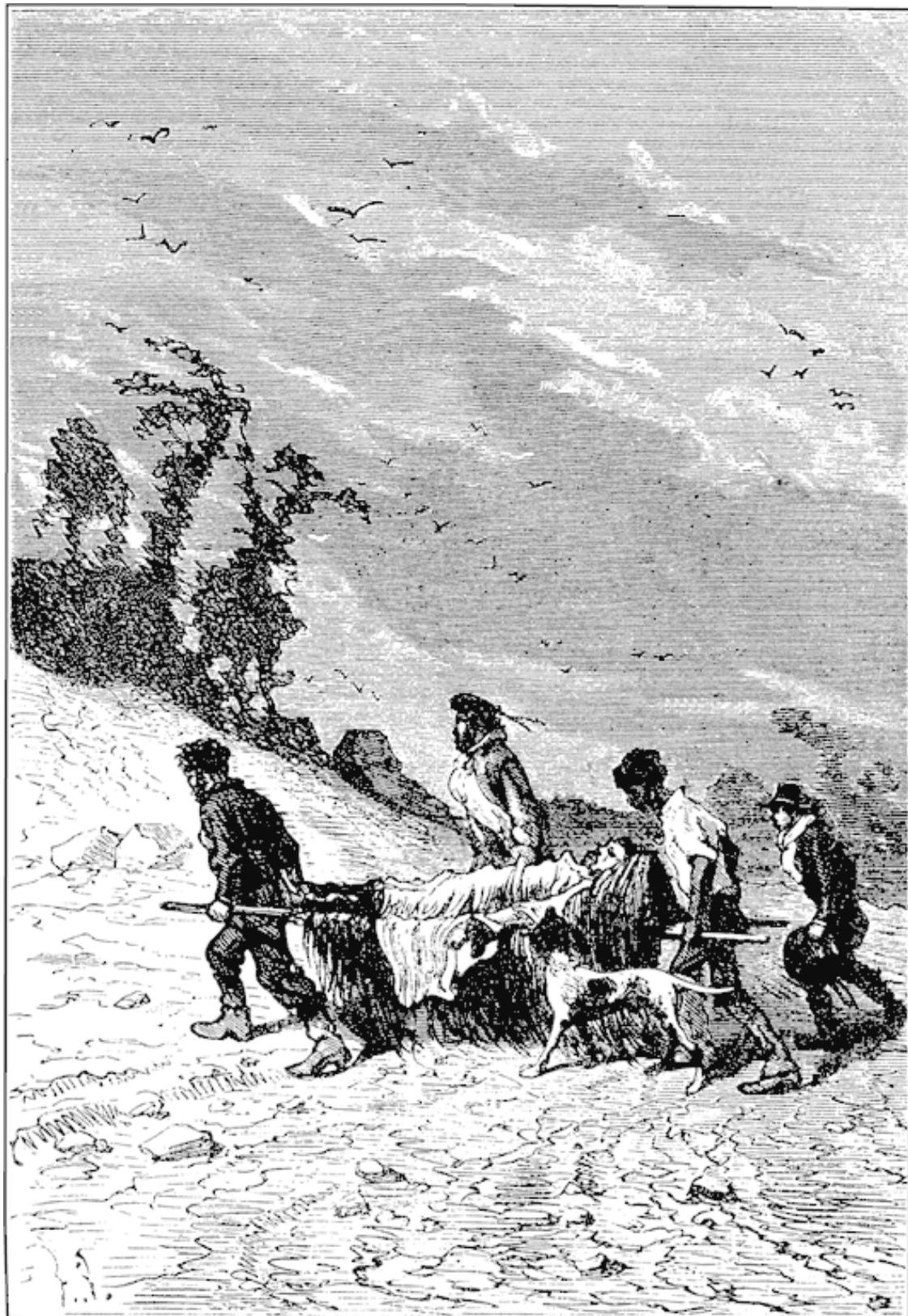
Сомнения никакого не было. Сапоги инженера точь-в-точь подходили к сохранившимся следам, следовательно, можно было считать, что это Сайрес Смит оставил их на песке.

– Ну что же, – сказал инженер, – значит, я все перепутал и забыл, хотя и готов был обвинить в этом беднягу Наба! Вероятно, я шел, как лунатик, не сознавая того, что делаю, а мой Топ своим инстинктом привел меня в эту пещеру. Он же, вероятно, и помог мне выбраться на берег… Подойди ко мне, Топ! Подойди, моя верная собака!

Великолепное животное с громким лаем бросилось к своему хозяину, и тот ласково его погладил.

И в самом деле, трудно было придумать другое разумное объяснение обстоятельств, при которых Сайресу Смиту удалось спастись. Топ по праву стал героем этого спасения.

Около полудня Пенкроф спросил Смита, может ли он теперь отправляться в путь. Вместо ответа Сайрес Смит поднялся на ноги, но с таким усилием, которое доказывало, что он это делает только благодаря своей силе воли. Однако чтобы удержаться на ногах и не упасть, ему пришлось опереться на Пенкрофа.

– Ну вот и отлично, – сказал Пенкроф, желая ободрить Смита. – Носилки господину инженеру!

Наб и Герберт принесли носилки, которые в изобилии накрыли мхом и длинными стеблями травы. Инженера осторожно подняли и положили на носилки, которые понесли Пенкроф и Наб.

Предстояло пройти около восьми миль. А так как с тяжелыми носилками они не смогут двигаться быстро и, кроме того, придется не раз останавливаться на отдых, то путешествие продлится по крайней мере часов шесть.

Ветер был все еще довольно сильным, но дождь, к счастью, уже перестал. Лежа на носилках, инженер осматривал побережье, стараясь изучить характер местности. Особенно внимательно он всматривался в противоположную от моря сторону. Смит не говорил ни слова, а только смотрел, запоминая места, по которым они проходили. Но вскоре усталость взяла свое, и через два часа он опять заснул, но это было уже не забытье, не обморок, а здоровый, укрепляющий сон.

В половине шестого экспедиция подходила к скале с усеченной вершиной, и через несколько минут была около Гротов. Все остановились, носилки осторожно опустили на песок. Сайрес Смит все еще крепко спал.

Удивленный Пенкроф увидел, что свирепствовавшая накануне буря произвела на берегу довольно заметные опустошения и сильно изменила вид местности. Повсюду виднелись следы обвалов. На берегу лежали большие обломки скал, и густой ковер морской травы и водорослей покрывал все побережье. Очевидно, море, после того как залило маленький островок, докатилось даже до гранитной стены.

Перед входом в Гроты земля вся была покрыта глубокими рытвинами. Вероятно, это сделал прилив во время шторма. Страшное предчувствие овладело Пенкрофом. Он испуганно вздрогнул и как стрела бросился в узкий проход. Почти в ту же минуту он вышел оттуда и застыл на месте, оглядывая своих товарищей.

Огонь погас. Зора, залитая водой, превратилась в липкую грязь. Жженая тряпка, которая заменяла трут, исчезла. Море ворвалось в Гроты и все там разрушило.

Глава девятая

Сайрес здесь. – Попытки Пенкрофа. – Получение огня. – Остров или материк? – Планы инженера. – В каком месте Тихого океана? – В лесу. – Сосновые шишки. – Охота на дикую свинью. – Дым.

В нескольких словах Пенкроф рассказал Гедеону Спилету, Герберту и Набу о том, что случилось. Это событие, которое могло повлечь за собой довольно серьезные последствия, – по крайней мере, так думал Пенкроф, – произвело неодинаковое впечатление на его товарищей.

Наб от радости, что нашел наконец своего хозяина, почти не слушал или, вернее, даже не хотел слушать то, о чем Пенкроф говорил с таким сожалением.

Герберт до некоторой степени разделял опасения моряка.

Что же касается Спилета, то, выслушав Пенкрофа, он ответил только:

– Честное слово, Пенкроф, мне это все равно.

– Но я вам повторяю еще раз: огонь погас!

– Пустяки!

– И нет ни одной спички, чтобы развести его...

– Не беда!

– Но, мистер Спилет...

– Но разве Сайрес Смит не с нами?... – возразил журналист. – И к тому же живой! Уверяю вас, что он сумеет добить нам огонь, как только захочет!

– Но каким образом?

– Это не мое дело.

Что мог ответить на это Пенкроф? Ничего. Он ничего и не ответил, потому что и сам с таким же доверием, как и его товарищи, относился к Сайресу Смиту. Для них инженер был воплощением изобретательности, они считали его человеком, который благодаря своим знаниям может сделать все. По их мнению, вместе со Смитом здесь, на необитаемом острове, они устроятся не хуже, чем без него в любом из самых больших американских городов. При нем не может быть недостатка ни в чем. С ним не надо ничего бояться, а тем более приходить в отчаяние потому, что потух огонь. Если бы кто-нибудь сказал им, что этот остров должно уничтожить извержение вулкана, что он скроется под волнами Тихого океана, то они невозмутимо ответили бы: «Здесь Сайрес! Поговорите с ним».

Но пока что инженер был еще слаб и к тому же спал, так что они не могли пока воспользоваться его помощью, хотя она и была им крайне необходима. Поэтому придется сегодня лечь спать если не совсем без ужина, то, во всяком случае, довольствуясь скучной трапезой. Жареные глухари были уже съедены, а жарить какую-нибудь другую дичь было не на чем, впрочем, и дичи тоже не было. В довершение всего водой унесло и связку трегонов, которые были отложены про запас. Надо посоветоваться, что предпринять и чем утолить голод.

Прежде всего осторожно перенесли Сайреса Смита в центральный грот. Там удалось устроить для него сносное ложе из водорослей, оказавшихся почти сухими. Глубокий сон, в который он погрузился, должен был восстановить силы инженера даже лучшие, чем это сделала бы обильная пища.

Наступил вечер, а вместе с ним понизилась и температура воздуха, изменившаяся под влиянием ветра, который теперь начал дуть с северо-востока. А так как буря разрушила перегородки, устроенные Пенкрофом в некоторых проходах, то в Гротах гулял жестокий сквозняк. Ослабевший инженер мог сильно пострадать при таких условиях, но его товарищи, сняв с себя пиджаки и куртки, заботливо укутали его.

В этот вечер ужин состоял только из неизбежных литодом, собранных на берегу Гербертом и Набом. Кроме того, к этим моллюскам молодой натуралист прибавил еще и съедобные

водоросли, которые он нашел на высоких скалах, куда океан забросил их во время шторма. Эти водоросли вида саргассов из семейства фуксовых в высушенном виде представляют собой студенистую массу, богатую питательными веществами. Корреспондент и его товарищи, проглотив каждый по десятку моллюсков, принялись сосать эти водоросли, вкус которых показался им довольно сносным.

Надо заметить, что в Азии эти водоросли составляют одно из любимых кушаний туземцев и считаются очень питательными.

– Все равно! – сказал Пенкроф, выслушав рассказ о водорослях. – Однако пора бы мистеру Сайресу прийти к нам на помощь.

Становилось очень холодно, и, к несчастью, не было никакой возможности согреться.

Расстроенный Пенкроф все время ворчал и всеми способами пытался добить огонь. Наб усердно помогал ему. Они отыскали небольшую охапку сухого мха и принялись высекать огонь, ударяя камнем о камень. Но мох, к сожалению, не очень-то легко воспламеняющийся, даже не вспыхнул. Кроме того, искры, сверкавшие при ударе камней друг о друга, были раскаленными добела частицами кремния и, конечно, не могли иметь того действия, которое имеют искры, вылетающие из обычновенного стального огнива. Таким образом, эта попытка не удалась.

Затем Пенкроф начал добывать огонь трением одного сухого кусочка дерева о другой, как это делают дики, хотя и не надеялся добиться этим способом желаемого результата. Но если ту энергию, которую затратили на это дело Наб и Пенкроф, превратить в теплоту, то ее хватило бы не только на то, чтобы зажечь щепку, но и обратить в пар воду в котле океанского парохода. А тут никакого результата: куски дерева стали теплыми, и только. Зато отлично согрелись оба труженика – Пенкроф и Наб.

После часа работы Пенкроф был весь в поту и с досадой отбросил куски дерева.

– Я скорей поверю, что зимой может быть жарко так же, как и летом, чем тому, что дики добывают этим способом огонь! – сказал он. – Гораздо легче зажечь свои руки, если целый час тереть их одну о другую!

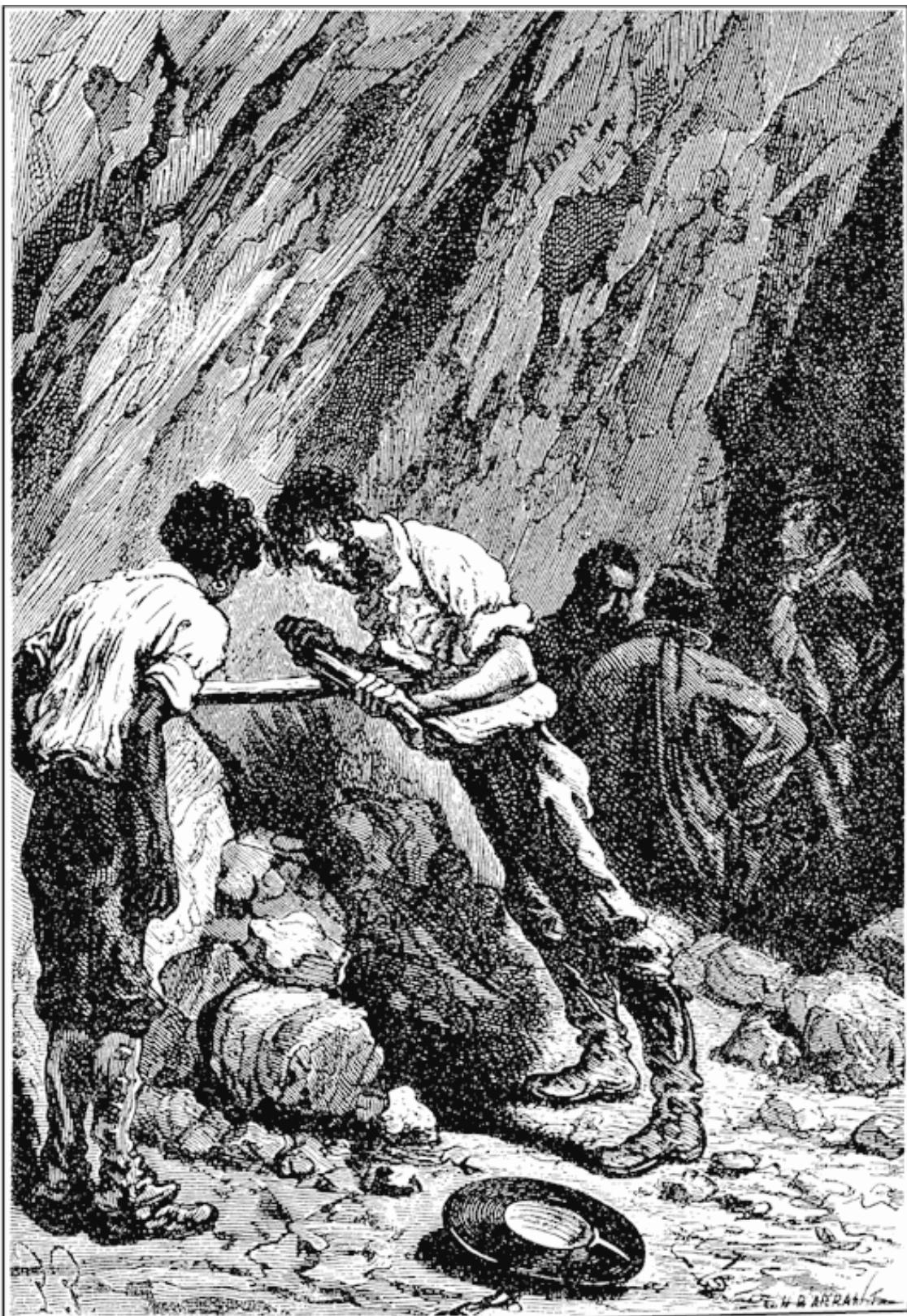
Пенкроф был не прав, отрицая возможность добить огонь этим способом. Известно, что дики до сих пор зажигают куски сухого дерева с помощью трения, что с успехом заменяет им спички. Но, конечно, не все древесные породы годятся для такой операции, и, кроме того, нужно было знать какой-то особый прием, и, конечно, нужно было иметь некоторый опыт, чего не могло быть у Пенкрофа.

Но его дурное расположение духа продолжалось недолго, и вскоре веселый смех сменил собой проклятия, которые он расточал по поводу своей неудачи. Виновником такой резкой перемены в настроении Пенкрофа оказался Герберт, который, подняв брошенные куски дерева, стал со всей силы тереть их друг о друга. Моряк весело хохотал, глядя на бесплодные усилия юноши, желавшего добиться успеха там, где он сам только что потерпел неудачу.

– Три, мой мальчик, три хорошенъко! – говорил он, сопровождая свои слова хохотом.

– Я тру, – со смехом отвечал Герберт, – но вовсе не затем, чтобы добить огонь... Я страшно замерз и дрожал от холода, а теперь начинаю согреваться и надеюсь, что через несколько минут мне будет так же жарко, как и тебе, Пенкроф.

И Герберт очень скоро добился того, чего хотел, хотя, конечно, огня он не добыл. Впрочем, на это можно было не рассчитывать, по крайней мере, в эту ночь. Гедеон Спилет утешал своих товарищ, что, как только Сайрес Смит будет чувствовать себя лучше, он сразу же найдет способ получить огонь. А пока что Спилет улегся спать на своем песчаном ложе в укромном месте. Герберт, Наб и Пенкроф последовали его примеру, а Топ уже давно спал в ногах у своего хозяина.

На другой день, 28 марта, инженер проснулся около восьми часов утра и увидел возле себя своих товарищ, терпеливо дожидавшихся его пробуждения. Как и накануне, он прежде всего задал им вопрос:

– Остров или материк?

По-видимому, эта мысль не покидала его даже во сне.

— Хм... — ответил за всех Пенкроф. — Мы этого не знаем, мистер Смит.

— Неужели вы до сих пор этого не узнали?

— Нет. Но, конечно, мы это узнаем, когда отправимся с вами на разведку.

— Мне кажется, я уже в состоянии идти с вами, — ответил инженер и без особых усилий поднялся на ноги.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Пенкроф.

— Я так ослаб, главным образом, от истощения, — ответил Сайрес Смит. — Друзья мои, дайте мне чего-нибудь поесть, и с меня всю эту слабость как рукой снимет. У вас разведен огонь, не так ли?

Все молчали. Наконец, Пенкроф сказал:

— Увы! У нас нет огня... Хотя точнее следовало бы сказать, мистер Сайрес, что у нас больше нет огня!

И Пенкроф рассказал Смиту, какого труда им стоило развести огонь и как он потух накануне. Инженер, улыбаясь, слушал повествование о единственной спичке и неудачной попытке добить огонь трением, как это делают дикари.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал он, — и если не найдем вещества, подобного труту...

— Что тогда? — с тревогой спросил Пенкроф.

— Тогда мы станем делать спички.

— Настоящие?

— Настоящие.

— Видите, Пенкроф, как это просто, — сказал Спилет, хлопая моряка по плечу.

Пенкрофу, однако, это совсем не казалось таким простым делом, но, не желая вступать в спор, он не возразил ни слова. Все вышли наружу. Погода улучшилась. Яркое солнце поднималось над горизонтом, обещая ясный безоблачный день.

Инженер внимательно осмотрелся кругом, а затем, ни слова не говоря, сел на большой обломок скалы. Герберт подал ему пригоршню литодом и водорослей.

— Это все, что у нас есть, мистер Сайрес, — сказал юноша.

— Спасибо, милый мальчик, этого хватит на завтрак, — ответил Смит.

Он с аппетитом съел эту скучную пищу и запил ее свежей водой, принесенной из реки в большой раковине. Остальные смотрели на него, не говоря ни слова. Утолив голод, Сайрес Смит скрестил руки на груди и сказал:

— Итак, друзья мои, вы все-таки еще не знаете, куда забросила нас судьба: на материк или на остров?

— Нет, мистер Сайрес, — ответил Герберт.

— Мы это узнаем завтра, — продолжал инженер. — А до тех пор нам делать нечего.

— Нет, есть, — возразил Пенкроф.

— Что именно?

— Огонь, — заявил моряк, у которого тоже была своя навязчивая идея.

— Будет у нас и огонь, Пенкроф, — ответил Смит. — Вчера, когда вы несли меня, мне показалось, что я видел на западе гору, которая, насколько я мог заметить, господствовала над всей этой местностью.

— Да, — подтвердил Гедеон Спилет, — мы тоже видели эту гору... Она кажется очень высокой...

— Она-то нам и нужна, — сказал инженер. — Завтра мы поднимемся на эту гору и увидим оттуда, остров это или материк. А до тех пор, повторяю, делать нечего.

— Нам нужен огонь! — опять повторил упрямый моряк.

— Не беспокойтесь, будет вам огонь! — возразил Гедеон Спилет. — Потерпите немножко, Пенкроф!

Пенкроф промолчал, но посмотрел на Спилета с таким видом, словно хотел сказать: «Если понадеяться на вас, то мы еще не скоро попробуем жаркого!»

Сайрес Смит молча сидел на своем месте. По-видимому, вопрос об огне его никаколько не тревожил. После нескольких минут размышлений он поднял голову и сказал:

— Друзья мои, наше положение, может быть, и плачевно, но выяснить его будет нетрудно. Если мы на материке, тогда рано или поздно, каких бы трудов и лишений от нас это ни потребовало, мы доберемся до какого-нибудь населенного пункта. Но, возможно, мы на острове. В последнем случае одно из двух: если остров обитаем, мы постараемся сблизиться с его обитателями и попробуем с их помощью выбраться отсюда; если же он необитаем, нам придется надеяться только на самих себя...

— Да это просто!.. Именно так я и думал, — перебил инженера Пенкроф.

— Но материк это или остров — не имеет, по-моему, особого значения, — вмешался Гедеон Спилет, — гораздо важнее знать, куда нас забросил ураган. Можете вы, Сайрес, ответить на этот вопрос?

— Я этого пока еще не знаю, — ответил инженер, — но думаю, что мы находимся в Тихом океане. Вы, конечно, помните, что в то время, когда мы покидали Ричмонд, ветер дул с северо-востока, и сила этого ветра доказывает, что его направление не могло измениться. Если направление ветра с северо-востока на юго-запад не менялось, то мы должны были пролететь над штатами Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия, над Мексиканским заливом, над Мексикой в узкой ее части и затем над частью Тихого океана. Я определяю расстояние, которое пролетел шар за это время, не меньше чем шесть-семь тысяч миль. Если ветер за это время изменился хотя бы на полрумба, он должен был отнести нас или на Минданао, или на Туамоту. Если скорость ветра была больше, чем я предполагаю, то мы могли достигнуть даже Новой Зеландии. Если моя гипотеза верна, то нам будет нетрудно вернуться на родину. Кого бы нам ни пришлось встретить, англичан или маори, и те и другие не откажутся помочь нам. Если же нас занесло ураганом на какой-нибудь необитаемый остров малоизвестного архипелага, — это, впрочем, мы, вероятно, узнаем, взобравшись на вершину горы, господствующей над всей этой местностью, — тогда мы поговорим о том, как лучше здесь устроиться. Возможно, нам придется остаться на этой земле навсегда.

— Навсегда! — воскликнул Спилет. — Вы говорите, навсегда, дорогой Сайрес?

— В любом случае, по моему мнению, всегда следует принимать во внимание и худший вариант, — ответил инженер, — и не создавать себе иллюзий, которые потом могут не оправдаться.

— Хорошо сказано, — вмешался Пенкроф. — Но все-таки будем надеяться, что этот остров, если мы на острове, не очень удален от морских путей! Иначе это было бы настоящим несчастием!

— Мы узнаем, как обстоят дела, после того, как поднимемся на гору, — ответил Смит.

— Но, мистер Сайрес, — спросил Герберт, — сможете ли вы завтра перенести утомительное даже для здорового человека восхождение на гору?

— Надеюсь, что смогу, но только в том случае, если мистер Пенкроф и ты, дитя мое, сумете отличиться на охоте и принести нам много дичи.

— Мистер Сайрес, — сказал Пенкроф, — вы хотите, чтобы мы принесли дичь, — будьте спокойны, мы не вернемся с пустыми руками. Но только я боюсь, что все наши труды пропадут даром и нашу дичь не на чем будет жарить...

— Идите за дичью, Пенкроф, — ответил Смит.

С общего согласия было решено, что инженер и Спилет останутся в Гrotах и обследуют побережье и верхнее плато. Тем временем Наб, Герберт и Пенкроф отправятся в лес за новым запасом топлива и дичи — пернатой или пушной.

Около десяти часов утра охотники двинулись вверх по берегу реки. Герберт был полон надежд, Наб сиял от радости и слышать ничего не хотел после того, как нашел своего хозяина, и только Пенкроф ворчал:

– Если я вернусь и найду дома огонь, значит, его зажгло громом небесным!

Все трое поднялись на крутой берег, и, дойдя до того места, где река делала крутой поворот, Пенкроф остановился и спросил своих спутников:

– Кем мы сначала будем: охотниками или дровосеками?

– Охотниками, – ответил Герберт. – Видишь, Топ уже делает стойку.

– Ну что же, будем охотиться, – согласился Пенкроф, – а на обратном пути сделаем здесь остановку и запасемся хворостом.

Герберт, Наб и Пенкроф выломали себе по дубинке и пошли за Топом, прыгавшим в высокой траве.

На этот раз охотники вместо того, чтобы идти по течению реки, углубились прямо в самую чащу леса. Здесь в основном росли хвойные деревья, принадлежавшие к семейству сосновых. Местами отдельные сосны достигали гигантских размеров и как будто указывали, что местность эта лежит в более высоких широтах, чем предполагал инженер. На некоторых прогалинах валялись десятки переломанных бурями деревьев, сухие ветки которых представляли неисчерпаемый запас дров. Чем дальше углублялись охотники в лес, тем реже попадались прогалины, тем гуще росли деревья и тем труднее было пробираться сквозь заросли. Держаться какого-то определенного направления, пробираясь по такому густому лесу, было довольно трудно, а найти дорогу назад, пожалуй, будет еще труднее. Пенкроф время от времени отмечал свой путь вехами, обламывая нижние ветви у деревьев, мимо которых они проходили. Но, может быть, они напрасно повернули в сторону от берега реки и не пошли вверх по течению, как Пенкроф с Гербертом в прошлый раз. Они уже целый час шли по лесу и все еще не встретили никакой дичи. Топ, бегая по высокой траве, только спугивал по временам птиц, которые тотчас же с громкими криками улетали подальше от опасного соседства. Даже трегонов нигде не было видно, – они, очевидно, совсем не водились в этой местности. Вероятно, им придется вернуться с пустыми руками, если не удастся ничего поймать в болотистой части леса, где Пенкроф так удачно ловил глухарей на удочку.

– Эй, Пенкроф! – проговорил Наб слегка насмешливым тоном. – Если только это вся дичь, которую вы обещали принести моему хозяину, то, пожалуй, и огонь не потребуется, чтобы ее изжарить.

– Потерпи немного, Наб, – ответил моряк. – Дичь-то у нас будет, был бы только у них огонь!

– Значит, вы не очень доверяете мистеру Смиту?

– Нет, верю, и даже очень.

– Почему же тогда вы не верите, что он добудет огонь?

– Я поверю этому только тогда, когда дрова будут гореть в очаге.

– Дрова будут гореть, – ведь хозяин вам это уже говорил!

– Посмотрим!

Солнце было уже высоко, хотя и не достигло еще зенита. Экспедиция продолжалась, и охотники бродили по лесу, разыскивая дичь, которая словно нарочно попряталась куда-то. Вдруг Герберт совершенно случайно сделал важное открытие – он нашел дерево со съедобными плодами. Это был один из многочисленных видов сосны – итальянская пиния, дающая очень вкусные орехи, похожие на миндаль, которые очень ценятся в умеренном климате Америки и Европы. Орехи эти оказались спелыми, и, следуя примеру Герberта, охотники с удовольствием ими полакомились.

– Эх! – сказал Пенкроф. – Вместо хлеба водоросли, вместо жареного мяса сырье моллюски и сосновые ядрышки на десерт – вот самый подходящий обед для людей, у которых нет ни одной спички в кармане!

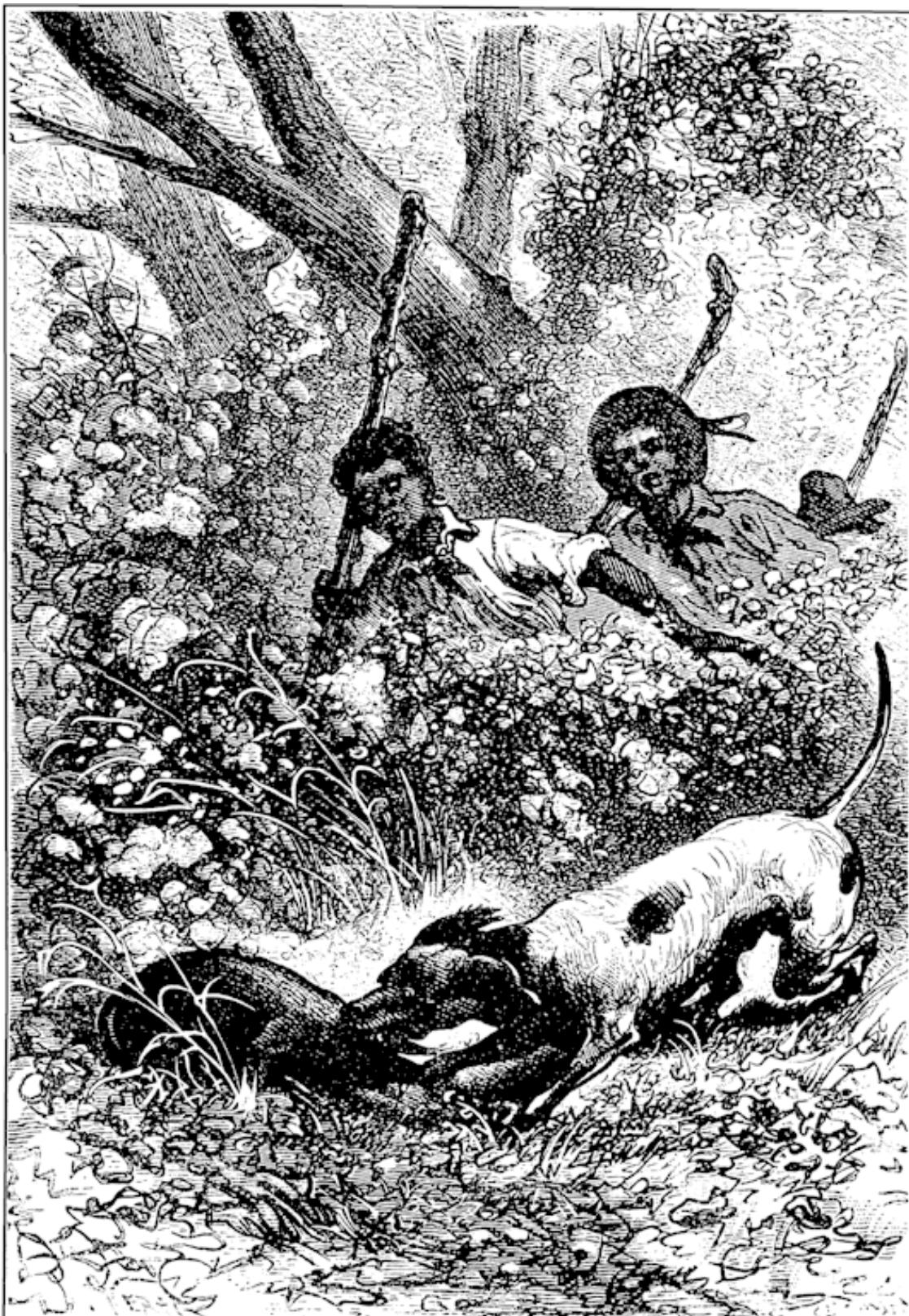
– Знаешь, Пенкроф, нам, по-моему, пока не на что жаловаться, – заметил Герберт.

– Я и не жалуюсь, мой мальчик, – ответил Пенкроф. – Я только хотел сказать, что за эти дни мы слишком мало ели мяса, да, кажется, не скоро попробуем его снова!

– Топ что-то нашел!.. – воскликнул Наб, бросившись в чащу, где слышался громкий лай собаки, к которому примешивалось какое-то странное хрюканье.

Пенкроф с Гербертом побежали за Набом. Топ, по всей вероятности, нашел какую-то дичь, и охотникам надо было не упустить возможность раздобыть мясо.

Пробравшись через кусты, охотники увидели, что Топ вцепился в ухо какого-то небольшого животного, стараясь его свалить. Животное было очень похоже на небольшую свинью, вернее, на поросенка. Оно имело около двух с половиной футов в длину и было покрыто грубой редкой шетиной темно-коричневого цвета, более светлой на животе. Его лапы, которыми оно сильно упиралось в землю, оканчивались пальцами с когтями, соединенными перепонкой. Герберт сказал, что это дикий кабан, один из самых больших представителей отряда грызунов.

Между тем кабан не пытался отбиваться от собаки и только тупо вращал глазами, заплывшими толстым слоем жира. Может быть, он испугался людей, которых видел в первый раз.

Наб уже собирался ударить кабана дубинкой, как вдруг животное вырвалось из лап собаки и, оставив в зубах Топа ключок своего уха, с громким хрюканьем кинулось на Герберта. Едва не опрокинув растерявшегося юношу, оно в ту же минуту исчезло в зарослях.

— Ах ты, подлая! — закричал Пенкроф.

Все три охотника бросились вдогонку по следам Топа, но в ту самую минуту, когда пес почти настиг кабана, тот неожиданно скрылся в большом болоте среди вековых сосен. Наб, Герберт и Пенкроф в удивлении остановились. Топ прыгнул в воду, но кабан, вероятно, спрятался на самом дне и больше не показывался.

— Подождем, — сказал юный натуралист. — Он скоро выплынет на поверхность подышать воздухом.

— А он не утонет? — спросил Наб.

— Нет, — ответил Герберт, — потому что у него пальцы с перепонкой. Это почти земноводное животное. Будем его караулить!

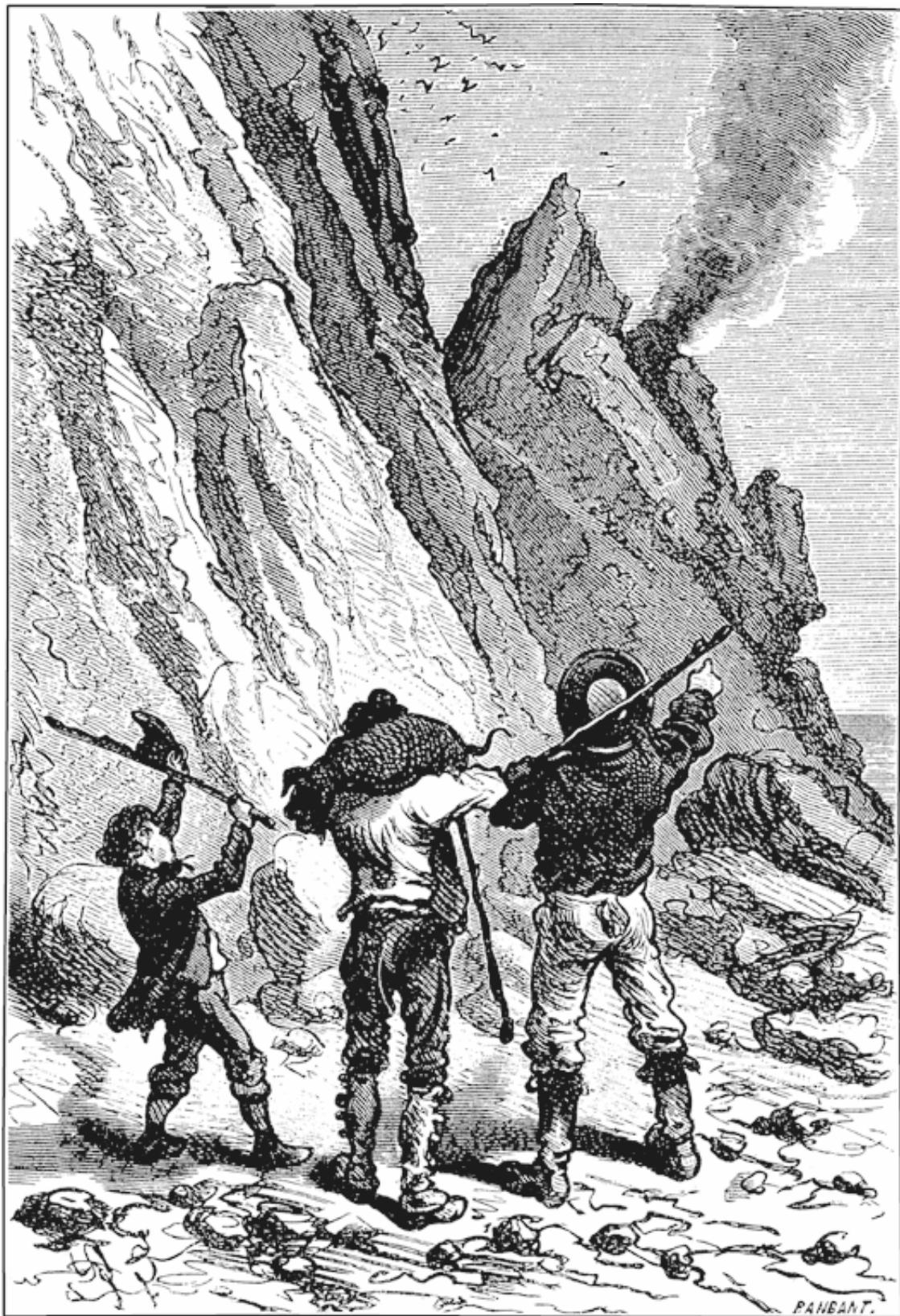
Топ плавал в воде. Пенкроф с товарищами окружили болото со всех сторон, чтобы отрезать кабану отступление, и стали ждать.

Герберт не ошибся. Несколько минут спустя кабан выплыл на поверхность. Одним прыжком Топ вскоцил кабану на спину, не давая ему снова нырнуть на дно. Наб бросился в воду и с торжеством вытащил кабана на берег, где прикончил его ударом дубинки по голове.

— Ура! — крикнул Пенкроф, празднуя победу, и затем сейчас же прибавил: — Эх! Будь у нас спички, развели бы мы огонь, зажарили бы на нем свинку и обгладали бы ее до косточек.

Затем Пенкроф взвалил кабана на плечи и, определив по высоте солнца, что времени уже около двух часов дня, подал сигнал к возвращению.

Инстинкт Топа и на этот раз сослужил охотникам отличную службу, благодаря умному животному они легко нашли обратную дорогу домой. Через полчаса они уже подходили к повороту реки.

Пенкроф, как и в прошлый раз, быстро соорудил плот, хотя из-за отсутствия огня эта работа казалась ему бесполезной. Когда плот поплыл вниз по течению, охотники по берегу реки направились к своему убежищу.

Но, пройдя шагов пятьдесят, Пенкроф остановился и снова издал громкое «ура». Показывая рукой на утесы, он закричал:

– Герберт! Наб! Смотрите!
Над утесами вились густые клубы дыма.

Глава десятая

Изобретение инженера. – Вопрос, тревожащий Сайреса Смита. – Подъем на гору. – Лес. – Вулканическая почва. – Трагопаны. – Муфлоны. – Первое плато. – Остановка на ночь. – На вершине горы.

Несколько минут спустя охотники уже стояли перед пылающим очагом. Сайрес Смит и Спилет были здесь же. Пенкроф, все еще продолжая держать кабана на плече, молча смотрел на них.

– Вот, Пенкроф, видите? – заговорил Спилет. – Теперь у нас есть огонь, настоящий огонь, на котором можно будет прекрасно зажарить чудесную дичь, которую вы принесли.

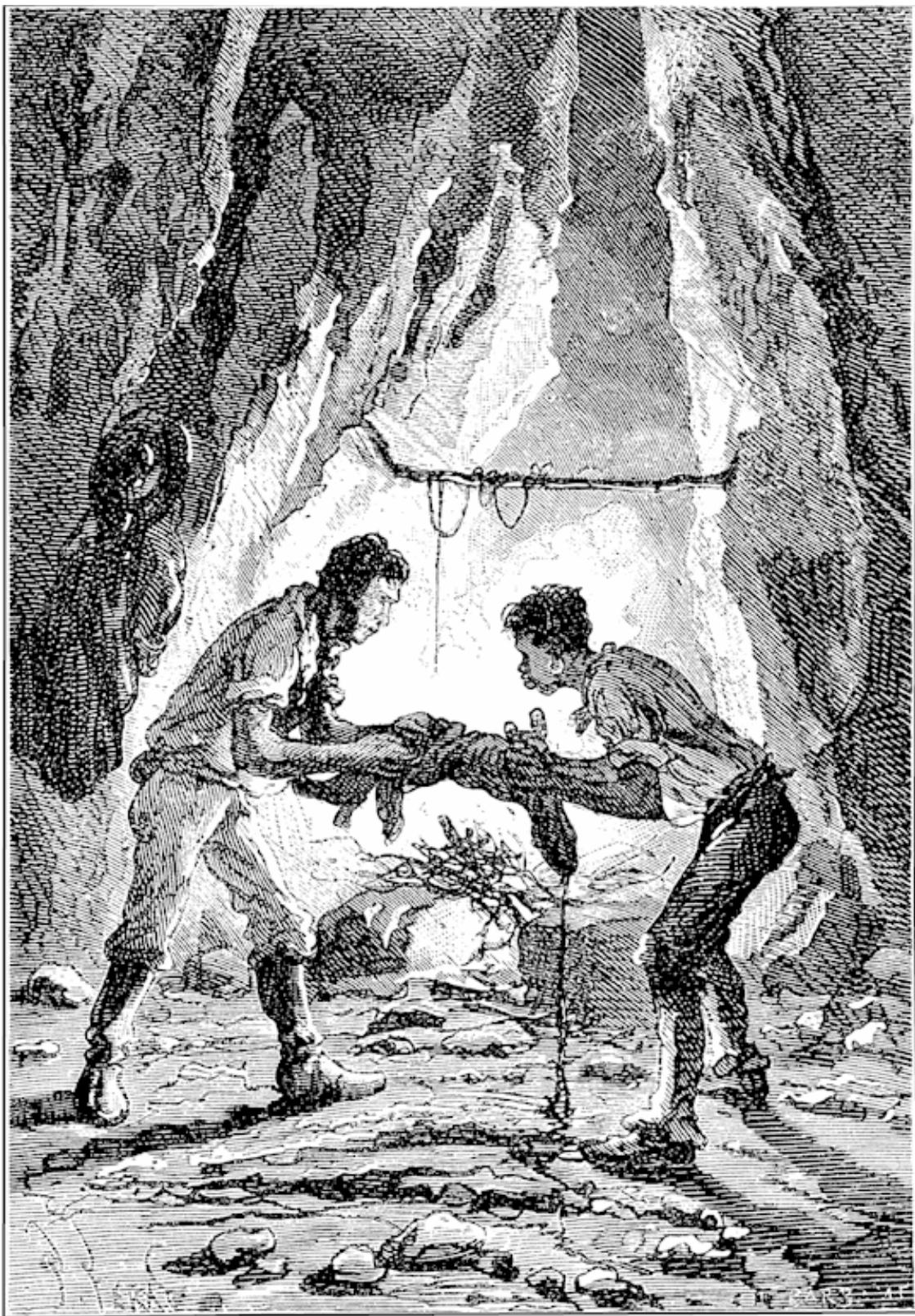
– Кто зажег огонь?.. – спросил Пенкроф.

– Солнце!

Гедеон Спилет сказал правду. Солнце действительно уделило частицу своего тепла, чтобы зажечь дрова, которые так ярко пылали в очаге. Пенкроф смотрел и не верил своим глазам. Он был так поражен, что даже не мог говорить.

– Значит, у вас была лупа, мистер Сайрес? – спросил Герберт.

– Нет, дитя мое, – ответил инженер, – но я сделал ее.

И он показал прибор, который заменил ему лупу. Это были просто два кружочка стекла, которые он снял со своих часов и с часов Спилета. Наполнив их водой и скрепив края мягкой глиной, изобретательный инженер изготовил настоящее увеличительное стекло, которое сосредоточило лучи солнца на охапке сухого мха и воспламенило его. Моряк внимательно осмотрел лупу, взглянул на инженера, но опять не сказал ни слова. Зато взгляд его был очень

красноречив! Сайрес Смит казался ему если не божеством, то по меньшей мере сверхчеловеком. Наконец к нему вернулся дар речи, и он заговорил, обращаясь к журналисту:

— Запишите это, мистер Спилет, обязательно запишите это в вашу книжку!
— Записано уже, — ответил тот.

С помощью Наба Пенкроф выпотрошил кабана, насадил его на вертел и стал поджаривать так, как жарят повара обыкновенных поросят. Герберт не забывал подбрасывать хворост, и огонь весело пыпал в очаге.

Гроты снова стали пригодны для жилья, не только потому, что в них стало теплее благодаря пылавшему огню, но еще и потому, что перегородки из камней и песка были восстановлены.

Как видно, инженер и журналист хорошо поработали за день. Силы Сайреса Смита почти восстановились, и, чтобы испытать себя, он даже поднялся на верхнее плато. Стоя там, он долго смотрел на видневшуюся вдали гору, вершину которой собирался покорить на следующий день. Привыкнув на глаз определять расстояние и измерять высоту, инженер посчитал, что гора находится в шести милях к северо-западу, а высота ее приблизительно три тысячи пятьсот футов над уровнем моря. Следовательно, если подняться на вершину этой горы, оттуда можно будет осмотреть горизонт радиусом, по крайней мере, пятьдесят миль. Вероятно, Смит завтра получит точный ответ на самый важный вопрос: куда же забросила их судьба — на материк или на остров.

Поужинали отлично. Жареное мясо кабана всем очень понравилось. Водоросли и орехи заменили собой десерт. Во время ужина инженер разговаривал очень мало, обдумывая план действий на следующий день. Один или два раза Пенкроф пробовал заговорить о том, как они завтра примутся за работу, но Сайрес Смит, видимо не желая пока обсуждать этот вопрос, в ответ на все предложения моряка, слегка качая головой, говорил:

— Подождем до утра, и тогда будет видно, что нам делать и куда идти. Послушайте меня, отложим это до завтра!

После ужина в очаг подбросили еще одну охапку хвороста на ночь, и вскоре все обитатели Гротов, а с ними и верный Топ, заснули глубоким сном. Ничто не нарушило спокойствия этой мирной ночи, и на следующий день, 29 марта, они проснулись утром свежие и бодрые, готовые отправиться в экспедицию, которая должна была определить их дальнейшую судьбу.

Все было готово к отправлению. Остатков вчерашнего жаркого могло хватить еще на целые сутки, если не больше. Кроме того, они надеялись по дороге пополнить запасы провизии. Так как стекла, заменявшие собой лупу, снова были вставлены в часы, то Пенкроф предусмотрительно изготовил трут, спалив еще один кусок своего платка. Что касается кремней, то их, конечно, будет достаточно на этой земле вулканического происхождения.

В половине восьмого утра исследователи, вооруженные дубинками, покинули свое жилище. По совету Пенкрофа, с общего согласия решили идти к горе через лес по знакомому уже пути, а возвращаться домой по другой дороге. План этот был хорош еще и тем, что дорога через лес была самой короткой, и они могли быстрее дойти до горы. Поэтому, обогнув южный угол скалы, путники пошли по левому берегу реки до ее поворота на юго-запад. Проложенная охотниками накануне тропинка была легко найдена, исследователи быстро двигались вперед и к девяти часам утра достигли западной окраины леса.

Почва, сначала немного болотистая, а потом сухая и песчаная, постепенно поднималась от берега в глубь местности. Кое-где в лесу попадались животные, которые в испуге спешили скрыться от людей в густой чаще. Топ то и дело бегал за ними, но Сайрес Смит строгим голосом приказывал ему вернуться, так как сейчас они шли совсем не на охоту. Потом, может быть, они займутся и охотой. Инженер принадлежал к числу тех людей, которые не любят отвлекаться, когда стремятся к осуществлению задуманной цели. Он не только не хотел охотиться, но даже не старался запомнить местность, по которой они проходили. Все это, если будет нужно, он

сделает потом. Сейчас его единственной целью было подняться на вершину горы и оттуда окинуть взглядом весь горизонт.

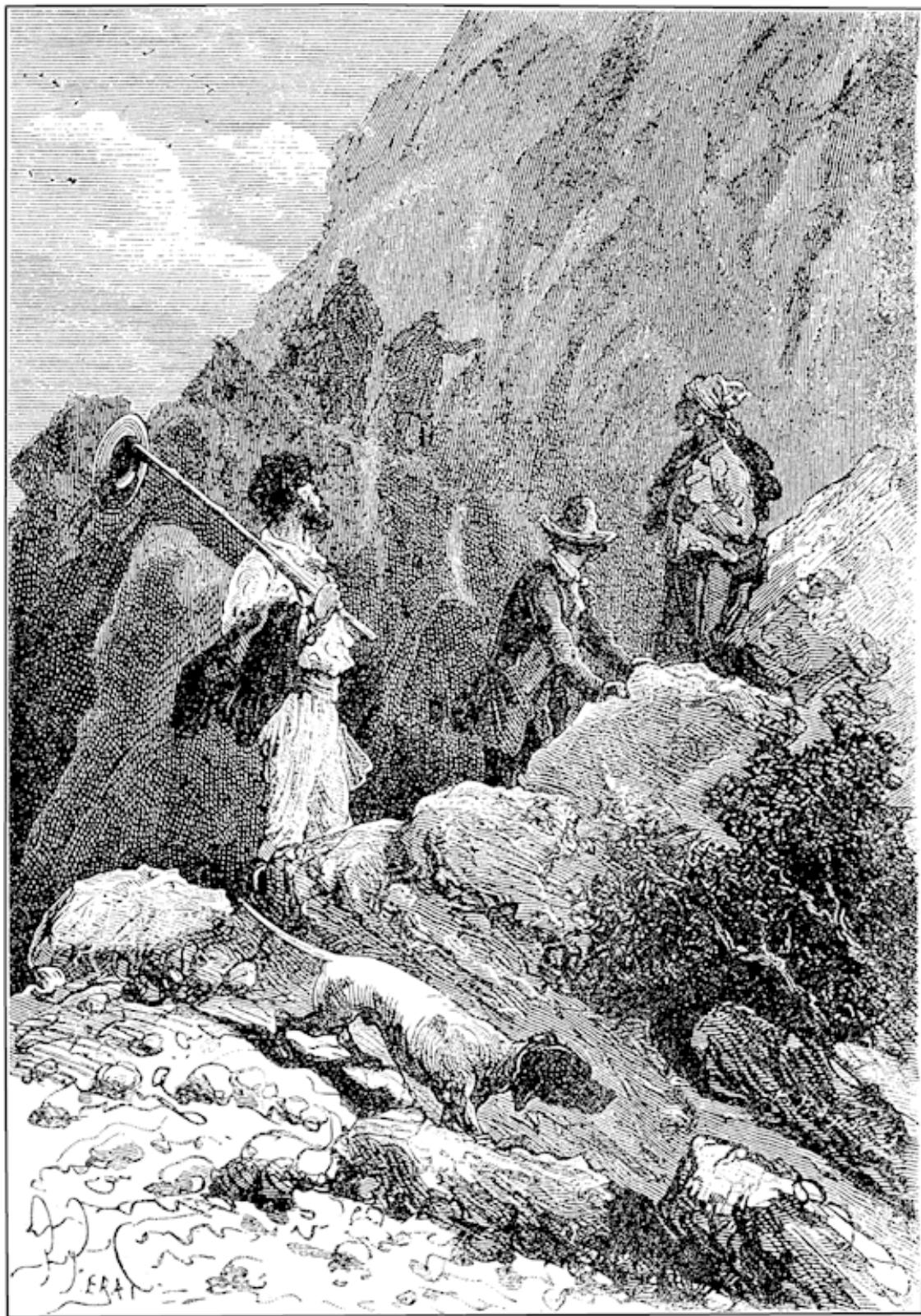
В десять часов путники сделали короткий привал. При выходе из леса стали ясно видны очертания горы, к которой стремились исследователи. Гора состояла из двух конусов. Первый, усеченный на высоте около двух тысяч пятисот футов, поддерживался прихотливо разбросанными отрогами, которые разветвлялись, как гигантские когти огромной птичьей лапы, вцепившейся в землю. Между этими отрогами, очень похожими на контрфорсы, виднелись узкие долины, поросшие деревьями, купы которых почти достигали вершины конуса. С первого взгляда было видно, что на северо-восточном склоне горы растительность гораздо беднее, кроме того, виднелись какие-то темные, лишенные всякой растительности полосы, вероятно застывшие потоки лавы, изливавшейся во время извержения.

Над первым конусом возвышался второй, со слегка закругленной вершиной и как будто немного наклонившийся набок. Этот конус издали напоминал большую круглую шляпу, надетую набекрень. Здесь уже совсем не было никакой растительности, и только местами сквозь землю пробивались красноватые утесы.

Целью экспедиции была вершина второго конуса, и взобраться туда, по-видимому, будет не очень трудно, начав восхождение по выступам окружавших ее отрогов.

— Мы находимся на вулканической почве, — сказал Сайрес Смит, который шел впереди.

Вслед за ним все начали постепенно подниматься по одному из отрогов. Линия подъема шла, извиваясь змеей, и вела как раз к вершине первого конуса, откуда, собственно, и должно было начаться настоящее восхождение на гору.

Местность принимала все более гористый характер. Было видно, что это результат работы вулканических сил природы. Обломки базальтовых скал, гранитные валуны, куски пемзы и обсидиана красноречиво рассказывали, что здесь происходило в еще сравнительно недавнюю эпоху. Там, где верхний слой каменистой почвы разрыхлился под влиянием ветров и дождей, росли одиночные хвойные деревья, а несколькими сотнями метров ниже, на дне узких ущелий, деревья образовывали густые рощи, почти непроницаемые для солнечных лучей.

В начале восхождения по нижней гряде отрогов Герберт обратил внимание своих спутников на четкие следы каких-то больших животных, может быть, даже хищных.

— Эти звери, пожалуй, не согласятся добровольно уступить нам свои владения, — сказал Пенкроф.

— Ну и что! — ответил Спилет, охотившийся на тигров в Индии и на львов в Африке. — Когда понадобится, мы их силой заставим сделать это. А пока, во всяком случае, надо быть настороже.

Между тем путники постепенно поднимались в гору. Однако подъем шел гораздо медленнее, чем они предполагали, потому что на пути часто встречались препятствия, которые нужно было преодолевать. Иногда вдруг перед ними оказывалось глубокое ущелье, перебраться через которое было невозможно, и они шли в обход, возвращались назад, искали тропинки, прокладывали новую дорогу там, где, казалось, не могло быть никакой дороги. Все это требовало много времени и сил. В полдень снова сделали привал для завтрака под сенью развесистых сосен, на берегу маленького ручейка, каскадами ниспадавшего с горы. До вершины первого конуса оставалась еще половина пути. Было очевидно, что они могли попасть туда только к наступлению сумерек.

С этого пункта перед ними открывалась уже более обширная панорама. Но с правой стороны большой мыс на юго-востоке, далеко выдававшийся вперед, не давал наблюдателям возможности определить, соединяется ли этот берег с какой-нибудь землей, скрытой от взоров, или нет. Слева видимость простиралась на несколько миль к северу, но с северо-запада им загораживал вид край большого отрога той самой горы, на которую они поднимались. Поэтому исследователи не могли решить интересовавший их вопрос, материк это или остров, до тех пор, пока не поднимутся на вершину горы и оттуда не осмотрят окрестности.

В час дня снова тронулись в путь. Идти прямо в гору было нельзя, поэтому путники свернули на юго-запад и углубились в довольно густой лес. Там с ветки на ветку перепархивало несколько птиц из семейства фазановых. Это были трагопаны с красным мясистым подгрудком на горле и двумя тонкими цилиндрическими наростами позади глаз. Птицы были размером с большую курицу. Самка была скромного темно-коричневого цвета, а самец щеголял красивым нарядом — его ярко-красные перья были точно звездочками усеяны маленькими белыми пятнышками. Гедеон Спилет метким ударом камня убил одного из нарядных самцов-трагопанов, на которого Пенкроф, проголодавшийся на свежем воздухе, поглядывал жадным взором.

Выбравшись из леса, путешественники, помогая друг другу, медленно стали подниматься вверх по очень крутыму подъему, к счастью тянувшемуся на расстоянии всего ста футов, и наконец достигли верхней площадки, поросшей редкими деревьями. Почва здесь была, несомненно, вулканического происхождения. Отсюда путешественники снова должны были идти в обход, чтобы облегчить себе путь, они повернули на восток. Но и обходной путь не был безопасным. Слоны горы были почти отвесны, и приходилось тщательно соблюдать все меры предосторожности. Прежде чем поставить ногу на камень, нужно было убедиться, что он крепко держится на своем месте и не увлечет вместе с собой в пропасть неосторожного путника.

Наб и Герберт шли впереди, Пенкроф замыкал шествие, а Сайрес Смит и Гедеон Спилет посередине. Повсюду виднелись свежие следы животных, — судя по следам, их было немало. Эти четвероногие, постоянно обитая в горах, должны были обладать сильными ногами и без страха перепрыгивать с одной скалы на другую, как это делают серны и горные козлы. Несколько таких животных попались на глаза путешественникам.

— Бараны! — вдруг закричал Пенкроф.

Все остановились шагах в пятидесяти от шести рослых животных с большими рогами, круто загнутыми назад и приплюснутыми к концам, с длинным шелковистым руном бурого цвета.

Но это были не обычные бараны. Животные, которых видели перед собой исследователи, принадлежали к родственному баранам виду, который водится только в горных странах умеренного пояса. Герберт назвал их каменными баранами, или муфлонами.

— А годятся они на то, чтобы приготовить из них бараны котлеты или даже зажарить целую лопатку? — спросил Пенкроф.

— Конечно, — ответил Герберт.

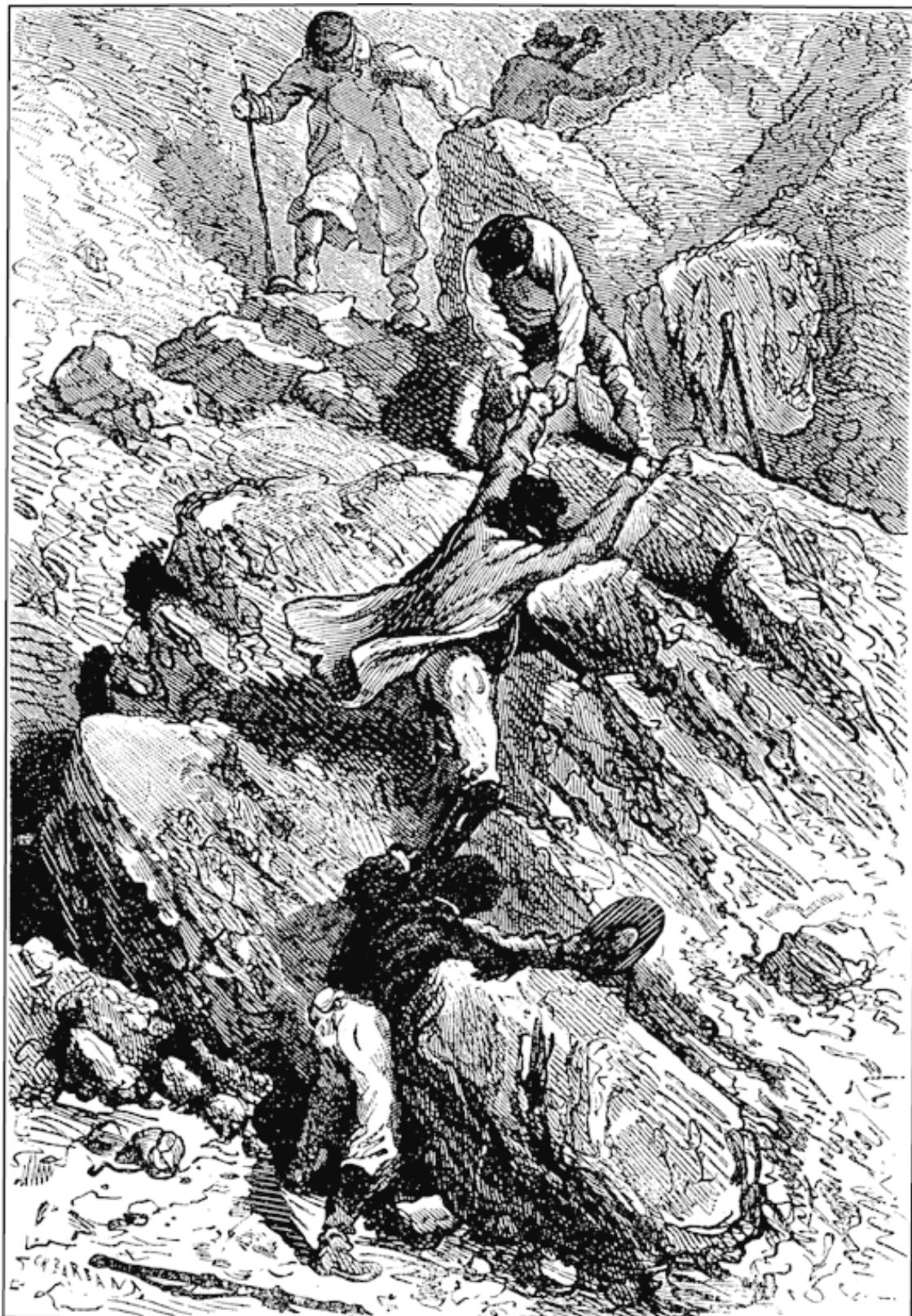
— Ну, значит, это бараны! — авторитетным тоном объявил Пенкроф.

Муфлоны неподвижно стояли среди базальтовых обломков и с удивлением смотрели на появившихся перед ними двуногих существ, словно видели людей в первый раз. Затем под влиянием безотчетного страха они вдруг повернулись и, прыгая по скалам, в одну минуту скрылись из глаз.

— До свиданья! — крикнул им Пенкроф таким комичным тоном, что Смит, Спилет, Герберт и даже Наб не смогли удержаться от смеха.

Восхождение продолжалось. В некоторых местах им попадались следы лавы, причудливо извивавшиеся по склонам горы. Иногда дорогу преграждали небольшие потухшие вулканчики или отложения кристаллической серы, перемешанные с вулканическим туфом и пеплом, и тогда путники обходили их по краю.

При приближении к первому плато, образовавшемуся вследствие усечения нижнего конуса, исследователям приходилось преодолевать все больше и больше препятствий. Около четырех часов дня верхняя граница лесной зоны осталась позади. Только изредка попадались одинокие искривленные сосны, которые с трудом выдерживали борьбу с непогодой и ветрами, свободно гулявшими на этом открытом и очень высоком месте. К счастью для инженера и его товарищей, погода стояла прекрасная.

Если бы дул сильный ветер, им плохо пришлось бы на этой открытой площадке на высоте трех тысяч футов над уровнем моря. На ясном синем небе не было видно ни одного облачка. Воздух был совершенно прозрачен, и вокруг царила полная тишина. Путники не видели солнца, потому что оно в это время зашло за огромный верхний конус, который закрывал собой горизонт с юго-запада. Тень от этого конуса темным флером тянулась до самого

побережья, увеличиваясь по мере того, как дневное светило склонялось ближе к горизонту. На востоке показалась легкая дымка, и маленькие прозрачные облака, окрашенные всеми цветами радуги, медленно поплыли по синей лазури вестниками приближающегося вечера.

Всего пятьсот футов отделяли теперь исследователей от плато, где они предполагали устроиться на ночлег. Но эти пятьсот футов превратились в две тысячи, потому что они не могли подниматься прямо, а должны были идти зигзагами. Почва ускользала у них из-под ног. Слоны были такими крутыми, что они карабкались на почти отвесную стену и скользили по лаве, не находя точки опоры, на которую можно было бы поставить ногу.

Незаметно подкрались сумерки, и было уже почти совсем темно, когда путешественники, сильно уставшие от семичасового восхождения на гору, добрались до вершины первого конуса. Прежде всего необходимо было выбрать удобное место для ночлега, а затем можно было подкрепить силы ужином и сном. Вторая площадка горы покоялась на скалах, потому путешественники легко нашли себе убежище. Здесь чувствовался только недостаток топлива, но можно было развести костер из сухих веток кустарника, травы и мха. Пока Пенкроф устраивал очаг из камней, которые он укладывал в определенном порядке, Наб и Герберт отправились за топливом и уже через несколько минут вернулись с большими охапками. Пенкроф высек огонь с помощью двух камней, зажег тряпку, заменившую трут, а вслед за ней весело вспыхнул хворост, и яркое пламя осветило мрачные контуры утесов.

Наб решил прибить фазана на следующий день, и огонь развели для того, чтобы можно было согреться у костра холодной ночью. Остатки кабана и несколько дюжин орехов пинии – вот все, чем повар угостил путешественников за ужином. К половине седьмого скромная трапеза была уже окончена.

После ужина Сайресу Смиту пришла в голову мысль исследовать, пока еще не стемнело, широкую круглую площадку, поддерживавшую верхний конус горы. Прежде чем лечь спать, он хотел узнать, можно ли будет обойти кругом основание конуса в случае, если завтра окажется, что с этой стороны у конуса слишком отвесные склоны и они не смогут взобраться на вершину. Инженер опасался, что с северной стороны плато, где «шляпа» наклонялась, гора может оказаться недоступной. А если нельзя будет ни обогнуть основание конуса, ни подняться на вершину горы, значит, нельзя будет осмотреть западную часть местности, и восхождение не даст тех результатов, на которые они рассчитывали.

Вот почему инженер, не обращая внимания на усталость и предоставив Пенкрофу и Набу заниматься устройством временного лагеря, а Гедеону Спилету записывать в блокнот важнейшие события прошедшего дня, пошел вдоль края круглой площадки, направляясь к северу. Герберт сопровождал его.

Ночь оказалась тихой и довольно светлой. Сайрес Смит и молодой натуралист молча шли рядом. В некоторых местах площадка заметно расширялась, и они свободно двигались вперед. Иногда обломки скал загораживали дорогу, и по узенькой тропинке два человека могли пройти только друг за другом. Минут через двадцать Смиту и Герберту пришлось остановиться, они не могли перебраться здесь через груды камней. Начиная с этого места, склоны обоих конусов почти соприкасались, и между ними нельзя было заметить никаких уступов. Перебираться здесь по скалам с уклоном почти в семьдесят градусов было невозможно не только ночью, но и днем.

Но хотя инженер и юноша должны были отказаться от своего намерения обойти основание конуса, зато им совершенно неожиданно представилась возможность предпринять восхождение на вершину верхнего конуса.

Перед их глазами открывалось глубокое ущелье в массиве горы. Это была расщелина верхнего кратера, нечто вроде гигантского жерла, через которое выливались расплавленные жидкые массы в ту эпоху, когда вулкан еще действовал. Затвердевшая лава и покрытый коркой

шлак образовали нечто вроде естественной лестницы с широкими ступенями, которые облегчали подъем на вершину.

Сайресу Смиту достаточно было одного беглого взгляда, чтобы оценить положение. Не колеблясь ни минуты, он направился в огромное отверстие кратера, где было совершенно темно. Герберт от него не отставал.

Для того чтобы достичь вершины конуса, надо было подняться еще на тысячу футов. Окажутся ли удобны для дальнейшего восхождения внутренние склоны кратера? Это, конечно, неизвестно, но инженер решил, что будет продолжать восхождение, пока его не остановит непреодолимое препятствие. К счастью, склоны шли очень отлого и были похожи на винтовую лестницу с большими ступенями, что очень облегчало подъем.

Что касается самого вулкана, то инженер был абсолютно уверен, что он давно уже не действует. Из боковых трещин не просачивался дым. В глубоких впадинах не сверкал огонь. Не слышно было ни грохота, ни гула внутри мрачного бездонного колодца, доходившего, может быть, до самых недр земного шара. Даже воздух внутри кратера не был насыщен серными парами. Вулкан не спал, он угас навсегда.

Попытка Сайреса Смита должна была привести к удаче. По мере того как они поднимались вверх по внутренней стене кратера, отверстие кратера постепенно расширялось над их головами. Круг неба, ограниченный окружностью кратера, становился все больше и больше. С каждым шагом Смит и Герберт видели все новые и новые звезды. В зените ярко сияла звезда Антарес из созвездия Скорпиона, рядом с ней блестала Бета Центавра. Вот появились созвездия Рыб, Южный Треугольник и, наконец, на самом полюсе мира – Южный Крест, который называют Полярной звездой Северного полушария.

Было около восьми часов, когда Сайрес Смит и Герберт ступили на верхний гребень горы на вершине конуса.

Темно было так, что наблюдатели не могли рассмотреть площадь в две мили. Была ли эта неведомая земля окружена со всех сторон морем или она на западе примыкает к какому-нибудь материку Тихого океана? На этот вопрос еще не было ответа. Западная сторона неба была покрыта густыми облаками, которые еще больше увеличивали темноту, и, сколько ни всматривался Сайрес Смит, его глаза не могли увидеть, чем оканчивается оконечность мыса.

Вдруг на этой стороне горизонта показалось бледное пятно света, которое медленно опускалось книзу по мере того, как облака поднимались к зениту.

Этот бледный свет отbrasывал от себя серп луны, уже готовый исчезнуть. Но этого слабого света было достаточно, чтобы на короткое время четко обрисовать линию горизонта, уже совершенно очистившуюся от облаков. Инженеру удалось увидеть колеблющиеся отблески луны на поверхности океана. Он схватил за руку стоявшего рядом Герберта и уверенно сказал:

– Остров!

В ту же минуту последний луч луны угас в волнах.

Глава одиннадцатая

На вершине горы. – Внутренность кратера. – Всюду море. – Вокруг не видно земли. – Остров с высоты птичьего полета. – Гидрография и орография. – Есть ли на острове жители. – Наименование бухт, заливов, мысов, рек и других частей острова. – Остров Линкольна.

Через полчаса Сайрес Смит и Герберт вернулись в лагерь. Инженер кратко сообщил своим спутникам, что земля, на которую их забросила судьба, к сожалению, не материк, а остров, и что завтра утром они это обсудят и решат, как им действовать дальше. Затем каждый из островитян устроил себе поудобнее место для ночлега, и все они спокойно уснули в базальтовой пещере, расположенной на высоте двух тысяч пятисот футов над поверхностью океана.

На другой день, 30 марта, после завтрака, состоящего только из жаренного на вертеле трагопана, инженер решил снова подняться на вершину горы. Он хотел при дневном свете осмотреть остров, на котором им придется оставаться надолго и, может быть, провести всю свою жизнь. Ведь это вполне вероятно в том случае, если остров одиноко лежит среди океана, вдали от других земель, и если он значительно удален от морских путей, по которым совершают рейсы корабли, заходящие на архипелаги Тихого океана. Все остальные тоже захотели подняться на вершину. Каждому из них не терпелось собственными глазами взглянуть на остров с высоты птичьего полета.

Около семи часов утра Сайрес Смит, Герберт, Пенкроф, Гедеон Спилет и Наб тронулись в путь. На их лицах не видно было никаких следов тревоги. Они сразу смирились со своим положением и смело смотрели в глаза будущему. Каждый, разумеется, верил в себя, хотя, надо заметить, эта уверенность вызывалась далеко не одними и теми же соображениями у Сайреса Смита и у его спутников. Инженер не боялся за будущее, потому что был твердо уверен, что своим умом и своими знаниями сумеет взять у дикой природы все, что будет нужно для того, чтобы он сам и его товарищи могли существовать, не испытывая серьезных лишений. Спутники его так же смело смотрели в глаза будущему потому, что с ними был гениальный Сайрес Смит. Иначе и быть не могло. Пенкроф, например, после того как инженер развел огонь, не имея ни одной спички, не беспокоился бы ни одной минуты, даже если бы очутился на голой скале, конечно, при условии, чтобы инженер был на этой скале с ним рядом.

– Ничего! – сказал он. – Выбрались же мы из Ричмонда без разрешения властей! А это будет уже черт знает что, если нам не удастся рано или поздно выбраться с острова, где нас никто держать не станет.

Сайрес Смит пошел той же дорогой, что и накануне вечером. Они обогнули конус по краю плато и направились к ущелью, открывавшему вход в кратер вулкана. Погода была отличная. Солнце поднималось к зениту по безоблачному небу и освещало своими яркими лучами всю восточную сторону горы.

Вход в ущелье был именно таким, каким инженер представлял его себе в темноте, то есть обширной воронкой, которая шла, постепенно расширяясь, вверх на высоту примерно тысячи футов. У подножья ущелья начинали змеиться по склонам горы широкие потоки застывшей лавы и покрывали собой огромное пространство до самой долины, избороздив северную часть острова.

Наклон внутренних стенок кратера не превышал тридцати пяти – сорока градусов, и подниматься по ним оказалось совсем не трудно. Инженер обратил внимание своих спутников на уцелевшие местами в воронке следы застывшей лавы, которая, вероятно, изливалась через кратер, пока не проложила себе другую дорогу через боковую трещину.

Что же касается жерла вулкана, поддерживавшего сообщение между недрами земли и кратером, то его глубину нельзя было определить на глаз, потому что оно терялось во мраке. Несомненно было только то, что вулкан не действует с очень давних времен.

Не было еще и восьми часов, когда Сайрес Смит и его спутники выбрались на вершину конического возвышения, господствовавшего над северной оконечностью острова.

— Море! Кругом море! — вскричали все островитяне, не в силах сдержаться.

И в самом деле, огромная водяная пустыня окружала остров со всех сторон. Поднимаясь на вершину при свете дня, Смит, может быть, надеялся увидеть невдалеке какой-нибудь берег, какой-нибудь остров, незаметный в темноте. Но — увы! — надежда его не оправдалась. Кругом, насколько хватал глаз, — а перед ними открывался горизонт более чем на пятьдесят миль в окружности, — они видели только безбрежное синее море, переливавшееся всеми цветами радуги под косыми лучами утреннего солнца. Ни одного клочка земли вблизи, ни одного паруса на горизонте. Вода и только вода до самого горизонта.

Несколько минут все молча стояли на одном месте, рассматривая открывшуюся перед ними картину. Они осмотрели океан во всех направлениях и до крайних пределов видимости. Никто, даже Пенкроф, обладавший необыкновенной остротой зрения, не увидел ничего, кроме волнующейся поверхности моря. Он наверняка различил бы очертания земли, даже самые туманные, потому что природа поместила под его густыми бровями вместо глаз настоящие телескопы.

Насмотревшись на пустынный океан, они перевели глаза на остров, который теперь видели весь целиком как на ладони. Гедеон Спилет первым нарушил молчание, спросив Сайреса Смита:

— Какой величины, по-вашему, этот остров?

С вершины вулкана остров казался небольшим клочком земли, затерянным среди безбрежного океана.

Сайрес Смит внимательным взглядом окинул остров, как бы глазами измеряя его окружность, сделал поправку на высоту горы, с которой он производил свои наблюдения, и затем ответил:

— Друзья мои, по-видимому, я не сделаю большой ошибки, если скажу, что протяженность нашего острова более ста миль.

— Следовательно, его площадь?

— Определить ее очень трудно, — ответил инженер, — потому что берега острова очень извилисты.

Если Смит не ошибался, то остров по величине приблизительно равнялся Мальте или Занте в Средиземном море. При этом более неправильный по очертаниям остров не был так богат мысами, выступами, заливами и бухтами. Форма его, действительно странная, поражала с первого взгляда. Когда Гедеон Спилет по предложению инженера нарисовал карту острова в своем блокноте, все решили, что он очень похож на какое-то фантастическое животное, нечто вроде чудовищного птеропода, заснувшего на поверхности Тихого океана.

На восточной стороне, то есть там, где высадились потерпевшие крушение аeronавты, берег имел форму широкого полукруга, окаймляющего довольно большую бухту. На юго-востоке он оканчивался острым мысом. Пенкроф, когда в первый раз осматривал эту сторону побережья, не видел мыса, потому что он был закрыт от него горами. На северо-востоке два других мыса замыкали бухту, а между ними находился узкий залив, имевший очень большое сходство с полуоткрытой пастью гигантской акулы.

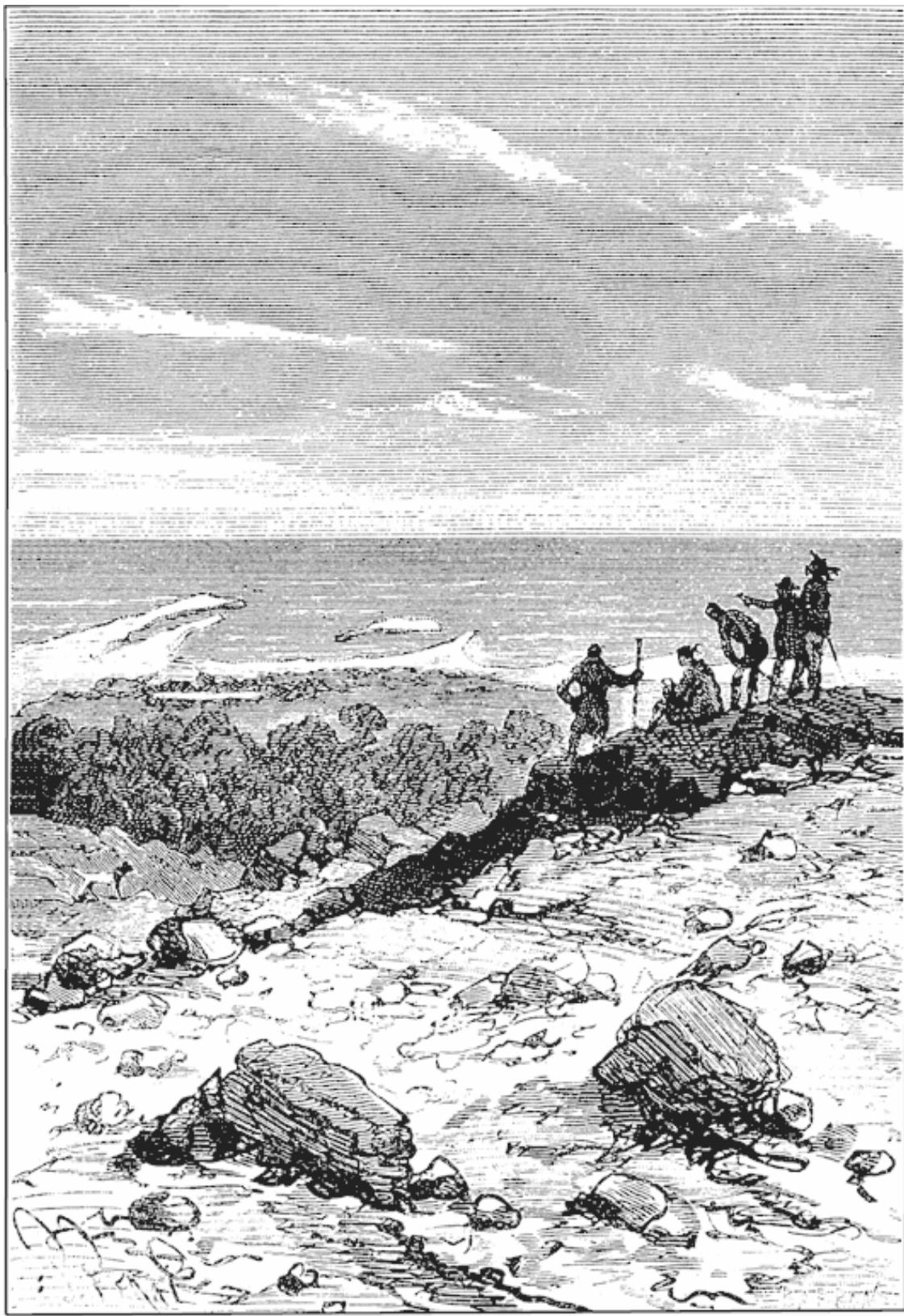
С северо-востока на северо-запад берег закруглялся, как приплюснутый череп хищного животного, а затем вновь выпрямлялся в виде горба. В центре этого горба находился угасший вулкан.

С этой точки берег тянулся довольно ровной линией сначала на север, а потом на юг, образуя небольшую узкую бухту, и заканчивался к северу длинной косой, похожей на хвост гигантского аллигатора. Эта коса представляла собой настоящий полуостров, который выдавался в море более чем на тридцать миль, если считать от юго-восточного мыса, о котором

уже говорилось. Его полукруглый берег образовывал широкий открытый рейд, ограниченный с юга.

В самом узком месте, то есть между Гротами и бухтой на противоположном им берегу, остров был шириной не более десяти миль, но его длина, считая от северо-восточной «челюсти» до конца юго-западной косы, составляла не меньше ста миль.

Что касается поверхности острова, то, в общем, она имела следующий вид: в южной его части, от горы до побережья, произрастал густой лес, а северная часть была покрыта песчаными дюнами. Между вулканом и восточным берегом наблюдатели с удивлением увидели довольно большое озеро, окаймленное бордюром зеленых деревьев, о существовании которого они даже не подозревали. С вершины горы казалось, что вода в озере стояла на уровне моря, но инженер объяснил своим спутникам, что озеро выше уровня моря футов на триста, потому что плато, служившее ему бассейном, является продолжением береговой возвышенности.

- Значит, вода в этом озере пресная? — спросил Пенкроф.
- Разумеется, — ответил Смит. — Оно, вероятно, питается водой, сбегающей с горы.
- Я вижу небольшую речку, впадающую в него, — сказал Герберт, указывая на небольшой ручей, исток которого должен был находиться в западных отрогах угасшего вулкана.

— Да, я теперь тоже вижу, только это просто ручей, — ответил Сайрес Смит. — А если этот ручей впадает в озеро, то, возможно, существует где-нибудь и сток, по которому в море сливается излишек воды. Впрочем, мы это потом проверим.

Вновь открытый ручей, надо заметить, очень извилистый, озеро и небольшая река, по которой Герберт и Пенкроф сплавляли дрова, составляли всю гидрографическую систему острова. Так, по крайней мере, казалось с вершины вулкана. Но вполне возможно, что в лесах, занимавших две трети острова, окажутся и другие, пока еще неизвестные исследователям речки и ручьи, которые должны спускаться к морю. Только хорошо орошаемая местность могла быть так густо покрыта растительностью и изобиловать великолепными образцами флоры умеренного пояса. В низменной части на северо-востоке могли быть только озера или болота. А в северной части острова не видно было ни малейших признаков рек или ручьев. Этот район с бесплодными песчаными дюнами резко отличался от остальной части острова, покрытой плодородной почвой.

Вулкан находился не в центре острова. Он одиноко возвышался на северо-западе и, по-видимому, служил границей между двумя так мало похожими и далеко не равными частями острова. На юго-западе, на юге и на юго-востоке подножие горы исчезало под массой зелени. На севере, напротив, можно было заметить все разветвления отрогов, постепенно теряющиеся в песках. В этом же направлении текла и лава во время извержения вулкана, ее следы были ясно видны в виде широкой дороги, тянущейся до самой оконечности мыса на северо-востоке.

Сайрес Смит и его друзья провели целый час на вершине угасшего вулкана. Остров расстился у них под ногами, и они с высоты птичьего полета рассматривали его как раскрашенную рельефную карту, на которой лесистые места были выкрашены зеленою краской, пески — желтой, а вода — синей. Они изучали эту землю, как изучает полководец подробный, со всеми деталями, план местности, где предполагается военная операция. Их взоры не могли только проникнуть сквозь зеленую листву деревьев и в глубину узких ущелий у подножия вулкана.

Теперь нужно было решить еще один важный вопрос, который мог иметь большое влияние на будущее невольных островитян.

Есть на этом острове жители или нет?

Первым задал этот вопрос Гедеон Спилет, хотя тщательный осмотр острова не дал никаких оснований предполагать, что на острове есть другие жители, кроме пяти человек, занесенных на него ураганом.

Нигде не было видно никаких следов человеческой деятельности, которые опровергали бы это предположение. Если с вершины горы трудно было бы рассмотреть отдельные хижины, то от глаз наблюдателей не укрылось бы селение, как бы мало оно ни было. Нигде не поднимался кверху дымок от костра или из трубы, лучше всех других признаков свидетельствующий о присутствии человека. Впрочем, наблюдатели могли и ошибаться, потому что от того пункта, где они находились, до самой отдаленной точки на юго-западе, то есть до конца косы, было не менее тридцати миль. На таком расстоянии даже глаза Пенкрофа и те не могли бы ничего рассмотреть. Не могли они также приподнять зеленый покров лесов, занимавших две трети острова, и с уверенностью сказать, что где-нибудь под развесистым деревом не приютилась хижина дикаря. Обитатели мелких островов Тихого океана селятся обычно ближе к берегу, потому что все они, за редким исключением, промышляют рыбной ловлей. Но на этом острове все побережье было совершенно пустынно.

Поэтому можно было почти наверняка считать остров необитаемым, хотя подробное исследование впоследствии могло опровергнуть это мнение.

А может быть, этот остров посещают, хотя бы изредка, жители соседних островов? На этот вопрос трудно было ответить. Кругом на пространстве около пятидесяти миль не было видно ни одного клочка земли. Но пятьдесят и даже шестьдесят миль — не такое уж большое расстояние, и большие полинезийские проа и индейские пироги очень часто уходят гораздо

далше от своих островов. Все в этом случае зависело от положения острова, от степени его удаленности от других островов или архипелагов Тихого океана. Удастся ли Смиту, не имея необходимых для этого инструментов, определить широту и долготу острова? Это очень трудно, хотя и не невозможно. Во всяком случае, необходимо принять некоторые меры предосторожности на случай возможной высадки туземцев с соседних островов.

Осмотр острова был закончен, составлена довольно подробная карта, более или менее точно определены его размеры и уточнен рельеф местности. Расположение лесов, равнин и рек было в общих чертах отмечено на карте. Оставалось только спуститься вниз и заняться исследованием почвы, чтобы определить, какие минеральные и растительные богатства имеются на острове.

Но прежде чем дать своим спутникам сигнал спускаться, Сайрес Смит сказал им спокойным и серьезным голосом:

– Вот, друзья мои, тот небольшой клочок земли, на котором нам суждено поселиться по воле случая. Здесь нам придется жить, и, возможно, очень долго... Но, может быть, в один прекрасный день мы неожиданно будем спасены, если какой-нибудь корабль случайно пройдет мимо... Я говорю случайно, потому что наш остров невелик и здесь нет гавани, которая могла бы служить удобной стоянкой для океанских кораблей. Кроме того, боюсь, что он лежит в стороне от морских путей, то есть слишком далеко к югу для кораблей, которые направляются в Австралию, огибая мыс Горн. Я ничего не хочу скрывать от вас...

– И вы совершенно правы, дорогой Сайрес, – перебил его Спилет. – Вы имеете дело с мужчинами. Мы верим в вас, и вы вполне можете на нас рассчитывать. Не так ли, друзья мои?

– Я во всем буду вас слушаться, мистер Сайрес, – воскликнул Герберт, пожимая руку инженера.

– Хозяин, я с вами всегда и везде! – воскликнул Наб.

– Что касается меня, – сказал Пенкроф, – то я, со своей стороны, обещаю беспрекословно исполнять все ваши приказания, мистер Сайрес. Я уверен, если только вы захотите, мы сделаем из этого острова маленькую Америку. Мы построим здесь город, железные дороги, телеграф, и в один прекрасный день, когда остров совсем преобразится, мы отправимся в Америку и предложим его правительству Союза! Только у меня есть одна просьба...

– Какая? – спросил Спилет.

– Чтобы мы больше не называли себя потерпевшими крушение, а считались бы колонистами, которые прибыли сюда основать поселение.

Сайрес Смит улыбнулся и сказал, что ничего не имеет против этого. Предложение Пенкрофа было принято. Потом инженер поблагодарил своих товарищей за доверие и сказал, что рассчитывает на их энергию и на помощь свыше.

– Ну а теперь домой, в Гроты! – воскликнул Пенкроф.

– Подождите еще одну минуту, друзья мои! – сказал инженер. – Мне кажется, что, прежде чем уйти отсюда, нам следовало бы как-нибудь назвать этот остров, и еще мы могли бы дать имена всем этим мысам, полуостровам, ручьям и рекам, которые так хорошо видны с горы.

– Отлично, – поддержал его Спилет. – Это даже необходимо и очень пригодится нам в будущем, когда мы будем исследовать ту или другую часть острова...

– Верно, – заметил Пенкроф, – каждому из нас, разумеется, будет проще сказать, куда идешь или откуда пришел. По крайней мере, и сам сразу будешь понимать других, и другие поймут тебя.

– Например, Гроты, – сказал Герберт, – за ними можно было бы сохранить это название.

– Верно! – ответил Пенкроф. – По-моему, это отличное название, оно само пришло мне в голову, когда мы открыли это убежище. Сохраним мы это название, мистер Сайрес?

– Конечно, Пенкроф.

– Отлично! Что касается других мест, то им тоже нетрудно будет придумать подходящие названия, – продолжал развивать свою мысль Пенкроф. – Назовем их теми же именами, какими называли их робинзоны, о приключениях которых мне часто рассказывал и читал Герберт: бухта Провидения, Страна Кашалотов, мыс Обманутой Надежды!

– А почему бы не дать им имена, – возразил Герберт, – например, мистера Смита, мистера Спилета, Наба!..

– Мое имя! – воскликнул Наб, сверкнув ослепительно-белыми зубами.

– Почему же нет? – сказал Пенкроф. – Порт Наб... Это хорошо звучит! Мыс Гедеон...

– Я предпочел бы имена, которые напоминали бы нам нашу родину, – перебил его Спилет.

– Да, конечно, для названия главных пунктов, – сказал Сайрес Смит. – Для бухт и заливов я охотно допускаю такие названия. Например, мы дадим большой бухте на востоке имя бухты Союза, открытому заливу на юге – имя Вашингтона, гору, на которой мы в эту минуту находимся, назовем горой Франклина, озеро, которое виднеется вдали, – озером Гранта. Лучше ничего не может быть, друзья мои. Их названия будут напоминать нам нашу родину и тех великих граждан, которые ее прославили. А для речек, заливов, мысов и выступов, по моему мнению, следовало бы придумать такие названия, которые отражали бы особенности их формы. Таким образом они лучше запомнятся, что, согласитесь, будет гораздо практичнее. Остров имеет очень необычные очертания, и нам, возможно, будет нелегко придумать живописные названия. Что касается ручьев, которых, вероятно, немало в этих огромных лесах, небольших бухточек и заливов, которые мы, вероятно, тоже откроем в недалеком будущем, то предлагаю давать им названия постепенно, по мере необходимости. Как вы находите мое предложение, друзья?

Предложение инженера было единогласно принято. Остров расстился у них перед глазами, словно развернутая карта, и им оставалось только присвоить имена всем его выступающим углам, заливам и возвышенностям. Гедеон Спилет станет записывать на карте названия, и таким образом географическая номенклатура острова будет окончательно составлена.

Прежде всего, как предложил инженер, они назвали бухту Союза, бухту Вашингтона и гору Франклина.

– Теперь, – сказал Спилет, – я, со своей стороны, предложил бы назвать этот длинный полуостров на западе Змеиным полуостровом, а его загнутую кверху оконечность – мысом Аллигатора, потому что она очень похожа на хвост крокодила.

– Согласны, – объявил инженер.

– Теперь, – сказал Герберт, – и я предложу назвать заливом Акулы длинный залив на северо-востоке, который так удивительно похож на открытую пасть прожорливой акулы.

– Молодец мальчик, отлично придумал! – одобрил Пенкроф. – И чтобы сразу завершить картину, назовем Челюстью эти два мыса...

– Но ведь мысов два, – заметил Спилет.

– Ну и что? – возразил Пенкроф. – Один из них будет мыс Северная Челюсть, а другой – мыс Южная Челюсть.

– Записано, – ответил Гедеон Спилет.

– Остается дать еще название мысу на юго-восточной оконечности острова, – сказал Пенкроф.

– То есть оконечности бухты Союза, – уточнил Герберт.

– Мыс Когтя! – объявил Наб, который очень хотел принять участие в наименовании какой-нибудь части своих владений.

Наб очень удачно придумал название юго-восточному мысу, потому что он и в самом деле был очень похож на громадную когтистую лапу фантастического животного, каким казался весь этот странный остров.

Пенкроф был в восторге, да и все остальные воодушевились, и всевозможные названия следовали одно за другим.

Реку, которая снабжала колонистов пресной водой и по которой Пенкроф с Гербертом сплавляли хворост, они назвали рекой Милосердия.

Островок, на который высадились потерпевшие крушение, получил название острова Спасения.

Плато, венчающее высокую гранитную стену над Гrotами, назвали плато Дальнего Вида, потому что с этого пункта открывался вид на всю бухту Союза.

И, наконец, вся масса непроходимых лесов, покрывающих Змеиный полуостров, получила название лесов Дальнего Запада.

На этом пока закончилось наименование всех видимых и известных частей острова. Остальные места получат названия потом, по мере того как будут делаться открытия.

Сайрес Смит тут же по высоте и положению солнца на небе приблизительно определил и положение острова относительно стран света. При этом оказалось, что бухта Союза и все плато Дальнего Вида находятся на востоке. Впрочем, на следующий день инженер намеревался еще раз проверить свои определения стран света, отметив по часам время восхода и захода солнца.

Теперь колонистам оставалось только спуститься с горы Франклина, чтобы вернуться в Гrotы, как вдруг Пенкроф вскричал:

— Эх! Какие же мы рассеянные, однако!

— Почему? — спросил Гедеон Спилет, который уже закрыл свою записную книжку и собрался уходить.

— А острову-то мы забыли дать название! Неужели он так и останется безымянным?

Герберт хотел предложить назвать остров именем инженера, и все охотно дали бы на это свое согласие, но Сайрес Смит сказал:

— Назовем его, друзья мои, именем нашего великого гражданина, который теперь борется за освобождение рабов и за единство американской республики! Назовем его островом Линкольна!

Троекратное «ура» было ответом на предложение инженера.

В этот вечер, прежде чем заснуть, колонисты долго говорили о своей далекой родине и об ужасной войне, заливающей ее кровью. Никто из них не сомневался, что скоро южане будут побеждены, и дело Севера, дело гуманное и справедливое, восторжествует благодаря Гранту и Линкольну!

Они вели эту беседу вечером 30 марта 1865 г. Колонисты, конечно, даже предполагать не могли, что через шестнадцать дней в Вашингтоне будет совершено страшное преступление, и Авраам Линкольн падет от пули фанатика.

Глава двенадцатая

Регулирование часов. – Пенкроф доволен. – Подозрительный дым. – Красный ручей. – Флора острова Линкольна. – Fauna. – Горные фазаны. – Охота на кенгуру. – Агути. – Озеро Гранта. – Возвращение в Гроты.

Колонисты острова Линкольна окинули последним взглядом море, обошли вокруг отверстия кратера по узкому гребню и через полчаса уже спустились на первое плато, где накануне провели ночь.

Пенкроф почувствовал голод и объявил, что пора завтракать. Это привело к необходимости сверить часы Сайреса Смита с часами Гедеона Спилета. Часы Спилета не пострадали от морской воды, потому что журналист упал на песок вдали от морских волн. Это были замечательные часы, настоящий хронометр, и Гедеон Спилет с педантичной аккуратностью заводил их ежедневно, даже на острове.

А часы инженера, конечно, остановились еще в то время, когда он умирающий лежал в песчаной пещере, где его нашел Наб.

Когда зашла речь о часах, инженер вспомнил, что его часы стоят, завел их и, определив по высоте солнца, что должно быть около девяти часов утра, перевел стрелки на это время.

Гедеон Спилет собрался последовать его примеру, но инженер остановил его, сказав:

– Нет, нет, дорогой Спилет, подождите! Ваши часы идут по ричмондскому времени, не так ли?

– Да, Сайрес.

– Это значит, что ваши часы поставлены по меридиану этого города. А вы, конечно, знаете, что меридиан Ричмонда почти совпадает с меридианом Вашингтона?

– Конечно, знаю.

– Ну, так и не переводите стрелки. Не забывайте только заводить их аккуратно каждый день и не трогайте стрелки. Это может нам еще пригодиться...

«Зачем?» – подумал Пенкроф, принимаясь за завтрак.

Все ели с таким аппетитом, что не оставили ни кусочка дичи про запас и даже уничтожили все орехи. Но Пенкроф ничуть не огорчился, он надеялся раздобыть свежей провизии на обратном пути. Топ, на долю которого досталось меньше всех, наверное, сумеет найти какого-нибудь зверька в лесу, и охотники, уже успевшие доказать свое искусство, конечно, не выпустят его живым. Впрочем, Пенкрофу не нравился способ охоты с дубинками, и он был намерен попросить инженера изготовить им запас пороха и одно или два охотничьих ружья. Для такого человека, как Сайрес Смит, по мнению Пенкрофа, это не могло представлять особого труда.

Спускаясь с вершины, Сайрес Смит предложил своим спутникам идти к Гротам по другой дороге. Ему очень хотелось поближе взглянуть на озеро Гранта, окруженное красивой рощей зеленеющих деревьев. Все охотно согласились и стали спускаться по восточным отрогам горы, где, вероятно, брал начало ручей, впадавший в озеро. В разговоре колонисты уже употребляли новые названия различных частей острова, что, как они сразу заметили, было очень удобно. Герберт и Пенкроф, – один еще совсем юный, а другой, хотя и взрослый, но в душе такой же ребенок, – были в восторге, и, продолжая идти, моряк говорил:

– Ну, Герберт, это здорово! Мы теперь, мой мальчик, даже не сможем заблудиться, потому что, пойдем ли мы по дороге к озеру Гранта или выйдем к реке Милосердия через леса Дальнего Запада, мы обязательно окажемся у плато Дальнего Вида, а значит, возле бухты Союза!

По совету инженера решили по дороге держаться поблизости друг от друга. Этого требовала простая предосторожность. В густой чаще леса могли водиться хищные животные, и

нападение одного из них на одинокого путника, вооруженного только дубинкой, могло быть опасно.

Как обычно, впереди шли самые пылкие – Пенкроф, Герберт и Наб, предшествуемые Топом, который тщательно обнюхивал каждый кустик и каждую ямку. Гедеон Спилет и Сайрес Смит шли рядом, как бы в резерве. Журналист в руке держал записную книжку и карандаш, готовый записать любой заслуживающий внимания случай. Инженер шел молча, изредка наклоняясь, чтобы поднять с земли какой-нибудь камешек, или останавливаясь, чтобы сорвать веточку с заинтересовавшего его растения. Все это он с самым серьезным видом клал в карманы.

– Что это он, черт возьми, собирает? – ворчал про себя Пенкроф. – Сколько я ни смотрю, ничего такого не нахожу, что стоило бы прятать в карманы!

Часов около десяти маленький отряд спустился с горы Франклина. Почва здесь все еще была очень бедна растительностью. Редкие деревья и кустарник – вот и вся флора этой местности. Они шли по желтоватой высохшей равнине, тянущейся на целую милю до самой окраины леса. Земля, изрытая большими ямами, была усеяна большими глыбами базальта, которым, чтобы остыть, понадобилось не менее трехсот пятидесяти миллионов лет. Однако не было видно следов лавы, которая изливалась из кратера по северным склонам горы.

Смит надеялся, что очень скоро они подойдут к ручью, который, по мнению инженера, должен был протекать где-нибудь под деревьями, вдоль опушки. Вдруг он увидел, что Герберт чуть ли не бегом спешит к нему, а Пенкроф и Наб спрятались за утесами.

– Что там случилось, милый юноша? – спросил Гедеон Спилет.

– Дым, – ответил Герберт. – Мы видели дым, который поднимается из-за скал в ста шагах от нас.

– Значит, тут есть люди? – воскликнул журналист.

– Надо быть осторожнее и не показываться этим людям, пока не узнаем, с кем имеем дело, – сказал Сайрес Смит. – Признаюсь вам, я не очень-то буду рад встрече с туземцами, если они существуют на этом острове, и даже до некоторой степени боюсь этого. Где Топ?

– Топ впереди.

– Он не лает?

– Нет.

– Странно. На всякий случай надо подозвать его к себе.

Через несколько минут Смит, Спилет и Герберт подошли к Пенкрофу и Набу и тоже притаились за глыбами базальта.

С этого места всем хорошо был виден желтоватый дым, который, извиваясь, поднимался столбом к небу. Инженер легким свистом подозвал к себе Топа и, сделав товарищам знак дождаться здесь его возвращения, стал осторожно пробираться между скалами.

Остальные колонисты неподвижно застыли на своих местах, с беспокойством ожидая результата разведки. Вскоре они услышали крик Сайреса Смита, который звал их к себе. Все бегом устремились в ту сторону, откуда слышался крик, и через минуту были уже возле инженера, сразу почувствовав резкий неприятный запах.

Ощущив этот запах, инженер догадался, что означает этот дым, который сначала так сильно его встревожил.

– Этот огонь, – сказал он, – или, скорее, этот дым обязан своим происхождением самой природе. Здесь недалеко находится серный источник, который поможет нам при лечении ларингитов.

– Отлично! – воскликнул Пенкроф. – Как жаль, что у меня нет насморка!

Вслед за тем колонисты направились к тому месту, откуда вырывался дым. Там они увидели обильный серный источник, который катил свои воды между скалами, распространяя вокруг характерный запах сернистого водорода.

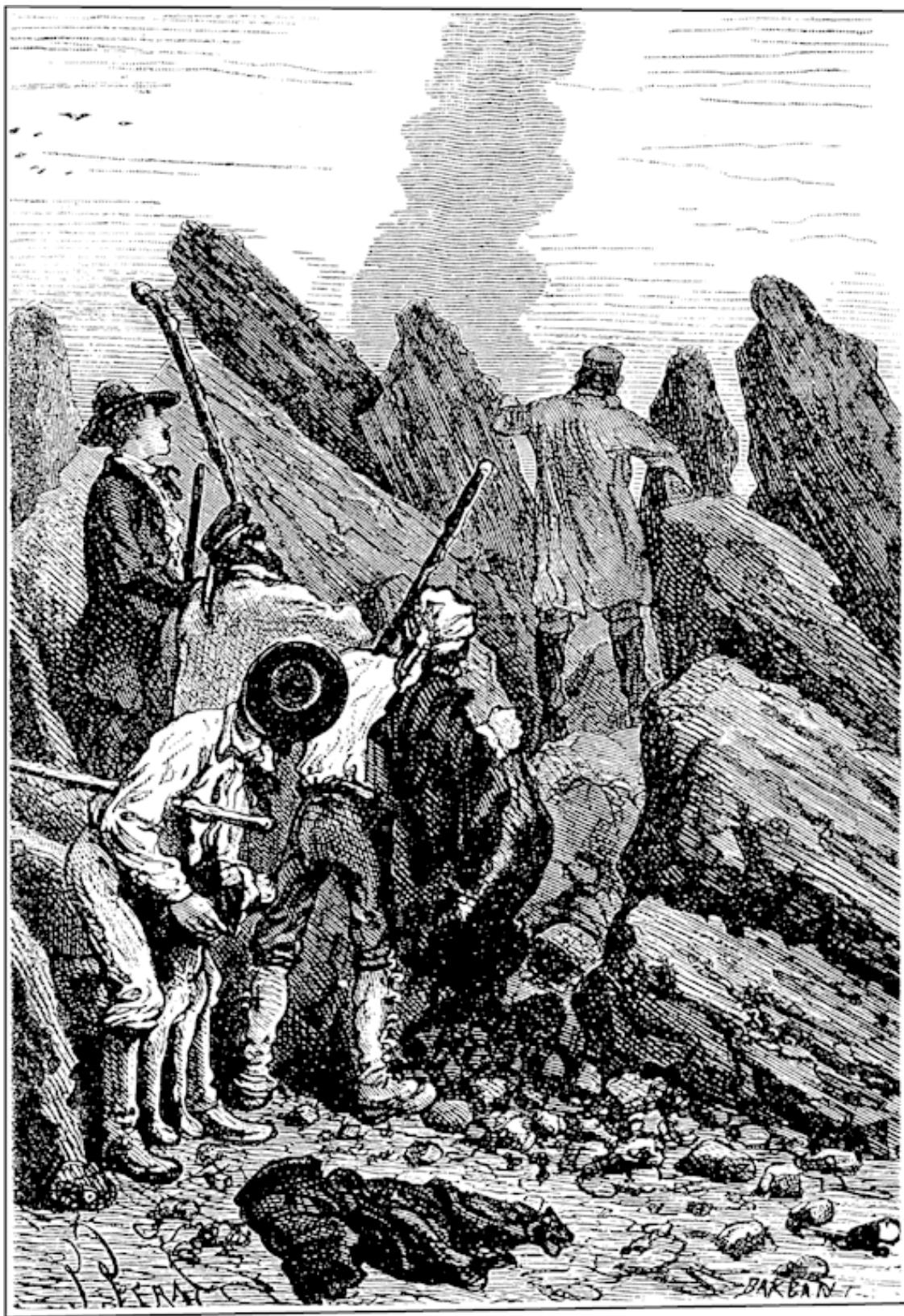
Сайрес Смит опустил руку в воду и сказал, что она немного маслянистая на ощупь. Попробовав воду на вкус, он нашел ее сладковатой. Что касается температуры воды в источнике, то, по мнению инженера, она равнялась 95° по Фаренгейту (35° по Цельсию). Герберт с удивлением спросил его, как он смог с такой точностью определить температуру воды.

— Очень просто, мой мальчик, — ответил инженер. — Погрузив свою руку в воду, я не ощутил ни холода, ни жара. Значит, температура воды соответствует температуре человеческого тела, которая приблизительно равна 95° по Фаренгейту.

Так как серный источник не представлял в данный момент для них ничего интересного, колонисты направились к густой опушке леса, находившейся в нескольких сотнях шагов.

Там, как они и предполагали, протекала быстрая речка, вернее, большой ручей. Его прозрачные воды струились между высокими берегами красного цвета, что служило доказательством присутствия в земле железа. Из-за этой окраски ручей немедленно получил название Красного ручья.

Красный ручей брал начало в горах и довольно глубоким потоком стремился к озеру. Длина его была около полутора миль, ширина — от тридцати до сорока футов. Он то пробивал себе дорогу в скалах и бурливо пенился по камням, образуя водопады, то спокойно струился по песчаному ложу. На всем протяжении вода в ручье была чистая и совершенно пресная, что давало возможность предполагать, что озеро тоже пресноводное. Это обстоятельство могло оказаться очень полезным в том случае, если на берегу озера найдется какое-нибудь место для устройства более удобного жилья, чем Гроты.

Деревья, которые росли по обоим берегам ручья, преимущественно принадлежали к породам, распространенным в умеренном поясе Австралии и Тасмании. Они не были теми хвойными деревьями, которых так много видели колонисты в исследованной ими части острова, недалеко от плато Дальнего Вида. В это время года, в апреле, который в Южном полушарии соответствует октябрю Северного полушария, деревья были еще покрыты зеленой листвой.

Из лиственных пород здесь чаще всего встречались казуарыны и эвкалипты, листья которых следующей весной дадут им сладковатую манну, – обстоятельство, очень полезное для колонистов.

Группы австралийских кедров окружали прогалины, поросшие жесткой высокой травой. Но, сколько ни искали колонисты, они не нашли ни одной кокосовой пальмы, которые, видимо, не росли на острове Линкольна, расположенном ниже пояса распространения пальм, различными породами которых изобилуют все архипелаги Тихого океана.

– Какая жалость! – сказал Герберт. – Пальма очень полезное дерево, а орехи кокосовой пальмы и питательны, и очень вкусны.

Зато здесь было изобилие птиц. Они во множестве порхали по ветвям эвкалиптов и казуарин. Редкая листва этих деревьев не мешала им распускать крылья, да и сами они были на виду. Черные, белые и серые какаду, большие и маленькие попугаи, окрашенные во все цвета радуги, ярко-зеленые корольки с красным хохолком, голубые лори, или райские попугаи, носились взад и вперед, наполняя воздух оглушительным щебетанием.

Вдруг из зарослей донеслись какие-то странные нестройные голоса – настоящий концерт. Колонисты услышали одновременно пение птиц, крики животных и какое-то странное щелканье, похожее на бормотанье туземцев. Наб и Герберт, забыв мудрые советы инженера о необходимости соблюдать осторожность, бросились к кусту, откуда доносились эти звуки. К счастью, они там увидели не страшных хищников и не опасных туземцев, а всего лишь с полдюжины пересмешников, в которых Герберт с первого взгляда узнал горных фазанов. Несколько ловких ударов палкой сразу прекратили веселую болтовню пересмешников и доставили колонистам прекрасную дичь на обед.

Герберт заметил также красивых голубей с бронзовыми крыльями. Одни из них были украшены роскошным гребешком, а другие отличались зеленым оперением на всем теле. Но подобраться к голубям было невозможно, по крайней мере, так же трудно, как к стаям ворон и сорок, улетавших при малейшем приближении людей. Один выстрел из охотничего ружья, заряженного мелкой дробью, уложил бы на месте не один десяток этих птиц, но охотникам, к сожалению, приходилось пока действовать только примитивными дубинками и камнями.

Необходимость обзавестись более совершенным оружием стала особенно актуальной, когда неожиданно в зарослях пробежало целое стадо четвероногих животных. Подпрыгивая и взлетая в воздух почти на тридцать футов, они быстро скрылись в чаще. Животные прыгали так проворно и высоко, что можно было подумать, что они перелетают с дерева на дерево, как белки.

– Кенгуру! – вскричал Герберт.

– А их едят? – в ту же минуту спросил Пенкроф.

– Особенно они хороши тушеные, – ответил журналист, – я не знаю дичи лучше кенгуру...

Гедеон Спилет еще не закончил свою фразу, как Пенкроф в сопровождении Наба и Герберта бросился следом за кенгуру. Сайрес Смит пытался их остановить, но они не послушались. Впрочем, за свое старание охотники не получили желаемой награды, да оно и понятно: проворный кенгуру прыгает, как резиновый мяч, и догнать его невозможно. После пяти минут погони охотники совсем запыхались и не могли бежать, а кенгуру в это время были уже далеко. Топ тоже попытался их преследовать, но и ему не посчастливилось.

– Мистер Сайрес, – сказал Пенкроф, когда инженер и журналист подошли к ним, – вы теперь и сами видите, как нам необходимы ружья. Надеюсь, что вы сможете их сделать.

– Может быть, – ответил инженер, – но только не теперь. Пока мы начнем с того, что сделаем лук и стрелы, и я убежден, что вы научитесь владеть этим оружием так же ловко, как и австралийские охотники.

— Стрелы, луки!... — бормотал Пенкроф, делая презрительную гримасу. — Это годится только для детей!

— Не следует особенно привередничать, друг Пенкроф, — возразил Спилет. — Вспомните, сколько человеческой крови проливалось много веков, когда люди и понятия не имели о другом оружии, кроме лука и стрел. Порох изобретен сравнительно недавно, а война, к несчастью, так же стара, как и род людской!

— Это правда, мистер Спилет, — ответил Пенкроф. — Я поторопился и теперь беру свои слова обратно и прошу меня извинить.

В это время Герберт, для которого не было большего удовольствия, чем поговорить о своей любимой науке — естествознании, опять заговорил о кенгуру:

— Имейте в виду, что на этот раз нам встретились представители вида самых быстроногих кенгуру. Это были так называемые большие серые кенгуру с длинной серой шерстью. Если я не ошибаюсь, существуют еще черные и красные кенгуру, горные кенгуру, болотные и, наконец, кенгуру-крысы, овладеть которыми будет не так трудно. Натуралисты насчитывают более дюжины видов кенгуру...

— Герберт, — возразил ему Пенкроф, — для меня существует только один вид — «кенгуру на вертеле», и это именно тот вид, которого нам будет не хватать сегодня вечером.

Все невольно рассмеялись, услышав эту новую, так сказать гастрономическую, классификацию мистера Пенкрофа. Храбрый моряк и не думал скрывать своего сожаления, что весь его обед должен состоять из одного фазана. Но судьба и на этот раз была к нему благосклонна.

Топ, по-видимому, отлично понимал, что неудачная охота затрагивает и его собственные интересы и что он может остаться почти без ужина. И Топ со всем пылом голодной охотничьей собаки рыскал по лесу, жадно обнюхивая воздух. Его возбужденное состояние, впрочем, было вполне понятно, и, если бы ему удалось что-нибудь найти, Топ, вероятно, в ту же минуту растерзал бы добычу, потому что он, главным образом, охотился для себя. Но Наб хорошо знал собаку и внимательно следил за ней.

Часов около трех Топ скрылся в кустах, и раздавшееся вслед за тем ворчание послужило доказательством, что Топ нашел себе обед и теперь поглощает его с большим аппетитом.

Наб бросился в кусты и увидел, что Топ жадно пожирает какое-то четвероногое животное. Через десять секунд от него не осталось бы и кусочка, и Наб не смог бы даже узнать, чем собака утолила свой голод. Но, к счастью, Топ наткнулся на целый выводок этих животных, и около него лежали на земле еще два грызуна.

Наб с торжественным видом вышел из кустов, держа в каждой руке по грызуну величиной немногим больше зайца. Их желтый мех был усеян зелеными пятнами, а хвоста почти совсем не было.

Уроженцы Северной Америки могли, не колеблясь, определить породу этих грызунов. Эти были так называемые агути, представители одноименного семейства из многочисленного отряда грызунов — настоящие американские кролики с длинными ушами, с четырьмя коренными зубами с каждой стороны челюсти, что и составляло все их отличие.

— Ура! — приветствовал Пенкроф Наба. — Жаркое приехало! Теперь можно и домойозвращаться!

Колонисты снова двинулись в путь. Красный ручей медленно струил свои прозрачные воды под зеленой сенью эвкалиптов, казуарин, банксий и гигантских камедных деревьев. Роскошные лилии поднимались на высоту в двадцать футов. Некоторые виды деревьев, неизвестные молодому натуралисту, склонялись над ручьем, скрывая его, и тогда только неумолчное журчание воды обозначало место, где течет ручей.

Поток заметно расширился, и Смит на этом основании предположил, что скоро они достигнут устья ручья. И в самом деле, когда колонисты вышли из лесной чащи, они увидели перед собой и устье ручья, и озеро.

Исследователи подошли к западному берегу озера Гранта. Здесь было на что посмотреть. Озеро занимало пространство окружностью около семи миль и площадью двести пятьдесят акров¹¹. По берегу озеро окаймлял бордюр из разнообразных лиственных деревьев. На востоке, сквозь просветы зеленого занавеса, живописно приподнятого в некоторых местах, виднелась сверкающая поверхность моря на горизонте. На севере озеро образовывало небольшой залив, а на юге оно острым углом врезалось в берег. И на воде, и на берегах этого маленького Онтарио виднелось бесчисленное множество водяных птиц. «Тысячу островов» американского озера здесь заменяла одинокая скала, возвышавшаяся над поверхностью воды в нескольких сотнях футов от южного берега. Скалу эту облюбовали зимородки, они парами сидели на камнях, важные, неподвижные, карауля проплывающую рыбу, и вдруг с резким криком бросались в воду и выплывали с добычей в клюве. По берегам и по островку расхаживали дикие утки, пеликаны, водяные курочки и филлероны с длинным языком в виде кисточки, и один или два вида тех роскошных лирохвостов, или менур, у которых хвосты разеваются наподобие лир.

Вода в заливе, как и предполагал инженер, была пресная, прозрачная, но немного черноватого цвета. При этом, судя по кипению воды в некоторых местах и по концентрическим кругам, которые то и дело расходились по поверхности воды, в озере должно было водиться много рыбы.

— А знаете, это озеро очень красивое, — сказал Гедеон Спилет. — По-моему, было бы очень неплохо поселиться здесь на берегу.

— Почему бы и нет! — ответил Сайрес Смит.

Затем колонисты решили идти домой самой кратчайшей дорогой и пошли вокруг озера до того места, где его берега сходились углом. С большим трудом прокладывая себе путь сквозь заросли кустарника, которые до сих пор еще ни разу не раздвигала рука человека, они направились к морскому побережью, желая выйти к плато Дальнего Вида. Еще две мили путники пробирались густым лесом, и наконец сквозь зеленую завесу вдали показалось плато, покрытое густой травой, а за ним виднелось безбрежное море.

Для того чтобы попасть в Гrotы, им оставалось пересечь наискосок плато на расстоянии одной мили и спуститься до первого поворота реки Милосердия. Но инженер хотел узнать, как и куда изливался избыток воды в озере, поэтому исследователи прошли под сенью деревьев еще полторы мили к северу. Инженер предполагал, и не без основания, что где-нибудь непременно должен быть сток, вероятнее всего, вода изливалась через расщелину в граните. По мнению инженера, озеро Гранта представляло собой огромный бассейн, постепенно наполнявшийся водой из Красного ручья, и поэтому обязательно должно было существовать место стока. Может быть, они увидят даже водопад. Если бы это действительно оказалось так, то можно было бы использовать силу этого водопада для практической пользы. Вслед за инженером колонисты прошли еще милю вдоль берега озера Гранта, но Сайресу Смиту так и не удалось открыть место водостока, хотя он, несомненно, существовал.

Было уже половина пятого. Пора было заняться приготовлением обеда, и колонистам следовало поторопиться домой. Поэтому маленький отряд повернул обратно и по левому берегу реки Милосердия дошел до Гrotов.

Сразу же развели огонь. Наб и Пенкроф приняли на себя обязанности поваров и занялись приготовлением жаркого из агути, которое имело большой успех.

После обеда, когда все собирались прилечь отдохнуть, Сайрес Смит достал из карманов собранные им образцы различных минералов и, показывая их своим товарищам, сказал:

— Друзья мои, вот железная руда, вот серный колчедан, вот глина, вот известь, вот уголь. Все это дает нам природа, и такова ее доля участия в общей работе. А мы завтра же примемся за дело.

¹¹ Около 200 гектаров.

Глава тринадцатая

Что нашли на шее Топа. – Изготовление луков и стрел. – Кирпичный завод. – Печь для обжига. – Различные кухонные принадлежности. – Первый суп. – Чернобыльник. – Южный Крест. – Важное астрономическое наблюдение.

Итак, мистер Сайрес, с чего мы начнем сегодня? – спросил утром на другой день Пенкроф у инженера.

– С самого начала, – ответил Смит.

И в самом деле, колонисты были вынуждены, как сказал инженер, начинать именно «с начала». У них не было даже самых необходимых орудий и инструментов, и они должны были все это сделать сами. При этом они не могли откладывать начало работ и должны были приниматься за дело немедленно. Благодаря приобретенным знаниям и опыту, им не надо было ничего изобретать, но у них не было ни машин, ни заводов, чтобы начать обработку природных богатств. Железо и сталь еще лежали в земле в виде руды, вместо посуды у них была пока только глина, а одежда еще «росла» в виде волокнистых растений.

Но это нисколько не пугало колонистов – это были мужчины в самом лучшем смысле этого слова. Сайрес Смит при всем своем желании не мог бы подобрать себе более разумных, преданных и энергичных товарищ. Он уже успел поговорить со всеми и знал, на что способны эти люди.

Гедеон Спилет, очень талантливый журналист, который всему учился, чтобы иметь возможность говорить обо всем, должен был помогать в колонизации острова своей головой и руками. Он не отказывался ни от какой работы. К тому же Спилет был страстным охотником, охотился почти во всех странах земного шара, и притом на самую разнообразную дичь, и теперь легко мог обратить в ремесло то, что раньше считал только забавой.

Герберт, несмотря на свои юные годы, обладал солидными познаниями в естествознании, а это много значило для колонистов. Кроме того, благородный и честный мальчик по мере сил старался помочь всем и каждому.

Наб был сама преданность. Умный, ловкий, неутомимый, сильный человек, железного здоровья, он был отличным поваром и немного знал кузнечное дело. Польза, которую он мог принести общему делу, была несомненна.

Пенкроф, старый морской волк, плавал по всем морям и океанам, работал плотником на судостроительных верфях в Бруклине, обучился портняжному искусству во время службы на военных кораблях, занимался садоводством и огородничеством во время отпусков и т. д. Словом, как и все моряки, он знал обо всем понемногу и все умел делать.

Трудно было собрать в одном месте пять человек, более подходящих друг к другу, более приспособленных для борьбы с жизненными невзгодами и более уверенных в своей победе.

«С самого начала», – сказал Сайрес Смит. «Начало», о котором говорил инженер, заключалось в том, что нужно было изготовить орудия для преобразования, главным образом, естественных богатств острова. Известна роль, которую играет при этом высокая температура. Но топливо – дрова и каменный уголь – имелось в изобилии и могло быть использовано хоть сейчас. Значит, оставалось заняться строительством печи, специально приспособленной для этой цели.

– А зачем будем мы складывать такую печь? – спросил Пенкроф.

– Для того чтобы обжигать в ней горшки, миски и кружки, которые нам так необходимы, – ответил Смит.

– Из чего же сложим мы печь?

– Из кирпичей.

– А кирпичи из чего сделаем?

— Из глины. Идем, друзья мои! Чтобы не таскать на себе глину, мы устроим мастерскую на месте нахождения глины. Наб будет доставлять нам туда провизию, а огонь, конечно, мы сумеем и там развести. В этом недостатка не будет.

— Согласен, — сказал Спилет. — А вот провизии, пожалуй, нам может не хватить, ведь у нас нет оружия.

— Эх! Если бы у нас был хоть один нож! — воскликнул матрос.

— И что тогда? — спросил Сайрес Смит.

— Тогда я мигом вырезал бы лук и стрелы, и в нашем буфете было бы сколько угодно дичи!

— Да, нож, острое лезвие... — повторил инженер, как будто говоря сам с собой.

В эту минуту глаза его остановились на Топе, который недалеко от них бегал по берегу. Вдруг взгляд Смита оживился.

— Топ, сюда! — крикнул он.

Собака быстро прибежала на зов своего хозяина. Смит взял в руки голову Топа, расстегнул ошейник, снял его и сломал пополам. Обломки он отдал Пенкрофу со словами:

— Вот вам два ножа, Пенкроф!

Моряк ответил на это громким «ура». Ошейник Топа был сделан из тонкой полоски закаленной стали. Поэтому нужно было только сначала хорошо поточить каждое лезвие на песчанике, чтобы заострить края, а потом осторожно выпрямить на более мягкое камне. Песчаник в изобилии встречался на побережье, и два часа спустя инвентарь колонистов состоял уже из двух острых ножей, к которым удалось легко приделать деревянные ручки.

Изготовление этих первых инструментов было ценным достижением, и колонисты с веселыми лицами поздравляли друг друга.

Смит предполагал пройти к западному берегу озера, к тому месту, где накануне нашел глину, образчик которой вечером показывал своим товарищам. Поэтому, выйдя из Гротов, колонисты пошли по левому берегу реки Милосердия, пересекли плато Дальнего Вида и, сделав около пяти миль по лесу, вышли на лужайку, от которой до озера Гранта было уже не больше двухсот шагов.

По дороге Герберт увидел дерево, из ветвей которого индейцы Южной Америки делают луки. Оно принадлежало к семейству пальмовых и не приносило съедобных плодов. Ножом срезали длинные и прямые ветви, очистили их от листьев и обстругали так, чтобы в середине они были потолще, а на концах потоньше. Теперь оставалось лишь найти растение, из которого можно было свить тетиву. Для этого отлично подошел гибискус коноплевый, или кенаф, из семейства мальвовых, обладающий необыкновенно крепкими волокнами. Так Пенкроф получил наконец несколько мощных луков. Не хватало только стрел. Стрелы, конечно, нетрудно было сделать из прямых и твердых веток без сучков, но к ним следовало приделать наконечники из материала такого же твердого, как железо. Ничего подобного пока под руками не было, но Пенкроф надеялся, что и наконечники найдутся, а если нет — инженер, наверное, придумает, из чего их сделать.

Колонисты пришли как раз к тому месту, которое заметил накануне инженер. Почва здесь состояла из той самой глины, которая идет на изготовление кирпичей и черепицы, а следовательно, глина годилась и для того, что задумал сделать инженер. Для работы не требовалось никаких инструментов, достаточно было сформовать глину в кирпичи и обжечь их на огне.

Обычно кирпичи делаются в формах, но инженер за неимением форм лепил их просто руками. Так что остаток этого дня и весь следующий день были посвящены производству кирпичей. Глину слегка смачивали водой, месили ногами и руками и потом резали на части, по возможности одинаковой величины.

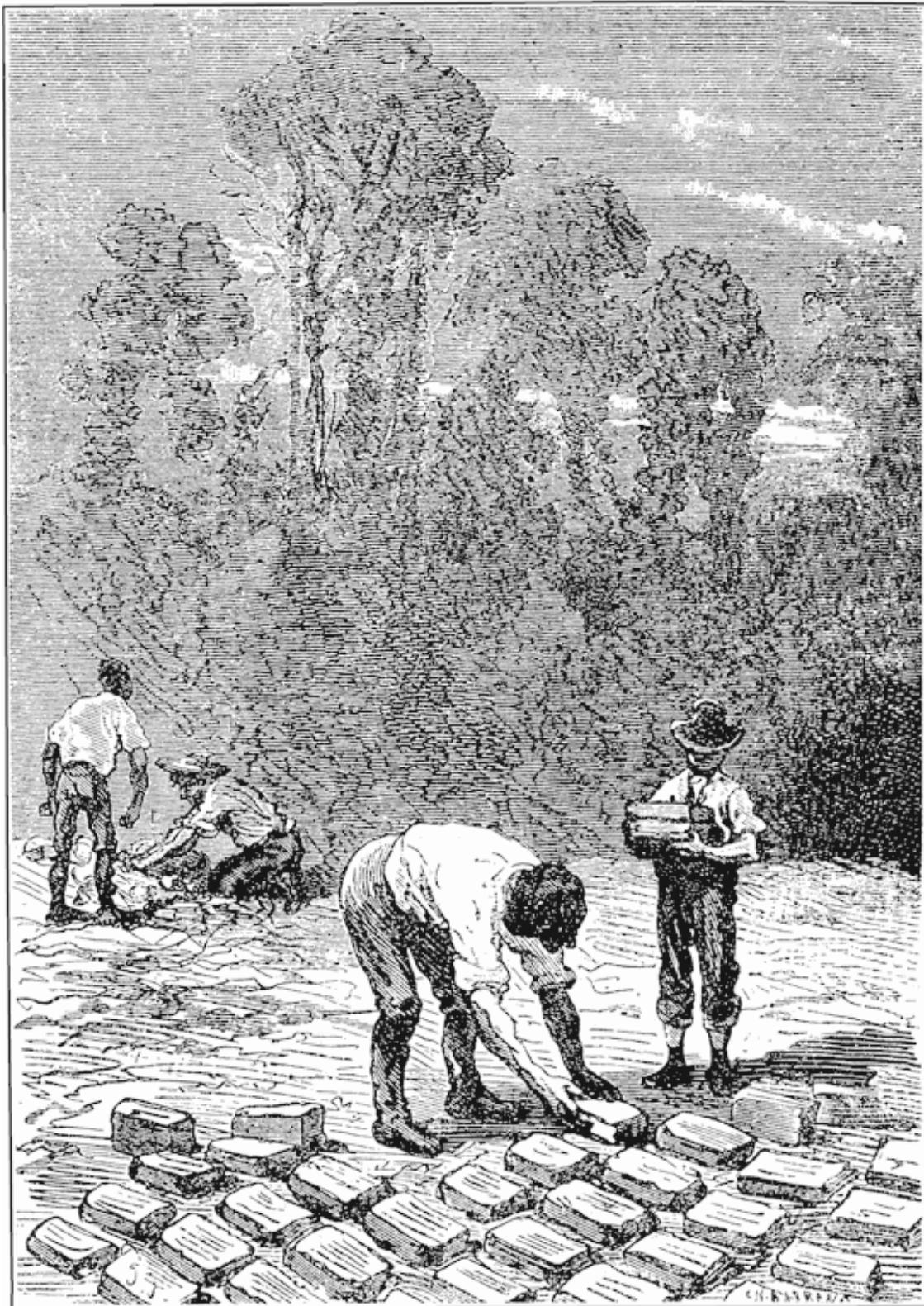
Опытный рабочий может вручную изготовить до десяти тысяч штук кирпича-сырца за двенадцать часов, но пятеро кирпичников-островитян за два рабочих дня сделали всего лишь

около трех тысяч кирпичей, которые затем сложили правильными рядами на просушку. Через три-четыре дня, когда кирпичи просохнут, можно будет приступить к их обжигу.

На следующий день, 2 апреля, Сайрес Смит решил определить положение острова относительно стран света.

Накануне он точно установил время, когда солнце скрылось за горизонтом, принимая в расчет преломление лучей. Утром он с такой же точностью определил время восхода солнца. Оказалось, что между заходом и восходом солнца прошло двенадцать часов без двадцати четырех минут. Следовательно, в этот день через шесть часов двенадцать минут после восхода солнце пересечет меридиан, и точка пересечения будет находиться на севере¹².

¹² И на самом деле, в то время года на этой широте солнце восходит в 5 часов 48 минут утра, а заходит в 6 часов 12 минут вечера.

В назначенное время Сайрес Смит тщательно определил нужную ему точку, затем отметил в качестве ориентиров два дерева, стоявших как раз на одной линии с меридианом, и таким образом получил постоянный меридиан для последующих вычислений.

Два дня, оставшиеся до начала обжига кирпичей, были потрачены на заготовку топлива. Колонисты нарезали свежих веток с деревьев, окружавших поляну, и подобрали весь хворост, который только могли найти в траве под деревьями. При этом они успели довольно

удачно поохотиться, потому что у Пенкрофа появилось теперь несколько дюжин стрел с очень острыми наконечниками. Наконечники обеспечил Топ, притащивший откуда-то дикобраза. Животное, конечно, мало подходило для еды, но колонисты ему очень обрадовались, потому что иглы дикобраза отлично решали вопрос о наконечниках для стрел. Пенкроф очень тщательно вставил иглы в тонкие концы стрел и, чтобы они летели более точно, оперил каждую стрелу перьями какаду. Спилет с Гербертом очень быстро научились метко стрелять из лука, и теперь в кладовой Гротов уже не было недостатка в провизии: кабаны, голуби, агути, глухари то и дело становились жертвами искусственных охотников. Большая часть птиц и животных была застрелена в лесу, расположенном на левом берегу реки Милосердия. С общего согласия этот лес называли лесом Якамара в память о птице, которую так неудачно преследовали Пенкроф и Герберт в тот день, когда отправились в первый раз на разведку.

Дичь ели свежей в жареном виде, а окорока диких свиней заготавливали впрок, прокоптив их в дыму над огнем из сырых зеленых ветвей и приправив благовонными листьями. Пища была питательной, но однообразной. Есть каждый день жареную дичь на завтрак, обед и ужин колонистам уже начинало надоедать, и они очень хотели бы иметь на первое хотя бы небольшую порцию супа. Но приходилось ждать, пока будет готова обжигательная печь и у них появится горшок.

Во время прогулок в окрестностях кирпичной фабрики охотники, между прочим, заметили свежие следы каких-то крупных животных с мощными когтистыми лапами. Герберт, несмотря на свои познания в зоологии, не мог определить, что это были за животные. Смит посоветовал им на всякий случай держаться вместе и не заходить далеко в лес, где они могли встретить крупных хищников.

Инженер оказался совершенно прав. В один прекрасный день Спилет и Герберт встретили животное, очень похожее на ягуара. К счастью, хищник не напал на них, и они остались целы и невредимы. Из лука они не смогли бы убить зверя и, наверное, получили бы серьезные ранения. Но Гедеон Спилет дал себе слово, что, как только у него в руках будет одно из тех ружей, которых так настойчиво требует от инженера Пенкроф, он станет беспощадно преследовать хищников и очистит от них остров.

Все эти дни благоустройством Гротов никто не занимался и никто даже не заводил разговор о более рациональном приспособлении их для жилья. Инженер надеялся найти или построить, если понадобится, более удобное жилище. Пока ограничились только тем, что на песчаный пол в Гротах положили свежий настил из мха и сухих листьев. На этом примитивном ложе усталые труженики с наслаждением отдыхали после рабочего дня.

Сайрес Смит подсчитал, сколько дней провели колонисты на воздушном шаре и на острове Линкольна, и они решили в дальнейшем отмечать по календарю в записной книжке Гедеона Спилета каждый прожитый день. В среду, 5 апреля, исполнилось ровно двенадцать дней с тех пор, как ураган выбросил потерпевших крушение на это побережье.

Ранним утром 6 апреля инженер и его спутники собрались на полянке, где предполагалось производить обжиг кирпичей. Так как у них не было специальной печи, предназначенной для этой цели, вся операция должна была происходить на открытом воздухе. Кирпичи сами должны были образовать огромную печь, которая затем сама себя обожжет. Связки сухого хвороста разложили на земле и окружили их несколькими рядами кирпичей в виде большого куба с отдушинами для выхода дыма наружу. Работа эта заняла весь день, и только вечером они смогли наконец поджечь валежник.

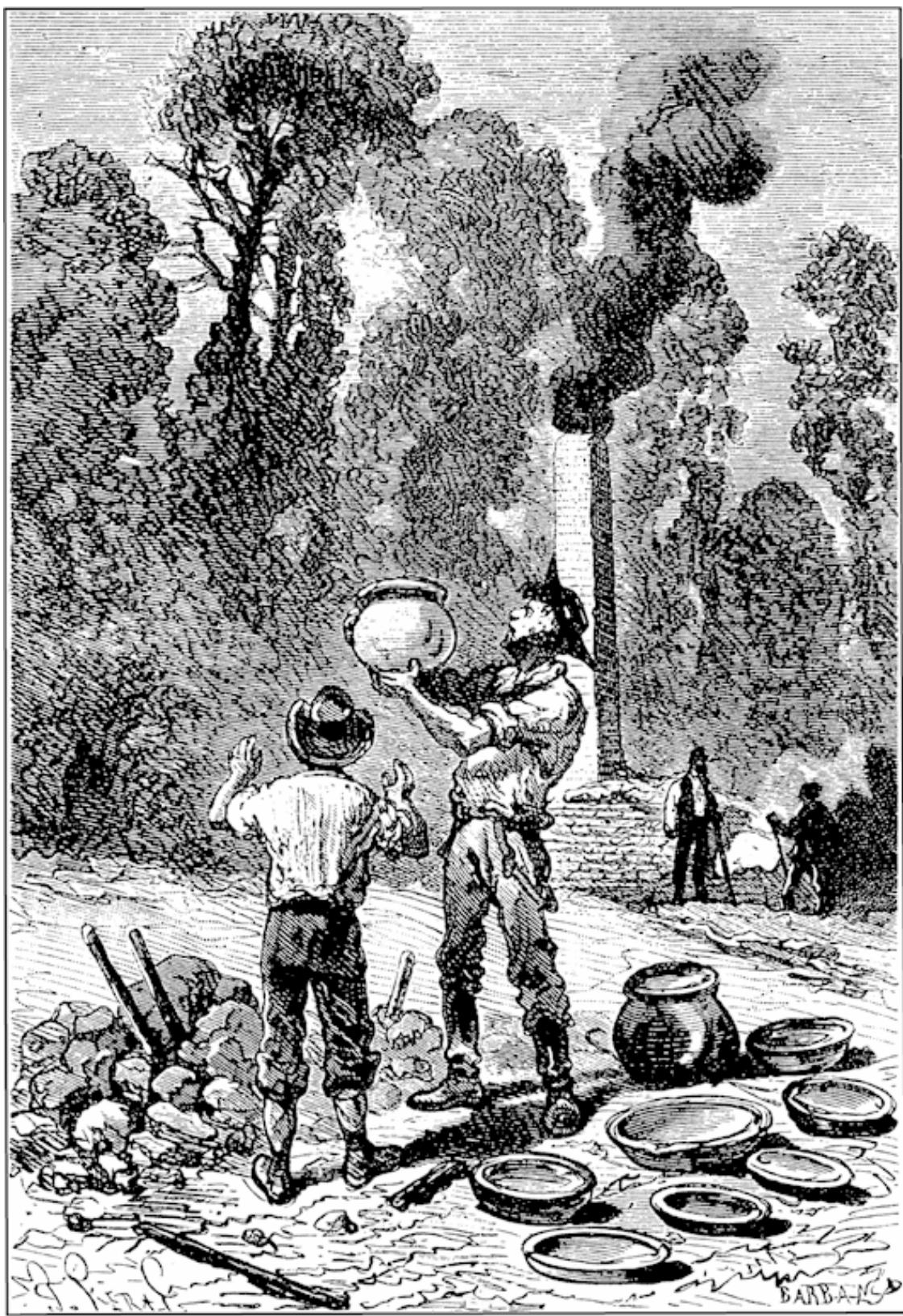
В эту ночь никто не ложился спать, и все тщательно заботились о том, чтобы огонь не уменьшался.

Процесс обжига сырца продолжался сорок восемь часов и превосходно удался. После этого нужно было еще дать остыть дымящейся раскаленной массе кирпичей. Тем временем Наб и Пенкроф по указанию Сайреса Смита притащили на носилках, сплетенных из веток,

довольно большое количество известковых камней, в изобилии обнаруженных на северном берегу озера Гранта. Прокаленные на огне, эти камни превратились в так называемую негашеную известь, очень жирную и такую же чистую, какую получают от обжига алебастра или мрамора. После гашения водой известь разбухла, жидкий известковый раствор смешали с известным количеством песка и получили великолепный цемент.

В результате всех этих работ к 9 апреля инженер имел в своем распоряжении довольно большой запас готовой извести и несколько тысяч кирпичей.

Вслед за тем, не теряя времени, колонисты приступили к кладке печи для обжига глиняной посуды, необходимой в домашнем обиходе. Печь удалось сложить без особого труда. Еще через пять дней печь наполнили тем самым каменным углем, залежки которого инженер открыл около Красного ручья, и первые столбы дыма поднялись из трубы высотой двадцать футов. Так на лужайке вырос настоящий завод, и Пенкроф уже начал думать о том, что в их печи можно будет изготовить все изделия современной промышленности.

Прежде всего колонисты слепили несколько обычных горшков, вполне пригодных для варки пищи. Материалом послужила та же самая глина, к которой Сайрес Смит добавил немного извести и кварца, и смесь стала представлять собой настоящую «трубочную», или «гончарную», глину. Из нее вылепили вручную много горшков, кувшинов, чашек, мисок, тарелок и ведер для хранения воды. Все эти предметы не отличались особенно красивой формой

и выглядели несколько неуклюже, но после того, как их обожгли в печи, колонисты оказались обеспечены достаточно большим количеством разнообразной посуды, которая ценилась ими так же дорого, как если бы она была сделана из фарфора.

Пенкроф, желая проверить, насколько эта глина заслуживает названия «трубочной», вылепил для себя несколько трубок, правда, довольно неказистых. Он нашел их превосходными, но, к сожалению, у него не было ни крошки табака! А как бы хорошо было выкурить трубочку после обеда! Да, это было большим, очень большим лишением для Пенкрофа!

«Ну да ничего, и табак появится в свое время, как и все остальное!» – утешал он себя в те минуты, когда находился в благодушном настроении.

До 15 апреля колонисты, став горшечниками, ничего другого не делали, кроме глиняной посуды. Когда Сайрес Смит прикажет прекратить эту работу и заняться кузнецким делом, они так же охотно станут кузнецами. Но 16 апреля было воскресеньем и даже первым днем Пасхи, поэтому с общего согласия решили этот день посвятить отдыху. Колонисты были люди религиозные и усердно исполняли библейские заповеди, а вынужденное пребывание на пустынном острове еще больше усиливало в них чувство веры в Бога.

К вечеру 15 апреля колонисты окончательно вернулись в Гроты. Последние горшки были вынуты из печи, огонь в печи потушен до особого распоряжения инженера. Этот день ознаменовался одним счастливым обстоятельством: инженер совершенно случайно открыл вещество, которое могло заменить собой трут. Всем хорошо известны эти грибы из рода полипор, или бархатистые и ноздреватые нарости, похожие на губку, употребление которых вместо трута дает очень хорошие результаты, если эти грибы хорошо высушить и натереть порохом и прокипятить в растворе азотнокислой соли или хлористокислого калия. До сих пор никому из колонистов не удавалось найти хотя бы один такой гриб или несколько сморчков, которые до известной степени могут их заменить. Но инженер в этот день увидел кое-что лучше грибов, а именно – растение рода полынь, полынь обыкновенную, или полынь полевую. Инженер сорвал несколько пучков этого растения и, подавая их Пенкрофу, сказал, улыбаясь:

– Взгляните на это растение, Пенкроф! Надеюсь, вы останетесь довольны моей находкой.

Пенкроф внимательно стал рассматривать растение, покрытое длинными шелковистыми волосками; узкие листья были покрыты мягким пушком.

– А что это такое, мистер Сайрес? – спросил Пенкроф. – Боже мой! Неужели это табак?

– Нет, – ответил Смит, – это полынь полевая, или артемизия, как ее называют учёные, а нам она заменит трут.

Действительно, сухая полынь хорошо воспламеняется и сама по себе, а инженер к тому же еще пропитал ее раствором хлористокислого калия, или попросту селитрой. Инженер нашел на острове довольно большие залежи селитры и очень был рад этому обстоятельству, потому что селитра могла впоследствии пригодиться и для других целей.

Вечером колонисты, собравшиеся в центральной комнате Гротов, наконец поужинали как следует. Наб приготовил суп потафе из агути, затем были поданы окорок дикой свиньи, приправленный благовонными травами, и вареные клубни каладиума – травянистого растения из семейства ароидных, которое в тропическом поясе растет в виде кустарника. Клубни были очень вкусны, очень питательны и очень похожи на продукт, который в Англии продается во всех магазинах под громким названием «портландское саго». До некоторой степени они могли заменить собой хлеб, которого пока еще не было у обитателей острова Линкольна.

После ужина все колонисты вышли перед сном подышать воздухом на песчаное побережье. Было восемь часов вечера. Ночь обещала быть великолепной. Полнолуние было пять дней назад, и луна еще не взошла, но на горизонте уже серебрились нежные и бледные лучи, которые можно назвать лунной зарей. На юге в зените сияли созвездия Южного полушария, и между ними Южный Крест, которым несколько дней тому назад инженер любовался с вершины горы Франклина.

Сайрес Смит долго смотрел на это яркое созвездие, состоящее на вершине и у основания из двух звезд первой величины, звезды второй величины слева и звезды третьей величины справа. Потом инженер повернулся к Герберту и, словно желая проверить самого себя, спросил:

– Послушай, Герберт, ведь сегодня пятнадцатое апреля?

– Да, мистер Сайрес.

– В таком случае, если я не ошибаюсь, завтра будет один из тех четырех дней в году, когда истинное время совпадет со средним временем, то есть завтра с точностью до нескольких секунд солнце пройдет через меридиан как раз в то время, когда на часах будет полдень. И, если погода будет хорошая, я надеюсь, что мне удастся определить долготу нашего острова с приближением до нескольких градусов.

– Без инструментов, без секстанта? – спросил Гедеон Спилет.

– Да, – ответил инженер. – А так как ночь ясная, я попытаюсь сейчас определить широту острова, вычислив высоту Южного Креста, то есть Южного полюса, над горизонтом. Вы ведь и сами прекрасно знаете, друзья мои, что, для того чтобы предпринимать серьезные работы по благоустройству нашего жилья, недостаточно знать, что мы находимся на острове. Я считаю крайне необходимым установить координаты нашего острова и расстояние, отделяющее его от Америки, или от Австралии, или от одного из архипелагов Тихого океана.

– Да, вы, как и всегда, правы, – сказал Спилет. – Вместо того чтобы строить дом, нам, может быть, выгоднее будет заняться постройкой лодки, если окажется, что мы не больше чем в ста милях от обитаемой земли.

– Вот почему, – продолжал Сайрес Смит, – я попытаюсь сегодня же определить широту острова Линкольна, а завтра в полдень постараюсь определить и его долготу.

Если бы у инженера был секстант – инструмент, с помощью которого можно с большой точностью измерять угловое расстояние между предметами, – определение географической широты и долготы острова не представляло бы ни малейшего труда. В этот вечер он определил бы широту, а завтра днем, в момент прохождения солнца через меридиан, узнал бы долготу и, таким образом, имел бы координаты острова. Но секстанта не было, и изобретательному уму инженера нужно было придумать, чем его заменить.

Сайрес Смит вернулся в Гrotы и при ярком свете очага выстругал две маленькие плоские дощечки и соединил их концы так, что получилось нечто вроде циркуля, ножки которого могли раздвигаться и сдвигаться. Болтик для скрепления отлично заменила колючка акции, найденная среди заготовленного хвороста.

Когда инструмент был готов, инженер снова вышел на берег. Так как ему необходимо было определить высоту полюса над резко очерченной линией горизонта, то есть над морем, а мыс Когтя закрывал от него южную сторону горизонта, нужно было выбрать другое, более подходящее для этой цели место. Лучшим местом, конечно, был бы берег, обращенный прямо на юг, но для этого надо было переправиться через реку Милосердия, что оказалось невозможным вследствие начавшегося прилива – в это время уровень воды был очень высок.

Сайрес Смит решил произвести все необходимые наблюдения на плато Дальнего Вида, приняв, конечно, во внимание высоту плато над поверхностью моря, – высоту, которую он рассчитывал вычислить на следующий день с помощью самых простых теорем линейной геометрии.

Колонисты пошли по левому берегу реки Милосердия и, взобравшись на плато, расположились на опушке, выходящей на северо-запад и юго-восток, то есть как раз по направлению линии причудливо очерченных утесов, которые окаймляли берега реки. Эта часть плато поднималась футов на пятьдесят над холмами правого берега, которые полого спускались с одной стороны до мыса Когтя, а с другой – к южному берегу острова. Благодаря такому возвышенному положению наблюдательного пункта с него видно было все полукружие горизонта, начи-

ная от мыса Когтя и до мыса Аллигатора. На юге линия горизонта отчетливо вырисовывалась на небе, что было очень удобно для произведения самых точных наблюдений.

В эту минуту созвездие Южного Креста представлялось наблюдателю в опрокинутом положении, причем звезда Альфа находилась в основании созвездия, приближенном к южному полюсу. Это созвездие не так близко расположено к антарктическому полюсу, как Полярная звезда к полюсу арктическому, то есть к северному. Звезда Альфа отстоит от южного полюса приблизительно на двадцать семь градусов. Смит это знал и, конечно, должен был принять во внимание, производя нужные вычисления. Наблюдая за этой звездой, он старался не пропустить момент ее прохождения через меридиан, что должно было значительно облегчить дальнейшие вычисления по определению широты.

Смит направил одну ножку своего деревянного циркуля на морской горизонт, другую – на звезду Альфа и по расстоянию между ними определил угол наклона звезды к горизонту. Чтобы зафиксировать полученный угол, он наложил на концы циркуля третью дощечку и закрепил их твердыми колючками акации. Таким образом, инженер получил треугольник, один из углов которого равнялся угловому расстоянию звезды Альфа от горизонта.

Когда это было сделано, оставалось только определить величину измеренного угла, приняв во внимание высоту над уровнем моря. А для этого нужно было вычислить высоту плато. После этого не представляло уже ни малейшего труда определить высоту звезды Альфа, а следовательно, и высоту полюса над горизонтом, то есть широту острова, потому что широта какой-либо точки земного шара всегда равна высоте полюса над горизонтом в этой точке.

Вычисления были отложены до завтра, и в десять часов вечера все уже спали глубоким сном.

Глава четырнадцатая

Определение высоты гранитной стены. – Теорема о подобных треугольниках. – Широта острова. – Экскурсия к северу. – Устричная отмель. – Планы на будущее. – Прохождение солнца через меридиан. – Координаты острова Линкольна.

На следующий день, 16 апреля, в пасхальное воскресенье, колонисты вышли на рассвете из Гротов и принялись за стирку белья и чистку одежды. Инженер пообещал сварить мыло, как только удастся найти сырье, необходимое для его приготовления: соду или поташ, жир или масло. Важный вопрос об обновлении гардероба пока пришлось отложить. Во всяком случае, новая одежда им понадобится месяцев через шесть, не раньше, потому что старая была сшита из прочной ткани и не могла быстро износиться. Впрочем, решение подобных вопросов в значительной степени зависело от положения острова по отношению к обитаемым землям. А это должно было выясниться в этот же день, если только позволит погода и солнце в полдень не будет закрыто тучами.

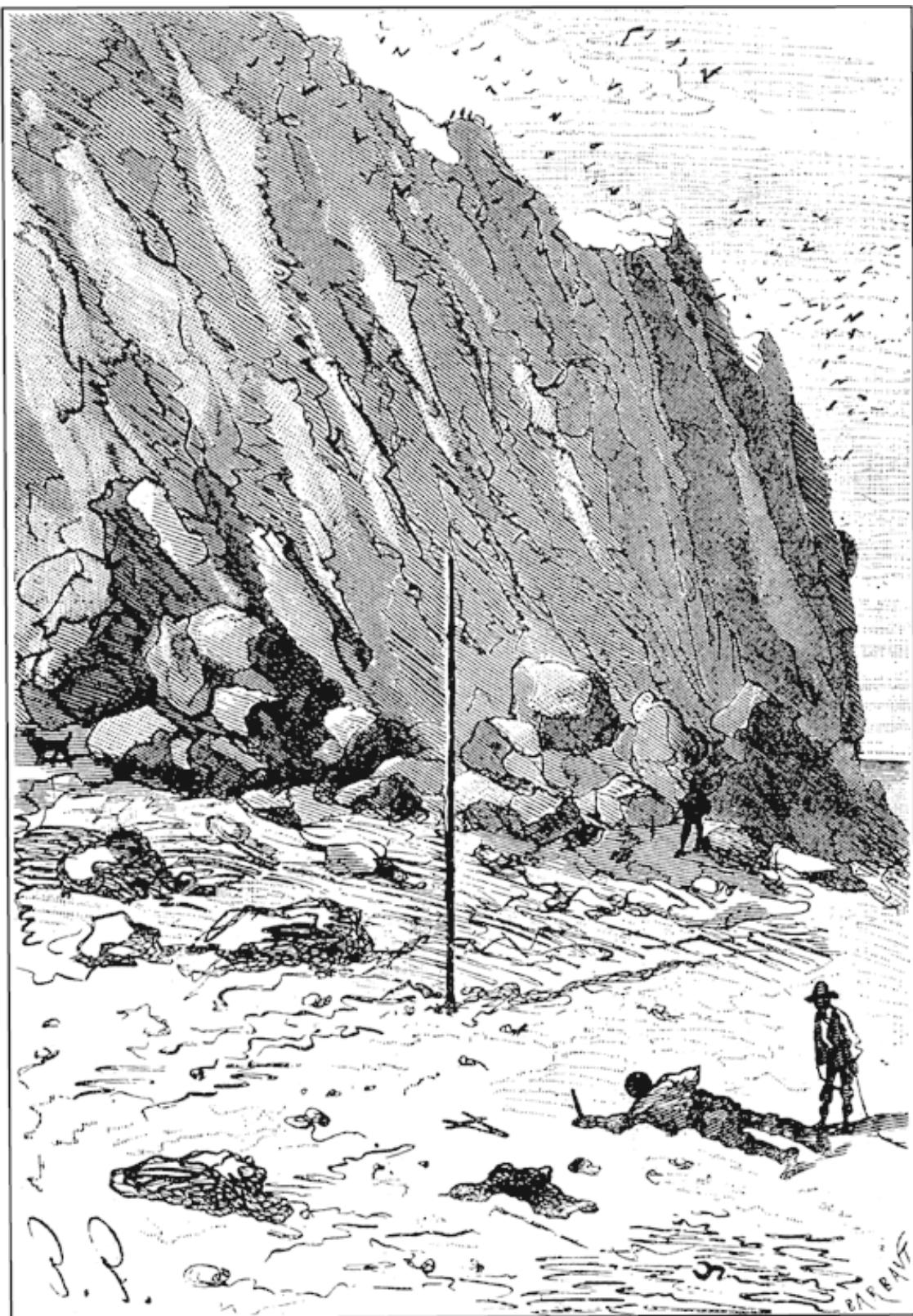
Но солнце всходило на безоблачном небе, обещая прекрасный день, один из тех ясных осенних дней, которые словно нарочно появляются для того, чтобы напомнить о скором приближении зимы и дать возможность сказать последнее «прости» теплому лету. Такое хорошее утро давало надежду, что в полдень удастся благополучно закончить вычисления, начатые накануне при таких благоприятных обстоятельствах.

– А вам не понадобится тот инструмент, которым вы вчера определяли высоту звезды? – спросил Герберт у инженера.

– Нет, мой мальчик, – ответил Смит, – мы теперь будем вычислять высоту другим способом, но с такой же точностью.

Герберт, всегда стремившийся узнать что-нибудь новое, последовал за инженером, который, отойдя от подножия гранитной стены, направился к самому краю берега. В это время Пенкроф, Наб и Спилет занимались каждый своим делом.

Сайрес Смит захватил с собой гладко обструганный прямой шест длиной двенадцать футов, который он предварительно тщательно разметил по сравнению с собственным ростом, который знал с точностью до одного миллиметра. Герберт нес доверенный ему Смитом отвес, роль которого исполнял небольшой камень, привязанный к концу длинной веревки, сплетенной из гибкой лианы.

Примерно в двадцати шагах от края берега и в пятистах шагах от отвесной гранитной стены, возвышавшейся перпендикулярно, Сайрес Смит остановился и воткнул шест ровно на два фута в песчаный грунт. Основательно укрепив шест, инженер с помощью отвеса установил его перпендикулярно к плоскости горизонта. После этого он отошел на такое расстояние, чтобы, лежа на песке, луч зрения, исходящий из его глаза, верхушка шеста и гребень гранитной

стены находились на одной линии. Точка эта была аккуратно отмечена небольшим колышком, воткнутым в землю.

Затем инженер спросил:

- Ты хорошо знаешь геометрию, Герберт?
- Немного, мистер Сайрес! – ответил юноша, не желая хвастаться своими знаниями.
- В таком случае ты, конечно, помнишь свойства подобных треугольников?
- Да. У них соответственные стороны пропорциональны и углы между ними равны.
- Так вот, дитя мое, я только что построил два подобных прямоугольных треугольника. Первый, меньший, имеет своими катетами перпендикулярный шест и расстояние от основания шеста до колышка, а его гипотенуза – мой луч зрения. Катеты второго, большего треугольника – перпендикулярная стена, высоту которой следует измерить, и расстояние от колышка до подножия этой стены, мой луч зрения также образует его гипотенузу, которая, таким образом, оказывается продолжением гипотенузы первого треугольника…

– А, мистер Сайрес, я понял! – воскликнул Герберт. – Расстояние от колышка до основания шеста относится к расстоянию от колышка до подножия стены так же, как высота шеста относится к высоте стены.

– Молодец, Герберт, – ответил инженер. – После того как мы с тобой определим расстояние между колышком и подножием стены, нам нетрудно будет, зная высоту шеста, определить и высоту стены. Это избавит нас от необходимости измерять ее непосредственно.

Оба горизонтальных расстояния были измерены с помощью того же шеста, длина которого, как известно, равнялась ровно двенадцати футам, причем над поверхностью земли он возвышался ровно на десять футов.

Расстояние между колышком и местом, где шест был воткнут в песок, оказалось равным пятнадцати футам.

Затем они измерили расстояние между колышком и основанием стены, и оказалось, что оно равняется пятистам футам.

Закончив измерения, Сайрес Смит и его юный помощник направились в Гроты. Там инженер взял плоский камень из черного сланца, который отлично мог заменить собой аспидную доску. Вместо грифеля он использовал небольшую острую раковину и написал следующую пропорцию:

$$\begin{aligned} 15: 500 &= 10: X \\ 500 \times 10 &= 5000 \\ 5000/15 & \end{aligned}$$

Таким способом Смит определил, что высота гранитной стены равняется тремстам тридцати трем футам¹³.

После этого он взял треугольник, сделанный накануне, две стороны которого обозначали угол наклона звезды Альфы к горизонту. Величину угла инженер измерил очень точно по окружности, разделенной на триста шестьдесят равных частей. Оказалось, что угол равен десяти градусам. Прибавив к этому двадцать семь градусов, отделяющих Альфу от полюса, и, соответственно, уменьшив высоту плато, где производилось наблюдение, до уровня моря, оказалось, что полное угловое расстояние между полюсом и горизонтом равняется тридцати семи градусам. На этом основании Сайрес Смит заключил, что остров Линкольна расположен на тридцать седьмом градусе южной широты. Но, принимая в расчет возможность ошибки из-за несовершенства инструментов, правильнее было бы считать, что остров находится между тридцать пятой и сороковой параллелями.

¹³ Здесь имеется в виду английский фут, равный 30 сантиметрам.

Оставалось еще определить долготу острова, чтобы полностью определились его координаты. Это инженер и хотел сделать в полдень, то есть в тот момент, когда солнце пересечет меридиан.

Еще накануне было решено посвятить этот воскресный день прогулке или, вернее, обследованию части острова, расположенной между северным берегом озера и заливом Акулы, и, если погода позволит, то продолжить разведку до окончности мыса Южной Челюсти. Позавтракать колонисты решили в дюнах, а вернуться домой только к вечеру.

В половине девятого утра маленький отряд колонистов, выйдя из Гротов, направился к северу по берегу пролива. На противоположной стороне, на острове Спасения, важно разгуливали многочисленные птицы из рода пингвинов, которых очень легко было узнать по их резким неприятным крикам, напоминающим рев осла. Пенкроф заинтересовался ими лишь с кулинарной точки зрения и не без удовольствия узнал, что их мясо хотя и темное, но вполне приятно на вкус.

Кроме птиц, колонисты видели также ползущих по берегу больших земноводных. Это были, вероятно, тюлени, избравшие островок местом, куда они выбирались из воды погреться на солнышке. Несмотря на весьма солидные размеры, тюлени не заинтересовали Пенкрофа, потому что их жирное мясо отвратительно на вкус. Зато Сайрес Смит с видимым интересом внимательно наблюдал за ними, а потом, не объясняя, зачем ему это нужно, сказал своим спутникам, что в скором времени они отправятся на островок.

Берег, по которому шли колонисты, был усеян бесчисленным множеством ракушек разнообразных видов. Некоторые из них доставили бы большое удовольствие любителям малакологии, изучающей мягкотелых животных, или моллюсков. Но для колонистов гораздо интереснее была случайная находка Наба. Милях в четырех от Гротов, идя по берегу и рассматривая попадавшиеся по дороге раковины, он вдруг повернулся направо и направился к скалам, обнажившимся после отлива. Камни и песок там были сплошь покрыты устрицами.

– Молодчина, Наб! Хороший тебе выдался денек! – воскликнул Пенкроф, глядя на устричную отмель, которая уходила далеко в море.

– Да, это и в самом деле приятное открытие, – сказал Спилет. – И если верно, как рассказывают, что каждая устрица дает ежегодно от пятидесяти до шестидесяти тысяч себе подобных, то у нас будет неисчерпаемый запас.

– Но мне кажется, что устрицы не особенно питательны, – сказал Герберт.

– Да, – подтвердил Сайрес Смит. – В устрице содержится очень мало азотистых веществ, и человек, который стал бы питаться одними устрицами, должен съедать их не меньше пятнадцати-шестнадцати дюжин ежедневно...

– Отлично! – перебил его Пенкроф. – Мы можем глотать их дюжину за дюжиной и все-таки никогда не съедим всех устриц на отмели. А что, не захватить ли нам с собой немного устриц к завтраку?

И, не дожидаясь ответа, Пенкроф вместе с Набом вошли в воду и набрали довольно много моллюсков. Устриц бросили в сетку, которую Наб сплел из волокон гибискуса и в которую уже был уложен запас провизии для завтрака и обеда. Затем все снова тронулись в путь дальше по берегу между дюнами и океаном.

Сайрес Смит то и дело смотрел на часы, для того чтобы успеть вовремя подготовиться к наблюдению, которое необходимо было произвести ровно в полдень.

Вся эта часть острова была совершенно безводна и бесплодна до самой окончности бухты Союза, которой дали название мыса Южной Челюсти. Здесь были только песок и раковины, смешанные с остатками лавы. Несмотря на такой пустынный вид, здесь все-таки водились некоторые птицы. Изредка попадались поморники, большие альбатросы и даже дикие утки, вид которых возбудил охотничьи инстинкты Пенкрофа. Он попробовал даже подстreich-

лить хотя бы одну из них из лука, но только зря потерял стрелу. Осторожные птицы, увидев людей, не садились на землю, и бить их нужно было на лету.

— Вот видите, мистер Сайрес, пока у нас не будет хотя бы одного или двух ружей, мы никогда не будем как следует обеспечены провизией.

— Вы правы, Пенкроф, — сказал Спилет, — но отчасти вы сами виноваты в этом. Дайте нам железо, из которого можно было бы сделать стволы, сталь для курков, селитру, уголь и серу, чтобы приготовить порох, и, наконец, свинец для пуль — и я уверен, Сайрес сделает нам отличнейшие ружья. Тогда и утки будут попадать к нам на жаркое.

— О! — проговорил инженер. — Все это — и железо, и уголь, и селитру — мы, конечно, найдем на острове, но я не думаю, что мне удастся сделать вам ружья. Прежде всего для этого нужно иметь точные инструменты, а у нас их нет. Мы подумаем об этом потом...

— Зачем же в таком случае, — воскликнул Пенкроф, — зачем, скажите, пожалуйста, нужно было выбрасывать из корзины все оружие? Почему мы не оставили при себе хотя бы перочинные ножи?..

— Но ведь если бы мы их не выбросили, Пенкроф, мы утонули бы со всеми этими сокровищами в океане! — возразил Герберт.

— А ведь ты, мальчик, прав! — заметил Пенкроф и, успокоившись, изменил тему разговора.

— Знаете, о чем я думаю? — спросил он. — Как, должно быть, удивились Джонатан Форстер и его друзья, когда утром увидели, что шара нет на площади.

— А мне это совершенно не интересно, — заметил Спилет.

— А все-таки мне первому пришла в голову эта идея, — с гордостью сказал Пенкроф.

— Да, прекрасная мысль, Пенкроф, — заметил Гедеон Спилет, улыбаясь. — Благодаря этому мы и попали на необитаемый остров.

— По-моему, гораздо лучше быть здесь, чем в руках южан, — с жаром сказал Пенкроф. — Особенно с тех пор, как мистеру Сайресу угодно было к нам присоединиться!

— И я тоже так считаю, уверяю вас! — успокаивал его журналист. — Да и чего нам здесь не хватает? Ничего!

— Если не... всего! — ответил Пенкроф, громко смеясь. — Но рано или поздно мы найдем способ убраться отсюда.

— Может быть, даже гораздо скорее, чем вы думаете, друзья мои, — сказал инженер, — если только окажется, что остров Линкольна находится не очень далеко от обитаемого острова или от континента. Через час мы это узнаем. У меня нет карты Тихого океана, но я и так хорошо представляю его южную часть. Вчера я определил широту и на этом основании могу сказать вам, что остров Линкольна лежит почти на одной параллели с Новой Зеландией на западе и чилийским побережьем на востоке. Но расстояние между этими двумя пунктами равняется, по крайней мере, шести тысячам миль. Нам необходимо еще определить, в какой именно точке этого огромного пространства находится наш остров, и это я надеюсь узнать сегодня же, определив долготу острова с достаточной точностью.

— А правда, — спросил Герберт, — что ближе всего к нам по широте лежат острова Тувалу?

— Да, — подтвердил инженер, — но от нас до этого архипелага, наверное, не меньше, если не больше тысячи двухсот миль.

— А там что? — указывая рукой на юг, спросил Наб, с большим вниманием следивший за разговором.

— Там ничего, — ответил Пенкроф.

— Да, это правда, там нет ничего, — подтвердил его слова инженер.

— Послушайте, Сайрес! — сказал Спилет. — Предположим, что остров Линкольна находится всего в двух-трех сотнях миль от Новой Зеландии или Чили...

— Тогда, — перебил его инженер, — вместо того, чтобы строить дом, мы построим лодку, и мистер Пенкроф будет ею управлять...

— С удовольствием, мистер Сайрес! — воскликнул моряк. — Я согласен, если пожелаете, стать капитаном... как только вы придумаете способ построить судно, которое могло бы выдержать плавание по океану!

— Если понадобится, мы построим и такое судно! — ответил Сайрес Смит.

Пока эти бесстрашные люди беседовали, незаметно подошло время наблюдения. Как Сайрес Смит установит прохождение солнца через меридиан, не имея необходимых для этого инструментов? Эта мысль не давала Герберту покоя.

Колонисты находились больше чем в шести милях от Гротов, недалеко от той части дюон, где Сайрес Смит был найден в пещере после своего загадочного спасения. Здесь сделали остановку и решили позавтракать, потому что было уже половина двенадцатого. Герберт пошел за пресной водой к ближайшему ручью и принес ее в кувшине, который захватил с собой Наб.

Наб готовил завтрак, а Сайрес Смит занялся приготовлениями к предстоящему астрономическому наблюдению. Он выбрал на побережье совершенно чистое, ровное место, где все шероховатости были сглажены морским отливом. Слой мелкого песка был гладким, как стекло, песчинки лежали одна к другой, как на подбор. Впрочем, это обстоятельство не имело никакого значения для успеха наблюдений точно так же, как не было никакой необходимости, чтобы воткнутая в землю палка длиной в шесть футов стояла перпендикулярно к поверхности. Наоборот, инженер даже немного наклонил ее к югу, то есть в сторону, противоположную солнцу, так как обитатели острова Линкольна находились в южном полушарии и видели лучезарное светило не на южной, а на северной стороне горизонта.

Только теперь понял Герберт, каким образом инженер собирается уловить момент кульминации солнца или его прохождения через меридиан, то есть, другими словами, время полу дня для данной местности. Он хотел это узнать с помощью тени, отбрасываемой на песок палкой. Такой способ при отсутствии астрономических приборов до известной степени мог дать достаточно точные результаты.

И в самом деле, когда тень от палки достигнет минимума своей длины, будет ровно двенадцать часов дня. Внимательно наблюдая за уменьшением тени, нетрудно будет заметить момент, когда тень, сначала все уменьшавшаяся, постепенно начнет снова удлиняться. Отклоняя палку в сторону, противоположную солнцу, Сайрес Смит тем самым делал тень длиннее, чтобы легче было следить за ее изменениями. Ведь чем больше стрелка часов, тем заметнее ее движение. Тень от палки на песке была в этом случае стрелкой солнечных часов.

Когда полдень стал приближаться, Сайрес Смит опустился на колени и начал отмечать постепенное уменьшение тени от палки, втыкая в песок маленькие деревянные колышки. Его спутники, нагнувшись, с большим интересом следили за этой операцией.

Гедеон Спилет держал в руке свой хронометр, чтобы отметить время, когда палка будет отбрасывать самую короткую тень. Так как наблюдение проводилось 16 апреля, то есть в тот день, когда истинное время совпадает со средним временем, то время на часах Спилета соответствовало истинному времени в Вашингтоне, что значительно упрощало вычисления.

Между тем солнце медленно двигалось к зениту, тень от палки постепенно становилась все короче, и, когда Смиту показалось, что она достигла своего минимума и стала удлиняться, он спросил:

— Который час?

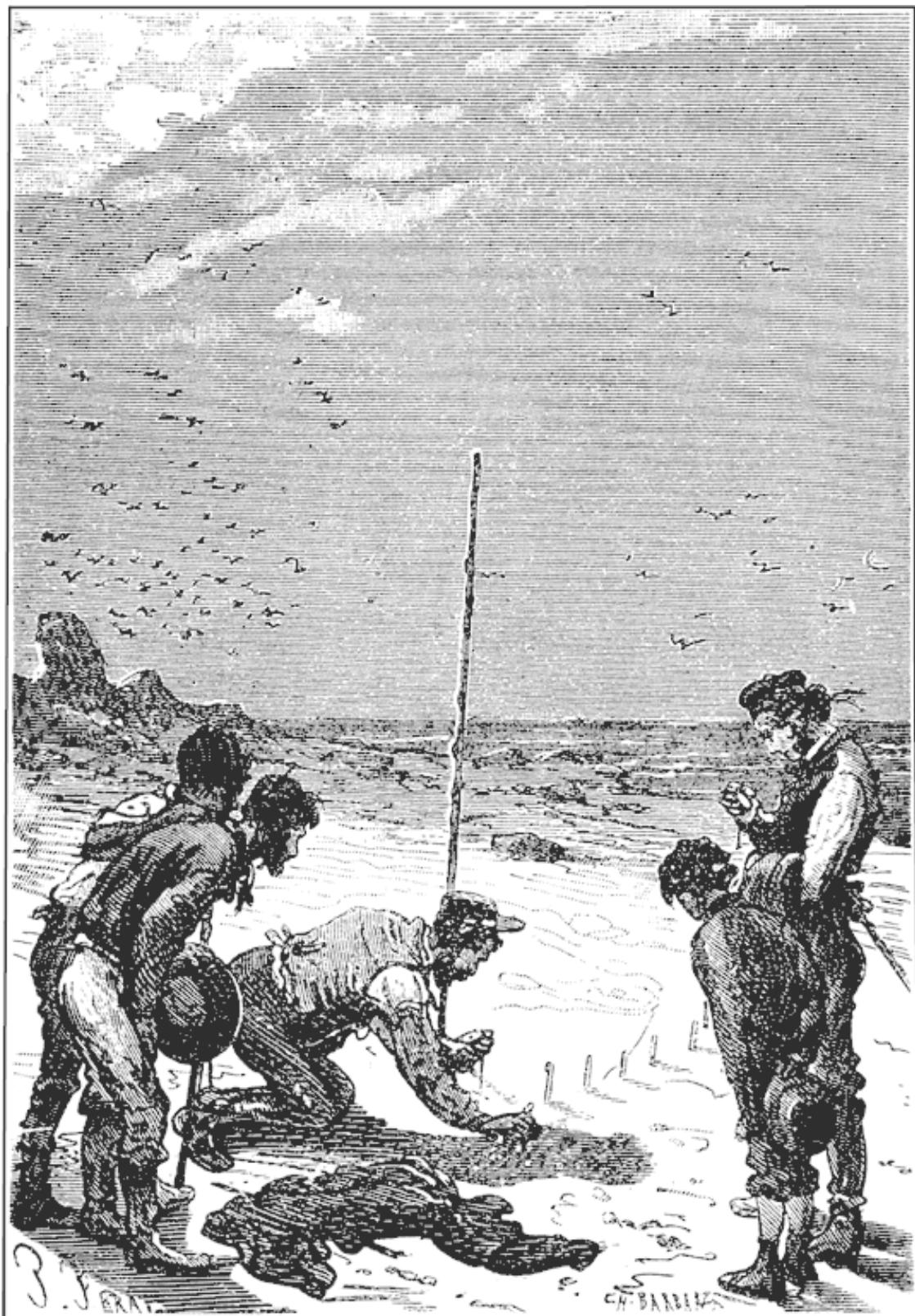
— Пять часов одна минута, — тотчас же ответил Спилет.

Оставалось только произвести несложные вычисления. Наблюдение показало, что разница во времени между Вашингтоном и островом Линкольна составляет пять часов, или, иначе говоря, когда на острове Линкольна был полдень, в Вашингтоне было уже пять часов вечера. Солнце в своем кажущемся движении вокруг Земли проходит один градус в каждые четыре

минуты, или пятнадцать градусов в час. Пятнадцать градусов, умноженные на пять часов, дают семьдесят пять градусов.

Известно, что Вашингтон лежит на $77^{\circ}3' 11''$, или, округленно, на 77-м градусе западной долготы по Гринвичскому меридиану, который американцы, точно так же, как и англичане, принимают за нулевой меридиан. А так как остров Линкольна западнее Вашингтона на семьдесят пять градусов, значит, он расположен на семьдесят семь плюс семьдесят пять градусов к западу от Гринвича, то есть на 152 градусах западной долготы.

Сайрес Смит сообщил этот результат своим спутникам. Принимая во внимание возможность ошибки, как и при измерении широты, он тем не менее мог с уверенностью сказать, что остров Линкольна находится между тридцать пятой и сороковой параллелями и между сто пятидесятым и сто пятьдесят пятым меридианами к западу от Гринвича. Возможное отклонение вследствие погрешностей наблюдений составляло, по его мнению, пять градусов в обоих направлениях, что, считая шестьдесят миль на градус, могло дать ошибку в триста миль по широте или долготе.

Но эта ошибка, конечно, не имела серьезного значения для колонистов. Они теперь точно знали, что остров Линкольна находится так далеко от всякого материка или архипелага, что нечего было и пытаться переплыть это расстояние на простой хрупкой лодке.

И в самом деле, по расчетам инженера, остров Линкольна находился в тысяче двухстах милях от Таити и островов Туамоту, больше чем в тысяче восьмистах милях от Новой Зеландии и больше чем в четырех тысячах миль от берегов Америки.

Сколько ни напрягал Сайрес Смит свою великолепную память, он не мог припомнить в этой части Тихого океана ни одного острова, широта и долгота которого соответствовали бы, хотя бы приблизительно, широте и долготе острова Линкольна.

Глава пятнадцатая

Решение зимовать. – Металлургический период. – Исследование острова Спасения. – Охота на тюленей. – Кула. – Что такое каталонский способ? – Плавка железной руды. – Сталь.

На следующий день, 17 апреля, Пенкроф первым делом обратился к Спилету:

– Ну, сэр, кем же мы будем сегодня?

– Кем пожелает Сайрес, – ответил журналист.

До сих пор колонисты были кирпичниками и горшечниками, а теперь они должны были превратиться в металлургов.

Накануне после обеда экскурсию продлили до окончности мыса Челюсти, отстоявшей от Гротов примерно на семь миль. Там оканчивалась длинная полоса дюн и начиналась вулканическая почва. Здесь уже не было высоких стен, как на плато Дальнего Вида, – причудливые скалы неровным бордюром окаймляли узкий залив между двумя мысами, образованными из различных минеральных веществ, изверженных вулканом. Дойдя до конца мыса, колонисты повернули назад и еще до наступления ночи вернулись в Гроты. Однако, несмотря на усталость, они не ложились спать до тех пор, пока не был окончательно решен вопрос: предпринимать теперь попытки покинуть остров Линкольна или нет.

Тысяча двести миль отделяли остров от архипелага Туамоту – расстояние немалое. Никакая лодка не выдержала бы такого длинного плавания по океану, особенно осенью в плохую погоду. Пенкроф, как моряк, счел своим долгом объяснить это остальным. Кроме того, построить хорошую лодку – дело вообще нелегкое, даже если имеются все необходимые инструменты, а у островитян инструментов не было, кроме двух ножей из ошейника Топа. Прежде чем думать о постройке лодки, нужно было изготовить топоры, пилы, молотки, буравы, рубанки и другие инструменты. На все это требовалось много времени. Поэтому было решено провести наступающую зиму на острове и подыскать для жилья более удобное помещение, чем Гроты.

Прежде всего надо было использовать железную руду, залежи которой инженер обнаружил в северо-западной части острова, и превратить эту руду в железо или в сталь.

Обычно металлы не содержатся в земле в чистом виде. В большинстве случаев они встречаются в соединении с кислородом или серой. Два образца, принесенные Смитом, представляли собой магнитный железняк, или магнетит, и серный колчедан, или сернистое железо. Чтобы получить из первого, окиси железа, чистый металл, пригодный для дальнейшей обработки, нужно было освободить из руды кислород. Это освобождение кислорода, или восстановление металла, производится двумя способами. При первом, так называемом каталонском, способе руду смешивают с углем и плавят при высокой температуре. Преимущество этого способа в том, что руда в один прием превращается непосредственно в железо. Второй способ – доменная плавка, при этом руду прокаливают в доменных печах и получают сначала чугун, а потом уже железо, отнимая у чугуна примешанные к нему три-четыре процента углерода.

Но что было нужно Сайресу Смиту? Ему требовалось железо, а не чугун, и поэтому он выбрал самый простейший способ получения железа. К тому же найденная им руда отличалась замечательной чистотой и высоким процентным содержанием железа. Это была окисленная руда, которая встречается в виде масс темно-серого цвета и дает черный порошок, кристаллизующийся правильными октаэдрами. Она представляет собой естественный магнит и употребляется для изготовления первосортного железа. Недалеко от залежей железной руды находилось месторождение каменного угля, откуда колонисты уже добывали уголь. Это значительно облегчало обработку руды, так как все средства производства находились поблизости.

– Значит, мистер Сайрес, – спросил Пенкроф, – мы будем обрабатывать железную руду?

– Да, друг мой, – ответил инженер. – Однако сначала, – надеюсь, вы ничего не будете иметь против – мы отправимся на островок охотиться на тюленей.

— Охотиться на тюленей! — удивился Пенкроф. — Зачем нам нужны тюлени для обработки железа?

— Значит, нужны, если так говорит Сайрес! — сказал Спилет.

Но инженер уже вышел из Гротов, и Пенкроф стал готовиться к охоте, не дождавшись другого объяснения.

Вскоре Сайрес Смит, Герберт, Гедеон Спилет, Наб и Пенкроф собирались на песчаном побережье в том месте, где во время отлива можно было перейти пролив вброд. Как раз в это время вода в проливе опустилась до самого низкого уровня, и охотники смогли перейти через него, не замочив ног выше колен.

В этот день Сайрес Смит впервые вступил на островок Спасения, а его спутники были здесь уже во второй раз, потому что именно в этом месте и упал воздушный шар.

Выйдя на берег, они увидели несколько сотен пингвинов, которые, не трогаясь с места, внимательно рассматривали вновь прибывших. У колонистов были в руках палки, и они легко могли перебить этих птиц, но бесполезное избиение не привлекало охотников, кроме того, они старались не спугнуть тюленей, гревшихся на песке на расстоянии нескольких кабельтовых. По той же причине не тронули они и других птиц с короткими, словно обрубленными, крыльями, больше похожими на плавники, покрытые жесткими, как чешуя, перьями.

Медленно и осторожно пробирались охотники к северной оконечности островка по земле, изрытой маленькими ямками, в которых гнездились водяные птицы. Там, недалеко от края острова, виднелись большие черные точки, плававшие на поверхности воды. Издали они напоминали верхушки подводных рифов. Странно было только то, что эти рифы двигались. Эти движущиеся рифы и были те самые тюлени, которых надо было поймать. Но, прежде чем начать охоту, надо было дать им выбраться на землю, потому что таких прекрасных пловцов, как тюлени, трудно поймать в их родной стихии — в воде. А на земле тюлени лишь медленно ползают на коротких перепончатых лапах и становятся легкой добычей для охотника.

Пенкроф хорошо знал привычки тюленей и посоветовал своим товарищам дождаться, пока тюлени вылезут на берег и заснут на песке, грязясь на солнце. Тогда легко будет отрезать тюленям дорогу к морю и оглушить их палками.

Охотники притаились за береговыми скалами и, соблюдая тишину, стали ждать, когда тюлени выйдут на берег.

Лишь через час тюлени начали выползать на берег. Охотники насчитали их с полдюжины. Как только последний тюлень растянулся на песке, Пенкроф и Герберт вышли из засады и стали медленно двигаться к берегу, чтобы напасть на тюленей сзади и отрезать им отступление. Тем временем Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Наб под прикрытием скал ползком стали пробираться к театру будущей битвы.

Вдруг Пенкроф выпрямился во весь свой высокий рост и громко крикнул. Инженер и его спутники поспешили броситься к морю, чтобы преградить дорогу тюленям. Из полдюжины тюленей удалось убить только двух, а остальные, ловко увертываясь от ударов, успели добраться до моря и нырнуть в воду.

— Вот вам и тюлени, мистер Сайрес! — сказал Пенкроф, подходя к инженеру.

— Отлично, — ответил Смит. — Мы сделаем из них кузнецкие мехи.

— Кузнецкие мехи! — воскликнул Пенкроф. — Ага! Теперь понимаю! Тюлени как раз для этого годятся!

Инженер и в самом деле предполагал сделать из шкур тюленей простейшую воздуходувную машину — раздувательные мехи, необходимые для обработки руды. Убитые тюлени были не особенно крупные, их длина не превышала шести футов. Тащить с собой тяжелых тюленей в Гроты не было смысла, поэтому Пенкроф и Наб решили разделать их на месте и сразу же принялись сдирать с них кожу и срезать жир, пока Сайрес Смит и Спилет исследовали островок.

Моряк и негр быстро и ловко справились со своим делом, и три часа спустя Смит имел в своем распоряжении две тюлени шкуры, которые он рассчитывал использовать в естественном виде, не подвергая дублению.

Дождавшись отлива, колонисты снова перешли через пролив и вернулись к себе в Гроты.

Пришлось немало потрудиться, пока удалось натянуть шкуры тюленей для просушки на деревянные рамки, чтобы они не сморщились, а затем сшить их растительными волокнами так, чтобы они не пропускали воздух и действовали как настоящие мехи. Приходилось все переделывать по несколько раз. У Сайреса Смита не было никаких инструментов, кроме двух стальных лезвий, сделанных из ошейника Топа, однако он действовал очень умело. Его товарищи помогали ему с таким усердием, что три дня спустя инвентарь колонистов пополнился уже двумя кузнецкими мехами, которые предназначались для того, чтобы вдувать воздух в массу руды в то время, когда она будет подвергаться воздействию высокой температуры, – необходимое условие для успеха операции.

С самого утра 20 апреля начался «металлургический период», как в своих заметках назвал его журналист. Инженер решил, как известно, работать непосредственно на месте залежей угля и руды. Но залежи эти находились у подножия северо-восточных отрогов горы Франклина, то есть почти в шести милях от Гротов. Ходить каждый день туда и обратно было невозможно, и колонисты решили построить себе хижину из веток, чтобы иметь возможность днем и ночью следить за процессом плавления руды.

Действуя по плану, островитяне рано утром вышли из Гротов. Наб и Пенкроф несли на плетеных носилках мехи и небольшой запас взятой на всякий случай провизии, который предполагалось пополнить в дороге.

Маршрут колонистов пролегал по лесу Якамара, который они пересекли наискосок, с юго-запада на северо-восток, в самой густой его части. Приходилось прокладывать себе дорогу, в будущем она будет служить кратчайшим путем между плато Дальнего Вида и горой Франклина. Кроме известных уже колонистам пород деревьев, Герберт нашел еще несколько новых видов и, между прочим, драконово дерево, вид драцены, которое Пенкроф назвал «пореем»

с большой претензией», потому что, несмотря на свои большие размеры, она принадлежала к тому же семейству лилейных, что и лук-порей, чеснок и спаржа. Вареные корни драцены довольно питательные и вкусные, а если их подвергнуть брожению, получается очень приятный напиток. Пенкроф на всякий случай захватил с собой немного этих корней.

Лесом пришлось идти очень долго, почти целый день. Но как ни утомителен был этот переход, он имел и хорошую сторону: колонисты познакомились с фауной и флорой этой части острова. Топ, которого очень мало интересовала ботаника, бегал среди кустов, спугивая дичь, приютившуюся в зарослях. Благодаря этому охота шла очень удачно. Герберт и Гедеон Спилет убили из лука двух кенгуру и еще одно животное, очень похожее и на ежа, и на муравьеда. Подобно ежу, оно точно так же сворачивалось в клубок, выставив острые иглы. С муравьедом его роднили такие же длинные когти, как бы специально приспособленные для рытья земли, длинная и тонкая мордочка, заканчивавшаяся птичьим клювом, откуда высывался длинный язык, усеянный небольшими колючками, которые служили для того, чтобы лучше ловить мелких насекомых.

— Ну, а когда он попадет в горшок с супом, — спросил молодого натуралиста Пенкроф, — на что он будет похож?

— На хороший кусок говядины, — ответил Герберт.

— Больше нам от него ничего и не нужно, — заметил моряк.

Во время перехода через лес колонисты заметили диких кабанов, торопливо скрывшихся в чаще и, видимо, не желающих вступать в близкое знакомство с человеком. Островитяне не предполагали, что в лесу водятся хищные животные, но вдруг Спилет увидел между деревьями в нескольких шагах от себя какого-то большого зверя, которого он принял за медведя, и спокойно начал зарисовывать его в свою записную книжку. К счастью для журналиста, это животное не принадлежало к опасной семье стопоходящих. Это был просто ленивец, размером с большую собаку, покрытый лохматой шерстью грязно-серого цвета. Длинные острые когти позволяли ему легко лазить по деревьям, чтобы питаться листьями. Колонисты не нуждались больше в провизии и поэтому не стали беспокоить животное, а Гедеон Спилет, зачеркнув слово «медведь», написал вместо него под рисунком «ленивец», и затем все отправились дальше.

В пять часов вечера Сайрес Смит подал сигнал к остановке. Он уже вышел из леса и стоял у подножия тех могучих отрогов, которые как бы поддерживали гору Франклина с восточной стороны. В нескольких сотнях шагов от этого места протекал Красный ручей, и, следовательно, ходить за питьевой водой было недалеко.

Прежде всего занялись устройством лагеря. Уже меньше чем через час на опушке леса под деревьями появилась хижина из веток, перевязанных лианами и обмазанных глиной, и колонисты получили хотя и не презентабельное, зато надежное убежище. Геологические исследования были отложены до следующего дня. Перед хижиной развели яркий огонь, насадили выпотрошенную дичь на вертел и после сытного ужина в восемь часов вечера колонисты уже легли спать, поручив одному из товарищей поддерживать огонь для защиты от хищных животных в случае, если бы они вздумали бродить поблизости.

На следующий день, 21 апреля, Сайрес Смит в сопровождении Герберта отправился исследовать те слои древней формации, где он нашел образцы железной руды. Вскоре они обнаружили месторождение руды, находившееся почти у самых истоков Красного ручья, у подножия одного из северо-восточных отрогов. Эта руда с очень высоким процентным содержанием железа отлично подходила для того, чтобы получить из нее чистый металл самым простым и легким способом, то есть каталонским способом. Но инженер намеревался еще более упростить этот способ.

Дело в том, что при использовании каталонского способа все-таки необходимо устраивать особые плавильные печи, в которые насыпают слоями руду и уголь. Но Сайрес Смит не имел намерения устраивать плавильную печь, он предполагал возвести из слоев руды и угля

довольно большой куб и с помощью мехов направить в его середину струю воздуха. Знаменитый потомок Каина Фовел, первый положивший начало обработке металлов, вероятно, применял этот же способ. То, что удавалось первым потомкам Адама и давало хорошие результаты в странах, богатых рудой и углем, не могло, конечно, не удастся и жителям острова Линкольна.

Каменный уголь, как и руду, они без особого труда собирали прямо на поверхности земли. Большие глыбы руды и каменного угля колонисты разбивали на мелкие куски и руками очищали от посторонних примесей. Работа шла медленно, но рудокопы работали очень усердно. Затем уголь и руду слоями сложили в кучу, подражая угольщикам, которые точно так же складывают хворост и дрова для получения древесного угля. При этом способе уголь под действием воздуха, нагнетаемого мехами, сначала должен был превратиться в углекислоту, а потом в окись углерода, которая, в свою очередь, должна была восстановить магнитный железняк, или окись железа, иначе сказать – освободить из него кислород.

Мехи из тюленьих шкур, снабженные на конце трубкой из огнеупорной глины, заранее изготовленной в печи для обжига глиняной посуды, были установлены возле кучи руды. Приводимые в действие механизмом, состоявшим из рам, веревок из растительных волокон и камней, которые заменяли противовесы, мехи начали с силой нагнетать в центр кучи воздух, который, повышая температуру, в то же время содействовал химическому превращению смеси угля и руды в чистое железо.

Это был очень тяжелый труд. Понадобилось все терпение, вся изобретательность колонистов, чтобы довести его до конца. Наконец все было кончено, и в результате получилась большая железная болванка, ноздреватая, в виде губки, которую нужно было еще ковать, то есть бить молотом для того, чтобы выгнать из нее жидкий шлак. Но у новоявленных кузнецов не было самого главного, не было молота, чтобы ковать железо, как не было молота и у первого кузнеца Фовела, и они в этом случае поступили точно так же, как поступил, вероятно, и тот, первый, металлург.

Первая выплавленная железная болванка, привязанная к палке, послужила молотом для ковки следующей, которую положили на гранитную наковальню. Таким образом получили настоящее железо, годное для обработки.

После долгих усилий и трудов 25 апреля колонисты выковали несколько железных полос и превратили их в различные инструменты: щипцы, тиски, ломы, кирки, лопаты. По мнению Пенкрофа и Наба, они были так хорошо сделаны, что лучшего и желать нельзя.

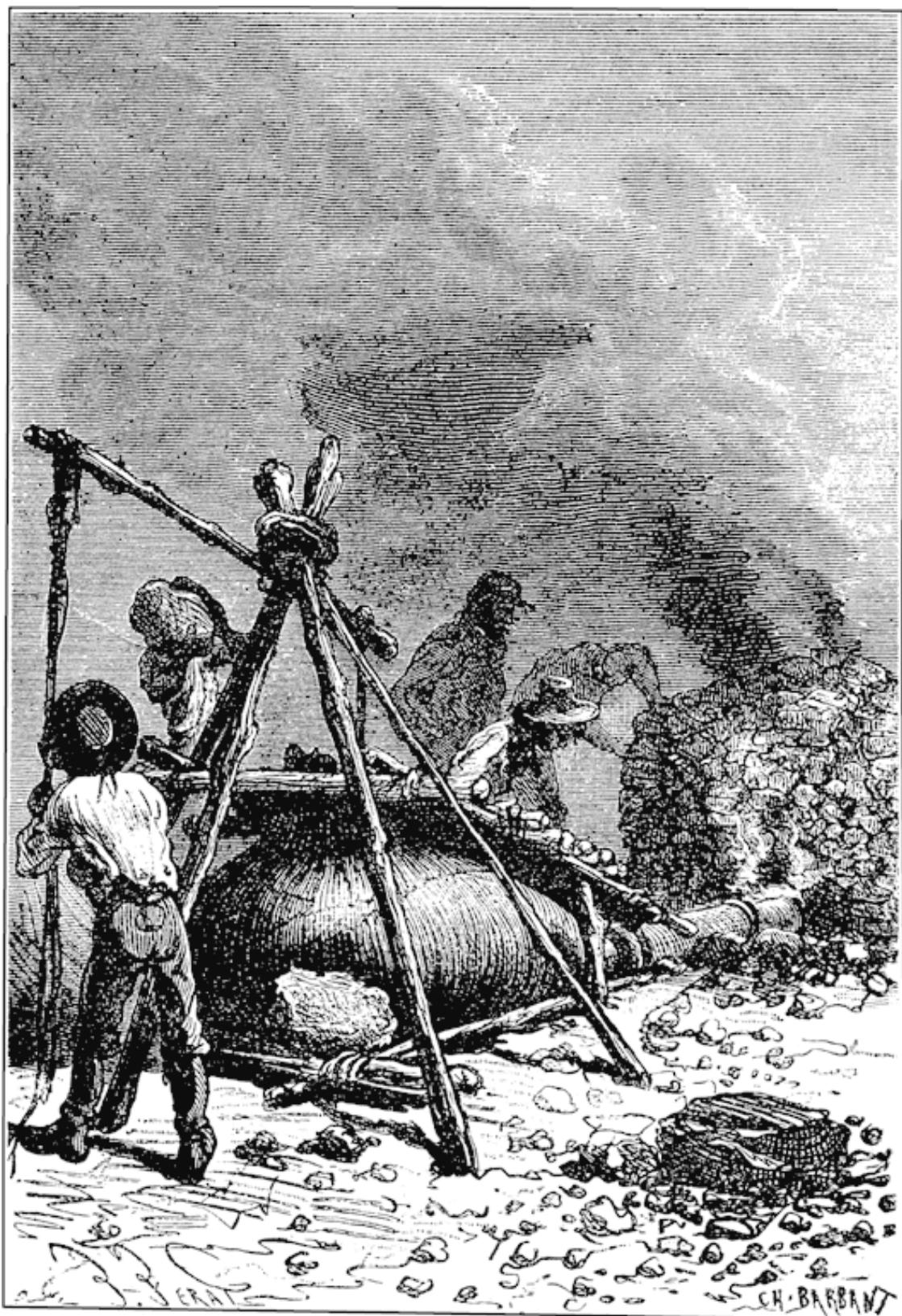
Но, конечно, не все инструменты можно было сделать из железа, для некоторых была необходима сталь. А известно, что сталь состоит из железа и углерода, и ее получают или из чугуна, отнимая у последнего избыток углерода, или из железа, прибавляя к нему известное количество углерода. Первый способ дает так называемую пудлингованную, или натуральную, сталь, а вторым способом получают сталь цементованную, или томленую.

Сайрес Смит для получения стали использовал второй способ, потому что у него не было чугуна, а было чистое железо. Первый же опыт удался отлично. Ему удалось получить сталь, нагревая железо до высокой температуры вместе с мелко истолченным углем в плавильном тигле, сделанном из огнеупорной глины.

Затем эту сталь, ковкую как в холодном, так и в горячем состоянии, он проковал еще молотком. Наб и Пенкроф под руководством инженера изготовили из этой стали лезвия для топоров и придали им твердость с помощью закалки. Для этого они сначала докрасна раскалили их в горне, а потом сразу быстро погрузили в холодную воду.

Таким же образом были изготовлены и другие инструменты, конечно, не отличавшиеся изяществом отделки. Тем не менее у колонистов теперь были топоры, топорики, лопаты, сделанные собственными руками, а также тонкие стальные полоски, которые должны были превратиться в пилы, стамески, мотыги, резцы, молотки, гвозди.

5 мая первый metallurgicalический период был окончен, и кузнецы смогли вернуться в Гrotы. Вскоре им предстояла совершенно другая работа.

Глава шестнадцатая

Обсуждение вопроса о жилище. – Фантазии Пенкрофа. – Исследование северной стороны озера. – Северная окраина плато. – Змеи. – Беспокойство Топа. – Топ в воде. – Битва под водой. – Дюгонь.

Было 6 мая – число, соответствующее 6 ноября в странах Северного полушария. Небо хмурилось уже несколько дней, и необходимо было поспешить с устройством жилища на зиму. Впрочем, температура воздуха понижалась почти незаметно, и если бы на острове Линкольна был стоградусный термометр, он показал бы от десяти до двенадцати градусов выше нуля. Впрочем, в такой сравнительно высокой температуре почти в начале зимы не было ничего удивительного, потому что остров Линкольна, лежавший, по определению инженера, между тридцать пятой и сороковой параллелями, находился в Южном полушарии в тех же климатических условиях, что Сицилия и Греция в Северном полушарии. Но даже в Греции и Сицилии бывают очень сильные холода, выпадает снег и замерзают реки. Вероятно, и на острове Линкольна в середине зимы температура значительно понизится, и поэтому колонистам нужно было, не откладывая, принять соответствующие меры, чтобы не замерзнуть в зимнюю стужу.

Но если они могли еще некоторое время не бояться холодов, то вскоре должен был начаться сезон дождей, а на этом уединенном островке, затерянном среди водной пустыни Тихого океана и открытом всем ветрам, бури должны особенно свирепствовать. Колонисты в этом уже успели убедиться.

Следовало серьезно обсудить вопрос об устройстве жилища, более уютного и благоустроенного, чем Гроты, и немедленно заняться отделочными работами.

Пенкрофу, естественно, было жаль расставаться с открытым им убежищем, но он отлично сознавал его непригодность для зимовки и понимал, что необходимо подыскать другой дом. Гроты однажды уже заливало морской водой, и подобное наводнение могло повториться еще раз, поэтому оставаться здесь на зиму было рискованно.

– Кроме того, – добавил Сайрес Смит, который на этот раз принимал деятельное участие в беседе своих товарищей, – нам необходимо принять некоторые меры предосторожности.

– Зачем? Остров необитаем, – возразил журналист.

– Весьма возможно, – ответил инженер, – хотя мы и не исследовали его до конца. Но если на нем и нет людей, то должны водиться опасные хищные животные. Поэтому, устраиваясь на зиму, мы должны также подумать о том, чтобы обезопасить себя от нападения диких зверей и не бодрствовать поочередно каждую ночь, поддерживая огонь. Да и потом, друзья мои, надо все предвидеть. Мы находимся в той части Тихого океана, которую довольно часто посещают пираты...

– Неужели? – воскликнул Герберт. – Они рискуют уходить так далеко от обитаемой земли?

– Да, дитя мое, – ответил инженер. – Эти пираты – смелые моряки и в то же время свирепые разбойники, и потому, я повторяю еще раз, мы должны принять меры предосторожности и против них.

– Ну что же, – сказал Пенкроф, – мы постараемся защитить себя как против четвероногих, так и против двуногих зверей. Но знаете что, мистер Сайрес? Мне кажется, следовало бы подробно исследовать весь остров, прежде чем что-нибудь предпринимать.

– Это, конечно, было бы всего лучше, – поддержал его Гедеон Спилет. – Кто знает, может быть, мы найдем на противоположном берегу как раз такую пещеру, какую мы до сих пор не нашли здесь.

– Да, это так, – ответил инженер, – но вы забываете, друзья мои, что нам нужно устроиться недалеко от источника с пресной водой, а с вершины горы Франклина мы не заметили на западе

ни одного ручья, ни одной реки. Здесь же, наоборот, у нас с одной стороны река Милосердия, а с другой – озеро Гранта, – это важное преимущество, которым, по моему мнению, не следует пренебрегать. Еще одна причина, по которой нам не следует покидать этот берег, – он обращен на восток и потому меньше подвержен действию пассатных ветров, дующих в этом полушарии с северо-запада.

– В таком случае, мистер Сайрес, – сказал Пенкроф, – построим дом на берегу озера. Теперь у нас есть и кирпич, и инструменты. После того как мы были кирпичниками, горшечниками, рудокопами, литейщиками и кузнецами, нам уже ничего не стоит превратиться в каменщиков и плотников!

– Да, друг мой, но пока я не вижу крайней необходимости строить дом из кирпича. Сначала поищем где-нибудь поблизости большую удобную пещеру в скалах, которую без особого труда можно будет приспособить для жилья. Я, конечно, предпочел бы воспользоваться таким помещением, устроенным для нас самой природой, если, конечно, оно будет надежно защищать нас от внутренних и внешних врагов.

– Это верно, Сайрес, – ответил Спилет, – но мы уже осматривали весь этот гранитный массив и не нашли в нем ни одной пещеры!

– Да, ни одной, – добавил Пенкроф. – Если бы мы могли выдолбить себе жилище в этой стене на порядочной высоте, чтобы оно было недоступным, – это бы нам подошло! Хорошо бы, право, устроить себе жилье в скале, фасадом к морю... комнат пять или шесть...

– И обязательно с окнами, чтобы было светло! – смеясь, сказал Герберт.

– И с лестницей, чтобы взбираться туда! – добавил Наб.

– Вы смеетесь? – рассердился Пенкроф. – А, по-моему, смеяться нечему! Что невозможного в том, что я предлагаю? Разве у нас нет ломов и лопат? Разве мистер Сайрес не сумеет сделать порох, чтобы взорвать гранит? Скажите, пожалуйста, мистер Сайрес, этим господам, что вы сделаете порох, как только он нам понадобится.

Смит внимательно слушал энтузиаста Пенкрофа, развивавшего свои фантастические проекты. Взорвать эту гранитную массу даже с помощью пороха было бы работой, достойной Геркулеса. Очень жаль, что природа не взяла на себя эту тяжелую работу. Но, не желая расстраивать Пенкрофа, инженер предложил ему внимательнее осмотреть стену, начиная от устья реки до угла, которым она оканчивалась на севере.

Все тотчас же последовали этому совету и, выйдя из Гротов, принялись тщательно осматривать стену на протяжении почти двух миль. Но на гладкой и ровной поверхности стены нигде не было видно ни малейшего углубления. Гнезда горных голубей, порхавших над плато, были устроены в небольших ямочках, выдолбленных природой в самом гребне причудливо изрезанной гранитной верхушки, или в расщелинах по краям гранитного утеса.

Это было досадно, тем более что не приходилось и мечтать продолбить стену, как предлагал Пенкроф, ломами и кирками или силой взрыва. Только счастливый случай помог Пенкрофу открыть на этой части побережья единственное пригодное для жилья убежище в Гротовах. Но это помещение представляло так мало удобств, что его нужно было покинуть как можно скорее.

Закончив осмотр, колонисты очутились у северного угла стены, откуда она пологими уступами спускалась к песчаному побережью до самой воды. Начиная с этого места, до своей западной границы стена образовывала нечто вроде откоса, состоявшего из беспорядочно нагроможденных камней, земли и песка, скрепленных корнями растений, кустарников и травой, и наклоненного под углом не более сорока пяти градусов. Местами острыми углами выступал гранит. На уступах густым ковром зеленела трава и росли деревья. Но дальше, у самого основания откоса и до самой воды тянулась песчаная равнина. Насколько весело и оживленно смотрелся откос, настолько же грустную картину представляло пустынное побережье.

Смит не без основания предполагал, что именно здесь и должен был изливаться в виде водопада излишек воды из озера. Не могла же избыточная вода, приносимая Красным ручьем, исчезать бесследно. Но инженеру еще не удалось найти место слива, хотя он исследовал все окрестности, от устья ручья на западе и до плато Дальнего Вида.

Поэтому инженер предложил своим спутникам подняться по откосу, на который они в то время смотрели, и вернуться в Гроты поверху, чтобы по дороге исследовать северный и восточный берега озера.

Предложение это было принято единогласно, и через несколько минут Герберт и Наб уже были на верхнем плато. Менее проворные Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф следовали за ними.

В нескольких шагах от них среди листвы деревьев сверкала на солнце гладкая поверхность озера. Вид был действительно замечательный! Начавшие желтеть листья своими нежными оттенками еще больше увеличивали красоту пейзажа. Несколько огромных старых стволов, поваленных ветром и потемневших от времени, резкими черными пятнами выделялись на зеленом ковре, покрывавшем землю. Множество разноцветных какаду с громкими характерными криками перепархивали с ветки на ветку. Солнечный свет, пронизывая их причудливое оперение, казалось, преломлялся и разлагался на все цвета радуги.

Колонисты, вместо того чтобы направиться прямо к северному берегу озера, прошли по краю плато и направились к устью Красного ручья по левому берегу. Таким образом, они сделали крюк мили в полторы. Прогулка не была утомительной, потому что колонисты могли свободно идти под ветвистыми деревьями, которые росли довольно редко. Инженер обратил внимание своих спутников, что ручей служил границей плодородной зоны, и растительность на левом берегу ручья была уже не такой обильной, как на всем пространстве между правым берегом ручья и рекой Милосердия.

Сайрес Смит и его спутники, соблюдая осторожность, двигались по этой новой для них части острова. Все их оружие составляли луки со стрелами и копья, то есть большие палки с острыми стальными наконечниками. Однако ни одного хищного зверя не попалось им навстречу, вероятно, эти животные водились в густых лесах на юге. Зато колонисты были очень неприятно поражены, увидев, как Топ сделал стойку перед большой змеей длиной четырна-

дцать-пятнадцать футов. Наб убил ее одним ударом палки. Смит осмотрел это пресмыкающееся и объявил, что эта змея не ядовита и что туземцы Нового Южного Уэллса употребляют их в пищу. Конечно, это не исключало возможности существования на острове ядовитых змей, укус которых смертелен, например глухих гадюк с раздвоенным хвостом, которые вдруг поднимаются из травы и бросаются на жертву, или крылатых змей с двумя придатками, дающими им возможность бросаться вперед с чрезвычайной быстротой. Топ после первой минуты удивления принял охотиться за змеями с таким остервенением, что инженеру пришлось удерживать пса.

Вскоре колонисты достигли устья Красного ручья в том месте, где он впадал в озеро. Исследователи рассмотрели на противоположном берегу место, где они уже побывали, спускаясь с горы Франклина. Сайрес Смит между прочим заметил, что ручейносит в озеро значительное количество воды, поэтому где-нибудь непременно должен существовать естественный выход для всей этой массы воды, иначе озеро давно бы вышло из берегов. Вот этот сток и надо было разыскать, потому что он, наверное, образовывал водопад, механическую силу которого можно было бы использовать для нужд колонии.

По предложению инженера исследователи начали обходить озеро, стараясь не очень удаляться один от другого. Первоначальное предположение, что в озере много рыбы, подтвердилось, и Пенкроф заявил, что, вернувшись домой, непременно сделает несколько удочек и будет ловить рыбу.

Сначала колонисты исследовали северо-восточную сторону озера. Можно было предположить, что сток воды находится именно в этом месте, потому что берег озера здесь доходил почти до самого края плато. Но это предположение оказалось неверным, и они продолжали исследовать берег, который, сделав небольшой изгиб, дальше шел снова параллельно морскому побережью.

С этой стороны берег был менее лесист, но редкие группы деревьев оживляли печальный пейзаж. Озеро Гранта было видно на всем своем протяжении, и ни малейшее дуновение ветерка не рябило спокойную и гладкую поверхность воды, ровную, как зеркало. Топ, бегая по кустам, поднимал стаи птиц, а Гедеон Спилет с Гербертом встречали их выстрелами из луков. Одна из птиц была довольно удачно задета стрелой Герberта и упала в траву. Топ сразу же побежал за добычей и принес превосходную водяную птицу аспидного цвета, с коротким клювом, лысинкой на голове, фестончатыми перепонками на лапах и крыльями, окаймленными белой полосой. Это была черная лысуха, птица величиной с утку, принадлежащая к семейству пастушковых, которое является промежуточным между голенастыми и лапчатоногими. Дичь была, в сущности, незавидная и к тому же не особенно вкусная. Но Топ был менее привередлив, чем его хозяева, и поэтому лысуху решили оставить ему на ужин.

Теперь колонисты следовали по восточному берегу озера и вскоре должны были дойти до уже исследованных ими мест. Инженер был очень удивлен, не находя нигде никаких признаков водостока. Беседуя с Пенкрофом и Спилетом, он не мог скрыть от них свое удивление.

В эту минуту Топ, до тех пор довольно спокойный, начал проявлять признаки волнения. Умный пес бегал взад и вперед по берегу, резко останавливался и смотрел на воду, подняв одну лапу, как будто делал стойку на какую-то невидимую дичь, потом принимался яростно лаять, как лают гончие, идя по следу, и неожиданно умолкал.

Сначала ни Смит, ни его спутники не обращали внимания на поведение Топа, но вскоре взрывы лая стали так часты, что инженер забеспокоился и заинтересовался их причиной.

— Что там, Топ? — спросил он.

Топ подбежал к хозяину, проявляя сильное волнение, потом снова кинулся к берегу и вдруг бросился в озеро.

— Топ! Ко мне! — крикнул Сайрес Смит, который не хотел, чтобы собака рисковала собой в этих подозрительных водах.

— Что же это там, внизу, происходит? — спросил Пенкроф, вглядываясь в поверхность озера.

— Наверное, Топ почуял какое-нибудь животное, — предположил Герберт.

— Вероятно, аллигатора, — сказал журналист.

— Не думаю, — возразил Сайрес Смит. — Аллигаторы очень редко встречаются в этих широтах.

Между тем Топ, повинуясь приказу своего хозяина, вернулся на берег, но ни на минуту не оставался спокойным. Он прыгал по высокой траве и, руководимый своим инстинктом, казалось, следил за невидимым существом, которое плыло под водой недалеко от берега. А между тем поверхность озера была совершенно спокойна, и на воде не было видно даже ряби. Несколько раз колонисты останавливались и внимательно смотрели на зеркальную гладь озера. Ничего не появлялось. Здесь, очевидно, была какая-то тайна.

Инженер был очень озадачен, но предложил довести исследование до конца. Через полчаса они дошли до юго-восточного угла озера и снова оказались на плато Дальнего Вида. Осмотр берегов озера можно было считать законченным, а инженеру так и не удалось обнаружить, где и как вытекает из озера излишек воды.

— А между тем этот сток существует, — твердил он, — и раз мы не могли его найти снаружи, значит, он должен находиться внутри этой гранитной стены.

— Почему вы придаете такое большое значение этому обстоятельству, дорогой Сайрес? — спросил Гедеон Спилет.

— Потому что, если вода стекает сквозь тоннель в граните, то, возможно, там существует какая-нибудь пещера, которую легко сделать обитаемой, направив воду в другую сторону.

— А не может быть так, мистер Сайрес, что вода уходит в трещину в самом дне озера, — спросил Герберт, — а затем она изливается в море по подземному проходу?

— Очень может быть, что так, — ответил инженер. — В таком случае нам придется самим строить себе дом, потому что природа не захотела взять на себя эту работу.

Колонисты хотели перейти плато, чтобы вернуться в Гrotы, так как было уже пять часов вечера, но вдруг Топ снова заволновался. Он начал яростно лаять и, не слушая своего хозяина, опять бросился в озеро.

Все подбежали к берегу. Топ уже отплыл футов на двадцать от берега, и только Сайрес Смит открыл рот, чтобы позвать собаку, как вдруг на поверхности озера, которое казалось неглубоким в этом месте, показалась огромная голова.

Герберт тотчас узнал, какому именно животному принадлежит эта конусообразная голова с большими глазами.

— Ламантин! — закричал он.

Но Герберт ошибся. Это был не ламантин, а представитель отряда сирен, так называемый дюгонь, у которого ноздри находятся на верхней части морды.

Огромное животное бросилось на собаку, которая, пытаясь от него ускользнуть, спешила теперь к берегу. Инженер ничем не мог помочь Топу, и не успели Гедеон Спилет и Герберт натянуть луки, как бедняжка Топ, схваченный дюгонем, исчез под водой.

Наб, размахивая копьем, которое он держал в правой руке, хотел броситься на помощь собаке и сразиться с дюгонем в его стихии.

— Не надо, Наб, — сказал инженер, останавливая своего храброго слугу.

Между тем под водой происходила борьба — борьба необъяснимая, потому что бедняга Топ был не в состоянии бороться с таким врагом. Нет, там сражался не Топ, а кто-то другой. Над тем местом, где происходила битва, вода клокотала и кипела, как на огне. Там шла борьба не на жизнь, а на смерть, и если это сражался Топ, он неминуемо должен был погибнуть! Вдруг на кипевшей поверхности воды показался Топ. Подброшенный какой-то невидимой силой,

он поднялся на воздух футов на десять над поверхностью озера, снова упал в воду и вскоре благополучно подплыл к берегу. На всем теле собаки не было видно ни одной серьезной раны.

Сайрес Смит и его спутники смотрели, ничего не понимая. Еще одно необъяснимое обстоятельство! С бегством Топа битва под водой, по-видимому, не закончилась. Вероятно, какое-нибудь другое могучее животное напало на дюгона, и он, выпустив собаку, теперь сражался с этим невидимым врагом.

Но битва продолжалась недолго. Вода окрасилась кровью, затем тело дюгона, окруженное все более расширяющимся пурпурным пятном, выплыло на поверхность и через несколько минут было прибито к небольшой отмели в южной части озера.

Колонисты подбежали к этому месту. Дюгонь был мертв. Это было огромное животное длиной от пятнадцати до шестнадцати футов, которое должно было весить от трех до четырех тысяч фунтов. На шее его зияла рана, которая была, по-видимому, нанесена каким-то острым оружием.

Какое земноводное могло таким ужасным ударом убить страшного дюгона? Никто из колонистов не мог ответить на этот вопрос, и, сильно встревоженные происшедшим, они вернулись в Гrotы.

Глава семнадцатая

Прогулка к озеру. – Подземный сток. – Планы Сайреса Смита. – Жир дюгоня. – Сланцеватый колчедан. – Железный купорос. – Глицерин. – Мыло. – Селитра. – Серная кислота. – Азотная кислота. – Новый водопад.

На следующий день, 7 мая, Сайрес Смит и Гедеон Спилет, оставив Наба готовить завтрак, поднялись на плато Дальнего Вида, а Герберт и Пенкроф отправились вверх по реке, чтобы пополнить в лесу запас топлива.

Инженер с журналистом вскоре подошли к южному берегу озера, где на отмели лежал убитый дюгонь. Множество птиц покрывали громадную тушу животного, их пришлось отговаривать камнями, потому что Сайрес Смит не хотел уступать прожорливым птицам жир дюгоня и намерен был использовать его для нужд колонии. Впрочем, не следовало пренебрегать и мясом дюгоня, которое очень высоко ценится туземцами, а на некоторых островах Малайского архипелага его подают только к столу вельмож.

Голова Сайреса Смита в это время была занята совершенно другими мыслями. Вчерашнее происшествие так сильно его заинтересовало и одновременно встревожило, что он не мог думать ни о чем другом. Ему хотелось проникнуть в тайну подводной битвы и узнать, какое животное своим ужасным бивнем нанесло дюгоню смертельную рану.

Он долго стоял на берегу озера, пристально всматриваясь в его спокойные воды, сверкавшие в лучах утреннего солнца, но не увидел ничего подозрительного.

Вокруг маленькой отмели, где лежал дюгонь, было неглубоко, и с берега виднелось даже дно озера, но дальше оно постепенно понижалось. Можно было предположить, что в середине озера глубина очень значительная. Это озеро представляло собой большой бассейн, наполняемый водой Красного ручья.

– Послушайте, Сайрес, – сказал журналист, – мне кажется, что в озере нет ничего подозрительного! А вы какого мнения на этот счет?

– Я тоже ничего не вижу, дорогой Спилет, – ответил инженер. – Я совершенно не могу объяснить себе вчерашний случай!

– Признаюсь, – продолжал Гедеон Спилет, – меня тоже очень удивила рана, полученная этим чудовищем, и потом я никак не могу понять, как могло случиться, что Топ был с такой силой выброшен из воды. Можно подумать, что его подкинула чья-то мощная рука, которая затем, действуя кинжалом, прикончила дюгоня. Взгляните-ка! Такую рану можно нанести только большим кинжалом или очень похожим на него оружием…

– Да, – задумчиво ответил инженер. – Здесь есть какая-то тайна, которую я до сих пор не могу отгадать. А как вы думаете, Спилет, мог ли я сам выбраться на берег и добрести до той пещеры в дюнах, где вы меня нашли? Нет, ответите вы, и, конечно, будете правы. Вот почему я чувствую здесь тайну, которую мы, несомненно, раскроем в один прекрасный день. Подождем – увидим, будем наблюдать и непременно узнаем то, что нас так интересует. Но о наших подозрениях пока не надо ничего говорить нашим товарищам. Будем хранить при себе наши мысли и спокойно продолжать нашу работу.

Инженеру еще не удалось обнаружить, где именно вытекает вода из озера, но, так как вокруг не было видно никаких признаков, доказывающих, что озеро временами выступало из берегов, значит, сток непременно должен был быть. Вдруг Смит с удивлением заметил, что у отмели вода в озере не стояла спокойно, а куда-то текла, причем довольно быстро. Инженер бросил на воду несколько сухих веточек, и они в ту же минуту поплыли по течению к югу. Смит пошел по берегу к тому месту, куда плыли сухие ветки, и достиг южной оконечности озера.

Там уровень воды вдруг понижался, словно она уходила в какую-то подземную трещину.

Сайрес Смит опустился на колени и приложил ухо к земле, прислушиваясь. Совершенно отчетливо он услышал шум подземного водопада.

— Так вот где, — сказал он, поднимаясь, — вытекает из озера вся лишняя вода! Вероятно, она течет по тоннелю, который пробила в гранитном массиве, и выливается в море. Там, наверное, должны быть и пещеры, которые нам очень пригодились бы. Я все это очень скоро узнаю! Если я не ошибаюсь, здесь мы найдем как раз то, что нам нужно!

Инженер срезал длинную ветку, оборвал с нее листья и опустил в воду. Оказалось, что на глубине всего одного фута в гранитном берегу озера имелось широкое отверстие. Это отверстие и было началом тоннеля, по которому вода из озера стекала в море. Течение здесь было таким сильным, что ветку вырвало из рук инженера, и она исчезла под водой.

— Теперь уже не может быть никакого сомнения, — повторил Сайрес Смит. — В этом месте находится отверстие водостока, и я обязательно исследую его.

— Каким образом? — спросил Спилет.

— Надо будет только понизить уровень воды в озере на три фута.

— Каким образом?

— Открыть ей другой выход, более широкий, чем этот.

— В каком же месте, Сайрес?

— Там, где берег ближе всего подходит к стене.

— Но ведь стена гранитная! — заметил журналист.

— Это ничего не значит, — ответил Смит. — Я взорву гранит, и вода в озере спадет, и обнажится отверстие тоннеля…

— …и образуется водопад, — добавил Спилет.

— Да, водопад, силу которого мы используем! — воскликнул Сайрес. — Идем скорее!

Инженер увлек журналиста, который так доверял способностям своего друга, что даже не сомневался в успехе. И все же каким образом мог инженер осуществить свой смелый проект и взорвать гранитную стену, не имея даже щепотки пороха? Можно ли было придавать серьезное значение словам инженера, даже если он говорил это убежденным тоном?

Когда Сайрес Смит и Спилет вернулись в Гроты, Герберт и Пенкроф занимались там разгрузкой дров.

— Дровосеки скоро закончат свою работу, мистер Сайрес, — сказал моряк, смеясь, — и если вам понадобятся каменщики…

— Каменщиков пока не нужно, а нужны химики, — ответил инженер.

— Да, — добавил Спилет, — мы хотим взорвать остров…

— Взорвать остров! — вскричал Пенкроф.

— Не весь, успокойтесь! Только часть острова, — успокоил его Спилет.

— Выслушайте меня, друзья мои, — сказал инженер, обращаясь к своим товарищам.

И он сообщил им результаты своих наблюдений. По его мнению, в гранитном массиве плато Дальнего Вида должна существовать обширная впадина, и он хотел проникнуть в нее. Для этого необходимо было прежде всего направить вытекающую воду в другом направлении и, устроив более широкий сток, понизить уровень воды в озере, чтобы обнажить отверстие тоннеля. Но для того чтобы все эти операции удались, следовало приготовить взрывчатое вещество и с его помощью проделать отводной канал на другом участке берега. Приготовлением такого взрывчатого вещества и хотел заняться Сайрес Смит, употребив в дело минералы, предоставленные природой в его распоряжение.

Слушатели, а особенно легко увлекающийся Пенкроф, с огромным энтузиазмом отнеслись к этому проекту. Изготовить сильновзрывчатые вещества, взорвать гранит, создать искусственный водопад — все это пришлоось моряку по душе. Он выразил готовность стать химиком, как был уже кирпичником и кузнецом, или сапожником, или каменщиком — кем угодно, даже учителем танцев и хороших манер, если это понадобится инженеру.

Наб и Пенкроф получили задание снять жир с дюгоня и срезать все мясо, пригодное в пищу. Оба они, не требуя никаких объяснений, немедленно отправились на эту работу. Они доверили инженеру и беспрекословно выполняли его задания.

Несколько минут спустя следом за ними из Гротов вышли Сайрес Смит, Герберт и Гедеон Спилет, захватив с собой носилки, сплетенные из прутьев. Они стали подниматься вверх по реке, направляясь к угольным копям, где инженер нашел серный колчедан.

Весь этот день они занимались тем, что таскали на носилках колчедан в Гроты, и к вечеру его набралось уже несколько тонн.

На следующий день, 8 мая, инженер приступил к работе. Серный колчедан состоит в основном из сернистого железа, угля, кремнезема и алюминия. Задача заключалась в том, чтобы извлечь из руды сернистое железо, затем превратить его в железный купорос, а из него получить серную кислоту. Такова была конечная цель всей процедуры.

Серная кислота считается одним из наиболее употребительных химических веществ. Серная кислота в дальнейшем могла пригодиться колонистам для изготовления свечей и дубления кожи, но в данный момент инженеру она была нужна для других целей.

Сайрес Смит выбрал недалеко от Гротов большую площадку и тщательно разровнял ее. На этом месте он разложил груду сухих веток и толстых поленьев, а на дрова горкой положил крупные куски колчедана. Затем все это сверху было засыпано тонким слоем предварительно измельченного колчедана.

Когда все приготовления были закончены, подожгли дрова, которые, в свою очередь, воспламенили колчедан, потому что он содержал в себе горючие вещества – уголь и серу. Как только огонь начал пробиваться наверх, добавили еще толстый слой мелко истолченного колчедана, а сверху огромную кучу прикрыли землей и травой, оставив несколько отдушин для тяги, как это делают угольщики при обжигании штабеля дров, чтобы превратить их в уголь.

Теперь оставалось только дождаться результата химической реакции. Дней через десять инженер будет иметь железный купорос и сернокислый алюминий. Эти вещества отлично растворяются в воде, тогда как кремнезем, уголь и зола в воде нерастворимы.

Пока совершался этот химический процесс, Сайрес Смит занялся другими делами. Все усердно и даже с азартом ему помогали. Наб и Пенкроф сняли жир с дюгоня и сложили его в большие глиняные кувшины. Из этого жира надо было выделить один из входящих в его состав элементов, а именно – глицерин. Чтобы извлечь глицерин, достаточно было обработать жир содой или известью. Оба эти вещества, действуя на жир, образуют мыло и отделяют от него глицерин. Именно глицерин и нужен был инженеру для того, чтобы иметь возможность изготавливать взрывчатое вещество посильнее обыкновенного пороха. В извести недостатка не было, но при обработке мыла известью получается так называемое известковое мыло, нерастворимое в обыкновенной воде, а следовательно, бесполезное для колонистов. Наоборот, жир, обработанный содой, дает хорошо известное всем мыло, растворимое в холодной воде. Поэтому Сайрес Смит, как человек практичный, предпочел добыть соду. Это было не трудно, так как на берегу в изобилии попадались морские водоросли с большим содержанием соды, выброшенные на землю приливами. Химики, как называл теперь себя и своих товарищей Пенкроф, набрали большое количество этих растений, просушили их на солнце, а затем сожгли в ямах на открытом воздухе. Горение водорослей поддерживалось в течение нескольких дней, пока вся зола не расплавилась от жара. Когда наконец огонь потушили, в ямах оказалась плотная сероватая масса, известная под названием натуральной соды.

Получив соду, инженер стал обрабатывать ею жир и в результате получил, во-первых, необходимое для них растворимое мыло, а во-вторых, нейтральное вещество – глицерин.

Но это было еще не все. Смиту был необходим еще азотнокислый поташ, который часто называют селитрой. Он мог бы получить это вещество, обрабатывая азотной кислотой углекислый поташ, или углекалиевую соль, которую очень легко извлечь из растительной золы.

Но азотной кислоты у него не было, и как раз ее он хотел в конце концов добыть. Получился заколдованный круг. К счастью, ему на помощь пришла сама природа – залежи селитры, в которой инженер так нуждался, Герберт нашел на северной стороне острова, у подножия горы Франклина, и ее требовалось лишь очистить.

Все эти работы продолжались дней восемь и закончились раньше, чем завершилось превращение сернистого колчедана в железный купорос. В оставшиеся дни колонисты успели изготовить несколько тиглей из огнеупорной глины, обжечь их и сложить печь особого устройства из огнеупорного кирпича для перегонки железного купороса при высокой температуре. Обжиг тиглей и устройство печи были закончены к 18 мая, почти одновременно с окончанием химического превращения колчедана. Гедеон Спилет, Герберт, Наб и Пенкроф под опытным руководством инженера стали ловкими и умелыми работниками. Впрочем, известно, что необходимость – лучший учитель, которого к тому же все прекрасно слушаются.

Когда куча колчедана окончательно разложилась под действием высокой температуры, землю сняли, а получившиеся вещества – железный купорос, сернокислый алюминий, кремнезем, остатки угля и даже золу – тщательно подобрали и сложили в большие глиняные тазы с водой. Затем Сайрес Смит хорошо размешал всю эту смесь, дал ей отстояться, потом осторожно слил воду, и получился прозрачный раствор, содержащий железный купорос и сернокислый алюминий. Все остальные вещества, как нерастворимые, в твердом состоянии осели на дно, потому что были гораздо тяжелее воды. Раствор немного прокипятили на небольшом огне, и, когда он частично испарился, на дне и стенах сосуда образовались кристаллики железного купороса, затем оставшийся раствор, содержащий сернокислый алюминий, осторожно слили в другой сосуд.

Наконец Сайрес Смит имел в своем распоряжении довольно большое количество кристаллов железного купороса и мог извлечь из него серную кислоту.

При получении серной кислоты промышленным путем требуются различные дорогостоящие аппараты. Строится специально предназначеннное для них здание, приобретаются специальные приборы, платиновые тигли, камеры, в которых происходит преобразование, изнутри покрываются свинцом, который не поддается разрушительному действию кислот. У инженера не было ничего подобного, но он знал, что в некоторых местах, в частности в Богемии, серную кислоту изготавливают более простым способом, причем она получается даже более концентрированной. Таким именно простым способом получается дымящаяся серная кислота, известная под названием нордгаузенской, или олеума.

Для того чтобы получить серную кислоту, Смит должен был провести еще одну операцию: подвергнуть действию высокой температуры в герметически закрытом сосуде кристаллы сернокислого железа, или железного купороса, чтобы серная кислота выделилась в виде паров. Сгустившись, эти пары превратятся в серную кислоту.

Для прокаливания сернокислого железа и понадобились огнеупорные тигли, в которые положили кристаллы, затем герметически закупорили крышками и поставили в печь, где поддерживалась очень высокая температура, для перегонки. Операция и на этот раз удалась, и 20 мая, через двенадцать дней после начала работ, инженер имел уже довольно большое количество серной кислоты, которую он рассчитывал применять довольно часто.

Но зачем ему была нужна серная кислота? Ответ простой: для того чтобы получить азотную кислоту. Сделать это оказалось легко, потому что селитра под действием серной кислоты дает не что иное, как азотную кислоту путем простой перегонки.

Но как инженер хотел использовать азотную кислоту? Этого товарищи инженера не знали, потому что он не открыл им до конца свои планы.

Между тем инженер приближался к своей цели. Оставалась только одна химическая операция, и он будет иметь продукт, который потребовал столько труда для своего изготовления.

Полученную азотную кислоту Смит смешал в известной пропорции с глицерином, предварительно сконцентрированным, то есть сгущенным посредством выпаривания на водяной бане, и получил, не применяя никаких охлаждающих смесей, несколько пинт маслянистой желтоватой жидкости.

Последнюю операцию Сайрес Смит проделал один, на довольно большом расстоянии от Гротов, потому что мог произойти взрыв с весьма серьезными последствиями. Когда все было закончено, он принес своим товарищам небольшой сосуд, наполненный маслянистой жидкостью, и кратко сказал:

— Вот вам нитроглицерин.

Это и в самом деле был нитроглицерин, взрывчатая сила которого, по крайней мере, в десять раз больше силы обыкновенного пороха и который со времени своего открытия был уже главным виновником стольких несчастий. Впрочем, с тех пор, как нашли способ превращать его в динамит, смешивая с каким-нибудь твердым пористым веществом — глиной или сахаром, — способным удержать опасную жидкость, им стало можно пользоваться с гораздо меньшим риском. Но динамит еще не был известен в то время, когда колонисты жили на острове Линкольна.

— Неужели эта водичка взорвет наши скалы? — спросил Пенкроф, недоверчиво качая головой.

— Да, мой друг, — ответил инженер. — Кроме того, этот нитроглицерин произведет большой эффект, потому что твердый гранит окажет большое сопротивление взрыву.

— А когда мы это увидим, мистер Сайрес?

— Завтра, как только просверлим отверстие для заряда.

На следующий день, 21 мая, на рассвете минеры направились на западный берег озера Гранта, находившийся всего в пятистах шагах от морского побережья. В этом месте плато было ниже уровня воды в озере, которую сдерживал только один гранитный утес. Если взорвать этот гранитный гребень, вода устремится в отверстие, потечет по наклонной поверхности плато и низвергнется на песчаное побережье. В результате уровень воды в озере заметно понизится и обнажится отверстие водостока, чего, собственно, и добивался инженер.

Итак, необходимо было разрушить гранитную преграду. Под руководством инженера Пенкроф, ловко и энергично действуя киркой, усердно принялся долбить верхний слой гранита. Отверстие, которое нужно было пробить в граните, должно было начинаться на горизонтальной грани стены и углубляться в косом направлении, чтобы подкоп шел значительно ниже уровня воды в озере Гранта. При этом условии сила взрыва, обрушив скалу, откроет воде широкий выход наружу, и она водопадом хлынет вниз по стене.

Работа оказалась трудной и медленной. Инженер, в надежде произвести взрыв страшной силы и сразу добиться желаемого результата, предполагал заложить не менее десяти литров нитроглицерина. И Пенкроф, и сменявший его Наб работали так усердно, что к четырем часам дня подкоп был готов.

Теперь следовало найти способ воспламенения взрывчатого вещества. Обычно нитроглицерин поджигают с помощью так называемой затравки из гремучего пороха, детонация которого при поджоге вызывает взрыв нитроглицерина. Дело в том, что для взрыва нитроглицерину необходим толчок, иначе он просто сгорает не взрываясь.

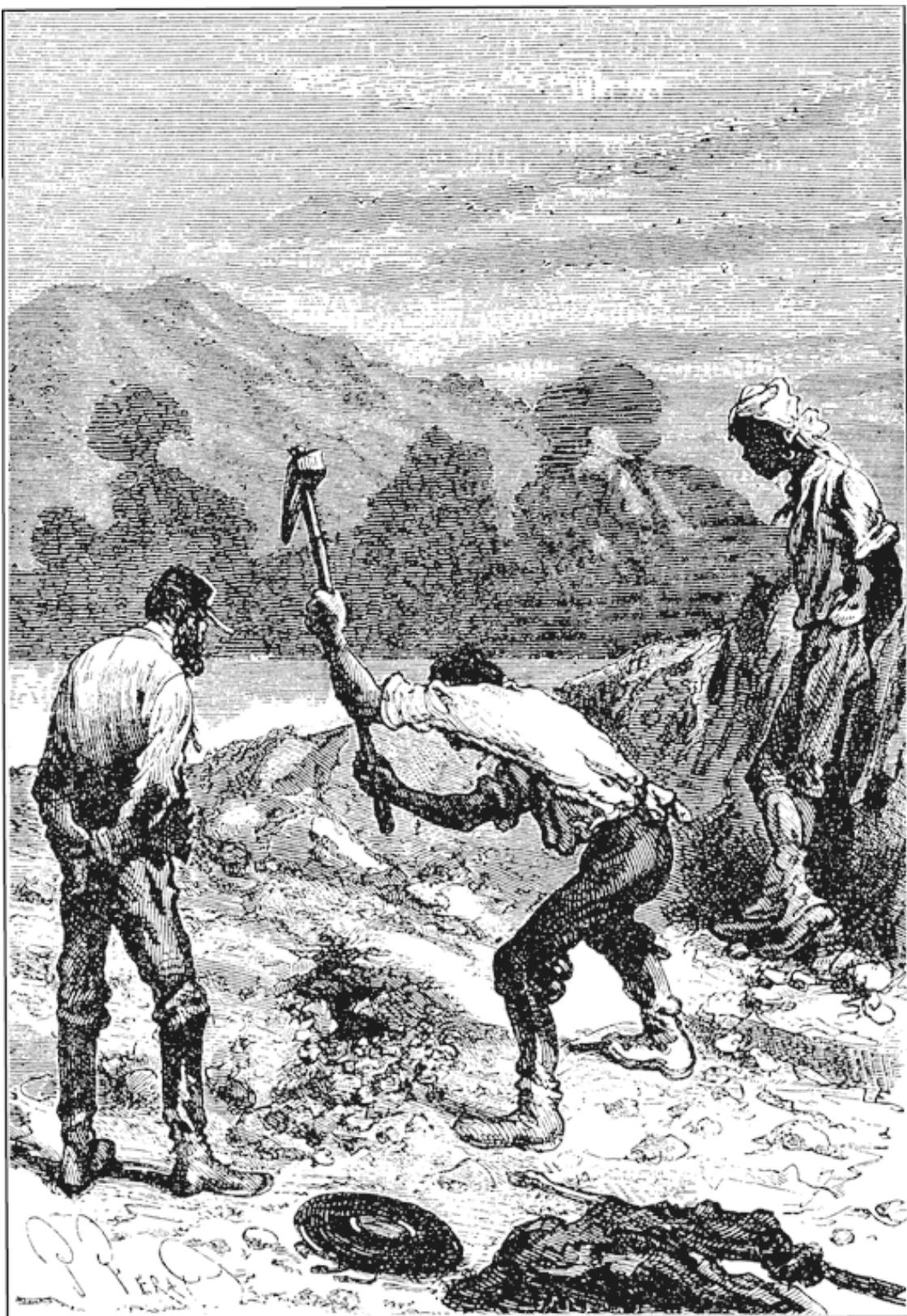
Сайрес Смит, конечно, мог приготовить затравку. Вместо пороха, не имея гремуче-кислой соли, он без труда изготовил бы заменяющее его вещество, сходное с гремучей хлопчатой бумагой, или пироксилином, потому что у него была азотная кислота. Надо было только зарядить этим веществом патрон, положить его в нитроглицерин и поджечь фитиль, что и вызовет взрыв.

Но инженер, кроме того, знал, что нитроглицерин обладает еще свойством взрываться от детонации. Поэтому он решил использовать это свойство, готовый в случае неудачи применить какой-нибудь другой способ.

И в самом деле, удара молотком по нескольким каплям нитроглицерина, разлитого на твердой поверхности, достаточно, чтобы вызвать взрыв. Но это было очень рискованно для того, кто наносит этот удар. Если бы и нашелся желающий провести такой эксперимент, то его ждала бы неминуемая гибель.

Сайрес Смит придумал поставить над отверстием подкопа треножник и подвесить к нему на толстой веревке из растительных волокон тяжелую железную болванку. Затем он взял другую такую же веревку, предварительно пропитанную серой, и одним концом привязал ее к середине первой веревки, а саму веревку с помощью подставок и колышков разложил по земле так, что ее свободный конец находился в нескольких футах от края подкопа. Если поджечь свободный конец второй веревки, она будет медленно гореть до тех пор, пока не догорит до места соединения с первой веревкой. Первая веревка, в свою очередь, загорится и разорвется, а железная болванка при этом, конечно, всей массой упадет в нитроглицерин и вызовет взрыв.

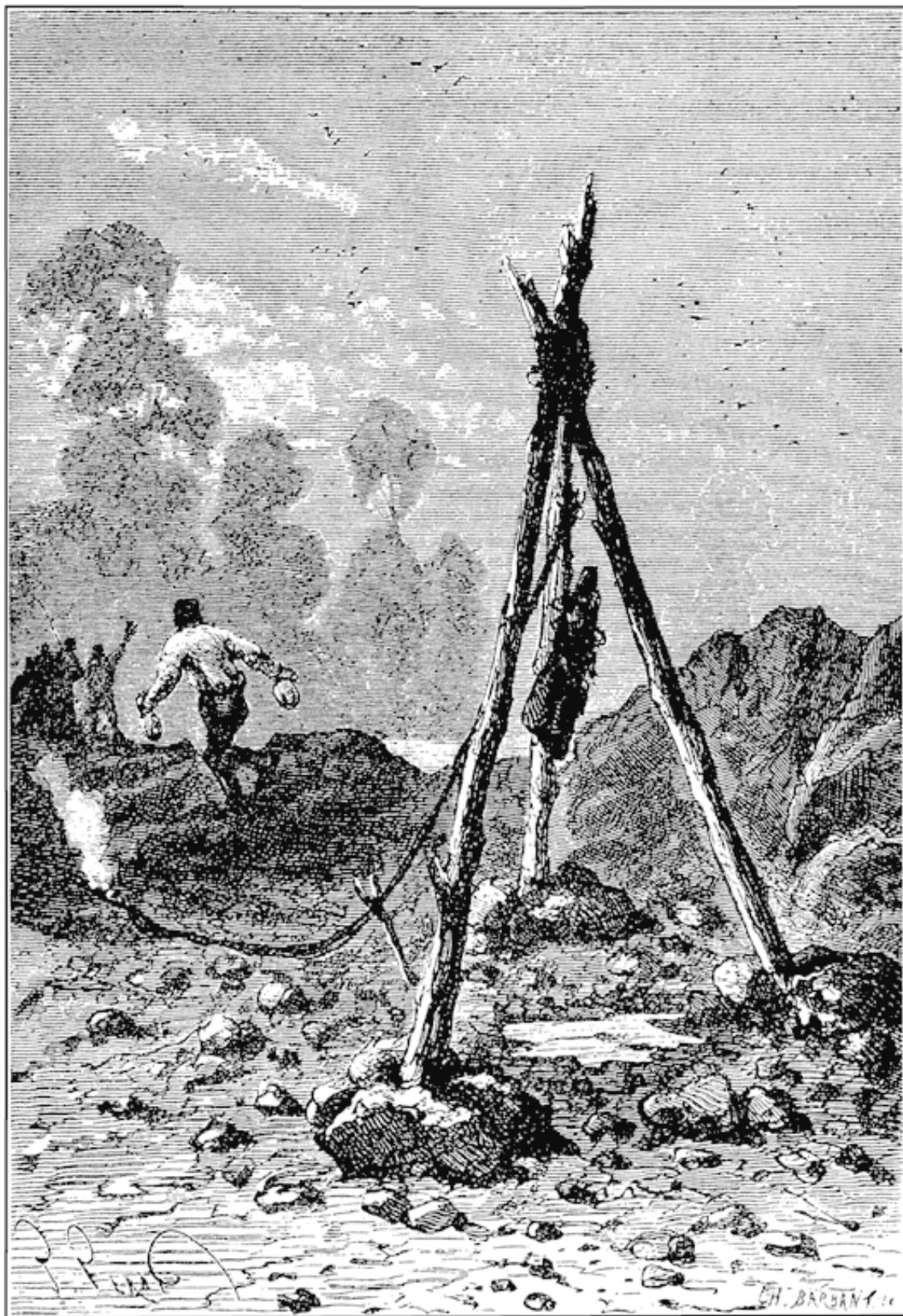
Наконец все приготовления были окончены: треножник с подвешенной к нему железной болванкой стоял над подкопом, и серная веревка готова была загореться каждую минуту. Инженер приказал своим товарищам отойти подальше, налил в отверстие до самых краев нитроглицерин и, кроме того, побрызгал этой жидкостью железную болванку.

После этого Сайрес Смит поджег свободный конец веревки, пропитанной серой, и вернулся к своим товарищам, все вместе они побежали в Гроты.

Веревка должна была гореть двадцать пять минут. Действительно, ровно через двадцать пять минут раздался сильный взрыв. Колонисты не могли даже представить себе ничего подобного. В первую минуту им показалось, что это дрожит и рушится весь остров. Множество кам-

ней снопом, как ракеты, полетели в воздух, как при извержении вулкана. Сотрясение воздуха было настолько сильным, что стены Гротов закачались, как при землетрясении. Колонисты не смогли удержаться на ногах и попадали на землю, хотя находились более чем в двух милях от места взрыва.

Когда прошла первая минута оцепенения, инженер, а за ним и все остальные вскочили на ноги, взобрались на плато и побежали к месту взрыва...

Троекратное «ура» сорвалось с их уст. В гранитной стене зияла широкая брешь. В образовавшееся отверстие широким потоком стремилась вода, бурля и пенясь, она бежала по гладкой поверхности плато, а затем низвергалась вниз с высоты трехсот футов.

Глава восемнадцатая

Пенкроф ни в чем уже не сомневается. – Старый водосток. – Подземный ход. – Исчезновение Топа. – Центральная пещера. – Подземный колодец. – Тайна. – Пенкроф работает киркой. – Возвращение.

Проект Сайреса Смита удался, но он не любил громко торжествовать победу и, словно ничего особенного не случилось, молча смотрел на дело рук своих, плотно сжав губы. Герберт ликовал и громко выражал свой восторг, Наб прыгал от радости, а Пенкроф, стоя на одном месте, качал головой и вполголоса бормотал про себя:

– Нечего сказать, молодец наш инженер!

Нитроглицерин совершил чудеса, все подвиги Геркулеса ничто по сравнению с могущественной силой этой маслянистой жидкости. Пролом в гребне плато был так велик, что количество воды, выливавшейся через новый сток, или, как назвал его инженер, отводный канал, было, по крайней мере, в три раза больше того, которое выливалось из озера по старому водостоку. Вследствие этого уровень воды в озере вскоре должен был понизиться не меньше чем на два фута.

Колонисты вернулись в Гrotы и, захватив с собой кирки, колья с железными наконечниками, веревки, огниво и трут, снова направились к месту взрыва. Топ на этот раз сопровождал их.

По дороге Пенкроф не мог сдержаться, чтобы не сказать инженеру:

– Знаете что, мистер Сайрес? Мне кажется, что этой прелестной жидкостью, которую вы так удачно составили, можно было бы взорвать весь наш остров…

– Без всякого сомнения, и не только наш остров, а целый континент и даже весь земной шар, – ответил Смит. – Весь вопрос только в количестве.

– А нельзя ли употреблять этот нитроглицерин вместо пороха для огнестрельного оружия? – спросил моряк.

– Нет, Пенкроф, потому что нитроглицерин обладает слишком большой разрушительной силой и разорвет даже самые лучшие ружейные стволы. Но мы можем приготовить так называемую гремучую бумагу или даже обыкновенный порох, потому что у нас есть азотная кислота, селитра, сера и уголь. К несчастью, у нас нет самого главного – ружей!

– О, мистер Сайрес, – возразил, не унимаясь, моряк, – если бы вы только захотели!..

Пенкроф, по-видимому, окончательно вычеркнул слово «невозможно» из лексикона колонистов острова Линкольна.

Взобравшись на плато Дальнего Вида, колонисты тотчас же направились к той части озера, где находилось отверстие прежнего водостока. Подводный тоннель, должно быть, уже обнажился и теперь стал доступен для исследования.

Вскоре островитяне подошли к озеру и сразу убедились, что их труды не пропали даром и что они достигли желаемого результата.

В гранитном береге озера немного выше уровня воды зияло отверстие тоннеля, на поиски которого они потратили так много времени. Узкий выступ, образовавший нечто вроде бордюра вокруг отверстия, позволял без особого труда проникнуть в тоннель. Ширина отверстия была около двадцати футов, но высота его не превышала двух футов. По своему виду оно очень напоминало верхнее отверстие водосточной трубы на мостовой, у края тротуара. Проникнуть в такой проем было невозможно даже ползком, но Наб и Пенкроф вооружились кирками и примерно через час настолько увеличили высоту входного отверстия, что колонисты могли пройти в него, немного согнувшись.

После этого инженер подошел к отверстию и стал внимательно исследовать внутренность тоннеля. Он установил, что тоннель шел книзу довольно отлого, под уклоном тридцать – трид-

цать пять градусов. Значит, тоннель, по крайней мере в верхней части, вполне доступен для исследования, а если спуск идет так же отлого и дальше, то колонисты могут спуститься по тоннелю до самого моря. А если при этом окажется, что внутри этого гранитного массива существует пещера или глубокая впадина, то инженер обязательно исследует эту пещеру и решит, можно ли будет ее использовать.

– Ну, мистер Сайрес, чего мы ждем? – спросил моряк, которому не терпелось поскорее войти в узкий проход. – Посмотрите-ка, Топ нас уже опередил и осматривает тоннель!

– Хорошо, сейчас, – ответил инженер. – Надо запастись факелами, чтобы не бродить в потемках… Наб, ступай, нарежь нам смолистых веток.

Наб с Гербертом бросились на берег, поросший соснами и другими хвойными деревьями, выполнять приказ и через несколько минут уже вернулись с охапками веток. Все вместе стали придавать этим веткам вид факелов, затем высекли огонь, зажгли факелы, и с Сайресом Смитом во главе углубились в темный тоннель, по которому еще недавно бежала вода из озера.

По мере того как исследователи двигались вперед, диаметр тоннеля, вопреки предположениям, постепенно увеличивался. И уже через несколько десятков шагов колонисты смогли выпрямиться во весь рост и идти, подняв факелы высоко над головой. За много столетий вода смыла и сгладила все шероховатости, все неровности, стены и пол были гладкими и скользкими, как хорошо натертый воском паркет, и колонисты скользили, как конькобежцы на льду. Упасть на наклонной скользкой поверхности, еще не успевшей просохнуть, было очень легко. Чтобы не случилось ничего подобного, колонисты привязали себя друг к другу веревкой по примеру путешественников в горах, где падение одинокого путника очень часто грозит ему свержением в бездонную пропасть. К счастью, пол тоннеля не везде был ровным и гладким, – местами попадались выступы вроде настоящих ступеней, и это значительно облегчало спуск. Капли воды, покрывающие стены тоннеля, сверкали и переливались при свете факелов. Инженер внимательно рассматривал черный гранит и не заметил в нем никаких признаков слоистости или трещин. Гранитная масса представляла собой одно целое и казалась отшлифованной. По-видимому, тоннель был такого же древнего происхождения, как остров, а не возник постепенно под напором озерной воды. Это Плутон, а не Нептун создал его, и местами на стенах еще были заметны следы работы вулканических сил, до сих пор не уничтоженные водой.

Колонисты спускались очень медленно. Не без волнения углублялись они все дальше в недра массива, где до них никогда не бывали человеческие существа. Они шли молча, занятые своими мыслями. Кто знает, может быть, дальше, из какой-нибудь внутренней впадины, сообщающейся с морем, на них набросится гигантский осьминог или какое-нибудь другое страшное головоногое, устроившее там свою квартиру. Поэтому двигаться вперед надо было осторожно, чтобы опасность не застигла их врасплох.

Впрочем, во главе исследователей шел Топ, на замечательное чутье которого можно было положиться. В случае опасности верный пес поднял бы тревогу.

Спустившись футов на сто по довольно извилистой дороге, Сайрес Смит, шедший впереди, остановился. К нему тотчас же подошли остальные колонисты. В том месте тоннель расширялся и образовал нечто вроде небольшой пещеры. Сверху на них падали капли воды, но это были просто последние остатки потока, который так долго бурлил в этом канале. Верхние своды пещеры, как и стены, не имели трещин, а воздух в пещере, хотя и влажный, был очень свежим, и в пещере дышалось легко.

– Ну что же, дорогой Сайрес? – заговорил Гедеон Спилет. – Эта пещера так хорошо изолирована, что посторонним было бы трудно проникнуть в нее… но, к сожалению, жить в ней невозможно.

– Почему? – спросил моряк.

– Потому что, во-первых, она слишком мала, а во-вторых, здесь очень темно.

— А разве мы не сможем, если понадобится, увеличить пещеру до нужных нам размеров? Кто нам запретит пробить в стене окно? — горячо возразил Пенкроф, которому теперь все препятствия казались устранимыми.

— Пойдем дальше, — сказал Сайрес Смит, — и продолжим осмотр. Может быть, мы еще найдем как раз то, что нам нужно, и не надо будет ни расширять пещеру, ни пробивать окна в граните.

— Мы и прошли-то всего лишь третью часть пути, — заметил Герберт.

— Да, около трети, — подтвердил Смит. — Мы опустились всего футов на сто ниже отверстия тоннеля, возможно, что еще сотней футов ниже...

— А где Топ?.. — спросил вдруг Наб, перебивая своего хозяина.

Колонисты осветили факелами все углы пещеры, но собаки нигде не было.

— Он, наверное, побежал вперед, — сказал Пенкроф.

— Идемте в таком случае за ним, — проговорил Сайрес Смит.

Колонисты снова тронулись в путь, соблюдая все предосторожности. Инженер внимательно следил за всеми отклонениями тоннеля от прямой линии и, несмотря на множество поворотов, довольно ясно представлял себе геометрический план водостока, направленного к морю.

Колонисты спустились еще футов на пятьдесят, как вдруг их внимание было привлечено отдаленными звуками, доносившимися из глубины массива. Все тотчас остановились и стали прислушиваться. Звуки были отчетливыми и такими громкими, словно сам тоннель выполнял роль рупора.

— Это лает Топ! — воскликнул Герберт.

— Да, — подтвердил Пенкроф. — Что-то он лает очень сердито.

— Во всяком случае, у нас есть оружие!.. — сказал Сайрес Смит. — Держитесь все вместе — и вперед!

— Становится все интереснее и интереснее, — прошептал Гедеон Спилет на ухо Пенкрофу, ответившему утвердительно кивком головы.

Сайрес Смит и его товарищи бросились на помощь Топу. Лай собаки слышался все громче. Разозленное животное просто захлебывалось от ярости. Может быть, он напал на какое-нибудь чудовище и, не обращая внимания на его силу, вступил в неравный бой? Странное поведение Топа до такой степени разожгло любопытство колонистов, что они забыли все мудрые советы о необходимости соблюдать осторожность. Впрочем, первым забыл об опасности сам Сайрес Смит. Колонисты уже быстро спускались, вернее, скользили по наклонному полу тоннеля и через несколько минут на шестьдесят футов ниже увидели Топа.

В этом месте проход примыкал к обширной великолепной пещере. Топ, яростно лая, метался во все стороны. Пенкроф и Наб, размахивая факелами, старались осветить все углы пещеры. Сайрес Смит, Спилет и Герберт с оружием в руках подготовились встретить нападение.

Огромная пещера была пуста. Колонисты обошли ее во всех направлениях и не увидели не только никакого животного, но и следов недавнего пребывания живого существа. А между тем Топ продолжал неистово лаять. Ни ласки, ни угрозы не могли его успокоить.

— Где-то здесь должно быть отверстие, через которое вода из озера уходила в море, — сказал инженер.

— В самом деле, — воскликнул Пенкроф, — надо быть осторожнее, а не то провалимся в какую-нибудь дыру!

— Топ, иши! — крикнул Сайрес Смит.

Собака, повинувшись приказу хозяина, побежала на противоположный конец пещеры и там залаяла еще громче.

Колонисты направились в ту сторону и при колеблющемся свете факелов увидели широкое отверстие колодца. В этот колодец и сливалась вода, бежавшая по тоннелю. Спуститься в этот колодец было совершенно невозможно, потому что стенки его шли отвесно, причем неизвестно на какую глубину.

Колонисты попробовали осветить колодец, наклонив над отверстием факелы, но ничего не увидели. Дна колодца не было видно. Смит оторвал горящую ветку и бросил ее вниз. Ярко пылавшая смолистая ветка, еще больше разгоревшаяся от быстрого падения в пропасть, на мгновение осветила мрачную внутренность колодца, но дна его все-таки не удалось увидеть. Затем вдруг пламя погасло с легким треском: ветка достигла поверхности воды, то есть уровня моря.

Инженер по продолжительности падения ветки определил глубину колодца. По его расчету, она оказалась равна примерно девяноста футам. Таким образом, пещера находилась на высоте девяносто футов над уровнем моря.

— Вот наше жилище, — сказал Сайрес Смит.

— Но ведь оно кем-то занято, Сайрес! — возразил Гедеон Спилет, считая необходимым напомнить об этом инженеру.

— Ну и что? Какое нам дело до того, кто жил в этой пещере раньше? — ответил Сайрес Смит. — Тот, кто жил здесь, убежал и без боя уступил нам место.

— Само собой, — вмешался моряк. — А я, признаюсь вам, очень жалею, что не мог быть на месте Топа четверть часа тому назад. Ведь не без причины он так свирепо лаял.

Сайрес Смит задумчиво посмотрел на свою собаку, и, если бы кто-нибудь из колонистов подошел в эту минуту к инженеру поближе, он услышал бы, как тот почти шепотом произнес следующие слова:

— Да и мне кажется, что Топ знает больше нашего и, если бы умел говорить, мог бы рассказать много интересного.

Колонисты могли считать свое желание полностью исполненным. Мечты сменялись действительностью. Случай и чудесная проницательность инженера предоставили им то, в чем они в данный момент нуждались. Теперь они имели в своем распоряжении громадную пещеру, точные размеры которой они не могли еще определить при неверном свете факелов. Во всяком случае, пещера была настолько велика, что ее без труда можно было разделить кирпичными стенами на несколько комнат, и, если ее нельзя было превратить в отдельный дом, зато можно было использовать как очень удобную большую квартиру. Вода из нее вытекла, и нового наводнения бояться было нечего. Место было свободно.

Однако сначала колонисты должны были, во-первых, придумать способ освещения этой пещеры, а во-вторых, облегчить доступ в нее или же устроить новый вход. Верхнее освещение устроить было нельзя, потому что потолком являлась гранитная глыба в несколько десятков, если не сотен, футов толщиной, но можно было попытаться пробить переднюю стенку пещеры, обращенную к морю. Сайрес Смит, успевший во время спуска довольно точно определить наклон, а следовательно, и длину водостока, предполагал, и не без основания, что передняя часть стены не должна быть очень толстой. Если удастся пробить ее, то свет будет проникать в пещеру, кроме того, это же отверстие можно было бы использовать вместо дверей. А может быть, будет нетрудно пробить даже несколько окон и дверь и пристроить снаружи лестницу.

Сайрес Смит поделился своими мыслями с товарищами. Все с восторгом приняли этот проект.

— В таком случае, мистер Сайрес, примемся за работу! — предложил нетерпеливый Пенкроф. — Я захватил с собой кирку и, если только стена не очень толстая, сумею пробить окно. Где нужно долбить?

— Здесь, — ответил инженер, указывая рукой матросу на довольно значительное углубление в толще стены.

Пенкроф взмахнул киркой, и удары посыпались один за другим. Целых полчаса при свете факелов он отбивал куски гранита, засыпая пол мелким щебнем. Наконец он остановился и сказал, что устал. Его сменил Наб, а после Наба за кирку взялся Гедеон Спилет.

Работа продолжалась уже два часа, а отверстие все еще не было сделано. Может быть, стена здесь гораздо толще, чем они думали? Вдруг при последнем ударе кирка, пробив стену, вырвалась из рук Спилета и, проскочив в отверстие, вылетела наружу.

— Ура! Ура! — в восторге закричал Пенкроф.

В этом месте стена была всего в три фута толщиной.

Сайрес Смит приложил глаз к отверстию, находившемуся в восьмидесяти футах над землей. Прямо перед собой он увидел край берега, канал, остров Спасения, а за ним необозримый океан.

Как ни мало было пробитое отверстие, его все-таки было вполне достаточно, чтобы в ту же минуту устраниТЬ потребность в факелах. Пробитое отверстие имело форму воронки, обращенной широким концом внутрь пещеры, и поэтому свет, проникая снаружи, расходился лучами, как свет от фонаря с рефлектором. Благодаря этому вся пещера была залита волнами дневного света, которые освещали даже самые укромные уголки. Левая половина пещеры имела не более тридцати футов в высоту и столько же в ширину при длине в сто футов, зато правая половина просто поражала своими грандиозными размерами. Ее своды смыкались на высоте не менее восьмидесяти футов. В некоторых местах их поддерживали беспорядочно расположенные гранитные столбы. Не придерживаясь какого-нибудь одного стиля, как это делают архитекторы, сооружая здания, природа капризно и в то же время очень удачно смешала здесь все элементы византийской, романской и готической архитектуры. Своды пещеры то низко опускались, опираясь на колонны, то арками уходили в недосягаемую высь, а оттуда, с потолка, переливаясь и сверкая, спускались стрельчатые сталактиты. Как много человеку требуется труда и знаний и для чего? Для того чтобы построить слабое подобие того, что природа способна создать без всякого плана или чертежа!..

Колонисты в восторге любовались этой сказочной Альгамбрай, найденной ими там, где они рассчитывали найти всего лишь небольшую пещеру. Наб даже снял шапку: он чувствовал себя здесь как в храме! Даже Сайрес Смит не смог сохранить обычное хладнокровие и громко выражал свое восхищение. Более пылкие кричали «ура», которое подхватывало эхо и разносило по подземным галереям.

— Друзья мои, — воскликнул Сайрес Смит, — мы впустим яркий свет в этот грот и устроим на левой половине спальню, кладовые и кухню, а на правой половине сделаем кабинет, роскошную гостиную и музей!

— А как мы назовем эту пещеру? — спросил Герберт.

— Гранитный дворец, — ответил Смит.

Всем очень понравилось это название, и они громкими криками «ура» ответили на это предложение.

Между тем факелы почти догорели, а так как для того, чтобы вернуться в Гроты, надо было сначала подняться вверх по тоннелю и выйти на вершину плато, то колонисты решили все работы по обустройству нового помещения отложить на следующий день.

Перед уходом Сайрес Смит еще раз наклонился над мрачным отвесным колодцем, который вел к морю, и внимательно прислушался. Из глубины колодца не доносилось ни малейшего звука. Не слышно было даже плеска воды. Инженер бросил в колодец еще одну зажженную ветку. Стенки колодца на минуту осветились, но и на этот раз не удалось заметить ничего подозрительного. Если какое-нибудь морское чудовище и было застигнуто врасплох спадом воды, то теперь оно, наверное, успело уплыть в открытое море по подземному ходу, который тянулся под морским берегом.

Между тем инженер продолжал неподвижно стоять, наклонившись над колодцем, напрягая слух и не произнося ни слова.

Пенкроф подошел к нему и, дотронувшись до его руки, сказал:

— Мистер Смит!

— Что случилось, друг мой? — спросил инженер, возвращаясь из страны грез на землю.

— Факелы скоро погаснут.

— Идем! — ответил Смит.

Маленький отряд вышел из пещеры и начал подниматься по темному тоннелю. Топ замыкал шествие, продолжая ворчать. Подъем оказался довольно трудным. Колонисты даже сделали короткую остановку в верхней небольшой пещере, служившей своего рода площадкой на середине этой длинной гранитной лестницы. Отдохнув, они продолжили подъем.

Вскоре воздух стал заметно свежее. Капли воды уже не сверкали на стенах, они успели высохнуть и испариться. Факелы догорали, а факел Наба погас совсем, и надо было поторопиться, чтобы не оказаться в полном мраке.

Наконец, часов около четырех, как раз в ту минуту, когда в руках у моряка догорел последний факел, Сайрес Смит и его товарищи вышли из тоннеля.

Глава девятнадцатая

Проект Сайреса Смита. – Фасад Гранитного дворца. – Веревочная лестница. – Мечты Пенкрофа. – Ароматические травы. – Крольчатник. – Водопровод для нового жилища. – Вид из окон Гранитного дворца.

На следующий день, 22 мая, с самого утра начались работы по приспособлению Гранитного дворца для жилья. Колонисты очень спешали перебраться из ненадежного и неуютного убежища в Гротах в большую сухую пещеру в гранитной скале. Впрочем, они не имели намерения совсем покинуть Гроты, и Сайрес Смит, разрабатывая проект устройства колонии, предполагал превратить их в большую мастерскую.

Прежде всего Смит решил установить, в каком месте скалы находится фасад Гранитного дворца. Для этого он направился на берег к подножию гранитной стены. Кирка, выскользнувшая из рук Спилета, должна была упасть на землю перпендикулярно, поэтому ему достаточно было найти кирку, чтобы определить место, где было пробито отверстие.

Отыскать кирку удалось без труда. Наверху в скале, прямо над тем местом, где кирка вонзилась в песок, приблизительно на высоте восьмидесяти футов виднелось небольшое отверстие. Горные голуби тоже обратили на него внимание, и снизу было видно, как они вились вокруг него, то залетая внутрь, то вылетая наружу. Можно было подумать, что колонисты сделали это отверстие только для того, чтобы голуби могли вить гнезда под сводами Гранитного дворца.

Инженер предполагал разделить правую половину пещеры на несколько комнат, устроив перед ними узкий коридор, и проделать в гранитной стене по фасаду пять окон и дверь. Пенкроф ничего не имел против окон, но не понимал, зачем нужна дверь, раз прежний водосток представлял собой естественную лестницу, по которой всегда будет легко войти в Гранитный дворец.

– Друг мой, – сказал ему Сайрес Смит, – если нам с вами нетрудно попасть в наше жилище по водостоку, то так же легко и другим было бы добраться до нас. Я намерен, наоборот, загородить этот водосток, все отверстия герметически заделать и даже, если понадобится, совсем замаскировать вход, подняв уровень воды с помощью плотины.

– А как же мы будем попадать туда? – спросил моряк.

– По наружной лестнице, – ответил Сайрес Смит. – Мы сделаем веревочную лестницу. Когда мы будем ее поднимать, наш дворец окажется совершенно недоступным для посторонних.

– Но зачем столько предосторожностей? – возразил Пенкроф. – До сих пор нам не попалось ни одного хищного зверя, которого стоило бы так бояться. Что же касается до туземцев, то ведь их нет на нашем острове.

– Вы в этом совершенно уверены, Пенкроф? – спросил инженер, пристально глядя в глаза моряку.

– Окончательно мы в этом убедимся только после того, как обследуем весь остров, – ответил Пенкроф.

– Вы правы, – сказал Смит. – Мы пока знаем только очень небольшую его часть. Но если предположим, что у нас нет врагов на острове, то они могут явиться к нам извне, потому что эта область Тихого океана пользуется самой дурной репутацией. Поэтому нам следует на всякий случай принять меры предосторожности.

Сайрес Смит рассуждал вполне убедительно, и поэтому Пенкроф, прекратив спор, заявил, что он готов выполнять приказания инженера и ждет, чтобы ему сказали, что надо делать.

На фасаде Гранитного дворца было решено пробить пять окон, одну дверь и, кроме того, несколько слуховых окошечек, которые позволили бы свету в изобилии проникать в эту великолепную квартиру и устроить совершенно отдельные и в то же время светлые помещения. Особенno много света должно было быть в центральном отделении пещеры, которое инженер в своем проекте назвал гостиной и музеем. Фасад Гранитного дворца был обращен на восток, и восходящее солнце будет приветствовать его обитателей своими первыми лучами.

Расположенный на высоте восьмидесяти футов над землей, фасад пещеры занимал ту часть гранитного массива, которая находилась между выступом, образующим острый угол над устьем реки Милосердия с одной стороны, и перпендикулярной линией, проведенной с вершины плато к Гrotам, – с другой. Благодаря такому расположению пещеры колонисты не должны были ощущать действие ненастных северо-восточных ветров, которые задевали ее лишь только сбоку, разбиваясь о скалистые выступы. Для защиты от ветра, дождя и холода до тех пор, пока не будут сделаны оконные рамы и вставлены стекла, инженер предполагал закрыть все оконные отверстия плотными ставнями и замаскировать их.

Но все это потом, а теперь в первую очередь необходимо было пробить в гранитной стене отверстия для окон и дверей. Как ни усердно работали колонисты, все-таки, действуя одними кирками, они слишком долго долбили бы прочный гранит. А Сайрес Смит, наоборот, любил, чтобы все делалось быстро. У него оставалось еще немного нитроглицерина, которым он и решил воспользоваться. Действие взрывчатой силы было сосредоточено в определенных точках, и отверстия образовались именно в тех местах, где это требовалось. Затем с помощью кирки и лома отверстиям для пяти окон, слуховых окошечек и двери придали готический рисунок. При этом ни инженер, ни его помощники не следили за строгой правильностью линий, что значительно усложнило бы работу. Напротив, им даже понравились прихотливые очертания получившихся отверстий. Спустя несколько дней после начала работ волны света уже заливали всю пещеру, проникая в самые укромные уголки!..

По проекту Сайреса Смита, квартира должна была состоять из пяти комнат с видом на море. Справа намечалась передняя с большой входной дверью, которая будет сообщаться с берегом подъемной веревочной лестницей, далее шли кухня шириной тридцать футов, столовая шириной сорок футов, общая спальня таких же размеров и, наконец, гостиная, на устройстве которой особенно настаивал Пенкроф, примыкавшая к большому залу.

Эти комнаты занимали лишь часть пещеры. Вдоль комнат тянулся длинный коридор, устроенный посередине, с другой стороны к нему примыкало несколько кладовых для хранения инструментов, провизии и различных припасов. Все продукты флоры и фауны, собранные на острове, могли храниться там, надежно защищенные от жары и сырости. Места было очень много, и даже громоздкие предметы можно было разместить довольно удобно. Кроме того, при необходимости колонисты могли воспользоваться и верхней маленькой пещерой, которую можно было назвать чердаком их новой квартиры.

Проект дворца был окончательно утвержден, и колонистам оставалось только привести его в исполнение. Недавние химики и минеры снова превратились в кирпичников, а затем стали переносить изготовленные кирпичи и складывать их на берегу около фундамента Гранитного дворца.

До сих пор Смит и его спутники проникали в пещеру только через старый водосток. При таком способе сообщения им приходилось сначала подниматься на плато Дальнего Вида, делая крюк по крутыму берегу реки, спускаться на двести футов по узкому тоннелю и вновь подниматься опять на такую же высоту, чтобы выйти из пещеры. Все это было утомительно и требовало очень много времени. Поэтому Сайрес Смит решил немедленно приступить к изготовлению крепкой веревочной лестницы, подняв которую можно сделать Гранитный дворец совершенно недоступным.

Лестница шла снизу до самых дверей дворца. Веревки, заменяющие перила, были сплетены с помощью ворота из тонких и гибких волокон одного волокнистого растения, очень тщательно обработанного, и по прочности не уступали самому толстому корабельному канату. Что касается ступенек, то их выстругали из легких, но прочных веток красного кедра, как бы специально предназначенных для этой цели. Вся работа была выполнена искусными руками Пенкрофа.

Так же тщательно моряк сплел еще несколько бухт более тонких веревок, с помощью которых устроили нечто вроде подъемной машины с блоком у самой двери. Таким образом, кирпичи можно было легко поднимать до самой двери Гранитного дворца. Благодаря устройству подъемной машины значительно упрощалась доставка в пещеру разных строительных материалов, и поэтому решено было немедленно приниматься за внутреннюю отделку. В извести недостатка не было, а кирпичей изготовили несколько тысяч штук. Кладка перегородок шла очень быстро, и вскоре все помещение разделили в соответствии с проектом на комнаты и кладовые.

Все работы выполнялись под руководством инженера, который не оставался праздным и не хуже заправского каменщика клал свой участок стены. Сайрес Смит не отказывался ни от какой работы и служил примером своим понятливым и усердным помощникам. Они работали спокойно, дружно, весело, перебрасываясь шутками и остротами. Особенно отличался Пенкроф, у которого, казалось, был неистощимый запас каламбуров и смешных словечек. То плотник, то канатчик, то каменщик, он просто заражал своим хорошим расположением духа всю маленькую компанию. Доверие его к инженеру было безгранично, и ничто не могло его изменить. Он считал Смита способным на все и заранее был уверен, что все будет непременно так, как хотел инженер. Вопрос об одежде и обуви, бесспорно, вопрос очень важный, освещение дворца зимними вечерами, обработка плодородных земель и выращивание культурных растений, в том числе хлебных злаков, – все этоказалось ему делом очень легким, если только Сайрес Смит возьмется за него. Мечты его шли гораздо дальше. Он уже превратил реки в каналы, вырыл новые и использовал их для перевозки богатств земли, разрабатывал камено-ломни, сооружал фабрики и заводы с паровыми и водяными двигателями и даже строил железные дороги!.. Да, именно железные дороги, которые должны были в один прекрасный день густой сетью покрыть остров Линкольна.

Инженер не мешал Пенкрофу фантазировать и не старался охладить пыл преданного моряка. Пенкроф, правда, хватал через край, но ведь в нем говорило его преклонение перед гением инженера. Сайрес Смит так это и понимал и даже улыбался, слушая моряка, но, конечно, и не думал рассказывать о том, как он беспокоится о будущем их колонии. А между тем опасения инженера были вполне основательны: их остров лежал в стороне от курса кораблей, в мало посещаемой части Тихого океана, и колонисты могли умереть, так и не дождавшись спасения. Поэтому они должны были рассчитывать только на самих себя и больше ни на кого. Остров Линкольна находился так далеко от любого материка, что любая попытка доплыть до обитаемой земли на самодельной лодке была бы очень рискованной и опасной. Кроме того, их лодка, вероятно, не выдержала бы такого длительного плавания.

Но, как говорил моряк, они могли дать сто очков вперед прежним робинзонам, которые считали чудом, когда им удавалось сделать какую-нибудь самую простую вещь. И в самом деле, колонисты и сами многое «знали», а кроме того, с ними был человек, который не только «все знал», но и «все умел» делать.

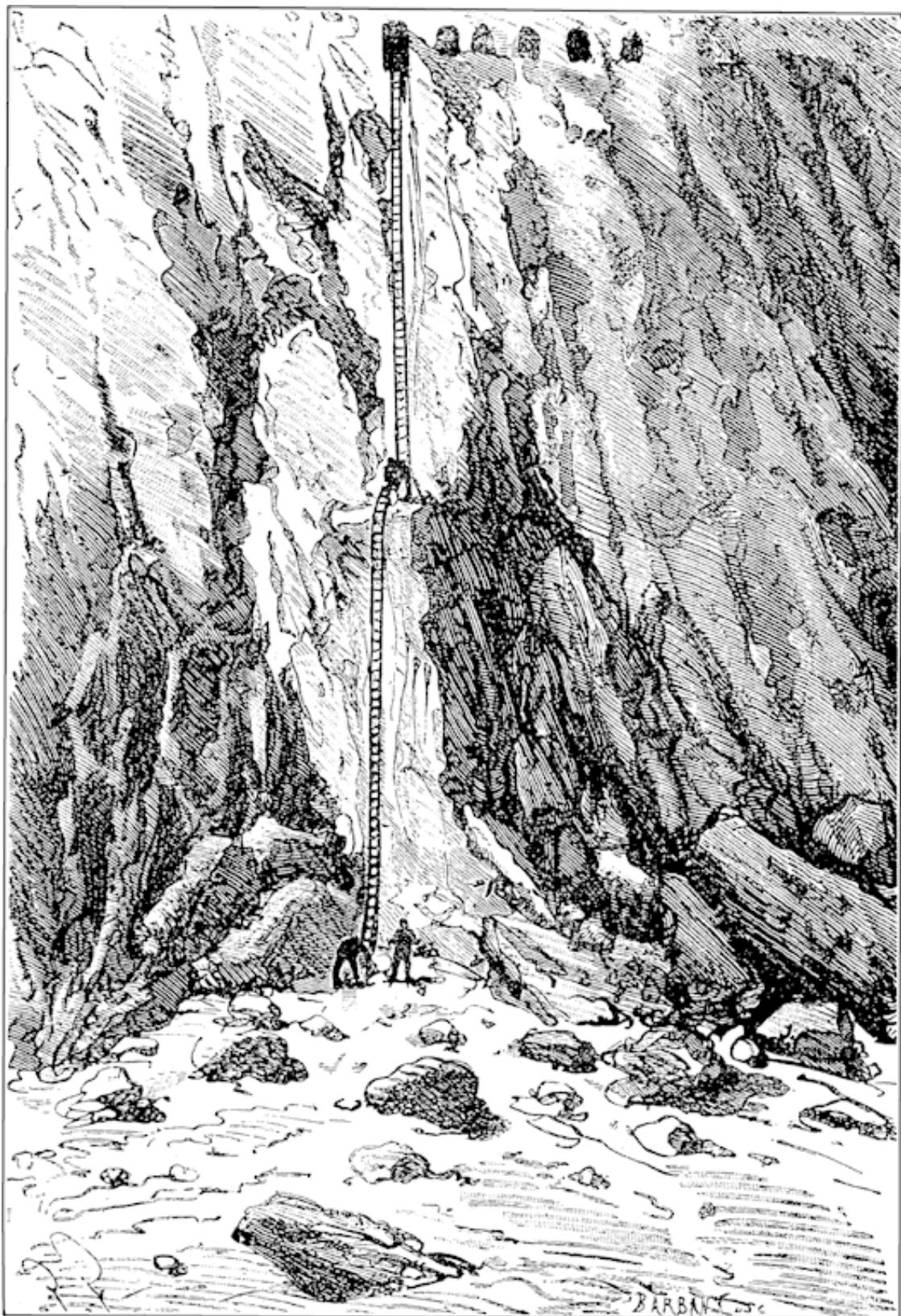
Во время работы особенно отличался Герберт. Умный и трудолюбивый, он быстро все схватывал и прекрасно выполнял задания инженера. Сайрес Смит с каждым днем все больше привязывался к симпатичному мальчику, как к сыну. Герберт относился к инженеру с уважением и любовью. Пенкроф, конечно, видел, что его воспитанник и инженер подружились, но нисколько не ревновал.

Наб оставался верен себе. Как всегда, он был олицетворением храбрости, усердия, самоотвержения и преданности своему господину. Он также слепо верил в инженера, как и Пенкроф, но выражал свой восторг не так шумно. Когда моряк в порыве энтузиазма принимался кричать «ура», Наб всем своим видом словно говорил ему: «Не понимаю, что вы находите тут такого необыкновенного!.. По-моему, иначе и быть не могло!..» Впрочем, Пенкроф и Наб очень подружились и даже незаметно для себя быстро перешли на «ты».

Что касается Гедеона Спилета, то он тоже охотно принимал участие в общей работе и оказался ловким и умелым, что немного удивляло Пенкрофа. Этот «газетчик» не только понимал, что именно нужно сделать, но, кроме того, умел и работать не хуже других.

Лестницу окончательно установили 28 мая. В ней было не меньше ста ступеней при общей длине восемьдесят футов. Сайресу Смиту удалось, к счастью, разделить ее на две части, воспользовавшись тем, что как раз посередине, на высоте сорока футов над землей, в стене имелся выступ. Этот выступ немного расширили и разровняли киркой, так что образовалась маленькая площадка. К ней прикрепили нижнюю половину лестницы. Благодаря этому она стала гораздо меньше раскачиваться, а при необходимости ее с помощью остроумно приспособленных веревок можно было поднимать наверх, до уровня Гранитного дворца. Вторую половину лестницы прикрепили нижним концом к площадке, а верхним – к двери. Таким образом подниматься по лестнице стало значительно легче. Впрочем, Сайрес Смит рассчитывал со временем построить гидравлический подъемник, чтобы не тратить силы и время, взбираясь по лестнице.

Колонисты быстро научились пользоваться лестницей. Все они были сильными и ловкими, и Пенкроф, привыкший карабкаться по вантам, преподал им несколько практических уроков. Топ тоже нуждался в обучении. Бедное животное не было приспособлено для лазанья по веревочным лестницам, но Пенкроф так усердно занимался с собакой, что Топ смог самостоятельно, без посторонней помощи, так же быстро и проворно подниматься и спускаться по лестнице, как это делают его родичи на представлениях в цирке. Моряк, конечно, гордился успехами своего ученика. Впрочем, очень часто он на своих плечах поднимал его наверх, на что умный Топ никогда не жаловался.

Следует заметить, что во время производства строительных работ, которые надо было закончить до наступления периода дождей, не был забыт и вопрос о заготовке больших запасов провизии. Ежедневно Спилет и Герберт, добровольно принявшие на себя обязанности поставщиков колонии, посвящали несколько часов охоте. Они пока еще охотились в лесу Якамара, на левом берегу реки Милосердия, потому что за неимением лодки или моста не могли пере-

браться на другой берег реки. Поэтому огромные леса Дальнего Запада до сих пор оставались неисследованными, и пернатая дичь с левого берега перебиралась на правый, где могла не бояться никаких охотников. По совету инженера экспедицию в леса Дальнего Запада отложили до первых хороших дней будущей весны. Но охотники пока не жаловались: в лесах Якамара водилось немало кенгуру и диких кабанов, а короткие со стальными наконечниками копья, луки и стрелы охотников великолепно справлялись со своим делом. Кроме того, Герберт обнаружил недалеко от юго-западной оконечности озера довольно большую, немного болотистую лужайку, поросшую ивами и ароматическими травами, распространявшими в воздухе благоухание. Здесь росли тимьян, чабрец, базилик, чабер, – словом, все виды ароматических растений семейства губоцветных, которые так любят кролики.

Гедеон Спилет, выслушав рассказ Герberта, заметил, что, если там «для кроликов накрыт стол, значит, они должны быть где-то поблизости».

Охотники тщательно осмотрели всю лужайку. Молодой натуралист очень любил это место и собирал здесь растения и для гербария, и для лекарственных целей. Дома у него уже имелся порядочный запас базилика, розмарина, мелиссы, буквицы и других трав, которые обладают различными терапевтическими свойствами: одни оказывали вяжущее, другие жаропонижающее действие, третьи употреблялись против грудных болезней, лихорадки и ревматизма, а четвертые помогали от судорог. Пенкроф как-то спросил Герберта, зачем ему нужна эта куча травы.

– Как на что? Лечиться, если кто-нибудь из нас заболеет...

– Как же мы можем заболеть, если на всем острове нет ни одного доктора? – с самым серьезным видом возразил Пенкроф.

На это ответить было нечего, но юноша тем не менее продолжал собирать различные травы, к большому удовольствию обитателей Гранитного дворца. Кроме чисто лекарственных растений, он разыскал и принес довольно большое количество листьев монарды, широко известной в Северной Америке, из которых получается превосходный напиток со вкусом бергамота под названием «чай Освего».

После долгих поисков охотники наконец нашли место, где водились кролики. Почва у них под ногами была вся изрыта небольшими норками.

– Норки! – закричал Герберт.

– Да, – ответил Спилет, – я тоже их вижу.

– Но живет ли там кто-нибудь?

– В этом-то и весь вопрос.

Вопрос очень скоро решился сам собой. Не успели охотники сделать еще десять шагов, как вдруг сотни маленьких зверьков, очень похожих на кроликов, выскочили из норок и разбежались в разные стороны так быстро, что даже Топу не удалось догнать ни одного из них. Однако Гедеон Спилет твердо решил не уходить с лужайки до тех пор, пока не будет иметь по крайней мере полдюжины этих грызунов. Ему хотелось принести в Гранитный дворец несколько экземпляров новой дичи, а потом он думал заняться приручением кроликов. Для этого надо было только расставить ловушки и разложить силки у самых норок. Но у него не было с собой силков, и сделать их было не из чего. Поэтому охотники принялись осматривать норки одну за другой и раскапывать их палкой. Наконец, после целого часа работы, они добились того, чего хотели. Четыре грызуна лежали в их охотничьих сумках. Это были так называемые американские кролики, очень похожие на своих европейских сородичей.

Охотники с торжеством принесли добычу в Гранитный дворец, и вечером на ужин подали кроликов, приготовленных по всем правилам кулинарного искусства. Жаркое оказалось очень вкусным, поэтому пренебрегать кроликами отнюдь не следовало. Благодаря открытию Герберта колония могла считать себя обеспеченной на многие годы.

31 мая кладка перегородок была закончена. Оставалось только меблировать комнаты, и это должно было занять обитателей дворца в длинные зимние вечера.

В первой комнате, отведенной под кухню, поставили печь. Печникам пришлось немало потрудиться над устройством дымохода. Не имея возможности вывести трубу вверх, через крышу, Сайрес Смит решил, что проще всего сделать ее из обыкновенной глины и в наклонном положении вывести в небольшое отверстие, пробитое в стене над кухонным окном. Снаружи трубу не было видно, потому что ее довели только до отверстия и в этом месте тщательно обмазали глиной. При сильном восточном ветре, дующем прямо на фасад Гранитного дворца, печь, вероятно, будет дымить, и даже очень сильно. Но восточный ветер в этой полосе дует не очень часто, к тому же повар колонии Наб не обращал внимания на такие пустяки, как дым.

Когда работы по внутренней отделке помещения были закончены, инженер решил загородить внешнее отверстие старого водостока, чтобы совершенно закрыть доступ в пещеру со стороны озера. Отверстие тоннеля завалили большими камнями и скрепили их цементом. Смит пока еще не мог привести в исполнение свое намерение скрыть это отверстие под водой, подняв уровень воды в озере с помощью плотины. Он ограничился тем, что засыпал это место землей, прикрыл дерном и посадил кустарник. С наступлением весны растения должны были пышно разрастись.

Тем не менее инженер воспользовался старым водостоком для того, чтобы провести пресную воду из озера в Гранитный дворец. Небольшое отверстие, пробитое ниже уровня озерной воды, доставляло колонистам ежедневно не менее двадцати пяти – тридцати галлонов¹⁴ воды в день. Благодаря этому жители Гранитного дворца избавились от необходимости носить воду и никогда не испытывали в ней недостатка.

Наконец все самые необходимые работы были закончены, и как раз вовремя, потому что наступала ненастная пора. Но колонисты могли теперь не бояться зимы. В ожидании, пока инженер примется за изготовление стекол, окна закрывали на ночь толстыми ставнями, которые смастерили Пенкроф. Гедеон Спилет очень артистично расположил на выступах скалы, вокруг окон, разные красивые растения и длинные стебли травы, что очень украсило внутренний вид помещения.

Из окон открывался прекрасный вид на море, которое на горизонте сливалось с небом и ограничивалось слева, на севере, мысом Челюстей, а справа, на юге, – мысом Когтя. Вся бухта Союза расстилалась перед взорами колонистов во всем своем великолепии.

Да, обитатели Гранитного дворца имели полное право гордиться собой и своим надежным жилищем. Пенкроф бурно расхваливал это чудесное помещение, которое он в шутку называл «квартирой на пятом этаже под антресолями».

¹⁴ Галлон равняется почти 4,5 литра.

Глава двадцатая

Дождливое время года. – Вопрос об одежде. – Охота на тюленей. – Свечной завод. – Внутренняя отделка Гранитного дворца. – Два мостика. – Возвращение с устричной отмели. – Что нашел Герберт у себя в кармане.

Зимний сезон наступил в июле, который в этом пояссе соответствует европейскому декабрю. Он начался непрерывными ливнями и штормами. Обитатели Гранитного дворца теперь смогли оценить по достоинству все преимущества своего жилища, защищенного от ненастя. Временное убежище в Гротах, конечно, не спасло бы их от холода в такую плохую погоду, кроме того, сильный ветер мог пригнать громадные волны и затопить их на более или менее продолжительное время. Сайрес Смит, впрочем, на всякий случай предпринял некоторые меры предосторожности, чтобы защитить от разрушения кузницу и печи для обжига, устроенные в Гротах.

Весь июнь колонисты занимались самой разнообразной работой, включая охоту и рыбную ловлю, благодаря чему кладовые были обильно снабжены провизией. Пенкроф, кроме того, собирался воспользоваться первым свободным днем и заготовить ловушки, в которые он рассчитывал ловить даже крупных животных. Он сделал силки из растительных волокон, и не проходило дня, чтобы в них не попалось несколько кроликов. Наб целый день коптил или солил их мясо, заготовливая его впрок.

С приближением холодов наступило время серьезно подумать об одежде. У колонистов не было другой одежды, кроме той, что была надета на них в момент крушения шара. Одежда, правда, была теплая и еще прочная, – они бережно о ней заботились, точно так же, как и о белье, – но все же требовала замены. К тому же, если зима будет суровой, колонистам понадобится зимняя одежда, чтобы не замерзнуть.

Сайрес Смит, при всей своей изобретательности, упустил это из виду. Он должен был заботиться об удовлетворении самых неотложных потребностей: устроить жилище, обеспечить продовольствие, а холода могли наступить гораздо раньше, чем будет окончательно решен вопрос об одежде. Приходилось смириться и как-нибудь перезимовать без теплой одежды и, может быть, немного померзнуть во время сильных холодов. Но колонисты острова Линкольна были не такие люди, чтобы горевать о «таких пустяках», как говорил Пенкроф. Как только прекратятся дожди и стихнет ветер, они устроят большую охоту на горных баранов, которых видели во время восхождения на гору Франклина, и, если охота будет удачна, инженер, наверное, сумеет изготовить из шерсти теплую и прочную материю... Каким образом? Это будет ясно потом.

– Ну, а пока будем отогреваться у камина в Гранитном дворце! – сказал Пенкроф. – Топлива у нас в запасе много, и беречь его нечего... А понадобится – привезем еще!

– Кроме того, – заметил Гедеон Спилет, – остров Линкольна лежит на такой широте, что зима здесь, вероятно, не очень суровая. Сайрес, вы как-то говорили, что в Северном полушарии на тридцать пятой параллели лежит Испания?

– Совершенно верно, – ответил инженер. – Но ведь и в Испании бывают иногда очень холодные зимы! Там бывает и снег, и лед, – словом, я думаю, что и на острове Линкольна может быть такая же суровая зима. Но так как мы на острове, то климат здесь, вероятно, более теплый.

– А почему, мистер Сайрес? – спросил Герберт.

– Видишь ли, мой мальчик, океан можно рассматривать как огромный резервуар, в котором летом скапливаются запасы тепла. С наступлением зимы океан возвращает это тепло, и поэтому в местностях, расположенных по берегам морей или даже близких к ним, летняя температура ниже, а зимняя выше, чем в глубине материка.

— Посмотрим, — сказал Пенкроф. — Я, во всяком случае, с этого момента перестану думать о зимнем холоде — будет он или нет. Холод не беда, а вот скверно, что дни стали очень короткими, а вечера чертовски длинными. Не пора ли обсудить вопрос об освещении?

— Нет ничего проще, — ответил Сайрес Смит.

— Обсудить? — спросил моряк.

— Нет, решить этот вопрос.

— А когда же мы займемся этим делом?

— Да, пожалуй, завтра. Только сначала устроим охоту на тюленей.

— Вы хотите делать сальные свечи?

— Что вы, Пенкроф! Зачем нам сальные свечи, когда мы можем сделать стеариновые!

Действительно, план инженера был вполне осуществим, потому что у него имелись известь и серная кислота, а тюлени могли дать ему жир, необходимый для изготовления стеариновых свечей.

На следующий день, 5 июня, несмотря на плохую погоду, они отправились на островок. Опять пришлось ждать отлива, чтобы перейти пролив вброд, и поэтому Пенкроф решил непременно построить лодку, которая облегчит сообщение с островом. Кроме того, на этой лодке можно будет подняться вверх по реке Милосердия, когда они отправятся на исследование юго-западной части острова, которое было отложено до первых ясных дней.

Тюленей на острове оказалось очень много, и охотники, вооруженные копьями с железными наконечниками, убили не меньше полдюжины. Наб и Пенкроф сняли с тюленей шкуры и жир и перенесли все это в Гранитный дворец. Жир предназначался для отливки свечей, а из шкур можно было сшить крепкие сапоги.

По самым скромным подсчетам, колонисты получили около трехсот фунтов жира, который инженер решил потратить исключительно на свечи.

Процесс изготовления свечей оказался довольно простым, и, хотя полученные изделия не отличались совершенством, они были вполне пригодны к употреблению. Если бы Сайрес Смит имел в своем распоряжении только серную кислоту, даже тогда, нагревая ее вместе с нейтральным жиром, — в данном случае с тюленым, — он мог бы отделить глицерин. Затем уже совсем легко было бы выделить олеин, маргарин и стеарин, использовав для этого кипящую воду. Но, желая еще более упростить эту и без того нехитрую операцию, инженер предпочел превратить жир в мыло с помощью известки. В результате он получил известковое мыло, легко разлагающееся под действием серной кислоты, которая осадила известь в виде сернокислой соли и освободила жирные кислоты. Из этих кислот — олеиновой, маргариновой и стеариновой, — первая, как самая жидккая, была удалена сильным давлением на массу. Что касается двух остальных кислот, то они и были нужны для отливки свечей.

Весь процесс производства продолжался не более двадцати четырех часов. Фитили после нескольких неудачных опытов были сделаны из растительных волокон, затем их обмакивали в растопленную массу и получали настоящие стеариновые свечи ручной формовки. От свечей фабричного производства они отличались грязно-желтоватым цветом и тем, что не были отшлифованы. Кроме того, фитили не были пропитаны борной кислотой, как это делается на свечных заводах для того, чтобы на свечах не образовывался нагар и чтобы фитили сгорали полностью, но это были уже такие пустяки, о которых и говорить не стоило. Сайрес Смит собственноручно сделал пару отличных щипцов для снятия нагара, и колонисты уже не сидели в потемках длинными зимними вечерами, которые иначе показались бы им очень скучными.

Теперь работа в новом жилище не прекращалась даже по вечерам. Особено много дел было у столяров. Они то переделывали старое, то по чертежам инженера делали новые вещи. Слесари пополнили набор инструментов и усовершенствовали старые. Между прочим, удалось изготовить ножницы, и колонисты смогли наконец постричься и если не сбрить, то хотя бы

подкоротить свои бороды. У Герберта и у Наба бород не было, зато остальным товарищам ножницы очень пригодились.

Больших трудов стоило им сделать ручную пилу типа ножовки из тонкой стальной пластиинки, но в конце концов и это было сделано, и колонисты могли теперь распиливать брусья на доски. В Гранитном дворце появились столы, скамейки, шкафы и, конечно, кровати в виде рам, на которые вместо матрацев положили сухие водоросли. Кухня выглядела очень уютно. На полках в строгом порядке была расставлена глиняная посуда. Огонь в печи пыпал с утра до ночи, и Наб торжественно расхаживал от печки к столу и обратно, точно ученый химик в своей лаборатории.

Впрочем, столярами пришлось работать не очень долго, потому что вскоре опять понадобились плотники. С появлением нового водостока потребовалось построить два мостики для перехода через поток: один – наверху, на плато, а другой – внизу, между подножием скалы и берегом моря. Теперь плато и берег были перерезаны потоком, и для того чтобы попасть на северную часть острова, нужно или идти вброд по воде, или же идти к западу и огибать истоки Красного ручья. Чтобы не делать такой большой крюк, проще было построить мостики длиной от двадцати до двадцати пяти футов. Пенкроф и Наб принялись за дело и за два-три дня смастерили два прочных мостики из довольно толстых бревен, обтесанных топором. Закончив работу, они первыми обновили один из мостиков и посетили устричную отмель, где не были очень давно. Отправляясь за устрицами, они захватили с собой маленькую тачку вместо неудобных носилок и привезли несколько тысяч устриц, которых решили разводить на отмели среди скал в естественных садках возле устья реки Милосердия. Устрицы быстро обжились, и теперь колонисты ели их почти ежедневно.

Несмотря на сравнительно небольшие размеры острова, который к тому же был не до конца исследован, колонисты теперь имели почти все необходимое. Пенкроф как-то заметил, что, когда они отправятся в леса Дальнего Запада и дойдут до мыса Аллигатора, то, вероятно, найдут там новые богатства и уже не будут испытывать ни в чем нужды.

Одного только важного продукта пока еще не было у колонистов. Белковой и растительной пищи у них было достаточно. Волокнистые корни драцены, распаренные и перебродившие, давали им кисловатый напиток вроде пива, который они пили вместо холодной воды. Не имея ни тростника, ни свеклы, они добывали сахар, собирая сок, вытекающий из надрезов в стволе сахарного клена, который в изобилии рос на острове. Вместо чая они пили вкусный настой из листьев монарды, собранных в первый раз на лужайке, где водились кролики. У них даже была соль, этот единственный минеральный продукт, необходимый для питания человека, но... но хлеба у них не было ни крошки.

Может быть, впоследствии колонистам удастся заменить его каким-нибудь суррогатом, например мукой саговой пальмы или крахмалистым содержимым плодов хлебного дерева. И хотя до сих пор эти ценные деревья им не попадались, возможно, они встречаются в лесах на юге острова.

Однако и тут, как и раньше, сама судьба пришла на помощь колонистам в ту минуту, когда они меньше всего этого ожидали. Помощь эта могла показаться ничтожной, но Сайрес Смит при всем своем гениальном уме и изобретательности никогда не мог бы создать то, что совершенно случайно Герберт нашел однажды в подкладке своей куртки.

В этот день шел проливной дождь, и колонисты собрались в большом зале Гранитного дворца. Вдруг Герберт радостно воскликнул:

– Взгляните-ка, мистер Сайрес!.. Вот так находка!.. Хлебное зерно!..

И он показал своим товарищам зернышко, одно-единственное зернышко, которое сквозь дырку в кармане попало за подкладку его куртки. В Ричмонде Герберт имел привычку кормить голубей, которых ему подарил Пенкроф.

– Хлебное зерно? – быстро переспросил инженер.

– Да, мистер Сайрес, одно-единственное зернышко!

– Эх, дитя мое, – с улыбкой сказал Пенкроф, – немного же ты нашел!.. Что можно сделать из одного хлебного зерна?

– Мы испечем из него хлеб, – ответил Сайрес Смит.

– Хлеб, пироги, торты! – подхватил моряк. – Все это хорошо на словах, а на самом деле нам еще очень и очень долго придется ждать, когда станем печь хлеб из этого зерна!..

Герберт тоже не придал особого значения своей находке и хотел выбросить зерно за окно, но Смит не позволил ему этого, взял зерно у него из рук и, внимательно осмотрев, убедился, что зерно прекрасно сохранилось и не утратило своей всхожести. Затем, пристально глядя на моряка, спросил:

– Пенкроф, знаете ли вы, сколько колосьев может дать одно хлебное зерно?

– Один, я думаю! – ответил моряк, удивленный этим вопросом.

– Целых десять, Пенкроф! А знаете ли вы, сколько бывает в одном колосе зерен?

– Откуда же мне это знать?

– В среднем – восемьдесят зерен, – торжественно объявил Смит. – Значит, если мы посадим это зерно, то после первой же жатвы будем иметь восемьсот зерен. После второй жатвы эти восемьсот зерен дадут нам шестьсот сорок тысяч, после третьей – пятьсот двенадцать миллионов и после четвертой – более четырехсот миллиардов зерен. Вот в какой пропорции будет возрастать количество зерен.

Товарищи инженера Смита слушали его молча. Цифры эти их ошеломили.

– Да, друзья мои, – продолжал инженер. – Вы поражены, а между тем это действительно так. Природа умеет щедро вознаграждать за труды. Но вы еще больше удивитесь, когда я вам скажу, что урожай в восемьсот зерен ничто по сравнению с одним маковым зернышком, приносящим тридцать две тысячи семян. А каждое табачное зернышко дает свыше трехсот шестидесяти тысяч зерен. За несколько лет эти растения заполнили бы собой всю землю, если бы только их размножению не мешали тысячи разных причин.

Инженер, видимо, решил поразить в этот день своих слушателей цифрами и, обращаясь к моряку, снова спросил:

– А не знаете ли вы, Пенкроф, сколько выйдет мер из четырехсот миллиардов зерен?

– Нет, не знаю, – сердито отвечал моряк, – зато я отлично знаю, что сам я просто-напросто осел!

– Ну, так я вам скажу! Это составило бы больше трех миллионов мер, считая по сто тридцать тысяч зерен в мере.

– Три миллиона мер! – воскликнул Пенкроф.

– Да, три миллиона.

– За четыре года?

– За четыре года, даже за два года, если, как я надеюсь, нам удастся в этих широтах собирать по два урожая в год.

На это развеселившийся Пенкроф по своему обыкновению мог ответить только громким «ура».

– Итак, Герберт, – добавил инженер, – ты совершенно случайно сделал чрезвычайно важную для нас находку. В тех условиях, в каких мы находимся, друзья мои, нам все может пригодиться. Пожалуйста, не забывайте этого.

– Не беспокойтесь, мистер Сайрес, мы этого не забудем, – ответил за всех Пенкроф. – Если я где-нибудь найду то самое табачное семечко, из которого получится триста шестьдесят тысяч семян, даю вам слово, что я не брошу его на ветер. А теперь знаете, что нам остается делать?

– Нам остается посадить это зерно, – сказал Герберт.

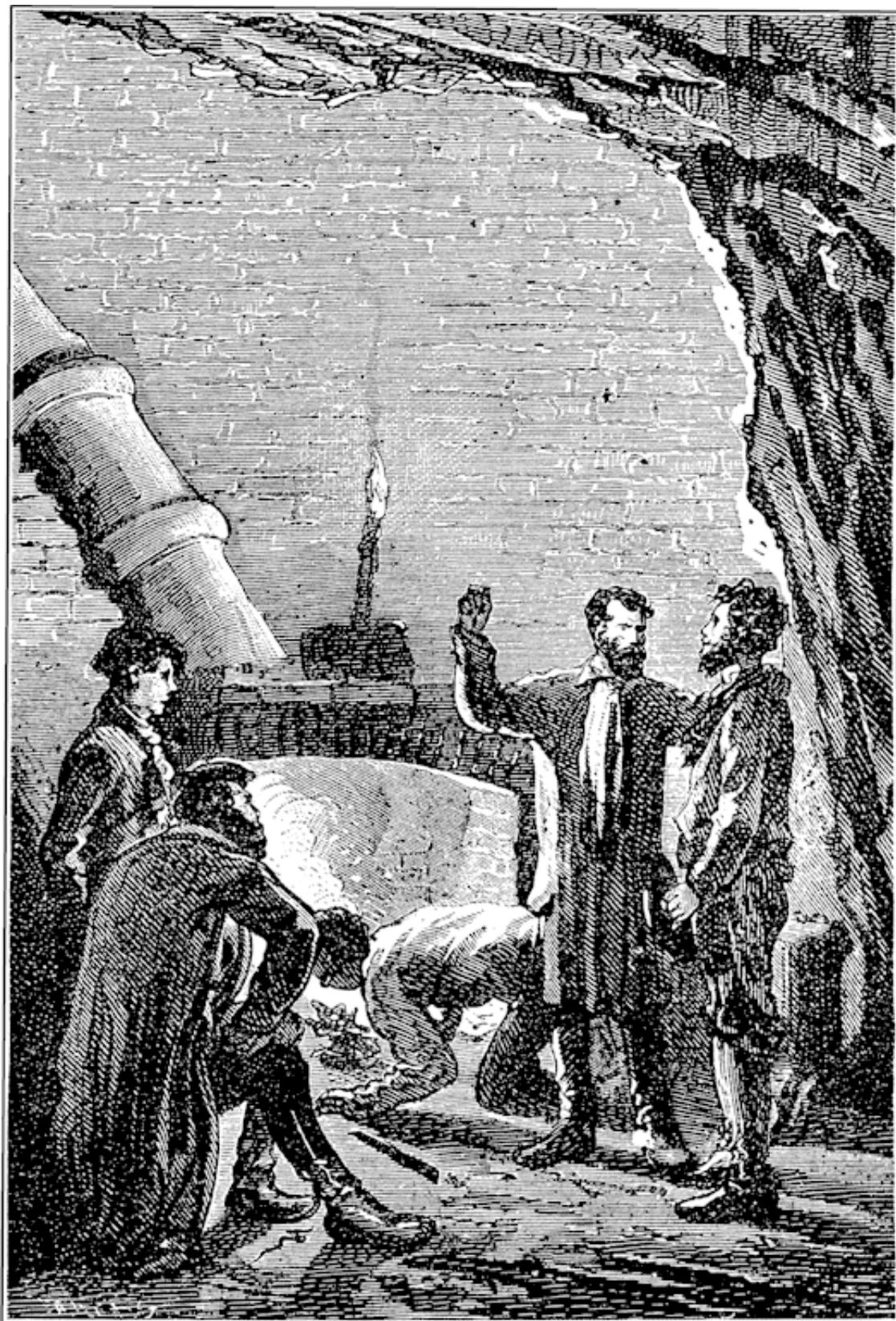
– Да, – вмешался в разговор Гедеон Спилет, – и притом со всеми подобающими ему почестями, потому что от него зависит наше будущее.

– Лишь бы оно только взошло! – воскликнул Пенкроф.

– Оно взойдет! – успокоил его Сайрес Смит.

Было 20 июня – время как раз подходящее для посева единственного драгоценного хлебного зернышка. Сначала хотели посадить его в горшок, но, подумав, решили положиться на природу и посадить его прямо в землю в тот же день. Конечно, приняли все меры для того, чтобы зерно не пропало.

Погода немного прояснилась, и колонисты отправились на крышу Гранитного дворца, точнее, поднялись на вершину плато. Там они тщательно выбрали местечко, защищенное от ветра и доступное солнечным лучам, расчистили его, выпололи и даже разрыхлили, чтобы удалить насекомых и червей. Затем на это место насыпали слой хорошей земли, удобренной небольшим количеством фосфорнокислой извести, огородили «поле» и, наконец, посадили драгоценное зернышко в слегка влажную землю.

Можно было подумать, что колонисты закладывают здесь фундамент своего благосостояния. Это напомнило Пенкрофу тот день, когда он зажигал единственную спичку и дрожал от страха, что она может погаснуть. Но на этот раз дело было гораздо серьезнее. И в самом деле, островитянам все равно удалось бы добить огонь тем или иным способом, но никакие человеческие силы не могли бы воссоздать новое хлебное зерно, если бы оно, к несчастью, погибло.

Глава двадцать первая

Несколько градусов ниже нуля. – Исследование болот на юго-востоке острова. – Лисицы. – Вид на море. – Беседы о будущем Тихого океана. – Непрестанная работа инфузорий. – Будущее земного шара. – Охота. – Болото Казарок.

С этой минуты не проходило и дня без того, чтобы Пенкроф не отправлялся взглянуть на местечко, которое он с самым серьезным видом называл своим «хлебным полем». И горе насекомым, которые вздумали бы туда забраться! Им нечего было ждать помилования.

К концу июня после беспрерывных дождей окончательно установилась холодная погода, и 29 числа термометр Фаренгейта, наверное, показал бы не больше двадцати градусов выше нуля ($6,67^{\circ}$ ниже нуля по Цельсию).

На следующий день, 30 июня, который соответствовал 31 декабря в Северном полуширении, была пятница. Суеверный Наб заметил, что старый год кончается тяжелым днем. Но Пенкроф с усмешкой возразил ему:

– Зато новый год начинается легким днем, а это гораздо важнее.

Несмотря на легкий день, новый год не очень любезно отнесся к колонистам и встретил их сильным морозом. В устье реки громоздились большие льдины, а озеро совсем замерзло, и можно было ходить по льду.

Из-за наступивших холодов запас топлива расходовался очень быстро, и колонистам пришлось несколько раз путешествовать в лес за сухим валежником. Пенкроф не стал дожидаться, пока река замерзнет, и плот за плотом сплавлял дрова по течению к устью реки. Там дрова выгружали на берег, а затем на тележке доставляли к подъемной машине и перетаскивали в одно из отделений кладовой, превращенной в дровяной сарай. Сплав леса производился до тех пор, пока реку не сковало льдом. К обильным запасам древесного топлива добавили и несколько тележек каменного угля, который добывали у подножия горы Франклина. Сильный жар от каменного угля был оценен по достоинству, когда температура понизилась еще на несколько градусов, – 4 июля было не больше восьми градусов по Фаренгейту (13° ниже нуля по Цельсию). Кроме печи в кухне, поставили еще камин в столовой, где обычно собирались все вместе в свободное время.

В эти морозные дни колонисты не раз хвалили Сайреса Смита за то, что ему пришла в голову остроумная мысль провести из озера Гранта небольшую струю воды прямо в Гранитный дворец. Эта маленькая струйка не замерзала всю зиму и, вытекая из-под льда, бежала сначала по руслу старого водостока, а затем собиралась в небольшом резервуаре, вырытом в углу за кладовой. Избыток воды стекал в колодец, а оттуда – в море.

Погода в это время стояла сухая, и колонисты решили, закутавшись как можно теплее, посвятить один день исследованию юго-восточной части острова, между рекой Милосердия и мысом Когтя. Местность эта привлекала их обширными болотистыми пространствами, и они рассчитывали хорошо там поохотиться на водяных птиц.

Колонисты предполагали, что им придется пройти около восемнадцати миль – около девяти миль туда и столько же обратно, – так что прогулка должна была занять весь день. Кроме охоты, они рассчитывали еще исследовать эту неизвестную им часть острова, поэтому в экспедиции приняла участие вся колония. И вот 5 июня все колонисты поднялись еще до рассвета, и в шесть часов утра, едва только начала разгораться заря на востоке, Смит, Спилет, Герберт, Наб и Пенкроф, вооружившись копьями, луками и стрелами, вышли из Гранитного дворца и тронулись в путь. Топ с громким лаем весело бежал впереди отряда. Для утоления голода захватили с собой провизию, а Пенкроф на всякий случай взял с собой силки.

Путешественники выбрали кратчайший путь и решили идти напрямик, то есть перейти реку Милосердия по льдинам. Но, как справедливо заметил журналист, льдины, к сожалению,

не всегда могут заменить собой настоящий мост. Поэтому постройка «настоящего» моста была включена в план будущих работ.

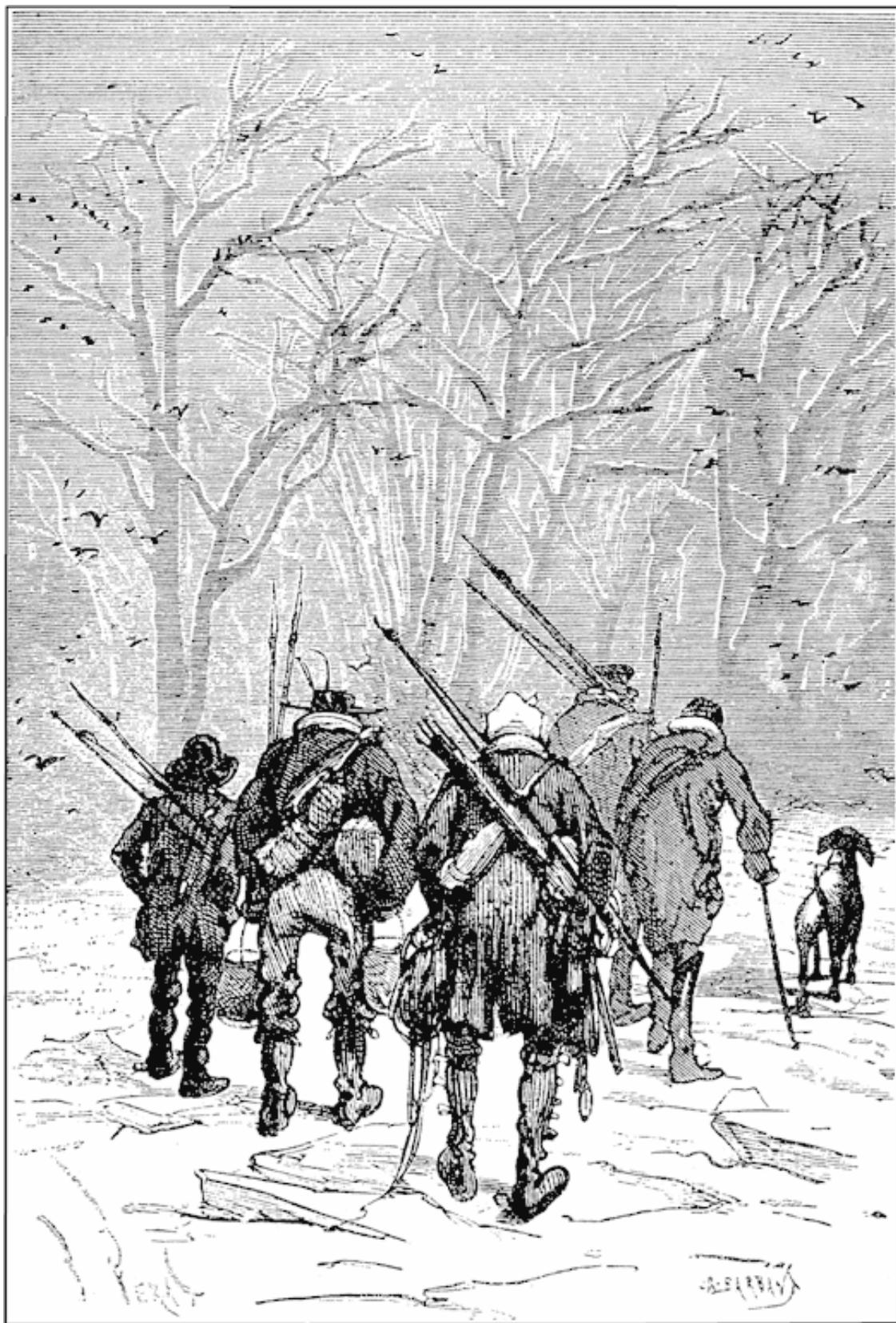
В этот день колонисты впервые вступили на правый берег реки Милосердия и вошли в прекрасный хвойный лес, покрытый снегом.

Не успели они пройти и полмили, как из густой чащи выскочило целое семейство четвероногих – вероятно, их потревожил лай Топа.

– А! Да это, кажется, лисицы! – воскликнул Герберт, смотря вслед убегающей стае.

Это и в самом деле были лисицы, но только очень крупные. Они заливались резким лаем, который удивил даже Топа, потому что он перестал их преследовать и дал этим быстроногим животным возможность скрыться.

Топ имел полное право удивляться, потому что он не знал естественной истории. Но эти лисицы своим лаем, похожим на собачий, рыжевато-серым цветом шерсти и длинными хвостами с белой кисточкой на конце, сами выдавали свое происхождение. Вот почему Герберт, не колеблясь, верно определил, каких именно животных он видел перед собой. Лисицы этой породы часто встречаются в Чили, на Фолкландских островах и на Американском континенте между тридцатой и сороковой параллелями. Герберт очень сожалел, что Топу не удалось поймать хотя бы одну лисицу.

— А их едят? — спросил Пенкроф, которого все животные на острове интересовали только с одной точки зрения: можно их есть или нельзя.

— Нет, — ответил Герберт. — Между прочим, зоологи до сих пор еще не определили, какой именно зрачок у этих лисиц: дневной или ночной, и не следует ли их отнести к роду собак.

Сайрес Смит не мог не улыбнуться, слушая рассуждения Герберта, высказываемые с таким серьезным видом. Что касается Пенкрофа, то после того, как он узнал, что мясо лисиц не годится в пищу, они перестали его интересовать. Однако он заметил, что, когда в Гранитном дворце будет устроен птичник, придется принять известные меры предосторожности против посещения этих четвероногих грабителей. Конечно, никто не стал ему возражать.

Обогнув оконечность небольшого мыса, выдававшегося почти посередине побережья, колонисты очутились на песчаном берегу, омываемом безбрежным океаном. Было еще только восемь часов утра. На ясном небе не было ни одного облачка, как это бывает во время продолжительных холодов. Но Сайрес Смит и его товарищи, разгоряченные ходьбой, почти не чувствовали холода. К тому же не было ветра, а при этом условии низкая температура переносится легче. Яркое, но почти не греющее солнце выплывало из-за синеющей глади океана, купаясь в волнах на горизонте. Благодаря полному штилю океан был удивительно спокоен в этот день. Синея, как небесная лазурь, он чуть колыхался, искрясь и переливаясь под косыми лучами утреннего солнца, напоминая средиземноморский залив. Мыс Когтя, изогнутый в виде ятагана, отчетливо виднелся не дальше чем в четырех милях к юго-востоку. Немного левее, прерывая линию болот, виднелся небольшой выступ вроде мыса. На этом берегу бухты Союза не было ни одного места, хотя бы немного защищенного от ярости морских волн, не было даже песчаной отмели, за которой мог бы укрыться корабль, гонимый восточным ветром.

Все указывало на то, что океан очень глубок у этих берегов. Позади, на западе, но не ближе чем в четырех милях, начинались леса Дальнего Запада. В этом месте колонисты сделали остановку для завтрака, развели костер из хвороста и сухих водорослей, и Наб подал холодную говядину и горячий чай освежо.

Во время завтрака колонисты продолжали осматривать окрестности. Эта местность была совершенно бесплодна в противоположность западной части острова. Спилет заметил, что если бы воздушный шар упал на это побережье, то они получили бы самое печальное представление о своем будущем местожительстве.

— А мне кажется, что мы не смогли бы даже добраться до берега, — сказал инженер, — потому что море здесь глубоко и нет ни одной скалы. Вспомните, перед Гранитным дворцом тянется мель, и довольно большая, затем этот маленький островок... Нет, там было гораздо больше шансов на спасение, а здесь никаких!

— Странно только, — заметил Гедеон Спилет, — что на этом небольшом острове такая разнообразная почва. Подобная неоднородность характерна скорее для обширных материков. Право, можно подумать, что западная часть острова Линкольна, такая богатая и плодородная, омыается теплыми водами Мексиканского залива, а вдоль северного и юго-восточного берегов как будто бы проходит течение Ледовитого океана.

— Вы совершенно правы, дорогой Спилет, — сказал Сайрес Смит. — Я и сам думаю точно так же. И природа, и очертания нашего острова кажутся мне очень необычными. Здесь сплетаются все характерные особенности материка. Он совсем не похож на обычный остров, и я не был бы удивлен, если бы мне сказали, что некогда он был частью континента.

— Что! Континент среди Тихого океана? — с удивлением спросил Пенкроф.

— А почему бы и нет? — ответил инженер. — Разве нельзя допустить, что Австралия, Новая Зеландия — весь комплекс, который английские географы называют Австралазией, — вместе со всеми архипелагами Тихого океана составляли когда-то шестую часть света, такую же большую, как Европа или Азия, Африка или обе Америки. Я лично считаю, что все острова, поднявшиеся со дна этого обширного океана, в сущности — верхние точки материка, который существовал в доисторическую эпоху.

— Вроде Атлантиды, — заметил Герберт.

— Да, дитя мое... если только она когда-нибудь существовала.

— И остров Линкольна, значит, часть этого материка? — спросил Пенкроф.

– Возможно, – ответил Сайрос Смит, – и это вполне объясняло бы разнообразие почвы, флоры и фауны, которое мы замечаем на его поверхности.

– И изобилие всевозможных животных!.. Я просто не верю своим глазам, открывая чуть не каждый день все новые и новые виды, – прибавил Герберт.

– Да, дитя мое, – ответил инженер. – Этим ты даешь еще один довод в пользу моего предположения. За время пребывания на острове мы успели убедиться, что животный мир здесь очень разнообразен. На это, конечно, должны быть причины, и самая главная из них заключается в том, что остров Линкольна когда-то составлял часть обширного континента, который мало-помалу опустился в Тихий океан.

– Значит, в один прекрасный день, остаток этого древнего материка тоже может исчезнуть под водой, и тогда в этих местах не будет ни одного островка между Америкой и Азией? – спросил Пенкроф, скептически относившийся к этим умным рассуждениям.

– Нет, – ответил Сайрес Смит. – Наоборот, появятся новые континенты, которые строят миллиарды миллиардов микроскопических животных даже в эту минуту.

– Что это за каменщики? – спросил Пенкроф.

– Коралловые полипы, – ответил Сайрес Смит. – Непрерывному труду этих микроскопических животных обязаны, между прочим, своим существованием остров Клермон-Тонер, все атоллы и бесчисленное множество коралловых островов и островков, разбросанных по Тихому океану. Сорок семь миллионов коралловых полипов весят всего один гран¹⁵. Между тем, работая день и ночь и поглощая минеральные и другие твердые вещества из морской воды, микроскопические кораллы перерабатывают их и отлагают в виде известковой массы, которая быстро сохнет и делается такой же твердой, как гранит. Одни поколения кораллов сменяются другими, и незначительный вначале кусок коралловой массы разрастается все больше и больше как в высоту, так и в ширину. Когда-то, в начале существования нашей планеты, природа создавала острова и континенты с помощью подземного огня, а теперь она возложила этот труд на микроскопических животных. Динамические силы подземного огня внутри нашего сферида, вероятно, значительно уменьшились, что доказывается, между прочим, тем, что многие вулканы в настоящее время уже потухли. Пройдут века, одни поколения коралловых рифов будут сменяться другими, и там, где сейчас плещутся волны Тихого океана, появится обширный континент, который заселят новые поколения людей…

– Ну, этого еще придется долго ждать! – заметил Пенкроф.

– Природа долговечнее нас и не любит торопиться, – ответил инженер.

– Все это прекрасно! – воскликнул Пенкроф, внимательно слушавший инженера. – Но скажите, пожалуйста, мистер Сайрес, наш остров тоже построен коралловыми полипами?

– Нет, – ответил Смит, – он чисто вулканического происхождения.

– Значит, в один прекрасный день он исчезнет?

– Возможно.

– Надеюсь, что нас здесь к тому времени не будет.

– Успокойтесь, Пенкроф, конечно, не будет, потому что ни у кого из нас нет ни малейшего желания умирать на этом острове, и я думаю, что рано или поздно нам все-таки удастся выбраться отсюда.

– А до тех пор, – сказал Гедеон Спилет, – будем устраиваться на нем, как если бы нам предстояло провести здесь всю нашу жизнь. Никогда ничего не следует делать наполовину.

На этом и прекратился разговор. Завтрак был окончен. Наб быстро уложил в сумку остатки провизии и посуду. Колонисты снялись с бивуака и пошли к болотам.

Это была сплошная топь, тянувшаяся примерно на двадцать квадратных миль. Почва здесь состояла из глинистого ила, смешанного с песком и перегнившими остатками болотных

¹⁵ Один гран равняется 59 миллиграммаммам.

растений. Все болото было покрыто мхом, ряской, камышом и осокой, и только кое-где, как оазисы, виднелись небольшие пространства, покрытые зеленым ковром мягкой густой травы. Местами блестели под лучами солнца замерзшие лужи. Такое огромное болото не могло образоваться ни от дождя, ни от внезапного разлива реки. Могло быть только одно объяснение причины возникновения этого болота: вода просачивалась на поверхность сквозь почву. Так и было в действительности. А раз это так, то было основание опасаться, что во время летней жары воздух в этой местности наполняется миазмами, которые вызывают болотную лихорадку.

Над болотом носились тысячи водяных птиц. Такое место – настоящая находка для охотника, и хороший стрелок здесь не потратил бы даром ни одного выстрела. Дикие утки, чирки, бекасы и болотные кулики то и дело взлетали стаями чуть не из-под ног охотников, которых подпускали к себе очень близко.

Одним выстрелом дробовика можно было бы уложить дюжину этих птиц, – так много было дичи на болоте. Но у охотников, к сожалению, не было ни одного ружья, и они ограничились стрельбой из лука, убивая птиц стрелами.

Такая охота, конечно, не дала особенно блестящих результатов, но имела и свое преимущество – бесшумные стрелы не распугали пернатых, которые при первом же выстреле из ружья разлетелись бы во все концы болота. Охотники удовольствовались на этот раз дюжиной уток, белых с коричневым пояском, зеленой головой, пятнистыми крыльями и плоским клювом. Герберт сказал, что это казарки. Топ тоже принимал деятельное участие в охоте, подбирая подбитых уток, названием которых охотники окрестили эту болотистую часть острова.

Еще одно важное открытие. Колонисты могли в любое время раздобыть здесь дичь, которая считается очень вкусной. Кроме того, можно было надеяться, что многие виды птиц удастся приручить или хотя бы акклиматизировать в окрестностях озера, что значительно приблизит их к потребителям.

Часов около пяти Сайрес Смит и его спутники двинулись в обратный путь и, миновав болото Казарок, опять пересекли реку Милосердия по ледяному мосту. В восемь часов вечера они были уже дома, в Гранитном дворце.

Глава двадцать вторая

Западни. – Лисицы. – Пекари. – Северо-западный ветер. – Снежная буря. – Корзинщики. – Самые сильные морозы. – Кристаллизация кленового сахара. – Таинственный колодец. – План исследований. – Дробинка.

Сильные холода продолжались до 15 августа, однако температура не опускалась ниже 15 градусов. В тихую безветренную погоду колонисты переносили мороз довольно легко, но, когда начинал дуть холодный ветер, он пронизывал колонистов насквозь, потому что у них не было теплой зимней одежды. Пенкроф очень жалел, что на острове им до сих пор не встретились медведи вместо тюленей и лисиц, шкурки которых его не вполне устраивали.

– Медведям, – рассуждал он, – нечего бояться холодов: у них теплые шубы, и я с удовольствием позаимствовал бы хотя бы одну…

– Но, – возразил, улыбаясь, Наб, – сначала нужно бы спросить медведей, согласятся ли они уступить нам свои шубы… Это ведь не кроткие овечки, с которых можно снимать шубу, не спрашивая их согласия!..

– Если бы они не согласились отдать нам свои шубы добром, мы заставили бы их это сделать силой, – ответил Пенкроф таким уверенным тоном, словно и в самом деле собирался привести в исполнение свою угрозу.

Но, по-видимому, этих хищников не было на острове, по крайней мере, до сих пор они еще не встречались.

Но если на острове не было медведей, зато водились другие животные, и Герберт, Пенкроф и Спилет решили поставить западни на плато Дальнего Вида и на лесной опушке. Моряку так хотелось обзавестись шубой, что он готов был сшить ее из любого меха, даже из шкуры грызунов вместе с лисьим мехом. Пусть это будет пестро, некрасиво – ему все равно, лишь бы было тепло.

Западни устраивали очень просто: рыли довольно глубокие ямы с отвесными стенками, сверху прикрывали их ветками и травой и в каждую яму клали приманку, запах которой должен был привлекать животных. Вот и все. Остается только добавить, что места для ям выбирали очень тщательно, по возможности там, где было больше следов, указывавших на частые визиты четвероногих. Пенкроф сам ежедневно осматривал все ловушки, в первое время даже по три раза в день, причем каждый раз находил в ямах добычу. К сожалению, пока попадались только лисицы, которых они уже видели на правом берегу реки Милосердия.

– Тыфу, пропасть! Тут, должно быть, нет никаких других зверей, кроме лисиц! – рассердился Пенкроф, когда в третий раз вытащил одного из этих зверьков из ямы. – На что нам эти негодные твари? Герберт говорил, что есть их нельзя, а на одну шубу их нужно чуть ли не целую сотню!

– Напрасно вы сердитесь, Пенкроф! – сказал Гедеон Спилет. – Эти лисицы нам могут пригодиться.

– Интересно бы знать, на что они могут сгодиться.

– А хотя бы на приманку для других плотоядных животных!

Журналист был прав, и, начиная с этого дня, в ямы опускали в виде приманки трупы лисиц.

Моряк, кроме того, сплел много силков из тростникового волокна, и эти силки оказались гораздо полезнее ловушек. Не проходило почти ни одного дня, чтобы в какой-нибудь силок не попался кролик из числа тех, что водились на лужайке. Кролики, правда, немного приелись, но Наб был такой хороший повар и с таким искусством готовил кроликов под различными соусами, что колонисты не жаловались на однообразие пищи.

Однако в конце первой половины августа в западню раза два попали уже не лисицы, а другие, более полезные животные. Это были кабаны, которых колонисты уже видели на северном берегу озера. Пенкроф теперь никого не спрашивал, можно этих животных есть или нет. Это и так было ясно по сходству кабана с американской или европейской свиньей.

– Но ведь это не свинья, – сказал ему Герберт, – предупреждаю тебя, Пенкроф.

– Мне все равно, мой мальчик, – ответил моряк, наклонясь над ямой и вытаскивая за маленький хвостик одно из этих животных семейства свиней. – Не все ли тебе равно – свинья это или нет? Я, по крайней мере, намерен считать, что это свинья.

– Почему?

– Потому что это доставляет мне удовольствие.

– Значит, ты очень любишь свинину, Пенкроф?

– Да, очень люблю, – ответил моряк, – особенно свиные ножки. Если бы у них было по восемь ног вместо четырех, я любил бы их вдвое больше.

Пойманное животное принадлежало к одному из видов пекари, или «мексиканских свиней», отличающемуся от своих сородичей темным цветом кожи и отсутствием длинных клыков, украшающих пасти. Пекари живут обычно довольно большими стадами, поэтому можно было предположить, что они в изобилии водятся в лесистых районах острова. Но много или мало пекари на острове, это будет известно потом, а теперь самым важным для Пенкрофа было знать, что они съедобны с головы до ног.

Около 15 августа погода совершенно неожиданно изменилась под влиянием северо-западного ветра. Температура поднялась на несколько градусов, и сгустившиеся в воздухе пары превратились в снег. Весь остров покрылся белой пеленой и предстал перед колонистами в новом облике. Снегопад продолжался несколько дней, и вскоре высота снежного покрова достигла почти двух футов.

Ветер дул с огромной силой, и колонисты, сидя у себя дома, прислушивались к шуму моря, бившегося о береговые утесы. Там, где сталкивались воздушные течения, образовались вихри, и снег, подхваченный ветром, воронкообразно завивался кверху и стремительно несся по снежной равнине наподобие тех водяных смерчей, которые морякам приходится разбивать выстрелами из корабельных пушек. Ураган, налетевший с северо-запада, всей силой обруши-

вался на остров с этой стороны, но обитатели Гранитного дворца были защищены с тыла скалистыми стенами их жилища, обращенного фасадом на восток.

Впрочем, все время, пока продолжалась эта страшная снежная буря, колонисты не могли, как им ни хотелось, выйти из своего убежища и оставались в нем, как в заключении, с 20 до 25 августа. Слышно было, как свирепствовала буря в лесу Якамара, который, наверное, сильно пострадал. Вероятно, ураган повалил там немало деревьев, впрочем, эта мысль даже понравилась Пенкрофу, который говорил, что это избавляет его от необходимости самому рубить деревья на дрова.

— Ветер вздумал стать дровосеком, ну и пусть работает, — повторял он.

Как должны были быть благодарны судьбе обитатели Гранитного дворца за то, что она послала им это крепкое и несокрушимое убежище! Часть заслуги в этом отношении, конечно, принадлежала Сайресу Смиту, но он только нашел эту пещеру и приспособил для жилья, а все остальное сделала сама природа. В Гранитном дворце все они были в безопасности, и никакие бури не могли никому повредить. Если бы колонисты построили на плато Дальнего Вида дом из бревен и кирпичей, он, наверное, не выдержал бы ярости этого урагана. Что касается Гrottov, то, судя по грохоту волн, отчетливо доносившемуся до колонистов, можно было с уверенностью сказать, что там совершенно нельзя было бы жить. Море залило островок еще в первый же день бури и теперь бушевало по всему побережью, а следовательно, и в Гrottах. Но в Гранитном дворце, устроенном в толще громадной скалы, куда не достигали ни вода, ни ветер, колонистам не грозила никакая опасность.

В течение этих нескольких дней невольного заключения колонисты не оставались без дела. В дровяной кладовой было достаточно распиленных досок, и столяры воспользовались этим, чтобы пополнить меблировку дома, изготовив еще несколько столов и стульев, главное достоинство которых заключалось в их прочности. Все эти столы и стулья, правда, были грубо-ваты, громоздки и довольно неуклюжи, но Наб и Пенкроф очень гордились своими изделиями и не променяли бы их на самую дорогую мебель Буля.

Затем столяры превратились в корзинщиков и справились со своим новым ремеслом даже лучше, чем с мебелью. У северного берега озера обнаружили густой ивняк, где оказалось много пурпурной ивы. Еще до начала периода дождей Пенкроф и Герберт набрали запас этого полезного кустарника и перетащили его в одну из кладовых. Теперь как раз было удобное время, чтобы заняться плетением корзин. Первая проба была неудачна, но благодаря ловкости и сообразительности работников дело быстро пошло на лад, и в Гранитном дворце появились корзины и корзиночки различных размеров и форм. Их поставили в кладовую, и Наб стал хранить в них запасы съедобных корешков, корнеплодов, орехов и корней драцены.

В последнюю неделю августа опять переменилась. Температура немного понизилась, и буря утихла. Колонисты могли выйти из дома и сейчас же решили воспользоваться этим. На берегу слой снега был толщиной не меньше двух футов, но по его отвердевшей поверхности можно было легко ходить. Смит и его спутники прежде всего поднялись на плато Дальнего Вида.

Как все изменилось! Леса, еще недавно зеленые, особенно там, где преобладали хвойные деревья, исчезли под однообразным белым покрывалом. Все было бело, начиная от вершины горы Франклина и до самого океана: леса, луга, озеро, река, песчаное побережье. Воды реки Милосердия струились под ледяным сводом, который при каждом приливе и отливе вскрывался и с треском ломался. Над замерзшим озером носилось множество уток, бекасов, куликов и других водяных птиц. Скалы у подножия плоскогорья, между которыми низвергался водопад, тоже были покрыты льдом. Судить о разрушениях, произведенных ураганом в лесу, было еще нельзя, и нужно было ждать, пока растает снег.

Гедеон Спилет, Пенкроф и Герберт, полюбовавшись видом острова, покрытого снегом, отправились осматривать ловушки. Не сразу удалось им, однако, найти их под снегом. Кроме

того, искать нужно было осторожно, чтобы самим не провалиться в какую-нибудь яму, что было и опасно и унизительно: попасть в свою собственную ловушку! Но все обошлось благополучно, все западни были осмотрены, и все они оказались пустыми. Это было странно, так как вокруг виднелось множество следов с отчетливыми отпечатками когтей. Герберт не колеблясь заявил, что они оставлены когтями какого-то крупного хищника семейства кошачьих. А если это так, значит, инженер был прав, утверждая, что на острове водятся опасные животные. Вероятно, эти хищники обитали в густых лесах Дальнего Запада и только зимой, когда им гораздо труднее стало добывать себе пищу, забирались на плато Дальнего Вида. А может быть, они почуяли запах людей в Гранитном дворце?

– А ты не можешь сказать, что это за кошачьи? – спросил Пенкроф.

– Это тигры, – ответил Герберт.

– Я думал, что тигры водятся только в жарких странах.

– В Новом Свете, – ответил юноша, – их встречают от Мексики до Аргентины. А так как остров Линкольна лежит примерно на широте Ла-Платы, то не удивительно, если на нем окажутся тигры.

– Ладно, примем это к сведению и будем смотреть в оба, – ответил Пенкроф.

Между тем температура заметно повысилась, и снег начал таять. Потом пошел дождь, и вскоре от снега не осталось и следа. Несмотря на ненастье, колонисты занялись пополнением съестных припасов: нарвали орехов, накопали корней драцены и других съедобных корнеплодов, собрали кленовый сок и добыли кроликов, агути и даже кенгуру. Для того чтобы запастись всем этим, потребовалось несколько походов в лес, где они собственными глазами увидели,

что ураган повалил массу деревьев. Пенкроф с Набом ухитрились даже добраться со своей тележкой до угольных копей и привезли запас каменного угля. Проходя мимо бывшего кирпичного завода, они увидели, что труба печи сильно пострадала от ветра и даже уменьшилась, по крайней мере, футов на шесть.

Отлично удалась и доставка дров. Река Милосердия уже очистилась ото льда, и плоты нетрудно было сплавить по течению. Топливом колонисты спешили запастись, потому что зима еще не закончилась, и холода могли возобновиться.

Осмотрев Гроты, колонисты могли только порадоваться, что их не было там во время бури. Море оставило в Гротах видимые следы своего разрушительного пребывания. Гонимые ветром волны, перекатываясь через островок, врывались в коридоры Гротов, которые теперь были наполовину засыпаны песком и покрыты водорослями. В то время как Наб, Герберт и Пенкроф охотились или возобновляли запасы топлива, Сайрес Смит и Гедеон Спилет занялись очисткой Гротов. Оказалось, что кузнецкий горн и печи почти не пострадали, так как были защищены засыпавшим их толстым слоем песка.

Недаром колонисты так торопились запастись топливом и провизией. Зима не собираясь расстаться с ними так скоро. Известно, что в Северном полушарии для февраля характерно резкое понижение температуры. То же самое наблюдается и в Южном полушарии, и август, соответствующий февралю Северного полушария, не уклонился от этого климатического закона.

Около 25 августа начал идти снег с дождем, затем подул ветер с северо-востока, и опять наступили холода. По мнению инженера, ртутный столбик термометра Фаренгейта показал бы не меньше восьми градусов ниже нуля ($22,22^{\circ}$ ниже нуля по Цельсию). Сильный мороз вместе с пронзительным северо-восточным ветром заставили плохо одетых колонистов на несколько дней снова запереться в стенах Гранитного дворца и, кроме того, герметически закупорить все окна и двери, оставив лишь небольшое отверстие для вентиляции. Свечей в эти дни расходовали очень много. Желая, по возможности, соблюдать экономию, колонисты часто ограничивались тем светом, который давало пламя каминов, для которых не жалели топлива. Почти ежедневно кто-нибудь спускался на побережье, но, побродив немного между льдинами, которые море выбрасывало на берег с каждым приливом, спешил возвратиться домой, с трудом взбираясь по обледеневшей лестнице.

У невольных пленников Гранитного дворца снова оказалось много свободного времени. И Сайрес Смит решил провести еще один эксперимент, который можно было выполнить в закрытом помещении.

Колонисты вместо сахара употребляли сок сахарного клена, для чего делали глубокие надрезы на древесных стволах. Сладкая жидкость собиралась в чашки и затем уже в этом виде употреблялась в пищу. Простоявший несколько дней кленовый сок делался белее и становился густым, как сироп. Но можно было улучшить его качество, и однажды Смит объявил своим товарищам, что они должны превратиться в сахароваров.

– В сахароваров? – переспросил с удивлением Пенкроф. – Сахароварам, кажется, приходится жариться у огня?

– И даже очень! – ответил инженер.

– Ну, так это будет как раз по сезону!

Слово «сахароварение» не должно вызывать у читателя представление о сахарных заводах со сложными машинами и множеством рабочих. Нет, для того чтобы кристаллизовать кленовый сок, достаточно было его очистить путем очень несложного процесса. Сок налили в большие глиняные горшки и поставили на огонь, чтобы выпарить воду. Вскоре на поверхности образовалась пена. Как только сок начал густеть, Наб принялся размешивать сироп деревянной лопаткой, что усиливало испарение воды и не давало сахару пригореть, отчего он приобрел бы слегка горьковатый привкус хорошо знакомого всем жженого сахара.

После нескольких часов кипячения на сильном огне, который был приятен сахароварам и полезен сладкому древесному соку, последний превратился в густой сироп. Этот сироп горячим перелили в глиняные сосуды разнообразной формы, заранее обожженные в той же кухонной печи. К утру следующего дня сироп застыл в виде небольших сахарных голов и плиток. Да, это был настоящий сахар, слегка желтоватый, но зато почти прозрачный и очень вкусный.

Морозы продолжались до половины сентября, и пленники Гранитного дворца начали уже тяготиться таким долгим заключением. Правда, за это время они почти ежедневно выходили из дома на «вольный воздух», как говорил Пенкроф, но сразу же возвращались обратно греться у камина, а затем снова принимались за работу, главным образом, по благоустройству жилища. За работой, конечно, вели оживленную беседу. Смит читал своим товарищам популярные лекции, обращая внимание на вопросы практического приложения научных знаний. У колонистов не было библиотеки, но их лектор был одновременно и библиотекой и энциклопедическим словарем, который открывался каждый раз именно на той странице, которая была нужна в данную минуту. Эта волшебная книга давала самые обстоятельные ответы на все вопросы, и теперь они читали ее ежедневно. Время благодаря этому проходило незаметно, без скучки, и колонисты с каждым днем смотрели все смелее в глаза будущему.

А между тем пора было уже прекратиться этому томительному, несмотря ни на что, заключению. Все с нетерпением ожидали, когда же наконец настолько потеплеет, что можно будет выйти из дома и не дрожать от холода. Будь у них теплая одежда, колонисты, конечно, не обращали бы никакого внимания на этот, в сущности, небольшой мороз и целые дни проводили бы на воздухе, совершая походы в дюны и на болота Казарок. К дичи, наверное, нетрудно было бы подобраться, и охота оказалась бы очень удачной. Но Смит, которого они сами выбрали своим главой, настойчиво требовал, чтобы никто не рисковал своим здоровьем и категорически запрещал все отступления от установленного им самим режима. Товарищи, конечно, слушались его, находя такие требования вполне обоснованными.

Надо заметить, что самым нетерпеливым после Пенкрофа, конечно, был Топ. Собаке как будто не хватало места в Гранитном дворце. Топ целыми днями расхаживал из одной комнаты в другую, как бы отыскивая выход из этой гранитной тюрьмы на свежий воздух.

Сайрес Смит не раз замечал, что когда Топ подходил в кладовой к отверстию темного колодца, сообщавшегося с морем и закрытого досками, то начинал сердито рычать. Иногда Топ бегал вокруг колодца, иногда он даже пытался просунуть лапы под доски, словно желая их приподнять. При этом Топ отрывисто лаял, точно в колодце было что-то такое, что его раздражало и чего он боялся.

Инженер неоднократно наблюдал за маневрами Топа. Что такое могло быть в этой бездне? Почему так волнуется умное животное? Колодец сообщался непосредственно с морем – в этом не было никакого сомнения. Может быть, он разветвлялся где-нибудь в недрах острова на ряд узких тоннелей? Может быть, там были проходы в какие-нибудь другие внутренние пещеры? А вдруг какое-то морское чудовище приплывает время от времени отдохнуть в глубине колодца? Инженер терялся в догадках, и у него невольно возникали самые мрачные предположения. По складу ума он принадлежал к числу людей, для которых истинно только то, что имеет под собой реальную основу, и, казалось бы, вовсе не должен был давать волю своему воображению. Между тем странное поведение Топа ставило его в тупик, и он готов был начать верить даже в привидения… Но как объяснить, почему Топ – умная собака, которая не лаяла попусту на луну и ни разу не поднимала тревоги без причины, – так упорно облавливает этот колодец, если там не происходит ничего особенного? Если ему позволить, он, пожалуй, даже прыгнет в эту мрачную бездну, в этот колодец с морской водой… И Сайрес Смит так и не смог найти причину интригующего поведения Топа.

Своими соображениями инженер поделился только с Гедеоном Спилетом. Он не считал пока нужным говорить об этом остальным своим спутникам, которые, наверное, встревожились

лись бы еще больше, чем он сам. А может быть, такое странное поведение собаки объясняется просто капризом?

Наконец холода прекратились. Пошли дожди, за ними опять снег, ветер, опять дождь со снегом, град... Но каждый раз ненастье продолжалось недолго. Лед вскрылся, снег растаял, его остатки смыла дождевая вода, и земля стала просыпать. Озеро так же, как и прежде, сверкало на солнышке, по реке Милосердия опять можно было сплавлять плоты, а еще недавно непроходимые леса весело смотрелись в своем зеленом уборе. Колонисты, как дети, радовались наступлению весны и вскоре стали возвращаться в Гранитный дворец только для того, чтобы поесть и поспать.

Во второй половине сентября колонисты много охотились, и Пенкроф опять начал настойчиво требовать от Сайреса Смита ружья, которые, как уверял моряк, он ему обещал. Смит, хорошо зная, что без специальных станков и инструментов почти невозможно сделать приличное ружье, которое удовлетворяло бы своему назначению, под разными предлогами откладывал исполнение навязанного ему обещания. Он сказал, что в ружьях пока нет необходимости. Герберт и Гедеон Спилет научились отлично стрелять из лука и почти без промаха убивали агути, кенгуру, диких свиней, голубей, дроф, диких уток и других пушных и пернатых, поэтому с ружьями можно подождать. Но упрямый моряк не хотел ничего слушать и заявил, что будет приставать к инженеру до тех пор, пока тот не исполнит его просьбу. Пенкрофа поддерживал и Гедеон Спилет:

— Если на нашем острове водятся большие хищные животные, — а мы уже не раз видели следы их когтистых лап, — мы должны вступить с ними в борьбу и истребить их. Кто знает, может быть, нам очень скоро придется иметь с ними дело...

Но Сайреса Смита занимал в это время совершенно другой вопрос и к тому же гораздо более важный — вопрос об одежде. Одежда колонистов выдержала зиму и еще не совсем износилась, но, наверное, не уцелеет до следующей зимы. Им нужно сделать себе платье из звериных шкур или же приготовить материю из шерсти животных с длинным руном. Они видели на горе Франклина муфлонов, или горных баранов, и надо было поймать их живыми и, приручив, сделать домашними животными. Тогда колония была бы обеспечена мясом, салом и шерстью. За лето им предстояло осуществить два важных проекта: устроить загон для домашних животных и птичник для пернатых — словом, нечто вроде фермы. Колонисты с восторгом одобрили этот план, а пылкий Пенкроф уже начал фантазировать на эту тему, заранее описывая яркими красками блестящее состояние будущей фермы.

Для выполнения этих проектов необходимо было совершить экспедицию в неисследованные части острова Линкольна, то есть проникнуть под зеленые своды густых лесов Дальнего Запада, которые тянулись по правому берегу реки Милосердия, от ее устья и до оконечности Змеиного полуострова, а также исследовать все западное побережье. Однако нужно было подождать хотя бы еще месяц, пока установится хорошая погода и можно будет проводить ночи под открытым небом или в шалаше из древесных ветвей.

Колонисты с нетерпением ждали этого времени, как вдруг произошло событие, после которого им еще сильнее захотелось обследовать свои владения.

24 октября Пенкроф, как обычно, отправился осматривать ловушки, в которые он постоянно подкладывал какую-нибудь приманку. В одной из ям он нашел трех животных — добычу, которая должна была обрадовать повара. Это была самка пекари с двумя детенышами.

Пенкроф закинул свинью и поросят, как он их называл, на плечи и с гордым видом победителя направился в Гранитный дворец, где сразу начал хвастаться своей добычей.

— Мистер Сайрес! Посмотрите, что я раздобыл сегодня к обеду! — закричал он еще у двери. — Мистер Спилет! Надеюсь, и вы не откажетесь от этого блюда?..

— С большим удовольствием, — ответил журналист. — Чем же таким особенным вы хотите нас угостить?

– Молочным поросенком!

– А! Молочным поросенком! Что же, это очень недурно! А только вы сказали это таким торжественным тоном, Пенкроф, что мне показалось, будто вы предлагаете куропатку с трюфелями!

– Что такое? – удивился Пенкроф. – Вы, кажется, не очень-то рады тому, что за обедом у нас будет поросенок?

– Нет, отчего же! – ответил Гедеон Спилет, не проявляя особого энтузиазма. – Если только не очень налегать на поросенка...

– Ладно-ладно, господин журналист! – огрызнулся моряк, недовольный, что так хладнокровно отнеслись к его охотничьему подвигу. – Вы становитесь очень разборчивым! А семь месяцев тому назад, когда мы высадились на остров, вы бы были счастливы, если бы нам предложили кусочек жареного поросенка!..

– Верно, верно! – ответил Спилет улыбаясь. – Человек в этом случае самое неблагодарное создание и ничем не бывает доволен!

– Ага! Сами сознаетесь!.. – продолжал Пенкроф. – Теперь все зависит от Наба... Надеюсь, он не ударит лицом в грязь... Взгляните-ка! Этим двум маленьким поросятам нет даже и трех месяцев! Они будут нежны, как перепелки! Эй, Наб, поди-ка сюда, приятель!.. Смотри – не испорти... Я сам послежу, чтобы они хорошо изжарились...

И Пенкроф в сопровождении Наба отправился на кухню и занялся вместе с ним кулинарией.

В этот день у колонистов был роскошный обед, приготовленный двумя поварами, – жаркое из двух поросят, суп из кенгуру, копченый окорок, сосновые орешки, пиво, как его называл Пенкроф, из сока драконового дерева и в заключение чай освего, – словом, все самое лучшее. Но первое место, конечно, принадлежало двум подрумянившимся поросятам.

За стол сели ровно в пять часов в большой столовой Гранитного дворца. От супа из кенгуру шел душистый пар. Все нашли это кушанье превосходным.

После супа Наб подал пекари. Пенкроф объявил, что он сам их разрежет, и затем каждому положил на тарелку по громадной порции «поросенка».

«Молодые поросыта» оказались очень вкусными, и Пенкроф с увлечением уничтожал свою порцию. Вдруг он громко вскрикнул, перестал есть и разразился проклятиями.

– Что такое случилось? – спросил Сайрес Смит.

– Случилось... то... что я сломал себе зуб! – ответил Пенкроф.

– А-а! Значит, ваши пекари вместо трюфелей начинены камнями? – спросил Гедеон Спилет.

– Видимо, да! – ответил Пенкроф, доставая изо рта камешек, который чуть не стоил ему коренного зуба.

Но это вовсе не был камешек... Это был свинцовый шарик... дробинка...

Часть вторая Изгнаник

Глава первая

Постройка лодки. – Охота. – На вершине каури. – Никаких признаков присутствия человека. – Наб и Герберт на рыбной ловле. – Перевернутая черепаха. – Исчезновение черепахи. – Объяснение Сайреса Смита.

Прошло уже семь месяцев с того дня, как пассажиры воздушного шара были выброшены на остров Линкольна. Во все это время, несмотря на самые тщательные розыски, они до сих пор не только не встретили ни одного человека, но даже не нашли следов его пребывания. Нигде над островом не поднимался дым из трубы или от костра, который выдал бы присутствие человека на острове. Нигде не было видно никаких следов работы человеческих рук – ни в сравнительно недавнюю, ни в давно прошедшую эпоху. Остров не только казался необитаемым, но и, по-видимому, никогда не был населен. А теперь вдруг оказалось, что все эти предположения ошибочны, и только потому, что совершенно случайно в теле маленького пекари была найдена маленькая дробинка.

Случай этот и в самом деле имел очень большое значение. Дробинка, оказавшаяся в теле пекари, могла попасть в него только из ружья, а какое другое существо, кроме человека, могло употреблять огнестрельное оружие?

Когда Пенкроф положил дробинку на стол, все стали смотреть на нее с нескрываемым удивлением. Каждый отлично понимал, какие важные последствия может иметь эта, в сущности весьма незначительная, находка... Если бы они верили в привидения, внезапное появление одного из таких фантастических существ произвело бы на них не большее впечатление, чем эта дробинка.

Сайрес Смит тотчас же приступил к обсуждению этого, столь удивительного и неожиданного, обстоятельства. Он взял в руки дробинку, внимательно осмотрел ее и даже попробовал, нельзя ли ее раздавить пальцами.

– Вы уверены, Пенкроф, что раненный этой дробинкой маленький пекари был трех месяцев от роду?

– Наверняка не больше, мистер Сайрес, – ответил Пенкроф, – он сосал еще свою мать в то время, когда я нашел его в яме.

– В таком случае, – продолжал инженер, – можно с уверенностью сказать, что не более чем три месяца назад на острове Линкольна кто-то стрелял из ружья.

– И притом довольно удачно, – добавил Гедеон Спилет, – хотя дробинка и не смертельно ранила это маленькое животное.

– В этом не может быть никакого сомнения, – продолжал Сайрес Смит. – Нас интересует, впрочем, не это, а вывод, который можно сделать из этого факта: или остров был обитаем еще до нашего прибытия, или на него высаживались люди самое большее три месяца назад. Но каким образом эти люди попали сюда? Пристали они к острову или были выброшены крушением? Ответить на этот вопрос мы пока еще не в состоянии. Кто эти люди: европейцы или малайцы, друзья или враги? Этого мы тоже не знаем, как не знаем и того, живут ли они еще на острове или уже покинули его. Рано или поздно все это, конечно, выяснится само собой, но для нас очень важно узнать ответы на все вопросы как можно скорее. Мы слишком заинтересованы в раскрытии этой тайны и не можем оставаться в неизвестности.

– Нет! Сто раз нет, тысячу раз нет! – вскричал Пенкроф, вскакивая из-за стола. – Кроме нас, нет других людей на острове Линкольна! Черт возьми! Остров невелик, и если бы он был обитаем, мы, наверное, встретили хотя бы одного островитянина!

– Разумеется! Иначе и быть не могло! – сказал Герберт.

– Я с вами совершенно согласен, – заметил Спилет, – но, согласитесь сами, нельзя же предположить, что этот злосчастный пекари так и родился со свинцовым шариком в теле!

– Если только, – серьезно сказал Наб, – у Пенкрофа не было...

– Вот еще что выдумал, Наб! – возразил Пенкроф. – Можно ли допустить, что у меня в зубах пять или шесть месяцев сидел свинцовый шарик, а я этого не заметил! Но где могла бы застрять эта дробинка? – добавил моряк, открывая рот и показывая свои великолепные зубы. – Смотри хорошенько, Наб, и, если ты найдешь хотя бы один гнилой зуб, я позволю тебе вытащить у меня целую дюжину!

– Предположение Наба и в самом деле не выдерживает критики, – вмешался Сайрес Смит, который, несмотря на желание сохранить серьезность, не мог не улыбнуться. – Верно пока только одно, что не больше трех месяцев назад кто-то стрелял из ружья на нашем острове. Но я думаю, что высадившиеся на остров люди находились здесь совсем недолго или побывали мимоходом. Если на острове кто-то был в то время, когда мы осматривали его с вершины горы Франклина, то, наверное, заметили бы присутствие этих людей или же они сами увидели бы нас. Поэтому я думаю, что несколько недель назад к острову приставал корабль или буря выбросила на берег каких-нибудь мореходов, потерпевших крушение. Но кто бы ни были эти люди, остались они на острове или уехали, нам необходимо выяснить этот вопрос до конца.

– По-моему, нам надо действовать осторожно, – заметил журналист.

– Разумеется, – ответил Сайрес Смит, – потому что, к сожалению, есть основание опасаться, что на остров высадились малайские пираты.

– Мистер Сайрес, – спросил моряк, – не следует ли нам, прежде чем отправляться в разведку, построить лодку, на которой мы могли бы подняться вверх по реке или при необходимости проплыть вокруг острова? Если мы не сделаем этого и если на острове поселились малайские пираты, они могут захватить нас врасплох.

– Это хорошая мысль, Пенкроф, – ответил инженер, – но, к сожалению, мы не можем так долго ждать. Постройка лодки займет, по крайней мере, целый месяц...

– Если строить настоящую лодку, то да, – возразил моряк, – но нам пока не нужна лодка для плавания по океану, и я берусь не больше чем за пять дней построить лодку, достаточно прочную, на которой можно будет плавать по реке Милосердия.

– За пять дней! – с удивлением повторил Наб. – Ты берешься сделать за пять дней лодку?

– Да, Наб, лодку вроде тех, какие делают индейцы.

– Из дерева? – недоверчиво спросил Наб.

– Из дерева, – ответил Пенкроф, – вернее, из древесной коры. Уверяю вас, мистер Сайрес, что через пять дней лодка будет готова к вашим услугам!

– Через пять дней? Идет! – ответил инженер.

– А пока нужно будет держаться настороже, – сказал Герберт.

– И даже очень, друзья мои, – подтвердил Сайрес Смит, – и я прошу вас, отправляясь на охоту, не уходить далеко от Гранитного дворца.

Обед окончился не так весело, как думал Пенкроф.

Дробинка в теле пекари доказывала, что на острове живут или жили еще люди, кроме колонистов. Подобное открытие не могло не встревожить обитателей Гранитного дворца.

Вечером Сайрес Смит и Гедеон Спилет долго беседовали на эту тему. Им почему-то казалось, что случай за обедом непременно должен быть связан с необъяснимыми до сих пор обстоятельствами спасения инженера и другими странными фактами, которые не раз уже будили в

них подозрения и заставляли задумываться. Рассмотрев все события со всех сторон и обсудив все «за» и «против», Смит закончил свое рассуждение следующими словами:

- Хотите вы знать мое мнение, Спилет?
- Конечно, Сайрес.
- Так вот: как бы тщательно мы ни исследовали остров, мы ничего не найдем.

На другой день Пенкроф с утра принялся за работу. Он хотел построить не настоящую лодку с полной оснасткой и обшивкой, а простую плоскодонную пирогу, которая хорошо подходила бы для плавания по реке Милосердия, особенно в верховье, где река была мелкой. Пенкроф хотел сделать свою пирогу из нескольких сшитых кусков древесной коры. Такая лодка удобна тем, что она не очень тяжелая и громоздкая и при необходимости ее можно переносить на себе. Куски содранной с дерева коры моряк рассчитывал плотно скреплять или, как он говорил, «сшивать» железными заклепками, чтобы пирога не разошлась по швам и выдерживала любые толчки. Кроме того, судно надо было сделать совершенно водонепроницаемым.

Для постройки пироги нужно было выбрать деревья с крепкой и в то же время гибкой корой. Эту задачу помог решить последний ураган, поваливший немало громадных сосен, кора которых является самым подходящим материалом для сооружения подобного рода лодок. Так что моряку оставалось только содрать с них кору, однако именно это и было самым трудным делом, потому что у колонистов не было необходимых инструментов. Но Пенкроф с честью вышел из этого затруднения, и вскоре в его распоряжении коры было даже больше, чем нужно.

Пока Пенкроф, не теряя ни минуты, с помощью инженера занимался постройкой лодки, Гедеон Спилет и Герберт тоже не оставались без дела. Они добывали провизию для колонии. Журналист восхищался ловкостью юноши, который очень искусно владел луком и копьем. Герберт при этом проявлял большую отвагу, соединенную с хладнокровием старого охотника. Впрочем, оба охотника строго выполняли приказание Сайреса Смита и ни разу не уходили дальше чем на две мили от Гранитного дворца. Но и в этих местах они не могли жаловаться на недостаток дичи: агути, кабаны, кенгуру, пекари попеременно присутствовали на столе у колонистов. В западни со временем прекращения холодов дичь больше уже не попадалась, но к услугам колонистов всегда были еще и кролики, причем в таком изобилии, что они при необходимости могли бы питаться одним кроличьим мясом.

Во время охоты Герберт часто беседовал с Гедеоном Спилетом о дробинке, найденной в теле пекари. Однажды – это было 26 октября – он сказал:

– Скажите, пожалуйста, мистер Спилет, не кажется ли вам странным, что эти потерпевшие крушение, кто бы они ни были, до сих пор еще не показывались в окрестностях Гранитного дворца?

– Это, конечно, очень странно, если только они еще на острове, – ответил журналист, – и совершенно естественно, если они так или иначе убрались отсюда.

– Значит, вы тоже думаете, что эти люди уже покинули наш остров? – снова спросил Герберт.

– Это более чем вероятно, мой мальчик, потому что, если бы они долго жили на острове, особенно если они здесь до сих пор, мы наверняка узнали бы об их присутствии.

– Но если они, прожив недолго на острове, смогли затем отсюда уехать, значит, это не потерпевшие крушение?

– Конечно, нет, Герберт. Если они и потерпели крушение, то только, так сказать, временное. Вероятно, их ветром отнесло к нашему острову, и, переждав здесь то время, пока продолжалась буря, они снова уселись на свой корабль, сохранившийся в полном порядке, и вышли в открытое море.

– Мне странно, – задумчиво проговорил Герберт, – что мистер Смит, по-видимому, всегда больше опасался, чем желал присутствия людей на нашем острове.

— Да, это так, — ответил Спилет. — По его мнению, только пираты могли бы забраться в эту часть Тихого океана. А эти джентльмены такие негодяи, которых следует не только избегать, но и бояться.

— Надо надеяться, мистер Спилет, — сказал Герберт, — что рано или поздно мы найдем место, где они высаживались на берег, и тогда, может быть, разгадаем, в чем тут дело.

— Я не говорю «нет», мой мальчик. Место бывшей стоянки, потухший костер могут навести нас на верный след. Этого мы и ждем от предстоящей экспедиции.

В этот день Гедеон Спилет и Герберт охотились в лесу вблизи реки Милосердия, в местности, где росли особенно красивые деревья. Здесь попадался и агатис южный — роскошное колонновидное хвойное дерево с густой раскидистой кроной, высотой около шестидесяти метров. Туземцы Новой Зеландии называют их каури.

— Знаете, какая пришла мне в голову мысль, мистер Спилет? — сказал Герберт. — Что, если я заберусь на одно из этих каури? С его верхушки, наверное, видно далеко вокруг?

— Хорошая мысль, — одобрил журналист. — Но только сумеешь ли ты залезть на такое огромное дерево?

— Не знаю, а все-таки попробую, — ответил Герберт.

Ловкий и сильный юноша схватился за нижние ветви, расположение которых позволяло довольно легко взбираться на каури, и через несколько минут был уже на самой верхушке, возвышавшейся над громадным морем зелени.

Со своего наблюдательного пункта Герберт мог окинуть взглядом всю южную часть острова — от мыса Когтя на юго-востоке до мыса Аллигатора на юго-западе. И только на северо-западе нижние отроги горы Франклина загораживали вид на эту часть горизонта.

Но Герберта не интересовала та часть острова; его глаза были устремлены на еще не исследованную колонистами часть острова, где могли жить какие-то неизвестные люди.

Юноша внимательно осматривал местность. На море не было видно ничего заслуживающего внимания. Ни одного корабля, ни одного паруса вблизи берегов и на горизонте. Но так как густая зелень лесов, тянувшихся до самой воды, маскировала побережье, то весьма возможно, что какое-нибудь судно, особенно судно с перебитым рангоутом, стояло где-нибудь у самого берега, оставаясь для Герберта невидимым.

Среди лесов Дальнего Запада — опять ничего. Эти леса образовывали непроницаемый зеленый купол, раскинувшийся на несколько квадратных миль без единой прогалины, без единой просеки. С каури не была видна даже река Милосердия, и нельзя было найти то место в горах, где она брала начало. Может быть, кроме этой реки и Красного ручья, немало еще рек и ручьев впадает в море на западе, но этого Герберту тоже не было видно.

Но если он не мог видеть места, где стояло судно, — если, конечно, оно еще не ушло, — может быть, ему удастся заметить поднимавшийся над лесом дым от костра, который свидетельствовал бы о присутствии человека? Атмосфера была чиста, и малейший дымок отчетливо вырисовывался бы на светлом фоне неба.

На мгновение Герберту и в самом деле показалось, что на западе вьется легкая струйка дыма, но, всмотревшись внимательней, он понял, что ошибся. Юноша просто впился глазами в это место, а зрение у него было прекрасное... Нет, он ошибся, там никто и не думал разводить огонь.

Герберт так же ловко и быстро спустился с дерева, и затем оба охотника вернулись в Гранитный дворец. Сайрес Смит выслушал рассказ Герберта, покачал головой, но не сказал ни слова. Было ясно, что разрешить интересующий их вопрос, очевидно, можно будет только после тщательного осмотра всего острова.

Через день, 28 октября, произошло еще одно непонятное событие, которое тоже всех очень заинтересовало.

Герберту и Набу, когда они бродили по побережью в двух милях от Гранитного дворца, совершенно случайно удалось поймать великолепный экземпляр морской черепахи. Это была черепаха рода мидас, с красивым панцирем, отливающим зеленым оттенком.

Герберт заметил черепаху, когда она ползла между скалами, пробираясь к морю.

– Наб, сюда! Скорей, скорей! – закричал он.

Наб сейчас же подбежал к нему.

– Какая красивая черепаха! – сказал Наб. – Но как ее поймать?

– Ничего не может быть легче, Наб. Мы перевернем эту черепаху на спину, и она не сможет убежать от нас. Держи крепче палку и делай то же, что я буду делать.

Черепаха, почувствовав опасность, спрятала голову и ноги. Громадное пресмыкающееся лежало на одном месте бесформенной массой, точно очень большой камень.

Герберт и Наб подсунули свои палки под грудь животного и общими усилиями, хотя и с большим трудом, перевернули его на спину. Черепаха была длиной три фута и должна была весить, по крайней мере, четыреста фунтов.

– Отлично! – воскликнул Наб. – Вот старина Пенкроф обрадуется!

И в самом деле, Пенкроф, не мог не обрадоваться такой находке, потому что мясо морских черепах, питающихся водорослями, чрезвычайно вкусно. Перевернутая на спину черепаха высунула свою маленькую плоскую голову и беспомощно водила ею по сторонам.

– А что мы будем дальше делать с нашей добычей? – спросил Наб. – Нам ее ни за что не дотащить вдвоем до Гранитного дворца.

– Оставим ее здесь, она все равно не сможет перевернуться и уйти, – ответил Герберт, – а потом приедем за ней с тележкой.

– Ладно.

Но прежде чем уйти, Герберт на всякий случай принял некоторые меры, чтобы черепаха никоим образом не могла уйти, хотя Наб и уверял, что это не нужно. Юноша старательно со всех сторон обложил черепаху камнями. Затем счастливые охотники направились к Гранитному дворцу по берегу, обнаженному наступившим отливом. Герберт, желая сделать сюрприз Пенкрофу, ничего не сказал ему «о великолепном экземпляре» из отряда черепах, который он оставил лежать перевернутым на песке. Через два часа Наб с Гербертом вернулись с тележкой к тому месту, где оставили черепаху… «Великолепный экземпляр» исчез.

Сначала Наб и Герберт удивленно переглянулись, потом стали осматриваться вокруг. Черепахи нигде не было видно, а между тем именно на этом месте они ее оставили. Юноша нашел даже камни, которыми он обложил черепаху, что доказывало, что они стоят как раз на том месте, где лежала их добыча.

– Вот так штука! – пробормотал Наб. – Значит, эти звери могут сами переворачиваться?

– Видимо, так, – ответил Герберт, растерянно глядя на разбросанные камни.

– Да, теперь Пенкроф не обрадуется!

– А мистеру Смиту, наверное, трудно будет объяснить это исчезновение, – вслух подумал Герберт.

– Ладно, – сказал Наб, желая скрыть это неприятное приключение, – мы об этом никому не скажем.

– Напротив, Наб, об этом надо будет обязательно рассказать, – ответил Герберт.

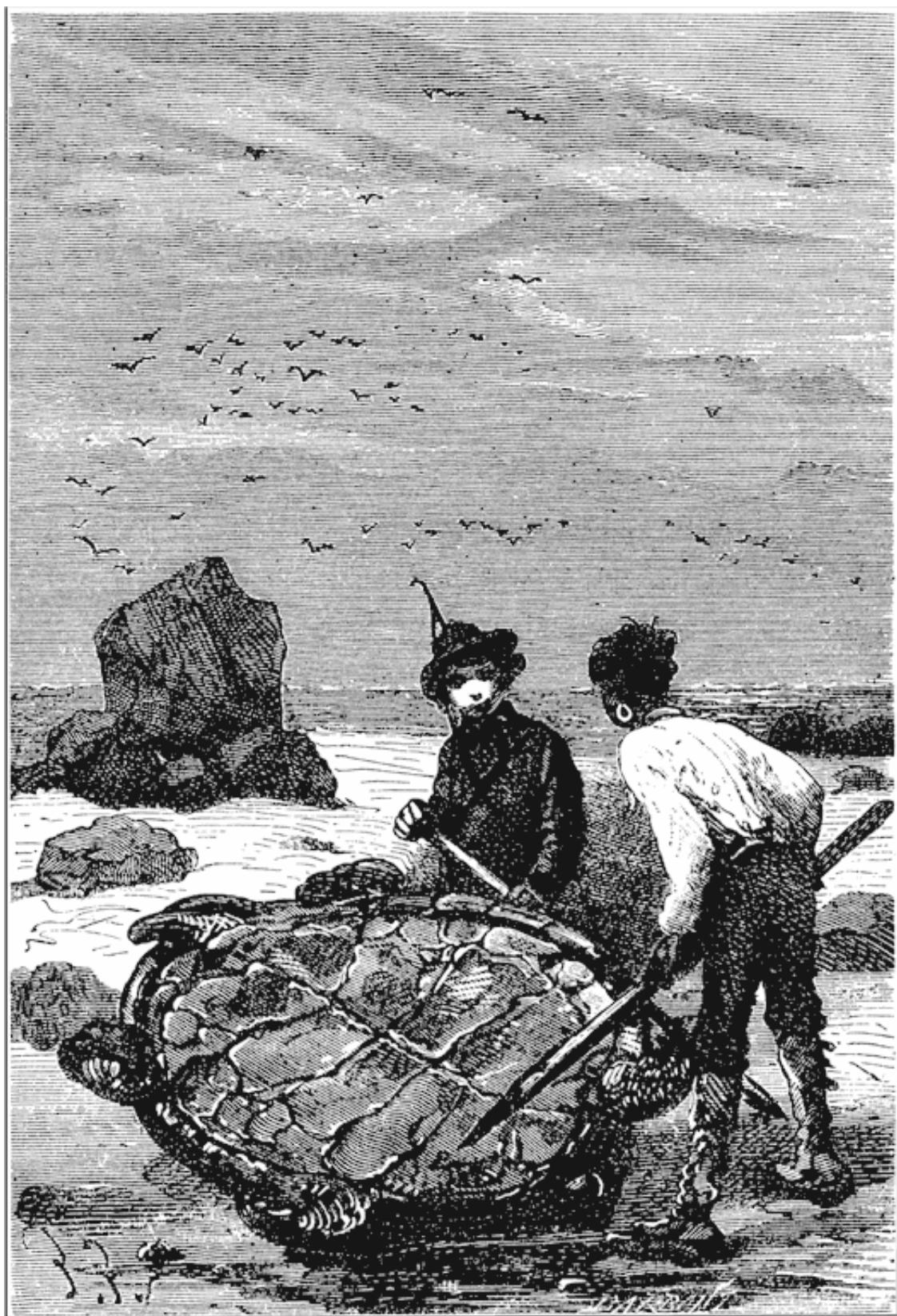
И, захватив тележку, которую напрасно с собой притащили, они оба направились к Гранитному дворцу.

Дойдя до «верфи», где работали инженер и моряк, Герберт рассказал им о том, что случилось.

– Ах вы, дурни! – вскричал моряк. – Упустили пятьдесят тарелок прекрасного супа.

– Но послушай, Пенкроф, – возразил Наб, – мы не виноваты в том, что проклятая черепаха убежала! Ведь мы ее перевернули!

- Значит, вы плохо ее перевернули, – пошутил упрямый Пенкроф.
- Плохо перевернули! – обиделся Герберт.
- И он рассказал, что не только перевернул черепаху, но еще и обложил ее камнями.
- Значит, случилось чудо? – спросил Пенкроф.
- Я до сих пор думал, мистер Сайрес, – сказал Герберт, – что черепахи, особенно такие большие, если их положить на спину, не могут опять стать на ноги...
- Это верно, мой мальчик, – перебил его Сайрес Смит.
- Как же это могло случиться?

– На каком расстоянии от воды вы оставили черепаху? – спросил инженер, который, прервав работу, размышлял об этом новом происшествии.

– Футах в пятнадцати, не больше.

– А в это время был отлив?

– Да, мистер Сайрес.

– Ну, тогда понятно, – ответил инженер. – То, что черепаха не могла сделать, лежа на спине, вероятно, оказалось возможным в воде. Она перевернулась, когда ее поднял прилив, и преспокойно уплыла в открытое море.

– Ах, какие же мы дураки! – воскликнул Наб.

– То же самое и я хотел вам сказать, – подтвердил Пенкроф.

Сайрес Смит дал вполне правдоподобное объяснение странному исчезновению черепахи. Но верил ли он сам в то, что так хорошо только что объяснил? Вероятно, нет, хотя и старался скрыть это от других.

Глава вторая

Первое испытание лодки. – Находка на берегу моря. – Буксировка. – Мыс Находки. – Опись вещей: инструменты, оружие, одежда, книги, приборы, посуда. – Что еще нужно Пенкрофу? – Библия.

Лодка из древесной коры была готова 29 октября. Пенкроф сдержал свое слово и ровно за пять дней смастерил нечто вроде пироги, связав остов, в который были вставлены распорки, крепкими гибкими прутьями. Одно сиденье на корме, другое посередине, чтобы не сдвигались борта, и третье на носу, планшир для уключин, пара весел и вместо руля кормовое весло для управления – вот и все оборудование этого легкого суденышка длиной всего двенадцать футов и весившего меньше двухсот фунтов. Процесс спуска пироги на воду тоже оказался очень простым. Лодку на руках перенесли к воде и опустили на краю песчаного берега как раз напротив Гранитного дворца, где ее подхватили волны прилива. Пенкроф, с нетерпением дожидавшийся этого момента, в ту же минуту вскочил в пирогу и, действуя одним только кормовым веслом, начал маневрировать в разных направлениях. Лодка отлично держалась на воде и слушалась своего рулевого.

– Ура! Ура! – кричал Пенкроф, поздравляя себя с успехом. – Да знаете ли вы, что на этой лодке можно объехать...

– Вокруг света? – перебил его Гедеон Спилет.

– Нет, вокруг нашего острова. Несколько камней вместо балласта, мачта на носу и кусочек парусины, которую когда-нибудь сделает мистер Смит, – и пирога наша пойдет куда угодно! А вы, мистер Сайрес, и вы, мистер Спилет, неужели не хотите испытать новое судно? Герберт, Наб, идите скорей сюда! Надо же, черт возьми, узнать, выдержит ли оно нас всех!

Действительно, испробовать лодку нужно было немедленно. Пенкроф одним взмахом весла ловко подвел лодку к берегу по узкому проходу между подводными скалами. Колонисты решили проплыть в ней вдоль берега до первого мыса, где кончались южные утесы.

Собираясь сесть в лодку, Наб иронически заметил:

– Однако, брат Пенкроф, смотри, сколько воды в твоей лодке.

– Это ничего не значит, Наб, – ответил моряк. – Надо, чтобы дерево набухло и стало непромокаемым! Дня через два от всего этого не останется и следа, и в нашей пироге будет воды не больше, чем в брюхе у пьяницы... Садитесь смело!

Доверяя авторитетному заявлению моряка, все спокойно сели в лодку, и Пенкроф оттолкнул пирогу от берега. Погода в этот день была великолепной, море спокойным и гладким, как зеркало, и пирога плыла по океану так же уверенно, как если бы она скользила по течению реки Милосердия.

Одним веслом греб Наб, другим – Герберт, а Пенкроф остался на корме, управлять пирогой с помощью кормового весла, заменившего руль.

Сначала моряк пересек пролив и прошел почти у самой южной оконечности островка Спасения. Легкий ветерок дул с юга. Ни малейшего волнения не было ни в проливе, ни в открытом море. Они отошли примерно на полмили от берега и долго любовались с лодки видом на гору Франклина.

Потом Пенкроф повернулся лодку и стал держать курс к устью реки Милосердия. Пирога медленно скользила вдоль берега, который полукругом шел до скалистого мыса и скрывал за собой всю низменную часть острова, или болото Казарок.

Этот мыс находился милях в трех от устья реки Милосердия. Теперь колонисты решили не только доплыть до его конца, но и немного зайти за него, чтобы сделать беглый обзор побережья до мыса Когтя.

Лодка держалась на расстоянии не более двух кабельтовых от берега, избегая рифов, которыми была усеяна эта часть залива и которые прилив начинал уже заливать. Берег шел, постепенно понижаясь от устья реки Милосердия до окончности мыса. Это было причудливое нагромождение гранитных утесов в отличие от плато Дальнего Вида. Казалось, что здесь везли куда-то громадную телегу камней, и по дороге она опрокинулась. Дика и пустынна была эта местность. Ни одного деревца, ни одного кустика на всем скалистом выступе, тянувшемся от леса почти на две мили и казавшемся громадной рукой великана, высунувшейся из зеленого рукава.

Гребцы усердно работали веслами, и легкая пирога быстро шла вперед. Гедеон Спилет зарисовывал в блокнот очертания берега, проплывающего мимо. Наб, Пенкроф и Герберт, у которых были заняты только руки, с любопытством осматривали эту, еще незнакомую им часть своих владений, обмениваясь впечатлениями. По мере того как лодка двигалась к юго-востоку, оба мыса Челюсти, казалось, сдвигались и теснее замыкали бухту Союза.

Что касается Сайреса Смита, то он молча смотрел вперед. Судя по сосредоточенному выражению его лица, можно было понять, что он о чем-то напряженно думает, решая какой-то важный вопрос.

Через три четверти часа лодка почти доплыла до острого мыса, и Пенкроф, действуя веслом, уже собрался его обогнуть, как вдруг Герберт, слегка приподнявшись и показывая рукой на берег, крикнул:

– Посмотрите, что это такое там на берегу?

Все сразу повернулись в ту сторону.

– В самом деле, – сказал Спилет, – там что-то есть. Похоже на какой-то предмет, выброшенный морем и полузасыпанный песком.

– Я знаю, что это такое, – закричал Пенкроф, – и даже отлично вижу.

– Что же это такое? – спросил Наб.

– Бочонки! Бочонки! И наверняка не пустые!

– Правьте к берегу, Пенкроф, – сказал Сайрес Смит.

Несколькими ударами весел лодка вошла в небольшую бухточку и пристала к берегу. Пассажиры в ту же минуту выпрыгнули на землю.

Пенкроф не ошибся. Два бочонка, наполовину ушедшие в песок, лежали на берегу; они были крепко привязаны к большому ящику и, вероятно, поддерживали его на воде, прежде чем волны выбросили ящик на берег.

– Это может служить доказательством, что какой-то корабль потерпел крушение невдалеке от нашего острова? – спросил Герберт.

– Очевидно, да, – ответил Гедеон Спилет.

– Но что может быть в этом ящике? – спросил Пенкроф с вполне понятным нетерпением. – Как бы узнать, что в нем находится? Он забит гвоздями, а у нас нечем его взломать... Ну, нечего делать, придется разбить ее камнем.

Он поднял тяжелый камень и хотел уже выбить им одну из стенок ящика, но инженер остановил его:

– Пенкроф, можете ли вы сдержать свое нетерпение и отложить это дело на один час?

– Но, мистер Сайрес, подумайте только! Может быть, мы найдем здесь как раз то, чего нам недостает.

– Мы все это узнаем через час, Пенкроф. Послушайтесь моего совета, не разбивайте этот ящик, он еще может нам пригодиться. Переправим его лучше в Гранитный дворец, и там мы его легко откроем не разбивая. Ящик прекрасно сделан, и если он так хорошо сохранился до сих пор, то, наверное, доплывет и до устья реки Милосердия.

– Вы правы, мистер Сайрес, а я был не прав. Я чуть было не испортил все дело, – ответил моряк, – такой уж я нетерпеливый.

Предложение инженера было разумно. Лодка и в самом деле не могла бы вместить все содержимое ящика. Ящик был, наверное, тяжелым, если пришлось прикрепить к нему два пустых бочонка. А если оставить часть вещей на берегу и приехать за ними потом, то прилив мог унести их с собой в море. Поэтому лучше было отбуксировать ящик по заливу к Гранитному дворцу.

Но откуда взялся этот выброшенный морем ящик? Это был очень важный вопрос. Сайрес Смит и его спутники внимательно огляделись вокруг и обошли берег на расстоянии нескольких сотен шагов, но ничего не нашли – ни вещей, ни обломков потерпевшего крушение судна. Так же тщательно осмотрели и море. Герберт и Наб взобрались на высокую скалу и оттуда долго всматривались в горизонт, но и там не заметили ни судна под парусами, ни разбитого корабля.

А между тем кораблекрушение произошло, – в этом можно было не сомневаться. Может быть, это происшествие как-то связано с находкой дробинки в теле пекари? Может быть, незнакомцы высадились в другой части острова? Может быть, они и теперь еще там? Но колонисты пришли к выводу, что эти пришельцы не малайские пираты, как опасался Сайрес Смит, потому что найденный ящик был или американского, или европейского происхождения.

Все снова собрались около находки. Ящик длиной пять футов и шириной три фута был сделан из толстых дубовых досок и крепко заперт. Сверху он был обит толстой кожей, прикрепленной медными гвоздями. Два больших бочонка, герметически закрытые и, судя по звуку, пустые, были привязаны по бокам ящика прочными веревками, по определению Пенкрофа, морскими узлами. Снаружи он выглядел совершенно целым, так как был выброшен волнами на песчаный берег, а не на скалы.

Тщательный осмотр ящика позволил установить, что он пробыл в воде недолго и, кроме того, недавно выброшен морем. Нигде не видно было никаких повреждений, а это позволяло надеяться, что вода не проникла внутрь ящика и все находящиеся в нем предметы отлично сохранились.

Казалось очевидным, что этот ящик выбросили с какого-нибудь судна, получившего повреждение и искавшего спасения вблизи острова. Возможно, пассажиры или экипаж, в надежде, что им удастся достигнуть земли, наскоро уложили в ящик самые необходимые предметы и спустили его на воду, привязав предварительно два пустых бочонка, герметически закупоренных, которые не дали ящику утонуть и донесли его до берега.

– Мы перевезем этот ящик к Гранитному дворцу, – сказал инженер, – там вскроем его и составим описание находящихся в нем вещей. Если мы найдем людей, спасшихся на нашем острове после предполагаемого кораблекрушения, то в полной сохранности вернем как сам ящик, так и его содержимое… А если не найдем никого…

– Тогда все это будет наше! – вскричал Пенкроф. – Но если бы вы только знали, как хочется мне поскорее узнать, чем набит ящик!

Волны уже почти докатывались до ящика, который вскоре должен был всплыть при полном приливе. Одну из веревок, которыми были привязаны бочонки, немного размотали, и получился швартов, его привязали к лодке. Затем Пенкроф и Наб разрыли веслами песок, чтобы ящик было легче сдвинуть с места. Вскоре лодка с ящиком на буксире стала медленно огибать оконечность мыса, который колонисты назвали мысом Находки. Ящик был очень тяжелым, и два пустых бочонка едвадерживали его на воде. Пенкроф волновался, опасаясь, что вот-вот лопнет какая-нибудь веревка и ящик пойдет ко дну. К счастью, ничего подобного не случилось, и спустя полтора часа после отплытия – ровно столько времени понадобилось, чтобы пройти три мили, – лодка пристала к берегу перед Гранитным дворцом.

Лодку, а за ней и ящик с привязанными к нему бочонками вытащили на песок, а так как уже начинался отлив, то вскоре и лодка, и находка оказались на суше. Наб принес инструменты, и колонисты принялись осторожно вскрывать ящик.

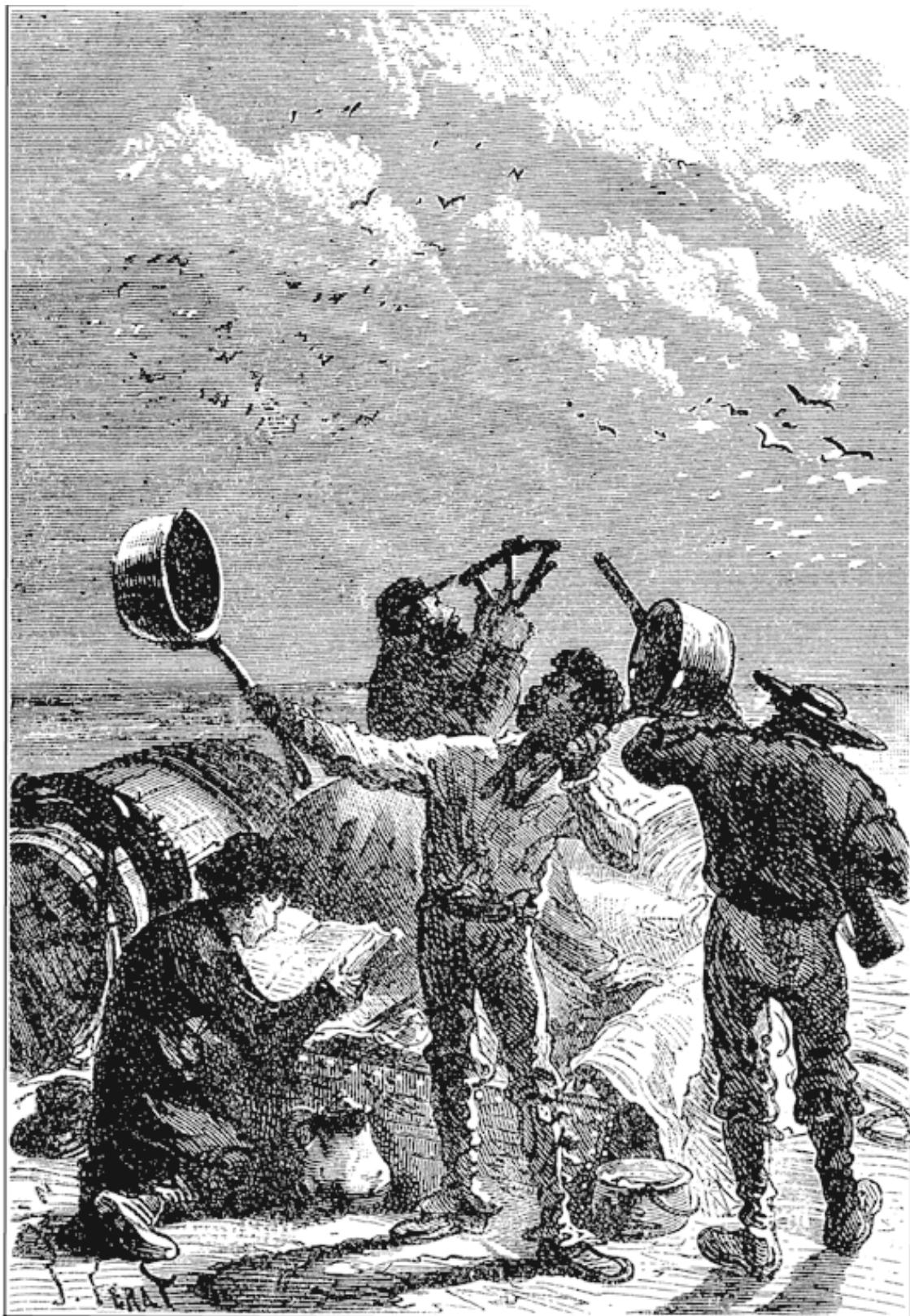
Пенкроф так волновался, что даже не старался скрыть свое слишком возбужденное состояние. Пока Наб бегал за инструментами, моряк отвязал оба бочонка, которые оказались в очень хорошем состоянии и, конечно, могли пригодиться для нужд колонии. Затем замки вскрыли клещами, и крышка легко отскочила.

Но содержимое ящика еще скрывала от глаз колонистов вторая крышка, из цинка, пред назначенная, вероятно, для того, чтобы уберечь находящиеся там предметы от сырости.

— Ax, — воскликнул Наб, — неужели здесь консервы?..

— Надеюсь, что нет, — возразил Спилет.

— А что, если тут будет... — вполголоса проговорил моряк.

– А чего бы тебе хотелось? – спросил Наб, услышав начало фразы.

– Ничего!

Цинковую оболочку разрезали во всю длину, отогнули в стороны, и из ящика один за другим колонисты стали извлекать самые разнообразные предметы, которые они раскладывали на песке. При появлении каждой новой вещи Пенкроф громко кричал «ура», Герберт хлопал

в ладоши, а Наб начинал плясать... Здесь были книги, приводившие Герберта в безумный восторг, и кухонная утварь, которую Наб был готов покрыть поцелуями...

Колонисты, действительно, могли только радоваться, что судьба послала им такую находку. Кроме книг и посуды, в ящике оказались инструменты, оружие, одежда, астрономические приборы и проч. Гедеон Спилет даже составил подробную опись всего имущества.

Инструменты

3 ножа с несколькими лезвиями, 2 топора для рубки дров, 2 топора плотничих, 3 рубанка, 2 тесла маленьких, 1 тесло большое, 6 долот и стамесок, 2 напильника, 3 молотка, 3 буравчика, 2 сверла, 10 мешков с гвоздями и шурупами, 3 пилы различной величины, 2 пачки иголок.

Оружие

2 кремневых ружья, 2 ружья пистонных, 2 карабина центрального боя, 2 капсюльных ружья, 5 охотничих ножей, 4 палаша абордажных, 2 бочонка с порохом, каждый фунтов по 25, 12 больших коробок с пистонами.

Приборы

1 секстант, 1 бинокль, 1 подзорная труба, 1 готовальня, 1 карманный компас, 1 термометр Фаренгейта, 1 барометр, 1 коробка с фотографическим аппаратом и набором принадлежностей – объектив, пластиинки, реактивы и т. д.

Одежда

2 дюжины рубашек из особой ткани, похожей на шерсть, но, очевидно, растительного происхождения, 3 дюжины чулок из такой же ткани.

Посуда

1 небольшой железный котел с дужкой, 6 медных луженых кастрюль, 3 сковороды железных, 10 тарелок из алюминия, 2 чайника, 1 маленькая переносная плита, 6 столовых ножей.

Книги

1 Библия, включающая Ветхий и Новый Завет, 1 атлас географический, 1 словарь полинезийских наречий, 1 словарь по естествознанию в 6-ти томах, 3 стопы писчей бумаги, 2 конторские книги с чистыми страницами.

– Следует заметить, – сказал Спилет, когда закончил опись имущества, – что лицо, которому принадлежат все эти вещи, человек, несомненно, практичный! Астрономические и плотничьи инструменты, одежда, кухонная посуда и даже книги, – словом, ни в чем нет недостатка! Право, можно подумать, что он предвидел это крушение и заранее к нему приготовился!

– И в самом деле, здесь есть все, – задумчиво произнес Сайрес Смит.

– И наверняка можно сказать, – добавил Герберт, – что корабль, на котором плыл хозяин этого ящика, не был малайским пиратским судном!

– А может быть и так, – вмешался Пенкроф, – что этот господин попал в плен к пиратам...

– Этого не могло случиться, – возразил журналист. – Скорее можно допустить, что бурей занесло в эти края какое-нибудь американское или европейское судно, и пассажиры, желавшие спасти, по крайней мере, самое необходимое, уложили все это в найденный нами ящик...

– Вы тоже так думаете, мистер Сайрес? – спросил Герберт.

– Да, дитя мое, – ответил инженер, – очень возможно, что все это именно так и было. Я тоже допускаю, что в ту минуту, когда крушение корабля было уже неизбежно, в этот ящик сложили самые необходимые предметы, рассчитывая, что волны прибьют ящик к острову и они найдут его где-нибудь на берегу...

– Но вот чего я не понимаю... Зачем они положили сюда фотографический аппарат? – заметил Пенкроф недоверчивым тоном.

— Это немного удивляет и меня, — ответил Сайрес Смит, — по-моему, было бы гораздо полезнее для нас, как и для всех потерпевших крушение, вместо фотографического аппарата получить побольше белья и верхней одежды или же, наконец, съестных припасов.

— А нет ли на этих инструментах, приборах или, наконец, на книгах какой-нибудь метки, надписи или адреса, позволяющего определить, кому принадлежит этот ящик? — спросил Гедеон Спилет.

Это следовало проверить, и колонисты стали внимательно осматривать каждую вещь, особенно книги, инструменты и оружие. Но ни на оружии, ни на приборах против обыкновения не было даже фабричных клейм, а между тем все вещи выглядели совершенно новыми, не бывшими в употреблении, а значит, клейма, если бы они существовали, не могли стереться. Инструменты и посуда тоже были новыми, и это доказывало, что выбор предметов для упаковки в ящик производился не случайно. Их не собирали второпях, как бывает во время крушения, — первое, что попадается под руку, бросают в ящик, — а, наоборот, отбирали тщательно и вполне продуманно. Кроме того, цинковую обертку, которая служила для предохранения вещей от сырости, наверняка не удалось бы запаять, если бы с укладкой ящика нужно было торопиться.

Словари полинезийских наречий и по естественному были напечатаны на английском языке, без указания фамилии издателя, года и места выхода в свет. Не имелось этих указаний и на Библии, роскошно изданной *in quarto* на английском языке и носившей на себе ясные следы частого пользования.

На атласе тоже не было ни фамилии издателя, ни года издания, а между тем трудно допустить, чтобы издатель не пожелал поставить свою фамилию на таком великолепном издании с подробными картами Земли, многочисленными планисферами¹⁶, составленными по системе Меркатора¹⁷, и с названиями на французском языке.

Таким образом, ни на одном из предметов, вынутых из ящика, не удалось найти ни клейм, ни надписей, которые указывали бы их происхождение, следовательно, нельзя было определить даже национальность судна, которое, вероятно, недавно проходило в этих водах. Но откуда бы ни взялся этот ящик, он был счастливой находкой для колонистов острова Линкольна. До сих пор они должны были сами создавать себе все орудия для обработки естественных богатств природы, что было возможно только при тех громадных знаниях, которыми обладал глава колонии. А теперь, словно в награду за их мужество, за их труды, судьба посыпала им все то, в чем они нуждались и чего не могли сделать сами. И колонисты были благодарны тому, кто послал им этот дар.

Впрочем, один из колонистов, видимо, остался не очень доволен. Это был Пенкроф. К его прискорбию, в ящике не оказалось того, чего он так страстно желал. Хотя он и продолжал кричать «ура» по мере того, как из ящика появлялась та или другая вещь, но эти крики с каждым разом становились все слабее и слабее, и наконец, когда был вынут последний предмет, вместо «ура» моряк пробормотал:

— Все это прекрасно, но вы увидите, что для меня в этом ящике ничего не будет!

— А тебе что хотелось тут найти, Пенкроф? — не утерпел, чтобы не спросить, Наб.

— Полфунта табака! — серьезно ответил Пенкроф. — Я был бы совершенно счастлив!

Все невольно засмеялись, узнав, о чем так жалеет Пенкроф.

Неожиданная находка ящика еще больше укрепила намерение колонистов — как можно скорее тщательно обследовать остров. С общего согласия было решено, что на рассвете следующего дня они отправятся в путь и, поднявшись вверх по течению реки Милосердия, поста-

¹⁶ Планисфера — изображение шара, в частности земного или небесного глобуса, на плоской карте в виде полушарий.

¹⁷ Меркатор (1512–1594) — нидерландский математик и географ-картограф. Изобрел особый способ измерения больших расстояний на земной поверхности, примененный им в сборнике карт и описаний, названном «Атлас». Географические проекции Меркатора особенно важны в навигации, а в картографии употребляются и в настоящее время.

раются достигнуть западного берега острова. Если их предположение верно и потерпевшие крушение действительно высадились на остров с этой стороны, то они могли оказаться в бедственном положении и колонисты должны поспешить к ним на помощь.

В течение дня все вещи из ящика были перенесены в Гранитный дворец и аккуратно расставлены и разложены в большой гостиной.

В этот день, 29 октября, как раз было воскресенье, и, когда, по обыкновению, все вместе собирались поговорить перед сном, Герберт обратился к инженеру с просьбой прочитать им что-нибудь из Библии.

— С большим удовольствием, — ответил Сайрес Смит.

Он взял Библию и уже хотел открыть ее, как вдруг Пенкроф остановил его и сказал:

— Мистер Сайрес, я человек суеверный... Откройте книгу наудачу и прочтите нам первый стих, который попадется вам на глаза... Мы увидим, подходит ли он к нашему положению.

Смит улыбнулся в ответ на просьбу моряка и затем открыл Библию как раз в том месте, где в книгу была вложена закладка.

Глаза инженера невольно остановились на красном крестике, сделанном карандашом и поставленном перед 8-м стихом главы VII Евангелия от Матфея.

И он прочел этот стих, заканчивающийся следующими словами:

«Всякий, кто просит, получает, кто ищет, находит...»

Глава третья

Отъезд. – Прилив. – Вязы и каркасы. – Различные растения. – Якамар. – Вид леса. – Гигантские эвкалипты. – Почему их называют «лихорадочными деревьями»? – Обезьяны. – Водопад. – Остановка на ночь.

На следующее утро, 30 октября, все было готово для экспедиции, казавшейся совершенно необходимой после недавних событий. Со вчерашнего дня дела приняли такой оборот, что колонисты начали смотреть на себя не как на людей, потерпевших крушение, а как на настоящих колонистов, которые по долгу человеколюбия должны спешить на помощь к бедствующему экипажу или пассажирам прибитого к их острову корабля.

Еще накануне они решили, что будут подниматься вверх по течению реки Милосердия, насколько это окажется возможным. При этом им удастся без особого утомления совершить большую часть пути, и в то же время исследователи не будут нести на себе провизию и оружие, пока не доберутся до самой отдаленной западной части острова.

Отправляясь в путешествие, нужно было подумать не только о том, что колонисты возьмут с собой. Следовало также иметь в виду, что, может быть, им придется, возвращаясь домой, нести на себе немалый груз в Гранитный дворец. Если предположить, что крушение корабля произошло недалеко от побережья острова, то, вероятно, немало вещей, которые очень бы пригодились колонистам, будет прибито волнами и выброшено на берег. На этот случай следовало бы, конечно, прихватить с собой тачку, которая принесла бы гораздо больше пользы, чем хрупкая пирога, но тяжелую и громоздкую тачку пришлось бы тащить на себе, поэтому колонисты отказались от этой мысли. Пенкроф, успевший уже вернуть себе хорошее настроение после вчерашнего разочарования, шутя заметил, что в ящике, кроме табака, к сожалению, не нашлось еще и пары лошадок из Нью-Джерси, которые очень бы пригодились на острове.

Сайрес Смит предполагал пробыть в дороге не более трех дней, и Наб уложил в пирогу необходимый на это время запас провизии, состоявший из сущеного мяса и нескольких галлонов пива и напитка, заменившего им вино. Впрочем, если бы взятой с собой провизии почему-либо оказалось бы недостаточно, то колонисты могли пополнить свои запасы в дороге. Дичь в лесу водилась в изобилии, и поэтому Наб предусмотрительно положил в пирогу маленькую переносную печку.

Из найденных в ящике плотничих инструментов колонисты взяли с собой только два больших топора, которыми предстояло прокладывать дорогу в лесной чаще. Сайрес Смит взял с собой подзорную трубу и компас.

Из ассортимента оружия колонисты взяли с собой два кремневых ружья, которые на острове были гораздо полезнее, чем ружья пистонные или центрального боя. Для первых нужны были только кремни, которые легко было заменить, а для вторых необходимы были пистоны, запас которых мог очень скоро истощиться при частой стрельбе. Впрочем, они захватили на всякий случай и один из карабинов с центральным боем и к нему несколько патронов. Им пришлось взять с собой и немного пороха, которого было всего около пятидесяти фунтов, но инженер рассчитывал приготовить взрывчатое вещество, которое могло бы заменить порох. Затем каждый из колонистов заткнул за пояс кортик в кожаном чехле. Вооруженные таким образом, они могли смело углубиться в леса Дальнего Запада, не боясь встречи ни с хищными зверями, ни даже с более опасными врагами – людьми.

Излишне, конечно, говорить, что Пенкроф, Герберт и Наб, так грозно вооруженные, громко выражали свое удовольствие по этому поводу, хотя Сайрес Смит и взял с них торжественное обещание не делать ни одного выстрела без крайней необходимости.

В шесть часов утра пирогу оттолкнули от берега. Колонисты вместе с Топом сели в нее и быстро направились к устью реки Милосердия.

Прилив начался не более получаса назад, и колонисты могли плыть еще несколько часов, пользуясь могучей силой прилива, а затем начнется отлив и плыть против течения будет труднее. Прилив в это утро был сильным, потому что полнолуние – время особенно больших приливов – должно было наступить через три дня, и благодаря этому пирога без помощи весел быстро неслась между крутыми берегами. Пенкроф только управлял кормовым веслом, стараясь удерживать лодку посередине реки.

Через несколько минут исследователи достигли того места, где река Милосердия делала поворот и где семь месяцев назад Пенкроф построил свой первый плот.

За этим довольно крутым поворотом река, закругляясь, текла на юго-запад между высоких вечнозеленых хвойных деревьев.

Вид берегов реки Милосердия был великолепен. Сайрес Смит и его спутники любовались теми чудесными эффектами, которых природа так легко достигает, комбинируя воду и деревья. По мере того как лодка двигалась вверх по течению, характер леса постепенно менялся. На правом берегу реки возвышались громадные, прямые, как стрелы, ильмы, или вязы, которые так высоко ценятся судостроителями, потому что обладают свойством долго сохраняться в воде, не загнивая. За ними виднелись в таком же изобилии группы деревьев того же семейства ильмовых, и среди них, между прочим, каркасы, железные деревья, плоды которых содержат очень полезное масло. Затем Герберт заметил несколько кустарников с гибкими тонкими ветвями, из которых получаются прекрасные канаты, если их вымочить в воде, и два-три эбеновых дерева красивого черного цвета.

Время от времени в таких местах, где можно было пристать к берегу, пирогу останавливали. Гедеон Спилет, Герберт и Пенкроф брали ружья и вместе с Топом обследовали берег. Их влекло в незнакомую часть леса не только желание поохотиться, но и надежда обнаружить какое-нибудь полезное растение. Молодой натуралист нашел многое из того, что хотел. Так, ему удалось разыскать дикий шпинат, множество растений из семейства крестоцветных, которые легко можно было разводить и вблизи Гранитного дворца, кресс-салат, редьку, репу, брюкву, редис и, наконец, растение с ветвистыми опущенными стеблями, высотой около метра, с семенами светло-коричневого цвета.

– Знаешь ли ты, что это за растение? – спросил Герберт моряка.

– Табак! – воскликнул Пенкроф, который видел свое любимое растение только в трубке в виде готового продукта.

– Нет, Пенкроф! – ответил Герберт. – Это не табак, это горчица!

– Хорошо, пусть будет горчица, – разочарованно проговорил моряк, – но, если случайно тебе попадется хоть один листик табака, вспомни тогда, мальчик, обо мне и не проходи мимо него!

– Не горюй, Пенкроф, найдем как-нибудь табак! – сказал Гедеон Спилет.

– Обещаете? – воскликнул Пенкроф. – Чудесно! Когда это случится, в тот день на нашем острове ни в чем не будет недостатка!

Все полезные растения были осторожно вырыты из земли вместе с корнями и перенесены в лодку, в которой оставался Сайрес Смит, погруженный в свои размышления.

Несколько раз Спилет, Герберт и Пенкроф высаживались то на правый, то на левый берег реки Милосердия. Левый берег был гораздо менее крутым, зато лес на правом берегу был более густым. Инженер все время не выпускал из рук компаса и, внимательно следя за показаниями стрелки, определил, что река, начиная от первого поворота, шла с северо-востока на юго-запад и текла на протяжении почти трех миль по прямой линии. Но были основания предполагать, что выше река еще раз изменит свое направление и потечет на северо-запад к контрфорсам горы Франклина, где, вероятно, должны находиться ее истоки.

Во время одной из этих экскурсий в лес Гедеону Спилету удалось захватить живьем двух птиц, похожих на кур. Пойманые птицы были с длинными тонкими клювами, чуть вытяну-

тыми шеями, короткими крыльями и без всяких признаков хвоста. Герберт, взглянув на птиц, назвал их «тинаму». Колонисты решили сделать пернатых пленников первыми обитателями будущего птичника.

Но ружья до сих пор еще молчали. Первый выстрел, раздавшийся в тот день в лесу Дальнего Запада, был вызван появлением красивой птицы, очень похожей на зимородка.

— Я знаю, что это за птица! Я ее узнал! — вскричал Пенкроф, и в ту же минуту его ружье выстрелило как бы само собой.

— Кого узнали, Пенкроф? — спросил Спилет.

— Это та самая птица, которая ускользнула от нас, когда мы с Гербертом первый раз были в лесу... На память об этом мы и лес назвали ее именем...

— Якамар! — воскликнул Герберт.

Это и в самом деле был якамар, красивая птица, мягкое пушистое оперение которой отливало золотистым блеском. Заряд дроби уложил птицу на землю, и Топ принес ее в лодку вместе с дюжиной турако, лазающих птиц величиной с голубя. У них были зеленые перья, ярко-малиновые крылья и большой хохолок с белой каемкой. Герберт убил этих птичек одним метким выстрелом и очень этим гордился. Турако оказались гораздо вкуснее якамара, мясо

которого было жестковато. Но Пенкроф так не считал, и его трудно, если не невозможно, было убедить, что он застрелил не самую лучшую из съедобных птиц.

В десять часов утра лодка достигла второго поворота реки Милосердия, примерно в пяти милях от устья. В этом месте сделали привал, чтобы позавтракать. Отдых под тенью больших и красивых деревьев продолжался полчаса.

Ширина реки в этом месте по-прежнему была шестьдесят-семьдесят футов при глубине от пяти до шести футов. Инженер заметил, что в реку Милосердия впадало с обеих сторон много притоков, но все они были, несмотря на свою многоводность, в сущности узкими и несущими ручьями. Леса и справа (лес Дальнего Запада), и слева (лес Якамара) нисколько не меняли своего характера и казались бесконечными. Ни в чаще леса, ни у берегов реки под сенью деревьев исследователи не обнаружили никаких признаков присутствия человека. Было ясно, что никогда еще топор дровосека не стучал в этом лесу, срубая деревья, и ничей нож никогда не прокладывал себе дорогу сквозь густую сеть лиан, переплетавшихся между деревьями и густым кустарником. Если потерпевшие крушение высадились на острове, то они, очевидно, не покидали еще побережья, и следы их следовало искать где угодно на берегу, но только не в лесной чащбе.

Поэтому инженер хотел как можно быстрее добраться до западного берега острова Линкольна, до которого от места их стоянки, по его мнению, основанному на строго математическом расчете, было не меньше пяти миль. Желание инженера совпадало с желаниями его спутников, и после завтрака снова тронулись в путь. Река, как было уже замечено, в этом месте делала поворот: вместо того чтобы идти прямо к западному берегу острова, поворачивала на северо-запад, к горе Франклина. Несмотря на это, колонисты решили не покидать лодку до тех пор, пока плыть по реке станет невозможно. Плавя по реке, они экономили и сберегали силы и время, потому что, решив идти напрямик, им пришлось бы прокладывать дорогу топором сквозь густую чащу.

Но вскоре лодка остановилась: видимо, течение совсем замедлилось, – может быть, потому, что в это время начинался отлив, а может быть, на таком расстоянии от устья реки море уже не оказывало своего влияния. Пришлось взяться за весла. Наб и Герберт заняли места на банках, Пенкроф стал работать кормовым веслом, и лодка медленно поплыла вверх по реке.

Лес уже заметно начинал редеть на правом берегу реки, то есть на северной стороне лесов Дальнего Запада. Деревья росли здесь уже не так густо, а местами попадались небольшие прогалины, на которых росли одиночные деревья. Но благодаря простору они могли пользоваться обилием света и воздуха и поражали своими громадными размерами и роскошной листвой.

Какие замечательные представители флоры этого пояса! Ботанику достаточно было бы одного взгляда на эти деревья, чтобы по ним почти безошибочно определить широту, на которой лежит остров Линкольна.

– Эвкалипты! – вскричал Герберт.

Это и в самом деле были эвкалипты, самые крупные представители флоры субтропического пояса, родственники эвкалиптов Австралии и Новой Зеландии – стран, расположенных на той же широте, что и остров Линкольна. Некоторые из этих деревьев достигали высоты двухсот футов. Стволы этих гигантов имели до двадцати футов в окружности у основания, а кора их, покрытая полосками выступившей из-под заболони душистой смолы, была толщиной около пяти дюймов. Трудно представить себе что-нибудь красивее и в то же время оригинальнее этих огромных представителей семейства миртовых, листья которых были обращены ребром к солнцу и свободно пропускали солнечные лучи до самой земли.

У подножия эвкалиптов свежая густая трава точно зеленым ковром покрывала землю, из нее вылетали стайки маленьких птичек, сверкавших на солнце, как драгоценные камни.

– Вот так деревья! – воскликнул Наб. – Но только годятся ли они на что-нибудь?

– Подумаешь! – ответил Пенкроф. – Есть и деревья-великаны точно так же, как существуют люди-великаны, которые только и годятся на то, чтобы их показывать на ярмарках!

– А ведь вы ошибаетесь, Пенкроф, – возразил Гедеон Спилет, – потому что эвкалипты, особенно в последнее время, пользуются большим спросом в столярном деле.

– А я еще добавлю, – вмешался Герберт, – что эвкалипты принадлежат к семейству, включающему очень много полезных деревьев: гуайяву, или индейскую грушу; гвоздичное дерево, доставляющее всем известное гвоздичное масло; гранатное дерево, дающее такие вкусные плоды – гранаты; *eugenia caulinflora*, из плодов которой делают вино; мирт *igni*, из которого получают очень вкусный ликер; мирт *caryophyllis*, его кора идет в продажу под названием корицы; *eugenia pimenta*, дающую ямайский перец; мирт обыкновенный с ягодами, которые могут заменить перец; *eucalyptus robusta*, дающий превосходную манну; *eucalyptus Gunei*, из сока которого путем брожения делается напиток вроде пива. Наконец, все деревья, известные под названием «хлебных» или «железных», тоже принадлежат к семейству миртовых, которое насчитывает сорок шесть родов и тысячу триста видов!

Никто ни одним словом не перебил молодого натуралиста, который с увлечением давал своим товарищам урок ботаники. Сайрес Смит слушал его улыбаясь, а Пенкроф – с невыразимым чувством гордости.

– Хорошо, Герберт, – сказал Пенкроф, когда Герберт закончил свою лекцию, – но я готов чем угодно поклясться, что все эти полезные деревья, которые ты нам называл, совсем не такие великаны, как эти эвкалипты!

– Это правда, Пенкроф.

– Значит, это подтверждает то, что я говорил, – все великаны ни на что не годятся!..

– Ошибаетесь, Пенкроф, – возразил инженер, – как раз вот эти самые гигантские эвкалипты, под которыми мы сидим, приносят очень и очень большую пользу…

– Какую же, позвольте спросить?

– Они дезинфицируют воздух и почву той местности, где растут… Знаете ли вы, как их называют в Австралии и Новой Зеландии?

– Нет, не знаю, мистер Сайрес.

– Там их называют лихорадочными деревьями.

– Хорошее название, нечего сказать! Значит, там, где растут эти деревья, вечные лихорадки…

– Вовсе нет! Напротив, они предохраняют от заболевания лихорадкой.

– Вот как! Я этого не знал, – заметил журналист, – и сейчас же запишу для памяти!

– Запишите, дорогой Спилет! По этому поводу немало писали, и, видимо, уже доказано, что эвкалипты нейтрализуют вредное влияние болотных испарений. Эвкалипты уже испробованы в этом отношении в некоторых областях на юге Европы и на севере Африки, где климат, безусловно, вреден, и санитарное состояние этих местностей значительно улучшилось. А там, где эти представители семейства миртовых успели разрастись в целые леса, опасная болотная лихорадка совсем из消了. Это несомненный факт, чрезвычайно приятный для нас, колонистов острова Линкольна.

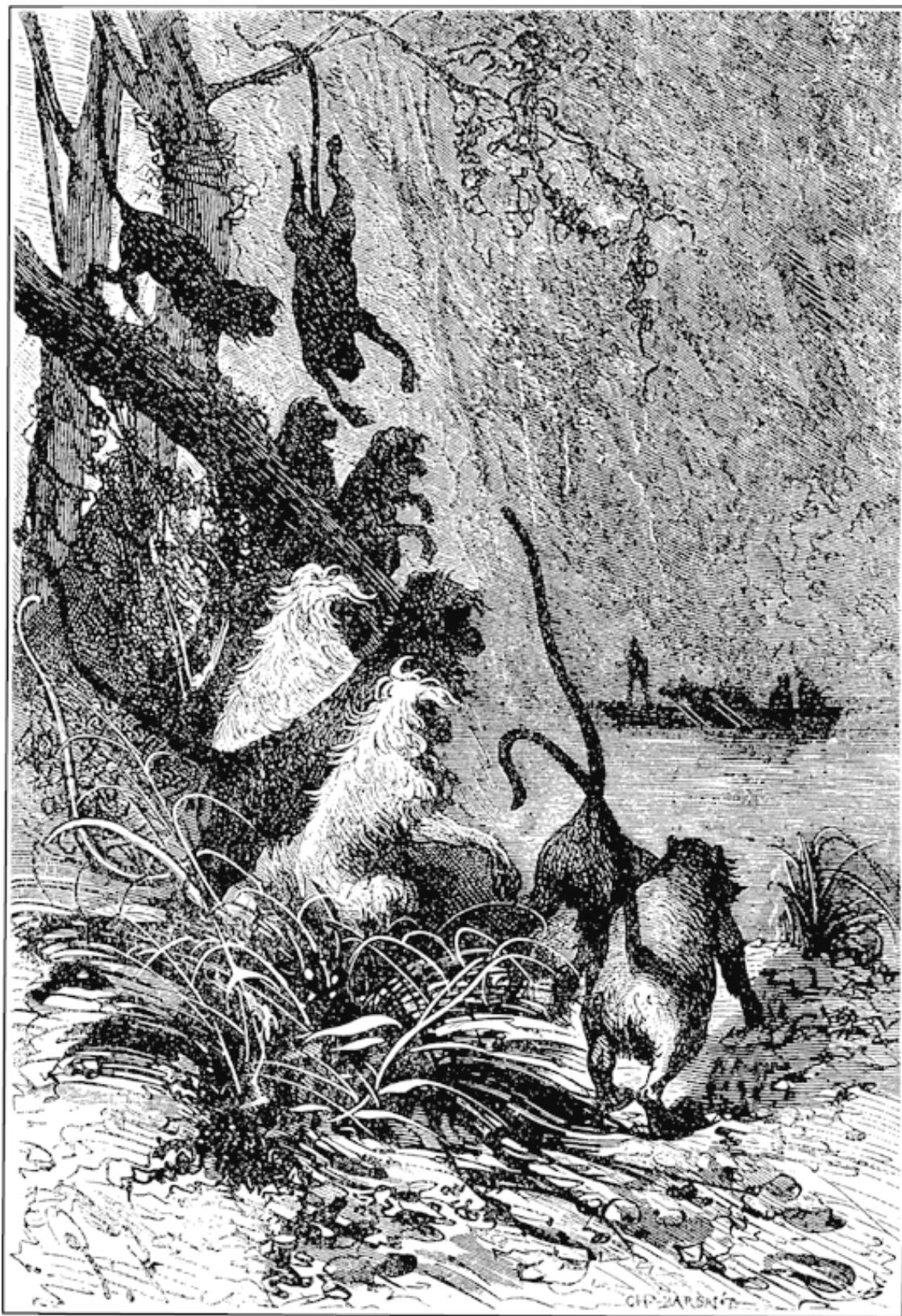
– Какой остров! Какой благословенный остров! – воскликнул Пенкроф. – Я ведь говорил вам, что на нем есть все… и если бы только…

– Найдем и это, Пенкроф, непременно найдем, – ответил инженер. – Ну а теперь поплыем дальше и будем плыть до тех пор, пока это будет возможно.

Гребцы налегли на весла, и лодка стала двигаться вперед. Еще около двух миль исследователи плыли между сплошных стен из эвкалиптов, которые, видимо, преобладали в этой части острова. Занятая ими территория простиравалась по обоим берегам реки Милосердия и казалась необозримой, русло реки красиво извивалось между высокими зеленеющими берегами. Но чем дальше колонисты поднимались вверх по течению, тем труднее становилось плавание:

местами река превращалась в пруд, заросший болотной травой. Кроме того, приходилось объезжать видневшиеся из воды острые вершины камней, которыми было усеяно неровное дно. Грести подчас было невозможно, и Пенкроф отталкивался от дна шестом. Река становилась все мельче, и колонистам, вероятно, вскоре придется остановить свою пирогу, которая иначе сядет на мель. Солнце начинало уже склоняться к горизонту, и тени деревьев становились длиннее. Было очевидно, что в этот день им не удастся достигнуть западного берега, поэтому Сайрес Смит решил ночевать в лесу, избрав для бивуака то место, где очень скоро должна была остановиться лодка. По его расчету, они находились в пяти-шести милях от западного берега – слишком большое расстояние, чтобы рисковать идти ночью в незнакомом лесу.

Решение инженера было одобрено всеми колонистами, и лодка, хотя и медленно, еще двигалась вперед. Раскинувшись по берегам заросли становились все более густыми и более населенными обитателями животного царства. Пенкроф уверял даже, что заметил несколько довольно больших стай обезьян, лазающих по деревьям. Зоркие глаза и на этот раз не обманули моряка. Обезьяны вскоре подошли к самому берегу реки и с любопытством смотрели на проходившую мимо них лодку с сидевшими в ней людьми, и при этом они не проявляли ни малейшего страха. Очевидно, четверорукые впервые видели людей и не научились еще их бояться. Легко можно было бы застрелить несколько обезьян, но Сайрес Смит категорически запретил любую попытку бесцельного убийства животных, хотя пылкому Пенкрофу очень хотелось подстрелить парочку-другую обезьян. Кроме того, мирная политика была безопаснее, потому что сильные и ловкие обезьяны могли оказаться серьезными противниками и слишком враждебно ответить на совершенно ненужное нападение.

Пенкроф и в этом случае не изменил себе и рассматривал обезьян исключительно с кулинарной точки зрения, отлично зная, что мясо этих травоядных животных очень вкусное. Но, поскольку запасов провизии им хватало, не стоило зря тратить порох.

Часам к четырем дня плыть по реке Милосердия стало очень трудно, потому что движению препятствовали камни и водяные растения. Берега становились все выше, и русло реки

уже проходило между первых контрфорсов горы Франклина. Значит, ее истоки находились уже недалеко, потому что река брала начало на южных склонах горы.

– Не позже чем через четверть часа мы волей-неволей должны будем остановиться, мистер Сайрес, – сказал Пенкроф.

– Значит, придется остановиться. Остановимся и зайдемся устройством бивуака на ночь.

– Как вы думаете, на каком мы приблизительно расстоянии от Гранитного дворца? – спросил Герберт.

– Милях в семи по прямой линии, – ответил инженер, – а если считать по течению реки, которое отнесло нас к юго-западу, то мы сделали за день гораздо больше.

– Мы, конечно, не останемся тут и пойдем дальше? – спросил Спилет.

– Да, до тех пор, пока это будет возможно, – ответил Сайрес Смит. – Завтра на рассвете мы оставим здесь лодку и, я надеюсь, часа за два доберемся до западного берега. Таким образом, у нас будет почти целый день на исследование побережья.

– Навались! – скомандовал Пенкроф гребцам.

Гребцы работали на славу, лодка поплыла гораздо быстрее, но очень скоро река стала мелкой до такой степени, что слышно было, как дно лодки шуршит по каменистому дну реки, ширина которой в этом месте была не больше двадцати футов. Деревья, сходясь вершинами, образовывали как бы густой зеленый свод, окутывая реку таинственным полумраком. Сверху ясно доносился шум водопада, указывавший на то, что в нескольких сотнях шагов реку запружила какая-то естественная преграда.

И в самом деле, за последним поворотом реки сквозь зеленую листву показался и сам водопад. Лодка сильно ударилась о дно реки и несколько минут спустя уже была привязана к дереву на правом берегу.

Было около пяти часов. Последние лучи солнца еще проникали под густые ветви и косо освещали маленький водопад, водяная пыль сверкала всеми цветами радуги. Дальше русло исчезало в густых зарослях, где, вероятно, и брала река свое начало из какого-то скрытого источника, а многочисленные ручейки, впадавшие в реку на всем ее протяжении, делали ее полноводной. Но здесь это был неглубокий ручеек с очень чистой, почти прозрачной водой.

Это красивое место так понравилось колонистам, что они решили остановиться здесь на ночь. Привязав лодку, они вышли на берег и развели огонь под развесистым каркасом, в ветвях которого Сайрес Смит и его спутники могли найти надежный приют на ночь.

С ужином покончили очень быстро, потому что все очень проголодались, кроме того, усталость давала себя знать – всем страшно хотелось спать. Но сначала колонисты отправились собирать дрова для костра, который должен был гореть всю ночь, отгоняя хищных животных, потому что не раз слышали в лесу какое-то подозрительное рычание. Наб и Пенкроф решили дежурить по очереди и не жалея подкладывали дрова в огонь. Сторожа, может быть, и не ошибались, когда им казалось, что они видели тени каких-то животных, бродивших вокруг бивуака и среди деревьев, но только ночь прошла спокойно. На следующий день, 31 октября, в пять часов утра все были уже на ногах и собирались в дальнейший путь.

Глава четвертая

По дороге к берегу. – Четверорукие. – Новый поток. – Почему не чувствуется влияние приливов и отливов. – Лес вместо берега. – Мыс Аллигатора. – Герберт завидует Гедеону Спилету. – Бамбук. – Стрельба.

В шесть часов утра после сытного завтрака колонисты снова тронулись в путь, но уже пешком, напрямик через лес, чтобы как можно скорее добраться до западного берега острова. За сколько часов совершат они этот переход? Сайрес Смит еще накануне сказал, что на это понадобится часа два, но все, конечно, будет зависеть от характера местности, по которой им придется идти, и от того, какие на пути встретятся препятствия. Эта часть лесов Дальнего Запада казалась очень густой, здесь росли самые разнообразные породы деревьев и кустарников. Вероятно, исследователям придется топором прокладывать себе дорогу сквозь густую лесную чащу, где деревья, кустарники и даже трава были переплетены между собой и связаны цепкими лианами. Пробираться сквозь такую чащу будет, конечно, нелегко, не говоря уже о необходимости держаться настороже, ведь ночью они слышали рев хищных зверей.

Точное местоположение бивуака было определено по положению горы Франклина. Погасший вулкан виднелся на севере на расстоянии не более трех миль, и, чтобы достигнуть западного берега, следовало идти прямо на юго-запад.

Колонисты тронулись в путь только после того, как убедились, что лодка крепко привязана и не может уплыть вниз по течению. Пенкроф и Наб несли на себе провиант, которого, по словам повара колонии, должно было хватить еще на два дня. Об охоте пока не было и речи, кроме того, инженер советовал своим спутникам не стрелять без крайней необходимости, чтобы не выдать своего присутствия до тех пор, пока они не узнают, кто именно те люди, которые пристали к острову.

В густых зарослях почти сразу пришлось пустить в дело топоры. Сайрес Смит с компасом в руке указывал нужное направление.

Лес в этих местах состоял из деревьев, большинство которых колонисты уже встречали в окрестностях озера Гранта и плато Дальнего Вида. Это были гималайские кедры, ели, кедры, казуарина, камедные деревья, эвкалипты, драконовые деревья, гибискусы и другие породы, в основном небольшой высоты, потому что здесь они росли слишком густо, что мешало им развиваться. Колонисты двигались вперед очень медленно, прокладывая себе дорогу топорами и ножами. Инженер, указывая направление, в то же время обдумывал, каким способом можно будет впоследствии протянуть эту дорогу до Красного ручья.

С момента вступления в лес колонисты шли, спускаясь по пологим откосам, образующим горную систему острова. Несмотря на очень сухую почву под ногами, буйная растительность поражала своей роскошью и разнообразием. Вероятно, где-нибудь под зеленым сводом бежали ручьи, доставляющие живительную для растений влагу. Если это так, то ручьи должны быть очень небольшими, потому что Сайрес Смит, осматривая остров с вершины кратера, не заметил никаких водных потоков, кроме Красного ручья и реки Милосердия.

По пути колонисты опять встретили несколько стай обезьян, которые с видимым удивлением и любопытством рассматривали совершенно незнакомых им по облику людей. Гедеон Спилет пошутил, что ловкие и сильные обезьяны считают их существами себе подобными, но только выродившимися под влиянием неблагоприятных обстоятельств. Действительно, двуногие существа, которые, несмотря на свои топоры, с трудом пробирались сквозь густую чащу, застревали в кустах, путались в лианах и натыкались на поваленные деревья, казались жалкими и беспомощными созданиями. А проворные обезьяны без малейшего труда легко перепрыгивали с ветки на ветку, играючи преодолевая препятствия. Обезьяны все прибывали и прибывали, но, к счастью, не проявляли никаких враждебных намерений.

Кроме обезьян, колонисты видели в лесу еще пекари, агути, кенгуру и куланов, в которых Пенкроф с большим удовольствием послал бы несколько зарядов дроби.

— Но нет, — говорил он, — охота пока еще запрещена. Поэтому скачите, прыгайте и бегайте сколько угодно... Надеюсь, мы еще встретимся с вами на обратном пути!.. Не бойтесь, сейчас мы вас не тронем!

В половине десятого утра колонисты, продолжавшие двигаться в юго-западном направлении, вдруг увидели, что им загораживает дорогу неизвестный ручей шириной от тридцати до сорока футов. Его быстрые воды с шумом неслись по довольно крутым склонам, с рокотом разбиваясь о многочисленные камни, усеивавшие его русло. Ручей был прозрачным и глубоким, но совершенно непригодным для плавания.

— Вот так штука! Этот ручей загородил нам дорогу!.. — вскрикнул Наб.

— Нет, — возразил Герберт, — ручей маленький, и мы легко его переплы wholem.

— Зачем? — вмешался Сайрес Смит. — Этот ручей наверняка впадает в море. Не переправляясь на другую сторону, мы пойдем по левому берегу, держась как можно ближе к воде, и я буду очень удивлен, если он не приведет нас прямо к морскому побережью. Вперед!

— Подождите одну минутку, — вмешался Спилет. — Вы забыли дать этому ручью название, друзья мои! Неужели мы так и оставим его безымянным?..

— Правильно! — сказал Пенкроф.

— Придумай ему название, Герберт, — сказал инженер, обращаясь к юноше.

— А не лучше ли подождать, пока мы исследуем его до самого устья? — заметил Герберт.

— Верно, — ответил Смит. — Не будем терять времени, господа... Идем вперед не останавливаясь!..

— Еще минутку! — сказал Пенкроф.

— В чем дело? — спросил Спилет.

— Охота запрещена, но, надеюсь, это распоряжение не касается рыбной ловли? — продолжал моряк.

— У нас нет на это времени, — ответил инженер.

— О! Всего пять минут! — возразил Пенкроф. — Я прошу у вас только пять минут в интересах нашего завтрака.

Вслед за этим Пенкроф лег на землю, погрузил руки в воду и стал выбрасывать на берег одного за другим крупных раков, кишевших между камнями.

— Вот что хорошо, так хорошо! — воскликнул Наб, бросаясь на помочь моряку.

— Я ведь уже говорил вам, что, за исключением табака, на этом острове есть все! — сказал Пенкроф, вздыхая.

Улов был превосходный — ручей просто кишел раками. Через пять минут пойманных раков положили в мешок, и колонисты снова тронулись в путь.

Идти по берегу ручья было гораздо легче, изредка только приходилось пускать в дело топоры, и потому колонисты двигались вперед довольно быстро. Но и здесь, на берегах ручья, как и на всем исследованном пространстве острова, не было видно никаких следов человека. Зато колонистам в изобилии попадались следы всевозможных животных, даже очень крупных, вероятно, приходивших к ручью утолять жажду. Нет, сюда не проникал еще человек, и с уверенностью можно было сказать, что не в этой части лесов Дальнего Запада пекари получил дробинку, которая едва не стоила Пенкрофу коренного зуба.

Глядя на ручей, стремившийся к морю, Сайрес Смит пришел к заключению, что он ошибся и его маленький отряд гораздо дальше от западного берега, чем он думал. И в самом деле, в это время начинался прилив, он должен был залить береговую полосу и гнать назад воду в ручье, будь его устье не более чем в двух-трех милях. Но ничего подобного пока не было заметно, и вода все так же быстро бежала к морю по естественному наклону русла. Инженер не знал, как объяснить это явление, и озабоченно посматривал на компас, точно боясь,

что совершенно неожиданно ручей изменит свое направление и повернет снова в глубь лесов Дальнего Запада.

Между тем ручей постепенно становился все шире и спокойнее. Деревья на правом берегу росли так же густо, как и на левом, и, как ни напрягали глаза колонисты, они ничего не смогли рассмотреть за этой зеленой стеной. Но одно только можно было сказать с уверенностью – заросли были необитаемы, потому что Топ ни разу не залаял, а умная собака, конечно, дала бы знать о присутствии человека вблизи ручья.

В половине одиннадцатого, к большому удивлению Сайреса Смита, Герберт, шедший немного впереди, вдруг остановился и крикнул:

– Море!

Несколько мгновений спустя колонисты, выбравшись на лесную опушку, увидели весь западный берег острова, расстилавшийся у них перед глазами.

Но какой контраст между этим берегом и восточным побережьем, на которое они перебрались после падения воздушного шара! Ни гранитной стены, ни рифов, не было даже песчаной косы! Сплошной лес тянулся до самого моря, и крайние деревья, склонившиеся над водой, словно выходили прямо из пенистых волн. Обычно берег представляет собой широкий песчаный ковер, заливаемый приливами, или нагромождение скал и утесов. Здесь же была красивая лесная опушка из самых лучших в мире деревьев. Берег в этом месте возвышался над уровнем самых высоких приливов, а на плодородной почве, лежавшей на гранитном основании, деревья росли так же густо иочно, как и в чаще лесов Дальнего Запада.

Выходя на берег, колонисты очутились у края небольшой бухточки, в которой едва хватило бы места для двух-трех рыбачьих лодок. Бухточка эта была, собственно, устьем ручья, но вместо того, чтобы полого влияться в море, как все реки и ручьи, он падал в бухточку с высоты более сорока футов. Это обстоятельство и объясняло, почему прилив не оказывал влияния на течение воды в ручье. И в самом деле, приливы Тихого океана даже во время максимума никогда не могли бы подняться до уровня ручья, русло которого было очень похоже на верхний бьеф шлюза. Вероятно, пройдут еще миллионы лет, прежде чем воды ручья подтрут гранитное дно и устье опустится до уровня моря. Поэтому колонисты единогласно назвали открытый ими ручей ручьем Водопада.

Далее к северу опушка леса простиралась на расстояние приблизительно двух миль, затем деревья заметно редели, и за ними ясно виднелись очень живописные высоты, тянувшиеся почти по прямой линии к северу и к югу.

Что касается побережья между ручьем Водопада и мысом Аллигатора, то там видны были только деревья, сплошной стеной придавинувшиеся к морю; одни из них стояли прямо, а другие, где берег был пониже, склонившись к воде, омывали свои ветви в соленных морских волнах. Колонистам необходимо было исследовать именно ту сторону, то есть всю береговую полосу Змеиного полуострова, потому что только здесь потерпевшие крушение могли высадиться на землю и найти убежище, так как противоположный берег, дикий и пустынный, не мог привлечь к себе людей.

Стояла прекрасная погода, небо было безоблачно, и с вершины скалы, где Наб и Пенкроф готовили завтрак, открывалась широкая панорама. Горизонт был совершенно чист – ни одного паруса. У берегов на всем протяжении, доступном глазам наблюдателей, – ни одного корабля, ни одной лодки, никаких обломков судна, прибитых к берегу волнами. На берегу – ни одного строения. Но инженер сказал, что выскажет свое мнение по этому поводу, когда будет исследовано все побережье до самого конца Змеиного полуострова.

Позавтракали быстро, и в половине двенадцатого Сайрес Смит подал знак к отправлению. Вместо того чтобы идти по скалам или по песчаному берегу, колонистам пришлось пробираться по густому лесу.

Расстояние, отделявшее устье ручья Водопада от мыса Аллигатора, равнялось приблизительно двенадцати милям. В обычных условиях колонисты не торопясь прошли бы это расстояние за четыре часа, но они пробыли в дороге вдвое больше, потому что приходилось прокладывать дорогу сквозь чащу, обходить деревья, часто останавливаться и рубить кусты, разрубать лианы, а все это отнимало очень и очень много времени.

Нигде колонисты не видели никаких следов недавнего кораблекрушения. Впрочем, как справедливо заметил Гедеон Спилет, волны могли все унести в открытое море, и поэтому отсутствие следов не может служить неопровергимым доказательством, что к берегу не приставал никакой корабль и на остров не высадились потерпевшие крушение.

Замечание Гедеона Спилета заслуживало серьезного внимания, кроме того, случай с дробинкой, найденной в теле пекари, красноречивее всяких слов доказывал, что не больше трех месяцев назад на острове кто-то стрелял из ружья.

Было уже пять часов, а колонистам оставалось пройти еще не меньше двух миль до окончности Змеиного полуострова. Казалось очевидным, что, достигнув мыса Аллигатора, они уже не успеют вернуться до захода солнца на бивуак у истоков реки Милосердия, и ночевать придется, вероятно, на самом мысе. Съестных припасов было пока достаточно, что оказалось очень кстати, потому что пушные звери совсем не попадались на лесной опушке, которая, в сущности, была морским берегом. Зато здесь водилось немало пернатой дичи: якамары, трапоганы, глухари, лори, маленькие попугайчики, большие какаду, фазаны и голуби стаями кружились в воздухе и порхали с ветки на ветку. На каждом дереве было гнездо, и около каждого гнезда хлопотали его крылатые обитатели, оглашавшие воздух громкими криками.

Около семи часов вечера колонисты, изнемогая от усталости, добрались наконец до мыса Аллигатора, имевшего форму завитка, далеко выдававшегося в море. Здесь кончался прибрежный лес, дальше побережье всей южной части принимало обычный вид морского берега со скалами, рифами и песчаными отмелями. Возможно, именно здесь и следовало искать потерпевших крушение, которым удалось спастись после того, как их корабль, разбитый штормом, был выброшен на сушу... Но наступала ночь, и поэтому пришлось отложить осмотр побережья до следующего утра.

Пенкроф и Герберт тотчас же отправились искать подходящее место для устройства бивуака на ночь. Осматривая лесную опушку, Герберт, к своему удивлению, вдруг увидел густые заросли бамбука.

– Какое счастье! – воскликнул он. – Какое драгоценное открытие!

– Ты называешь это драгоценным открытием? – спросил Пенкроф.

– Конечно, – ответил Герберт. – Тебе, конечно, не надо говорить, Пенкроф, что из бамбуковой коры, разрезанной на тонкие, гибкие пластинки, плетут прекрасные корзинки, – это ты и сам знаешь. Но, может быть, ты не знаешь, что из этой же коры, измельченной, размоченной и превращенной в тесто, изготавливают так называемую китайскую бумагу. Из бамбуковых стеблей, в зависимости от их толщины, делают трости, мундштуки и водопроводные трубы. Высокий бамбук представляет собой превосходный строительный материал, легкий и прочный, на который никогда не нападают насекомые. Может быть, ты не знаешь, что, разрезав на куски бамбуковый ствол, сохранив поперечную перегородку, образующую междуузлие, получают крепкие и удобные сосуды, которые в большом употреблении у китайцев. Тебе, может быть, и теперь кажется, что это все пустяки, но...

– Но что?..

– Но я еще могу сказать тебе, если ты этого не знаешь, что в Индии бамбук едят вместо спаржи.

– Тридцатифутовая спаржа! – воскликнул моряк. – А что, она вкусная?

– Очень вкусная, – ответил Герберт, – но только едят не стебли высотой тридцать футов, а молодые побеги бамбука...

– Вот это действительно важно, мой мальчик! – сказал Пенкроф.

– Я могу сказать тебе еще, что сердцевина молодых побегов, маринованная в уксусе, очень ценится гастрономами.

– Все лучше и лучше, Герберт.

– И, наконец, в междуузлиях бамбука содержится сладковатый сок, из которого можно приготовить очень приятный напиток.

– Теперь все? – спросил Пенкроф.

– Все!

– А что, курить его нельзя вместо табака?

– Нет, нельзя, бедный мой Пенкроф!

Герберту и моряку недолго пришлось искать подходящее место для ночлега. В прибрежных скалах, открытых разрушительному действию морских волн и юго-западных ветров, имелось немало углублений и пещер, где колонисты могли бы спать почти так же спокойно, как и у себя в Гранитном дворце. Но как раз в ту минуту, когда Герберт и Пенкроф собирались проникнуть в одну из таких пещер, оттуда раздалось страшное рычанье.

– Назад! – крикнул Пенкроф. – Наши ружья, к несчастью, заряжены только дробью, а звери, которые умеют так рычать, этим не свалишь... им дробь ни почем!..

И моряк, схватив Герберта за руку, оттащил его под прикрытие скал как раз в ту минуту, когда из пещеры показалось великолепное животное.

Это был ягуар почти такого же роста, как и его азиатские родственники, а это значит, что он имел более пяти футов от головы до хвоста. Коричневато-бурая шерсть была испещрена черными пятнами, особенно резко выделявшимися на груди и животе животного, покрытых шерстью белого цвета. Герберт с первого взгляда узнал в этом хищнике грозного соперника королевского тигра, гораздо более опасного, чем кугуар.

Ягуар сделал несколько шагов и, ощетинившись, с загоревшимися глазами, словно он не впервые чувствовал запах человека, стал осматриваться.

В это время из-за высокой скалы показался Гидеон Спилет. Герберт хотел броситься ему навстречу, чтобы предупредить об опасности, но Спилет сделал ему знак рукой и продолжал осторожно идти вперед. Он уже не впервые встречался с тигром, и теперь, подойдя к зверю на расстояние десяти шагов, остановился и, хладнокровно подняв ружье, прицелился в хищника.

Ягуар весь подобрался и ринулся на охотника. В ту минуту, когда он взвился в воздух, меткая пуля журналиста поразила его, ударив между глаз, и ягуар упал мертвый.

Герберт и Пенкроф бросились к ягуару. Наб и Сайрес Смит подбежали с другой стороны. Несколько минут все молча стояли, глядя на зверя, распростертого на земле, его великолепная шкура, конечно, должна была украсить большой зал Гранитного дворца.

– Ах, мистер Спилет! Я восхищаюсь вами и в то же время страшно завидую вам! – первым заговорил Герберт.

– Пустяки, мой мальчик, – ответил журналист. – Поверь мне, ты и сам сделал бы то же самое на моем месте.

– Я!.. Так хладнокровно!..

– Вообрази, Герберт, что ягуар – это тот же заяц, и ты застрелишь его самым спокойным образом.

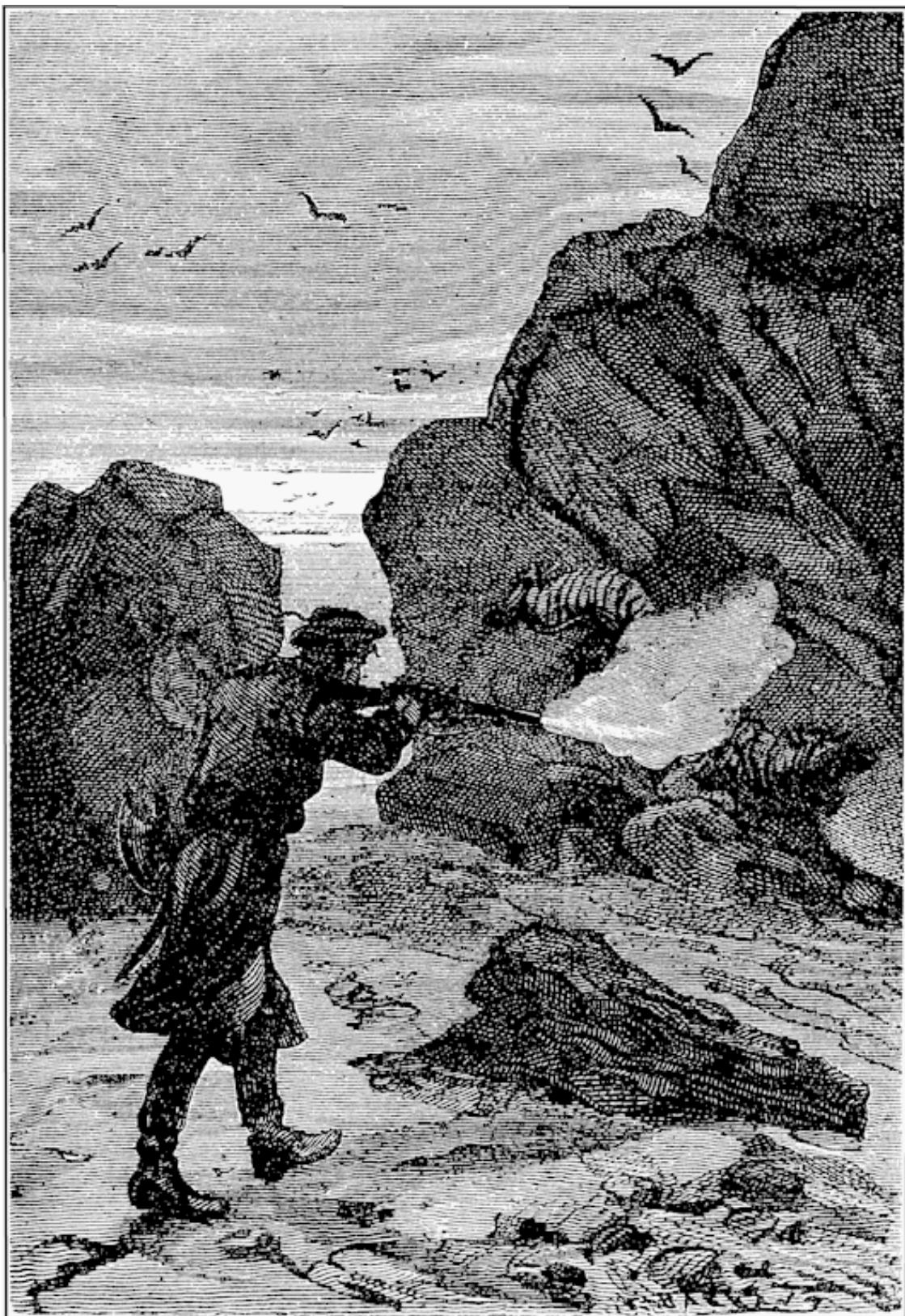
– Верно, – вмешался Пенкроф. – Дело, как видишь, самое простое!..

– А теперь, – сказал Гедеон Спилет, – после того, как нам удалось выжить ягуара из его логова, я не вижу причины, друзья мои, почему бы нам не расположиться здесь на ночь.

– Но могут прийти другие ягуары! – заметил Пенкроф.

– Достаточно развести костер у входа в пещеру, – ответил Спилет, – и хищники ни за что не рискнут войти в нее.

– В таком случае идем в дом ягуара, – сказал моряк и потащил за собой труп зверя.

Колонисты направились к покинутой берлоге и, пока Наб снимал шкуру с ягуара, сложили у входа в пещеру большую кучу хвороста, который насобирали в лесу.

Сайрес Смит, кроме того, срезал несколько бамбуковых стеблей и смешал их вместе с заготовленным для костра хворостом.

После этого колонисты стали устраиваться на ночь в пещере, песчаный пол которой был усеян костями. Прежде всего они осмотрели и тщательно зарядили ружья на случай неожиданного нападения, затем поужинали, а когда настало время ложиться спать, подожгли кучу хвороста у входа в пещеру.

Почти тотчас же послышалась настоящая ружейная пальба. Это стреляли стебли бамбука, охваченные пламенем. Выстрелы, не умолкая, следовали один за другим, словно во время грандиозного фейерверка. Шума и треска было достаточно, чтобы напугать и разогнать самых отважных хищников. Впрочем, такой способ защиты придумал совсем не инженер. По словам Марко Поло, татары Центральной Азии с незапамятных времен с успехом применяют его для защиты своих кочевий от нападений хищных животных.

Глава пятая

Предложение вернуться обратно через южное побережье. – Очертания берегов. – В поисках следов потерпевших крушение. – Нахodka в воздухе. – Открытие естественной гавани. – В полночь на берегу реки Милосердия. – Лодка на волнах.

Сайрес Смит и его спутники спали, как сурки, в пещере, которую ягуар нельзя сказать, что добровольно, но предоставил в их распоряжение.

С восходом солнца все были уже на берегу, на самой оконечности мыса, и снова принялись внимательно осматривать горизонт. Инженер еще раз мог убедиться, что на море нет ни одного паруса, ни одного корабля. Даже подзорная труба не помогла ему обнаружить ни одного подозрительного обломка.

Точно так же ничего не было видно и на берегу, по крайней мере в той его части, которую можно было обозревать с вершины мыса, то есть на протяжении трех миль по прямой линии южного берега. Дальше море вдавалось внутрь, образуя довольно большой залив, и колонисты даже с конца Змеиного полуострова не могли видеть мыс Когтя, закрытый довольно высокими береговыми скалами.

Чтобы довести дело до конца, колонистам осталось исследовать только южное побережье острова, пройдя по берегу до мыса Когтя. Но когда предпринять это исследование? Не следует ли посвятить ему весь сегодняшний день, 2 ноября?

Исследование южного побережья не входило в программу экспедиции. Отправляясь в путь и оставляя лодку у истока реки Милосердия, они решили ограничиться исследованием только западного берега, а потом вернуться к лодке, чтобы по реке добраться до Гранитного дворца. Сайрес Смит полагал, что на западном побережье найдется место, которое могло послужить гаванью для корабля, застигнутого штормом, и поэтому именно в ту сторону и направил свои поиски. А теперь, когда оказалось, что его предположение ошибочно, колонисты должны были искать на южном берегу острова то, что не удалось найти на западном.

Гедеон Спилет предложил продолжить разведку и окончательно выяснить интересующий их вопрос о кораблекрушении, если только оно действительно произошло, и спросил инженера, не может ли он, хотя бы приблизительно, определить расстояние от оконечности Змеиного полуострова, то есть от мыса Аллигатора, до мыса Когтя.

– Около тридцати миль, – ответил Смит, – принимая, конечно, во внимание извилистость береговой линии.

– Тридцать миль! – с удивлением повторил Спилет. – Такое расстояние трудно будет пройти за один день... Несмотря на это, я думаю, что нам не следует возвращаться в Гранитный дворец, не исследовав южный берег.

– Но, – заметил Герберт, – от мыса Когтя до Гранитного дворца придется пройти десять миль, если не больше...

– Пусть будет сорок миль, – сказал Спилет, – и все-таки мы непременно должны продержаться этот путь... Нужно же нам, наконец, узнать, было ли крушение или нет, есть ли на острове еще люди, кроме нас?.. Кроме того, мы осмотрим незнакомый берег, и нам не придется повторять экспедицию.

– Все верно, – заметил Пенкроф. – А как же тогда быть с лодкой?

– Лодка ведь ужеостояла одна целый день у истока реки Милосердия, – возразил Гедеон Спилет, – точно так же она может пробыть там и еще два дня!.. До сих пор мы, кажется, не могли пожаловаться, что на нашем острове случаются кражи.

– Однако, – перебил его моряк, – стоит только вспомнить историю с черепахой, и тогда невольно появляются подозрения...

— Черепаха! Черепаха! — в сердцах возразил Спилет. — Разве вам никто не объяснял, что она перевернулась сама, когда начался прилив?

— Ну, это еще вопрос!.. — прошептал инженер.

— Но... — начал говорить Наб.

Он тоже хотел высказать свое мнение — это было видно и по его лицу, и по полуоткрытыму рту, — но, видимо, робел и не мог произнести ни слова.

— Что ты хочешь сказать, Наб? — спросил инженер.

— Если мы пойдем обратно по берегу мыса Когтя, — ответил Наб, — то, когда мы обогнем его, нам преградит дорогу...

— ...река Милосердия! — вмешался Герберт. — И нам придется переправляться через нее вплавь, потому что там нет ни лодки, ни моста!

— Это такие пустяки, мистер Сайрес, о которых и говорить-то не стоит, — возразил Пенкроф, обращаясь к инженеру. — Я вам в одну минуту устрою плот, и мы на нем переправимся через реку!

— На этот раз пусть будет так, — сказал Гедеон Спилет, — а в будущем непременно надо построить мост, если мы хотим иметь удобный путь в лес Дальнего Запада!

— Мост! — воскликнул Пенкроф. — Прекрасно!.. А мистер Сайрес разве не инженер? Чтобы такой инженер да не сумел построить мост через реку Милосердия!.. Будьте спокойны, как только нам понадобится этот мост, он его для нас построит! А что касается того, чтобы переправить вас сегодня вечером на другой берег реки и при этом не замочить даже ваших ног, — это дело я беру на себя. Провизии у нас хватит еще на целый день, а больше нам и не нужно, да и охотники могут добыть для нас что-нибудь съестное. Там должна быть вкусная дичь... Нечего раздумывать, а надо идти, и как можно быстрее!

Предложение журналиста, которое с таким жаром поддерживал пылкий моряк, получило общее одобрение. Всем хотелось как можно скорее покончить с мучительными сомнениями, а когда они осмотрят и южный берег, тогда будет исследована до конца береговая полоса всего острова. Не следовало терять ни одной лишней минуты, потому что переход в сорок миль требовал времени, даже без остановок колонисты могли рассчитывать попасть в Гранитный дворец только к ночи.

В шесть часов утра маленький отряд тронулся в путь. На случай неожиданной встречи с какими-нибудь двуногими или четвероногими животными ружья зарядили пулями, а Топу, который должен был открывать шествие, дали команду обыскать опушку леса.

Начиная с оконечности мыса, очень похожего на хвостовой придаток Змеиного полуострова, берег шел, закругляясь дугой на протяжении пяти миль. Это расстояние колонисты прошли очень быстро и, несмотря на самое тщательное обследование, не нашли ни малейших признаков давней или недавней высадки, никаких обломков корабля и выброшенного на берег груза. Нигде не было даже золы от потухшего костра, не говоря уже о следах человеческих ног!

Наконец колонисты добрались до места изгиба, где береговая линия поворачивала к северо-востоку, а затем к востоку, образуя бухту Вашингтона. Здесь они смогли окунуть взором южное побережье острова на всем его протяжении. На востоке, приблизительно в двадцати пяти милях от того места, где стояли наблюдатели, берег оканчивался мысом Когтя, который смутно вырисовывался в утреннем тумане, благодаря оптической иллюзии он казался приподнятым и как будто висел в воздухе между землей и водой. Широкое и ровное песчаное побережье довольно отлого спускалось к морю и постепенно поднималось внутрь острова. На заднем плане линия береговой полосы, заливаемой приливами, была окаймлена деревьями. Дальше к востоку берег становился извилистее, образуя многочисленные узкие заливы и вдаваясь в море острыми утесами. Наконец все это заканчивалось беспорядочно нагроможденной темной массой скал и утесов, составлявших собственно мыс Когтя.

Таковы были очертания южного берега острова, который исследователи видели впервые и который они осматривали со своего наблюдательного пункта, сделав короткую остановку.

— Если бы какой-нибудь корабль вздумал пристать к острову с этой стороны, — заметил Пенкроф, — он наверняка разбился бы вдребезги и погиб... Сначала песчаные мели, далеко выступающие в море, за ними ряд подводных рифов... Хорошее местечко — нечего сказать!..

— Но если бы даже корабль разбился, от него все-таки осталось бы что-нибудь, — сказал Спилет.

— Остались бы обломки кое-где на скалах, но только не на песчаном берегу, — ответил моряк.

— Почему?

— Да потому, что эти пески гораздо опаснее всяких рифов и скал. Они всасывают в себя все, что на них попадает. Немного надо дней для того, чтобы они поглотили остатки корабля водоизмещением несколько сот тонн!

— Судя по вашим словам, Пенкроф, если бы на эту отмель и выбросило какой-нибудь корабль, то от него не должно оставаться никаких следов, и нам тут даже и искать нечего?.. — спросил инженер, вмешавшись в разговор.

— Да, мистер Смит, особенно этому помогли время и шторма... Но, впрочем, мы могли бы найти выброшенные приливом за пределы этих движущихся песков обломки мачт, досок и вообще что-нибудь в этом роде.

— В таком случае будем продолжать наши поиски, — твердо сказал Сайрес Смит.

В час пополудни колонисты были уже как раз на середине бухты Вашингтона, пройдя половину пути, то есть около двадцати миль.

В этом месте сделали привал для завтрака.

Дальше начиналась уже причудливо изрезанная береговая линия. Предательские пески со стороны моря точно сетью передовых укреплений опоясаны были грядой подводных рифов, которые обнажались во время отлива, грозя своими острыми гранитными верхушками. Легкие волны разбивались об этот несокрушимый гребень, бурлили и покрывали его белой клоочущей пеной. С этого места и до самого мыса Когтя берег шел, постепенно суживаясь, между каменной грядой рифов с одной стороны и лесной опушкой с другой.

Это обстоятельство должно было значительно затруднить и без того не особенно легкое путешествие по негостеприимному берегу, загроможденному мелкими обломками скал и утесов. Гранитная стена тоже шла, постепенно повышаясь, по направлению к востоку, загораживая росшие позади нее деревья, видны были только зеленеющие макушки, неподвижные в тихом воздухе.

После получасового отдыха колонисты снова двинулись в путь, внимательно всматриваясь в каждую скалу, в каждый участок берега. Пенкроф и Наб даже лазили на скалы и рисковали пробираться к линии бурунов, как только им казалось, что они видят какой-нибудь предмет. Но все подобные смелые попытки не дали никаких результатов, и то, что они принимали за обломок разбитого корабля, оказывалось все тем же причудливым рифом. Колонисты, между прочим, обратили внимание на обилие съедобных раковин, но пользоваться этим богатством они могли только в том случае, если будет построен мост через реку Милосердия и если им не нужно будет на себе таскать добычу.

И на этом побережье ничто не указывало на предполагаемое кораблекрушение. Это казалось очень странным, потому что хоть что-нибудь, но должно было оставаться и выброшено на берег точно так же, как и ящик с припасами, найденный более чем в двадцати милях отсюда. Но сколько ни искали колонисты, нигде ничего не было.

Часов около трех Сайрес Смит и его спутники достигли небольшой, узкой, совершенно закрытой бухты, которая, как оказалось, не являлась устьем какого-нибудь ручья. Это была

настоящая естественная гавань, невидимая с моря, к которому вел узкий пролив между скалами.

В самой середине бухточки кромка скал разрывалась, вероятно, в результате сильного сжатия земли, образуя покатую ложбину, по которой можно было взобраться на верхнее плато. Оно находилось не менее чем в десяти милях от мыса Когтя и приблизительно в четырех милях по прямой линии от плато Дальнего Вида.

Гедеон Спилет предложил своим товарищам сделать небольшой привал в этом месте. Хотя обедать было еще рано, но все согласились, потому что успели уже сильно проголодаться из-за того, что все время находились в движении, и теперь были не прочь подкрепить силы куском жареного мяса. Второй завтрак должен был заменить обед и помочь дождаться ужина в Гранитном дворце.

Через несколько минут все сидели на траве под гигантскими морскими соснами и с жадностью поглощали провизию, которую запасливый Наб извлек из своего неистощимого походного мешка.

Место, выбранное колонистами для отдыха, было футов на пятьдесят-шестьдесят выше уровня моря. Благодаря этому можно было взором окинуть довольно широкий горизонт и даже видеть бухту Союза. Но при этом плато Дальнего Вида и островок Спасения были скрыты от глаз колонистов, потому что северную сторону закрывали рельеф местности и зеленая стена деревьев.

Нечего, конечно, и говорить, что на всем громадном пространстве океана, которое обозревали колонисты, нигде не было видно не только ни одного корабля, но даже незаметно никаких обломков. Не помогла в этом случае и подзорная труба, пользуясь которой инженер осмотрел и исследовал чуть не каждую волну от края до края всей круговой линии, где, казалось, сливались небо и вода.

Не найдя ничего интересного на море, Сайрес Смит стал осматривать так же тщательно все побережье до крайних пределов, но стекла прибора и здесь не помогли ему обнаружить никаких очертаний какого-либо судна.

– Ну, что же! – сказал Гедеон Спилет. – Мы, по крайней мере, можем утешать себя тем, что никто не будет оспаривать у нас чести открытия острова Линкольна и права обладания им!

– Ну, а как же этот случай с дробинкой? – заметил Герберт. – Ведь не приснилось же все это нам!

– Тысячу чертей, нет! – вскрикнул Пенкроф, вспоминая о том, как дорого обошлась ему эта находка.

– Но какой же можно из всего этого сделать вывод? – спросил Спилет.

– А вот какой, – ответил инженер. – Не больше чем три месяца назад какое-то судновольно или невольно пристало к...

– Что такое! Неужели вы, дорогой Сайрес, допускаете, что оно погрузилось в воду у этих берегов, не оставив никаких следов? – перебил его журналист.

– Нет, дорогой Спилет! Мы думаем, что какие-то люди приставали к этому острову, но почему вы не хотите допустить, что они благополучно покинули наш остров?

– Вы хотите сказать, мистер Сайрес, если только я вас правильно понял, что пристававший к нашему острову корабль уже уплыл? – спросил Герберт.

– Да.

– Значит, мы навсегда потеряли возможность вернуться на родину? – спросил Наб.

– Да, и мне самому так кажется.

– Хватит горевать!.. Не пора ли нам идти к дому? – сказал Пенкроф, который уже соскучился по Гранитному дворцу.

Но едва он встал на ноги, как послышался громкий лай Топа, и в ту же минуту собака выбежала из лесу, держа в зубах какую-то грязную тряпку.

Наб бросился к собаке и отнял у нее находку. Это был довольно большой лоскут грубого полотна.

Топ продолжал лаять и бегал взад-вперед, по-видимому приглашая колонистов немедленно идти следом за ним в лес.

— Топ, должно быть, нашел что-нибудь важное!.. Может быть, эта находка объяснит нам историю с дробинкой! — начал фантазировать Пенкроф.

— Может быть, мы найдем наконец потерпевших крушение! — воскликнул Герберт.

— Может быть, даже раненого! — добавил Наб.

— Или мертвого! — перебил его Спилет.

Все бросились следом за собакой, бегом пробираясь сквозь кустарник между высокими соснами. Колонисты по совету Сайреса Смита на всякий случай держали оружие наготове.

Вслед за Топом они довольно далеко углубились в лес, но, к большому своему разочарованию, по-прежнему не видели никаких следов человека. Кустарники и лианы, висевшие гирляндами, здесь также преграждали путь, и колонистам приходилось прокладывать себе дорогу топором, как они делали это, пробираясь сквозь чащу лесов Дальнего Запада. Все это были верные признаки того, что человеческая нога еще не ступала в этой части острова, а между тем Топ неудержимо стремился вперед, обнюхивая воздух и громким лаем приглашая людей не отставать. Очевидно, Топ что-то нашел.

Минут через семь-восемь Топ наконец остановился. Колонисты осмотрелись и увидели, что стоят на небольшой естественной просеке, окаймленной громадными соснами, вершинами уходящими далеко в небо. Однако ни в кустах, ни под деревьями не было ничего, заслуживающего внимания.

— Что ты нашел, Топ? — спросил Сайрес Смит.

Топ залаял еще громче и, бросившись к стволу гигантской сосны, начал прыгать и царапать дерево лапами.

Вдруг Пенкроф радостно крикнул:

— Вот это хорошо! Это прекрасно!

— Что такое? — спросил Гедеон Спилет.

— Мы искали следы кораблекрушения на море или на берегу...

— Ну?

— Ну, а они находятся в воздухе!

И Пенкроф указал на большой беловатый кусок ткани, спускавшийся с верхушки сосны.

Топ подобрал только небольшой клочок, упавший на землю.

— Но ведь это же не признак кораблекрушения! — сказал Гедеон Спилет.

— Вы ошибаетесь! — возразил Пенкроф.

— Неужели это?..

— Это все, что осталось от нашего воздушного корабля, от нашего воздушного шара, погибшего на верхушке этого дерева!

Радуясь находке, Пенкроф, по обыкновению, закричал «ура», а потом уже спокойным тоном сказал:

— Вот вам хороший холст! Вот из чего мы сошьем себе белье, которого хватит на многие годы! Вот из чего мы сошьем себе не только рубашки, но и носовые платки! Ну, мистер Спилет, что скажете вы об острове, где рубашки растут прямо на деревьях?

Колонисты и в самом деле могли только радоваться, что шар в тот памятный день, сделав свой последний прыжок в воздух, никуда не улетел, а снова упал на остров, где им удалось его найти. Если бы они решили спастись с острова на аэростате, они могли сохранить оболочку шара в целости, а если бы они отказались от этого намерения, то могли с пользой для себя использовать сотни метров полотна прекрасного качества, предварительно сняв с него лак. Не только Пенкроф, но и все остальные радовались и поздравляли друг друга с находкой.

Но оболочку шара нужно было еще снять с дерева, а потом спрятать в надежное место, а это было не легким делом. Наб, Герберт и Пенкроф, взобравшись на вершину дерева, совершили чудеса ловкости, чтобы отцепить громадный лопнувший шар, застрявший в ветвях.

Эта операция заняла около двух часов. Не только оболочка вместе с клапаном, пружинами и медными частями, но даже сетка, то есть огромное количество канатов и веревок, обруч, к которому прикреплялась сетка, и якорь лежали на земле. Оболочка оказалась в хорошем состоянии, и только нижняя часть была оторвана.

Это было целое состояние, упавшее с неба.

— Я все-таки надеюсь, мистер Сайрес, — сказал Пенкроф, обращаясь к инженеру, — что если мы когда-нибудь вздумаем покинуть остров, то сделаем это не на воздушном шаре, не правда ли? Эти проклятые воздушные корабли плывут совсем не туда, куда нужно... Нам это

пришлось узнать на себе! Послушайте мой совет, давайте построим хорошее судно, тонн на двадцать, а я вам выкрою из этого холста фок и кливер... Остальное пойдет нам на белье.

— Там будет видно, Пенкроф! — ответил Сайрес Смит. — Посмотрим!

— А теперь нужно спрятать все это в надежное место, — заметил Наб.

И в самом деле, нечего было и думать о том, чтобы перенести в Гранитный дворец всю эту массу полотна, канатов и веревок. До тех пор пока колонисты не приедут за находкой с тележкой, так неожиданно свалившееся к ним богатство следовало, по крайней мере, спрятать от непогоды. С огромными усилиями колонисты перетащили оболочку шара вместе с сеткой к берегу; там в одной из скал они нашли довольно большое углубление, нечто вроде пещеры, до которой не могли добраться ни ветер, ни дождь, ни морские волны.

— Нам нужен был шкаф, и у нас теперь есть шкаф, — сказал Пенкроф. — Но так как он не запирается на ключ, то, по-моему, следует хорошо замаскировать чем-нибудь это отверстие. Я боюсь не двуногих воров — их, по-видимому, нет на острове, — а вот четвероногие опасны, и очень!

К шести часам вечера все было сложено, отверстие пещеры заделано, и колонисты продолжили путь к мысу Когтя, назвав открытую ими бухточку вполне подходящим именем: гавань Воздушного Шара.

По дороге Пенкроф и инженер обсуждали различные проекты, которые следовало осуществить в ближайшем будущем. Прежде всего надо было построить мост через реку Милосердия, чтобы установить удобное сообщение с южной стороной острова, потом перевезти на тележке частями воздушный шар. После этого Пенкроф построит шлюпку с палубой, оснастит ее, и тогда можно будет поплыть... вокруг острова, а потом...

Как ни быстро шли колонисты, а ночь приближалась еще быстрее. Было уже совсем темно, когда исследователи добрались до мыса, того самого мыса, где они, совершенно неожиданно для себя, нашли ящик с двумя бочонками. Но и на этом месте, как и на всем острове, ничего не указывало на недавнее кораблекрушение, и поэтому приходилось соглашаться с мнением Сайреса Смита, что если люди и высаживались на остров, то они давно покинули его навсегда.

От мыса Находки до Гранитного дворца оставалось еще около четырех миль, и это расстояние путешественники прошли очень быстро. Несмотря на это, было уже далеко за полночь, когда колонисты, следя по правому берегу, добрались до первого поворота реки Милосердия.

Ширина реки в этом месте была гораздо меньше, чем в устье, но все-таки достигала восемидесяти футов, кроме того, течение было быстрым, так что переплыть на другой берег было трудно. Но Пенкроф обещал, что заботу о переправе он берет на себя, и от него потребовали выполнения обязательств.

Колонисты очень устали. Целый день они были на ногах и прошли громадное расстояние, то карабкаясь по скалам, то топором прорубая себе дорогу сквозь лесную чащу, кроме того, много сил у них отняла утомительная работа по снятию воздушного шара. Руки болели, а ноги отказывались служить путешественникам, им хотелось скорее попасть в Гранитный дворец, поужинать и лечь спать. Если бы был мост, они могли уже через пятнадцать минут быть дома.

Ночь, как нарочно, выдалась очень темная. Пенкроф помнил свое обещание построить нечто вроде плота, чтобы переправиться через реку. Наб вызвался ему помочь, и, вооружившись топорами, они принялись рубить у самого корня два дерева, растущие на берегу и вполне подходящие для плота.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет сидели, отдыхая, здесь же на берегу, и должны были стать второй сменой дровосеков, а Герберт расхаживал по берегу взад и вперед, не отходя далеко от своих товарищей.

Вдруг юноша, направившийся вверх по течению, быстро вернулся назад и, указывая на реку, крикнул:

— Посмотрите, что это там плывет?

Пенкроф прервал свою работу и с удивлением стал смотреть на какой-то темный предмет, плывший по воде.

— Лодка! — сказал он.

Все подошли к берегу и увидели, к своему изумлению, лодку, которая довольно быстро плыла по течению.

— Эй, лодка! — закричал Пенкроф по привычке, совсем не думая о том, что, может быть, им не следовало выдавать свое присутствие.

Никто не отозвался на этот оклик. Лодку продолжало нести течением. Она была уже в десяти шагах от колонистов, когда моряк вдруг снова закричал:

— Да ведь это наша пирога! Швартов оборвался, и она поплыла по течению!.. Надо же... она появилась здесь очень кстати!

— Наша пирога!.. — прошептал инженер.

Пенкроф был прав, это действительно была пирога. Швартов, вероятно, оборвался, и, увлекаемая течением, она поплыла вниз, к устью. Сейчас надо было поймать пирогу, иначе быстрое течение унесет ее в открытое море, и Пенкрофу придется делать новую. Но моряку вовсе не хотелось терять пирогу, и он с помощью Наба длинным шестом ловко подтащил ее к берегу.

Как только пирога подошла к берегу, инженер первым вскочил в нее и, вытащив из воды конец швартова, стал исследовать его на ощупь. Он убедился, что веревка действительно разорвалась от трения об острые края камней, торчавших из воды.

— Это, — шепотом сказал ему журналист, — это происшествие можно назвать очень...

— ...странным, — закончил за него фразу Сайрес Смит.

Странное или нет, но это обстоятельство оказалось очень благоприятным. Вслед за Смитом и Спилетом уселись в лодку все остальные колонисты. Они-то ничуть не сомневались в том, что веревка сама перетерлась о камни. Их удивляло только то, что пирога появилась как раз тогда, когда они всего больше в ней нуждались, и как раз в ту минуту, когда они стояли на берегу и могли ее перехватить. Еще пятнадцать минут, и колонистов здесь не было бы, а лодка пропала бы в океане.

Случись все это во времена веры в духов, можно было бы подумать, что какой-нибудь добрый гений острова пришел на помощь потерпевшим крушение.

Несколько взмахов веслами, и колонисты достигли противоположного берега возле устья реки Милосердия. Лодку вытащили на берег и проволокли до Гротов, после чего все вместе направились к лестнице Гранитного дворца.

Внезапно Топ сердито залаял, а вслед за тем послышался тревожный крик Наба.

Лестницы не было.

Глава шестая

Оклик Пенкрофа. – Ночь в Гrotах. – Стрела Герберта. – План Сайреса Смита. – Неожиданный случай. – Что произошло в Гранитном дворце. – У колонистов новый слуга.

Сайрес Смит остановился, не говоря ни слова. Его спутники принялись в темноте обшаривать стену в надежде, что, может быть, ветром сорвало низ лестницы и отбросило в сторону, – но лестницы не оказалось. Тогда они принялись искать ее на земле, предполагая, что, может быть, она совсем оборвала... Но лестница исчезла бесследно. Впрочем, может быть, ветер забросил ее на верхнюю площадку, но было так темно, что даже Пенкроф своими зоркими глазами ничего не мог рассмотреть в окружающем мраке.

– Если это шутка, – сердито вскричал Пенкроф, – то очень скверная!.. Спешить домой и не иметь возможности подняться в свою комнату – в этом нет ничего смешного для усталых людей.

Наб в полном отчаянии испускал горестные восклицания.

– Странно! Ведь сегодня не было ветра, – заметил Герберт.

– Я замечаю, что на острове Линкольна начинает твориться что-то странное, – сказал Пенкроф.

– Странное? – повторил Гедеон Спилет. – Не понимаю, что вам тут кажется странным, Пенкроф, а по-моему, все так просто. Кто-то пришел, пока нас не было, занял наше жилище и поднял лестницу.

– Вы говорите «кто-то»! – воскликнул матрос. – Кто же это, позвольте вас спросить?

– Как вам сказать – кто? Да, может быть, тот самый охотник, который попал дробинкой в пекари, – ответил Спилет. – По-моему, случай с дробинкой лучше всего подходит для того, чтобы объяснить исчезновение лестницы...

– Ну, если там наверху есть кто-нибудь, – ответил Пенкроф, сопровождая эту фразу громкими проклятиями и все больше раздражаясь, – я попробую окликнуть его и надеюсь, что он мне ответит!

И моряк во всю силу своих могучих легких заорал громовым голосом протяжное «Э-э-эй!», которое затем еще долго повторяло эхо. Колонисты прислушались, и им показалось, что наверху, в Гранитном дворце, раздался какой-то странный смех. Но никто не ответил на призывные крики Пенкрофа, разносившиеся громовыми раскатами по всему побережью.

Все это было так странно, что даже самые апатичные люди – и те были бы удивлены и невольно вышли бы из своей апатии, а колонисты не были равнодушными и не могли отнести к этому хладнокровно. В том положении, в котором они находились, любое, даже самое незначительное событие, выходящее за рамки обыденной жизни, имело для них огромное значение. За все семь месяцев их пребывания на острове с ними ни разу не случалось ничего подобного, и кто знает, какие последствия могло иметь в будущем загадочное исчезновение лестницы.

Голод, усталость – все было забыто. Колонисты стояли у подножия Гранитного дворца, подавленные необычным происшествием, не зная, что думать, не зная, что делать, задавая друг другу вопросы и не зная, что отвечать... Наб горевал больше всего о том, что не может попасть в свою кухню и заняться приготовлением ужина. Его сумка с провизией была почти совсем пуста, а все съестные запасы хранились в кладовой, рядом с кухней... И бедняга жалобно причитал, чуть не плача.

– Друзья мои, – сказал наконец Сайрес Смит, – я считаю, что нам нужно дождаться рассвета, и тогда мы будем действовать по обстоятельствам. А пока пойдем в Гроты. Там мы, по крайней мере, проведем ночь под крышей, а если не сможем поужинать, то, надеюсь, хорошо выпимся.

— Хотел бы я знать, кто этот нахальный господин, сыгравший с нами такую скверную штуку? — спросил еще раз Пенкроф, который никак не мог примириться с мыслью, что Гранитный дворец занят чужими.

Кто бы ни был этот бесцеремонный посетитель, но колонистам оставалось только последовать совету инженера, пойти в Гроты и там дожидаться рассвета. Топу было приказано остаться под окнами Гранитного дворца на страже, а когда Топ получал приказ, он выполнял его без возражений. Оставив умную собаку у подножия гранитной стены, ее хозяин вместе со своими товарищами отправился в Гроты.

Сказать, что изнемогавшие от усталости колонисты хорошо спали этой ночью на песчаном ложе в Гротах, значило уклониться от истины. Их беспокоило неожиданное исчезновение лестницы, случайное или умышленное — это они узнают утром, — кроме того, им неудобно было лежать на голом песке, не имея даже подстилки из травы. Но приходилось мириться с этим положением, потому что их дом занят непрошенными гостями и они не только не могли туда вернуться, но даже не знали, с кем имеют дело.

Лишиться Гранитного дворца означало лишиться всего, что они имели. Там были не только спальни, там же хранилось и все их имущество, все их запасы. Там в строгом порядке были сложены самые разнообразные материалы — оружие, инструменты, приборы, запасы продовольствия и прочее. Что, если все это будет разграблено и колонистам придется устраиваться заново, снова делать оружие, инструменты?..

Это было бы большим несчастьем, не говоря уже о том, что многие предметы, доставшиеся им вместе с ящиком, они не могли сделать сами. Вот главная причина, почему им плохо спалось. То один, то другой почти ежеминутно вскакивал и выходил посмотреть, хорошо ли Топ выполняет обязанности сторожа. Только Сайрес Смит с обычным спокойствием терпеливо дожидался разъяснения загадки, хотя был страшно возмущен сознанием, что над ним, над его волей стоит кто-то более сильный, которому невольно приходится подчиняться и которого до сих пор ему не удалось найти. Гедеон Спилет был полностью согласен с инженером, и в эту ночь они несколько раз принимались, конечно шепотом, обсуждать все эти необъяснимые факты, перед которыми были бессильны их проницательность и жизненный опыт. Тут есть какая-то тайна, это несомненно, но где ключ к этой тайне? Кто и почему скрывается от них, играя роль доброго гения заброшенных на уединенный клочок земли колонистов? Герберт не знал, что и думать, и очень хотел получить ответы на интересующие его вопросы от Сайресса Смита, но пока молчал. А Наб после недолгого раздумья пришел к заключению, что все это, в сущности, его не касается и должно быть разъяснено его хозяином. Если бы только негр не боялся обидеть своих товарищей, он проспал бы эту ночь так же хорошо и спокойно, как если бы лежал на своей постели в Гранитном дворце.

Зато Пенкроф негодовал больше всех или, лучше сказать, один за всех. Гнев его не имел пределов.

— Нечего сказать, хорошая шутка! — ворчал он. — Только я не очень-то люблю шутки вроде той, которую с нами сыграли! Ну, да это мы еще посмотрим, кто завтра будет смеяться, а кто плакать!.. Плохо придется этому шутнику, если только он попадется ко мне в руки!..

С первыми проблесками зари колонисты были уже на ногах и, захватив с собой оружие, направились к берегу. Гранитный дворец, обращенный на восток, вскоре должен был осветиться лучами восходящего солнца. И действительно, около пяти часов среди зелени уже можно было рассмотреть окна, закрытые изнутри ставнями.

С этой стороны все было в порядке, но из груди колонистов невольно вырвался крик, когда они увидели настежь открытую дверь, которая — все это прекрасно помнили — была заперта перед уходом.

Кто-то пробрался в Гранитный дворец. В этом не оставалось никаких сомнений.

Верхняя лестница, соединявшая дверь со средней площадкой, была на месте, но нижняя была убрана и приподнята до самого дверного порога. Очевидно, пришельцы хотели обезопасить себя на случай прибытия настоящих хозяев дворца.

Что касается их вида и количества, то определить это пока было нельзя, потому что никто из незнакомцев еще не показывался.

Пенкроф опять крикнул несколько раз.

Никакого ответа.

– Негодяи! – закричал моряк. – Они спят себе спокойно, словно в своем собственном доме!.. Эй, вы!.. Пираты, разбойники, бандиты, отродье Джона Буля!..

По американским понятиям Пенкрофа, назвать кого-нибудь «отродьем Джона Буля» означало самое сильное оскорбление.

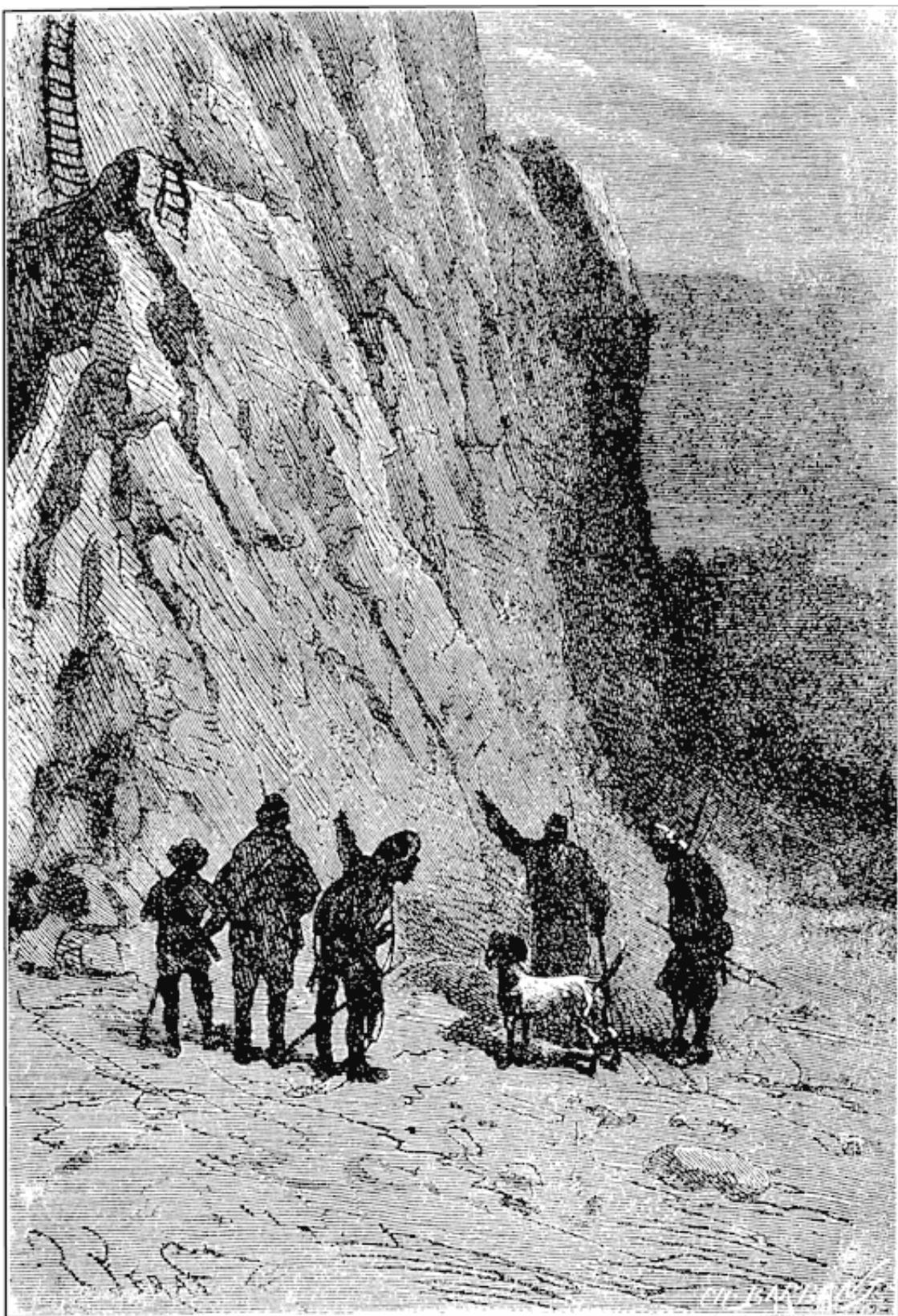
Пока Пенкроф так своеобразно изливал свой гнев, совсем рассвело, и фасад Гранитного дворца засверкал под лучами утреннего солнца. Но внутри дворца, как и снаружи, все было тихо и спокойно.

Колонисты начали сомневаться, действительно ли кто-то есть в Гранитном дворце. Однако поднятая лестница красноречиво доказывала, что помещение занято. Было очевидно, что и оккупанты, кто бы они ни были, не могли убежать оттуда. Вопрос только в том, как до них добраться?

Герберту пришла мысль привязать к стреле тоненькую веревку и попытаться пустить стрелу таким образом, чтобы она попала между ступеньками лестницы, болтавшейся как раз у порога. Если бы эта попытка удалась, можно было, потянув за веревку, вытянуть лестницу вниз до самой земли и восстановить сообщение с Гранитным дворцом.

Пока нельзя было придумать ничего другого, а если выстрел будет удачным, попытка сулила почти верный успех. К счастью, луки и стрелы хранились в одном из коридоров Гротов, там же лежало и несколько сот метров тонкой веревки из растительных волокон. Пенкроф размотал веревку и привязал один конец к хорошо оперенной стреле. Теперь наступила очередь Герберта показать свое искусство. Юноша взял стрелу и, став в позицию, натянул лук, целясь в свисающий конец лестницы.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Пенкроф и Наб отошли немного назад, чтобы лучше видеть полет стрелы и наблюдать за тем, что будет происходить в Гранитном дворце. Журналист, приложив карабин к плечу, целился в дверь.

Герберт еще сильнее натянул тетиву, и стрела с легким свистом полетела вверх, увлекая за собой бечеву, и упала как раз между двумя ступеньками.

Попытка удалась.

Герберт подхватил лежавший на земле конец веревки и начал слегка дергать ее вниз, чтобы опустить лестницу.

Вдруг в дверную щель просунулась рука, схватила лестницу и быстро убрала ее в Гранитный дворец.

– Негодяйка! – заревел моряк. – Тебе, видно, захотелось получить пулью в бок! Что ж, тебе недолго придется ждать.

– Но кто ж это такой? – спросил Наб.

– Кто? Разве ты не узнал?..

– Нет.

– Да ведь это – обезьяна, мартышка, сапажу, орангутанг, бабуин, горилла, сагуин!.. В нашем дворце обезьяны!.. Проклятые твари забрались туда по лестнице во время нашего отсутствия...

В эту минуту, словно желая подтвердить слова моряка, три или четыре обезьяны показались у окон, открыв ставни, и, глядя на стоявших внизу законных владельцев занятого ими жилища, принялись кривляться и гримасничать.

– Я ведь и раньше говорил, что это глупая шутка, – смеясь, сказал Пенкроф. – Но, по крайней мере, один шутник первым поплатится за проделки твоих товарищей!..

С этими словами моряк вскинул к плечу ружье, быстро прицелился и выстрелил. Все обезьяны, кривлявшиеся в окнах, скрылись, и только одна безжизненной массой свалилась вниз.

Убитая обезьяна была огромной и, по-видимому, принадлежала к отряду человекообразных. Все с любопытством ее рассматривали, спрашивая, кто это: шимпанзе, орангутанг, горилла или гибbon? Герберт сразу же удовлетворил общее любопытство и авторитетным тоном ученого объявил, что это орангутанг, а Герберту можно было верить – юноша былведущ в зоологии.

– Какое великолепное животное! – воскликнул Наб.

– Великолепное?.. Согласен, – ответил Пенкроф, – но меня это вовсе не интересует. Лучше поговорим о том, как бы нам попасть к себе во дворец?

– Герберт – прекрасный стрелок, – сказал Спилет. – Лук при нем. Пусть попробует еще раз...

– Нет, обезьяны – хитрые бестии! Я их хорошо знаю! – возразил Пенкроф. – Проверьте, теперь они уже не подойдут к окнам, и нам не удастся их убить... А подумать только, сколько бед могут они наделать... комнаты... кладовые...

– Потерпите, Пенкроф! – вмешался Сайрес Смит. – Обезьяны не останутся там надолго...

– Этому я поверю только тогда, когда ни одного этого безобразника не останется во дворце, – запальчиво возразил моряк. – Вот скажите, пожалуйста, мистер Смит, знаете ли вы, сколько именно дюжин этих обезьян засело там наверху?

Ответить на вопрос Пенкрофа было нелегко. Герберту повторить свою удачную попытку тоже не удалось, потому что обезьяны совсем убрали лестницу, и, когда он начал снизу сильнее дергать за веревку, она не выдержала и оборвалась.

Осаждающие в самом деле находились в затруднительном положении. Пенкроф кричал и выходил из себя. Вся эта история имела и комическую сторону, но Пенкрофу это нашествие

человекообразных совсем не казалось смешным. Колонисты не сомневались, что в конце концов они проникнут в Гранитный дворец и выгонят оттуда непрошеных гостей, но только когда и как? Ответить на такой вопрос в данную минуту никто не мог.

Прошло еще два часа. За все это время ни одна обезьяна не показалась ни у окна, ни у дверей, но они, конечно, были еще там. Несколько раз то в окно, то в дверь на минуту выглядела любопытная морда или протягивалась рука. Любое появление неприятеля колонисты встречали ружейными выстрелами.

— Знаете что? Попробуем спрятаться, — предложил инженер. — Может быть, обезьяны подумают, что мы ушли, и снова покажутся. Пусть Спилет и Герберт спрячутся за скалами и будут стрелять в первую же физиономию, которая выглядит из окна.

Предложение инженера все одобрили и немедленно привели в исполнение. Гедеон Спилет и Герберт, самые лучшие стрелки колонии, отошли немного в сторону и спрятались, не спуская глаз с Гранитного дворца. Сайрес Смит, Пенкроф и Наб отправились на охоту в лес возле плато Дальнего Вида, потому что они с утра еще ничего не ели и необходимо было раздобыть немного дичи.

Через полчаса охотники вернулись и принесли несколько горных голубей, которых удалось кое-как изжарить. За это время ни одна обезьяна не показывалась.

Оставив Топа сторожить под окнами, Гедеон Спилет и Герберт тихо вышли из засады, чтобы позавтракать. Поев, они снова вернулись на свой пост.

Прошло еще два часа, а положение дела никак не изменилось. Обезьяны не подавали больше никаких признаков жизни, и можно было подумать, что во дворце их нет. Но так только казалось, а на самом деле, испуганные выстрелами и, главным образом, смертью одной из товарок, они притаились где-нибудь по углам в комнатах Гранитного дворца и, может быть, забрались даже в кладовую. А как только колонисты вспоминали о кладовой, о тех сокровищах, которые в ней хранились, то даже самые благоразумные из них, несмотря на советы инженера не волноваться и терпеливо ждать, приходили в сильное раздражение, да и было от чего.

— Нет, как хотите, а все это слишком глупо, — сказал наконец журналист. — Я даже представить себе не могу, когда это кончится!

— Надо же, в конце концов, выгнать оттуда этих негодяев! — вскричал Пенкроф. — Мы справились бы с ними, будь их там хоть два десятка, но для этого надо или выманить их сюда или пробраться к ним... Неужели нет никакой возможности добраться до них?

— Есть только один способ, — ответил инженер, которому, по-видимому, пришла в голову новая мысль.

— Только один? — спросил Пенкроф. — Что ж, хорошо и это, если нельзя придумать ничего другого... А можно узнать, в чем заключается этот способ?

— Надо попытаться проникнуть в Гранитный дворец по старому водостоку из озера, — ответил инженер.

— Ах, сто тысяч чертей! — обрадовался моряк. — Ведь как просто, а мне и в голову не приходило!

Это действительно был единственный способ проникнуть в Гранитный дворец, чтобы сразиться с обезьянами и выгнать их. Отверстие водостока, правда, было наглухо заделано каменной перегородкой, но делать нечего, придется, видимо, разрушить ее, но потом можно будет замуровать отверстие точно так же.

К счастью, Сайрес Смит еще не привел в исполнение свой проект, состоявший в том, чтобы поднять уровень воды в озере и таким образом скрыть под водой место бывшего водостока. Будь это сделано, проникнуть в Гранитный дворец было бы гораздо труднее.

Уже за полдень колонисты, хорошо вооруженные, захватив с собой кирки и лопаты, вышли из Гротов и, оставив Топа под окнами Гранитного дворца наблюдать за обезьянами, направились по левому берегу реки Милосердия к плато Дальнего Вида. Но не успели они

пройти и пятидесяти шагов, как вдруг послышался яростный лай собаки. Умное животное, не покидая своего поста, отчаянно звало на помощь.

Колонисты остановились.

– Скорей туда! – сказал Пенкроф.

Все побежали обратно. Добежав до угла, они увидели, что положение резко изменилось.

Обезьяны, чем-то или кем-то испуганные, метались во все стороны и, видимо, пытались убежать. Две или три из них выбрались наружу и с ловкостью, которой позавидовал бы самый знаменитый акробат, бегали и прыгали по фасаду от одного окна к другому. Животные, по-видимому, были так испуганы, что забыли про лестницу, которую всего лишь надо было сбросить вниз, чтобы благополучно спуститься на землю. Вскоре пять или шесть обезьян оказались под прицелом, и колонисты, подбежав поближе, начали стрелять. Ни один выстрел не пропал даром; обезьяны в паническом ужасе выскакивали из дворца и гибли под пулями. Некоторые из раненых обезьян с криками падали назад в комнату, другие сваливались вниз, поднимались, пытались уйти, но тут же опять падали и умирали...

Прошло всего минут десять, но уже почти с уверенностью можно было сказать, что в Гранитном дворце не осталось ни одной обезьяны.

– Ура! – закричал Пенкроф, торжествуя победу. – Ура! Ура!

– Не рано ли вы начали кричать «ура»? – заметил Гедеон Спилет.

– А почему? Обезьяны все убиты, – отозвался моряк.

– Так-то оно так, но мы все равно не можем попасть домой...

– Пойдем к водостоку! – возразил Пенкроф.

– Больше ничего не остается, – вмешался в разговор инженер. – Хотя было бы гораздо лучше, если бы...

В эту минуту, словно в ответ на замечание Сайреса Смита, лестница вдруг соскользнула с порога, развернулась и упала на землю.

– Ах, черт возьми! Вот так штука!.. Здорово!.. – вскричал Пенкроф, обращаясь к Сайресу Смиту.

– Слишком здорово! – тихо произнес в ответ инженер, бросившись к лестнице.

– Будьте осторожны, мистер Сайрес! – крикнул ему Пенкроф. – Как бы там не оказалось еще парочки-другой этих орангутангов...

– Там видно будет, – ответил инженер, продолжая подниматься по лестнице.

Примеру инженера последовали остальные колонисты, и через минуту все они были уже у самой двери.

Колонисты осмотрели все помещение. В комнатах никого не было, а в кладовую обезьяны почему-то даже не заходили.

– Вот история! Как же могла свалиться лестница? – повторял моряк. – Кто был так любезен и сбросил нам ее сверху?

В эту минуту послышался крик, и огромная обезьяна вбежала в зал, следом за ней бежал Наб.

– А, разбойник! – заорал Пенкроф.

И, взмахнув топором, он хотел рассечь животному голову, но Сайрес Смит остановил его:

– Пощадите его, Пенкроф.

– Чтобы я пощадил эту образину!

– Да! Это он сбросил нам лестницу.

Инженер сказал это таким странным тоном, что трудно было разобрать, серьезно он говорит или нет.

Так или иначе, но его заступничество достигло своей цели: Пенкроф опустил топор. Затем все дружно набросились на обезьяну и, несмотря на упорное сопротивление, повалили животное на пол и крепко связали веревками.

— Уф!.. И здоров же он!.. — проговорил Пенкроф, поднимаясь. — Ну а что же он будет у нас делать?

— Служить! — ответил Герберт.

Говоря это, юноша совсем не шутил, потому что знал из книг, какую пользу можно извлечь из этих разумных животных.

Колонисты снова подошли к обезьяне и стали внимательно ее рассматривать. Это был настоящий орангутанг, он не обладал ни свирепостью бабуина, ни легкомыслием макаки, ни нечистоплотностью сагуина, ни нетерпением бесхвостой маго, ни дурными инстинктами павиана. Именно этот вид человекообразных отличается всеми характерными признаками, приближающими обезьяну к человеку. Приученные и воспитанные орангутанги очень быстро привыкают пользоваться ложкой и вилкой и даже пьют вино... и все это они делают не хуже, если не лучше двуногих лакеев.

Известно, что у Бюффона была такая же обезьяна, которая несколько лет была ему верным и усердным слугой.

Пойманный колонистами орангутанг, лежавший связанным в большом зале Гранитного дворца, был огромный, почти шести футов ростом, пропорционально сложенный, с широкой, сильно развитой грудью, средней величины головой, закругленным черепом. Нос у него выдавался вперед, а кожу покрывала гладкая, мягкая и блестящая шерсть. Одним словом, это был один из лучших представителей семейства человекообразных. В его небольших глазах светился разум. Белые, как слоновая кость, зубы сверкали на темном фоне усов, а небольшая курчавая, рыжеватого цвета бородка обрамляла щеки и нижнюю часть лица.

– А ведь красивый парень, черт возьми! – сказал Пенкроф. – Эх, жаль, что мы не знаем их языка, а то с ним можно было бы потолковать.

– Хозяин! – заговорил Наб, обращаясь к инженеру. – Значит, это не шутка?.. Обезьяна и в самом деле будет слугой?

– Да, Наб, – улыбаясь, ответил инженер. – Но только ты не ревнуй!

– Надеюсь, что этот орангутанг будет хорошим слугой, – заметил Герберт. – Он еще молодой, обучить его будет нетрудно, и нам не придется ни бить его, ни вырывать ему клыки, как это обычно делают, когда удается поймать старого, уже заматеревшего орангутанга... Вы увидите, как он привяжется к нам, как он полюбит нас, если только мы сами не будем обращаться с ним жестоко и станем действовать лаской...

– Конечно, так и будет, – ответил за всех Пенкроф, который к этому времени уже успел забыть, как сердился на «шутников». – Ну, приятель?.. Как дела?.. – спросил он орангутанга. – Нравится тебе у нас?..

Орангутанг ответил легким ворчаньем.

– Значит, ты согласен вступить в состав колонии? – спросил моряк. – Давай же, брат, говори!.. Согласен ты поступить на службу к мистеру Сайресу Смиту?

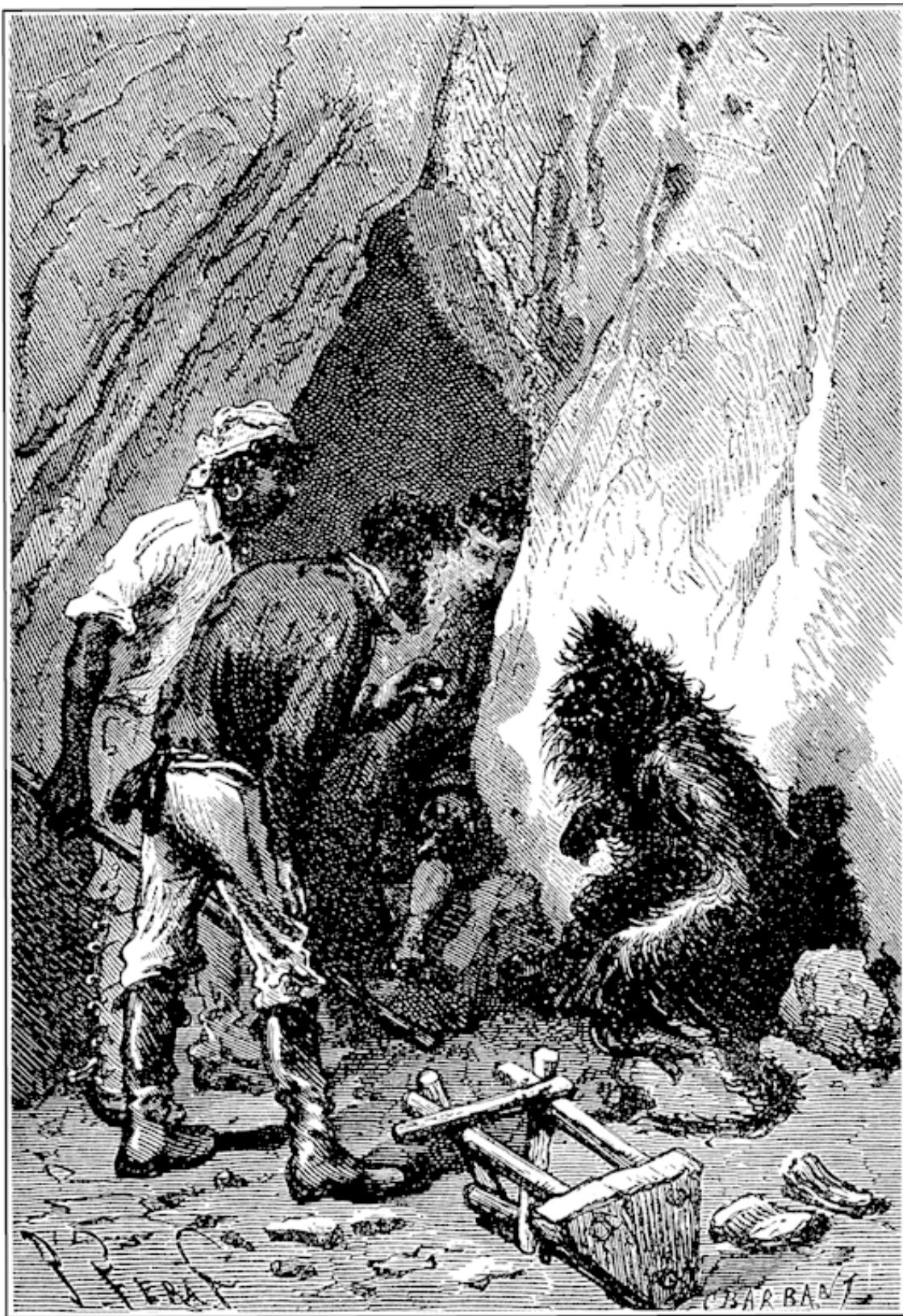
Снова одобрительное ворчанье обезьяны.

– Только, брат, вот что... жалованья ты пока получать не будешь... но за твою работу мы тебя будем кормить, поить, одевать, обувать...

Обезьяна опять заворчала, как бы изъявляя свое согласие.

– Он разговаривает довольно однообразно, – заметил Гедеон Спилет.

– Ничего! – возразил Пенкроф. – Чем меньше слуга разговаривает, тем лучше... К тому же мы не будем платить ему жалованье! Слушай, милейший, первое время ты будешь служить у нас без жалованья, а потом, если мы будем тобой довольны, вознаграждение будет увеличено вдвое.

Таким образом, число колонистов увеличилось еще на одного члена, который со временем должен был оказаться очень полезным. Нужно было дать имя этому новому слуге, и Пенкроф попросил своих товарищей, чтобы его назвали Юпитером в память другой такой же обезьяны, которую он знал. Все, конечно, охотно согласились и орангутангу дали имя Юпитер, которое тотчас же было заменено коротким Юп.

С этого времени мастер Юп мог считать себя законным обитателем Гранитного дворца.

Глава седьмая

Осуществление проектов. – Мост на реке Милосердия. – Превращение плато Дальнего Вида в остров. – Подъемный мост. – Сбор урожая. – Ручей. – Мостики. – Птичник. – Голубятня. – Онагги. – Телега. – Поездка в гавань Воздушного Шара.

Итак, колонистам острова Линкольна удалось попасть к себе домой, не прибегая к разрушению стены, загораживающей наружное отверстие старого водостока, который потом пришлось бы опять заделывать кирпичами. Действительно, для них было большим счастьем, что именно в то время, когда они уже направлялись к водостоку, обезьяны внезапно чего-то испугались и в паническом страхе бежали из Гранитного дворца. Может быть, они как-то почувствовали, что на них готовится нападение с другой стороны, и решили заранее очистить поле битвы? Все это было маловероятным, но почти единственным объяснением непонятного отступления обезьян.

Прежде всего колонисты убрали трупы убитых обезьян, они оттащили их в лес и там зарыли. И только после этого принялись приводить в порядок комнаты, где похозяйничали обезьяны, не причинившие, впрочем, большого ущерба колонии. В кладовую обезьяны почему-то не заглянули, и все ограничились тем, что они перевернули мебель в комнатах, но, к счастью, ничего не сломали и не разбили. Закончив уборку, Наб развел огонь в плите и подготовил из домашних запасов роскошный ужин, которому оказали честь проголодавшиеся колонисты.

Юп тоже не был забыт. Он с аппетитом ел орехи и различные коренья, которые ему представили для угощения. Пенкроф развязал орангутанг руки, но оставил путы на ногах и решил не снимать их до тех пор, пока животное не станет ручным.

После ужина колонисты, несмотря на усталость, не пошли сразу спать, а обсудили некоторые проекты, осуществление которых выдвигалось на первый план.

Самым важным и неотложным делом было строительство моста через реку Милосердия, чтобы установить легкое и безопасное сообщение Гранитного дворца с южной частью острова. Потом, не откладывая дела в долгий ящик, нужно было устроить скотный двор для муфлонов и других длинношерстных животных, которых удастся поймать живыми и приручить.

Выполнение этих двух проектов должно было помочь решить вопрос о снабжении колонистов бельем и одеждой, в чем они сильно нуждались. Устройство моста значительно облегчит переноску оболочки шара, из которой можно будет сшить белье, а обитатели скотного двора обеспечат запас шерсти, которая пойдет на изготовление зимней одежды.

Сайрес Смит предполагал отвести под скотный двор место у самых истоков Красного ручья, потому что там жвачные животные в течение всего теплого времени года имели бы в изобилии подножный корм, и, кроме того, там можно было заготовлять корма на зиму. От плато Дальнего Вида к верховьям ручья дорога была частично уже проложена, и продукты со скотного двора сначала можно было доставлять без особого труда на ручной тачке, а если им удастся поймать и приручить какое-нибудь упряженное животное, то и на большой тележке.

Но если можно было устроить скотный двор вдали от Гранитного дворца, совсем иначе дело обстояло с выбором места для птичника, на что Наб и обратил внимание своих товарищ. И в самом деле, необходимо было устроить птичник как можно ближе к дому, чтобы пернатые обитатели птичьего двора находились всегда под рукой у главного повара. Самым подходящим для птичника было выбрано место на правом берегу озера, в той его части, которая примыкала к старому водостоку, то есть на плато Дальнего Вида. Там должно быть одинаково хорошо и привольно как водоплавающим, так и сухопутным птицам, а самец и самка тинаму, пойманные во время последней экспедиции, будут первыми обитателями птичника.

На следующий день, 3 ноября, колонисты приступили к строительству моста на реке Милосердия, и, конечно, все приняли участие в этом важном деле. Захватив с собой топоры,

пилы, молотки и другие инструменты, колонисты, превратившись в плотников, вышли из своего жилища и спустились на берег.

— А что, если во время нашего отсутствия мастеру Юпу придет в голову фантазия поднять лестницу, которую он так любезно бросил нам вчера? — заметил Пенкроф.

— Да, это может случиться... Надо закрепить ее внизу, — ответил Сайрес Смит.

Так и сделали — вбили в песчаный грунт два коля и к ним привязали лестницу. Затем колонисты поднялись по левому берегу реки Милосердия и вскоре достигли того места, где река поворачивала на юго-запад.

Здесь плотники остановились и стали совещаться, не лучше ли построить мост на этом месте. С первого взгляда место казалось вполне подходящим. Отсюда было не более трех с половиной миль по прямому направлению до гавани Воздушного Шара, открытой накануне на юном берегу, и колонисты без особого труда могли проложить в том направлении проезжую дорогу и установить удобное сообщение между Гранитным дворцом и южной частью острова.

Но тут Сайрес Смит предложил своим товарищам новый проект, который он давно успел обдумать. Осуществить его было нетрудно, а вместе с тем он представлял громадные выгоды. Инженер предлагал совершенно изолировать плато Дальнего Вида и таким образом навсегда защитить его от возможного нападения четвероногих или четвероруких. Если его проект будет принят, тогда Гранитный дворец, Гроты, птичник и вся верхняя часть плато, предназначавшаяся для сельскохозяйственного использования, были бы совершенно защищены от хищнических набегов.

Проект инженера был очень простой, и вот в чем он заключался.

Плато Дальнего Вида было и так уже защищено с трех сторон водой, частично благодаря своему естественному положению, а частично искусственно.

На северо-западе — от угла, где находилось отверстие старого водостока, до того места, где колонисты пробили отверстие для устройства нового водостока, — его защищало озеро Гранта. На севере — начиная от этого места и до самого моря — новый ручей, который, пробегая через плато, водопадом низвергался вниз и дальше быстрым потоком стремился по берегу моря. Стоило только немножко углубить ложе этогонского потока, и ни одно животное не рискнет переправиться через него даже вплавь.

На востоке, от устья ручья и до устья реки Милосердия, преградой четвероногим служило море, из которого могли выйти на берег только земноводные, а они не могли взобраться на плато Дальнего Вида.

На юге — от устья реки до ее излучины, где предполагалось построить мост, — преградой была сама река.

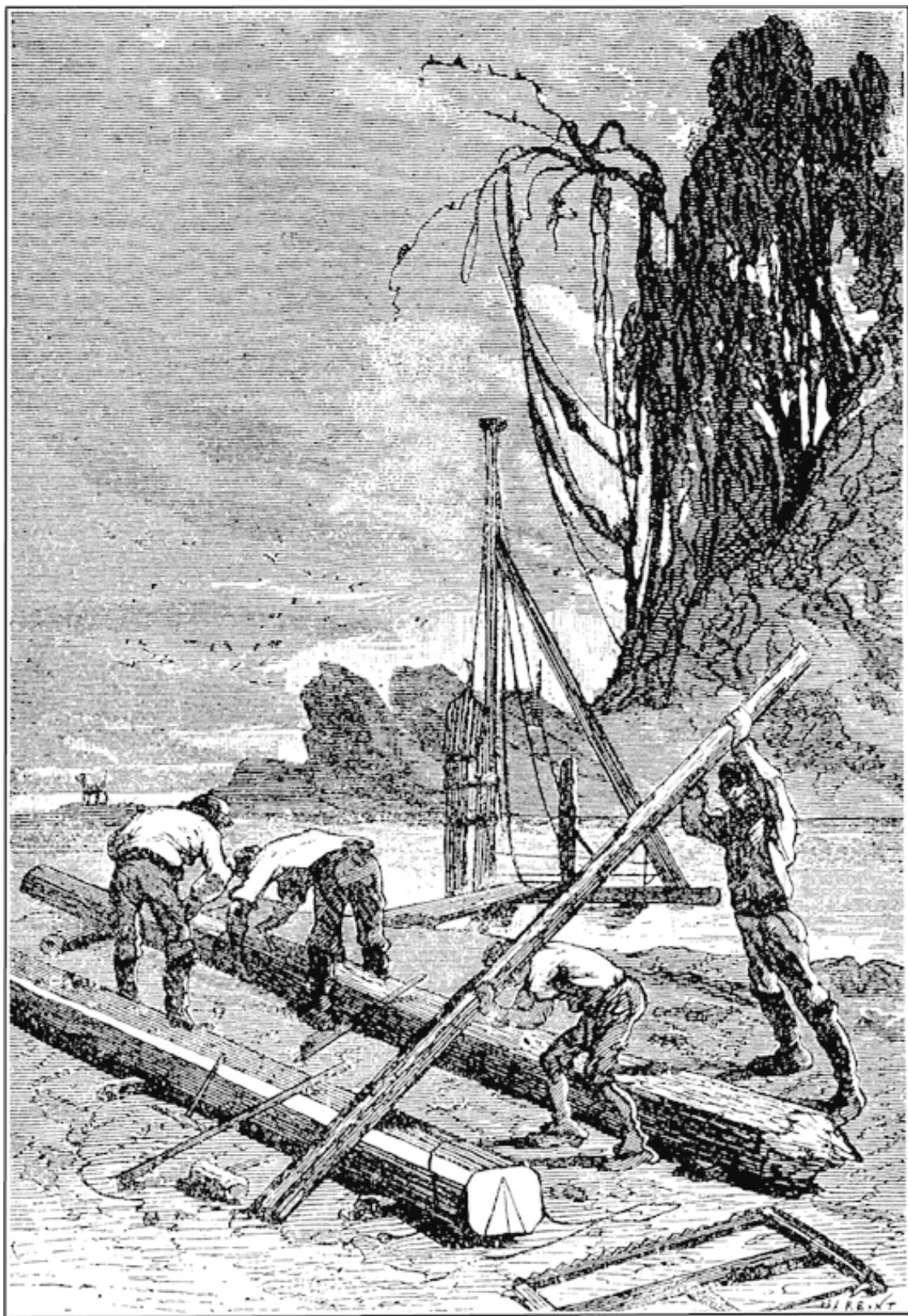
Таким образом, незащищенной оставалась только западная часть плато между поворотом реки и южной оконечностью озера на расстоянии почти одной мили. Но было совсем нетрудно вырыть достаточно широкий и глубокий ров и наполнить его водой из озера Гранта, то есть устроить второй водосток к реке Милосердия, куда вода стекала бы водопадом. Устройство нового водостока, разумеется, приведет к понижению уровня воды в озере, но Сайрес Смит установил, что этого не следует опасаться, потому что, по его исследованиям, приток воды из Красного ручья настолько значителен, что понижение уровня озера будет почти незаметно.

— Таким образом, — сказал инженер в заключение, — плато Дальнего Вида станет настоящим островом, окруженным со всех сторон водой, причем попасть на него можно будет только по мосту, который мы построим через реку Милосердия, по мостикам, уже устроенным выше и ниже водопада, и, наконец, еще по двум мостикам, которые непременно нужно будет построить. Один мостик мы перекинем вверху, а другой внизу через ров, который я предлагаю вам выкопать от озера до реки... Если все мосты и мостики сделать подъемными, то плато Дальнего Вида окажется защищенным от любых неожиданностей.

Для большей наглядности Сайрес Смит начертил план местности. Колонисты собственными глазами убедились, насколько важно осуществление нового проекта инженера, и единогласно его одобрили. Пылкий Пенкроф не хотел слушать больше никаких объяснений и, размахивая топором, кричал:

– Ну, чего стоите?.. Лучше все равно ничего не придумаете!.. Идем строить мост!

Строительство моста и в самом деле нельзя было откладывать. Колонисты под руководством инженера выбрали подходящие деревья, срубили их, очистили от веток, сняли кору и затем одни из них обстругали на брусья, а другие распилили на доски различной толщины. По проекту инженера часть моста, примыкающая к правому берегу реки Милосердия, должна была строиться на сваях, неподвижной, а его левая часть должна была быть устроена таким образом, чтобы ее можно было по желанию поднимать с помощью противовесов, как пороги на шлюзах.

Конечно, эта значительная работа, несмотря на знания и опыт инженера, руководившего строительством, требовала немало времени, потому что ширина реки Милосердия в этом месте была около восьмидесяти футов. Прежде всего нужно было в дно реки забить сваи – они должны были поддерживать неподвижную часть моста, – а для этого понадобился копер. Сваи

должны были образовать две арки и придать мосту вместе с устойчивостью способность выдерживать большую нагрузку.

К счастью, у колонистов было достаточно инструментов для обработки дерева и железных полос для креплений. Изобретательность инженера, прекрасного специалиста, и усердие помогавших ему товарищей, успевших за семь месяцев пребывания на острове приобрести и необходимые знания, и навык, обеспечивали полный успех. Следует сказать, что Гедеон Спилет оказался неплохим плотником и в умении владеть инструментами соперничал даже с самим Пенкрофом, который с удивлением говорил, что «никогда не ожидал ничего подобного от простого журналиста»!

Постройка моста через реку Милосердия продолжалась три недели, и колонисты все это время работали с утра до ночи. Обедали они здесь же, на месте работ, а так как погода стояла прекрасная, то плотники приходили домой в Гранитный дворец только вечером, к ужину.

Возвращаясь домой, колонисты с удовольствием замечали, что орангутанг привыкает к своим хозяевам и, видимо, осваивается с новыми для него условиями жизни. Несмотря на это, Пенкроф из осторожности все еще не давал ему полной свободы и не освободил его от пут, отложив это до того времени, пока плато не будет совершенно изолировано. Но мастер Юп не особенно скучал и развлекался тем, что ел с утра до ночи, а когда плотники возвращались домой, он бросал еду и начинал играть с Топом, с которым находился в дружеских отношениях.

20 ноября строительство моста было окончено. Его подвижная часть, уравновешенная противовесами, двигалась очень легко на шарнирах, и требовалось лишь небольшое усилие, чтобы ее поднять. Когда подвижную часть моста поднимали, между рекой и балками моста получался просвет приблизительно футов двадцать, а это было даже больше, чем нужно для того, чтобы никакое животное не могло перебраться на левый берег.

Устройство моста теперь позволяло отправиться за оболочкой воздушного шара и привезти ее на тачке в Гранитный дворец. Колонисты хотели как можно скорее спрятать шар в одной из кладовых, где он находился бы в полной сохранности. Однако нужно было сначала проложить дорогу сквозь густую чащу лесов Дальнего Запада, что тоже требовало немало времени. Поэтому, прежде чем на что-нибудь решиться, Наб и Пенкроф отправились предварительно на рекогносцировку к гавани Воздушного Шара. Они выяснили, что полотно нисколько не пострадало от пребывания в пещере. Поскольку все оказалось в полном порядке, колонисты решили отложить пока перевозку шара и закончить запланированные работы по изоляции плато Дальнего Вида.

— Это будет самое лучшее, — заметил Пенкроф. — Тогда нам, по крайней мере, не надо будет бояться за птичник... Ни лисицы, ни другие вредные животные не доберутся до него!..

— И, кроме того, — добавил Наб, — тогда мы сможем вскопать часть плато и пересадить разные дикие растения...

— И подготовить землю для нового посева! — воскликнул моряк с торжествующим видом.

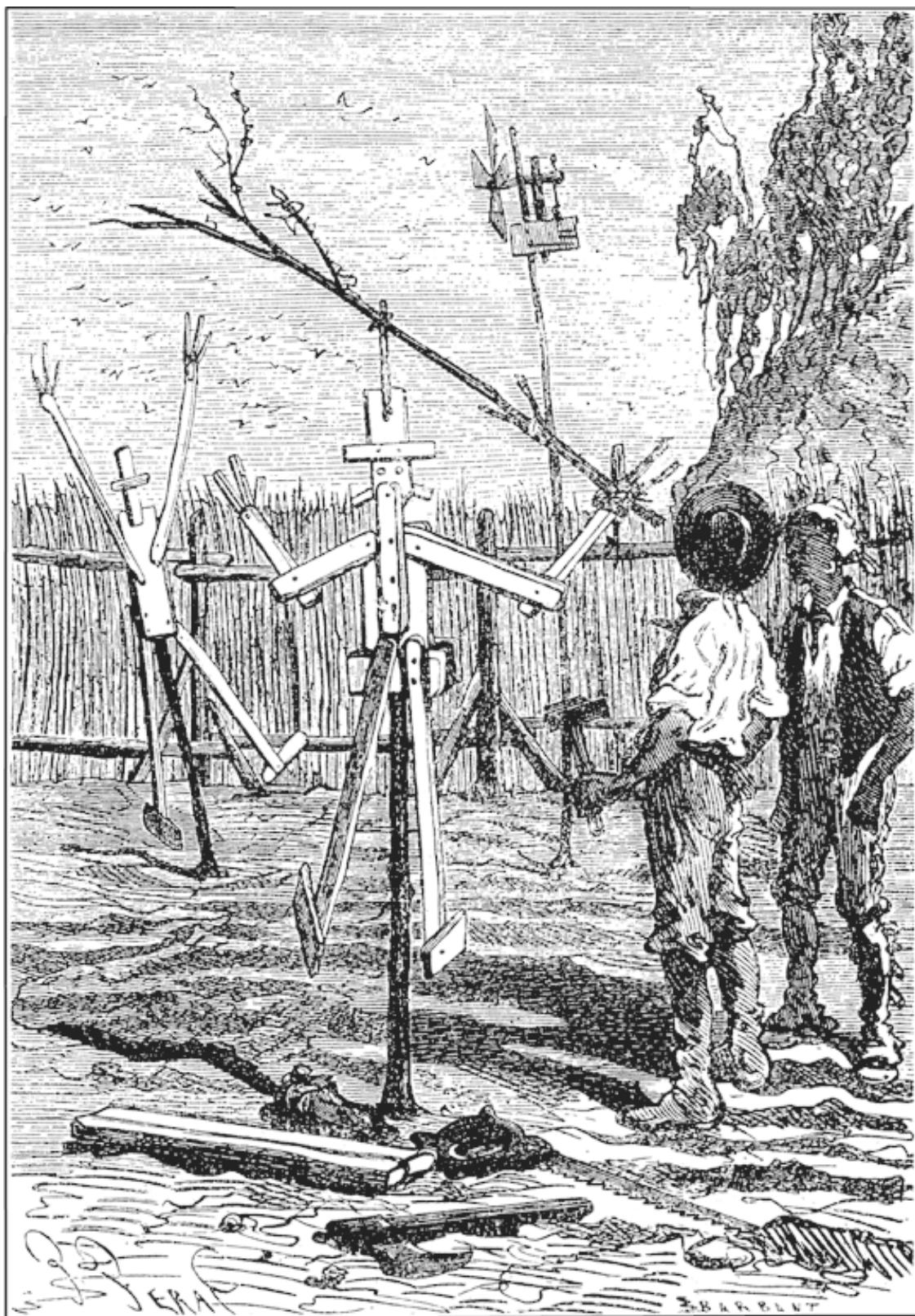
Пенкроф имел все основания беспокоиться о подготовке места для будущего посева, потому что благодаря его заботам посаженное в землю одно-единственное пшеничное зернышко принесло отличный урожай. Как и предсказывал инженер, оно дало десять колосьев, и в каждом колосе было по восемьдесят зерен, так что колонисты ровно через шесть месяцев оказались обладателями восьмисот зерен. В будущем они также надеялись получать обильный урожай два раза в год благодаря умеренному климату острова.

Все эти восемьсот зерен, за исключением пятидесяти, отложенных про запас на всякий случай, решено было немедленно посеять на новом поле и ухаживать за ними так же тщательно, как и за первым, единственным, зерном.

Предназначенное для посева место сначала тщательно очистили от сорняков, вскопали и огордили высоким и прочным забором из заостренных досок и кольев, так что животные не могли через него перескочить. Урожаю могли навредить только птицы, но, чтобы держать птиц

на приличном расстоянии от пашни, Пенкроф расставил по всему участку вертящиеся трещотки и страшные пугала. Наб с восторгом любовался этими произведениями богатой фантазии моряка. Затем провели рядами борозды и посадили драгоценные семьсот пятьдесят зерен, а остальное должна была доделать уже природа.

Едва только колонисты успели достроить мост, как уже на другой день, 21 ноября, Сайрес Смит приступил к работам по прорытию нового канала, но сначала начертил его план на местности на всем протяжении от южного угла озера Гранта до поворота реки Милосердия. Сверху фута на два-три лежал рыхлый слой перегноя, а ниже – гранит. Поэтому пришлось снова готовить нитроглицерин, и он произвел обычное действие. Меньше чем за две недели в гранитной массе плато Дальнего Вида был вырыт ров шириной двенадцать и глубиной шесть футов. Точно так же с помощью нитроглицерина было сделано отверстие для стока воды в гранитном берегу озера. Вода с шумом устремилась в новое русло и образовала небольшой, но многоводный поток, ставший притоком реки Милосердия. Колонисты назвали его Глицериновым ручьем. Как и предупреждал инженер, уровень воды в озере понизился, но очень незначительно. Наконец, чтобы сделать плато Дальнего Вида совсем недоступным, значительно расширили русло прибрежного ручья на севере. Для того чтобы не осыпался песок, по обоим берегам забили двойной ряд небольших свай и загородили пространство между ними досками.

В первой половине декабря все эти работы были закончены, и плато Дальнего Вида, имевшее вид неправильного пятиугольника периметром около пяти миль, окруженное со всех сторон водой, могло считаться совершенно защищенным от нападения хищных животных.

Весь декабрь, соответствующий июню Северного полушария, стояла очень сильная жара. Несмотря на это, колонисты не хотели откладывать осуществление своих планов и принялись за устройство птичника.

Нечего, конечно, и говорить, что, как только плато Дальнего Вида было окончательно загорожено, мастер Юп получил свободу. Он успел привыкнуть к своим хозяевам и не проявлял никакого желания убежать. Это было ловкое и очень сильное животное, отличавшееся кротким нравом. Никто не мог взобраться по лестнице в Гранитный дворец быстрее и лучше обезьяны. Колонисты понемногу начали приучать Юпа к труду: он собирал и носил дрова, возил в тележке камни, валявшиеся на берегу Глициеринового ручья, которые ему поручено было убрать.

— Это еще не настоящий каменщик, а пока только «обезьяна»! — шутил Герберт, намекая на прозвище, которое каменщики дают своим подмастерьям. Действительно, трудно было придумать какое-нибудь более подходящее прозвище.

Под птичник отвели на юго-восточном берегу озера площадку в двести квадратных ярдов. Местечко огородили и застроили хижинами и навесами. Хижины, сплетенные из ветвей, были разделены на несколько отделений. Теперь дело было только за жильцами.

Первыми обитателями птичьего двора, как известно, стала пара тинаму, которая вскоре обзавелась многочисленным потомством. Потом к ним присоединились полдюжины уток, пойманых в силки на берегу озера. Некоторые из них принадлежали к довольно редкому виду китайских уток, у которых развернутые крылья очень похожи на веер и которые по красоте и яркости оперения нисколько не уступают золотистым фазанам. Еще через несколько дней Герберту удалось поймать пару птиц из отряда куриных с закрученным хвостом из длинных перьев, которые быстро освоились в неволе и сделались совсем ручными. А пеликаны, зимородки и водяные курочки без всяких хлопот со стороны колонистов сами пришли на птичий двор. И весь этот маленький пернатый мирок, воркуя, пища и кудахтая, после нескольких первых ссор удобно устроился в птичнике и стал интенсивно размножаться, выполняя свое призвание и в то же время увеличивая запасы колонии.

Сайрес Смит решил закончить работы по организации птичника строительством довольно большой голубятни в одном из углов птичьего двора. На первое время туда поместили дюжину горных голубей, водившихся на скалистом гребне плато. Голуби быстро привыкли каждый вечер возвращаться на ночь в свое новое жилище и вообще проявили гораздо более склонности к приручению, чем их близкие родичи — вяхири, которые к тому же плодятся только на воле.

Наконец все неотложные работы были окончены, и колонисты могли подумать лично о себе и воспользоваться оболочкой шара для шитья белья, в котором они так нуждались. Они решили не хранить и не ремонтировать шар, потому что не имели намерения подняться на нем над безбрежной водной пустыней и отдать себя на произвол стихии. На такое крайне рискованное путешествие могли осмелиться только люди, находящиеся в безвыходном положении, а Сайрес Смит не считал положение колонии отчаянным и, конечно, не мог и мысли допустить ни о чем подобном.

Шар вместе со всеми принадлежностями все еще хранился в пещере на берегу гавани Воздушного Шара. Предстояло доставить его в Гранитный дворец, и колонисты занялись переделкой своей тяжелой тележки, чтобы сделать ее более удобной и легкой. Но если тележка у них была, то двигателя не было. Неужели на острове не было никакого жвачного животного, которое могло бы заменить лошадь, осла, быка или корову? Это надо было выяснить.

— Сказать правду, — говорил Пенкроф, — упряженное животное было бы нам очень полезно, особенно теперь, пока еще мистер Сайрес не сделал нам тележку с паровым двигателем или даже локомотив, потому что в один прекрасный день у нас наверняка будет железная дорога от гавани Воздушного Шара до Гранитного дворца с веткой до горы Франклина!

Простодушный моряк был искренно убежден в возможности осуществления того, что создавала его пылкая фантазия.

Но пока самое невзрачное четвероногое животное, годное в упряжку, вполне удовлетворило бы Пенкрофа. А так как судьба до сих пор покровительствовала нашему моряку, то и в этом случае ему не пришлось томиться долгим ожиданием.

Однажды, 23 декабря, послышались громкие крики Наба, заглушаемые громким лаем Топа. Остальные колонисты, работавшие в это время в Гротах, тотчас же побежали на помощь к Набу, думая, что произошло какое-нибудь несчастье.

Что же они увидели? Двух красивых, довольно высоких животных, неосторожно рисковавших пробраться на плато по мостику, который не был поднят. С первого взгляда казалось, что это лошади или большие ослы, и, судя по росту, это были самец и самка. Однако от обыкновенных ослов они резко отличались пропорциональностью и изяществом форм. Как самец, так и самка были буланой масти с черными поперечными полосами на голове, шее и туловище, с белыми ногами и хвостом. Животные легкой рысцой двигались вперед, не проявляя никаких признаков беспокойства, и с любопытством смотрели на людей, которых не считали еще своими хозяевами.

— Это онагги! — объявил Герберт. — Они занимают среднее положение между зеброй и кваггой.

— А разве это не ослы? — спросил Наб.

— Нет. У них уши не такие длинные, и они гораздо стройнее!

— Не все ли равно, кто они? — возразил Пенкроф. — Я, со своей стороны, совершенно согласен с Гербертом, что это и не лошади, и не ослы... Это «двигатели», говоря ученым языком мистера Сmita, и поэтому их надо во что бы то ни стало поймать!

С этими словами моряк, стараясь не испугать животных, чуть ли не ползком пробрался по траве к мостику на Глицериновом ручье, поднял его, и онагги очутились в плenу.

Теперь возник вопрос, как поступить с пленниками? Нужно ли сейчас ловить и насилием укрощать их или нет? Конечно, нет. Колонисты решили не трогать онагги в течение нескольких дней и позволить им свободно разгуливать по всему плато, где не было недостатка в подножном корме. Тем временем инженер хотел построить возле птичника конюшню, где онагги могли найти мягкую подстилку и приют на ночь или в случае ненастяя.

Таким образом, зашедшая случайно на плато пара великолепных онагги была оставлена на свободе, и колонисты старались даже не подходить к ним близко, чтобы меньше их пугать. Несмотря на это, онагги, казалось, было слишком тесно на плато, и они, привыкнув к обширным пространствам и дремучим лесам, не раз пытались уйти. С громким тревожным ржаньем онагги рысью пробегали вдоль водной границы плато, представлявшей для них непроходимую преграду, и, не находя выхода из этого заколдованных круга, начинали прыгать и метаться. Когда это возбужденное состояние проходило, животные подходили к Глицериновому ручью и целыми часами стояли и смотрели на другую сторону, на густой лес, в который они не могли попасть.

Между тем колонисты сделали из растительных волокон сбрую и вожжи, а через несколько дней после поимки онагги была готова повозка и даже проложена проезжая дорога или, лучше сказать, сделана широкая просека через лес Дальнего Запада от первого поворота реки Милосердия до гавани Воздушного Шара. Как ни плоха была эта дорога, но по ней можно было все-таки проехать. Так что в конце декабря попробовали в первый раз запрячь онагги.

Пенкроф все свое свободное время посвящал онагги, и они настолько привыкли к нему, что безбоязненно подпускали его к себе и даже ели с руки. Однако, как только их запрягли, онагги взвились на дыбы, и колонистам едва удалось сдержать взбесившихся животных. Непокорность онагги не обескуражила колонистов, они были уверены, что животные скоро привыкнут к новой работе, потому что онагги легче поддаются приручению, чем зебры, и на

них с давних пор ездят в упряжи не только в Южной Африке, где эти животные встречаются чаще всего, но даже и в Европе.

В этот день все колонисты, кроме Пенкрофа, который шел впереди и вел онагги в поводу, уселись в повозку и направились в гавань Воздушного Шара. Само собой разумеется, по дороге им пришлось пересчитать все пеньки и порядочно потрястись, но все-таки они благополучно добрались до места назначения и сразу же принялись грузить в нее оболочку аэростата, сетку и прочие принадлежности.

В восемь часов вечера повозка, переехав через мост на реке Милосердия, спустилась по левому берегу реки и остановилась перед Гранитным дворцом. Онагги распряженли и отвели в конюшню, а затем колонисты, поужинав, отправились по своим комнатам.

Глава восьмая

Белье. – Обувь из тюленьей кожи. – Приготовление пироксилина. – Пересадка растений. – Рыбная ловля. – Черепашьи яйца. – Успехи мастера Юпа. – Кораль. – Охота на муфлонов. – Новые растительные и животные богатства. – Воспоминания о далекой родине.

Всю первую неделю января колонисты занимались шитьем белья, так им необходимого. Найденные в ящике иголки быстро мелькали в руках колонистов, и хотя эти руки были не такие нежные и ловкие, как женские, зато наверняка можно было сказать, что шили они крепко, и нечего было бояться, что сшитое ими распорется по швам.

В нитках тоже не было недостатка благодаря тому, что Сайресу Смиту пришла в голову остроумная мысль использовать снова нитки, которыми были сшиты части оболочки воздушного шара. Гедеон Спилет и Герберт с примерным терпением выдергивали нитки, распарывая одно полотнище за другим. Пенкроф отказался от этой работы, чрезвычайно его раздражавшей, но, когда дело дошло до шитья, никто не мог с ним сравниться. Моряки вообще мастера на все руки, а к портняжному и белошвейному искусству они, видимо, чувствуют какое-то особое призвание.

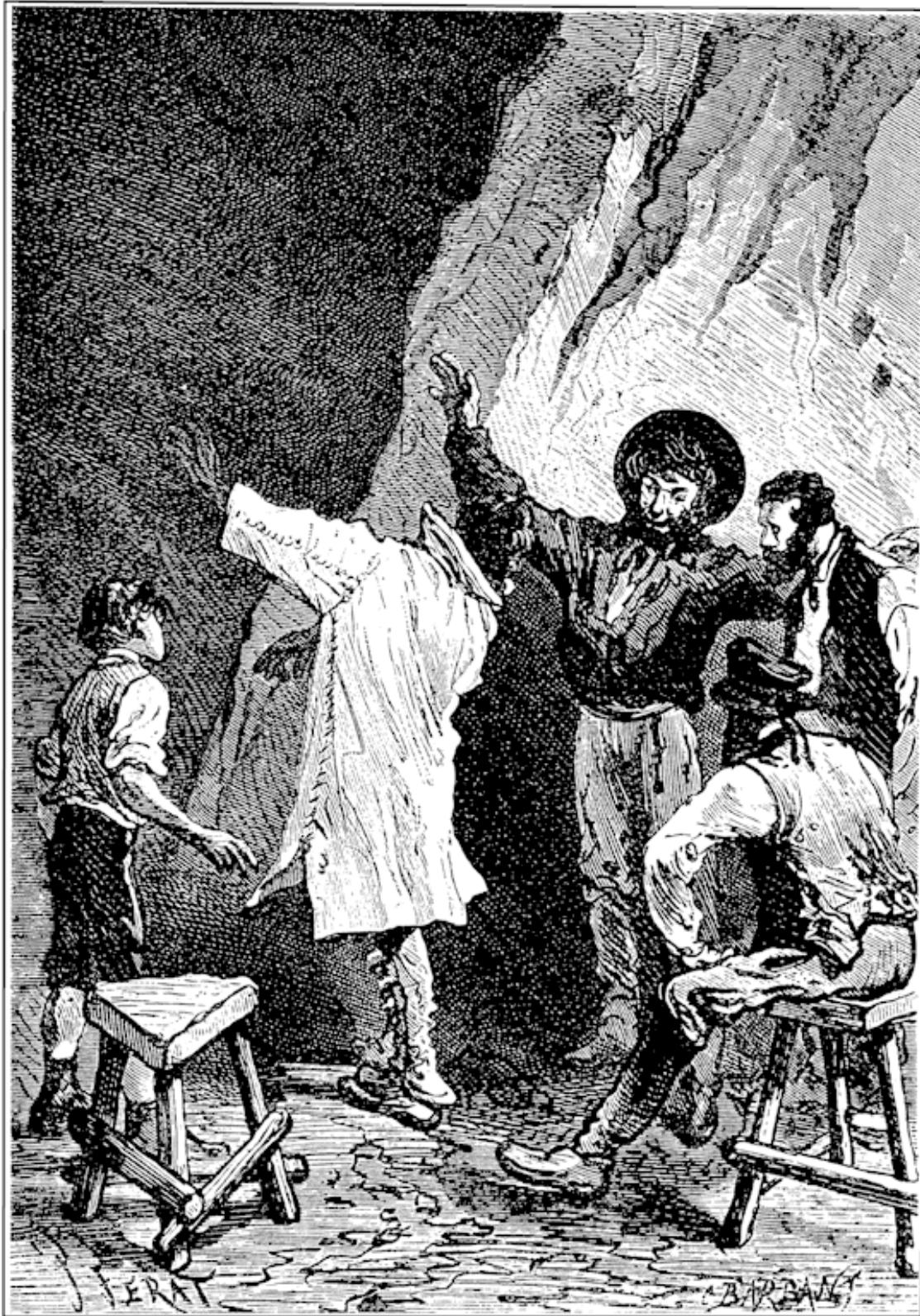
Распоротое на полосы полотно было затем очищено от покрывавшего его лака с помощью раствора из соды и поташа, полученных из выброшенных на берег морских водорослей. После этой операции материя стала мягкой и эластичной, словно только что была выпущена с фабрики. Но Сайрес Смит этим не ограничился, он еще и выбелил ее, расстилая днем на траве и подвергая обесцвечивающему действию солнечных лучей.

Пенкроф скроил и сшил из этого полотна несколько дюжин рубашек, простыней и даже носков. Нельзя представить себе, с каким удовольствием надевали наконец колонисты свежее белье, с каким наслаждением ложились они вечером спать на постели, застланые чистыми белыми простынями. Все это, правда, было несколько грубо и не отличалось особым изяществом фасона, но обитатели Гранитного дворца не обращали внимания на такие мелочи и от чистого сердца радовались случаю, пославшему им такую счастливую находку.

Приблизительно в это же время была сшита и обувь из тюленьей кожи, которая очень кстати заменила собой ботинки и сапоги, привезенные из Америки. Сапожник не жалел кожи и, если его сапоги и были немного широки и длинны, зато они не жали ноги при длительной ходьбе.

Новый, 1866 год тоже ознаменовался сильной жарой, но это, впрочем, нисколько не мешало колонистам заниматься своими обычными делами, и охотники все так же регулярно ходили на охоту. Агути, пекари, дикие свиньи, кенгуру и другая четвероногая и пернатая дичь во множестве попадалась охотникам, и Гедеон Спилет и Герберт, главные поставщики провизии, ни одного дня не возвращались домой без добычи, падавшей под их меткими выстрелами.

Сайрес Смит советовал им по возможности беречь патроны, в то же время он искал способ заменить чем-нибудь другим порох, дробь и пули, найденные в ящике, которые хотел сохранить на будущее. Кто из них мог знать, куда забросит их судьба, если инженер и его товарищи найдут возможным или, наконец, будут вынуждены в один прекрасный день покинуть остров? Поэтому колонистам следовало быть готовыми к любым неожиданностям и беречь огнестрельные припасы, заменяя их тем, что они могли легко приготовить сами.

Несмотря на самые тщательные исследования, Сайрес Смит не нашел на острове никаких следов свинцовой руды, но это его не особенно смущало, и он решил заменить дробь кусочками рубленой железной проволоки, которой было достаточно. Но железо гораздо легче свинца, поэтому заменившую дробь железную «картечь», как ее называют охотники, нужно было делать крупнее, а благодаря этому ее шло на заряд гораздо меньше, — но искусство охотников восполняло этот недостаток, и они по-прежнему стреляли почти без промаха. Сайрес

Смит мог бы приготовить и порох, потому что у него имелось для этого все необходимое: селитра, сера и уголь. Однако приготовление хорошего охотничьего пороха – дело сложное и хорошо удается только на специальных пороховых заводах, где для этого имеется все необходимое.

Поэтому вместо пороха Смит решил приготовить пироксилин, или так называемый хлопчатобумажный порох, для приготовления которого, впрочем, нет безусловной необходимости в хлопчатой бумаге, потому что она входит в его состав только в виде целлюлозы. Целлюлоза представляет собой растительную клетчатку, в почти чистом виде она находится не только в хлопке, но и в волокнах конопли и льна, в бумаге и старых полотняных тряпках, в сердцевине бузины и т. д. А бузины как раз было много на острове, особенно густо она росла на западном берегу озера, возле устья Красного ручья, и колонисты вместо кофейных зерен уже употребляли сущеные и поджаренные ягоды этого кустарникового растения.

Поэтому получить клетчатку не составляло никакого труда – стоило только собрать необходимое количество сердцевины бузины. Кроме целлюлозы, для изготовления пироксилина была нужна еще только одна дымящаяся азотная кислота. Но Сайрес Смит уже получал азотную кислоту, обрабатывая селитру имевшейся у него серной кислотой.

Так что инженер решил заняться приготовлением пироксилина, хотя отлично знал, что это вещество имеет серьезные недостатки: неверность действия, воспламенение при ста семидесяти градусах вместо двухсот сорока, что может повлечь за собой даже порчу ружейного ствола. Но пироксилин имеет и свои преимущества: он не портится от сырости, не загрязняет ружейное дуло, а его взрывчатая сила в четыре раза больше, чем у обыкновенного пороха.

Для приготовления пироксилина достаточно погрузить целлюлозу на пятнадцать минут в дымящуюся азотную кислоту, затем хорошо промыть ее в чистой воде и высушить. Как видите, способ приготовления очень простой.

Инженер не любил откладывать то, что он задумал сделать, и вскоре охотники вместо обыкновенного пороха заряжали свои ружья пироксилином, который благодаря принятым мерам предосторожности давал отличный результат.

К этому времени колонисты распахали три акра¹⁸ земли на плато Дальнего Вида, а оставшуюся территорию решили оставить как пастище для онагги. В свободные часы они совершили несколько экскурсий в леса Якамара и Дальнего Запада, откуда принесли множество диких, но полезных растений – шпинат, кресс-салат, редьку, репу и другие. При умелом уходе все эти растения должны были вскоре разрастись на грядках и внести некоторое разнообразие в пищу колонистов, состоящую, главным образом, из мяса во всех видах. Онагги тоже не оставались без дела и привезли из леса несколько повозок с дровами и каменным углем. Кроме того, во время каждого похода в лес колонисты старались, насколько возможно, улучшать дороги, они вырубали мелкую заросль, выкорчевывали или подрубали пни, к тому же дороги утрамбовывались колесами повозки.

Крольчатник, как называли колонисты лужайку, где в изобилии водились эти грызуны, по-прежнему в желаемом количестве поставлял дичь к столу обитателей Гранитного дворца. Лужайка была за границей Глицеринового ручья, и потому кролики не могли проникнуть на плато, а следовательно, не могли причинить вред огородам и пашне. Что касается устричной отмели, расположенной у берега среди скал, то там тоже не бывало никогда недостатка в моллюсках, и колонисты ежедневно за завтраком лакомились свежими устрицами. Да и рыбная ловля как в озере, так и в реке Милосердия шла теперь гораздо удачнее, потому что Пенкроф установил донные удочки с железными крючками, на которые очень часто попадались прекрасные форели и еще какая-то очень вкусная рыба, серебристая чешуя которой была усеяна на боках маленькими желтоватыми пятнышками.

¹⁸ Акр равняется 0,4046 гектара.

Все это давало возможность Набу, окончательно принявшему на себя обязанности старшего повара, разнообразить меню колонистов. Одного только хлеба пока еще им недоставало, и его отсутствие особенно ими чувствовалось с того времени, когда все остальное у них имелось в изобилии.

Колонисты устроили, между прочим, охоту и на морских черепах, которые во множестве вылезали во время отлива на пустынное побережье мыса Челюстей. Берег в этом месте был усеян маленькими холмиками, это были, собственно, гнезда черепах, наполненные большими круглыми яйцами с белой твердой скорлупой. Белок этих яиц обладает свойством не свертываться в противоположность белку птичьих яиц. Все заботы черепах о будущем потомстве ограничиваются только кладкой яиц и, надо заметить, в громадном количестве: каждая черепаха может отложить в год до двухсот пятидесяти яиц. А наседку заменяют солнечные лучи.

— Настоящее яичное поле, — заметил Гедеон Спилет. — Нам надо будет почаше заглядывать сюда и собирать свежие яйца!..

Но колонисты не только собирали яйца, но и устроили охоту на их производителей. В результате они добыли около дюжины черепах, мясо которых очень ценится гурманами всего мира. Обитатели Гранитного дворца, несмотря на обилие и разнообразие имевшихся у них продуктов, не прочь были попробовать это лакомое блюдо, и черепаховый суп, приготовленный Набом по всем правилам кулинарного искусства, каждый раз вызывал громкое одобрение.

Здесь следует упомянуть еще об одном счастливом обстоятельстве, которое дало колонистам возможность пополнить запасы провизии на зиму. В устье реки Милосердия вдруг заплыла стая семги и поднялась вверх по течению на несколько миль. Это было как раз время нереста; самки, разыскивая подходящие места для метания икры, плыли впереди самцов, поднимая страшный шум. В реку таким образом попало с тысячу этих рыб, каждая длиной почти в два с половиной фута. Достаточно было устроить в нескольких местах запруды, чтобы поймать несколько сот штук. Рыбу посолили и отложили про запас на зиму, то есть на то время, когда река покроется толстым слоем льда и ловить рыбу будет нельзя.

Сметливый Юп тоже не терял времени даром и постепенно совершенствовался под руководством Наба, и наконец его официально возвели в чин лакея. Пенкроф сшил для него белую полотняную куртку, короткие штаны и фартук с карманами. Карманы особенно радовали Юпа, он с гордым видом засовывал туда свои длинные руки и никому не позволял рыться у себя в карманах. Наб превосходно выдрессировал ловкого орангутанга, и, когда негр разговаривал с Юпом, казалось даже, что они понимают друг друга. Впрочем, Юп питал к Набу искреннюю симпатию, а Наб отвечал ему взаимностью. Если Юп не был занят работой, не таскал дрова или не лазил по деревьям, он проводил время в основном на кухне, помогая Набу и стараясь во всем ему подражать. Учитель снисходительно относился к своему ученику и терпеливо обучал своего воспитанника, а ученик, очень усердный и понятливый, прекрасно усваивал уроки и совершенствовался с каждым днем.

И вот в один прекрасный день Юп и обрадовал, и удивил колонистов. Они только что сели за стол, как вдруг в комнату, где они обедали, вошел Юп с салфеткой в руке и принялся исполнять обязанности официанта. Ловкий, внимательный, он оказался отличным лакеем: грациозно скользил, слегка покачиваясь, вокруг стола, быстро менял тарелки, подавал кушанья, наливал воду в стаканы. При этом Юп сохранял полнейшую серьезность и выглядел так торжественно, что колонисты с трудом сдерживали смех. Пенкроф был в восторге.

— Юп, суп!

— Юп, еще немного агути!

— Юп, чистую тарелку!

— Браво, Юп! Молодец Юп! Хороший Юп! — слышалось со всех сторон.

Юп, нисколько не смущаясь, исполнял все приказания, следил за всем и даже кивнул своей умной головой, когда Пенкроф, повторяя прежнюю шутку, сказал, улыбаясь:

– Молодец, Юп! Видимо, вам придется удвоить жалованье!..

За это время орангутанг совершенно освоился с условиями жизни в Гранитном дворце. Почти всегда он сопровождал колонистов в лес и ни разу не сделал попытки убежать. Нужно было видеть, как забавно он ходил по лесу, держа на плече вместо ружья палку, которую ему сделал Пенкроф! Если по дороге попадалось какое-нибудь дерево с плодами, которые висели очень высоко, то Юп в одну минуту взбирался на вершину и сверху бросал добычу. Если случайно застревали в колее или вязли в грязи колеса повозки, Юп одним мощным усилием мог их вытащить.

– Какой молодец! – не раз говорил Пенкроф. – Хорошо, что у него такой кроткий характер, а то не было бы никакой возможности с ним справиться!

К концу января колонисты предприняли большие работы в центральной части острова. Инженер уже давно решил устроить кораль около истоков Красного ручья, у горы Франклина, для содержания жвачных животных, которых невозможно было бы держать на плато Дальнего Вида. Говоря о жвачных животных, инженер имел в виду, главным образом, муфлонов – поставщиков шерсти, необходимой для изготовления зимней одежды.

Каждое утро колонисты, иногда все вместе, а чаще всего только Сайрес Смит, Герберт и Пенкроф, направлялись к истокам ручья. Благодаря тому, что онагги были уже окончательно укrocены, это путешествие превратилось в приятную прогулку – всего пять миль под зеленым сводом леса, по новой дороге, получившей название дороги Короля.

Под кораль отвели большой участок на южном склоне горы. Выбранное место представляло собой большой луг, поросший редкими деревьями. Горный склон замыкал его с одной стороны. Через весь луг по диагонали протекал небольшой ручеек, бравший начало немного выше, на горе, и впадавший в Красный ручей. Свежая сочная трава обещала обильный подножный корм, а редкие деревья давали защиту от солнца и в то же время не затеняли землю и обеспечивали циркуляцию воздуха. Для того чтобы превратить этот луг в кораль, надо было только обнести его забором, который шел бы полукругом и упирался концами в уступы горы. Забор, конечно, нужно было делать прочным и достаточно высоким, чтобы через него не могли перескочить самые проворные животные. Место, выбранное для кораля, было настолько велико, что здесь можно было содержать сотню голов рогатого скота – муфлонов и диких коз, а также их будущее потомство.

Инженер в натуре очертил границы будущего кораля, и теперь колонисты должны были рубить деревья, необходимые для забора. Так как при прокладке дороги от плато Дальнего Вида к горе Франклина пришлось срубить немало деревьев, то их привезли на повозке и вытесали несколько сот больших столбов, которые затем прочно забили в землю.

В передней части забора оставили довольно широкий проход, закрывавшийся двусторонними воротами из толстых дубовых досок, укрепленных брусьями и с засовом снаружи.

Устройство кораля заняло около месяца, потому что, кроме забора, Сайрес Смит построил еще несколько больших дощатых сараев, где животные могли бы укрываться от непогоды. Все эти сооружения следовало строить как можно прочнее, потому что муфлоны, несмотря на свой небольшой рост, отличаются очень большой силой, а на первых порах они могли оказаться довольно буйными. Верхние концы кольев заострили и, чтобы придать им большую прочность, слегка обуглили на огне, затем их скрепили поперечными брусьями на болтах, кроме того, поставили дополнительные подпорки, чтобы придать изгороди еще большую устойчивость.

Когда все работы по устройству кораля были закончены, колонисты решили устроить облаву в окрестностях горы Франклина, где, по наблюдениям, паслись муфлоны. Облава состоялась 7 февраля, в прекрасный летний день, и в ней принимали участие все колонисты без исключения. Гедеон Спилет и Герберт выехали на охоту верхом на укрошенных онагти и немало способствовали удачному исходу облавы.

Задача заключалась, собственно, в том, чтобы сбить в кучу находившихся на известном пространстве муфлонов и диких коз и затем гнать их перед собой в кораль, постепенно суживая вокруг них кольцо загонщиков. Сайрес Смит, Пенкроф, Наб с Юпом – он тоже принимал участие в облаве – разместились на некотором расстоянии друг от друга в лесу перед коралем, а оба всадника, к которым присоединился Топ, должны были гнать животных в полулиле от кораля.

Еще во время первой экскурсии на гору Франклина колонисты заметили, что муфлоны довольно много в этой части острова. Это были красивые животные величиной с лань, покрытые длинной сероватой шерстью, с большими крепкими рогами, по внешнему виду очень похожие на каменных баранов, от которых они, по объяснению Герберта, отличались только образом жизни.

Как измучились охотники в этот памятный для них день! Сколько пришлось им бегать взад и вперед, сколько гонялись они за муфлонами с громкими криками! Из сотни муфлонов, вспугнутых загонщиками, более чем двум третям удалось ускользнуть, но в конце концов около тридцати муфлонов и около десятка диких коз, которых охотникам удалось окружить и подогнать к открытым настежь воротам кораля, вскочили в ограду и попали в расставленную ловушку.

В общем, такой результат охоты нельзя было назвать неудовлетворительным, и колонисты не имели права жаловаться. Большая часть пойманных муфлонов оказалась самками, и

некоторые из них скоро должны были дать приплод. Благодаря этому колонисты могли рассчитывать, что в недалеком будущем стадо разрастется настолько, что в колонии окажется достаточно шерсти, кожи и даже мяса.

Поздно вечером вернулись измученные охотники в Гранитный дворец и после ужина сразу легли спать. Тем не менее на следующий день рано утром они опять поспешили к коралю. Пленники рвались на свободу и пытались опрокинуть забор, но прочная изгородь им не поддавалась, так что они довольно скоро примирились со своим положением и спокойно стали щипать траву.

В течение февраля не случилось ничего особенного. Колонисты занимались повседневной работой. Одновременно с улучшением дорог к коралю и к гавани Воздушного Шара начали прокладывать третью дорогу в юго-западном направлении от моста на реке Милосердия. Скорошайшая прокладка новой дороги желательна была еще и потому, что до сих пор оставалась неисследованной большая часть лесов, покрывающих Змеиный полуостров. В этих лесах таились хищные звери, против которых ополчился Гедеон Спилет и которых он обещал уничтожить.

До наступления холодов колонисты ухаживали за дикими огородными растениями, пересаженными из леса на плато Дальнего Вида для акклиматизации. Герберт, возвращаясь домой с работы или с прогулки, каждый раз приносил какие-нибудь полезные растения. Один раз он принес несколько вырванных с корнем растений, похожих на обычновенный цикорий, из семян которого выжимается прекрасное масло. В другой раз он принес щавель, противоцинковыми свойствами которого не следовало пренебрегать. Затем он разыскал и с торжеством принес домой несколько драгоценных клубней картофеля, который с таким успехом культивируется во всех цивилизованных странах. Хорошо содержавшийся, тщательно вскопанный, прекрасно политый и защищенный от птиц огород был разбит на небольшие квадраты, на которых росли салат, картофель, щавель, репа, редька и другие растения. Верхний слой земли на плато, образовавшийся из растительного перегноя, обещал в будущем богатые урожаи, конечно, при правильном и тщательном уходе.

В напитках разных сортов тоже не было недостатка, если бы не отсутствие вина, любой, даже самый требовательный человек остался бы доволен, попав в гости к колонистам острова Линкольна. К чаю освого, получаемому из монарды, и напитку, приготовляемому из перебродивших корней драконового дерева, Сайрес Смит прибавил еще настоящее пиво. Он сварил его из молодых побегов *abies nigra*, прокипятил их и затем подвергнув брожению; в результате получился вкусный и чрезвычайно полезный напиток, который называют «*spring-berr*».

К концу лета на птичьем дворе появились пара красивых дроф вида *boubara*, с длинными перьями, ниспадающими в виде пестрой накидки, затем дюжина соксунов, или широконосов, уток с перепончатыми наростами на верхней части клюва, и несколько великолепных диких индюшек и индюков. Словно гордясь своим черным оперением, мясистым гребешком и бородкой, они величаво расхаживали по берегу озера.

До сих пор все удавалось этим умным и деятельным людям. Вечером, после работы, когда жаркий день сменялся прохладными сумерками и с моря начинал дуть легкий освежающий ветерок, колонисты любили отдыхать на гребне плато Дальнего Вида, где Наб устроил навес, обвитый выюющимися растениями, которые он посадил своими руками и за которыми заботливо ухаживал. Здесь они беседовали, делились друг с другом знаниями и впечатлениями, строили планы на будущее. Грубоватый юмор Пенкрофа развлекал небольшое общество сдружившихся людей, и там постоянно царило полное согласие.

Часто они вспоминали в разговорах и свою далекую родину, дорогую и великую Америку. Чем окончилась эта кровавая междуусобная война? Вероятно, она уже давно окончена. Ричмонд, наверное, уже давно в руках генерала Гранта! Взятие столицы сепаратистов было последним актом этой роковой борьбы! Север, конечно, восторжествовал, да иначе и быть не

могло! Они боролись за правое дело! Как бы обрадовались колонисты острова Линкольна, если бы им попалась какая-нибудь газета! Вот уже одиннадцать месяцев они отрезаны от остального мира. Еще немного, и наступит 24 марта, — исполнится ровно год с того дня, когда воздушный шар выбросил их на маленький неизвестный островок! Тогда они были всего лишь потерпевшими крушение, не имели приюта и даже не знали, удастся ли им сохранить жизнь в отчаянной борьбе со стихиями. А теперь благодаря гениальному уму и знаниям своего руководителя, благодаря собственной энергии они превратились в настоящих колонистов, у которых было все необходимое, включая оружие и самые разнообразные инструменты и приборы. Они сумели использовать для своих нужд животных, растения и минералы, то есть все три царства природы!

Да, они часто разговаривали об этом и строили все новые и новые планы.

Что касается Сайреса Смита, то он в основном молчал, слушал своих товарищев и очень редко говорил сам. Иногда он улыбался какому-нибудь рассуждению Герберта или шутке развеселившегося Пенкрофа, но всегда и везде он размышлял о тех необъяснимых случаях и загадочных событиях, тайну которых ему все еще не удалось разгадать.

Глава девятая

Перемена погоды. – Гидравлический подъемник. – Изготовление оконных стекол и стеклянной посуды. – Хлебное дерево. – Частые посещения короля. – Увеличение стада. – Вопрос журналиста. – Точные координаты острова Линкольна. – Предложение Пенкрофа.

В первую неделю марта погода резко изменилась. Начало месяца пришлось на полнолуние, и, как и раньше, стояла сильная жара. Вся атмосфера казалась насыщенной электричеством, и поэтому следовало опасаться, что скоро жара и засуха сменятся более или менее продолжительным периодом дождей и гроз.

И в самом деле, уже 9 марта раздались громовые раскаты и полил дождь с градом. Ветер дул с востока, и крупный град, как картечь, бил прямо по фасаду Гранитного дворца. Пришлось наглоухо закрыть дверь и окна ставнями, потому что иначе все комнаты были бы залиты водой.

Глядя на градины, которые иногда были величиной с голубиное яйцо, Пенкроф с ужасом подумал о том, какая страшная и непоправимая опасность грозит его хлебному полю. И спустившись вниз по лестнице, он бегом помчался к хлебному полу, на котором пшеница уже начинала колоситься, и захваченным с собой полотнищем от оболочки шара прикрыл свой будущий урожай. Частый град нещадно колотил его все это время, но моряк на это не обращал внимания.

Ненастная погода продолжалась целую неделю, все это время гром гремел не переставая. В короткие промежутки между грозами слышались глухие раскаты отдаленного грома, затем гром снова начинал грохотать над самым островом. Яркие молнии прорезали небо. Они сожгли много деревьев, между прочим, молния свалила огромную вековую сосну, росшую недалеко от озера на лесной опушке. Раза два или три молния ударяла в берег и плавила песок, превращая его в стекловидную массу. Подбирая фульгуриты, инженер решил заняться изготовлением стекла, чтобы вставить в окна толстые и прочные стекла, которые не боялись бы ни ветра, ни дождя, ни града.

Колонисты воспользовались плохой погодой, чтобы заняться благоустройством Гранитного дворца, обстановка которого заметно улучшалась и пополнялась с каждым днем. Инженер установил токарный станок и выточил на нем различные необходимые предметы, например пуговицы, отсутствие которых очень ощущалось. Была сделана специальная стойка для ружей, которые колонисты очень берегли и содержали в исключительной чистоте, затем появились точечные этажерки, шкафы с резьбой и масса других вещей. Целыми днями колонисты неустанно пилили, строгали, распиливали, точили. Все время, пока стояла дождливая погода с грозами, в Гранитном дворце, не умолкая, слышался визг пилы, стук молотков и монотонное жужжение токарного станка, заглушавшее громовые раскаты.

Мастер Юп тоже не был забыт, для него рядом с кладовой устроено было особое помещение вроде небольшой каюты с деревянной кроватью, покрытой толстой мягкой подстилкой, которую часто меняли.

– Молодчина наш Юп! – не раз говорил Пенкроф. – Ни споров, ни ссор!.. Всегда вежлив, никогда не огрызается!.. Какой образцовый слуга, Наб, какой слуга!..

– Мой воспитанник, – скромно замечал Наб, – и скоро, пожалуй, будет не хуже меня!

– Как бы только не лучше, – со смехом возражал моряк. – Впрочем, тебе нечего бояться, Наб: ты все-таки говоришь, а он, бедняжка, никогда этому не научится!

Юп уже прекрасно выполнял свои обязанности. Он чистил одежду, поворачивал на огне вертел, подметал комнаты, прислуживал за столом, носил и складывал дрова и – что больше всего восхищало Пенкрофа – перед тем как лечь спать, всегда очень старательно укутывал моряка одеялом.

Здоровье членов колонии не оставляло желать лучшего. Благодаря жизни на воздухе, в здоровом климате умеренного пояса и постоянной физической работе они могли не бояться никаких болезней.

И действительно, все они чувствовали себя прекрасно. Герберт за этот год жизни на острове подрос на два дюйма. Он заметно возмужал, обещая в будущем стать мужчиной, одинаково совершенным как в физическом, так и в умственном отношении. Любознательный юноша пользовался каждым свободным часом, каждой свободной минутой, чтобы учиться. Он читал и перечитывал книги, найденные в ящике, и, кроме практических уроков, которые ежедневно ему давала жизнь на острове, получал уроки Сайреса Смита и занимался изучением иностранных языков со Спилетом, которые охотно делились с ним своими знаниями.

Инженер уже давно решил, насколько от него это, конечно, будет зависеть, передать Герберту все, что знал сам, наставлять его и словом и делом, и юноша учился со всем пылом своих молодых лет.

«Если я умру, – думал иногда Сайрес Смит, – именно он меня заменит!»

Ненастный период закончился около 19 марта, но, несмотря на это, небо не прояснилось и было покрыто тучами в продолжение этого последнего летнего месяца. Атмосфера, сильно возмущенная электрическими разрядами, не могла вернуть себе прежнего спокойствия, и почти все время шли дожди или густой туман окутывал остров. Исключение составили только три или четыре ясных солнечных дня, и колонисты воспользовались ими для разного рода экскурсий.

Самка онагги к этому времени произвела на свет детеныша женского пола. Население короля тоже увеличилось, и в сарайах блеяло уже несколько маленьких муфлонов, к большой радости Наба и Герберта. У каждого из них был свой любимец среди новорожденных.

Попытка приручить пекари также удалась. Для этих животных возле птичника колонисты построили свинарник, вскоре появились поросыта, начавшие воспринимать плоды цивилизации, то есть накапливать жир благодаря стараниям Наба. Мастер Юп, на которого Наб возложил обязанность носить свиньям пищу, помои, кухонные обедки и т. п., добросовестно исполнял свое дело. Впрочем, изредка он позволял себе удовольствие дернуть раз-другой за хвост маленького поросенка, но это была простая шалость, а не проявление злобного нрава, потому что маленькие закрученные хвостики поросят очень его забавляли и он играл с ними, как ребенок.

Как-то вечером Пенкроф, разговаривая с инженером, напомнил Смиту об одном обещании, которое до сих пор оставалось неисполненным.

– Вы как-то говорили, мистер Сайрес, о том, что можно устроить аппарат, который заменил бы длинные лестницы Гранитного дворца, – сказал моряк. – Может быть, вы уже раздумали его устанавливать?

– Вы, наверное, говорите о подъемнике? – спросил Смит.

– Пусть будет подъемник, если вы его так называете, – ответил моряк. – Название тут не играет никакой роли, главное, чтобы этот подъемник заменял нам лестницу.

– Это нетрудно сделать, Пенкроф, но будет ли от этого польза?

– Конечно, мистер Сайрес. Теперь, когда у нас есть все необходимое, как раз пора подумать об удобствах. Для нас это, пожалуй, будет излишней роскошью, но для доставки во дворец разных вещей подъемник необходим! Согласитесь сами, ведь очень неудобно взбираться по длинной лестнице с тяжелым грузом на плечах!..

– Ну что ж, Пенкроф, постараюсь исполнить ваше желание, – сказал Сайрес Смит.

– Но у вас же нет никакой машины или двигателя, как вы называете?

– Сделаем.

– Паровой двигатель?

– Нет, водяной.

Инженер и в самом деле имел в своем распоряжении естественную силу, которой мог воспользоваться для приведения в движение подъемной машины, которая должна была заменить собой лестницу.

Для этого надо было только немного увеличить количество воды, бежавшей по внутреннему водостоку из озера внутрь Гранитного дворца. Отверстие, оставленное между камнями и поросшее травой, на верхнем конце водостока расширили, так что даже образовался маленький водопад, каскадами мчавшийся под гранитные своды и затем с шумом изливавшийся во внутренний колодец. Внизу, под водопадом, инженер установил маленькую металлическую турбину, то есть цилиндр с лопастями, и приводом соединил ее непосредственно с большим колесом снаружи, на валу которого был намотан толстый канат с привязанной к нему корзиной. Таким образом, с помощью длинной веревки, доходившей до самой земли, включая и выключая гидравлический двигатель, корзину можно было поднять до дверей Гранитного дворца.

Подъемник, к всеобщему удовольствию, был приведен в действие в первый раз 17 марта. С этого дня все тяжелые предметы – дрова, уголь, припасы и даже сами колонисты – поднимались вверх с помощью подъемной машины, заменившей неудобную лестницу, о которой, конечно, никто не жалел. Но больше всех радовался устройству подъемной машины Топ, потому что при всех своих других замечательных качествах он не обладал, да и не мог обладать ловкостью мастера Юпа и часто поднимался в Гранитный дворец на спине Наба или самого орангутанга.

Сделав подъемник, Сайрес Смит решил заняться изготовлением стекла и приспособил для этой цели печь для обжигания глиняной посуды. В общем, дело оказалось довольно трудным, но после нескольких неудачных попыток инженеру удалось оборудовать небольшой стеклянный цех. Гедеон Спилет и Герберт, главные помощники инженера, работали несколько дней, не выходя оттуда.

Как известно, для приготовления стекла нужны песок, мел и сода (углекислая или сернокислая). Песка, и притом самого чистого, было сколько угодно на морском берегу, мел добывался из известняка, сода – из морских водорослей, а серную кислоту можно было получать из колчедана, и, наконец, каменноугольные копи давали уголь, чтобы поддерживать в печах необходимую температуру. Таким образом, Сайрес Смит имел все вещества, входящие в состав стекла.

Труднее всего оказалось сделать «трубку» стеклодува, то есть железную трубку длиной футов пять-шесть, на один конец которой набирают расплавленную стеклянную массу. Но Пенкроф, занимавшийся этим делом, сумел в конце концов изготовить такую трубку из длинной полоски листового железа, свернутой, как ружейный ствол, и объявил, что это как раз то, что требуется.

Первый опыт произвели 28 марта. Печь раскалили докрасна и в нее поставили тигли из огнеупорной глины, в которых находилась масса, состоящая из ста частей песка, тридцати пяти частей мела и сорока частей сернокислой соды, тщательно смешанных с двумя-тремя частями мелко истолченного, просеянного угольного порошка. Когда содержимое тиглей под влиянием высокой температуры расплавилось до жидкого, вернее, тестообразного состояния, один тигель вынули, Сайрес Смит набрал в трубку расплавленную стеклянную массу, несколько раз повертел ее по гладкой металлической пластине, чтобы придать более удобную для дутья форму. Затем он передал трубку Герберту, сказав, чтобы он дул в трубку с другого конца.

– Так же, как выдувают мыльные пузыри? – спросил мальчик.

– Совершенно так же, – ответил инженер.

И Герберт, набрав в легкие побольше воздуха, принялся дуть в трубку, все время поворачивая ее; воздух проник внутрь массы, и стеклянный ком заметно увеличился. Трубку снова опустили в тигель, и, повторяя эту операцию несколько раз, Герберту удалось наконец вынуть

пузырь диаметром один фут. Тогда Сайрес Смит взял трубку у Герберта и, раскачивая ее, как маятник, постепенно удлинил пузырь, придав ему форму конусообразного цилиндра.

Итак, операция выдувания стекла была окончена, бесформенный кусок стеклянной массы превратился в прозрачный цилиндр, оканчивавшийся двумя полусферическими колпаками, которые было нетрудно отделить острой полосой железа, смоченной холодной водой. Тем же способом цилиндр был разрезан вдоль, затем его снова размягчили вторичным нагреванием, растянули на металлической доске и прокатали деревянным катком.

Первое стекло было готово. Операцию повторили пятьдесят раз и получили пятьдесят стекол. Вскоре во все окна Гранитного дворца вставили рамы с прозрачными стеклами; эти стекла, правда, были не слишком белыми и чистыми, но тем не менее пропускали достаточно света.

Что касается стеклянной посуды – стаканов, бутылок, рюмок и проч., – то сделать их было уже пустяком и забавой для стеклодувов. Все подобные вещи выходили из рук мастеров такими, какими они оказывались на конце трубки; им нужны были стаканы, а будут ли эти стаканы граненые или гладкие, большие или маленькие, – им было все равно. Пенкроф тоже попросил разрешения «подуть», но он дул так сильно, что куски стеклянной массы просто расползлись и получились какие-то фантастические фигурки, что приводило в полный восторг этого взрослого ребенка.

Но, занимаясь изготовлением стеклянной посуды, колонисты не забывали время от времени ходить в лес, и в одну из таких экспедиций они совершенно случайно открыли новое дерево, благодаря которому еще больше пополнились запасы пищи.

Однажды Сайрес Смит и Герберт, отправившись на охоту, зашли довольно далеко в лес Дальнего Запада на левом берегу реки Милосердия. По дороге, как и всегда, Герберт задавал инженеру множество вопросов, на которые тот с удовольствием давал удовлетворительные ответы. Но охота, как и всякое другое дело, требует внимания, иначе даже при обилии дичи можно вернуться домой с пустыми руками. Сайрес Смит умел стрелять, но не был страстным охотником, а Герберт, несмотря на свою страсть к охоте, в этот день больше думал и говорил о химии и физике, поэтому многим кенгуру, пекари и агути удалось благополучно ускользнуть невредимыми из-под самого носа молодого ученого. Таким образом, проходив по лесу почти целый день, они рисковали вернуться домой ни с чем, как вдруг Герберт, забыв на минуту о химии и физике и увлекшись ботаникой, внезапно остановился и радостно закричал:

– Ах, мистер Сайрес, взгляните на это дерево! Знаете ли вы, что это такое?

Дерево, на которое он указывал, больше походило на куст с коротким чешуйчатым стволом и мелкими листьями с маленькими параллельными прожилками.

— Что же это за дерево, похожее на маленькую пальму? — спросил Сайрес Смит.

— Это — *cycas revoluta*. Рисунок его я видел в нашем словаре по естествознанию.

— Но на этом дереве нет плодов.

— Это правда, мистер Сайрес, — ответил Герберт, — но зато в этом стволе есть мука, которую природа доставляет нам в готовом виде.

— Значит, это хлебное дерево?

— Да, хлебное дерево.

— Ну, дитя мое, — ответил инженер, — это действительно драгоценная находка! Она заменит нам хлеб до тех пор, пока не поспеет пшеница. За работу, и дай бог, чтобы ты не ошибся!

Герберт не ошибся. Он разломил один из стеблей *cuscas revoluta*, состоявший из железистой ткани и мучнистой сердцевины, пронизанной волокнистыми связками, разделенными концентрическими кольцами. К муке примешивался слизистый сок неприятного вкуса, который, впрочем, легко было удалить простым выжиманием. Мучнистая сердцевина представляла собой настоящую муку прекрасного качества, чрезвычайно питательную.

Осмотрев и тщательно изучив ту часть леса Дальнего Запада, где росли хлебные деревья, Сайрес Смит и Герберт, делая по дороге зарубки на деревьях, поспешили в Гранитный дворец и торжественно рассказали своим товарищам о новом открытии.

На следующее утро колонисты отправились за мукою, и Пенкроф, с каждым днем все более и более восхищавшийся своим островом, по дороге говорил инженеру:

— Мистер Сайрес! Как, по-вашему, существуют ли острова специально для потерпевших крушение?

— Я не совсем понимаю, Пенкроф, что вы хотите этим сказать?..

— Видите ли, мне кажется, что есть острова, специально созданные для того, чтобы на них было удобно терпеть крушение и чтобы бедняги вроде нас могли легко выпутаться из беды!

— Возможно, что такие острова существуют, — улыбаясь, ответил инженер.

— Даже наверняка, сэр, — ответил Пенкроф, — и я убежден, что остров Линкольна — один из таких островов!

Колонисты вернулись в Гранитный дворец с огромным запасом *cuscas revoluta*. Инженер сразу установил пресс, чтобы выжать слизистый сок, смешанный с мучнистой сердцевиной, и в результате получил довольно большое количество очень хорошей муки, которая в руках Наба превратилась в пироги и пудинги. Хлеб из такой муки хотя и не был хлебом из пшеничной муки, но мало чем от него отличался.

На скотном дворе дойные козы и овцы, а также самка онагги ежедневно давали молоко, необходимое колонистам. Поэтому повозка или, вернее сказать, заменившая ее легкая тележка совершила частые поездки в кораль. Когда наступала очередь Пенкрофа ехать, он брал с собой Юпа и заставлял его править; орангутангу это, видимо, доставляло большое удовольствие, и он, пощелкивая бичом, мастерскиправлялся с новыми для него обязанностями кучера.

Колония процветала, и обитателям Гранитного дворца хорошо жилось на острове Линкольна. Они так привыкли к этому образу жизни и до такой степени освоились на острове, что, если бы им представилась возможность перебраться в цивилизованную страну, они наверняка с большим сожалением расстались бы с этим маленьким уголком великой Америки, как они его называли.

А между тем чувство оторванности от родины было настолько сильным, что, если бы какое-нибудь судно неожиданно показалось вблизи острова, колонисты, не задумываясь, постарались бы сигналами дать ему знать о себе и... уехали бы, радуясь, что наконец-то могут вернуться в свою дорогую Америку!.. А пока они жили счастливой жизнью и даже скорее опасались, чем желали, чтобы какое-нибудь событие изменило ее.

Но кто может сказать, что его ждет впереди, и кто в состоянии предвидеть и предотвратить удары, которые готовит ему судьба?

Как бы то ни было, колонисты острова Линкольна, на котором они жили уже больше года, были счастливы и в своих вечерних беседах строили планы на будущее, словно им было суждено провести всю жизнь на этом клочке земли. Во время одной из таких бесед было выска-

зано замечание, которое обратило на себя внимание присутствующих и могло иметь в будущем серьезное значение.

Это случилось 1 апреля, в пасхальное воскресенье. Сайрес Смит и его товарищи решили ознаменовать праздник отдыхом. Погода в этот день выдалась прекрасная, такая погода часто бывает в первых числах октября в Северном полушарии.

К вечеру, после обеда, все колонисты сидели на веранде, на краю плато Дальнего Вида, и наблюдали наступление сумерек. Наб подал кофе, роль которого выполнял настой из сушеных и поджаренных ягод бузины. Колонисты говорили о своем острове, о его единственном положении в Тихом океане, как вдруг Гедеон Спилет сказал, обращаясь к инженеру:

– Послушайте, дорогой Сайрес, я давно хотел спросить, да все как-то забывал... Вы не проверяли еще раз положение нашего острова с помощью секстанта, найденного в ящике?

– Нет, – ответил инженер.

– Может быть, это следовало бы сделать, раз у нас есть более совершенный инструмент, чем тот, которым мы пользовались...

– А зачем это нужно? – спросил Пенкроф. – Мы знаем, где находится остров!

– Все это так, – продолжал Гедеон Спилет, – но, может быть, использование неточных приборов повлияло на точность наблюдений, и теперь мы легко можем проверить...

– Вы правы, Спилет, – сказал инженер, – я, конечно, должен был произвести эту проверку гораздо раньше, хотя мне все-таки кажется, что, если и произошла ошибка в вычислениях, она не должна быть больше пяти градусов по долготе или широте.

– Кто знает? – продолжал Спилет. – Может быть, мы гораздо ближе к обитаемой земле, чем предполагаем?

– Мы узнаем это завтра, – ответил Сайрес Смит. – Если бы я не был так занят все это время, что даже забыл о секстанте, мы давно бы уже знали это наверняка.

– Не стоит! – вмешался Пенкроф. – Мистер Сайрес слишком хороший наблюдатель, чтобы сделать ошибку, и если только наш остров не двигался с места, то он и теперь находится именно там, где он говорил.

– Увидим.

На следующий день Сайрес Смит с помощью секстанта сделал новые наблюдения, необходимые для проверки координат.

Согласно первым наблюдениям остров Линкольна находился между 150° и 155° западной долготы и между 30° и 35° южной широты.

Второе наблюдение дало уже точные цифры: $150^{\circ}30'$ западной долготы, $34^{\circ}57'$ южной широты.

Итак, несмотря на несовершенство своих инструментов, Сайрес Смит, как и говорил, сделал очень незначительную ошибку – даже меньше пяти градусов.

– А теперь, – сказал Гедеон Спилет, – так как, кроме секстанта, у нас есть и географический атлас, доведем дело до конца, дорогой Сайрес, и отметим на карте местоположение острова Линкольна в Тихом океане.

Герберт принес атлас, который, как уже известно, был издан во Франции, а следовательно, имел надписи на французском языке.

Инженер открыл карту Тихого океана и с циркулем в руке собрался уже приступить к определению положения острова. Вдруг рука его остановилась, и он сказал с удивлением:

– Взгляните-ка! В этой части Тихого океана уже есть остров!

– Остров? – воскликнул Пенкроф.

– Вероятно, это и есть наш остров, – заметил Гедеон Спилет.

– Нет, – продолжил Сайрес Смит. – Его координаты 153° долготы и $37^{\circ}11'$ широты, то есть он находится на два с половиной градуса западнее и на два градуса южнее острова Линкольна.

– А какой это остров? – спросил Герберт.
– Остров Табор.
– Это большой остров?
– Нет, маленький островок, одиноко лежащий среди Тихого океана, на котором, может быть, никто никогда не бывал!
– Ну, так мы побываем на нем, – заявил Пенкроф.
– Мы?
– Да, мистер Сайрес. Мы построим палубное судно, и я берусь управлять им. А как далеко, кстати, от нас до этого острова Табора?
– Около ста пятидесяти миль к юго-западу, – ответил Сайрес Смит.
– Сто пятьдесят миль! Это совсем немного! – продолжал Пенкроф. – При попутном ветре такое расстояние можно будет пройти за двое суток!
– Но зачем это нужно? – спросил Спилет.
– Этого пока я и сам не знаю… Там видно будет!
Тут же было решено построить палубное судно таких размеров, чтобы на нем можно было выйти в море приблизительно в начале октября, когда наступит хорошая погода.

Глава десятая

Постройка судна. – Второй урожай пшеницы. – Охота на куланов. – Новое растение, более приятное, чем полезное. – Кит. – Гарпун из Вайн-Ярда. – Разделка кита. – Оригинальное использование китового уса. – Конец мая. – Пенкрофу больше уже нечего желать.

Когда в упрямой голове Пенкрофа рождалась какая-нибудь идея, он не давал покоя ни себе, ни другим до тех пор, пока не исполнялось то, что он задумал. Ему захотелось побывать на острове Табор, а так как для этого требовалось судно довольно больших размеров... Так что же?.. Надо построить такое судно и больше ничего...

Вот какой проект будущего судна, точнее сказать, шлюпа был разработан инженером вместе с Пенкрофом.

Судно должно иметь тридцать пять футов длины по килю и девять футов по бимсу. При условии строгой пропорциональности всех деталей подводной части судно будет быстроходным. В воде судно должно было сидеть сравнительно неглубоко, почти на шесть футов ниже ватерлинии, такая осадка вполне достаточна, чтобы судно не сносило течением. Во всю длину судна, от кормы и до носа, шла палуба с двумя люками, один на корме, другой на носу, они вели в две каюты, разделенные непроницаемой переборкой. Оснастку судну предполагалось дать такую же, как на большом шлюпе: косой грот, фок-стаксель и кливер – парусность, весьма удобная для того, чтобы ее можно было моментально убрать во время бури, и в то же время позволявшая легко идти в байдевинд. Наконец, кузов судна должен быть обшият снаружи от киля до баркоутов, и обшивные доски должны были заходить в пазы, а не накладываться одна на другую. Что касается тимберсов, то их поставят после того, как будут прикреплены к фальшбортам обшивные доски.

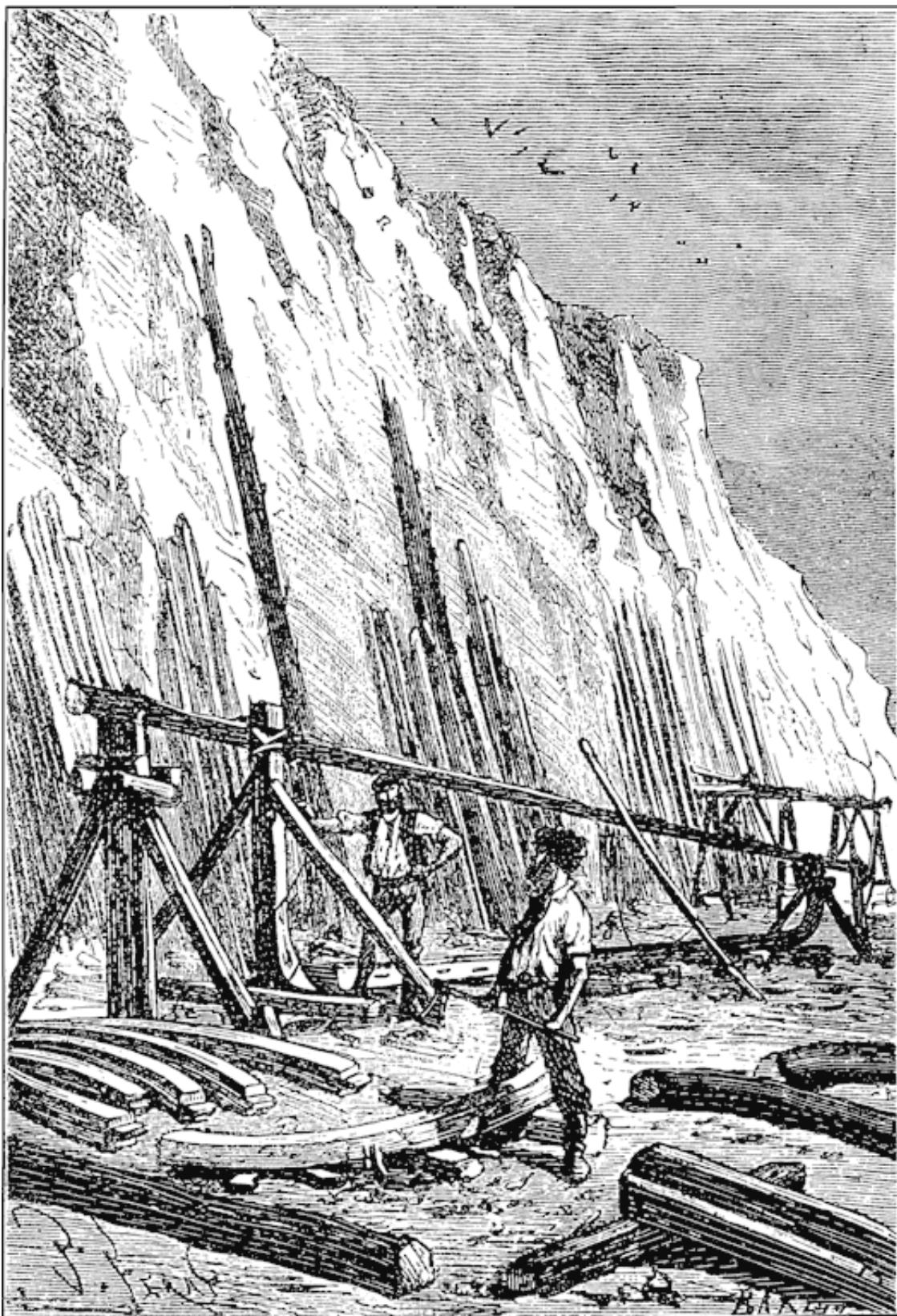
Теперь нужно было решить, из какого дерева всего лучше строить судно. Из ильма или из ели, которых так много на острове? Предпочтение отдали ели, хотя эта порода не так прочна, как ильм, но зато она мягче, легче поддается обработке и так же, как ильм, почти не портится от морской воды.

Так как в плавание можно будет отправиться не раньше чем через полгода, когда установится хорошая погода, то колонисты решили, что постройкой судна займутся только специалисты: Сайрес Смит, как инженер, и Пенкроф, как моряк. Гедеон Спилет и Герберт по-прежнему будут охотиться, а Наб и его помощник Юп останутся дома заниматься хозяйством.

Плотники, выбрав в лесу подходящие деревья, срубили их, очистили от коры, распилили на брусы и доски с искусством опытных пильщиков. Через неделю в углублении, которое существовало между Гротами и гранитной стеной, была устроена верфь и на песке уже лежали стапель и киль длиной тридцать пять футов, с ахтерштевенем сзади и форштевенем впереди.

Принимаясь за постройку судна, Сайрес Смит вовсе не был похож на человека, который брался за совершенно незнакомую ему работу. Напротив, он так же хорошо знал судостроительное дело, как и все вообще отрасли своей профессии, и предварительно сделал подробный чертеж будущего судна на бумаге. Кроме того, он имел прекрасного помощника в лице Пенкрофа, который несколько лет проработал плотником на верфи в Бруклине и на практике изучил все, что касалось постройки судов.

Пенкроф, разумеется, работал усердно, со всем пылом и не допускал даже мысли о том, чтобы бросить новое задание хотя бы на одну минуту и заняться чем-нибудь другим, – так хотелось ему как можно скорее видеть осуществление своей мечты.

Лишь для одного дела удалось вытащить моряка с верфи, и то только на один день. Это была уборка нового урожая, которая была произведена 15 апреля. Урожай получился такой же хороший, как и в первый раз, и дал предсказанное количество зерен.

– Пять буасо, мистер Сайрес! – объявил Пенкроф, тщательно перемерив обмолоченную и провеянную пшеницу.

— Пять буасо — отлично! — ответил инженер. — Считая, что в каждом буасо тринадцать литров или сто тридцать тысяч зерен, это составит шестьсот пятьдесят тысяч зерен...

— Теперь мы тоже оставим немного про запас, а все остальное посеем? — спросил Пенкроф.

— Хорошо! А если и третий урожай будет такой же, у нас будет уже четыре тысячи буасо.

— И можно будет уже попробовать печёного хлеба?

— Разумеется.

— Но тогда нам придется строить мельницу?

— Что ж? Будет нужно — и мельницу построим.

Под третий посев понадобилось, конечно, отвести гораздо больший участок, чем для первых двух, и тщательно обработанная земля приняла в свои недра драгоценные семена. Как только полевые работы были окончены, Пенкроф снова принял за постройку судна.

Между тем Гедеон Спилет и Герберт охотились в окрестностях. Благодаря тому, что у них были ружья, которые они на всякий случай заряжали пулями, охотники могли проникать довольно далеко в не исследованные еще части лесов Дальнего Запада. С трудом пробирались они сквозь густую чащу, где громадные вековые деревья росли так плотно, что им не хватало даже места раскинуть свои зеленые ветви. Исследование этих зарослей было сопряжено с большими трудностями, и журналист никогда не рисковал идти туда без компаса, потому что солнце почти не проникало сквозь густую листву, и было очень легко заблудиться. Дичи здесь было мало, но охотникам все-таки удалось убить трех крупных травоядных животных во второй половине апреля. Это были ленивцы, которых колонисты уже встречали на северном берегу озера. Неповоротливые животные не могли спастись бегством и близко подпустили к себе охотников, безрассудно дав себя убить среди ветвей деревьев, где пытались скрыться. Мясо ленивцев считается не особенно вкусным, и потому охотники сняли с них только шкуры. Инженер с помощью серной кислоты выдубил эти шкуры, после чего они стали годны к употреблению.

Во время одной из таких экскурсий случайно удалось сделать еще одно открытие, не менее ценное, хотя так считали не все. Этим открытием колония была обязана Гедеону Спилету.

Это случилось 30 апреля. Охотники углубились в лес в юго-западном направлении. Гедеон Спилет, который шел впереди Герberта шагов на пятьдесят, вышел на небольшую прогалину, где деревья росли не так часто, давая свободный доступ солнечным лучам.

Спилет вдруг почувствовал странный запах, который исходил от покрывавших почти всю прогалину растений с ветвящимся цилиндрическим стеблем и метельчатыми соцветиями трубчатых цветков. Одни растения были в полном цвету, а другие уже отцветали. Журналист вырвал с корнем несколько стеблей и, показывая их Герберту, спросил:

— Посмотри-ка, Герберт, что это такое?

— Где нашли вы эти растения, мистер Спилет? — вместо ответа спросил Герберт.

— Вон на той поляне! Их там очень много.

— Поздравляю вас, мистер Спилет, — продолжал Герберт. — Вы сделали очень важную находку, за которую Пенкроф вам будет очень и очень благодарен!

— Неужели это табак?

— Да, хотя и не первого сорта, а все-таки настоящий табак!

— Это хорошо! Я очень рад! Наконец-то наш Пенкроф будет всем доволен! Но здесь так много табака, что ему ни за что всего не выкурить! Надеюсь, что он и нам что-нибудь оставит!

— Мистер Спилет! Знаете, о чем я подумал? — сказал Герберт. — Давайте ничего не рассказывать Пенкрофу, пока не приготовим как следует табачные листья, и в один прекрасный день мы преподнесем ему трубку, набитую табаком.

— Идет! Я согласен, Герберт! Надеюсь, что в этот день нашему другу Пенкрофу не на что будет жаловаться, и он нам наконец скажет, что всем доволен!

Журналист и юноша нарывали драгоценных листьев столько, сколько могли унести, и решили сразу вернуться в Гранитный дворец. Они проникли туда, как контрабандисты, стараясь не попасться на глаза Пенкрофу, словно он был самым строгим таможенным досмотрщиком.

Сайрес Смит и Наб в тот же день были посвящены в тайну, но Пенкроф так ни о чем и не подозревал в течение довольно долгого времени, которое потребовалось, чтобы высушить тонкие листья, размельчить их и немного прокалить на горячих камнях. На все это потребовалось около двух месяцев, но благодаря принятым мерам предосторожности им удалось сохранить все в тайне от Пенкрофа, который к тому же был занят постройкой судна и приходил в Гранитный дворец только на ночь.

А между тем Пенкрофу пришлось еще раз оторваться от своей любимой работы. 1 мая случилось событие, в котором приняли участие все колонисты.

Уже несколько дней в море, в двух-трех милях от берега, можно было видеть огромное морское животное, которое продолжало плавать у острова Линкольна. Это был кит громадных размеров, и, насколько можно было судить, он принадлежал к виду южных китов.

— Эх! Хорошо бы нам захватить его! — воскликнул моряк, увидев кита. — Будь у нас лодка и хороший гарпун, я бы первый предложил вам: «Идем на кита!», потому что кит стоит того, чтобы на него поохотиться!

— Да, Пенкроф, кит стоит того, — отозвался Гедеон Спилет, — а мне, кроме того, хотелось бы посмотреть, как вы обращаетесь с гарпуном. Это, должно быть, очень интересно!

— Очень интересно, хотя и не совсем безопасно, — заметил инженер. — Но так как, при всем нашем желании, у нас нет возможности сделаться китоловами, то бесполезно, по-моему, и говорить об этом.

— Удивляюсь, — сказал Спилет, — как это кит заплыл в такие широты.

— Что же здесь необыкновенного, мистер Спилет? — возразил Герберт. — Наш остров лежит как раз в той части Тихого океана, которую английские и американские китоловы называют «Китовым полем», и именно здесь, между Новой Зеландией и Южной Америкой, и встречаются, главным образом, южные киты в большом количестве.

— Совершенно верно, — вмешался Пенкроф. — Меня удивляет не то, что этот кит плавает возле острова, а то, что мы раньше китов не видели. Но сколько бы ни плавало вокруг китов, нам это решительно все равно, потому что у нас нет ни лодки, ни гарпунов.

С этими словами Пенкроф повернулся спиной к морю и, тяжело вздохнув, направился к своей лодке. Каждый моряк в душе немного рыболов, и если удовольствие от рыбной ловли зависит от величины рыбы, то можно себе представить, что чувствует китолов при виде такого громадного кита.

Если бы еще речь шла только об одном удовольствии! Наоборот — это сознавал не только Пенкроф, — такая крупная добыча была бы просто бесцenna для колонии, потому что жир и китовый ус могли быть использованы с большой пользой.

Но странное явление! Кит, по-видимому, совсем не хотел уходить от острова. Сколько бы ни говорили себе колонисты, что им решительно все равно, а все-таки с вниманием следили за каждым движением огромного млекопитающего то из окон Гранитного дворца, то с плато Дальнего Вида. Если Гедеон Спилет и Герберт были дома, они с подзорной трубой уходили на плато и оттуда рассматривали кита. Когда они уходили на охоту, подзорная труба переходила в руки Наба, который с таким же любопытством следил за всеми движениями океанского великана. Кит довольно далеко заплыл в глубину бухты Союза и бороздил ее, быстро двигаясь со скоростью почти двенадцати миль в час от мыса Южной Челюсти до мыса Когтя, с силой отталкиваясь хвостовым плавником. Несколько раз он так близко подплывал к острову, что

его можно было прекрасно рассмотреть даже невооруженным глазом. Это был действительно южный кит, почти совсем черный, с головой более плоской, чем у китов Северного полушария.

Колонисты видели, как кит выбрасывал через носовые отверстия на большую высоту фонтаны пара... или воды, потому что, как это ни странно, натуралисты и китоловы держатся диаметрально противоположных взглядов на этот счет. В самом деле, что же вылетает с такой силой: воздух или вода? Ученые считают, что это просто выделяющаяся при выдохе струя конденсированного пара, которая становится видной в прохладную погоду, иногда она соединяется с распыленными брызгами воды.

С каждым днем присутствие морского млекопитающего все больше и больше заинтересовало колонистов. Но больше всех волновался Пенкроф, что даже мешало ему работать. В конце концов он начал думать только о том, как бы ему завладеть этим китом, — моряк похож был на ребенка, которому не дают игрушку. День и ночь бредил он этим китом, и, если бы у него была хоть какая-нибудь возможность, он, конечно, не раздумывая бросился бы за китом в погоню.

Но то, что не могли сделать колонисты, устроила сама судьба. 3 мая громкие крики Наба, который находился на своем наблюдательном посту у окна кухни, возвестили, что кита выбросило на мель около острова.

Герберт и Гедеон Спилет, собирающиеся идти на охоту, бросили свои ружья, Пенкроф уронил топор. Сайрес Смит и Наб присоединились к товарищам, и все вместе устремились к тому месту, где лежал кит.

Кит лежал на берегу возле мыса Находки, в трех милях от Гранитного дворца. Вероятно, его выбросило сюда приливом, и затем он по какой-то непонятной причине не мог уже выбраться обратно в море. Во всяком случае, следовало поторопиться и постараться отрезать ему путь к отступлению. Вместо ружей колонисты захватили с собой кирки и палки с острыми железными наконечниками, быстро перебежали они по мосту на правый берег реки Милосердия и спустились к морю. Двадцать минут спустя они уже стояли возле огромного животного, над которым кружились стаи птиц.

— Какое чудовище! — воскликнул Наб.

Замечание было совершенно справедливое, потому что кит был длиной около восьмидесяти футов и должен был весить никак не меньше полутораста тысяч фунтов¹⁹.

Между тем выброшенное на мель чудовище лежало неподвижно и не делало попыток вернуться в море, пока еще вода стояла высоко.

Вскоре начался отлив, и колонисты получили возможность осмотреть кита со всех сторон и узнать причину, почему он лежал неподвижно.

Кит был мертв, и в левом боку у него торчал гарпун.

— Значит, в наших местах промышляют китоловы! — с удивлением заметил Гедеон Спилет.

— А почему вы это говорите? — спросил моряк.

— Потому что гарпун...

— Э, мистер Спилет, это ровно ничего не доказывает, — возразил Пенкроф. — Бывали случаи, что киты проплывали тысячи миль с гарпуном в боку, и этот кит точно так же мог быть ранен где-нибудь на севере Атлантического океана, а сюда, на юг Тихого океана, он приплыл умирать... Это часто случается, и ничего тут нет удивительного!

— Но как же в таком случае... — попробовал возразить, в свою очередь, Гедеон Спилет, которого объяснение Пенкрофа, видимо, не удовлетворяло.

¹⁹ 60 000 кг.

— Это возможно, — перебил журналиста Сайрес Смит. — Прежде всего надо осмотреть гарпун. Может быть, китоловы, как это они обычно делают, вырезали на нем название своего судна?

Пенкроф быстро вытащил гарпун и громким голосом прочитал вырезанную на нем надпись: «*Maria Stella Vineyard*».

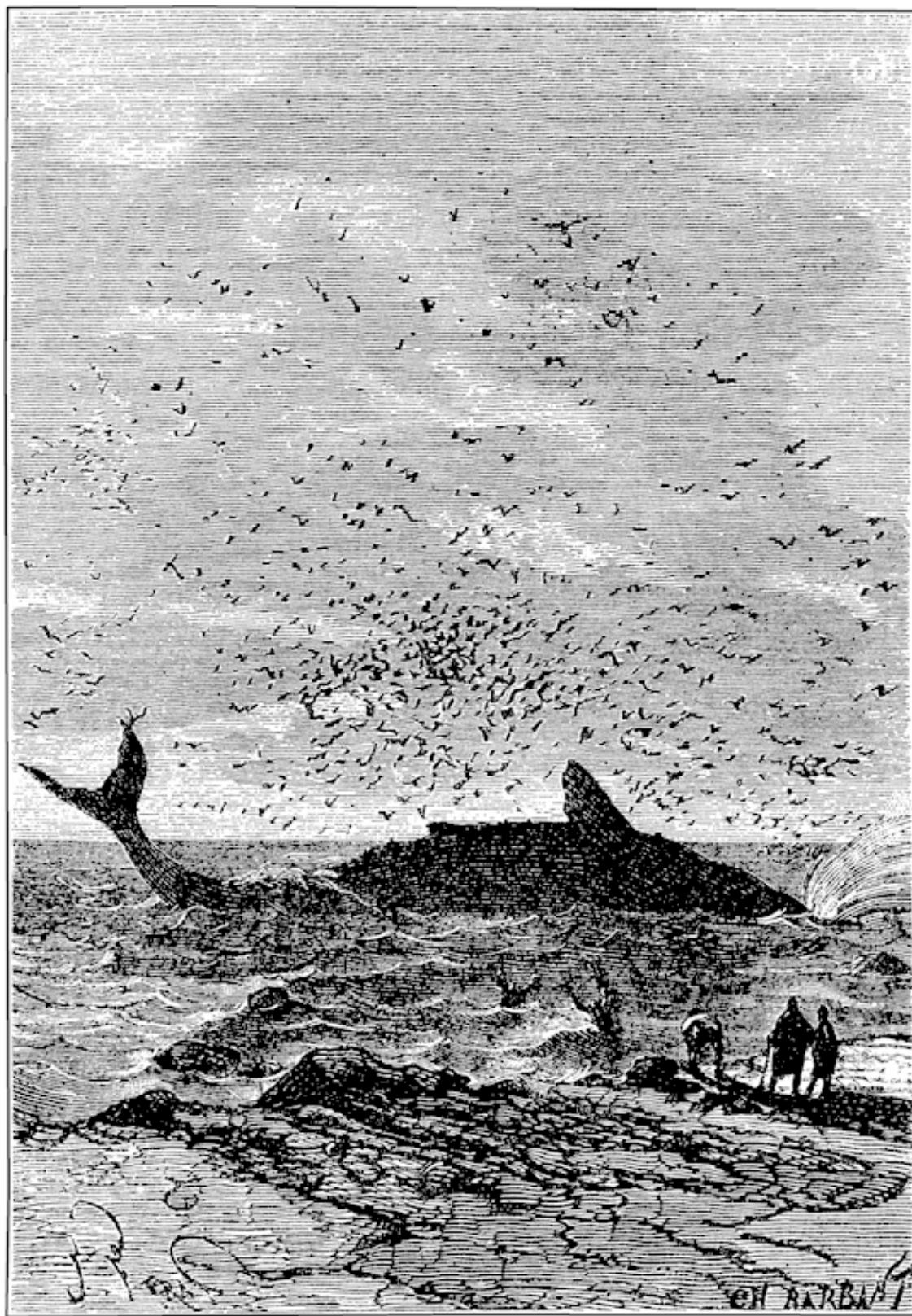
— Корабль из Вайн-Ярда! Корабль с моей родины! — закричал радостно моряк. — «*Maria Stella*»! Хорошее китоловное судно, клянусь честью! Я его хорошо знаю! Ах, братцы! Судно из Вайн-Ярда, китоловное судно из Вайн-Ярда!..²⁰ Вот это да!..

И моряк, размахивая гарпуном, с волнением повторял название дорогого ему города, где он родился.

Так как нельзя было ожидать, что «*Maria Stella*» когда-нибудь появится требовать кита, убитого ее гарпуном, колонисты решили немедленно выпотрошить его, пока он не начал разлагаться. Хищные птицы, давно уже выслеживавшие эту богатую добычу, с громкими криками слетались со всех сторон, желая сейчас же приступить к кровавому пиру, так что их пришлось разогнать выстрелами.

Убитое животное оказалось самкой кита, и из ее сосков выдоили много молока, которое, по мнению натуралиста Диффенбаха, очень похоже на коровье молоко. Действительно, китовое молоко не отличается от коровьего ни вкусом, ни цветом, ни даже консистенцией.

²⁰ *Вайн-Ярд* — небольшой портовый город в штате Нью-Йорк.

Пенкроф одно время служил на китоловном судне и благодаря этому мог руководить потрошением кита – операция, надо сказать правду, довольно неприятная. Эта работа продолжалась три дня, и ни один колонист не пытался уклониться от нее, даже Гедеон Спилет, который, по словам моряка, прекрасно освоился с ролью потерпевшего крушение.

Китовый жир разрезали на полосы толщиной в два с половиной фута, затем эти полосы разделили на более мелкие куски весом около тысячи фунтов каждый и растопили в больших глиняных горшках здесь же, на месте производства работ, потому что не хотели портить зловонием воздух вблизи плато Дальнего Вида. Вследствие этой операции вес жира уменьшился на одну треть. Но и при этом его оказалось очень много: из одного языка получилось около шести тысяч фунтов, а из нижней губы – четыре тысячи фунтов. Кроме топленого жира, которого должно было надолго хватить на изготовление глицерина и стеарина, приобрели еще достаточно китового уса, который, конечно, тоже пойдет в дело, хотя в Гранитном дворце не носили ни зонтиков, ни корсетов. В верхней челюсти животного справа и слева торчало восемьсот роговых пластинок, очень гибких, острых и прочных. Их было так много и они сидели так часто, что с первого взгляда казалось, будто у кита во рту два больших гребня, шестифутовые зубцы которых предназначались для того, чтобы задерживать во рту тысячи микроскопических животных, мелких рыбок и моллюсков, служащих пищей для кита.

Наконец весь жир с кита был снят, к великому удовольствию потрошителей. Остатки туши предоставили в распоряжение пернатых хищников, которые не замедлили склевать все мясо до костей. Перетащив богатую добычу домой, колонисты вернулись к своим обычным занятиям.

Однако, прежде чем снова взяться за работу по постройке судна, Сайрес Смит стал что-то конструировать из китового уса. Он взял дюжину пластинок китового уса, разрезал каждую на шесть равных частей и заострил на концах. Действия инженера вызвали живейшее любопытство его товарищей.

– Скажите, пожалуйста, мистер Сайрес, – спросил Герберт, когда Смит закончил работу, – зачем вы это делаете?..

– Мы будем этим убивать волков, лисиц и даже ягуаров, – ответил инженер.

– Теперь?

– Нет, зимой, когда настанут холода.

– Я ничего не понимаю... – сказал Герберт.

– Сейчас я тебе все объясню, – ответил инженер. – Честь этого изобретения, впрочем, принадлежит не мне. Подобными снарядами часто пользуются алеуты на Аляске... Видите ли, в чем тут дело, друзья мои? Вот перед нами пластины китового уса. Когда наступят морозы, я согну их и буду поливать водой до тех пор, пока они не покроются толстым слоем льда, который не позволит им разогнуться. Затем я их обмажу жиром или салом и разбросаю по снегу... Как вы думаете, что случится, если какое-нибудь голодное животное проглотит одну из таких приманок?.. Лед в желудке, где, как вам известно, высокая температура, растает, кусочек китового уса распрямится и проткнет ему внутренности острыми концами...

– Вот что остроумно, то остроумно, – заметил Пенкроф.

– И, кроме того, это сбережет нам пули и порох, – сказал Сайрес Смит.

– Это лучше всякой ловушки! – прибавил Наб.

– Зимой увидим!

– Да, подождем до зимы.

Между тем постройка судна быстро подвигалась вперед, и к концу месяца оно было уже наполовину обшито досками. Теперь уже можно было с уверенностью сказать, что судно выстроено по всем правилам судостроительного искусства и будет отлично держаться на воде.

Пенкроф работал с неослабевающим усердием, и только его геркулесовское сложение могло вынести такой тяжелый труд. Друзья втайне подготовили ему награду за все его труды, и 31 мая суждено было стать одним из счастливейших дней в жизни моряка.

В этот день, когда, накануне пообедав, Пенкроф хотел подняться из-за стола, он вдруг почувствовал чью-то руку на своем плече.

Это была рука Гедеона Спилета.

– Подождите еще минуту, Пенкроф, нельзя же так быстро выходить из-за стола!.. Вы забыли про десерт…

– Благодарю вас, мистер Спилет, – ответил моряк, – я спешу на работу.

– Выпейте хоть чашку кофе!

– Не хочется.

– Тогда не хотите ли выкурить трубочку после обеда?

Пенкроф вскочил как ужаленный и даже побледнел, увидев, что Спилет подает ему трубку, набитую табаком, а Герберт подносит горячий уголек.

Моряк хотел что-то спросить, но не мог выговорить ни слова. Схватив трубку, он поднес ее ко рту, зажег и сделал пять или шесть затяжек подряд.

По комнате распространилось голубоватое облако ароматного дыма, и сквозь дым послышался восторженный голос моряка:

– Табак! Настоящий табак!

– Да, Пенкроф, – заметил Сайрес Смит, – и даже очень хороший табак!

– О господи!.. – продолжал моряк. – Теперь на нашем острове есть все, что нужно!

И Пенкроф продолжал выпускать один клуб дыма за другим.

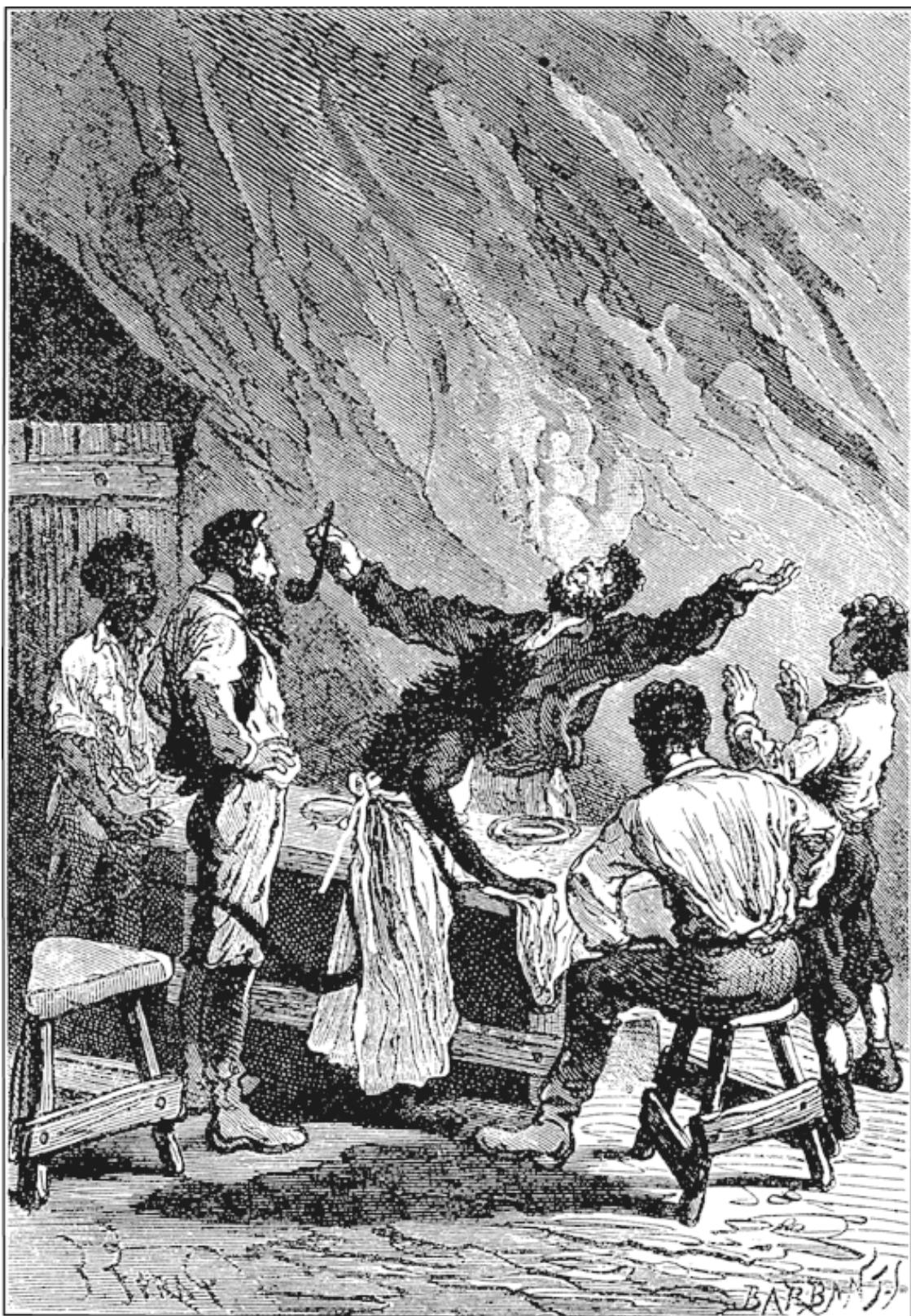
– Кто сделал это открытие? – спросил он наконец. – Конечно, это ты, Герберт?

– Нет, Пенкроф, к сожалению, не я… Табак нашел мистер Спилет.

– Мистер Спилет!.. – вскричал моряк, обнимая журналиста, которому еще никогда не приходилось попадать в такие тиски.

– Уф, Пенкроф! – проговорил Гедеон Спилет, вздыхая полной грудью, когда ему наконец удалось освободиться из могучих объятий моряка. – Поблагодарите также Герберта, который сказал, что найденное мной растение – табак, Сайреса, который его приготовил, и Наба, которому стоило большого труда сохранить наш секрет.

– Спасибо вам всем, друзья мои!.. Постараюсь не оставаться у вас в долг! – говорил расстроганный моряк. – Теперь я ваш до конца жизни!..

Глава одиннадцатая

Зима. – Валение шерсти. – Мельница. – Idée fixe Пенкрофа. – Китовый ус. – Для чего может пригодиться альбатрос. – Топливо будущего. – Топ и Юп. – Ураганы. – Опустошения на птичнике. – Экскурсия на болото. – Сайрес Смит остается один. – Исследование колодца.

Между тем пришла зима, наступающая в умеренном поясе Южного полушария с июня, соответствующего декабря Северного полушария, а вместе с зимой настало время серьезно позаботиться об изготовлении теплой и прочной одежды.

Муфлонов из корала остригли, и теперь колонистам нужно было превратить шерсть сначала в нитки, а затем из ниток на ткацком станке соткать сукно.

Нечего, конечно, и говорить, что Сайрес Смит не имел в своем распоряжении ни трепальных, ни чесальных, ни прядильных станков, поэтому он должен был придумать какой-нибудь другий, более простой способ, позволяющий обойтись без всех этих сложных машин и механизмов. Но инженер недолго думал над решением этой задачи и решил вместо тканого сукна изготовить из шерсти фетр, то есть войлок самого высшего качества. Такой фетр, или войлок, можно получить простым валянием шерсти, и хотя войлок не отличается легкостью и гибкостью настоящего сукна, зато он прекрасно сохраняет тепло. Находившиеся на скотном дворе муфлоны принадлежали к так называемым короткошерстным животным, но именно такая шерсть и требуется для получения хорошего фетра.

Инженер с помощью своих товарищ, в том числе и Пенкрофа – ему снова пришлось на некоторое время прекратить работы по постройке судна, – приступил к предварительным действиям по очистке шерсти от жира и пота, примесей грязи, навоза и растений. Операция эта была произведена в больших чанах, полных воды температурой семьдесят градусов, где шерсть вымачивали двадцать четыре часа. Затем шерсть вынули, промыли в холодной воде, сильно насыщенной содой, чтобы смыть последние остатки жира, выжали и разложили на просушку. После этого из чистой и высущенной шерсти можно было хоть сейчас свалить войлок, или фетр, как его называл инженер. Фетр этот, наверное, не нашел бы покупателей в промышленных центрах Европы и Америки, но он не имел цены на рынке острова Линкольна.

Тем способом, который собирался применить Сайрес Смит, вероятно, изготавливались первые шерстяные материи в самые отдаленные эпохи, еще до изобретения ткацких станков.

Специальные знания инженера особенно пригодились ему при сооружении машины для валяния шерсти. Он очень искусно сумел использовать механическую силу прибрежного водопада, чтобы привести в движение сукновалью.

В сущности, ничего не могло быть проще. Большой деревянный вал с кулаками, которые поочередно приподнимали и опускали вертикальные деревянные трамбовки; большие ящики, в которых лежала шерсть и куда опускались трамбовки, и, наконец, деревянный остов, в котором помещался весь аппарат, – вот и все устройство сукновальни. Такой ее устраивали в течение многих веков до тех пор, пока не придумали заменить трамбовки компрессорными цилиндрами и, вместо того чтобы сбивать шерсть, стали подвергать ее прокатке.

Весь процесс валяния шерсти производился под непосредственным руководством Сайреса Смита и удался на славу. Шерсть, предварительно смоченная слабым мыльным раствором, который, с одной стороны, предназначался для того, чтобы шерстинки легче скользили, прочнее сцеплялись и были мягче, а с другой, – для предотвращения порчи во время валиния, выходила из сукновальни в виде толстой войлочной скатерти. Вся операция удалась так хорошо, что колонисты имели материал, одинаково пригодный для пошива как одежды, так и одеял. Этот материал, конечно, не был похож ни на сукно, ни на муслин, ни на шотландский кашемир, ни на штоф, ни на репс, ни на китайский сатин, ни на драп, ни на фланель!.. Это был

просто линкольнский фетр, и на острове Линкольна было теперь одной отраслью промышленности больше.

Колонисты имели наконец новую теплую одежду и такие же теплые одеяла и могли без страха ожидать наступления зимы 1866–1867 годов.

Настоящие холода начались около 20 июня, и Пенкрофу, к его большому сожалению, пришлось временно прекратить строительство судна, которое, впрочем, ничто не мешало закончить будущей весной.

Моряком овладела навязчивая идея посетить остров Табор, хотя Сайрес Смит не одобрял его желания, вызванного исключительно любопытством, потому что вряд ли можно было найти какую-нибудь помочь на этой пустынной, почти бесплодной скале. Путешествие в сто пятьдесят миль на небольшом судне в совершенно незнакомых водах было делом очень рискованным. А что, если судно, выйдя в открытое море, вдруг окажется не в состоянии ни дойти до острова Табор, ни вернуться к острову Линкольна? Что тогда будет с ними среди пустыни Тихого океана, полного опасностей?

Сайрес Смит часто говорил об этом с Пенкрофом, но моряк с каким-то странным упорством продолжал настаивать на этой поездке. Упрямство его действительно было непонятно, потому что он сам не мог объяснить, почему ему хочется посетить остров Табор.

— Я вам должен заметить, мой друг, — сказал ему однажды инженер, — что после того как вы так расхваливали остров Линкольна и даже не раз говорили, что вам было бы тяжело его покинуть, вдруг вы первый хотите уехать с этого острова.

— Всего на несколько дней, мистер Сайрес!.. Я пробуду в отъезде ровно столько времени, сколько будет нужно для того, чтобы съездить туда и вернуться назад! Мне хочется только взглянуть на этот островок!

— Но ведь он гораздо хуже острова Линкольна!

— В этом я и так уверен!

— Тогда я уже совсем не понимаю, зачем именно вы хотите туда ехать.

— Чтобы узнать, что делается на этом островке!

— Ничего! Что же может быть там интересного?

— Кто знает?

— Ну а если вас застигнет буря?

— Этого нечего бояться в летнее время, когда надолго устанавливается хорошая погода, — упрямо возражал Пенкроф. — Но на всякий случай, мистер Сайрес, я буду просить вас отпустить со мной Герберта.

— Послушайте, Пенкроф! — сказал инженер, положив руку на плечо моряка. — А что, если случится какое-нибудь несчастье с вами и с этим ребенком, которого судьба сделала нашим сыном?.. Как вы думаете, будем мы в состоянии не скорбеть о погибших?

— Мистер Сайрес, — ответил Пенкроф с непоколебимой уверенностью, — мы не причиним вам такого горя... Впрочем, мы еще поговорим об этом, и не раз, перед тем как отправиться туда... К тому же я уверен, что, когда вы увидите нашу лодку совсем готовой со всеми снастями и парусами, когда вы увидите, как хорошо она держится на воде, когда мы объедем на ней вокруг нашего острова, — а мы это сделаем, надеюсь, все вместе, — вы без колебаний разрешите мне совершить эту небольшую поездку! Я ведь недаром провел столько лет на море и уже теперь могу сказать вам, что ваше судно будет чудом судостроительного искусства!

— Скажите лучше наше судно, Пенкроф! — возразил инженер, видимо обезоруженный последней фразой моряка.

На этом пока закончился их разговор, который должен был возобновиться позднее, потому что ни инженеру, ни моряку не удалось убедить друг друга.

Первый снег выпал в конце июня. Но еще до этого король был снабжен кормом на всю зиму, поэтому не было необходимости посещать его ежедневно, и с общего согласия колонисты решили наведываться туда раз в неделю.

По примеру прошлой зимы опять устроили западни и ловушки и, кроме того, попробовали использовать изобретение Сайреса Смита. Согнутые пластины китового уса облили водой, заморозили и покрыли сверху толстым слоем растопленного китового жира. Изготовленные таким образом приманки разбросали на опушке леса в тех местах, где стада животных проходили к озеру.

К удовлетворению инженера, это изобретение охотников-алеутов не замедлило дать прекрасные результаты. На приманку попались дюжина лисиц, несколько диких свиней и даже один ягуар. Колонисты нашли этих животных мертвыми, с желудками, проколотыми острыми концами китового уса.

К этому же времени относится первая попытка колонистов, а именно Гедеона Спилета, установить связь с цивилизованным миром.

Спилет уже давно думал, как бы ему отправить с острова письмо: поместить ли его в закупоренную бутылку, которую течением, возможно, отнесет к обитаемым берегам, или же воспользоваться голубиной почтой?.. Но можно ли было серьезно рассчитывать, что голубь или бутылка благополучно минуют расстояние в тысячу двести миль, отделяющее остров Линкольна от материка? Нет, надеяться на это было бы чистейшим безумием.

Но 30 июня охотникам совершенно неожиданно удалось поймать альбатроса, которого Герберт слегка ранил в ногу выстрелом из ружья. Это была крупная птица из семейства альбатросов, размах крыльев у которых достигает десяти футов и которые могут перелетать даже через такие обширные водные пространства, как Тихий океан.

Герберту очень хотелось оставить великолепного альбатроса, у которого рана зажила очень быстро, к тому же птица стала привыкать к людям, и ее можно было приручить. Однако Гедеон Спилет сумел убедить его, что нельзя отказываться от возможности связаться с населенными землями, расположенными в Тихом океане. Герберт, конечно, уступил, ведь если этот альбатрос действительно прилетел из какой-нибудь обитаемой страны, то, получив свободу, он туда, наверное, и вернется.

Может быть, в глубине души Гедеон Спилет, в котором довольно часто пробуждался журналист, не раз мечтал каким-нибудь способом переслать в свою газету увлекательную корреспонденцию с кратким изложением всех приключений колонистов острова Линкольна! Какую славу это принесло бы постоянному корреспонденту «Нью-Йорк Геральд» и в каком количестве экземпляров разошелся бы номер газеты с этой публикацией, если бы только она дошла по адресу и попала в руки издателя газеты, достопочтенного мистера Джона Бенетта!

Гедеон Спилет написал краткую заметку и тщательно упаковал ее в небольшой мешочек из просмоленной парусины с настоятельной просьбой ко всячому, кто найдет мешочек, доставить его в редакцию «Нью-Йорк Геральд». Мешочек привязали не к ноге альбатроса, а на шею, потому что эти птицы имеют обыкновение садиться на воду. Затем воздушному курьеру дали свободу, и колонисты не без волнения смотрели, как он постепенно исчезал в облаках.

— Куда он полетел? — спросил Пенкроф.
— К Новой Зеландии, — ответил Герберт.
— Счастливого пути! — крикнул моряк, махая шляпой, хотя в душе он не возлагал особых надежд на такой способ доставки корреспонденции и не ожидал удовлетворительных результатов.

С наступлением зимы начались работы внутри Гранитного дворца: починка одежды, шитье новых вещей и, между прочим, изготовление парусов для корабля, скроенных из бесконечной оболочки шара...

В июле стояли очень сильные холода, но колонисты заблаговременно запаслись топливом и могли не жалеть ни дров, ни угля. Сайрес Смит устроил второй камин в большом зале, и там они проводили все вместе долгие зимние вечера. Разговоры во время работы, чтение, когда нужно было дать отдых усталым рукам, – и время проходило незаметно с пользой для каждого из них.

Колонисты могли только радоваться, когда, сидя в этом зале, ярко освещенном стеариновыми свечами, возле камина, где горел каменный уголь, после сытного обеда, с чашкой дымящегося бузинного кофе в руках, с трубкой в зубах, выпуская облака ароматного дыма, они прислушивались к завываниям бури за стенами их гранитного жилища. Они были вполне счастливы, если только можно назвать полным счастьем жизнь вдали от цивилизованного мира, без возможности всякой связи с людьми. Они постоянно говорили о своей родине, о своих друзьях, о величии Северо-Американских Штатов. Сайрес Смит как политический деятель рассказывал своим друзьям много интересного. Нередко предметом беседы служило развитие промышленности, и тут Сайрес Смит уже как инженер авторитетно рисовал перед своими слушателями яркую картину будущего развития техники.

Однажды во время одной из таких бесед Гедеон Спилет сказал инженеру:

– Но в конце концов, дорогой Сайрес, разве не существует опасность, что промышленность и торговля, которым вы предсказываете такое блестящее будущее, рано или поздно остановятся в своем развитии...

– Остановятся! А почему?

– Из-за недостатка каменного угля, который, по моему мнению, следует считать самым ценным ископаемым!

– Да, он действительно самый ценный минерал, – сказал инженер. – Сама природа, по-видимому, решила подтвердить его значение и как бы в награду за ту пользу, которую он приносит цивилизованному миру, создала из него алмаз, который в сущности не что иное, как чистый кристаллизованный углерод.

– Значит, по вашему мнению, мистер Сайрес, – вмешался Пенкроф, – со временем вместо каменного угля в топках будут жечь алмазы?

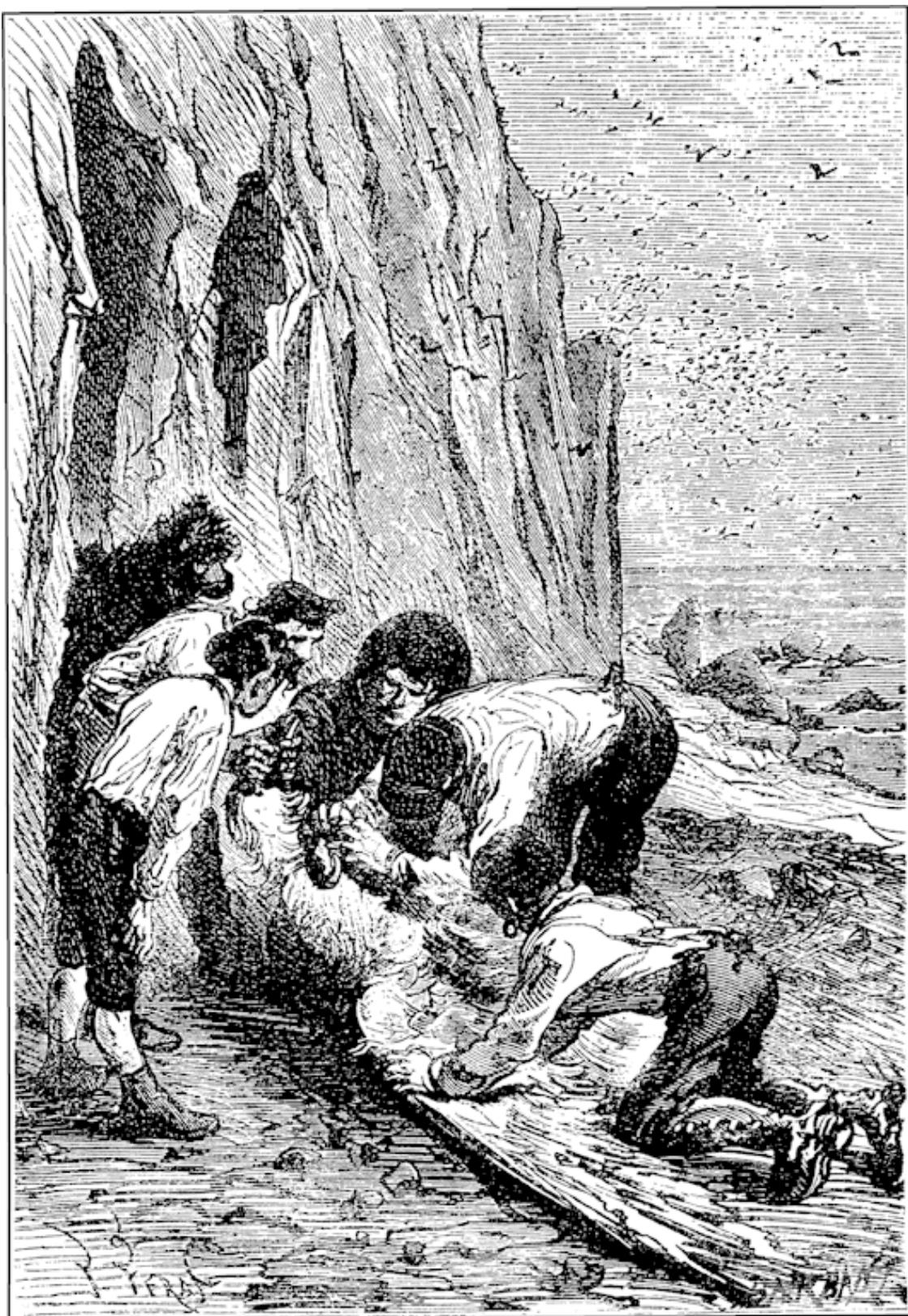
– Нет, мой друг, – ответил Сайрес Смит.

– Я все-таки продолжаю стоять на своем, – продолжал Гедеон Спилет. – Надеюсь, вы не станете отрицать, что в один прекрасный день будет израсходована последняя тонна каменного угля.

– О, этого пока нечего бояться! Залежи каменного угля настолько велики, что сто тысяч рудокопов, добывающих сто миллионов центнеров в год, не скоро исчерпают весь его запас!

– Так как потребление каменного угля все более возрастает, – возразил Гедеон Спилет, – нетрудно предположить, что в самом непродолжительном времени вместо ста тысяч рудокопов этим делом будет занято двести тысяч рудокопов, и добыча угля удвоится.

– Разумеется, но, кроме угольных копей в Европе, которые благодаря новым усовершенствованным машинам будут эксплуатироваться на более значительной глубине, имеются месторождения в Америке и в Австралии, которые еще долго будут в состоянии снабжать мир каменным углем.

- На сколько же времени их хватит? – спросил Спилет.
– По крайней мере, еще на двести пятьдесят – триста лет.
– Это очень утешительно для нас, – сказал Пенкроф, – но каково-то придется нашим
внукам!
– Найдут что-нибудь другое, – сказал Герберт.

— Будем надеяться, — возразил Гедеон Спилет, — потому что если не будет угля, то не будет машин, не будет железных дорог, не будет пароходов, фабрик, всего того, что требует современная жизнь!

— Но чем же заменят уголь? — спросил Пенкроф. — Может быть, вы можете сказать нам это, мистер Сайрес?

— Да, приблизительно, мой друг.

— Что же будут жечь вместо каменного угля?

— Воду, — ответил Сайрес Смит.

— Воду! — воскликнул Пенкроф. — Водой станут топить пароходы и локомотивы! Водой будут кипятить воду!

— Да, но только водой, разложенной на составные элементы, — возразил Смит. — Вероятно, это будет делаться с помощью электричества, которое к тому времени будет мощной и легко используемой силой. Ведь все великие открытия по какому-то необъяснимому закону совершенствуются и дополняют друг друга. Да, друзья мои, я уверен, что со временем вода заменит собой как горючий материал и каменный уголь, и нефть, и все остальное... Кислород и водород, входящие в ее состав, употребляемые отдельно или вместе, дадут неиссякаемый источник тепла и света, причем такой силы, которую не в состоянии дать каменный уголь. Настанет время, и котлы пароходов и паровозов, тендеры локомотивов вместо каменного угля будут наполнять сжатым газом, и он будет гореть с огромной энергией. Нам нечего опасаться. Пока на земле живут люди, земля будет обеспечивать своих обитателей всем необходимым, они не будут испытывать недостатка в материалах для освещения и отопления точно так же, как в продуктах животного и растительного мира. Поэтому я уверен, что, когда истощатся запасы каменного угля, начнут топить водой... Вода — это каменный уголь будущего.

— Хотел бы я увидеть это своими глазами, — заметил Пенкроф.

— Ты родился слишком рано, Пенкроф, — вмешался Наб, который впервые принял непосредственное участие в разговоре.

Остроумным замечанием Наба и закончилась беседа в этот вечер, но вовсе не потому, что тема была исчерпана. Нет, вдруг залаял Топ, так же яростно, как он это делал и раньше. В это время Топ бегал в коридоре вокруг отверстия колодца, который и раньше почему-то возбуждал у него тревогу.

— Что это Топ начал опять так странно лаять? — спросил Пенкроф.

— Слышите! Юп что-то рычит! — добавил Герберт.

И в самом деле, обезьяна разделяла беспокойство Топа и выражала это так очевидно, что не заметить этого было нельзя.

— Странное явление, — заметил Гедеон Спилет. — Этот колодец, вероятно, непосредственно сообщается с морем, и, наверное, какое-то морское животное время от времени проплывает сюда отдохнуть.

— Должно быть, так, — ответил моряк, — иначе это ничем нельзя объяснить... Смирно, Топ! — крикнул затем Пенкроф, обращаясь к собаке. — А ты, Юп, ступай в свою комнату!

Собака и обезьяна умолкли. Юп отправился в свою комнату спать, а Топ остался в зале, и колонисты весь вечер слышали, как он глухо ворчал.

Никто больше не говорил об этом событии, и только инженер, нахмурившись, о чем-то раздумывал.

В конце месяца дождь со снегом сменился морозами. Температура не падала так низко, как в прошлую зиму, и термометр не опускался ниже минус тринадцати градусов по Цельсию. Но хотя эта зима была теплее, она отличалась частыми метелями и ураганами. Море то и дело так набрасывалось на берег, что заливало даже Гроты. Можно было подумать, что какие-то подводные течения поднимали чудовищные волны и бросали их на скалистые стены Гранитного дворца.

Колонисты, стоя у окна, смотрели на эти огромные массы воды, которые разбивались у них перед глазами, и могли лишь восхищаться этим величественным зрелищем, наблюдая бессильную злобу океана. Пенящиеся волны вздымались кверху на высоту более ста футов, заливая весь берег, и казалось, что гранитная скала выходит прямо из волн бушующего моря...

Во время подобных ураганов было трудно и даже опасно ходить по острову, потому что ветер вырывал с корнем даже вековые деревья и они, падая, могли обрушиться всей своей тяжестью на неосторожного путника. Однако колонисты не сидели все время дома и раз в неделю посещали кораль. К счастью, загон был защищен юго-восточными контрафорсами горы Франклина и благодаря этому не очень сильно пострадал от ураганов. Деревья, сараи, изгороди здесь остались целы. Но птичник, устроенный на плато Дальнего Вида и находившийся непосредственно под воздействием восточных ветров, пострадал довольно значительно. С голубятни два раза срывало ветром крышу, ограда свалилась. Все это нужно было непременно восстановить и сделать прочнее, потому что, как убедились в этом колонисты, остров Линкольна лежал в той именно части Тихого океана, где зимой свирепствуют сильные бури. Казалось, что он находится в самом центре опустошительных циклонов.

В первых числах августа ураганы стали постепенно стихать, и в воздухе наступала та тишина, которая всегда следует за бурей. С прекращением ветров температура начала заметно понижаться, и термометр упал до минус 22° по Цельсию.

Третьего августа колонисты совершили наконец экскурсию в юго-восточную часть острова, к болотам Казарок, куда они давно собирались. Охотников привлекала водоплавающая дичь, устроившая на болотах свои зимние квартиры. Дикие утки, бекасы, чирки, кулики водились там в изобилии, и поэтому было решено посвятить один день охоте на этих представителей пернатого мира.

Кроме Гедеона Спилета и Герберта, Пенкроф и Наб тоже приняли участие в походе, и только Сайрес Смит не пошел с ними и остался дома под предлогом, что ему необходимо заняться какой-то срочной работой.

Охотники пообещали вернуться к вечеру и весело тронулись в путь по дороге к гавани Воздушного Шара, чтобы оттуда пройти на болота. Топ и Юп тоже отправились вместе с охотниками. Как только они перешли на другой берег реки Милосердия, инженер поднял мост и поспешил в Гранитный дворец, чтобы осуществить один план, ради которого он и остался дома.

Дело в том, что Сайрес Смит уже давно хотел тщательно исследовать внутренний колодец, расположенный в кладовой и сообщавшийся непосредственно с морем, так как до устройства нового водостока он служил стоком для озерной воды.

Почему Топ так часто подбегал к отверстию колодца? Почему он так странно лаял? Почему Юп всегда присоединялся к Топу и тоже казался чем-то или кем-то испуганным? Может быть, в этом колодце есть еще какие-нибудь боковые ходы, кроме вертикального спуска к морю? Может быть, разветвляясь, эти боковые ходы идут далеко под землей по всему острову? Вот что хотел выяснить Сайрес Смит, и вот почему он остался в этот день дома. Он решил произвести осмотр колодца так, чтобы никто не знал об этом, и теперь как раз представился подходящий случай.

В колодец нетрудно было спуститься по веревочной лестнице, которую не использовали с тех пор, как установили подъемник. Длина лестницы примерно соответствовала высоте колодца. Инженер подтянул лестницу к отверстию, имевшему в диаметре около шести футов, и, крепко привязав верхний конец лестницы к перекладине, осторожно опустил ее вниз. Потом, вооружившись револьвером и заткнув за пояс кортик, стал медленно спускаться вниз по лестнице, держа в одной руке зажженный фонарь.

В стенах нигде не было видно никаких отверстий, и только кое-где попадались небольшие выступы; при определенном навыке ловкий человек мог бы подняться по этим выступам до верхнего отверстия колодца. Однако, осматривая тщательно стены колодца при бледном свете фонаря, Смит не заметил никаких отпечатков, никаких признаков, которые позволяли бы сделать предположение, что здесь вообще кто-нибудь лазил.

Сайрес Смит опустился еще ниже, все время внимательно осматривая стены, и нигде не увидел ничего подозрительного.

Когда инженер дошел до последних ступеней, то почувствовал близость моря, которое в это время было совершенно спокойно. Ни на уровне воды, ни в какой-либо части колодца – нигде не видно было ни одного бокового прохода, который мог бы вести вовнутрь гранитного массива.

Смит попробовал постучать по стене рукояткой кортика и услышал глухой звук, что говорило об отсутствии трещин. Это была плотная гранитная масса, сквозь которую не могло проложить себе дорогу ни одно живое существо. Чтобы добраться до дна колодца и подняться затем наверх, необходимо было миновать пролив, посредством которого колодец сообщался с морем под гранитной массой побережья. Сделать это могло только морское животное. Какой глубины был этот подземный пролив? Где он заканчивался и в каком именно месте побережья? На эти вопросы инженер, конечно, ответить не мог, да это его сейчас мало интересовало.

Осмотрев колодец, Сайрес Смит быстро поднялся наверх, вытащил лестницу, закрыл отверстие колодца и, глубоко задумавшись, направился в большой зал Гранитного дворца, говоря про себя: «Я ничего не видел, а между тем там что-то есть!»

Глава двенадцатая

Оснащение судна. – Нападение лисиц. – Юп ранен. – Лечение Юпа. – Юп здоров. – Окончание работ по постройке судна. – Триумф Пенкрофа. – «Бонавентур». – Испытание судна. – Путешествие на юг острова. – Неожиданная находка.

Охотники, как и обещали, вернулись домой вечером после удачной охоты и буквально были обвешаны дичью. Они тащили на себе столько птиц, сколько под силу донести четверым мужчинам. Даже у Топа, как бусы, висели на шее маленькие кулики, а Юп нес на себе пояс из шилохвостов.

– Вот посмотрите, хозяин, – воскликнул Наб, – вот что поможет нам коротать время! Консервы, паштеты, пироги – мы всего наготовим про запас! Нужно только, чтобы кто-нибудь помог мне... Я рассчитываю на тебя, Пенкроф.

– Нет, Наб, не могу! – ответил моряк. – Мне нужно заняться оснасткой судна, и на этот раз тебе придется обойтись без меня.

– А вы, мистер Герберт?

– Я тоже не могу, Наб: завтра мне надо идти в кораль, – ответил юноша.

– Тогда, может быть, вы, мистер Спилет, не откажетесь помочь мне?

– Изволь, если это доставит тебе удовольствие, – ответил журналист, – только предупреждаю тебя, что я непременно опубликую все кухонные рецепты, которые ты мне сообщишь.

– Как вам будет угодно, мистер Спилет, как вам будет угодно!

Вот таким образом на следующий день Гедеон Спилет сделался помощником Наба и очутился в его кулинарной лаборатории, на кухне Гранитного дворца. Но еще раньше, утром, инженер сообщил ему о результатах своего вчерашнего исследования, и журналист был согласен с мнением Сайреса Смита, что, хотя инженеру и не удалось ничего найти, тут тем не менее есть какая-то тайна, которую необходимо во что бы то ни стало разгадать.

Холода продолжались еще неделю, и колонисты выходили из Гранитного дворца только для того, чтобы взглянуть, что делается на птичнике. По всему помещению распространялся аппетитный запах маринадов, приготовлением которых занимались Наб и Спилет, но не вся добыча была превращена в консервы. Так как дичь в сильные морозы прекрасно сохранялась, то часть ее была съедена жареной в свежем виде, и за обедом каждый считал своим долгом похвалить искусного повара.

В течение этой недели Пенкроф вместе с Гербертом, который помогал ему сшивать полотнища материи, работал с таким усердием, что паруса для корабля были готовы гораздо раньше, чем предполагали. В пеньковых канатах тоже недостатка не было – для этого пригодилась оснастка воздушного шара. Пенкроф заготовил массу канатов и веревок по всем правилам морского искусства. Паруса обшили крепким ликтросом, и, кроме того, осталось еще достаточно веревок, которые пошли на фалы, ванты, шкоты и проч. Что касается блоков, то их выточил Сайрес Смит на своем токарном станке по размерам, которые указал Пенкроф.

Таким образом, вся оснастка была готова значительно раньше корпуса. Пенкроф сшил даже трехцветный флаг (синий, красный и белый), воспользовавшись для окраски материи соком красящих растений, которые в изобилии росли на острове. При этом к тридцати семи звездам по числу штатов Союза, сверкающим на флагах американских кораблей, моряк добавил еще тридцать восьмую звезду, означающую штат острова Линкольна, потому что считал свой остров уже присоединенным к великой республике.

– Да, – говорил он, – хотя он еще и не принадлежит ей по закону, но уже принадлежит ей сердцем...

В ожидании, пока корабль будет готов, флаг повесили к центральному окну Гранитного дворца, и колонисты приветствовали его троекратным «ура».

Между тем холодное время года подходило к концу, и можно было ожидать, что эта вторая зима окончится без особых происшествий. Однако в ночь на 11 августа совершенно неожиданно плато Дальнего Вида чуть было не подверглось полному разгрому.

После тяжелого рабочего дня колонисты крепко спали, как вдруг около четырех часов утра их разбудил громкий лай Топа.

На этот раз собака лаяла не у отверстия колодца, а на пороге двери и рвалась вперед, как бы желая высочить наружу. Юп тоже испускал пронзительные крики.

— Что там такое, Топ? — крикнул Наб, который проснулся первым.

Собака стала лаять еще яростнее.

— Что случилось? — спросил Сайрес Смит.

Все проснулись и, кое-как одевшись, бросились к окнам и распахнули их.

Все побережье было покрыто толстой пеленой белого пушистого снега, выпавшего за ночь. Сколько ни напрягали зрение колонисты, они не видели на берегу ничего подозрительного, но зато ясно слышали какой-то странный лай, доносившийся из мрака. Очевидно, на берег забрались какие-то животные, но только их не было видно в темноте.

— Что это там такое? — вскричал Пенкроф.

— Волки, ягуары или обезьяны! — ответил Наб.

— Черт возьми! Они могут взобраться на плато! — сказал Спилет.

— И разорить наш птичник, — воскликнул Герберт, — и наши плантации!..

— Но как же им удалось пробраться сюда? — спросил Пенкроф.

— Они перебрались по мостику на берегу, — ответил инженер, — наверное, кто-то из нас забыл поднять.

— Да, действительно, — сказал Спилет, — теперь я вспомнил, что оставил его вчера опущенным...

— Нечего сказать, хорошо вы сделали, мистер Спилет! — воскликнул моряк.

— Что сделано, то сделано, — возразил Сайрес Смит, — подумаем лучше о том, что нам делать!

Было очевидно, что какие-то животные перебрались по мосту через реку, и если они пойдут вверх по левому берегу реки Милосердия, то могут взобраться на плато Дальнего Вида. Нужно было опередить их и, если понадобится, дать им отпор.

— Все-таки хотел бы я знать, что это за животные? — спросил Пенкроф во второй раз, прислушиваясь к лаю, который становился все громче.

Герберт высунулся из окна и стал слушать. Через минуту он уже знал, с кем они имеют дело, вспомнив, что уже слышал этот лай во время первого похода к Красному ручью.

— Это хищники, это лисицы! — объявили он тревожным голосом.

— Вперед! — крикнул моряк.

И все, вооружившись топорами, карабинами и револьверами, бросились к подъемнику и через минуту были уже на берегу.

Лисицы очень опасны, когда их много и они голодны. Несмотря на это, колонисты смело рванулись навстречу стае, и первые выстрелы, молниями вспыхивая в темноте, заставили отступить передние ряды хищников.

Важнее всего было не дать этим разбойникам взобраться на плато Дальнего Вида, потому что там они набросились бы на птичник, на посевы и могли бы произвести страшные и, возможно, даже непоправимые опустошения. Но так как на плато можно было попасть только по левому берегу реки, то следовало побыстрее загородить лисицам дорогу на самом узком месте побережья, между рекой и углом гранитной стены.

Все это понимали и по приказу Сайреса Смита поспешили к узкому проходу и загородили его собой раньше, чем туда успели добраться рыскавшие в темноте лисицы.

Смит, Спилет, Герберт, Пенкроф и Наб выстроились в одну линию во всю ширину прохода. Топ с раскрытым пастью стоял впереди, а рядом с ним Юп размахивал сучковатой дубинкой, как булавой.

Ночь была очень темной, и нападающие хищники были видны только при сверкании выстрелов. Лисиц было по меньшей мере около сотни, и глаза у них горели, как угольки.

– Не пропускайте ни одной! – крикнул Пенкроф.

– Они не пройдут! – ответил инженер.

Но если лисицам и не удалось пройти, то не потому, что они этого не хотели. Задние напирали на передних, и тут происходила настоящая бойня. Колонисты уничтожали хищников, стреляя из револьверов и рубя топорами. Немало убитых лисиц уже валялось на снегу, но стая как будто никак не уменьшилась, и казалось, что по мосту на побережье прибывают все новые и новые группы осаждающих.

Вскоре колонисты уже дрались врукопашную, и дело даже не обошлось без ранений, к счастью, легких. Герберт выстрелом из револьвера избавил Наба от лисицы, которая вскочила ему на спину, как тигр или кошка. Топ с дикой яростью хватал лисиц за горло и моментально душил их. Юп молотил своей дубинкой направо и налево и пришел в такое неистовство, что колонистам не удалось оттеснить его назад. Острое зрение позволяло ему хорошо видеть в темноте, и поэтому ни один удар его дубинки не пропал зря. Иногда орангутанг издавал пронзительный свист, который у него служил признаком торжества. В пылу схватки он далеко отошел от остальных бойцов, при вспышке револьверных выстрелов они увидели, что храброго Юпа окружили пять или шесть больших лисиц, с которыми он сражался, сохраняя удивительное хладнокровие.

В конце концов сражение закончилось победой колонистов, хотя для этого потребовалось не меньше двух часов. Первые проблески зари, вероятно, спугнули хищников – они врасыпную побежали на север обратно через мостик, который Наб тотчас же поднял.

Когда взошло солнце и осветило поле битвы, колонисты насчитали пятьдесят трупов, разбросанных на земле.

– А Юп? – послышался вдруг взволнованный голос Пенкрофа. – Где же Юп?

Юп исчез. Наб несколько раз окликнул своего друга, но Юп не отзывался на его голос. Все бросились искать Юпа, беспокоясь, как бы он не оказался убитым. Когда с берега убирали трупы, оставившие на снегу пятна крови, то нашли Юпа среди груды мертвых лисиц, раздробленные челюсти и переломанные спины которых служили доказательством, что всем им пришлось иметь дело со страшной дубинкой храброй обезьяны. Бедный Юп сжал еще в руке обломок дубинки; лишившись своего оружия, он был изранен острыми зубами своих многочисленных противников – на груди у него виднелись глубокие раны.

– Он жив! – радостно закричал Наб.

– Мы его спасем, – сказал моряк. – Мы будем ухаживать за ним точно так же, как ухаживали бы за кем-нибудь из нас!

Юп, казалось, понял, что говорили о нем, потому что он склонил голову на плечо Пенкрофа, словно желая поблагодарить его за участие. Моряк тоже был ранен, но его раны, как и раны его товарищей, оказались легкими, так как благодаря огнестрельному оружию они почти не подпустили к себе кровожадных зверей. Только один Юп серьезно пострадал.

Пенкроф и Наб подняли Юпа и донесли его до подъемника, обезьяна лишь раза два немного поворчала… Колонисты осторожно подняли его в Гранитный дворец и, положив на матрац, снятый с постели, тщательно промыли ему раны. По-видимому, ни один важный орган не был задет, Юп не получил серьезных повреждений, но ослабел от большой потери крови, что почти сразу вызвало довольно сильную лихорадку.

После перевязки Юпа уложили на постель, назначили ему строгую диету, «как самому настоящему человеку», по выражению Наба, и заставили выпить целую чашку освежающего настоя, приготовленного из снадобий аптеки Гранитного дворца.

Юп заснул, сначала он спал очень беспокойно, но спустя некоторое время дыхание его выровнялось, и наконец он заснул глубоким сном. Иногда Топ, стараясь не шуметь и ступая, так сказать, «на цыпочках», если только подобное выражение применимо к животному, подходил навестить своего больного друга и, по-видимому, очень одобрял принятые врачами меры. Одна рука обезьяны свешивалась с постели, и Топ осторожно лизал ее с самым грустным видом.

В этот же день утром занялись также погребением убитых лисиц, их оттащили к опушке леса Дальнего Запада и там глубоко закопали в землю.

Нападение лисиц, которое могло иметь самые серьезные последствия, послужило хорошим уроком для колонистов. Отныне они уже не ложились спать, не удостоверившись, что все мосты подняты и что никакое нападение им не грозит.

Между тем Юп, состояние которого внушало серьезные опасения, мужественно боролся с болезнью. Его могучий организм наконец справился, и вскоре Гедеон Спилет, немного знавший медицину, считал его уже вне опасности. 16 августа Юп в первый раз попросил есть. Наб готовил ему вкусные блюда, которые больной поглощал с большим удовольствием.

Если у обезьяны и были какие-то недостатки, так это, главным образом, любовь к вкусной еде, а Наб, со своей стороны, не находил нужным принимать какие-нибудь меры, чтобы исправить этот порок.

— Это беда не большая! — говорил он Гедеону Спилету, когда тот укорял его за такое не совсем уместное баловство. — У бедняги Юпа только одна радость — хорошо поесть, и я очень рад, что могу оказать ему эту услугу и покормить его вволю.

Через десять дней, 21 августа, здоровье Юпа настолько улучшилось, что он уже мог встать. Раны затянулись, и было ясно, что очень скоро он опять будет таким же сильным и ловким, как прежде. Орангутанг, как, впрочем, и все выздоравливающие, чувствовал неутолимый голод, и журналист в качестве доктора разрешил ему есть сколько пожелает, потому что доверял инстинкту, который должен был удержать обезьяну от излишеств, чего так часто не хватает существам разумным. Наб ликовал, видя, с каким аппетитом кушает его воспитанник.

— Кушай, голубчик Юп, — говорил он, — не отказывай себе ни в чем! Ты проливал кровь за нас, и я, по крайней мере, должен помочь тебе вернуть эту потерю!

25 августа послышался громкий голос Наба, который звал своих товарищей:

— Мистер Сайрес, мистер Гедеон, мистер Герберт, Пенкроф! Идите сюда! Идите скорей!

Колонисты, собравшиеся в большом зале, поспешили на зов Наба, который в это время был в комнате, где лежал больной Юп.

— Что случилось? — спросил Спилет.

— Посмотрите! — сказал Наб и громко захохотал.

И что же они увидели? Юп, поджав под себя ноги по-турецки, сидел у дверей Гранитного дворца и важно курил трубку.

— Моя трубка! — воскликнул Пенкроф. — Он взял мою трубку! Молодчина же ты, Юп! Нечего делать, придется тебе ее подарить! Кури, друг мой, кури!

И Юп курил, выпуская облака табачного дыма, что, по-видимому, доставляло ему огромное удовольствие.

Сайрес Смит, нисколько не удивившись, рассказал о нескольких ручных обезьянах, которые научились курить табак.

С этого дня у Юпа появилась собственная трубка, то есть бывшая трубка моряка, которую повесили в его комнате вместе с кисетом табака. Юп сам набивал ее, сам доставлял горячий уголек, сам прикуривал и казался самым счастливым из четвероруких. Само собой разумеется,

такая общность вкусов только еще более укрепила узы дружбы, которые связывали обезьяну и бравого моряка.

— Право, он совсем как человек, — не раз говорил Пенкроф Набу. — Скажи по совести, Наб, удивился бы ты или нет, если бы в один прекрасный день он заговорил с нами?

— Честное слово, никакого бы не удивился! — ответил Наб. — Что меня удивляет, так это то, что он не говорит, потому только это и отличает его от людей!

— А знаешь, было бы забавно, — заметил моряк, — если бы он как-нибудь вечерком сказал мне: «А что, не поменяться ли нам трубками, Пенкроф?»

— Да, это было бы забавно! — согласился Наб. — Как жаль, что он немой от рождения.

Наступил сентябрь, а с ним и конец зимы, и колонисты немедленно возобновили работы.

Постройка судна очень быстро двигалась вперед. Наружная обшивка была уже закончена, и теперь осталось только вставить тимберсы да настелить палубу.

Так как лесоматериалов было достаточно, то Пенкроф предложил инженеру сделать еще водонепроницаемую внутреннюю обшивку, что в значительной степени должно было увеличить устойчивость судна.

Сайрес Смит охотно согласился с мнением моряка, что они должны строить судно как можно более прочным, — кто знает, что может случиться в будущем?

Внутренняя обшивка судна и палуба были закончены около 15 сентября. Чтобы законо-патить швы, строители изготовили паклю из сухих водорослей, которую забили деревянными молотками во все пазы наружной и внутренней обшивки, потом точно так же проконопатили палубу и залили все проконопаченные швы кипящей сосновой смолой.

Устройство судна было самое простое. В трюм погрузили в качестве балласта около двенадцати тысяч фунтов мелких гранитных обломков, обработанных раствором извести. Сверху, когда известь высохла, на балласт настелили пол, затем внутренность судна разделили переборкой на две каюты, во всю длину которых шли скамьи, служившие в то же время рундуками. Подножие мачты было устроено как раз посредине, между каютами, и к нему прибили переборку. В потолке каждой каюты сделали люк для выхода на палубу.

Пенкрофу не стоило никакого труда выбрать подходящее дерево для мачты. Он нашел в лесу молодую сосну, прямую, без сучков, которую нужно было только обтесать внизу и закруглить наверху. Металлические части мачты, руля и остова были сделаны хотя и грубо, но прочно, в кузнице в Гротах. Рей, бушприт, гик, флагшток, весла, багры и т. п. — все это было готово в первую неделю октября, и судостроители решили сначала обойти на судне вокруг острова, не удаляясь далеко от берега, чтобы испытать корабль и выяснить, как он держится на воде и можно ли на нем предпринимать далекие поездки.

Тем временем обычные домашние дела шли своим чередом. Пришло значительное расширить и перестроить кораль, потому что в стадах муфлонов и коз появилось много молодняка, для которого необходимо было построить особые помещения. Колонисты посещали также устричную мель и крольчатник, ездили несколько раз за каменным углем и железной рудой, охотились в лесах Дальнего Запада и, кроме того, совершали экскурсии в еще не исследованные части леса.

В лесу колонистам удалось открыть еще несколько новых видов туземных растений, и хотя они не имели никакой пользы для промышленности колонии, но значительно пополнили запас растительной пищи в Гранитном дворце. Все эти вновь открытые растения принадлежали к роду полуденников, или мезембриантемумов, у одних видов были довольно толстые съедобные листья, а у других в дело шли плоды или, лучше сказать, семена с мучнистым содержимым.

Наконец 10 октября состоялся торжественный спуск корабля на воду. Пенкроф сиял от восторга. Операция спуска удалась превосходно. Судно с полной оснасткой подкатили на катках к самому краю берега, затем его подхватило приливом, и оно закачалось на волнах под громкие крики «ура» и аплодисменты колонистов. Особенно громко звучал в этот день голос

Пенкрофа, который, впрочем, не считал нужным сдерживаться в такую радостную для него минуту. Кроме того, спуск судна льстил немного и тщеславию моряка, который по праву был назначен капитаном судна. Это звание колонисты присудили Пенкрофу единогласно.

Но Пенкроф посчитал ниже своего достоинства командовать безымянным судном, и поэтому необходимо было сразу же дать кораблю какое-нибудь название. Каждый придумывал более или менее подходящие имена, но ни одно из этих предложений не получило одобрения, и наконец после долгих споров и рассуждений решено было назвать судно «Бонавентур» в честь капитана Пенкрофа, носившего это имя.

Когда «Бонавентур» поднялся на волнах прилива, все убедились, что судно прекрасно держится на воде и, очевидно, будет таким же прекрасным ходоком.

Судно решено было испытать в тот же день, выйдя в открытое море, впрочем, не удаляясь далеко от берега. Погода, как по заказу, была прекрасной, свежий ветерок дул с северо-востока и слегка рябил поверхность моря.

– На корабль, на корабль! – громко командовал капитан Пенкроф.

Но перед отъездом следовало позавтракать и, кроме того, захватить с собой кое-какую провизию на случай, если плавание продлится до вечера.

Сайрес Смит тоже хотел как можно скорее испытать судно, которое было построено по его чертежам, хотя, следуя советам моряка, ему пришлось изменить некоторые конструктивные детали. Несмотря на прекрасный внешний вид судна, инженер не разделял восторга легко увлекающегося Пенкрофа и опасался, как бы оно не оказалось только красивой игрушкой. Кроме того, Смит надеялся, что Пенкроф уже забыл о своем намерении посетить остров Табор, потому что давно уже не говорил об этом. Инженер ничего не имел против того, чтобы испытать судно немедленно, его просто пугала мысль, что двое или трое его товарищей отправятся так далеко на утлом суденышке водоизмещением не более пятнадцати тонн.

В половине одиннадцатого все, включая Юпа и Топа, были на борту. Наб с Гербертом подняли якорь, поставили косой грот, и «Бонавентур» под управлением капитана Пенкрофа вышел в открытое море. На флагштоке развевался звездный флаг Северо-Американских Соединенных Штатов.

Чтобы выбраться из бухты Союза, нужно было идти на фордевинд, и колонисты убедились, что при попутном ветре скорость судна вполне достаточна. Обогнув мыс Находки и мыс Когтя, Пенкроф должен был держаться ближе к линии ветра, чтобы достигнуть южной оконечности острова. Лавируя переменными галсами, он заметил, что «Бонавентур» и тут вполне оправдывает его мнение, хорошо поворачивает на бейдевинд и устойчив при встречно-боковом ветре.

Пассажиры «Бонавентура» были в полном восторге. Их больше всего радовало, что они обладают очень хорошим судном, которое при случае может оказать им большую услугу. Хорошая погода и легкий свежий ветерок и в самом деле делали морскую прогулку очень приятной.

Пенкроф повернул в открытое море и отошел мили на три-четыре от берега, держась на траверсе гавани Воздушного Шара. С этого места колонисты увидели панораму всего острова в совершенно новом ракурсе. Он предстал перед ними во всем многообразии береговых очертаний от мыса Когтя до мыса Аллигатора; на первом плане выступали леса Дальнего Запада, где вечнозеленые хвойные деревья резко выделялись на темном фоне лиственных деревьев, только начавших распускать почки. А над пейзажем господствовала вершина горы Франклина с белой снежной шапкой.

– Как красиво! – воскликнул Герберт.

– Да, наш остров – прекрасный во всех отношениях! – сказал Пенкроф. – Я его люблю, как любил мою милую покойную мать! Когда мы перебрались на эту землю с островка Спасения, у нас буквально ничего не было, а теперь, скажите мне по совести, чего недостает на нем пятерым несчастным, упавшим с неба?

– Ничего, – ответил Наб, – ничего, капитан!

И вслед за тем оба друга прокричали троекратное «ура» в честь острова Линкольна.

Между тем Гедеон Спилет, прислонившись к мачте, зарисовывал открывавшуюся перед ним картину.

Сайрес Смит смотрел на остров, не говоря ни слова.

– Ну что же, мистер Сайрес, – спросил Пенкроф, – что скажете вы о нашем корабле?

– По-видимому, это очень хорошее судно, – ответил инженер.

– Очень рад это слышать! А как, по-вашему, можно будет на нем отправиться в дальнее плавание?

– В какое плавание, Пенкроф?

– Хотя бы на остров Тabor?

– Друг мой, – ответил Сайрес Смит, – я думаю, что при необходимости на «Бонавентуре» можно было бы, не задумываясь, совершить и более дальнее путешествие, но, признаюсь вам, мне бы вовсе не хотелось, чтобы вы поплыли на остров Тabor, потому что нет никакой причины это делать...

– Как вам сказать, мне кажется, что не следует прятаться от своих соседей, – ответил Пенкроф, упорно настаивавший на своем. – Остров Тabor – наш сосед, и притом единственный! Вежливость требует, чтобы мы нанесли ему визит!

– Черт возьми! – заметил Гедеон Спилет. – Наш друг Пенкроф в последнее время совсем помешался на приличиях!

– Я ни на чем не помешался, – сердито возразил моряк, которому не нравилось упорство инженера, но в то же время он не хотел ничем его огорчать.

– Не забывайте, Пенкроф, – продолжал Сайрес Смит, – что вы не можете в одиночку отправиться на остров Тabor.

– Со мной поедет кто-нибудь еще.

– Прекрасно, в таком случае ваша затея может лишить колонию острова Линкольна двух колонистов из пяти...

– Из шести! – возразил Пенкроф. – Вы забываете Юпа.

– Из семи!.. – вмешался Наб. – Топ не хуже обезьяны!

– Но, уверяю вас, тут нет никакого риска, – снова сказал Пенкроф.

– Очень может быть, Пенкроф, но я вам повторяю еще раз: не стоит подвергать себя опасности, если подобная поездка не вызывается никакой необходимостью.

Упрямый моряк ничего не ответил и прекратил разговор, твердо решив возобновить его в самом ближайшем времени. Он не сомневался, что какой-нибудь случай придет ему на помощь и превратит его каприз в насущную необходимость.

Проплавав некоторое время в открытом море, «Бонавентур» повернул к берегу и направился к гавани Воздушного Шара. Колонисты решили исследовать узкие проходы между песчаными отмелями и каменными грядами рифов и, если окажется нужным, расширить их и обозначить банками, так как в этой маленькой, хорошо защищенной от ветров бухте они предполагали устроить пристань для стоянки судна.

До берега было около полумили, и Пенкроф должен был лавировать, чтобы идти против ветра. «Бонавентур» двигался вперед, конечно, очень медленно, так как ветер слабел по мере приближения к земле и едва надувал паруса, а море, гладкое, как зеркало, изредка покрывалось легкой рябью лишь в те минуты, когда налетал порыв ветра.

Герберт стоял на носу, исполняя обязанности лоцмана и указывая дорогу по извилистому фарватеру между отмелями. Вдруг он закричал:

— Держи к ветру, Пенкроф!.. Ближе к ветру!..

— Что там такое? — спросил Пенкроф, приподнимаясь. — Риф?..

— Нет... Еще к ветру! Я еще плохо вижу... Держи к берегу!.. Хорошо... Отлично...

Вслед за тем Герберт перевесился за борт, опустил руку в воду и, поднимаясь, крикнул:
– Бутылка!

Юноша держал в руке закупоренную бутылку. Вытащив пробку, которой была заткнута бутылка, он достал оттуда влажный листок бумаги, на котором были написаны следующие слова:

«Потерпел крушение... остров Табор... 153° восточной долготы – 37°11' южной широты».

Глава тринадцатая

Отъезд решен. – Гипотезы. – Сборы в дорогу. – Экипаж. – Первая ночь. – Вторая ночь. – Остров Табор. – Поиски на берегу. – Поиски в лесу. – Никого. – Животные. – Растения. – Пустая хижина.

– Потерпевший крушение! – воскликнул Пенкроф. – Один, всего в ста пятидесяти милях от нас, на острове Табор! Ах, мистер Сайрес, теперь вы уже не будете возражать против моей поездки на этот остров!

– Нет, Пенкроф, – ответил инженер, – и вы отправитесь туда как можно скорее.

– А если завтра?..

– Чем скорей, тем лучше.

Инженер все еще держал в руке бумагу, которую Герберт достал из бутылки. Он молча рассматривал ее несколько минут и затем сказал:

– Судя по тому, как написана эта записка, друзья мои, можно сделать следующие выводы: во-первых, человек, находящийся на острове Табор, обладает довольно обширными познаниями в морском деле, потому что он указывает широту и долготу острова, совпадающую с точностью до одной минуты с нашими данными; во-вторых, он англичанин или американец, потому что записка написана на английском языке.

– Это логично, – сказал Гедеон Спилет, – и существование этого потерпевшего крушение объясняет находку сундука на берегу нашего острова. Очевидно, крушение корабля действительно произошло, потому что есть потерпевший крушение. Что касается потерпевшего, то, кто бы он ни был, ему очень повезло, что нашему другу Пенкрофу пришла в голову идея построить этот корабль и испытать его именно сегодня, потому что, отложи мы это испытание хотя бы на один день, бутылка могла бы разбиться о подводные рифы.

– В самом деле, – вмешался Герберт, – это очень счастливое совпадение, что «Бонавентур» проходил мимо как раз в ту минуту, когда бутылка плыла вдоль берега.

– Пенкроф, а вы не находите это странным? – спросил Сайрес Смит.

– Мне это кажется счастливой случайностью, вот и все, – ответил моряк. – Разве вы видите в этом что-нибудь необыкновенное, мистер Сайрес? Должна же была эта бутылка куда-нибудь приплыть, так почему бы ей не приплыть сюда?

– Может быть, вы и правы, Пенкроф, – ответил инженер, – а между тем...

– Однако, – заметил Герберт, – ничто не доказывает, что эта бутылка уже давно плавает по морю.

– Да, никаких доказательств, – ответил Гедеон Спилет, – кроме того, сама записка, по-видимому, написана недавно. Как вы думаете, Сайрес?

– Это трудно проверить, но скоро мы все узнаем! – ответил Смит.

Разговаривая, Пенкроф одновременно занимался своим делом. Он повернулся на другой галс, и «Бонавентур» на всех парусах быстро помчался к мысу Когтя. Мысли у всех были заняты потерпевшим крушение с острова Табор. А что, если они опоздают и бедняга погибнет раньше, чем к нему придет помочь?

Этот случай стал значительным событием в жизни колонистов! Кем были они сами? В сущности – теми же потерпевшими крушение, но они опасались, что тот человек находится, может быть, в более бедственном положении, и поэтому считали своим долгом спешить на помощь.

Обогнув мыс Когтя, судно пошло еще быстрее и около четырех часов бросило якорь в устье реки Милосердия.

В тот же вечер колонисты обговорили все детали предстоящей экспедиции. Они решили, что в это путешествие отправятся только Пенкроф и Герберт, умевшие управлять парусным

судном. Снявшись с якоря на следующий день, 11 октября, они могли прибыть к месту назначения уже 13-го днем, так как при попутном ветре, который начинал заметно усиливаться, за двое суток можно было совершить переход в сто пятьдесят миль. Затем один день они пробудут на острове, три-четыре дня – на обратный переход и, если ничего не случится, 17 октября они должны вернуться на остров Линкольна. Погода стояла прекрасная, барометр поднимался, ветер казался благоприятным, – все благоприятствовало смельчакам, которых чувство человеческого любия влекло на помощь ближнему.

Таким образом, Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Наб должны были остаться в Гранитном дворце, но совершенно неожиданно пришлось изменить этот план. Гедеон Спилет, который не забывал, что он является корреспондентом «Нью-Йорк Геральд», заявил, что, если его не возьмут с собой, он готов отправиться за кораблем вплавь, только бы не пропустить такой интересный случай. После недолгих споров Спилет получил разрешение принять участие в экспедиции.

Весь вечер колонисты переносили на борт постельные принадлежности, посуду, оружие, боеприпасы, запас провизии на неделю и, конечно, компас. Быстро справившись с погрузкой, они вернулись в Гранитный дворец.

На следующий день, в пять часов утра, взволнованные отъезжающие и остающиеся пожали друг другу руки на прощание, и Пенкроф, подняв паруса, направился к мысу Когтя, который он должен был обойти, чтобы взять курс на юго-запад.

«Бонавентур» был уже на расстоянии четверти мили от берега, когда его пассажиры заметили на плато над Гранитным дворцом двух людей, которые посылали им прощальные приветствия. Это были Сайрес Смит и Наб.

– Наши друзья! – крикнул Гедеон Спилет. – Это первая разлука за тринадцать месяцев!..

Пенкроф, Спилет и Герберт послали своим товарищам прощальный привет, и вскоре Гранитный дворец скрылся из вида за высокими утесами.

В первые часы этого дня «Бонавентур» плыл в виду южного берега острова Линкольна, казавшегося издали небольшой зеленой корзиной, из которой торчала снежная вершина горы Франклина. Весь остров казался таким маленьким, что едва ли мог обратить на себя внимание проходящих в этих широтах кораблей. Мыс Аллигатора обогнули около часа дня в десяти милях от берега. На таком расстоянии уже нельзя было ничего рассмотреть на западном берегу, который, как в тумане, простирался до отрогов горы Франклина, а еще через три часа остров Линкольна окончательно скрылся за горизонтом.

«Бонавентур» держался на воде прекрасно. Он с большой скоростью легко скользил по волнам. Пенкроф поставил топсель и, пользуясь попутным ветром, шел под всеми парусами, держа курс по компасу, с которого он не спускал глаз.

Время от времени Герберт сменял его у руля и правил так хорошо и уверенно, что Пенкроф, даже если бы и хотел, не мог сделать ни малейшего замечания юному рулевому.

Гедеон Спилет разговаривал то с одним, то с другим, а когда нужно было, помогал при маневрах. Капитан Пенкроф был очень доволен своим экипажем и даже обещал выдать по рюмке каждому за обедом.

Вечером серп луны, который должен был достигнуть первой четверти только к 16 октября, появился на минуту и сейчас же скрылся. Ночь была темная, но звездная, и мореплаватели не могли жаловаться на плохую погоду.

Журналист спал часть ночи. Пенкроф и Герберт через каждые два часа сменялись на вахте, Пенкроф доверял Герберту как самому себе, его доверие вполне оправдывалось хладнокровием и рассудительностью юноши. Пенкроф, уходя с вахты, указывал ему направление, и Герберт, как настоящий штурман, не позволял «Бонавентуре» ни на минуту уклоняться от курса.

Ночь прошла спокойно, так же, как и следующий день, 12 октября. Ветер дул попутный, и корабль шел тем же курсом на юго-запад, и, если его не отнесет в сторону каким-нибудь течением, он должен был подойти как раз к острову Тabor.

Море вокруг было совершенно пустынно, нигде ни одного паруса, ни одного парохода. Только иногда большие морские птицы, фрегаты или альбатросы, проносились на расстоянии ружейного выстрела от судна, и Гедеон Спилет каждый раз задавал себе вопрос, не этой ли именно птице поручил он доставить свою последнюю корреспонденцию в «Нью-Йорк Геральд». Птицы были, по-видимому, единственными живыми существами, посещавшими эту часть океана между островом Тabor и островом Линкольна.

— А между тем, — заметил Герберт, — сейчас как раз то время, когда китоловы обычно направляются в южную часть Тихого океана. Мне кажется, что это самое пустынное море на свете!

— Море здесь совсем не так уж пустынно, как ты говоришь, мой мальчик, — возразил Пенкроф.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Спилет.

— А себя разве вы не считаете? А наш корабль? А сами мы разве не люди? Или вы принимаете нас за моржей?

И Пенкроф первый рассмеялся своей шутке.

К вечеру, как можно было приблизительно подсчитать, от острова Линкольна «Бонавентур» за тридцать шесть часов прошел расстояние около ста двадцати миль, то есть его скорость составляла три с третью мили в час. Ветер заметно стихал, и казалось, что скоро наступит полный штиль. Несмотря на это, капитан Пенкроф надеялся, что на рассвете, если только расчет был правильный и рулевой верно держал курс, они увидят остров Тabor.

Ни Гедеон Спилет, ни Герберт, ни Пенкроф не сомкнули глаз всю ночь с 12 на 13 октября. Чем ближе подходило время к рассвету, тем больше волновались отважные мореплаватели. Могли ли они с уверенностью сами себе сказать, что плывут именно туда, куда нужно? Далеко ли еще до острова Тabor? Найдут ли они на острове потерпевшего крушение? Что это за человек? А что, если его присутствие на острове Линкольна нарушит мирное течение жизни колонии? Согласится ли он, наконец, поменять одну тюрьму на другую?

Все эти вопросы, которые, конечно, будут разрешены с наступлением дня, не давали им ни минуты покоя, и с первыми проблесками зари они обратили свои глаза к морю, внимательно осматривая западную сторону горизонта.

— Земля! — крикнул вдруг Пенкроф около шести часов утра.

Нельзя было даже и мысли допустить, что Пенкроф мог ошибиться, значит, земля была действительно недалеко.

Трудно выразить словами радость экипажа «Бонавентура». Еще несколько часов, и они будут на острове Тabor.

Остров Тabor со своими низкими берегами, едва выступающими из воды, находился не больше чем в пятнадцати милях. «Бонавентур» шел курсом немного южнее, но в ту же минуту нос корабля был направлен прямо на остров. По мере того как солнце поднималось над горизонтом, на острове можно было различить небольшие возвышенности.

— Да это всего-навсего маленький островок, он гораздо меньше, чем остров Линкольна, — заметил Герберт, — и, вероятно, тоже вулканического происхождения.

В одиннадцать часов утра «Бонавентур» был уже в двух милях от острова, и Пенкроф начал искать удобный проход, чтобы пристать к берегу, лавируя с большой осторожностью по незнакомым ему водам.

Теперь уже был виден весь остров, покрытый зеленеющими деревьями тех же пород, которые росли и на острове Линкольна. Но, как ни странно, над всем островом не видно ни

одной струйки дыма, – первое и самое важное доказательство, что остров необитаем. Нигде на берегу не виднелось и обычных в таких случаях сигналов.

А между тем документ не вызывал сомнений: на острове находился потерпевший крушение, и этот потерпевший крушение должен был ожидать помощи.

«Бонавентур» медленно плыл в узком извилистом проходе между подводными рифами, и Пенкроф внимательно изучал извилины фарватера. Он поставил Герберта у руля, а сам стоял на носу, смотрел на воду, держа фал, чтобы спустить паруса. Гедеон Спилет осматривал побережье в подзорную трубу, но не видел ничего интересного.

Наконец около полудня «Бонавентур» уткнулся форштевнем в береговой песок. Экипаж бросил якорь, убрал паруса и высадился на землю.

Они не сомневались, что это именно остров Табор, потому что даже на новейших картах в этой части Тихого океана, между Новой Зеландией и Америкой, не было никаких других островов.

Судно основательно пришвартовали, чтобы его не унесло отливом. Затем Пенкроф и оба его спутника, захватив с собой оружие, стали подниматься по берегу, направляясь к небольшому холму высотой от двухсот пятидесяти до трехсот футов, который виднелся на расстоянии полумили.

– С вершины этого холма, – сказал Гедеон Спилет, – мы сможем осмотреть почти весь остров, что значительно облегчит наши поиски.

– Значит, вы хотите сделать здесь то же самое, – заметил Герберт, – что сделал мистер Сайрес, поднявшись на вершину горы Франклина?

– Совершенно верно, – ответил журналист, – по-моему, именно с этого и следует всегда начинать.

Оживленно разговаривая, исследователи шли по зеленому лугу, который заканчивался у самого холма. Стая горных голубей и морских ласточек, похожих на те, которые водились на острове Линкольна, при приближении людей поднимались с гнезд и торопливо улетали. Какие-то животные убегали прочь, скрываясь в высокой траве. Но не видно было никаких признаков того, что на острове есть люди.

Достигнув подножия холма, Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет за несколько минут забрались на его вершину и стали внимательно осматриваться по сторонам.

Они действительно были на островке не больше десяти миль в окружности; островок имел вид продолговатого овала, и только кое-где береговая линия была изрезана небольшими бухтами и мысами. Вокруг простипалось пустынное синее море, сливавшееся на горизонте с небом. Нигде ни одной полоски земли, ни одного паруса!

Остров почти весь порос лесом, но не отличался таким разнообразием почвы, как остров Линкольна, дикий и бесплодный в одной части, но зато плодородный и богатый в другой. Здесь перед колонистами расстилалась сплошная масса зелени, над которой господствовали два или три невысоких холма. Остров по диагонали пересекал ручей, он протекал по довольно широкому лугу и впадал в море на западной стороне, образуя в устье небольшой залив.

– Да, здесь не разгуляешься, – заметил Герберт.

– Да, – ответил Пенкроф, – здесь нам было бы слишком тесно.

– И, по-видимому, островок совсем необитаем, – сказал корреспондент.

– Да, – ответил Герберт, – нет никаких признаков, которые указывали бы на присутствие человека.

– Спустимся вниз, – предложил Пенкроф, – и будем искать.

Друзья вернулись к тому месту, где стоял «Бонавентур». Они решили обойти по берегу вокруг острова, прежде чем углубиться в лес. Таким образом, на острове не останется ни одного неисследованного места.

Идти берегом было очень легко, и только в некоторых местах дорогу преграждали скалы, которые было нетрудно обойти. Исследователи направились к югу, спугивая при своем появлении множество водяных птиц и стада тюленей, которые бросались в воду раньше, чем люди успевали их заметить.

— А ведь эти животные, — заметил Спилет, — не в первый раз видят людей. Они их боятся, а это доказывает, что они их знают.

Через час исследователи подошли к южной границе островка, заканчивающейся острым мысом, и повернули на север, следя по западной стороне побережья, покрытого песком и редкими скалами, за которыми дальше, на втором плане, тянулся густой лес.

Через четыре часа обход острова был закончен. Исследователи не нашли ни следов жилья, ни отпечатков человеческих ног на песке. Это было очень странно, и можно было подумать, что остров Табор в настоящее время необитаем. Может быть, найденная вблизи острова Линкольна записка была написана несколько месяцев или даже несколько лет назад, в таком случае весьма возможно, что потерпевший крушение или нашел способ выбраться отсюда или же умер от лишений.

Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт, строя более или менее правдоподобные гипотезы, быстро пообедали на палубе «Бонавентура», чтобы продолжать поиски, пока не стемнело.

После обеда, в пять часов дня они вошли под зеленые своды леса.

Многочисленные животные убегали при их приближении; это были в основном — следовало бы сказать, почти исключительно — козы и свиньи, которые, как это было заметно с первого взгляда, принадлежали к европейским породам. По всей вероятности, какое-нибудь китоловное судно доставило на этот островок несколько пар, и они очень быстро расплодились. Герберт дал себе слово захватить живьем одну-две пары самцов и самок и отвезти их на остров Линкольна.

Теперь не было никаких сомнений, что люди, пока еще только неизвестно — когда именно, посещали этот островок. Это стало еще более очевидным, когда исследователи увидели расчищенные тропинки, срубленные топором стволы деревьев и другие признаки работы человека. Но эти деревья уже начали загнивать, очевидно, они были срублены много лет назад, зарубки топора покрылись мхом, а тропинки заросли густой высокой травой и были едва заметны.

— Однако, — заметил Гедеон Спилет, — все это означает, что на этот островок не только высадились какие-то люди, но они даже жили на нем некоторое время. Теперь вот вопрос, кто были эти люди? Сколько их было? Сколько их еще осталось?

— В записке, — сказал Герберт, — упоминается только об одном потерпевшем крушение.

— Ну, так что же? — возразил Пенкроф. — Если только он еще на острове, мы его непременно найдем!

Исследование продолжалось. Моряк и его спутники пошли по дороге, которая пересекала островок наискосок, и вышли на берег ручья, впадавшего в море.

Если животные европейского происхождения и следы деятельности человека неоспоримо доказывали, что люди уже побывали на этом острове, то почти в такой же степени, если не больше, это доказывали различные представители растительного царства. На полянках в некоторых местах росли огородные растения, посаженные, вероятно, когда-то давно. Можно представить, как обрадовался Герберт, обнаружив картофель, цикорий, щавель, морковь, капусту и свеклу! Достаточно было собрать хотя бы семена, чтобы вырастить все эти растения на острове Линкольна.

— Это прекрасно! Отлично! — говорил Пенкроф. — Это очень обрадует и Наба, и всю нашу компанию. Если мы не найдем потерпевшего крушение, то, по крайней мере, наше путешествие не будет бесполезным, и мы получим за него достойную награду!

— Разумеется, — ответил Гедеон Спилет. — Но судя по тому, в каком состоянии находятся все эти огорода, есть основание бояться, что остров необитаем уже очень давно.

– В самом деле, – заметил Герберт, – если бы здесь жил человек, кто бы он ни был, он не перестал бы ухаживать за такими полезными растениями.

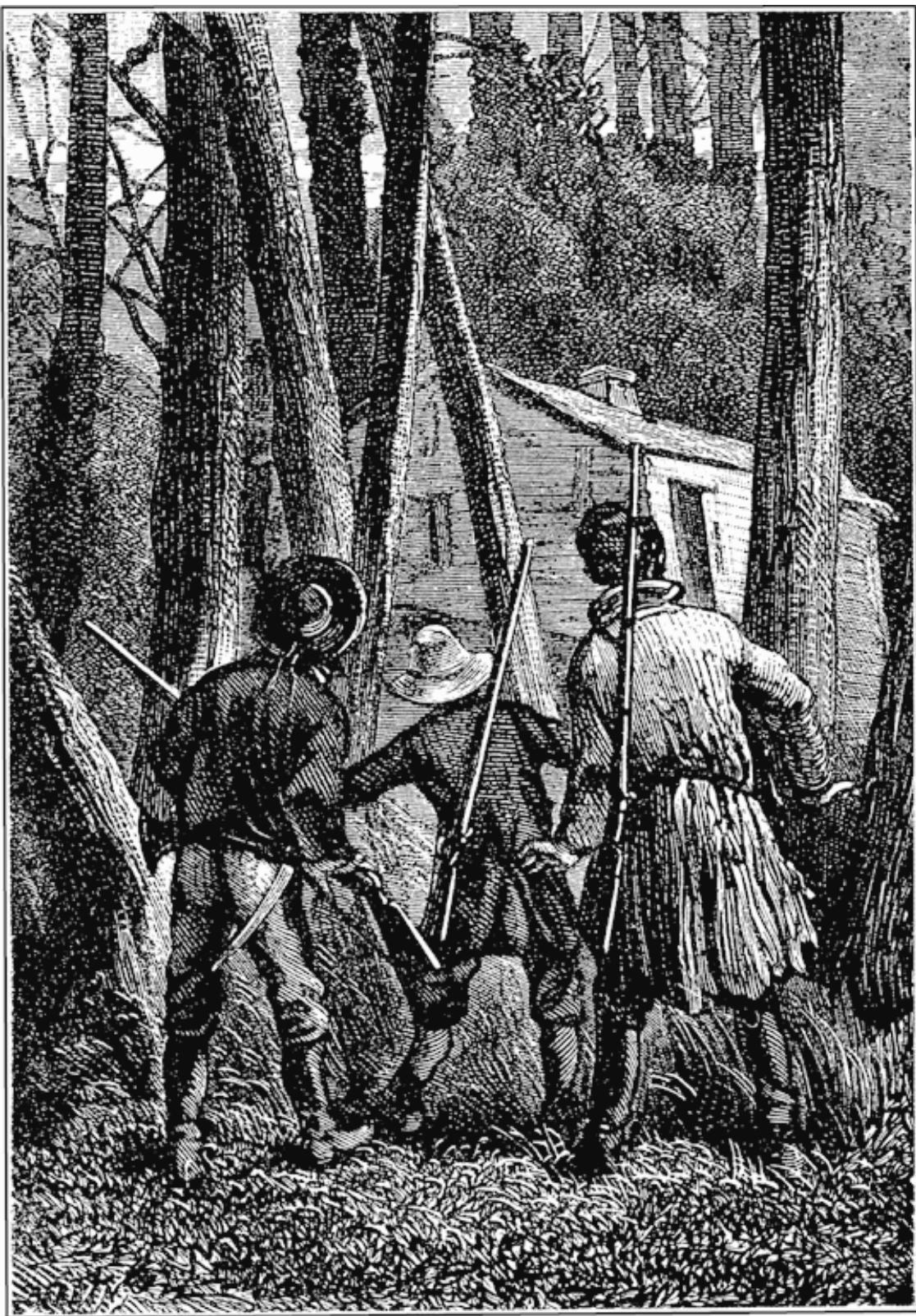
– Да! – проговорил Пенкроф. – Этот потерпевший уехал... Это можно сказать почти наверняка...

– Тогда, значит, и письмо, найденное в бутылке, написано давно?

– Очевидно.

– Значит, эта бутылка попала на остров Линкольна после долгого плавания по морю?

– А почему бы и нет? – возразил Пенкроф. – Однако становится совсем темно, и, я думаю, всего лучше будет отложить наши поиски до утра.

— Хорошо. Вернемся на корабль, а завтра утром снова отправимся на поиски, — сказал Спилет.

Это было самое разумное, и все трое хотели уже последовать этому совету, как вдруг Герберт, указывая рукой на какую-то темную массу, видневшуюся среди деревьев, крикнул:

— Дом!

Все трое бросились к тому месту. При слабом свете угасавшего дня можно было рассмотреть, что это скорее была хижина, выстроенная из досок и покрытая толстой просмоленной парусиной.

Пенкроф толкнул ногой полузакрытую дверь и быстро вошел в хижину...

Внутри никого не было!

Глава четырнадцатая

Ночь. – Несколько букв. – Продолжение поисков. – Растения и животные. – Герберт в опасности. – На палубе. – Отплытие. – Ненастная погода. – Проблески разума. – Затерянные в океане.

Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет несколько минут простояли молча в темноте.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь? – громко крикнул Пенкроф.

Никто не отозвался.

Моряк высек огонь и зажег поднятую с пола веточку. Слабый свет озарил маленькую комнатку, в которой, по-видимому, давно уже никто не жил. В одном углу виднелся грубо сложенный очаг, на большой куче остывшей золы лежала охапка сухого хвороста. Пенкроф бросил туда горящую ветку, хворост затрещал и вспыхнул ярким пламенем, осветив всю комнату.

Колонисты увидели смятую постель с влажным и пожелтевшим одеялом, которым, видимо, давно не пользовались. Около очага валялись два котелка, покрытые ржавчиной, и опрокинутая кастрюля. У стены стоял шкаф, в котором висела матросская одежда, подернутая плесенью. На столе лежали оловянный столовый прибор и раскрытая Библия, изъеденная сыростью. В одном углу в кучу были свалены лопата, кирка и два охотничьих ружья, из которых одно было сломано. На полке из простой доски стоял нетронутый бочонок с порохом, такой же бочонок с дробью и несколько коробок с пистонами. Все это было покрыто толстым слоем пыли, которая, очевидно, скапливалаась годами.

– Никого нет, – сказал Спилет.

– Никого! – ответил Пенкроф.

– В этой комнате, по-видимому, уже давно никто не живет, – заметил Герберт.

– Да, очень давно! – откликнулся журналист.

– Мистер Спилет, – сказал Пенкроф, – вместо того чтобы возвращаться на корабль, помоему, лучше переночевать здесь.

– Что ж, пожалуй, – ответил Гедеон Спилет. – А если хозяин этой хижины вернется, он, наверное, ничего не будет иметь против того, что мы на одну ночь воспользуемся его собственностью.

– Он не вернется! – проговорил моряк, качая головой.

– Вы думаете, что он уехал с острова? – спросил корреспондент.

– Если бы он уехал с острова, то взял бы с собой оружие и инструменты, – ответил Пенкроф. – Вы знаете, как дорожат потерпевшие крушение такими вещами, всем тем, что удается им спасти во время кораблекрушения. Нет, нет!.. – продолжал моряк, и по тону его голоса чувствовалось, что он сам глубоко убежден в этом. – Нет! Он не покинул остров. Если бы он построил лодку и уплыл на ней, он тем более не оставил бы здесь ничего... Ведь все эти вещи самые необходимые! Нет, он должен быть на острове!

– Живой?.. – спросил Герберт.

– Живой или мертвый, но он здесь! Если он умер, то, конечно, не мог похоронить сам себя, – продолжал развивать свою мысль Пенкроф, – и мы, наверное, где-нибудь да найдем его труп!..

Исследователи окончательно решили провести ночь в покинутой хижине и, если бы понадобилось, могли не гасить огонь в очаге в течение всей ночи благодаря обилию сухого хвороста, сложенного в углу. Закрыв дверь, Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет сели на скамью и долго сидели, мало разговаривая и много размышляя. В их положении можно было всего ожидать, и они напряженно прислушивались к каждому шороху, доносившемуся снаружи. Если бы дверь вдруг открылась и перед ними предстал человек, это нисколько бы их не удивило,

хотя хижина казалась совершенно заброшенной. Они с распростертыми объятиями встретили бы этого несчастного, потерпевшего крушение, – как друзья, встретившие неизвестного друга.

Но вокруг было тихо, дверь не открывалась. Так в томительном ожидании прошло много времени.

Какой длинной показалась эта ночь Пенкрофу и его спутникам! Только Герберт поспал часа два, потому что в его возрасте сон был необходим. С нетерпением ждали они рассвета, чтобы возобновить прерванные на ночь поиски и обыскать весь остров до самых дальних уголков! Выводы Пенкрофа, умудренного житейским опытом, казались совершенно справедливыми, и если дом покинут, а вся утварь, инструменты и оружие остались на месте, то это означало, что хозяин, скорее всего, погиб. Поэтому все, что они могли сделать, – это разыскать останки несчастного и похоронить.

Наконец рассвело, и Пенкроф с товарищами прежде всего тщательно осмотрели покинутое жилище.

Место было выбрано очень удачно, хижина стояла на откосе небольшого холма, среди группы развесистых камедных деревьев. Фасадом она была обращена к морю, и хозяин прорубил перед ним широкую просеку, открыв вид на безграничную водную пустыню. Небольшая лужайка, огороженная легкой изгородью, уже повалившейся, выходила как раз к самому берегу, к тому месту, где протекавший через остров ручеек впадал в море.

Материалом для постройки послужили доски, по всей вероятности взятые с остова или палубы потерпевшего крушение корабля. Можно было предположить, что какое-то судно попало в центр циклона, лишилось мачты, руля, стало игрушкой волн и разбилось о рифы возле этого острова. Из всего экипажа спастись удалось только одному человеку, и он, имея в своем распоряжении необходимые инструменты, из остатков корабля, выброшенных на берег приливом, построил себе этот домик.

Такое предположение сделалось еще более вероятным, когда Гедеон Спилет, обойдя вокруг домика, увидел на одной из досок наполовину уже стертые буквы:

Br... tan...a.

– *Britania!*²¹ – воскликнул Пенкроф, которого журналист тотчас же подозвал к себе. – Это название ровно ничего не доказывает; оно встречается слишком часто, и я не могу наверняка сказать, какое это было судно – английское или американское.

– Это не важно, Пенкроф!

– Допустим, это действительно не имеет значения, – согласился моряк, – и человека, пережившего это крушение, если только он жив еще, мы спасем, все равно, к какой бы нации он ни принадлежал! Но, прежде чем продолжить поиски, по-моему, следует пойти проверить «Бонавентур»!

Пенкроф почему-то начал беспокоиться о своем корабле. А что, если остров обитаем и кому-то из жителей придет в голову захватить судно... Но он тут же пожал плечами, как бы укоряя себя за то, что ему могло прийти в голову такое невероятное предположение.

Несмотря на это, моряк все-таки решил идти на корабль, чтобы позавтракать и посмотреть, хорошо ли держатся швартовы. Впрочем, идти было недалеко, всего милю, и притом по прямой дороге. Путники немедленно двинулись вперед, пристально глядываясь в кусты и заросли и то и дело спугивая коз и свиней, которых здесь были целые сотни.

Минут через двадцать после того, как исследователи вышли из домика, они были уже на восточном берегу. «Бонавентур» стоял на якоре, глубоко вонзившись в песок.

Пенкроф облегченно вздохнул, увидев, что все благополучно. Его беспокойство, обоснованное или необоснованное, было вполне понятно: он собственными руками выстроил этот

²¹ Британия.

корабль, это было его детище, а родителям свойственно тревожиться о своих детях, может быть, даже больше, чем следует.

Завтракать решили не на берегу, а на палубе и поели так плотно, что могли не обедать до позднего вечера. Затем, убрав остатки продуктов, сошли на берег и снова принялись исследовать остров, осматривая даже все мышиные норки.

Да, можно было с уверенностью сказать, что единственный обитатель острова погиб. Поэтому Пенкроф и его спутники искали скорее останки мертвеца, чем следы живого. Но поиски их пока оставались безрезультатными, и они напрасно всю первую половину дня обыскивали лес. Если потерпевшего не удастся найти ни живым, ни мертвым, значит, несчастный погиб, не оставив следов. А может быть, его растерзал какой-нибудь хищный зверь и съел вместе с костями.

— Мы уедем завтра на рассвете, — сказал Пенкроф своим товарищам, когда около двух часов дня они прилегли отдохнуть под группой сосен, дававших достаточно тени.

— Мне кажется, — заметил Герберт, — что мы без всяких угрызений совести можем забрать с собой все вещи этого несчастного!

— Я тоже так думаю, — сказал Гедеон Спилет, — его оружие, все эти вещи и инструменты пригодятся в Гранитном дворце. Если я не ошибаюсь, тут еще много и пороха, и дроби, и пистонов!

— Да, — вмешался Пенкроф. — Кроме того, надо будет поймать парочку-другую свиней, которых нет на острове Линкольна...

— Надо еще собрать семена, — добавил Герберт, — тогда у нас будут все овощи Старого и Нового Света.

— В таком случае, может быть, останься еще на один день на острове Табор, — предложил Спилет, — чтобы собрать все, что может нам пригодиться?

— Нет, мистер Спилет, — возразил Пенкроф, — нет! Я прошу вас уехать завтра же на рассвете. Мне кажется, что ветер как будто меняется и начинает дуть с запада, и, прибыв сюда с попутным ветром, мы точно так же пойдем обратно по ветру.

— Что ж? Отлично! Тогда надо сейчас же приниматься за дело! — сказал Герберт, вставая.

— Да, не будем терять времени, — сказал Пенкроф. — Ты, Герберт, займись сбором семян, которые ты знаешь лучше нас, а тем временем мы с мистером Спилетом пойдем охотиться на свиней, и я надеюсь, что даже без помощи Топа нам удастся поймать несколько штук!

Герберт пошел по тропинке, которая должна была вывести его к возделанной части острова, а Пенкроф со Спилетом направились в лес.

Свиней в лесу было много, но они так быстро убегали, ловко выскакивая чуть не из самых рук, что почти не было никакой надежды поймать хотя бы парочку. Наконец, после полу-часовой погони, они поймали все-таки двух свиней, самца и самку, забившихся в свою берлогу в густом кустарнике. И вдруг в ту минуту, когда охотники торжествовали победу, послышались крики в нескольких сотнях шагов от них к северу. К этим крикам примешивался какой-то дикий рев, в котором не было ничего человеческого.

Пенкроф и Гедеон Спилет вскочили, а свиньи воспользовались этим и убежали — как раз в ту минуту, когда моряк готовил веревки, чтобы их связать.

— Это голос Герберта! — сказал Спилет.

— Бежим! — крикнул Пенкроф.

И вслед за тем они побежали к тому месту, откуда доносились крики.

Они хорошо сделали, что поспешили, потому что на повороте одной тропинки возле лесной полянки увидели юношу, лежащего на земле, и над ним какое-то страшное существо, по-видимому, гигантскую обезьяну, которая собиралась задушить бедняжку Герберта.

Броситься на это чудовище, повалить его, вырвать Герберта из его лап, потом крепко схватить и прижать к земле было делом одной минуты для Пенкрофа и Гедеона Спилета. Пенк-

роф обладал геркулесовой силой, Спилет тоже был очень силен, и, несмотря на сопротивление обезьяны, она была связана так, что не могла пошевелиться.

– Ты не ранен, Герберт? – спросил Спилет.

– Нет, нет!

– Ах! Ее счастье, что она тебя не ранила, эта обезьяна… – воскликнул Пенкроф.

– Но это не обезьяна! – ответил Герберт.

Пенкроф и Гедеон Спилет при этих словах взглянули на странное существо, лежавшее на земле.

И в самом деле, это была не обезьяна! Это было человеческое существо, это был человек! Но какой человек! Дикарь в самом ужасном значении этого слова, и тем более страшный, что он, по-видимому, дошел до последней степени одичания!

Всклокоченные волосы, густая нечесаная борода, спускающаяся на грудь, почти обнаженное тело, за исключением какой-то жалкой тряпки вокруг бедер, свирепые глаза, огромные руки, длиннейшие ногти, кожа цвета красного дерева, ступни загрубевшие, словно сделанные из рога, – таково было это жалкое создание, которое все же надо было назвать человеком! Глядя на него, в голове невольно зарождалось сомнение, была ли еще в этом теле душа или же в нем остался только грубый животный инстинкт!

– Мистер Спилет, вы уверены, что это человек или что он когда-то был им? – спросил Пенкроф.

– Увы, в этом нет ни малейшего сомнения!

– Значит, это и есть потерпевший крушение? – спросил Герберт.

– Да, – ответил Гедеон Спилет, – но в этом несчастном не осталось ничего человеческого!

Корреспондент говорил правду. Если этот потерпевший крушение и был когда-нибудь цивилизованным существом, то уединение сделало из него дикаря, и даже еще хуже – настоящего орангутанга. Он не мог говорить, вместо слов из его горла сквозь стиснутые зубы вырывались какие-то хриплые звуки, похожие на рычание плотоядного животного. Вероятно, он уже давно находился в таком состоянии, граничащем с полным безумием, и давно уже разучился пользоваться оружием и инструментами, он даже не разводил огонь, потому что воспоминание обо всем этом, наверное, не сохранилось в его голове. Видно было, что этот дикарь очень силен и очень ловок, но физические качества развивались в нем в ущерб душевным способностям.

Гедеон Спилет пробовал заговорить с ним. Пленник, по-видимому, не только не понимал, но и не старался вслушаться в то, что ему говорили... А между тем журналисту показалось, что этот человек не совсем еще сошел с ума, – в его мутных глазах светились слабые проблески разума.

Пленник лежал совершенно спокойно и даже не пытался разорвать связывавшие его веревки. Может быть, его пугало присутствие людей, на которых он и сам был похож?.. Может быть, в каком-нибудь уголке его больного мозга сохранилось еще воспоминание, что и сам он когда-то был человеком? А если дать ему свободу, попытается ли он убежать или останется? Во всяком случае, благоразумнее было не делать подобных опытов... Рассуждая таким образом, колонисты в то же время внимательно следили за своим пленником.

– Да, его положение ужасно, – сказал Гедеон Спилет, – но, кто бы он ни был, мы обязаны сделать для него все, что можем, и должны взять его с собой на остров Линкольна!

– Разумеется, – подтвердил Герберт. – Кто знает, может быть, при хорошем уходе нам удастся еще пробудить в нем разум и сделать его опять человеком!

– Душа не умирает, – сказал журналист, – я уверен, что все мы были бы очень счастливы, если бы нам удалось вывести это существо из одичалого состояния!

Пенкроф с сомнением молча покачал головой, как бы желая сказать, что он, со своей стороны, не надеется ни на что подобное.

– Во всяком случае, надо попытаться, – продолжал Спилет. – Мы обязаны это сделать, хотя бы из чувства человеколюбия.

И в самом деле, таков был долг колонистов как людей цивилизованных. Все они понимали это и были уверены, что Сайрес Смит одобрят их поступок.

– Развязать его или нет? – спросил моряк.

– Может быть, он пойдет с нами добровольно, если развязать ему ноги, – сказал Герберт.

– Попробуем, – согласился Пенкроф.

Моряк развязал веревки, которыми были опутаны ноги пленника, но руки остались все так же крепко связанными. Пленник в ту же минуту сам поднялся на ноги и, по-видимому, не испытывал желания убежать. Он исподлобья бросал подозрительные взгляды на троих людей, которые шли рядом с ним, ничем не проявляя, что он считает себя таким же человеком, как и они, или сознает, что, по крайней мере, был таким. Иногда он как-то странно ворчал и издавал резкий свист, но не делал никаких попыток разорвать веревки и оказать сопротивление своим противникам.

По совету Спилета, несчастного отвели сначала в его хижину. Журналист надеялся, что, может быть, вид этого жилища или какие-то вещи вызовут в нем какие-нибудь воспоминания о прошлом. Иногда достаточно бывает одной искры, чтобы разбудить затуманенный разум, чтобы зажечь огонь сознания в большой душе!

До дома идти было недалеко, и через несколько минут все четверо были уже там. Но надежды Гедеона Спилета не оправдались: пленник ничего не вспомнил и, по-видимому, даже не сознавал, где находится.

Крушение произошло, вероятно, очень давно, и несчастный, попав на этот маленький островок вполне разумным, в результате долгого пребывания в полном одиночестве был дове-

ден до того состояния нравственного одичания, в котором его нашли трое колонистов острова Линкольна.

Спилет подумал, что, может быть, огонь напомнит пленнику кое-что из его прошлой жизни, и через минуту яркий огонь уже пылал в очаге.

Сначала вид пламени как будто заинтересовал несчастного, но вскоре он спокойно отошел в сторону, и глаза его смотрели так же безучастно, как и прежде.

Что будет дальше – неизвестно, а пока оставалось только отвести пленника как можно скорей на «Бонавентур». На корабле с пленником в качестве сторожа остался Пенкроф, а Гедеон Спилет с Гербертом опять сошли на берег и отправились собирать растения и ловить свиней. Спустя несколько часов они вернулись, нагруженные вещами, инструментами и оружием. Кроме того, они принесли вырванные с корнем огородные растения, семена, несколько убитых птиц и привели две пары живых свиней. Все это погрузили на корабль, и «Бонавентур» был готов поднять якорь, как только начнется утренний прилив, чтобы выйти в море и плыть к острову Линкольна.

Пленника поместили в каюте на носу, и он лежал там спокойный и молчаливый, как глухонемой.

Пенкроф предложил ему поесть, дикарь оттолкнул вареное мясо, наверное, потому, что отвык от подобного рода пищи. Но, как только моряк показал ему одну из убитых Гербертом уток, пленник схватил ее и со звериной жадностью начал есть сырую.

– И вы думаете, что он опомнится? – спросил Пенкроф, качая головой.

– Может быть, – ответил Спилет, – мне все-таки кажется, что если мы станем за ним как следует ухаживать, в конце концов на него это подействует, потому что таким, какой он есть, его сделало одиночество, а теперь он уже никогда не будет один.

– И я так думаю, – сказал Герберт. – Бедняга, должно быть, уже давно в таком состоянии! Как вы думаете, сколько ему лет?

– Трудно сказать, – ответил Спилет, – потому что его лицо почти нельзя рассмотреть под этой густой бородой, но он уже немолод, и я думаю, что ему не меньше пятидесяти лет.

– Обратили вы внимание, мистер Спилет, как глубоко его глаза сидят в глазных впадинах? – спросил юноша.

– Да, Герберт, и знаешь что? Их взгляд человечнее, чем можно было думать…

– Там видно будет, – перебил Пенкроф. – Меня очень интересует, что скажет мистер Смит, когда увидит нашего дикаря. Мы отправились разыскивать человека, а привезем с собой какое-то чудовище! Но это уже не наша вина, мы сделали все, что могли!

Ночь прошла, а спал пленник или нет – этого никто не знал, во всяком случае, за все это время он ни разу даже не шевельнулся, хотя и не был связан. Он походил на тех диких зверей, которые в первые часы своего пребывания в неволе обычно впадают в оцепенение, и уже потом их охватывает ярость.

С наступлением утра следующего дня, 15 октября, погода несколько изменилась, как это, впрочем, и предсказывал Пенкроф. Ветер дул с северо-запада, и, пользуясь им, «Бонавентур» мог быстро дойти до острова Линкольна. Однако в то же время ветер усиливался, и на море начиналось довольно сильное волнение, что значительно затрудняло плавание.

В пять часов утра подняли якорь. Пенкроф зари菲尔 большой парус и взял курс на ост-норд-ост, рассчитывая выйти прямо к острову Линкольна.

В первый день плавания не случилось ничего заслуживающего особого внимания. Пленник лежал очень спокойно в носовой каюте, а так как он был моряком, то, по-видимому, морская качка оказывала на него благоприятное действие. Может быть, он вспомнил, как когда-то плавал по океанам? Как бы то ни было, он оставался совершенно спокоен и казался скорее удивленным, чем подавленным.

На следующий день, 16 октября, ветер сильно засвежел и стал дуть с севера, а следовательно, он уже не был попутным для «Бонавентура», который перекатывался с одной волны на другую. Вскоре Пенкрофу опять пришлось идти в бейдвинд, и хотя он и не говорил еще никому о своих опасениях, но видно было, что его начинало сильно тревожить это резкое ухудшение погоды. Если только ветер не переменился, то остров Линкольна они увидят еще не скоро, и возвращение займет у них гораздо больше времени, чем путешествие на остров Табор.

Действительно, 17-го утром прошло уже сорок восемь часов с того момента, как «Бонавентур» вышел в море, а до сих пор еще нельзя было сказать, что они находятся недалеко от своего острова. Впрочем, определить на глаз пройденное расстояние было нельзя, потому что за эти двое суток скорость судна и направление ветра часто менялись, к тому же они могли уклониться от курса.

Прошло еще двадцать четыре часа, а на горизонте все еще не было видно земли. Ветер крепчал, начинался шторм. Волны заливали судно, перекатываясь через палубу. Капитан и экипаж сбились с ног, маневрируя парусами, то и дело приходилось брать рифы и лавировать, часто меняя галсы.

Наконец днем 18-го числа «Бонавентур» совсем залило водой, и, если бы пассажиры не приняли должных мер и на всякий случай не привязали себя веревками, их смыло бы волнами с палубы.

В этих условиях Пенкроф и его товарищи, занятые удалением воды, получили совершенно неожиданную помощь от пленника, в котором как будто проснулся инстинкт моряка. Он выскоцил из каюты через люк и одним ударом багра выбил часть борта, чтобы скорее стекла вода, залившая палубу. После этого он, не говоря ни слова, опять ушел в каюту.

Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт с удивлением смотрели на него и, конечно, даже не думали ему мешать.

Между тем положение становилось очень опасным, и Пенкроф начал бояться, что они сбились с пути и заблудились в этой огромной безбрежной пустыне, не имея никакой возможности найти дорогу.

Ночь с 18-го на 19-е была темная и холодная. Часам к одиннадцати ветер стих, волнение улеглось, и «Бонавентур», который уже меньше качало, шел гораздо быстрее. Пенкроф был прав, расхваливая свой корабль, – он отлично выдержал очень серьезное испытание.

Ни Пенкроф, ни Гедеон Спилет, ни Герберт, само собой разумеется, и не думали поспать хотя бы один час. Они пристально всматривались в линию горизонта, потому что остров Линкольна должен был быть недалеко. Наверное, он покажется на рассвете, если только «Бонавентур» не уклонился в сторону под ветром... В таком случае было почти невозможно выправить курс...

Пенкроф был сильно встревожен, но все-таки не терял надежды, как человек с твердым характером, много видавший на своем веку и побывавший во всевозможных передрягах. Он стоял у руля и своими зоркими глазами морского волка старался что-нибудь разглядеть в окружавшем его ночном мраке.

Около двух часов ночи он вдруг радостно закричал:

– Огонь! Огонь!

Действительно, милях в двадцати к северо-востоку виднелся яркий свет. Остров Линкольна был близко, и этот сигнальный огонь, несомненно, зажег на берегу Сайрес Смит.

Пенкроф, слишком уклонившийся к северу, повернул руль и стал держать курс на огонь, светивший над горизонтом, словно звезда первой величины.

Глава пятнадцатая

Возвращение. – Сайрес Смит и незнакомец. – Гавань Воздушного Шара. – Заботы инженера. – Испытание. – Слезы.

На следующий день, 20 октября, в семь часов утра, после четырехдневного плавания, «Бонавентур» тихо причалил к берегу устья реки Милосердия.

Сайрес Смит и Наб, очень встревоженные долгим отсутствием своих друзей, опасались, что с ними случилось несчастье в такую ненастную погоду. На рассвете они поднялись на плато Дальнего Вида и наконец увидели на горизонте «Бонавентур».

– Слава богу! Наконец-то они вернулись, – радостно закричал Сайрес Смит.

Наб заплясал от радости, как безумный, он прыгал, кружился и, хлопая в ладоши, восторженно кричал: «Хозяин!.. Хозяин!..»

Инженер, быстро овладев собой, прежде всего пересчитал количество людей, которых можно было уже разглядеть на палубе, и насчитал всего троих, – значит, Пенкрофу так и не удалось найти потерпевшего крушение на острове Табор, а может быть, хотя это и трудно предположить, несчастный отказался ехать с ними и менять одну тюрьму на другую.

Пока судно подходило к берегу, инженер и Наб сбежали с плато, и не успели еще отважные мореплаватели сойти на сушу, как Сайрес Смит уже крикнул им:

– Вы слишком долго не возвращались, друзья мои! Уж не случилось ли с вами какое-нибудь несчастье?

– Нет, – ответил Гедеон Спилет, – наоборот, все удалось отлично. Мы сейчас вам все расскажем.

– Но, – продолжал инженер, – ваша поездка, по-видимому, не имела желаемого результата. Вы как поехали втроем, так и вернулись…

– Нет, мистер Сайрес, – возразил моряк, – нас четверо!

– Неужели вы нашли потерпевшего крушение?

– Да.

– И вы его привезли с собой?

– Да.

– Живым?

– Да.

– Где он? Кто он?

– Это человек, – ответил Спилет, – или, вернее сказать, он был человеком! Вот и все, Сайрес, что мы можем пока сказать вам о нем.

Инженеру тотчас же рассказали все подробности поездки: как производились поиски, как они совершенно случайно нашли заброшенную хижину – единственный дом на острове, как, наконец, удалось им найти и поймать потерпевшего крушение, который, по-видимому, утратил навсегда человеческий образ.

– Он до такой степени не похож на человека, что я всю дорогу размышлял, хорошо ли мы сделали, что привезли его сюда, – заметил Пенкроф.

– Конечно, хорошо сделали, Пенкроф, – ответил инженер.

– Но ведь этот несчастный не в своем уме.

– Теперь, может быть, – сказал Сайрес Смит, – но всего несколько месяцев назад этот несчастный был таким же человеком, как вы и я. А кто знает, что произойдет с последним живым из нас после долгого пребывания в одиночестве на этом острове? Горе тому, кто остается один, друзья мои! Я уверен, что одиночество вообще подавляет умственные способности человека, поэтому нет ничего удивительного, что вы нашли этого несчастного в таком состоянии.

– Но позвольте вас спросить, мистер Сайрес, – вмешался Герберт, – почему вы думаете, что этот несчастный одичал всего за несколько месяцев?

– Потому, что письмо, найденное нами в бутылке, было написано недавно, – ответил инженер, – и потому, что только человек, потерпевший крушение, мог его написать.

– Если только его не написал товарищ этого человека, – заметил Гедеон Спилет, – который потом умер.

– Это невозможно, дорогой Спилет.

– Почему? – спросил журналист.

– Потому что тогда в записке говорилось бы о двух потерпевших крушение, – ответил Сайрес Смит, – а там ясно сказано только об одном.

Герберт в нескольких словах рассказал, как они совершали обратное плавание, и при этом особенно подчеркнул тот факт, что во время шторма несчастный пленник вдруг пришел в себя и, повинуясь инстинкту моряка, оказал им помощь.

– Это очень хорошо, Герберт, – ответил инженер, – и ты совершенно прав, что придаешь такое большое значение этому факту. Это дает надежду, и очень большую, что его можно будет вылечить. Вероятно, только отчаяние довело его до такого ужасного состояния. Но здесь он не будет одинок, а так как в нем не совсем еще умерло сознание, мы постараемся его вылечить.

Наконец вывели из каюты и найденного на острове Табор потерпевшего крушение. Инженер посмотрел на него с сожалением, а Наб – вытаращив глаза от удивления. Почувствовав свободу, пленник осмотрелся кругом и захотел убежать.

Но Сайрес Смит подошел к нему, властным движением положил руку ему на плечо и пристально посмотрел в его глаза, выражая одновременно и твердую волю, и сожаление. Несчастный, очевидно, понял значение этого взгляда и покорился ему; он постепенно успокоился, перестал сопротивляться, опустил глаза, склонил голову и, казалось, уже забыл о том, что только что собирался бежать.

– Бедный изгнаник! – прошептал инженер.

Сайрес Смит долго смотрел на стоявшего перед ним человека. С первого взгляда казалось, что в этом несчастном не осталось ничего человеческого, но Смит, точно так же, как и Спилет, уловил в его глазах едва заметные проблески рассудка.

На общем совете колонисты решили, что неизвестный – так называли теперь этого человека его новые товарищи – будет жить в одной из комнат Гранитного дворца, откуда ему довольно трудно было бы убежать. Неизвестный без всякого сопротивления позволил себя туда отвести, и можно было надеяться, что при хорошем уходе в один прекрасный день он станет полезным членом колонии острова Линкольна.

Во время завтрака, который Наб подал немного раньше, потому что Спилет, Герберт и Пенкроф умирали от голода, Сайрес Смит попросил еще раз подробно рассказать ему все, что случилось во время исследования острова Табор. Выслушав рассказ, он согласился со своими товарищами в том, что неизвестный или англичанин, или американец. Во-первых, это можно было предположить по названию разбившегося судна: «Британия» – английское название, и вряд ли люди другой нации стали бы так называть свое судно. Во-вторых, инженеру казалось, что под всклокоченной бородой и шапкой нечесаных волос он как будто рассмотрел характерные черты англосаксов.

– Кстати, Герберт, – сказал Гедеон Спилет, – ты так и не рассказал нам, как ты встретился с этим дикарем, и мы знаем только, что он задушил бы тебя, если бы нам не удалось подоспеть вовремя и освободить тебя.

– По правде сказать, я и сам не знаю, как это все случилось. Помню, я собирал растения под деревом, когда мне послышался какой-то шум, словно что-то падало с высокого дерева, как лавина. Инстинктивно я оглянулся... В ту же минуту этот несчастный, вероятно скрывав-

шийся от нас на этом дереве, набросился на меня... Все это произошло гораздо быстрее, чем я рассказываю, и, если бы не мистер Спилет и не Пенкроф...

— Дитя мое! — сказал Сайрес Смит. — Ты подвергался очень серьезной опасности, но, если бы это не произошло, несчастный, по всей вероятности, так и не показался бы вам на глаза, и наша маленькая колония не увеличилась бы еще на одного человека.

— Вы все-таки надеетесь, Сайрес, что вам удастся опять сделать из него человека? — спросил Спилет.

— Да, — ответил инженер.

После завтрака Сайрес Смит и его товарищи вышли из Гранитного дворца и направились на берег моря, где стоял «Бонавентур». Здесь они принялись разгружать корабль. Инженер, осмотрев оружие и инструменты незнакомца, не нашел на них никаких надписей, по которым можно было бы установить его личность.

Привезенных с острова Табор свиней, которые были полезной находкой для колонистов острова Линкольна, поместили в особый хлев, где они быстро могли привыкнуть к новым условиям.

Бочонки, один с порохом, другой с дробью, точно так же, как и коробки с пистонами, были приняты с большой радостью, они тоже должны были очень пригодиться на острове. Сайрес Смит решил даже устроить маленький пороховой погребок в верхней пещере — если там и произойдет случайно взрыв, то не причинит серьезных последствий. Несмотря на такое обилие пороха, решено было по-прежнему пользоваться пироксилином, потому что это вещество давало превосходные результаты, и пока не было никаких причин заменять его обычным порохом.

Когда разгрузка была закончена, Пенкроф сказал, обращаясь к инженеру:

— Мистер Сайрес, я думаю, следует увести отсюда наш «Бонавентур» и поставить его на якорь в безопасное место.

— А разве ему неудобно стоять в устье реки? — спросил Смит.

— Нет, мистер Сайрес, — ответил моряк. — Здесь большей частью он сидит на песке, а это, вы и сами знаете, вредно. Это ведь прекрасный корабль... Если бы вы видели, как он отлично держался во время шторма, который немилосердно трепал нас на обратном пути!..

— А разве нельзя было держать его прямо в реке?

— Отчего же нет, мистер Сайрес, конечно, можно, но дело в том, что устье реки ничем не защищено, и я боюсь, что «Бонавентур» здесь будут сильно трепать восточные ветры, особенно во время штормов.

— А где же, по-вашему, ему лучше стоять, Пенкроф?

— В гавани Воздушного Шара, — ответил моряк, — эта маленькая бухточка, отлично защищенная скалами, по-моему, будет самым подходящим портом для нашего корабля.

— Но не слишком ли это далеко?

— Пустяки! Всего каких-нибудь три мили от Гранитного дворца и притом по прекрасной проезжей дороге!..

— Ну что ж, хорошо, Пенкроф, поставьте «Бонавентур» в гавань Воздушного Шара, — сказал инженер, — хотя мне это совсем не нравится. Хотелось бы иметь корабль всегда на виду, а не ездить за ним за три мили. Надо будет, как только будет время, устроить для него маленький порт.

— Великолепно! — воскликнул Пенкроф. — Порт с маяком, молом и сухим доком! Вот хорошо бы было! С вами, мистер Сайрес, любое дело становится легким!

— Это, пожалуй, верно, мой милый Пенкроф, — ответил инженер, — но только при условии, если вы мне помогаете, потому что три четверти всех наших работ падает на вашу долю.

Герберт с Пенкрофом снова сели на «Бонавентур», подняли якорь, поставили паруса, и, подгоняемый попутным ветром, который дул с моря, корабль быстро помчался по заливу к

мысу Когтя. Спустя два часа корабль уже стоял на якоре в спокойных водах гавани Воздушного Шара.

В первые дни пребывания незнакомца в Гранитном дворце его дикая натура немножко изменилась. Появились ли проблески разума в его больном мозгу? Да, и так заметно, что Смиту и Спилету начинало казаться, что они ошиблись, и человек с острова Тabor не был совершенно лишен рассудка.

Неизвестный, привыкший всегда быть на открытом воздухе и пользоваться безграничной свободой, сначала проявлял глухой гнев, не желая мириться с условиями жизни в Гранитном дворце. Колонисты даже боялись, как бы он в припадке ярости не вздумал прыгнуть из окна на берег. Но такое возбужденное состояние продолжалось недолго, и неизвестный постепенно успокоился настолько, что уже можно было предоставить ему полную свободу.

Поэтому колонисты имели все основания надеяться на успех. Незнакомец уже начал постепенно отвыкать от многих привычек своей дикой жизни, он не набрасывался на сырое мясо, ел приготовленную Набом пищу, вареное мясо теперь не вызывало у него отвращения и, по-видимому, даже нравилось ему. Вообще, это был уже не тот дикарь, которого надо было держать связанным.

Сайрес Смит, воспользовавшись минутой, когда незнакомец спал, подстриг бороду и волосы на голове, которые придавали ему такой дикий и свирепый вид. Затем он заставил его снять лохмотья и дал ему надеть полный костюм из имевшегося у колонистов запаса. После этого неизвестный принял человеческий облик, и даже выражение его глаз стало как будто мягче.

Сайрес Смит ежедневно проводил несколько часов в обществе неизвестного. В это время он всегда занимался каким-нибудь делом, надеясь, что та или другая работа привлечет внимание неизвестного и заинтересует его. Быть может, достаточно одной искры, чтобы пробудить его душу, одного воспоминания, которое бы промелькнуло в этом мозгу, чтобы вернуть ему разум. Один раз это уже было во время бури на палубе «Бонавентура».

При этом инженер всегда старался обращаться к незнакомцу громко, рассчитывая таким образом проникнуть в заснувший разум через органы слуха и органы зрения. Обычно к нему заходил кто-нибудь из товарищей, а иногда они собирались все вместе и вели оживленную беседу. Чаще всего они говорили о вещах, имеющих отношение к морскому делу, о жизни на море со всеми ее разнообразными приключениями, что, конечно, не могло не интересовать моряка. Сначала безразличный к разговору незнакомец постепенно начал прислушиваться к их словам, и по временам было видно, что он довольно внимательно следит за нитью беседы и если не все, то часть, наверное, понимает. Иногда его лицо принимало до такой степени грустное, страдальческое выражение, что даже самый поверхностный наблюдатель не мог бы не обратить на это внимания. Это доказывало, что он внутренне страдает, так как трудно было ожидать от него столь искусного притворства. Но до сих пор он не сказал еще ни слова, хотя губы его не раз шевелились, словно он хотел заговорить и вставить какое-то замечание или, может быть, что-то рассказать.

Может быть, его спокойствие было только кажущимся? Может быть, он грустит потому, что его против воли держат в заключении, в тесных для него стенах Гранитного дворца? Ответить на это, конечно, мог только сам неизвестный. Он видел одни и те же предметы, жил в ограниченном пространстве, в постоянном общении с колонистами, к которым в конце концов привык, получал в изобилии сытную, питательную пищу, был тепло одет и проводил ночи не на голой земле, а в теплой комнате, на хорошей постели, и, конечно, он должен был измениться. Но сознавал ли он, что ему, как человеку, присуще пользоваться всем этим, или же он, так сказать, привык, как привыкает дикое животное к своему хозяину? Вопрос этот очень интересовал Сайреса Смита, и он хотел быстрее получить на него ответ, но не хотел принуждать своего больного. Нужно было ждать, чтобы все разъяснилось само собой, и стараться завое-

вать незнакомца кротостью, избегая всего, что может его раздражить, обращаться с ним, как с больным... Но выздоровеет ли когда-нибудь этот больной?

Нужно было видеть, как внимательно наблюдал за ним инженер! Как он сторожил его душу, если можно так выразиться! Остальные колонисты с очевидным волнением и самым искренним участием следили за ходом лечения, предпринятого Сайресом Смитом. Они, конечно, помогали ему по мере сил в этом добром деле, и все, кроме скептика Пенкрофа, верили в скорое выздоровление больного.

Неизвестный теперь был уже совсем укрошен и сохранял полное спокойствие. К Сайресу Смиту, который был для него авторитетом, он испытывал нечто вроде привязанности. Инженер решил наконец для опыта перевести подопечного в другую среду – показать ему океан, который должен был пробудить в нем воспоминания о прежних временах, когда он еще был вполне нормальным человеком, окраину леса, где, по всей вероятности, он провел немало лет своей жизни!

– Послушайте, Сайрес! – заметил Гедеон Спилет. – А вы не боитесь, что он убежит, как только вы его выпустите?

– Проведем эксперимент, – ответил инженер.

– Отчего же не попытаться? – вмешался Пенкроф. – Как только этот парень выберется на свободу и вдохнет вольный воздух, он в ту же минуту удерет от вас со всех ног.

– Не думаю, – возразил Сайрес Смит.

– Во всяком случае попробовать не мешает, – сказал Спилет.

– Вот и попробуем, – ответил инженер.

Разговор этот происходил 30 октября, ровно через десять дней после того, как потерпевший крушение с острова Табор стал пленником в Гранитном дворце. День выдался отличный, и летнее солнце согревало своими лучами весь остров.

Сайрес Смит и Пенкроф вошли в комнату, отведенную для неизвестного. Он лежал у окна и смотрел на небо.

– Пойдем, друг мой, – сказал ему инженер.

Неизвестный в ту же минуту встал, внимательно посмотрел на Сайреса Смита и, не говоря ни слова, последовал за ним. Пенкроф шел последним, качая головой, и, видимо, не слишком верил в успех эксперимента.

Подойдя к двери, Смит и Пенкроф вместе с пленником сели в корзину подъемника, а Наб, Герберт и Гедеон Спилет ожидали их у подножия скалы Гранитного дворца. Корзина быстро спустилась вниз, и через несколько минут все собирались на песчаном берегу.

Колонисты отошли немного в сторону от неизвестного, предоставив ему почти полную свободу.

Неизвестный сделал несколько шагов и подошел к самому морю. В глазах его засветилась жизнь, он казался очень взволнованным, но не делал никаких попыток к бегству. Он смотрел на волны, которые, догоняя одна другую, бежали к берегу и замирали на песке.

– Но он видит пока только море, – заметил Гедеон Спилет. – Возможно, оно не вызывает в нем желания бежать!

– Да, конечно, – ответил Сайрес Смит. – Надо отвести его на плато, к опушке леса. Там испытание даст уже настоящие результаты.

– Ему все равно не убежать, потому что мосты подняты, – сказал Наб.

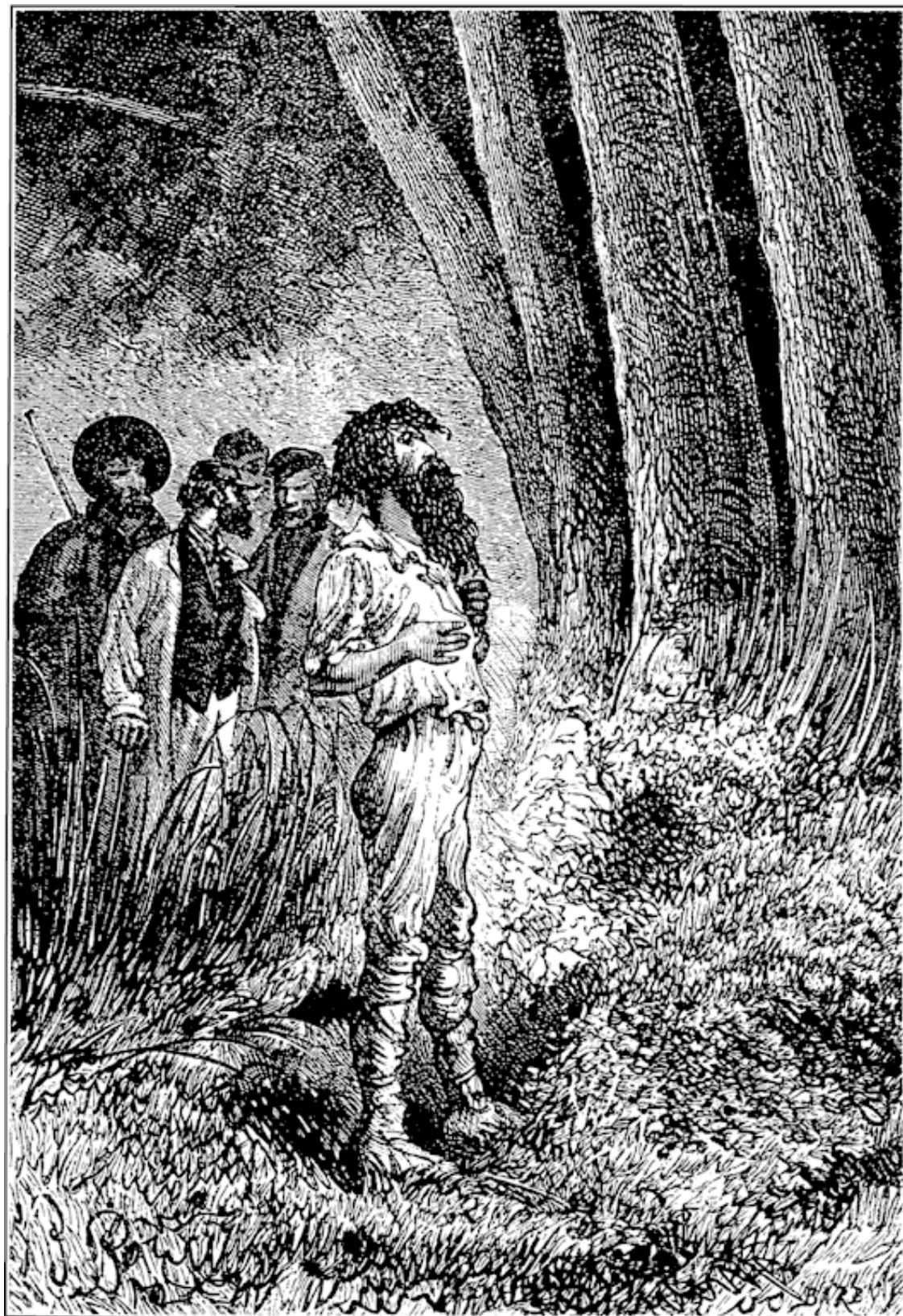
– О, не такой это человек, чтобы его мог остановить ручей вроде Глицеринового! – возразил Пенкроф. – Он не то что переплынет, а перелетит через него одним прыжком!

– Увидим, – кратко ответил Смит, не отрывая глаз от своего пациента.

Затем неизвестного повели к устью реки Милосердия, а оттуда все вместе, пройдя по левому берегу реки, поднялись на плато Дальнего Вида.

Дойдя до края леса, где уже росли большие деревья, неизвестный остановился и, прислушиваясь к шелесту листвьев, колеблемых легким ветерком, с наслаждением вдохнул острый опьяняющий запах, пронизывающий воздух, – и глубокий вздох вырвался из его груди.

Колонисты стояли немного позади неизвестного, готовые остановить его, если бы он вдруг вздумал бежать.

И действительно, казалось, неизвестный был очень близок к тому, чтобы броситься в ручей, отделявший его от леса, бедняга даже сделал движение в ту сторону... Но почти тотчас же он опомнился, отошел назад, опустился на землю, сгорбился, и крупные слезы градом полились у него из глаз.

– О, ты плачешь! – взволнованно воскликнул Сайрес Смит. – Значит, ты снова стал человеком!

Глава шестнадцатая

Тайна, требующая разъяснения. – Первые слова неизвестного. – Двенадцать лет на острове. – Признание. – Исчезновение. – Уверенность Сайреса Смита. – Постройка мельницы. – Первый хлеб. – Самоотверженный поступок. – Пожатие руки.

Да, несчастный плакал! Вероятно, какое-то воспоминание промелькнуло у него в мозгу, и, как сказал Сайрес Смит, слезы снова сделали его человеком.

Колонисты позволили неизвестному некоторое время побывать на плато и даже отошли от него подальше, чтобы он мог чувствовать себя совершенно свободным. Но пленник и не думал воспользоваться этой свободой, и поэтому Смит решил вернуться вместе с ним в Гранитный дворец.

Через два дня после этого испытания неизвестный, по-видимому, почувствовал желание принять активное участие в жизни колонистов. Он, очевидно, слышал и отлично понимал все, что ему говорили, но по какой-то непонятной причине до сих пор не произнес ни слова. А между тем дар речи вернулся к нему, потому что однажды вечером Пенкроф, приложив ухо к двери его комнаты, слышал, как неизвестный бормотал следующие слова:

«Нет!.. Чтобы здесь!.. Ни за что!.. Никогда!»

Моряк передал эти слова товарищам.

– Тут кроется какая-то тайна! – сказал Сайрес Смит.

Затем неизвестный вдруг принялся за работу и стал копать грядки на огороде. Во время работы он часто останавливался и долго стоял, по-видимому погруженный в свои мысли. Инженер настойчиво советовал не мешать незнакомцу, особенно в такие минуты единения. Если же случайно кто-нибудь подходил к нему слишком близко, он поспешил отступить назад и, по-видимому, готов был разрыдаться от скорби.

Может быть, все это происходило потому, что его мучили угрызения совести? По-видимому, это было именно так, и Гедеон Спилет как-то раз, когда зашла речь о странном поведении неизвестного, заметил:

– Если он и не говорит, то только потому, что ему пришлось бы признаться в своих поступках.

Был ли он прав – покажет будущее, а пока следовало вооружиться терпением и ждать.

Еще через несколько дней, 3 ноября, неизвестный работал на плато Дальнего Вида, вдруг он выпустил из рук лопату и задумался. Сайрес Смит, наблюдавший за ним издали, увидел, что из его глаз снова потекли слезы. Инженеру очень хотелось чем-нибудь помочь этому несчастному, и он почти невольно, повинуясь только влечению сердца, подошел к нему, слегка дотронулся до его руки и сказал:

– Послушайте, друг мой!

Незнакомец еще ниже опустил голову, не желая встречаться взглядом с инженером, а когда Смит хотел взять его за руку, поспешил отступить.

– Друг мой, – снова повторил Сайрес Смит твердым голосом, – взгляните мне прямо в глаза. Я этого хочу!.. Я этого требую!

Неизвестный поднял голову и взглянул на инженера, как бы подчиняясь непреодолимому воздействию, как подчиняется загипнотизированный гипнотизеру. Он попытался бежать, но не мог, и это, видимо, привело его в страшное раздражение. Лицо его преобразилось, глаза засверкали... Он уже не мог сдерживаться!.. Наконец он скрестил руки на груди и спросил глухим голосом:

– Кто вы такие?

– Такие же потерпевшие крушение, как и вы, – ответил инженер, видимо тоже сильно взволнованный. – Мы привезли вас сюда, и вы здесь между такими же людьми, как и вы.

– Вы такие же, как и я?.. Таких нет!..

– Мы – ваши друзья... .

– Друзья?.. У меня друзья?.. – вскричал неизвестный, закрывая лицо руками. – Нет!.. Никогда... Уйдите от меня!.. Оставьте меня!..

Он повернулся и побежал на ту сторону плато, которая выходила к морю, и долго стоял там неподвижно.

Сайрес Смит вернулся к своим товарищам и передал им свой разговор с неизвестным.

– Да, в жизни этого человека есть тайна, – сказал Гедеон Спилет, – и мне кажется, что он сможет занять свое место среди людей только после того, как раскается.

– Просто не знаю, что за человека мы сюда привезли, – ворчал моряк. – У него какие-то тайны...

– Которые нас не касаются, – перебил моряка Сайрес Смит. – Если он даже и совершил какое-то преступление, то уже понес за него жестокую кару, во всяком случае, не нам судить его.

Два часа неизвестный стоял один на гребне плато, погруженный в свои воспоминания и, видимо, переживая свое прошлое. Колонисты издали следили за ним, стараясь не нарушать его одиночество.

Затем неизвестный, очевидно на что-то решившись, повернулся и быстрыми шагами подошел к Сайресу Смиту. Глаза его еще были красны от пролитых слез, но он уже не пласал. Лицо его выражало глубокую грусть и смирение. Он имел вид человека пристыженного, подавленного сознанием тяжести своей вины, он уже не поднимал головы, а, наоборот, робко смотрел в землю.

– Сэр, – сказал он, обращаясь к Сайресу Смиту, – вы и ваши товарищи – англичане?

– Нет, – ответил инженер. – Мы – американцы.

– А! – проговорил неизвестный и затем произнес почти шепотом: – Это для меня гораздо лучше!

– А вы, мой друг? – спросил инженер.

– Я – англичанин, – торопливо ответил неизвестный.

По-видимому, ему стоило большого труда сказать эти слова, и вслед за тем он сбежал с плато и стал прохаживаться по берегу от водопада до устья реки.

Проходя мимо Герберта, он остановился и спросил сдавленным голосом:

– Какой теперь месяц?

– Ноябрь, – ответил Герберт.

– Какой год?

– 1866.

– Двенадцать лет! Двенадцать лет! – пробормотал он и быстро отошел от Герберта.

Герберт сразу же рассказал своим взрослым товарищам о вопросах незнакомца и своих ответах.

– Этот несчастный дошел до того, что даже потерял счет времени, – заметил Гедеон Спилет.

– Да, – добавил Герберт, – оказывается, он прожил на острове двенадцать лет, прежде чем мы его нашли!

– Двенадцать лет! – повторил Сайрес Смит. – Двенадцать лет одиночества, даже в виде наказания, могут довести человека до безумия, до полной потери рассудка и человеческого образа!

– Мне кажется, – сказал Пенкроф, – что этот человек попал на остров Табор не как потерпевший крушение, которому удалось спастись, а как преступник, оставленный там в наказание.

— Вероятно, так оно и было, Пенкроф, — ответил журналист. — Ну, а если наше предположение верно, то очень возможно, что люди, которые оставили этого несчастного на острове Табор, в один прекрасный день вернутся за ним.

— И не найдут его, — сказал Герберт.

— Но тогда, — снова заговорил Пенкроф, — надо будет съездить туда!..

— Друзья мои, — сказал Сайрес Смит, — не будем обсуждать этот вопрос до тех пор, пока не узнаем, в чем дело. Вы и сами видите, как должен был страдать этот несчастный, и, конечно, он давно искупил свою вину, какова бы она ни была. Теперь его мучает раскаяние, и он больше всего на свете желает облегчить свою душу чистосердечной исповедью. Не будем вызывать его на откровенность, не будем требовать от него, чтобы он сейчас же поведал нам печальную повесть своей жизни! Он сам расскажет нам свою историю, а уже после того, как мы выслушаем его признание, мы решим, что нам следует делать. Кроме того, только он может сказать нам, есть ли еще надежда, что те люди, которые высадили его на уединенный остров, приедут за ним и отвезут на родину, хотя я и сомневаюсь в этом.

— Почему? — спросил Спилет.

— Если бы он знал наверняка, что вернется на родину по истечении определенного числа лет, он терпеливо дождался бы момента своего освобождения и не бросал бы записку в море. Нет, скорее всего, его осудили на вечное изгнание, и он должен был умереть на этом уединенном острове без надежды когда-нибудь покинуть его.

— Но, — заметил матрос, — тут есть еще одно обстоятельство, которое ставит меня в тупик.

— Какое?

— Если этот человек прожил на острове Табор двенадцать лет, то он должен был давно уже находиться в том состоянии полного одичания, в котором мы его нашли несколько дней назад.

— Возможно, — ответил Сайрес Смит.

— Тогда, значит, и записку, которую мы нашли, он написал несколько лет назад!

— Разумеется... хотя мне все-таки кажется, что она написана недавно!..

— Ну а как же объясните вы тогда, что бутылка, в которую была спрятана эта бумажка, плавала целый десяток лет по морю, прежде чем добралась от острова Табор до острова Линкольна?

— В этом нет ничего невозможного, — сказал журналист. — Почему вы не хотите допустить, что бутылка уже давно плавает вокруг нашего острова?

— Но этого не может быть, — возразил Пенкроф, — мы ведь поймали ее в воде. Даже пролежав много лет на берегу, она не могла опять уплыть в море перед нашим приездом, хотя бы только потому, что у южного берега сплошные скалы, и бутылка обязательно разбилась бы!

— Да, это верно! — проговорил Сайрес Смит, видно было, что возражение моряка заставило его задуматься.

— И потом, — добавил моряк, — если записка написана несколько лет назад, если она пробыла столько лет в бутылке, то должна была сильно пострадать от сырости. А между тем ничего подобного не произошло, и записка отлично сохранилась.

Замечание Пенкрофа было совершенно справедливо, и этот факт был необъясним. Все указывало на то, что найденная в бутылке записка была написана недавно и вовсе не странствовала несколько лет по океану. Затем еще одно непонятное обстоятельство: в записке были точно указаны широта и долгота острова Табор, а это мог бы сделать только человек, обладающий солидными знаниями в области гидрографии, а вовсе не простой моряк.

— Да, тут многое не ясно, — сказал инженер. — Но я все-таки повторяю вам, что, по-моему, надо подождать и пока не требовать объяснений от нашего нового товарища. Он нам сам все расскажет, когда придет время.

В течение следующей недели неизвестный не произнес ни слова и ни разу не вышел за пределы плато. Он обрабатывал землю, не давая себе отдыха ни на минуту, работая с раннего

утра и до поздней ночи, но все время держался в стороне. Когда наступал час завтрака или обеда, он не шел вместе с остальными в Гранитный дворец и, несмотря на неоднократные приглашения, всегда оставался на плато и довольствовался сырыми овощами. С наступлением ночи он не возвращался в отведенную ему комнату, а устраивался на ночлег под каким-нибудь деревом, а если погода была плохой, то прятался в какую-нибудь расщелину между утесами. Он продолжал и здесь жить точно так же, как жил в то время, когда не имел другого пристанища, кроме лесов острова Табор. Все попытки заставить его отказаться от такого образа жизни ни к чему не привели, и колонисты решили не настаивать и терпеливо ждать. Наконец пришло время, когда, повинуясь какому-то внутреннему голосу, неизвестный решил облегчить свою совесть откровенным признанием.

В этот день, 10 ноября, около восьми часов вечера, когда начали уже стущаться ночные тени, неизвестный внезапно предстал перед колонистами, которые, собравшись в кружок, отдыхали на веранде. Глаза его как-то странно блестели, и у него был такой же дикий вид, как прежде.

Колонисты с удивлением смотрели на стоявшего перед ними человека, у которого от волнения зубы стучали, как при сильной лихорадке. Что с ним случилось? Неужели общество людей ему невыносимо? Неужели ему неприятна и тягостна жизнь среди порядочных людей? Может быть, его снова тянуло в лес, где он долгие годы вел жизнь дикого животного? Такие вопросы невольно задали себе колонисты, когда услышали первые фразы его бессвязной отрывистой речи.

— Зачем я здесь?.. По какому праву вы увезли меня с моего острова!.. Что может быть общего между вами и мной?.. Вы знаете, кто я такой... что я сделал... почему я там был... один?.. Кто вам сказал, что меня не оставили там нарочно... не осудили на смерть? Знаете ли вы мое прошлое?.. Может быть, я вор, убийца... Я, может быть, негодяй... проклятый... Может быть, я заслуживаю того, чтобы жить как дикий зверь... вдали от всех... Скажите же, знаете ли вы это?

Колонисты молча слушали несчастного, у которого эти признания вырывались, наверное, против воли. Наконец Сайрес Смит не выдержал и, зная свое влияние на неизвестного, поднялся и направился к нему, чтобы успокоить, но незнакомец быстро отступил.

— Нет! Нет! — закричал он. — Одно слово... Я свободен?

— Да, вы свободны, — ответил инженер.

— Тогда прощайте! — крикнул он и, как безумный, бросился в лес.

Наб, Пенкроф и Герберт тотчас же побежали за ним, но вернулись одни.

— Оставьте его! — сказал Сайрес Смит.

— Он никогда не вернется... — сказал Пенкроф.

— Вернется, — возразил Смит.

Прошел день, второй, третий, а неизвестный все не возвращался, но Сайрес Смит, — может быть, у него было предчувствие — упорно продолжал утверждать, что несчастный рано или поздно, но непременно вернется.

— Это последний протест грубой натуры, — говорил инженер, — он пришел в себя, осознал свое преступление, раскаялся и, поверьте мне, скоро вернется к нам.

Тем временем колонисты ежедневно занимались своими работами на плато Дальнего Вида и в корале, где Сайрес Смит хотел построить ферму. Семена и растения, привезенные Гербертом с острова Табор, были посажены в приготовленные для них грядки.

Плато имело вид хорошо распланированного большого огорода, и уход за ним занимал у колонистов много времени. Работать там приходилось ежедневно. По мере того как разрастались огородные растения, приходилось увеличивать грядки, которые превращались в целые поля и распространялись на участки земли, оставленные под пастбища и сенокосы. Но онаги не грозил голод из-за недостатка травы или сена, потому что травы было много в других местах.

Да и в самом деле, было гораздо лучше превратить в огород все плато Дальнего Вида, окруженное со всех сторон глубоким поясом ручьев, а для сенокоса отвести участки земли за этой чертой, которые не надо было огораживать от опустошительных набегов четвероруких и четвероногих грабителей.

Полтора года назад у колонистов имелось только одно зернышко, а теперь под пшеницу было занято целое поле, и 15 ноября в колонии снимали уже третью жатву. Урожай и на этот раз был так же хорош, и шестьсот тысяч зерен второго урожая превратились в четыре тысячи буасо, что составило более пятисот миллионов зерен! Теперь колония была навсегда обеспечена хлебом; достаточно будет сеять каждый раз с десяток буасо, и урожая хватит, чтобы накормить не только колонистов, но и всех домашних животных и птиц.

Скосив пшеницу, колонисты сначала обмолотили ее, а потом занялись превращением зерен в муку, что заняло вторую половину ноября.

Для того чтобы из зерен получить муку, нужно было ее смолоть, а для этого потребовалась мельница. Сайрес Смит хотел построить мельницу на Глицериновом ручье, у второго водопада, изливавшегося в реку Милосердия, потому что первый водопад на северном ручье уже приводил в движение валяльную машину. Но устройство водяной мельницы на Глицериновом ручье сопряжено было с некоторыми трудностями, и поэтому колонисты решили поставить простую ветряную мельницу на плато Дальнего Вида. С технической стороны для инженера было все равно, какую строить мельницу – водяную или ветряную. А так как на таком высоком и открытом всем ветрам месте, как плато, нечего было опасаться, что мельница не будет работать, здесь было даже удобнее, чем строить водяную мельницу на маленьком ручейке, сила течения которого могла быть впоследствии использована иначе.

– К тому же, – говорил Пенкроф, – ветряная мельница будет выглядеть веселей и оживит пейзаж.

Всем хотелось поскорей попробовать печеного хлеба, и все колонисты немедленно принялись за работу, тщательно выбирали лесоматериалы, рубили и обтесывали деревья и мастерили различные части несложного механизма. На северной стороне озера нашли большие глыбы песчаника, из которых вышли отличные жернова. Бесконечная оболочка воздушного шара дала материал для мельничных крыльев.

Сайрес Смит приготовил чертежи и выбрал место для мельницы немного правее птичьего двора, как раз возле берега озера. Клетка мельницы должна была держаться на стержне, закрепленном на толстых досках, и вращаться по воле ветра вместе со всем механизмом.

Наб и Пенкроф, оба отличные плотники, до такой степени увлеклись своим делом, что инженер едва успевал готовить для них лекала. Мельница росла не по дням, а по часам. Вскоре на выбранном месте выросла цилиндрическая будка, увенчанная остроконечной крышей. Четыре рамы, образующие мельничные крылья, были крест-накресточно вбиты под углом в деревянный вал и укреплены металлическими шипами. Затем были изготовлены различные части внутреннего механизма: коробка для двух жерновов – нижнего неподвижного и верхнего вращающегося; квадратный ящик, из которого зерно высыпается на жернова, имеющий вид воронки, широкий вверху и узкий внизу, с приделанным к нему внизу подвижным ковшом, который регулирует выход зерна и все время щелкает, словно маятник, и поэтому называется «болтун»; и, наконец, большое, частое сито, сквозь которое просеивается мука и отделяются отруби. Хорошие инструменты имелись в достаточном количестве, работа была несложной, в руках, умеющих владеть топором и долотом, недостатка не было.

В строительстве мельницы принимали участие все без исключения колонисты, и 1 декабря она была закончена.

Как всегда, Пенкроф был в восторге от своей работы и пылко уверял всех, что лучшей мельницы и построить нельзя.

– Теперь бы только ветер посильнее, – говорил он, – и наша мельница заработает на славу!

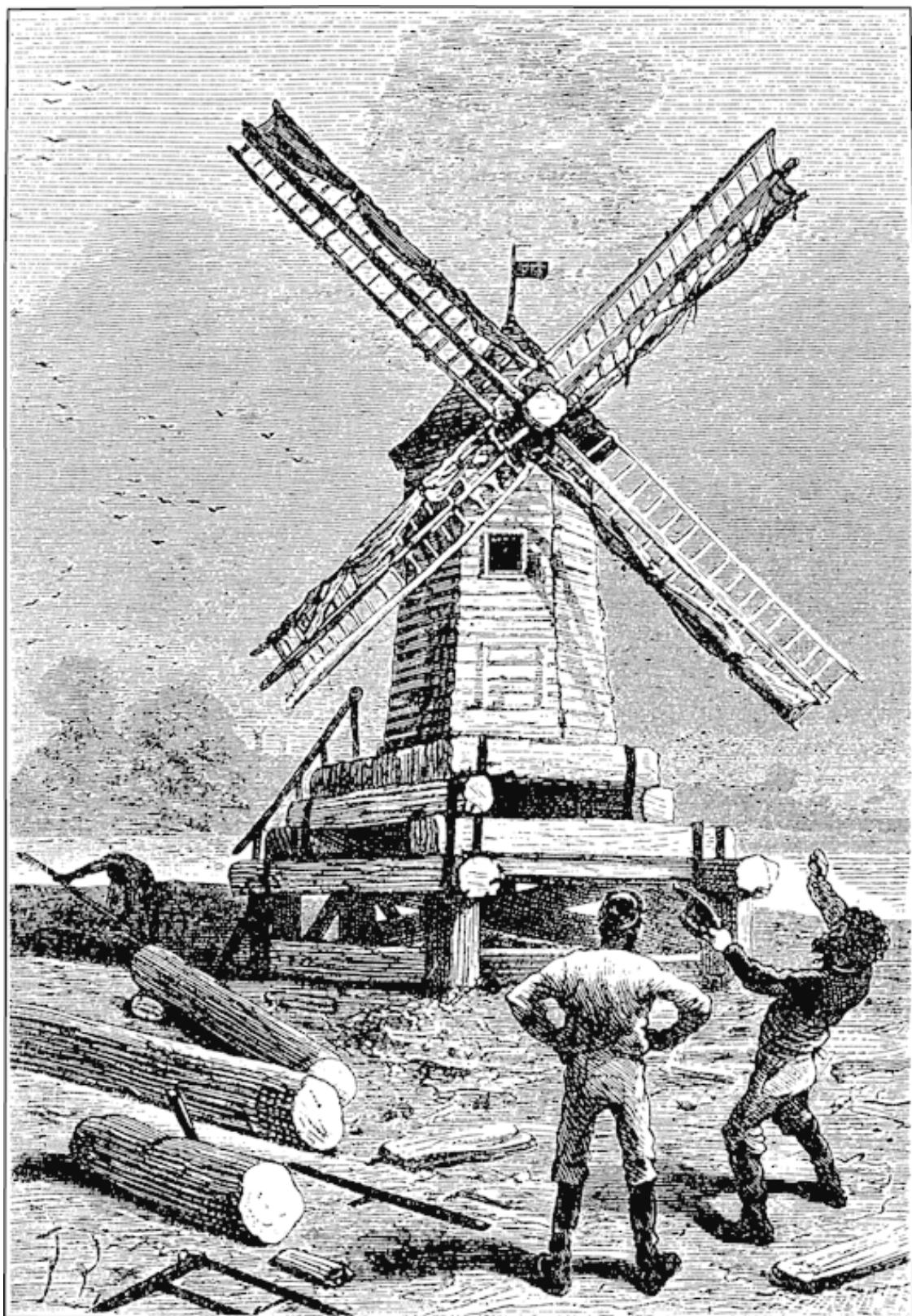
– Ветер нужен, с этим я согласен, – возразил инженер, – но только не сильный, Пенкроф.

– Ба! Чем сильнее будет ветер, тем быстрее будут вертеться мельничные крылья!

– Крылья не должны вертеться очень быстро, – ответил Сайрес Смит. – По опыту известно, что мельница лучше всего работает тогда, когда число оборотов крыльев в одну минуту в шесть раз больше скорости ветра в одну секунду. При среднем ветре со скоростью двадцать четыре фута в секунду крылья сделают шестнадцать оборотов в одну минуту, а большего нам и не требуется.

– Отлично! – обрадовался Герберт. – Теперь как раз задует именно такой северо-восточный ветер, и он прекрасно нам подойдет!

Наблюдательный юноша сделал совершенно справедливое замечание; ветер был как раз подходящий, а так как всем хотелось поскорей попробовать настоящего хлеба, то не было причины откладывать пуск мельницы. В этот день смололи всего два-три буса зерна, и уже на другой день утром к кофе подали великолепный хлеб, хотя тесто было замешано слишком круто. Обитатели Гранитного дворца с удовольствием уплетали мягкий горячий хлеб, радуясь, что наконец-то у них и в этом нет недостатка.

Между тем неизвестный не появлялся. Несколько раз Гедеон Спилет и Герберт искали его в лесу в окрестностях Гранитного дворца, но нигде не встретили неизвестного и даже не нашли его следов. Такое длительное отсутствие всех серьезно встревожило. Бывший дикарь с острова Табор, конечно, легко мог существовать в изобиловавших дичью лесах Дальнего Запада, но возникало опасение, что новое продолжительное отчуждение от людей повлечет за

собой вторичное одичание несчастного, что независимость снова воскресит в нем инстинкты зверя. Несмотря на это, Сайрес Смит продолжал утверждать, что беглец непременно вернется.

– Да, он вернется! – говорил инженер с уверенностью, которую не разделял никто из его товарищей. – Когда этот несчастный жил на острове Табор, он знал, что он одинок! Здесь он знает, что его ждут друзья. Один раз он уже начал говорить с нами о своей прошлой жизни, и я уверен, что этот раскаявшийся преступник непременно к нам вернется и мы услышим от него полную исповедь… В этот день он уже навсегда будет наш!

Дальнейшие события показали, что Сайрес Смит был прав.

3 декабря Герберт, спустившись с плато Дальнего Вида, отправился удить рыбу на южном берегу озера. Как обычно, он не взял с собой никакого оружия, потому что дикие звери еще ни разу не показывались в этой части острова.

В это время Пенкроф и Наб работали на птичнике, а Сайрес Смит и Спилет занимались в Гротах приготовлением соды, необходимой для производства мыла, запас которого почти кончился.

Вдруг раздались крики:

– Помогите! На помощь!

Сайрес Смит и Спилет были слишком далеко и ничего не слышали. Пенкроф и Наб выбежали из птичника и бросились к озеру.

Но еще раньше, чем они успели сбежать с плато, неизвестный, о присутствии которого в этом месте никто не подозревал, перескочил через Глициериновый ручей, отделявший плато от леса, и стрелой понесся по противоположному берегу.

Неожиданная помощь подоспела как раз вовремя. Там перед Гербертом стоял громадный ягуар, похожий на того, которого Гедеон Спилет убил возле пещеры недалеко от мыса Аллигатора. Испуганный неожиданным появлением страшного зверя, Герберт стоял, прижавшись спиной к дереву, а ягуар уже приготовился к прыжку… В эту минуту неизвестный с одним ножом в руке смело бросился на страшного хищника, который забыл уже о Герберте и накинулся на нового врага.

Борьба продолжалась недолго. Неизвестный обладал такой силой и ловкостью, что смело мог сразиться с ягуаром. Левой рукой он схватил ягуара за горло и сжал его как тисками, не обращая внимания на то, что когти зверя впились ему в тело, а правой рукой нанес ему страшный удар ножом прямо в сердце.

Мертвый ягуар упал на землю. Неизвестный оттолкнул его ногой и, увидев приближающихся колонистов, хотел убежать с поля битвы, но Герберт, схватив его, закричал:

– Нет! Нет! Вы не уйдете!

В это время на берег пришел Сайрес Смит, он подошел к неизвестному, который нахмурился, сдвинув брови, при его приближении. Ягуар жестоко поранил своего противника, впереди вся рубашки была порвана в клочья, а из плеча ручьем текла алая кровь, но неизвестный не обращал на это внимания.

– Друг мой, – сказал ему Сайрес Смит, – мы вам очень благодарны за то, что вы сделали. Вы рисковали своей жизнью, спасая этого ребенка!

– Моей жизнью! – прошептал неизвестный. – А чего она стоит? Меньше чем ничего!

– Вы ранены?

– Пустяки.

– Дайте мне пожать вашу руку!

Когда Герберт попытался схватить руку, только что спасшую его, неизвестный быстро отступил, скрестив на груди руки, грудь его бурно вздыхала, опустил глаза и, по-видимому, хотел опять убежать, но, сделав над собой усилие, остановился и резким тоном спросил:

– Кто вы такой? Что вам от меня нужно, наконец?

В первый раз он выразил желание узнать историю колонистов. Это имело громадное значение. Кто знает? Может быть, выслушав рассказ колонистов, он захочет рассказать о себе?

Сайрес Смит в нескольких словах рассказал ему, как они улетели на воздушном шаре из осажденного Ричмонда, как попали на остров Линкольна, сколько они времени живут здесь и как им удалось устроить свою жизнь.

Неизвестный слушал его с большим вниманием.

Затем инженер рассказал ему о себе и других колонистах и добавил, что самую большую радость со времени своего прибытия на остров Линкольна они испытывали в тот день, когда, вернувшись с острова Табор, привезли с собой нового товарища.

При этих словах неизвестный покраснел и низко опустил голову.

— Теперь вы нас всех знаете, — заключил Сайрес Смит, — и надеюсь, не откажетесь протянуть нам руку?

— Нет, — ответил незнакомец глухим голосом, — нет! Вы — честные люди... А я...

Глава семнадцатая

Всегда в стороне. – Просьба неизвестного. – Ферма в корале. – Двенадцать лет назад. – Боцман «Британии». – Один на острове Табор. – Рука Сайреса Смита. – Таинственная записка.

Ответ неизвестного подтвердил предположения колонистов. В прошлом этого несчастного было какое-то преступление. Может быть, он искупил его в глазах людей посторонних, но собственная совесть ему этого не прощала. Вот почему он считал себя не вправе подать руку честным людям, которые не совершили ни одного скверного проступка. Двенадцать лет одиночества на острове Табор – достаточное наказание для того, чтобы искупить какое угодно преступление, но сам виновный думал иначе, осуждая себя на вечное изгнание...

Однако после происшествия с ягуаром он уступил убедительным просьбам и остался на плато.

Какое же преступление на душе у этого человека? Откроет ли он когда-нибудь эту тайну? Ответить на это могло только будущее. Но колонисты твердо решили ни о чем его не расспрашивать и относиться к нему так, как будто они не слышали полупризнания, вырвавшегося у него в минуту нервного возбуждения.

Несколько дней жизнь колонии текла своим обычным чередом. Сайрес Смит и Гедеон Спилет работали вместе, превращаясь то в химиков, то в физиков. Журналист оставлял инженера работать одного только тогда, когда уходил на охоту с Гербертом, потому что после нападения ягуара лес в окрестностях Гранитного дворца уже не мог считаться совершенно безопасным, и было бы крайне рискованно отпускать юношу одного. Наб и Пенкроф тоже были заняты с утра до вечера работой то в конюшне, то на птичнике, то в корале, то дома, в Гранитном дворце.

Неизвестный работал где-нибудь в стороне и снова вел такую же жизнь, как и раньше. Он по-прежнему совсем не показывался в Гранитном дворце, завтракал и обедал отдельно, а ночи проводил под каким-нибудь развесистым деревом на плато. Глядя на него, могло показаться, что неизвестный ненавидит общество людей, которым был обязан своим спасением.

– Но зачем же в таком случае он попросил от нас помощи? – говорил Пенкроф. – Зачем бросил он в море бутылку с запиской?

– Все это он нам сам объяснит, – неизменно отвечал Сайрес Смит.

– Когда?

– Может быть, гораздо раньше, чем вы думаете, Пенкроф.

И в самом деле, день этот был уже близок.

Через неделю после возвращения, 10 декабря, неизвестный вдруг появился в Гранитном дворце и, подойдя к Сайресу Смиту, сказал ему голосом, полным спокойствия и смириения:

– Сэр, у меня есть к вам просьба.

– Говорите, – ответил инженер, – но сначала позвольте мне сказать вам несколько слов. При этих словах неизвестный покраснел и хотел уйти.

Смит понял, что происходит в душе этого раскаявшегося преступника, который, вероятно, подумал, что инженер станет расспрашивать его о прошлом. Сайрес Смит удержал его за руку.

– Послушайте, друг мой, – сказал он, – мы не только такие же люди, как и вы, мы – ваши друзья. Вот и все, что я хотел вам сказать, а теперь говорите, я вас слушаю.

Неизвестный провел рукой по глазам. Он весь дрожал и несколько минут после этого не мог произнести ни слова.

– Сэр, – сказал он, наконец успокоившись, – я пришел просить вас об одной милости.

– О какой?

— В четырех или пяти милях отсюда, у подошвы горы, вы устроили кораль для домашних животных. Эти животные нуждаются в постоянном уходе. Позвольте мне жить там вместе с ними.

Смит поднял глаза и несколько минут молча смотрел на неизвестного с чувством глубокого сожаления. Затем все так же, не опуская глаз, спокойно сказал:

— Друг мой, мы ничего не имеем против этого, но знаете ли вы, что там нет ничего, кроме простых загонов, не очень удобных даже для животных…

— Мне лучшего и не надо, сэр.

— Друг мой, — продолжал Сайрес Смит, — мы никогда ни в чем не будем вам противоречить. Вы хотите жить в корале? Хорошо. Живите там, приходите в Гранитный дворец, — мы всегда будем рады вас видеть. Но, если вы хотите жить в корале, сначала нужно будет произвести там кое-какие переделки, чтобы вы там были удобно устроены.

— Пожалуйста, ничего не делайте для меня, мне и так будет хорошо.

— Друг мой, — ответил Сайрес Смит, намеренно делая ударение на слове «друг», — не отказывайтесь, пожалуйста, и предоставьте нам самим судить, что нам надо для этого сделать.

— Благодарю вас, сэр, — пробормотал неизвестный и сразу же ушел.

Инженер передал своим товарищам слово в слово весь разговор с неизвестным, и с общего согласия было решено построить в корале небольшой деревянный домик вроде тех, какие строят на маленьких фермах.

В тот же день колонисты, не откладывая дело, захватив с собой необходимые инструменты, отправились в кораль и принялись за работу. Меньше чем через неделю дом был готов. Его построили всего в двадцати футах от крайних загонов. С этого места без особого труда можно было наблюдать за всем скотным двором, где одних только муфлонов было уже более восьмидесяти голов. Так же быстро колонисты изготовили и необходимую мебель: кровать, стол, скамейку, шкаф, сундук. Все это было перевезено в кораль вместе с запасом провизии, оружия и различных инструментов.

Неизвестный во все это время ни разу не пришел взглянуть на постройку и предоставил колонистам устраивать все, как они хотят, а сам целые дни работал на плато, желая, по всей вероятности, закончить начатое дело. Работник он был образцовый, и благодаря его трудолюбию весь предназначенный под огород и пашню участок был вскопан самым тщательным образом и мог быть засеян хоть сейчас.

Наконец 20 декабря все работы по устройству в корале помещения для фермера были закончены. Инженер сообщил неизвестному, что новое жилище готово его принять, и тот ответил, что вечером он отправится туда ночевать.

Часов в восемь вечера колонисты по обыкновению собирались вернуться в Гранитный дворец. Неизвестный в это время должен был отправиться на ферму и поселиться в своем новом доме. Не желая стеснять его, колонисты ушли, в этот раз не попрощавшись с неизвестным, который все еще продолжал дичиться их.

После ужина они, собравшись в большом зале, вели оживленную беседу, как вдруг послышался легкий стук в дверь. Затем в комнату вошел неизвестный и без предисловий сказал:

— Господа, прежде чем я с вами расстанусь, я должен вам рассказать историю моей жизни. Слушайте.

Эти простые слова произвели очень сильное впечатление как на Сайреса Смита, так и на остальных колонистов.

Инженер встал.

— Мы ни о чем вас не спрашиваем, друг мой, — сказал он, — вы можете нам ничего не рассказывать.

— Я обязан это сделать.

— Тогда садитесь и рассказывайте.

- Я буду стоять.
- Хорошо. Говорите, мы вас слушаем.

Неизвестный отошел в угол, где на него падала тень. Голова его была обнажена, руки скрещены на груди. Подумав минуту, он глухим голосом, как бы принуждая себя говорить, рассказал им следующую историю, которую колонисты выслушали, не перебивая рассказчика ни одним замечанием.

«20 декабря 1854 года увеселительная паровая яхта «Дункан», принадлежавшая шотландскому лорду Гленарвану, бросила якорь у мыса Бернулли, на западном побережье Австралии, на тридцать семь параллели. На этой яхте находились лорд Гленарван, его жена, один майор английской армии, французский ученый-географ, молодая девушка и юноша. Эти двое последних были детьми капитана Гранта, корабль которого «Британия» погиб со всем грузом всего год назад. «Дунканом» командовал капитан Джон Манглс, а экипаж состоял из пятнадцати шотландцев.

Вот почему яхта эта находилась в это время у берегов Австралии.

За шесть месяцев до этого в Ирландском море экипажем «Дункан» была найдена бутылка, в которой оказалась записка на трех языках: английском, немецком и французском. В этой записке сообщалось, что «Британия» потерпела крушение и что трем людям из экипажа – самому капитану Гранту и двум матросам – удалось спастись и пристать к берегу.

В записке была указана широта места, но цифры долготы были размыты водой, которая попала в бутылку и в некоторых местах смыла чернила до такой степени, что нельзя было разобрать написанного.

Уцелевшие цифры показывали $37^{\circ}11'$ южной широты. А так как долгота была неизвестна, то, чтобы найти капитана Гранта и двух матросов, надо было пройти по тридцать седьмой параллели через моря и материки. Совершив кругосветное путешествие, исследователи, наверное, нашли бы их, если не на континенте, то на каком-нибудь острове, лежащем на этой широте.

Английское адмиралтейство отказалось посыпать экспедицию для розыска потерпевших крушение. Тогда лорд Гленарван решил сам отправиться на поиски и не возвращаться до тех пор, пока не найдет капитана Гранта. Мери и Роберт Грант обратились к нему. Яхта «Дункан» была снаряжена для дальнего похода, в котором пожелали принять участие семейство Гленарвана и дети капитана Гранта. Выйдя из Глазго, «Дункан» направился в Атлантический океан, обогнул Магелланов пролив и поднялся по Тихому океану до Патагонии, где, судя по первоначальному толкованию записи, рассчитывали найти капитана Гранта, взятого в плен туземцами.

«Дункан» высадил своих пассажиров на западном берегу Патагонии и затем повернул назад, чтобы забрать их на восточном берегу, у мыса Корриентес.

Лорд Гленарван пересек Патагонию, следуя по тридцать седьмой параллели, но не нашел никаких следов капитана. 13 октября он снова сел на яхту и отправился в том же направлении, чтобы продолжать свои поиски на океанских островах.

Осмотрев острова Тристан-да-Кунья и Амстердам, лежавшие на пути «Дункана» и не найдя там капитана Гранта, яхта, как я уже говорил, бросила якорь у мыса Бернулли на австралийском берегу 20 декабря 1854 года.

Лорд Гленарван предполагал пересечь Австралию точно так же, как он пересек Южную Америку, и высадился на сушу. В нескольких милях от берега стояла ферма, принадлежавшая одному ирландцу, гостеприимно принявшему путешественников. Лорд Гленарван в разговоре сообщил этому ирландцу о цели своего путешествия и, между прочим, спросил его, не слышал ли он чего-нибудь о крушении английского трехмачтового корабля «Британия» возле западных берегов Австралии не более двух лет назад.

Ирландец ответил, что ничего не слышал об этом корабле, но вдруг один из находившихся у ирландца в услужении людей, слышавший весь разговор, подошел к лорду и сказал:

— Милорд, благодарите Бога. Если только капитан Грант еще жив, он живет на австралийской земле.

— Кто вы такой? — спросил лорд Гленарван.

— Шотландец, как и вы, милорд, — ответил этот человек. — Я один из спутников капитана Гранта, один из потерпевших крушение на «Британии».

Этого человека звали Айртон. Он служил боцманом на «Британии», что он и доказал, представив документы. Потеряв капитана Гранта из виду в ту минуту, когда корабль разбился о скалы, он до сих пор был уверен, что капитан его погиб вместе со всей командой и только ему одному удалось спастись.

— Но, — добавил Айртон в заключение, — «Британия» погибла не на западном, а на восточном берегу Австралии, и если капитан Грант еще жив, как вы думаете на основании найденной вами записи, он теперь должен быть в плену у австралийских туземцев, и искать его надо не здесь, а на восточном берегу.

Человек этот смотрел прямо в глаза и говорил твердым, уверенным голосом. Сомневаться в его словах не было оснований. Ирландец, у которого он прослужил больше года, ручался за него. Лорд Гленарван поверил рассказу этого человека и, по его совету, решил пересечь Австралию вдоль тридцать седьмой параллели.

Лорд Гленарван, его жена, двое детей капитана Гранта, майор, француз, Манглс и несколько матросов вошли в состав небольшого отряда под предводительством Айртона, а «Дункан» под командой помощника капитана Тома Остина должен был отправиться в Мельбурн и ожидать там дальнейших распоряжений лорда Гленарвана.

23 декабря 1854 года отряд отправился в путь.

Теперь надо вам сказать, что этот Айртон был предателем. Он действительно служил боцманом на «Британии», но поссорился с капитаном, попытался вызвать бунт среди экипажа и захватить корабль. Капитан Грант вовремя узнал об этом и 8 апреля 1852 года высадил Айртона на западном берегу Австралии, что было вполне справедливым и даже легким наказанием.

Таким образом, этот негодяй ничего не знал о гибели «Британии» и услышал об этом в первый раз из рассказа лорда Гленарвана. После невольной высадки на австралийский берег Айртон под именем Бена Джойса стал атаманом шайки беглых преступников. Если же он так нагло утверждал, что крушение «Британии» произошло возле восточного берега, если он уговорил лорда Гленарвана идти туда пешком, то все это он делал для того, чтобы завлечь лорда Гленарвана и часть экипажа подальше в глубь страны, а самому завладеть «Дунканом» и превратить его в пиратское судно».

Здесь голос неизвестного задрожал. Он замолчал, но вскоре справился с собой и продолжил рассказ:

«Экспедиция отправилась через австралийскую землю. Понятно, что она оказалась неудачной, потому что во главе ее стоял Айртон, или Бен Джойс, все это время он постоянно поддерживал связь со своей разбойничьей шайкой, которая уже знала о предполагаемом выгодном дельце.

Между тем «Дункан» достиг Мельбурна и занялся там мелким ремонтом. Нужно было уговорить лорда Гленарвана послать на яхту приказ выйти из Мельбурна и отправиться к восточному берегу Австралии, где разбойникам было бы нетрудно овладеть судном. Айртон ловко завел весь отряд в обширные леса на востоке Австралии, где всем приходилось переносить страшные лишения. Обманом негодяй добился у лорда Гленарвана письменного приказания помощнику капитана «Дункана» прибыть к восточному берегу и дожидаться его в бухте Туфольд, находившейся всего в нескольких днях пути от места, где остановилась экспедиция. Айртон вызвался доставить письмо и в то же время назначил своим сообщникам свидание вблизи бухты Туфольд для нападения на яхту.

Но в ту минуту, когда предатель уже собирался взять это письмо, он неожиданно был разоблачен, и ему оставалось только бежать. Но, спасаясь бегством, он решил завладеть письмом, которое должно было отдать «Дункан» в его руки. Все получилось так, как он хотел, письмо было украдено, и через двое суток Айртон был уже в Мельбурне.

До сих пор преступнику удавались его гнусные замыслы. Он рассчитывал, что письмо заставит повиноваться командира яхты, и он отведет ее в бухту Туфольд, там разбойники нападут на корабль, перебьют экипаж, завладеют судном, и Бен Джойс станет хозяином этих вод...

Добравшись до Мельбурна, Айртон передал письмо помощнику капитана Тому Остину, который тотчас же отдал приказ сняться с якоря. Но каковы же были разочарование и гнев Айртона, когда на следующий день после выхода в море он узнал, что помощник капитана держит курс не к восточному берегу Австралии в бухту Туфольд, а к восточному берегу Новой Зеландии. Он сказал Остину, что тот идет совсем не туда, куда надо, но вместо ответа Остин показал ему письмо...

И что же оказалось... Французский ученый, который написал это письмо, ошибся и указал местом назначения восточный берег Новой Зеландии.

Все планы Айртона разбивались в прах! Он попытался поднять бунт. Его заперли в трюм. Его увезли на Новую Зеландию, и он не мог даже надеяться узнать, что стало с его сообщниками и лордом Гленарваном.

«Дункан» крейсировал вдоль восточных берегов Новой Зеландии до 3 марта. В этот день Айртон слышал выстрелы. Это стреляли пушки «Дункана», и вслед за тем лорд Гленарван со всеми своими людьми вступил на палубу яхты.

Вот что произошло.

После долгих лишений, подвергаясь опасности, лорд Гленарван в конце концов добрался до бухты Туфольд на восточном берегу Австралии. «Дункана» там не было. Он телеграфировал в Мельбурн, ему ответили, что «Дункан» ушел 18-го числа текущего месяца, но куда – неизвестно.

Лорд Гленарван мог предположить только одно: его яхта попала в руки Бена Джойса и превратилась в пиратское судно.

Несмотря на это, лорд Гленарван все-таки решил не сдаваться и продолжать поиски капитана Гранта. Этот аристократ был человеком смелым и великодушным. Он нанял торговое судно, приказал отвезти себя к западному берегу Новой Зеландии и пересек материк по тридцать седьмой параллели, но и здесь не обнаружил капитана Гранта. Однако на другом берегу, к своему большому удивлению, он нашел «Дункан» под командой Тома Остина, который здесь дожидался его прибытия уже целых пять недель!

Это было 3 марта 1855 года. В этот день лорд Гленарван вновь был на борту «Дункана», а внизу сидел в заключении Айртон. Лорд Гленарван потребовал преступника к себе и просил его чистосердечно рассказать все, что он знает о капитане Гранте. Айртон отказался отвечать. Тогда лорд Гленарван сказал ему, что на первой же остановке его передадут английским властям. Айртон хранил молчание.

«Дункан» поплыл дальше, стараясь держаться на тридцать седьмой параллели. Между тем леди Гленарван попыталась преодолеть сопротивление бандита. Наконец влияние ее взяло верх, и Айртон заявил, что скажет истинную правду, если лорд Гленарван даст ему обещание высадить его на каком-нибудь острове Тихого океана, вместо того чтобы передать английским властям. Лорд Гленарван, готовый на все, что касалось капитана Гранта, охотно согласился.

Тогда Айртон рассказал всю свою жизнь, и из его рассказа выяснилось, что он ничего не знает с тех пор, как капитан Грант высадил его на австралийский берег.

Тем не менее лорд Гленарван сдержал данное слово. «Дункан» продолжал свой путь и достиг острова Табор. Здесь решено было высадить Айртона, и здесь же, как раз на тридцать седьмой параллели, каким-то чудом нашли капитана Гранта и двух матросов. Преступника оставили на этом пустынном острове. Перед высадкой лорд Гленарван сказал ему на прощание:

– Здесь, Айртон, вы будете жить вдали от людей и не сможете поддерживать связь с близними. Вам не удастся убежать с этого уединенного острова, на котором вас оставляет «Дункан». Вы останетесь здесь один. Но вы не будете здесь покинуты навсегда, как капитан Грант. Хотя своими гнусными поступками вы заслуживаете полное презрение, найдутся люди, которые вспомнят о вас, когда придет время. Я знаю, где вы будете жить, Айртон. Я знаю, где вас найти. Я никогда не забуду об этом!

Затем «Дункан» отчалил и вскоре исчез из виду.

Это было 18 марта 1855 года.

Айртон остался один. Но его снабдили оружием, боевыми припасами, зерном и всеми необходимыми инструментами. Кроме того, преступник мог воспользоваться домом, построенным капитаном Грантом. Словом, он мог жить там, пользуясь почти всеми удобствами и искупить в одиночестве совершенные преступления.

Господа, он раскаялся, он стыдился своих преступлений и был очень несчастен. Он сказал себе, что, если когда-нибудь эти люди приедут за ним на этот островок, он должен быть достоин вернуться в их общество! Как он страдал, несчастный! Как он трудился, не оставаясь ни одной минуты праздным! Как он молился, вымаливая себе прощение!

Так прошло два, три года. Что бы ни делал Айртон, подавленный одиночеством, взоры его были обращены на море. Он все ждал, не покажется ли на горизонте какой-нибудь корабль... Он все время спрашивал себя, когда же окончится назначенный срок испытания... Эти годы он страдал так, как не страдал еще никто из людей! Ах, как тяжела жизнь в уединении для человека, которого гложет раскаяние за совершенные преступления!

Но, вероятно, судьба посчитала, что этот преступник еще недостаточно наказан, так как понемногу он начал замечать, что становится дикарем!.. Он сознавал, что из человека превращается в животное!.. Он не знает и не может сказать вам, когда это случилось... Прошло два или, может быть, четыре года уединенной жизни, но только он наконец превратился в то несчастное существо, которое вы нашли!..

Мне незачем говорить вам, господа, что Айртон, или Бен Джойс, – это я!»

Сайрес Смит и его товарищи при последних словах неизвестного невольно поднялись на ноги. Трудно выразить, до какой степени они были потрясены! Столько горя, столько страданий и отчаяния выпало на долю этого несчастного!

– Айртон, – сказал Сайрес Смит, – вы были преступником, но и перед Богом и перед людьми вы искупили свои преступления! Бог простил вас, позволив вам снова вернуться в среду людей... Вы прощены, Айртон, вы искупили свою вину! А теперь я еще раз спрашиваю вас, хотите вы быть нашим товарищем?

Айртон сделал шаг назад.

– Вот вам моя рука! – продолжал инженер.

Айртон схватил руку, которую ему протягивал Сайрес Смит, и крупные слезы потекли из его глаз.

– Хотите вы жить с нами? – спросил Смит.

– Мистер Смит, отложите этот вопрос еще на некоторое время, – ответил Айртон. – Позвольте мне пожить сначала одному на ферме, в корале!

– Как хотите, Айртон, – ответил Сайрес Смит.

Айртон уже собрался уходить, когда инженер задал ему последний вопрос:

– Еще одно слово, друг мой. Если вы так хотели жить в одиночестве, то зачем же вы бросили в море бутылку с запиской, которая, собственно, и навела нас на ваши следы?

– Записка? – переспросил Айртон, по-видимому не понимая, о чем его спрашивают.

– Да, записка, которую вы вложили в бутылку, в ней были указаны точные координаты острова Табор!

Айртон провел рукой по лбу. Подумав немного, он сказал:

– Я никогда не бросал в море никаких записок!

– Никогда? – воскликнул Пенкроф.

– Никогда.

И Айртон, поклонившись, повернулся к двери и ушел.

Глава восемнадцатая

Беседа. – Сайрес Смит и Гедеон Спилет. – Идея инженера. – Электрический телеграф. – Проволока. – Гальваническая батарея. – Алфавит. – Лето. – Колония процветает. – Фотографии. – Эффект снега. – Два года на острове Линкольна.

Несчастный человек! – сказал Герберт, который инстинктивно бросился к двери, но, увидев, что Айртон уже спустился вниз по веревке подъемника и исчез в темноте, вернулся назад.

– Не беспокойся, он вернется! – уверенно сказал Сайрес Смит.

– Послушайте, мистер Смит, – заговорил Пенкроф, – что же это значит? Оказывается, Айртон и не думал бросать бутылку в море? Кто же в таком случае это сделал?

Если и нужно было о чем-нибудь спрашивать, так именно об этом. Ответ Айртона не разъяснил ничего, а знать это было необходимо.

– А я уверен, что это сделал именно он, – заметил Наб, – но только он этого не помнит, потому что в то время был уже наполовину сумасшедший.

– Да, – сказал Герберт, – наверное, он сам хорошо не сознавал, что делал.

– Это единственное объяснение, друзья мои, – оживленно сказал Сайрес Смит. – Теперь я понимаю, что Айртон мог точно указать местоположение острова Табор, потому что события, предшествовавшие его высадке на остров, давали ему эти знания!

– Однако, – заметил Пенкроф, – если он не был еще животным, когда писал эту записку, и если прошло семь-восемь лет с того времени, как он бросил бутылку в море, то почему же бумага нисколько не пострадала от морской воды?

– Это доказывает, – ответил Сайрес Смит, – что Айртон лишился рассудка гораздо позже, чем он думает.

– Конечно, так и должно быть, – согласился Пенкроф, – иначе эту историю нельзя объяснить.

– Да, этого объяснить пока нельзя, – сказал инженер, по-видимому не желая продолжать этот разговор.

– Но правду ли сказал Айртон? – спросил Пенкроф.

– Да, – ответил Спилет. – Рассказанная им история правдива от начала до конца. Я прекрасно помню, что в свое время в газетах писали о поисках капитана Гранта.

– Айртон сказал правду, – добавил Сайрес Смит, – не сомневайтесь в этом, Пенкроф, потому что он был слишком беспощаден к себе самому. Человек не может говорить неправду, обвиняя себя таким образом!

На следующий день, 21 декабря, колонисты спустились на побережье и, взобравшись на плато, не нашли там Айртона. Айртон ночью отправился в свой домик в корале, и колонисты решили пока его не беспокоить. Время само сделает то, чего они не могли добиться словами.

Герберт, Пенкроф и Наб приступили к своим обычным занятиям, а Сайрес Смит и Спилет отправились работать в мастерскую, устроенную в Гротах.

– Знаете что, дорогой Сайрес, – сказал Гедеон Спилет, – меня, признаюсь вам, совсем не удовлетворило ваше объяснение по поводу этой записки! Неужели и вы допускаете, что этот несчастный написал записку, вложил ее в бутылку и бросил в море, а потом забыл об этом?

– Он не писал записку и не бросал бутылку в море, дорогой Спилет.

– Так вы думаете...

– Я ничего не думаю, ничего не знаю! – ответил Сайрес Смит, перебивая журналиста. – Я ограничиваюсь тем, что причисляю этот случай к числу тех, которые я не могу объяснить себе до сих пор!

— Да, Сайрес, если сказать правду, — продолжал Гедеон Спилет, — все это очень загадочно! Ваше спасение, ящик, выброшенный на песок, случай с Топом, наконец, эта бутылка... Неужели нам никогда так и не удастся узнать эту тайну?..

— Узнаем, непременно узнаем, — перебил его инженер, — хотя бы мне пришлось для этого обыскать этот остров до самого его дна!

— Может быть, случай даст нам ключ к загадке!

— Случай!.. И это говорите вы, Спилет. Я не верю в эти случаи точно так же, как не верю во все таинственное на этом свете. Всем этим необъяснимым происшествиям есть причина, и я найду ее... А пока будем наблюдать и работать.

Наступил январь 1867 года. Летние работы велись с большим усердием. Герберт и Гедеон Спилет, отправляясь за дичью, ареной для своих охотничьих подвигов выбирали преимущественно окрестности Красного ручья и часто заходили в кораль, где теперь поселился Айртон. Возвращенный к жизни и раскаявшийся преступник с полным знанием ухаживал за порученными его заботам животными, и колонисты теперь были освобождены от этой обязанности и только заглядывали в гости к новому фермеру, не желая оставлять его одного надолго. Айртон с каждым днем все меньше и меньше дичился своих товарищей.

Инженер и Гедеон Спилет сочли возможным сообщить ему о своих подозрениях, и Айртон взял на себя наблюдение за местностью, прилегающей к коралю. В случае каких-нибудь происшествий, которые могли пролить свет на интересующие всех явления, он обещал немедленно дать знать об этом обитателям Гранитного дворца.

Но могло случиться, что Айртону понадобится немедленно вызвать к себе кого-нибудь на помощь. Не говоря уже об обстоятельствах, связанных с тайной острова Линкольна, могли произойти и другие события, о которых необходимо было знать всем колонистам. Айртон мог увидеть проходящее ввиду западного берега острова судно, стать свидетелем кораблекрушения или набега пиратов и т. д.

Поэтому Сайрес Смит решил обеспечить более быстрое сообщение между фермой и Гранитным дворцом и 10 января рассказал об этом проекте своим товарищам.

— Что и говорить, это было бы очень хорошо... Но только как же вы это устроите, мистер Сайрес? — спросил Пенкроф. — Уж не собираетесь ли вы проводить телеграф?

— Именно, — ответил инженер.

— Электрический? — спросил Герберт.

— Электрический, — ответил Сайрес Смит. — У нас есть все необходимое для того, чтобы сделать батарею. Труднее всего будет вытянуть телеграфную проволоку, но я думаю, что и это удастся сделать...

— Ну, значит, для вас нет ничего невозможного! — в восторге воскликнул моряк. — Так мы в один прекрасный день построим здесь железную дорогу!

Скорейшее осуществление проекта инженера было очень важно, поэтому колонисты немедленно принялись за работу, начав с самого трудного, то есть с изготовления проволоки, потому что, если бы это не удалось, незачем было бы делать и все остальное.

На острове Линкольна, как известно, имелась железная руда превосходного качества, вполне пригодная для изготовления тонкой проволоки. Сайрес Смит начал с устройства волочильни, то есть стальной пластины с коническими отверстиями различного диаметра. Последовательно пропуская сквозь них железные прутья, их можно было вытянуть в проволоку желаемой толщины. Эту стальную пластину сначала отлично закалили, а потом прочно закрепили в большой неподвижной раме, врытой в землю всего в нескольких футах от большого водопада, силу которого инженер хотел использовать еще раз.

Там стояла ваяльная машина, которая в это время не работала, но Сайрес Смит рассчитывал вытягивать проволоку, наматывая ее на вал этой машины, приводимый в движение мощной силой воды.

Работа была нелегкой и, кроме знаний, требовала еще и большого терпения. Тонкие длинные прутья мягкого железа, заостренные с одного конца, протаскивались сначала через самое большое отверстие в стальной пластине, наматывались на вал и в результате получались куски толстой проволоки длиной футов в двадцать пять – тридцать. Затем эти прутья прошли через весь ряд отверстий, с каждым разом уменьшаясь в диаметре и увеличиваясь в длину. В конце концов инженер получил куски тонкой проволоки длиной от сорока до пятидесяти футов, которые нетрудно уже было соединить и протянуть на столбах на расстоянии пяти миль между коралем и Гранитным дворцом.

Приготовление проволоки заняло всего несколько дней, причем инженер только показал своим товарищам, как и что надо делать, а затем предоставил им самим справляться с этой работой, а сам занялся изготовлением электрической батареи.

Сайрес Смит после зрелых размышлений решил сделать простую батарею, руководствуясь способом Беккереля, сделавшего свое открытие в 1820 году.

Инженер изготовил несколько больших стеклянных банок и наполнил их азотной кислотой. Каждая банка была герметически закрыта пробкой, сквозь которую проходила стеклянная трубка, нижний конец которой, закупоренный с помощью глиняной втулки и обмотанный тряпкой, был погружен в азотную кислоту. Затем он налил в трубочку раствор поташа, предварительно добывшего путем сжигания различных морских растений. Таким образом кислота и поташ могли взаимодействовать через глиняную втулку.

Затем Смит взял две цинковые пластинки, одну из них погрузил в азотную кислоту, а другую – в раствор поташа. Тотчас же возник электрический ток, который направлялся от пластинки, погруженной в банку, к пластинке, находившейся в трубке, по тонкой металлической проволоке, причем пластинка в трубке была положительным полюсом, а пластинка в банке – отрицательным. Каждая банка представляла собой источник тока, соединив все банки, инже-

нер получил настолько сильную батарею, что ее было вполне достаточно для устройства телеграфного сообщения между Гранитным дворцом и коралем.

С 6 февраля начали устанавливать телеграфные столбы, снабженные стеклянными изоляторами, которые должны были поддерживать проволоку вдоль всей дороги в кораль. Спустя несколько дней проволока была натянута и могла проводить электрический ток со скоростью сто тысяч километров в секунду.

Инженер установил две батареи: одну в Гранитном дворце, другую в корале, потому что может возникнуть необходимость передавать сообщения не только из кораля в Гранитный дворец, но и из Гранитного дворца на ферму.

Устройство телеграфного аппарата на конечных станциях тоже было самое простое. Концы телеграфной проволоки были прикреплены к электромагниту, то есть куску мягкого железа, обмотанному проволокой. Когда включали ток, он направлялся от положительного полюса одной станции по проволоке, проходил в электромагните на другой и возвращался через землю к отрицательному полюсу. Поэтому достаточно было поместить перед электромагнитом мягкую железную пластинку, которая притягивалась бы или, лучше сказать, приподнималась в то время, когда проходил ток, и опускалась бы в те моменты, когда он прерывался. Затем Сайрес Смит соединил эту пластинку тонкой проволокой со стрелкой, укрепленной на диске, по окружности которого в строгом порядке были написаны все буквы алфавита. С этого момента станции могли переписываться между собой.

Установку телеграфа закончили 12 февраля. В этот день Сайрес Смит по новому телеграфу отправил первую депешу из Гранитного дворца на ферму с вопросом, все ли благополучно в корале, а несколько секунд спустя уже получил ответ от Айртона.

Пенкроф ликовал и с этого времени обязательно каждый день утром и вечером посыпал на ферму телеграммы, никогда не остававшиеся без ответа.

Этот способ связи имел два вполне реальных преимущества: во-первых, колонисты в любой момент могли узнать, на ферме ли Айртон, а во-вторых, изгнаник с острова Табор теперь уже не оставался одиноким. Впрочем, Сайрес Смит не реже одного раза в неделю навещал отшельника на ферме, а затем и сам Айртон время от времени стал появляться в Гранитном дворце, где, конечно, его всегда радушно принимали.

Незаметно в обычных работах прошло лето. Запасы колонии, главным образом, овощные и зерновые, заметно увеличивались день ото дня, а растения, привезенные Гербертом с острова Табор, отлично принялись. Плато Дальнего Вида стало настоящей житницей колонии. Четвертый урожай пшеницы оказался превосходным, и на этот раз никто уже не стал проветрять, удалось ли собрать четыреста миллиардов зерен. Впрочем, Пенкроф хотел этим заняться, но отказался от своего намерения, когда Сайрес Смит объяснил ему, что даже если ему удастся отсчитывать по триста зерен в минуту или девять тысяч зерен в час, то, чтобы сосчитать все количество зерен, потребуется около пяти тысяч пятисот лет.

Погода стояла прекрасная, хотя днем даже в тени было очень жарко, но к вечеру ветер с моря смягчал дневную жару, и по ночам бывало довольно прохладно. За лето пронеслось несколько кратковременных гроз, они обрушивались на остров Линкольна с необыкновенной силой. Несколько часов подряд молнии во всех направлениях прорезали тучи, и непрерывно раздавались раскаты грома.

Маленькая колония процветала. Население птичьего двора увеличилось до таких размеров, что появилась необходимость сократить его до более скромных цифр, что достигалось путем употребления в пищу обитателей птичника. Молодые пороссята требовали более щадительного ухода, и это поглощало много времени у Наба и Пенкрофа. На онагги, принесших двух красивых «ослят», как их называл моряк, чаще всего ездили верхом Гедеон Спилет и Герберт, который под руководством журналиста стал прекрасным наездником. Кроме того, их

запрягали в повозку, чтобы перевозить в Гранитный дворец дрова, уголь и различные полезные ископаемые, которые были нужны инженеру.

За это время колонисты совершили несколько экспедиций в дремучие леса Дальнего Запада. Исследователи направлялись туда, не боясь жары, потому что солнечные лучи едва проникали сквозь густую листву, раскинувшуюся над их головами. Таким образом, они обошли весь левый берег реки Милосердия до устья ручья Водопада.

На эти экскурсии колонисты отправлялись всегда хорошо вооруженными, так как довольно часто встречали стада злых диких кабанов, которым иногда приходилось давать отпор.

Как раз в эту пору колонисты вели непримиримую войну с ягуарами. Гедеон Спилет питал к ним особенную ненависть, и его ученик Герберт был ему хорошим помощником. При том оружии, какое они имели, они не боялись встречи с этими хищниками. Герберт проявлял безудержную отвагу, журналист отличался поразительным хладнокровием. В результате уже около двадцати великолепных шкур украшали большой зал Гранитного дворца. Со временем охотники надеялись окончательно уничтожить этих хищников на острове Линкольна.

Иногда и Сайрес Смит принимал участие в экспедициях, когда исследователи направлялись в неизвестные еще части острова, которые он тщательно изучал. В самых глухих участках леса он искал другие следы, а вовсе не следы животных, однако ему ни разу не попалось на глаза ничего подозрительного. При этом и Топ, и Юп, сопровождавшие Смита, вели себя спокойно, а между тем собака часто все так же с лаем металась у отверстия колодца, который осматривал инженер без всякого результата.

Гедеон Спилет с помощью Герberта сделал несколько фотографических снимков наиболее живописных видов острова, пользуясь найденным в ящике фотоаппаратом, до этого еще ни разу не бывшим в употреблении.

К этому аппарату с мощным объективом имелись все необходимые принадлежности: колодий для обработки стеклянных пластинок, азотнокислое серебро, чтобы сделать их светочувствительными, гипосульфит для фиксажа, хлористый аммоний, в котором выдерживается бумага для печатания снимков, уксуснокислый натрий и хлористое золото для пропитывания бумаги, – словом, ни в чем не было недостатка. Даже сама бумага была уже пропитана хлором, так что перед тем, как печатать снимки, ее оставалось только продержать несколько минут в водном растворе азотнокислого серебра.

Вскоре Спилет и Герберт стали прекрасными фотографами и сделали очень удачные снимки пейзажей. Фотографы сняли вид на гору Франклина с плато Дальнего Вида, устье реки Милосердия, живописно окаймленное высокими скалами, долину короля, примыкавшую к нижним уступам горы, прихотливо очерченные мыс Находки и мыс Когтя и т. д.

Кроме того, фотографы сняли портреты всех обитателей острова без исключения.

– Это увеличит население, – шутил по этому поводу Пенкроф.

Он был в восторге при виде своих безукоризненно похожих портретов, получившихся довольно удачно. Портреты всех колонистов украшали стены Гранитного дворца, и Пенкроф довольно часто останавливался перед ними с таким же удовольствием, с каким прохожие любуются на роскошные витрины Бродвея.

Но лучше всего удалась фотография мастера Юпа. Мастер Юп позировал с таким серьезным видом, что на него нельзя было смотреть без смеха, но зато портрет его вышел очень и очень удачным.

– Он вот-вот скроет гримасу! – кричал Пенкроф.

И если бы мастер Юп остался недоволен, то это означало бы, что угодить ему очень трудно, но обезьяна была в восторге и с таким комично-серезным видом рассматривала свое изображение, что невольно вызывала улыбку.

Сильная жара окончилась в марте. Довольно часто шли осенние дожди, но было еще довольно тепло. В этом году март, соответствующий сентябрю северных широт, не был таким хорошим, как на то можно было рассчитывать. По всей вероятности, это обещало раннюю и суровую зиму.

Однажды колонистам даже показалось, что выпал первый снег. Утром 21 марта Герберт, подойдя к одному из окон Гранитного дворца, вдруг крикнул:

– Вот это да! Все покрыто снегом!

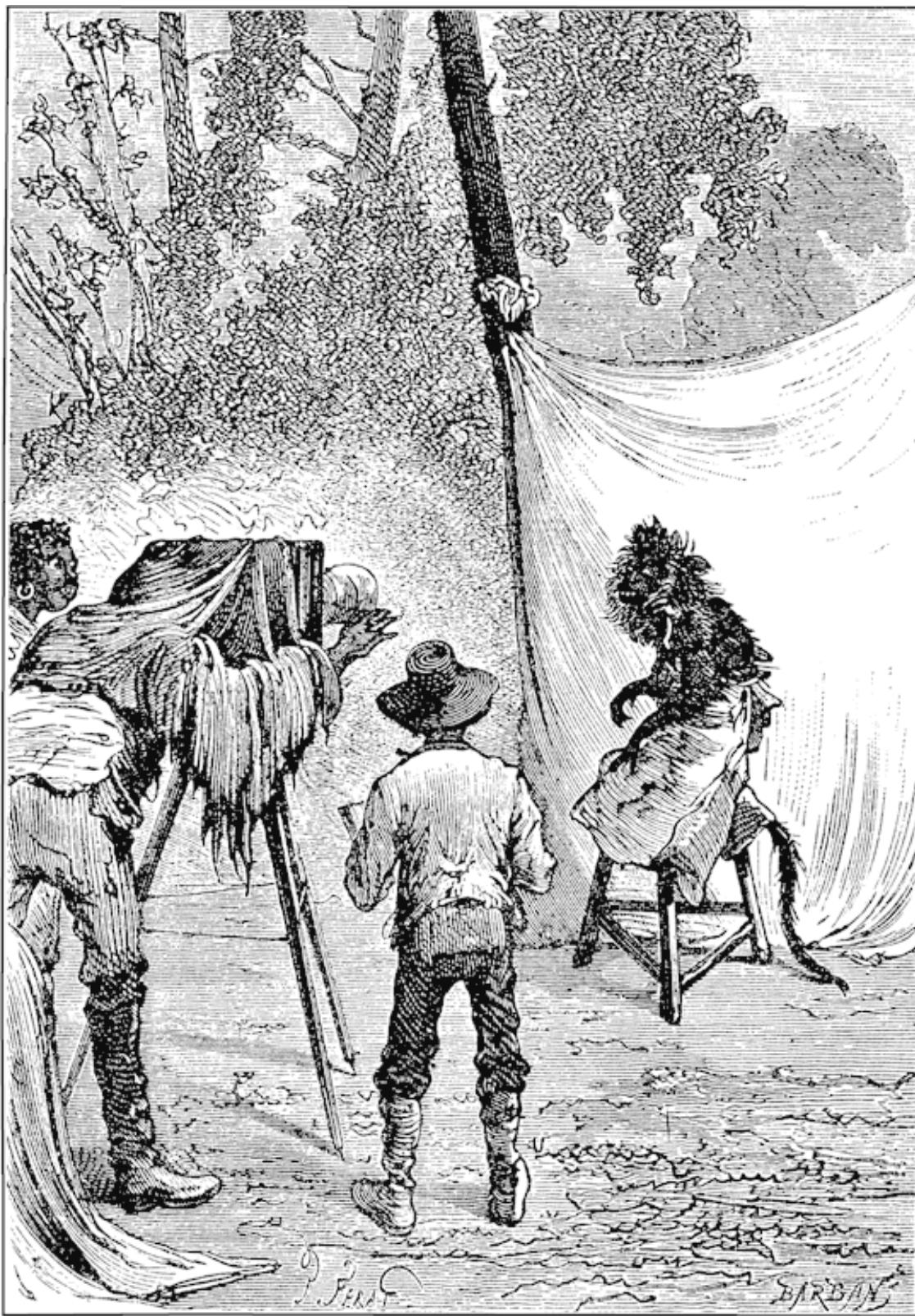
– Снег? В это время? – с удивлением спросил Спилет, подходя к Герберту.

Остальные колонисты присоединились к ним и с удивлением увидели, что не только остров Спасения, но и все побережье вблизи Гранитного дворца покрыто белым ковром выпавшего снега.

– Однако это настоящий снег! – сказал Пенкроф.

– Или что-нибудь вроде него, – ответил Наб.

– Но сегодня ведь только 21 число и термометр показывает 14° выше нуля, – заметил Гедеон Спилет.

Сайрес Смит смотрел на белый покров и не произносил ни слова, потому что не знал, как объяснить такой феномен в это время года и при подобной температуре.

— Тысяча чертей! — вскрикнул Пенкроф. — Наши плантации погибнут!

Моряк уже собирался спуститься вниз, но его перегнал ловкий Юп, соскользнувший по веревке на землю.

Но не успел еще орангутанг коснуться земли, как белоснежный покров поднялся и рассился в воздухе бесчисленными хлопьями, которые на некоторое время даже заслонили солнечный свет.

– Птицы! – крикнул Герберт.

Внизу и в самом деле были целые тучи морских птиц с ярко-белыми перьями. Сотни тысяч этих пернатых опустились на остров и белым, как снег, ковром покрыли все побережье, а затем так же быстро исчезли. Колонисты, как в волшебной феерии, с удивлением любовались этой эффектной сменой зимней декорации на летнюю, так что ни корреспондент, ни Герберт не успели пристрелить хотя бы одну из этих птиц, чтобы определить, какой она породы.

Через несколько дней, 26 марта, исполнилось ровно два года с того дня, как потерпевшие крушение в воздухе были выброшены на островок Спасения.

Глава девятнадцатая

Воспоминания о родине. – Надежды на будущее. – Проект исследования берегов острова. – Отплытие. – Вид с моря на Змеиный полуостров. – Базальтовые скалы на западном берегу. – Ненастье. – Ночь. – Новая загадка.

Уже два года! И целых два года колонисты не имели никакого сообщения с остальным миром! Затерянные среди океана, они ничего не знали о том, что происходило в цивилизованных странах, как если бы находились не на острове, а на самом отдаленном астероиде Солнечной системы.

Что происходит в это время у них на родине? Родина страдала от междуусобной войны в то время, когда они ее покинули, может быть, и теперь восстание Юга еще обагряет кровью ее землю! Колонисты часто говорили о гражданской войне, никогда, впрочем, не сомневаясь, что правое дело Севера восторжествует к чести американской конфедерации.

За эти два года ни один корабль не проходил в виду острова, во всяком случае, колонисты не заметили ни одного паруса. Очевидно, остров Линкольна находился в стороне от морских дорог, кроме того, он не был обозначен ни на одной карте, хотя за неимением других портов он мог бы стать местом стоянки для судов, которые здесь же могли возобновить и запасы пресной воды. Но океан вокруг, насколько его мог охватить взор, всегда оставался пустынным, и, чтобы вернуться на родину, колонисты могли рассчитывать только на самих себя.

Впрочем, существовал лишь один шанс на спасение, и однажды, в первую неделю апреля, колонисты обсуждали его, собравшись в большом зале Гранитного дворца.

Как раз речь зашла об Америке, о родной стране, увидеть которую они уже почти не надеялись.

– У нас остается только один способ покинуть остров Линкольна, – сказал Гедеон Спилет. – Надо будет построить такое большое судно, чтобы оно могло выдержать плавание на расстояние нескольких сотен миль. Мне кажется, что если мы сумели построить «Бонавентур», то сумеем построить корабль и побольше!

– И отправиться на остров Туамоту, – добавил Герберт, – точно так же, как мы ездили на остров Табор!

– Я этого не отрицаю, – сказал Пенкроф, которому всегда принадлежал решающий голос в морских вопросах. – Я не говорю нет, хотя короткое и дальнее плавание – не совсем одно и то же. Если наше суденышко и потрапал шторм во время возвращения с острова Табор, то ведь мы знали, что находимся недалеко от своего острова; но проплыть тысячу двести миль – это немалый конец, а до ближайшей земли придется плыть не меньше!

– А что, Пенкроф, если бы представился случай, вы, наверное, не отказались бы совершить такое путешествие? – спросил журналист.

– Отчего же, попытаться можно, мистер Спилет, – ответил моряк. – Вы хорошо знаете, что не в моих правилах отступать.

– Не забывайте при этом, что у нас прибавился еще один моряк, – сказал Наб.

– Кто? – спросил Пенкроф.

– Айртон.

– Это верно, – сказал Герберт.

– Если бы он только согласился уехать с нами! – заметил Пенкроф.

– Неужели вы думаете, – сказал корреспондент, – что, если бы яхта Гленарвана появилась у острова Табор, когда Айртон там еще жил, он отказался бы с ним уехать?

– Вы забываете, друзья мои, – вмешался Сайрес Смит, – что Айртон уже не владел рассудком в последние годы своего пребывания на острове. Но вопрос не в этом. Нам нужно знать, можем ли мы рассчитывать и когда именно на возвращение шотландской яхты как на лишний

шанс на спасение. Лорд Гленарван обещал Айртону приехать за ним на остров Табор, когда он сочтет, что тот искупил свое преступление, и я думаю, что он вернется.

— Да, — согласился Спилет, — и я думаю, что он должен вскоре приехать за ним, потому что Айртон уже двенадцать лет провел в одиночестве на острове Табор!

— Ну да! — сказал Пенкроф. — Я вполне с вами согласен, что лорд вернется. Но где он станет искать его? Конечно, на острове Табор, а не на острове Линкольна.

— Это тем более вероятно, — добавил Герберт, — что остров Линкольна даже не значится на картах.

— Поэтому, друзья мои, — продолжал инженер, — мы должны принять меры, чтобы о нашем пребывании и присутствии Айртона на острове Линкольна было бы известно на острове Табор.

— Конечно, — сказал Спилет, — и мы должны немедленно написать записку с указанием местоположения нашего острова и затем положить ее на видном месте в домике, где жили капитан Грант и Айртон. Гленарван и его экипаж, несомненно, должны найти эту записку.

— Досадно, — заметил Пенкроф, — что мы забыли принять эту предосторожность во время нашего первого путешествия на остров Табор.

— Разве мы могли это предвидеть? — сказал Герберт. — Ведь в то время нам не была известна история Айртона, мы не знали, что за ним должны приехать, а потом уже было поздно: наступило время, когда нельзя было снова ехать на остров Табор.

— Да, — ответил Сайрес Смит, — было уже поздно. Необходимо отложить это путешествие до следующей весны.

— А если шотландская яхта придет раньше? — спросил Пенкроф.

— Едва ли, — ответил инженер. — Лорд Гленарван не решится зимой отправиться в дальнее плавание. По-моему, одно из двух: или он уже заходил на остров Табор с тех пор, как Айртон живет у нас, то есть в течение последних пяти месяцев, и уехал, или же он приедет позднее, и поэтому в первых числах октября надо будет съездить на остров Табор и оставить там записку.

— Признаться, — вмешался Наб, — было бы очень обидно, если бы оказалось, что «Дункан» недавно уже побывал в этих морях!

— Надеюсь, что такого не случилось, — ответил Сайрес Смит, — и судьба не отнимет у нас надежды на этот единственный выход из нашего ужасного положения.

— Я думаю, — заметил Спилет, — что мы во всяком случае будем знать, как нам быть, когда посетим еще раз остров Табор: если шотландцы там уже были, они наверняка оставили какие-нибудь следы своего пребывания.

— Конечно, — сказал инженер. — Итак, друзья мои, раз у нас есть хоть один шанс вернуться на родину, будем терпеливо ждать. Если же окажется, что мы ошибаемся, тогда видно будет, что делать.

— Во всяком случае, — сказал Пенкроф, — если нам удастся каким-нибудь способом покинуть остров Линкольна, это вовсе не будет означать, что нам здесь плохо!

— Конечно, нет, Пенкроф, — ответил инженер. — Причина этого заключается в том, что мы здесь живем вдали от того, что для человека дороже всего на свете: от семьи, от родины и друзей!

Больше колонисты уже не поднимали вопроса о постройке большого судна, на котором можно было бы доплыть до архипелага на севере или до Новой Зеландии на западе, и пока занимались обычными работами ввиду скорого наступления зимы.

Однако колонисты решили еще до наступления ненастной погоды обойти на шлюпе вокруг острова. Полное исследование берегов не было еще окончено, и колонисты имели лишь смутное представление о западном и северном берегах, начиная от устья ручья Водопада до мыса Челюстей, и узкая бухта, врезавшаяся между ними подобно разверстой пасти акулы, была им также неизвестна.

О необходимости этой экспедиции первым заговорил Пенкроф, и Сайрес Смит выразил полное одобрение, – ему и самому хотелось осмотреть эту часть своих владений.

Погода еще не установилась, но барометр не показывал особо резких колебаний, и поэтому можно было рассчитывать на сносные условия. Как раз перед этим, в начале апреля, после сильного понижения барометр снова начал подниматься, и эта перемена сопровождалась сильным западным ветром, бушевавшим пять-шесть дней, потом стрелка остановилась на двадцати девяти и девяти десятых дюймах (759,45 мм), и колонисты могли безопасно пуститься в путь.

Отъезд был назначен на 16 апреля, и «Бонавентур», стоявший на якоре в гавани Воздушного Шара, подготовили к путешествию, которое могло затянуться на довольно продолжительное время. Сайрес Смит предупредил Айртона о планируемой экспедиции и предложил ему принять в ней участие, но Айртон предпочел остаться, и колонисты решили, что в отсутствие своих товарищей он будет жить в Гранитном дворце. Мастер Юп должен был составить ему компанию, на что орангутанг согласился беспрекословно.

Утром 16 апреля все колонисты, взяв с собой Топа, сели на корабль. Небольшой ветер дул с юго-запада, и «Бонавентур», покидая гавань, должен был лавировать, чтобы достигнуть мыса Аллигатора. Из девяноста миль, составлявших периметр острова, на южный берег приходилось около двадцати, считая от гавани Воздушного Шара до мыса Аллигатора. Эти двадцать миль пришлось пройти в бейдевинд, потому что ветер дул прямо навстречу.

Почти целый день они плыли до мыса Аллигатора. Сначала два часа продолжался отлив, а затем начался шестичасовой прилив, с которым было очень трудно бороться, так что уже совсем стемнело, когда они обогнули мыс.

Пенкроф предложил инженеру продолжать путь с малой скоростью, с двумя парусами. Но Сайрес Смит предпочел стать на якорь в нескольких кабельтовых от суши, чтобы утром осмотреть эту часть берега. Для более тщательного исследования побережья решили не плыть по ночам и с наступлением вечера бросать якорь недалеко от берега, пока это будет позволять погода.

Ночь провели на судне, стоявшем на якоре за мысом. Ветер к ночи стих, и тишина уже ничем не нарушалась. Все пассажиры, исключая моряка, спали на борту «Бонавентура», может быть, с меньшими удобствами, чем в своих комнатах в Гранитном дворце, но тем не менее все-таки спали.

На следующий день, 17 апреля, на рассвете Пенкроф снялся с якоря и, идя в бакштаг левым галсом, мог пройти очень близко от западного берега.

Колонисты уже знали этот великолепный лесистый берег – они уже раньше прошли его пешком, – и все же его вид снова вызвал у них восторг. Корабль шел близко к берегу, на малой скорости, чтобы иметь возможность осматривать местность, проплывающую мимо, стараясь только не наскочить на торчавшие из воды древесные стволы. Несколько раз они даже бросали якорь, и Гедеон Спилет, пользуясь такими остановками, делал фотографические снимки этого живописного побережья.

К полудню «Бонавентур» достиг устья ручья Водопада. Далее на правом берегу снова виднелись деревья, но они росли уже гораздо реже, а еще дальше мили на три деревья только отдельными группами возвышались между отрогов гор, пустынnyй хребет которых тянулся до самого берега.

Какой контраст между южной и северной частями этого берега! Насколько южная была лесиста и богата зеленью, настолько же северная имела суровый и дикий вид. Можно было подумать, что это один из «железных берегов», как называют такие места в некоторых странах, а изрытая поверхность беспорядочно нагроможденных скал, по-видимому, указывала на то, что в кипевшем базальте ранних геологических эпох внезапно произошла кристаллизация. Страшный, мрачный вид имело это нагромождение скалистых глыб, и колонисты, наверное,

пришли бы в ужас, если бы судьба забросила их сначала на эту часть острова. Осматривая остров с вершины горы Франклина, они не могли хорошо разглядеть этот берег, так как видели его с большой высоты, но с моря он казался очень жутким, и, вероятно, его нельзя было сравнить ни с одним побережьем на всем земном шаре.

«Бонавентур» прошел мимо этого берега, держась на расстоянии полумили. Видны были глыбы всевозможных размеров, от двадцати до трехсот футов в высоту и самых разнообразных форм – цилиндрические, как башни, призматические, похожие на колокольни, пирамидальные, подобно обелискам, конические, точно фабричные трубы… Ледяные торосы в замерзшем полярном море и те не имеют таких причудливых очертаний. Здесь – мосты, переброшенные с одного утеса на другой, там – фантастические арки; в одном месте – громадные гроты с монументальными сводами, в другом – настоящий хаос остроконечных шпилей, пирамид и башен, какими фантазия архитектора не украсила еще ни один готический собор. Словом, никакое воображение не могло представить ничего прихотливее этого дикого величественного побережья, протянувшегося на восемь-девять миль.

Сайрес Смит и его товарищи с удивлением, граничившим с ужасом, смотрели на этот берег. Колонисты молчали, но Топ начал лаять, и эхо, отразившееся от базальтовых стен, многократно повторяло его лай. Инженер заметил, что в лае этом было что-то странное, похоже, что Топ так же лаял у отверстия колодца в Гранитном дворце.

– Пристанем к берегу, – сказал он.

«Бонавентур» как можно ближе подошел к прибрежным скалам. Может быть, здесь существовала какая-нибудь пещера, которую надо было осмотреть? Но Сайрес Смит ничего не нашел, ни пещеры, ни расщелины, которая могла бы служить убежищем какому-нибудь существу, потому что подножие скал скрывалось в волнах океана. Вскоре Топ перестал лаять, и судно опять отошло на прежнее расстояние и держалось в нескольких кабельтовых от суши.

В северо-западной части острова берег снова стал плоским и песчаным. Редкие деревья возвышались над низкой и болотистой землей, которую колонисты уже видели мельком. Мириады различных птиц указывали здесь на присутствие жизни.

Вечером «Бонавентур» стал на якорь в небольшом заливчике на севере острова, невдалеке от берега, так как в этом месте было очень глубоко. Ночь прошла спокойно, ветер стих с последними лучами солнца, но на рассвете задул снова.

В этом месте легко было выйти на сушу, и признанные охотники колонии, Герберт и Гедеон Спилет, отправились на двухчасовую прогулку по берегу и вернулись с несколькими связками уток и бекасов. Топ творил чудеса, и ни одна птица не пропала благодаря его усердию и ловкости.

В восемь часов утра «Бонавентур» снялся с якоря и быстро направился к мысу Северной Челюсти, потому что ветер дул с кормы и начинал сильно свежеть.

– Я нисколько не удивлюсь, если с запада налетит настоящий штурм, – сказал Пенкроф. – Вчерашний ярко-красный цвет заката не предвещал ничего хорошего.

– Ну что же, – сказал Сайрес Смит, – поставим все паруса и пойдем искать убежища в заливе Акулы. Я думаю, что там «Бонавентур» будет в безопасности.

– Вполне, – ответил Пенкроф. – К тому же северный берег состоит из песчаных дюн, на которые смотреть неинтересно.

– Я не буду возражать, – добавил инженер, – если мы проведем не только ночь, но и весь завтрашний день в этой бухте, которую, по моему мнению, надо внимательно исследовать.

– Мне кажется, что нам придется это сделать волей или неволей, – ответил Пенкроф, – потому что горизонт на западе начинает затягиваться тучами, а это грозит нам штормом.

— Сейчас хороший ветер, и я надеюсь, что мы благополучно дойдем до мыса Челюстей, — заметил Спилет.

— Ветер хороший, — ответил моряк, — но, чтобы войти в залив, придется лавировать, а мне хотелось бы быть засветло в этой незнакомой местности.

— Здесь должно быть много подводных камней, — добавил Герберт, — если судить по тому, что мы видели на южном берегу залива Акулы.

— Пенкроф, — сказал Сайрес Смит, — делайте, как считаете нужным, мы полагаемся на вас.

— Будьте спокойны, мистер Сайрес, — ответил моряк. — Я не стану рисковать без необходимости! Я предпочту скорее удар ножа в грудь, чем удар рифа в подводную часть моего «Бонавентура».

Подводной частью своего судна Пенкроф дорожил больше, чем своей жизнью.

— Который час? — спросил Пенкроф.

— Десять часов, — ответил Гедеон Спилет.

— А какое расстояние надо пройти до мыса, мистер Сайрес?

— Около пятнадцати миль, — ответил инженер.

— Это еще два с половиной часа хода, — сказал тогда моряк, — и около половины первого мы будем на траверсе мыса... К несчастью, как раз в это время начнется отлив, и вода отхлынет из бухты... Пожалуй, трудно будет войти в залив, имея против себя и ветер и море.

— Тем более что сегодня полнолуние, — заметил Герберт, — а эти апрельские отливы очень сильны.

— Тогда вот что, Пенкроф, — предложил Сайрес Смит, — не можете ли вы стать на якорь у оконечности мыса?

— Стать на якорь возле земли, зная, что собирается шторм! — вскрикнул моряк. — Вы об этом подумали, мистер Сайрес? Это значило бы по доброй воле идти на то, чтобы судно выбросило на берег!

— Так что же вы хотите делать?

— Я попытаюсь продержаться в открытом море до начала прилива, то есть до семи часов вечера, и, если будет еще светло, постараюсь тогда войти в залив. В противном же случае мы будем всю ночь лавировать и войдем в залив завтра с восходом солнца.

— Я ведь говорил уже вам, Пенкроф, что мы полагаемся на вас, — сказал Сайрес Смит.

— Эх, — воскликнул Пенкроф, — если бы на этом берегу был хотя бы один маяк, мореплавателям было бы гораздо легче!

— Да, — согласился Герберт. — На этот раз мистер Сайрес уже не может зажечь нам сигнальный огонь, чтобы помочь войти в гавань.

— Вот, кстати, дорогой Сайрес, — сказал Гедеон Спилет, — мы еще не поблагодарили вас за это. Откровенно говоря, если бы не ваш огонь, мы никогда не нашли бы...

— Огонь?.. — с удивлением спросил Сайрес Смит.

— Мы хотим сказать, мистер Сайрес, — вмешался Пенкроф, — что мы были в большом затруднении на «Бонавентуре» в последние часы перед возвращением и прошли бы мимо острова, если бы вы не позаботились развести огонь в ночь с 19 на 20 октября на плато Дальнего Вида...

— Да, да!.. Это действительно была счастливая мысль, — ответил инженер.

— А на этот раз, — добавил матрос, — если только эта мысль не придет в голову Айртону, нам никто не окажет эту небольшую услугу!

— Нет! Никто! — ответил Сайрес Смит.

Несколько минут спустя, оставшись наедине с журналистом на носу корабля, инженер наклонился к его уху и сказал:

— Если на этом свете есть что-нибудь несомненное, Спилет, так это то, что я вовсе не зажигал огонь в ночь с 19 на 20 октября ни на плато Дальнего Вида, ни в каком-либо другом месте!

Глава двадцатая

Ночь на море. – Залив Акулы. – Признание. – Приготовления к зиме. – Ранняя зима. – Сильные морозы. – Домашние работы. – Через шесть месяцев. – Фотографический снимок. – Неожиданное событие.

Все произошло именно так, как предвидел Пенкроф, потому что инстинкт моряка не мог его обмануть. Ветер стал усиливаться и наконец превратился в настоящий штормовой ветер, то есть дул со скоростью от сорока до сорока пяти миль²² в час; поэтому пришлось убрать все паруса и оставить только штормовой стаксель.

Оказавшись на траверсе залива, «Бонавентур» не смог туда войти – уже начался отлив, – так что поневоле пришлось дрейфовать в открытом море. При всем своем желании Пенкроф не мог бы достигнуть устья реки Милосердия и потому, направив нос судна к берегу, решил дождаться там утра. Хотя ветер и был очень сильным, но благодаря близости берега, защищавшего эту часть моря, волны не поднимались слишком высоко, и «Бонавентур» мог не бояться ударов валов, опасных для небольших судов. Пенкроф был уверен, что при таком тяжелом балласте его корабль не перевернется, но его могло залить водой, и этого моряк боялся больше всего… Нет слов, «Бонавентур» прочное судно, но кто знает, что может случиться за ночь, и капитан Пенкроф с нетерпением и тревогой дождался рассвета.

В течение всей ночи Сайресу Смиту и Гедеону Спилету так и не удалось поговорить наедине, а между тем слова, сказанные инженером на ухо журналисту, как бы вызывали последнего на разговор и служили ему приглашением еще раз обсудить все эти загадочные случаи и попытаться объяснить их причину. Гедеон Спилет точно так же, как и инженер, все время думал о новой загадке – о появлении сигнального огня. Не во сне же он видел этот огонь! Его спутники, Герберт и Пенкроф, тоже видели огонь. Не будь этого огня, они не нашли бы остров Линкольна в ту темную ночь, и были уверены, что его зажег инженер! А теперь вдруг оказывается, что Смит ничего подобного не делал.

Гедеон Спилет решил непременно поговорить об этом, как только «Бонавентур» пристанет к берегу, и убедить Смита сообщить остальным товарищам все, что ему известно об этих таинственных явлениях. Может быть, в результате колонисты примут решение о полном обследовании острова.

Но кто бы ни зажег тогда огонь, а только в этот вечер на берегу не было видно ни одной светлой точки, которая, как маяк, указала бы им вход в бухту, и маленькому суденышку пришлось провести всю ночь в открытом море.

Когда первые проблески зари осветили горизонт, ветер стих, и это дало возможность Пенкрофу без особого труда пройти в узкий вход в залив. Часов около семи утра «Бонавентур», держа курс на мыс Северной Челюсти, осторожно вошел в бухту и медленно двигался вперед, проплывая между двумя каменными грядами лавы, окаймляющими залив.

– Вот славное местечко, – сказал Пенкроф. – На этом рейде мог бы стоять целый флот и свободно делать какие угодно маневры!

– Самое интересное здесь, – заметил Сайрес Смит, – по-моему, вовсе не это, а то, что этот залив образован двумя потоками лавы во время извержения вулкана. Посмотрите, как залив хорошо защищен со всех сторон, и кажется, что даже во время самой страшной бури здесь должно быть так же спокойно, как на озере в тихую погоду.

– Разумеется, – сказал Пенкроф, – ведь ветер может сюда проникнуть только через этот узкий проход между двумя грядами лавы, и, кроме того, северный мыс далеко выдается вперед,

²² Около 106 километров.

прикрывая южный, и не дает доступа никаким шквалам. Наш «Бонавентур» мог бы стоять здесь круглый год на одном месте даже без якоря, если бы только не было приливов и отливов.

— Здесь слишком много места для одного корабля, — заметил журналист.

— Э, мистер Спилет, это не беда, — ответил моряк, — я согласен, что для «Бонавентура» этот залив слишком велик, но не надо забывать, что как военному, так и торговому флоту Союза необходимо иметь надежное убежище в Тихом океане, и, по-моему, трудно найти где-нибудь лучше местечко!

— Мы теперь как раз в пасти акулы, — заметил Наб, намекая на очертание берегов залива.

— В самой ее середке, дорогой Наб! — сказал Герберт. — Но надеюсь, ты не боишься, что она закроет свою страшную пасть?

— Нет, мистер Герберт, — ответил Наб, — а все-таки мне, признаюсь вам, этот залив не нравится. У него злая физиономия!

— Вот как! — воскликнул Пенкроф. — Приятель Наб ругает мой залив в ту минуту, когда я думаю подарить его Америке.

— Прежде всего нужно узнать, какова глубина этого залива, — возразил инженер, — потому что, если здесь достаточно глубоко для «Бонавентура», то это вовсе не значит, что здесь так же хорошо будет и нашим броненосцам.

— Это можно проверить, — ответил Пенкроф.

И моряк опустил в море длинную тонкую веревку длиной около пятидесяти брасов²³, с привязанным к ней куском железа, которую он употреблял вместо лота. Размотавшись целиком, веревка так и не достигла до дна.

— Э-э! — воскликнул Пенкроф. — Наши броненосцы могут смело заходить сюда и не бояться сесть на мель!

— Теперь я и сам вижу, — сказал Сайрес Смит, — этот залив — настоящая бездна, хотя такое на первый взгляд странное явление очень легко объясняется вулканическим происхождением острова.

— Можно подумать, — заметил Герберт, — что эти стены отвесно идут в глубину, и мне кажется, что, если бы у Пенкрофа был лот даже в пять-шесть раз длиннее, он и тогда не достал бы до дна.

— Все это прекрасно, — вмешался Спилет, — но я не могу не заметить, Пенкроф, что вашему рейду не хватает одной важной вещи!

— Чего именно, мистер Спилет?

— Какого-нибудь уступа или выемки, что позволяло бы выйти на берег. Я тут не вижу ни одного места, на которое можно было бы ступить ногой!

И в самом деле, высокие берега из лавы, очень крутые на всем протяжении залива, не имели ни одного места, удобного для высадки на землю. Это был неприступный берег, напоминавший фиорды Норвегии, но еще более суровый. «Бонавентур» проходил так близко от этих высоких стен, что чуть не задевал их бортом, но пассажиры не увидели ни одного выступа, который позволил бы им сойти на берег.

Пенкроф утешал себя, говоря, что стоит только взорвать кусочек-другой лавы, чтобы устроить удобную пристань, когда это будет нужно, а пока здесь делать нечего. Он повернулся к выходу из залива и около двух часов дня снова был в открытом море.

— Уф! — удовлетворенно произнес Наб, вздыхая, как человек, вырвавшийся наконец на свободу. По-видимому, ему было не по себе в этой огромной пасти.

От мыса Челюстей до устья реки Милосердия нужно было пройти около восьми миль, и «Бонавентур», взяв курс на Гранитный дворец, при попутном ветре проследовал вдоль берега, держась на расстоянии одной мили от земли. На смену огромным глыбам лавы вскоре появи-

²³ Брас = 6 футам.

лись те прихотливо разбросанные песчаные дюны, где Набу удалось найти инженера и где в таком изобилии водились морские птицы.

Около четырех часов Пенкроф, оставив слева островок Спасения, вошел в пролив, отделявший его от острова Линкольна, а в пять часов якорь «Бонавентура» уже вонзился в песчаное дно устья реки Милосердия.

Прошло трое суток с того дня, как колонисты покинули свое жилище. Айртон ожидал их на песчаном берегу, а мастер Юп весело побежал им навстречу, издавая приветливое ворчанье.

Итак, колонисты обхажали вокруг острова и подробно исследовали его берега, но не заметили ничего подозрительного. Если какое-нибудь таинственное существо и обитало здесь, то оно могло скрываться под зеленым сводом непроходимых лесов Змеиного полуострова, где колонисты еще не были.

Гедеон Спилет долго говорил об этом с инженером, и они решили рассказать все, что знают, своим товарищам и обратить их внимание на более чем странный и даже таинственный характер некоторых происшествий, случившихся на острове. Последнее из них было самым загадочным.

Сайрес Смит, вспоминая о костре, зажженном рукой неизвестного на берегу, не мог сдержаться, чтобы не переспросить журналиста в двадцатый раз:

– Но уверены ли вы в том, что видели именно огонь? Может быть, в это время вылетали раскаленные камни из жерла вулкана или же, наконец, пролетел какой-нибудь метеор?

– Нет, Сайрес, – ответил Спилет, – я уверен, что это был огонь, зажженный рукой человека. Впрочем, спросите Пенкрофа и Герберта. Они его видели так же хорошо, как и я, и подтвердят мои слова.

Спустя несколько дней, вечером 25 апреля, когда все колонисты по обыкновению собирались на плато Дальнего Вида, Сайрес Смит устроил нечто вроде совещания.

– Друзья мои, – начал он, – я считаю своим долгом обратить ваше внимание на некоторые странные события, которые произошли на острове, и обращаюсь к вам с просьбой высказать свое мнение по этому поводу. События эти не только странные, но даже сверхъестественные...

– Сверхъестественные! – воскликнул моряк, выпуская клубы дыма. – Тогда, значит, и наш остров сверхъестественный?

– Нет, Пенкроф, ему больше подходит другое название – «тайный остров», – ответил инженер. – И я откажусь от своих слов только в том случае, если кто-нибудь из вас сумеет объяснить мне то, что до сих пор ни я, ни Спилет не можем себе объяснить.

– Говорите, мистер Сайрес, – сказал Пенкроф.

– Так вот... Можете ли вы объяснить мне, как это случилось, что после того, как я упал в море, меня нашли в четверти мили от берега, в дюнах? При этом я не помню, каким образом очутился в пещере.

– Может быть, вы потеряли сознание и... – сказал Пенкроф.

– Этого не могло быть. Но пойдем дальше. А понятно вам, каким образом Топ нашел вас в пяти милях от той пещеры, где я лежал?

– Инстинкт собаки... – ответил Герберт.

– Странный инстинкт, – заметил Спилет. – Несмотря на дождь и ветер, бушевавшие в ту ночь, Топ добрался до Гротов сухой, без единого пятнышка грязи!..

– Дальше, – продолжал инженер. – А понятно вам, какая сила так странно выбросила нашу собаку из озера после схватки с дюгонем?

– Нет! Признаюсь, тут я и сам чего-то не понимаю, – ответил Пенкроф. – Кроме того, рана, которую мы нашли у дюгона в боку, по-видимому, была нанесена каким-то холодным оружием... Я об этом долго раздумывал...

– Еще дальше, – продолжал Сайрес Смит. – Не может ли объяснить кто-нибудь из вас, друзья мои, каким образом дробинка попала в тело молодого пекари? Как оказался на берегу

этот ящик, хотя нигде не было следов кораблекрушения? Каким образом во время нашего первого плавания нам так кстати попалась бутылка с запиской? Почему наша лодка, оборвав швартов, приплыла к нам по течению реки Милосердия как раз в ту минуту, когда она была нам нужна? Ктобросил нам лестницу из Гранитного дворца после нашествия обезьян? И, наконец, каким образом попала в наши руки записка, которую Айртон, по его словам, никогда не писал?..

Сайрес Смит перечислил, ничего не забыв, все странные события, случившиеся на острове. Герберт, Пенкроф и Наб переглянулись, не зная, что ответить. Все эти события, впервые сопоставленные вместе, смущали их и показались очень необычными.

— Клянусь честью, — сказал, наконец, Пенкроф, — вы правы, мистер Сайрес! Объяснить это очень трудно!

— А теперь, друзья мои, — продолжил инженер, — прибавился еще один факт, и объяснить его будет так же трудно, как и все остальные.

— Какой, мистер Сайрес? — живо спросил Герберт.

— Вы говорили, Пенкроф, что когда вы возвращались с острова Табор, то видели сигнальный огонь на острове Линкольна?

— Конечно, — ответил моряк.

— А вы уверены, что видели этот огонь?

— Так же хорошо, как вижу вас.

— И ты тоже, Герберт?

— Да, мистер Сайрес, — воскликнул Герберт, — этот огонь светил, как звезда первой величины!

— А может быть, это и в самом деле была звезда? — спросил инженер.

— Нет, — ответил Пенкроф, — потому что небо было покрыто густыми тучами, и, во всяком случае, звезда не могла спуститься так низко над горизонтом. Мистер Спилет тоже видел этот огонь и может подтвердить наши слова!

— И могу еще добавить, — сказал журналист, — что этот огонь светил очень ярко, словно отбрасывался большим электрическим прожектором.

— Да, да, именно... — подтвердил Герберт, — и он был зажжен на высоте плато над Гранитным дворцом!

— Так вот, друзья мои, — сказал Сайрес Смит, — в ту ночь, с 19 на 20 октября, ни Наб, ни я не зажигали огонь на берегу.

— Вы не зажигали?.. — воскликнул Пенкроф, который от удивления даже не смог закончить фразу.

— Мы не выходили из Гранитного дворца, — ответил Сайрес Смит, — и если на берегу и в самом деле горел огонь, то зажигал его кто-то другой, а не мы!

Пенкроф и Герберт были поражены и с удивлением смотрели друг на друга. Как же так?.. Ни инженер, ни Наб не выходили из дворца, а трое людей совершенно ясно видели огонь в ночь с 19 на 20 октября?

Да! Факты говорили сами за себя, и приходилось признать, что на острове есть какая-то тайна. Тут действует какая-то невидимая сила, покровительствующая колонистам, но в то же время мучительно разжигающая их любопытство. Значит, здесь скрывается какое-то таинственное существо. Пусть это добрый гений острова, но колонисты обязательно должны его найти!

Сайрес Смит напомнил своим товарищам о том, как беспокойно вели себя иногда Топ и Юп, один — лаял, а другой — сердито ворчал, как они часами не отходили иногда от внутреннего колодца, сообщавшегося под землей с морем. Рассказал он им и про то, что осмотрел этот колодец и не нашел ничего подозрительного. После долгих споров колонисты решили наконец тщательно исследовать весь остров, как только наступит хорошая погода.

С этого дня даже и Пенкроф казался озабоченным. Моряк чувствовал, что остров Линкольна, который он считал своей личной собственностью, уже не принадлежит ему... Тут есть еще другой хозяин, правда, добрый, но тем не менее колонистам приходится ему подчиняться. Теперь Пенкроф часто беседовал с Набом об этих необъяснимых вещах. Оба они, склонные по своей натуре верить во все чудесное, почти не сомневались, что островом Линкольна управляет какая-то сверхъестественная сила, какой-то колдун или фея.

Между тем незаметно наступил май, соответствующий ноябрю Северного полушария, а вместе с ним вернулась и плохая погода. Зима в этом году обещала быть суровой. Поэтому колонисты решили отложить пока все другие работы и заняться устройством помещения на зиму.

Впрочем, колонисты были хорошо подготовлены к приближающейся зиме и не боялись наступающих холодов. У них была теплая одежда, кроме того, муфлоны, которых было уже немало на скотном дворе, в изобилии поставляли шерсть для изготовления теплой шерстяной материи.

Айртон, конечно, тоже получил теплую одежду из фетровой материи. Сайрес Смит в разговоре, между прочим, предложил ему переселиться на зиму в Гранитный дворец, где ему будет гораздо удобнее и теплее, чем в корале. Айртон согласился и сказал, что придет, как только закончит последние работы в корале, и наконец в середине мая совсем поселился в Гранитном дворце. С этого времени он жил общей жизнью колонии и не упускал ни одного случая быть полезным. Но, по-прежнему грустный и задумчивый, он держался как бы в стороне и никогда не принимал участия в развлечениях своих товарищей.

Колонисты уже третью зиму жили на острове Линкольна. Большую часть зимы им пришлось почти безвыходно провести в Гранитном дворце. По временам случались очень сильные бури и такие ураганы, от которых, казалось, дрожали и качались даже гранитные скалы. Огромные приливы грозили залить водой все низменные части острова. В такую погоду любое судно, если бы только оно стояло на якоре возле берега, наверное, стало бы жертвой океана. Два раза за это время река Милосердия разливалась до такой степени, что могла снести и мост через реку, и мостики через ручьи, и колонистам приходилось, несмотря на бурю, выходить из своего гранитного убежища и укреплять прибрежные мостики, совсем скрытые под пенистой массой воды.

Можно представить, сколько вреда причинили на плато Дальнего Вида эти ураганы, когда вместе со страшным ветром шел то снег, то проливной дождь. Особенно сильно пострадали мельница и птичник. Колонистам довольно часто приходилось производить там неотложный ремонт, так как иначе пернатому населению грозила серьезная опасность.

В течение зимы вблизи плато не раз появлялись ягуары и целые стаи четвероруких, и колонисты опасались, как бы какое-нибудь из этих голодных животных не перескочило через ручей, тем более что зимой, когда ручей замерзал, он не мог служить серьезной преградой. Огород, птицы, свиньи и даже онагги наверняка стали бы жертвой первого же хищника, которому удалось бы проникнуть на плато. Поэтому колонисты поочередно ходили караулить посевы и домашних животных и выстрелами из ружей отгоняли диких зверей, стараясь держать опасных гостей на приличной дистанции. Так что у колонистов и зимой было много дел и в Гранитном дворце, и вне дома.

Во время сильных морозов колонисты совершили также несколько удачных охотничих экспедиций на болото Казарок. Взяв Юпа и Топа в помощники, Гедеон Спилет и Герберт без промаха стреляли в носившихся огромными стаями диких уток, бекасов, шилохвостов. В эти места, изобилующие дичью, впрочем, было очень легко пройти или по дороге в гавань Воздушного Шара, переправившись через мост на реке Милосердия, или обогнув скалы мыса Находки. Однако охотники никогда не отходили от Гранитного дворца больше чем на две-три мили.

Так прошли все четыре самых холодных зимних месяца: июнь, июль, август и сентябрь. Но, в общем, нельзя сказать, что обитатели Гранитного дворца страдали от суровой зимы. Не особенно пострадал от нее и король, который находился на местности менее открытой, чем плато, и, кроме того, с одной стороны был защищен массивом горы Франклина, а с других сторон – лесами и высокими береговыми скалами. Поэтому разрушения здесь были незначительны, и Айртон, отправившись проводить короля, за несколько дней исправил и привел в порядок все то, что испортили ураганы.

За всю зиму не случилось никаких загадочных происшествий, которые дополнили бы и без того уже длинный список непонятных событий, хотя Пенкроф и Наб подозрительно относились к любому пустяку и прежде всего искали в нем что-то таинственное. Даже наименее осведомленные члены колонии, Топ и Юп, и те перестали подходить к колодцу и не проявляли никаких признаков беспокойства. По-видимому, наступил конец сверхъестественным явлениям, хотя о них все еще часто говорили по вечерам в Гранитном дворце. Однако колонисты и не думали менять свое решение обыскать весь остров и заглянуть во все его доступные и недоступные уголки. Вдруг одно совершенно неожиданное и чрезвычайно важное событие, которое могло иметь роковые последствия, коренным образом изменило планы Сайреса Смита и его товарищей.

Стоял октябрь. Погода с каждым днем становилась все лучше и лучше. Природа ожидала под живительным теплом солнечных лучей, и среди вечнозеленой хвои на опушке леса показались первые зеленые листочки на гигантских каркасах, банксиях и других лиственных деревьях.

Читатель, конечно, помнит, что Гедеон Спилет и Герберт несколько раз фотографировали виды острова Линкольна.

Так и 17 октября, часов около трех дня, Герберт решил воспользоваться ясным безоблачным днем и сфотографировать всю бухту Союза, раскинувшуюся перед плато Дальнего Вида, от мыса Челюстей до мыса Когтя.

Горизонт был виден очень отчетливо, и море, чуть волнуясь под легким дуновением ветерка, сверкало и переливалось яркими бликами.

Герберт поставил аппарат у одного из окон большого зала Гранитного дворца, откуда была видна вся бухта. Как всегда, сделав снимок и вынув осторожно пластинку, он отправился проявлять ее в специально устроенную темную комнату.

Потом Герберт снова вернулся в зал и, рассматривая негатив на свет, вдруг увидел на пластинке маленькое, почти незаметное пятнышко. Он попробовал свести это пятно, повторив промывание негатива, но оно не исчезло.

«Наверное, мне попалось такое стекло», – подумал он. Из любопытства юноша решил рассмотреть это пятно в сильное увеличительное стекло, которое он вывинтил из подзорной трубы.

Но едва Герберт успел поднести стекло к глазу, как громко вскрикнул и чуть не выронил пластинку на пол.

Придя в себя, юноша бросился в комнату Сайреса Смита и, протягивая ему пластинку и стекло, молча указал рукой на пятно.

Сайрес Смит всмотрелся в эту маленькую точку, затем, схватив свою подзорную трубу, кинулся к окну.

Конец подзорной трубы медленно двигался по горизонту и наконец остановился на подозрительной точке. Смит опустил трубу и произнес только одно слово:

— Корабль!

И в самом деле, на горизонте в виду острова Линкольна показался корабль.

Часть третья Тайна острова

Глава первая

Гибель или спасение? – Вызов Айртона. – Совещание. – Это не «Дункан». – Подозрительный корабль. – Корабль приближается. – Наступает ночь. – Пушечный выстрел. – Бриг становится на якорь вблизи острова.

Прошло уже два с половиной года с того дня, как потерпевшие крушение пассажиры воздушного шара были выброшены на островок Спасения, а потом переселились на остров Линкольна. До сих пор они не могли установить сообщение со своими близкими. Гедеон Спилет, правда, однажды сделал попытку связаться с цивилизованным миром и отправил с альбатросом записку с кратким описанием всего, что с ними случилось с момента бегства из Ричмонда. Но он, конечно, не мог серьезно рассчитывать на успех. И только Айртон, покинутый на единственном островке, при известных обстоятельствах присоединился к членам маленькой колонии. И вдруг 17 октября совершенно неожиданно на горизонте показался корабль, на котором, конечно, были люди!

Да, сомнений больше не оставалось! Это корабль виден на горизонте! Вопрос только в том, пройдет ли этот корабль мимо или подойдет к острову? Пока это, конечно, неизвестно, но через несколько часов колонисты все узнают.

Сайрес Смит и Герберт тотчас же позвали в большой зал Гранитного дворца Гедеона Спилета, Пенкрофа и Наба и сообщили им сенсационную новость.

Пенкроф схватил подзорную трубу и быстро оглядел горизонт. Он нашел нужную точку, которая на негативе отпечаталась в виде маленького пятна.

– Тысяча чертей! Это и в самом деле корабль! – пробормотал моряк, и в его голосе слышно было скорей неудовольствие, чем радость.

– Он идет сюда? – спросил Гедеон Спилет.

– Пока еще ничего нельзя сказать, – ответил Пенкроф, – он ведь еще очень далеко, и видны только его мачты… Его курс можно будет определить, когда станет виден корпус корабля…

– Что же теперь делать? – спросил юноша.

– Ждать, – ответил Сайрес Смит.

Колонисты долго не отходили от окна и с волнением молча смотрели на расстилавшуюся перед ними гладкую поверхность океана. За все время их пребывания на острове Линкольна подобное значительное событие случилось в первый раз, и, конечно, они были взволнованы. Совершенно противоположные мысли проносились в голове каждого из них, надежда вскоре увидеть родину сменялась опасением, что, может быть, люди на этом корабле окажутся врагами.

В сущности, колонисты острова Линкольна вовсе не были похожи на несчастных людей, потерпевших крушение, которые живут на бесплодном необитаемом острове и ведут самое жалкое существование, постоянно терзаясь желанием увидеть населенные страны. Напротив, о каких бы то ни было лишениях, особенно в последнее время, не могло быть и речи. Например, Пенкрофу и Набу жилось здесь так хорошо, они были так счастливы, что с большим сожалением расстались бы «со своим островом», как они его называли. Кроме того, колонисты успели уже привыкнуть и даже полюбить эту новую жизнь на острове, который стал таким богатым только благодаря их знаниям и их энергии. Но этот еще неизвестный корабль везет им новости с

континента... может быть, это даже американский корабль!.. Но какой бы нации ни принадлежал этот корабль, он не мог плыть сам по себе, – на нем должны быть люди... и поэтому вполне понятно, что появление корабля на горизонте произвело настоящий переполох в колонии.

Время от времени Пенкроф брал подзорную трубу и снова принимался рассматривать корабль. По мнению моряка, он находился еще не менее чем в двадцати милях к востоку от острова, и поэтому колонисты пока еще не могли сигнализировать экипажу корабля о своем существовании. Если вывесить флаг, его не заметят, если попробовать стрелять из ружей – выстрелов не услышат, если даже зажечь костер, то они не увидят ни огня, ни дыма на таком расстоянии.

А между тем остров Линкольна с горой Франклина значительной высоты непременно должен быть замечен с корабля. Но это, конечно, ничего не значит, и корабль может пройти мимо в тех же двадцати милях расстояния от острова, да и зачем ему подходить к этому уединенному островку? Наверняка он случайно попал в эту пустынную часть Тихого океана, на картах которой не значится ни один остров, кроме маленького острова Табор, лежащего далеко в стороне от обычных путей судов дальнего плавания, совершающих рейсы к Полинезийским островам, Новой Зеландии и Америке.

Вдруг Герберт дал довольно правдоподобный ответ на вопрос, который всех так интересовал.

– Может быть, это «Дункан»? – воскликнул юноша.

Замечание Герberта заслуживало серьезного внимания. «Дункан» принадлежал лорду Гленарвану, который, высаживая Айртона на остров Табор, обещал вернуться за ним, когда истечет назначенный срок наказания. А остров Табор находился так близко от острова Линкольна, что яхта, направляясь к первому острову, могла пройти в виду второго. Всего сто пятьдесят миль разделяло их по долготе и семьдесят пять миль по широте.

– Надо сообщить Айртону, – сказал Гедеон Спилет, – и немедленно вызвать его сюда. Только он один может сказать нам – «Дункан» это или нет.

Все, конечно, были согласны, и журналист, подойдя к телеграфному аппарату, который связывал король с Гранитным дворцом, отправил телеграмму следующего содержания:

«Приходите как можно скорее!»

Вскоре послышался звонок, и Спилет принял ответ Айртона:

«Иду».

Затем колонисты отошли к окну и снова стали наблюдать за кораблем.

– Если это «Дункан», – опять заговорил Герберт, – Айртон наверняка его узнает даже на таком расстоянии, потому что он плавал на нем, хотя и не очень долго.

– Разумеется. И если это действительно «Дункан», то он страшно взъянется! – заметил Пенкроф.

– Да, – подтвердил Сайрес Смит, – но теперь Айртон уже не тот человек, каким он был раньше, и вполне достоин ступить на борт «Дункана». Дай бог, чтобы это судно и в самом деле оказалось яхтой лорда Гленарвана, потому что появление любого другого корабля показалось бы мне подозрительным!.. Эта часть Тихого океана пользуется дурной славой, и я очень опасаюсь, что наш остров посетят пираты.

– Ну и что? Мы будем защищаться! – воскликнул Герберт.

– Конечно, дитя мое, – ответил инженер, улыбаясь, – но было бы гораздо лучше, если бы нам не понадобилось защищаться от них.

– Знаете, о чём я подумал? – вмешался Гедеон Спилет. – Остров Линкольна не указан даже на самых новейших картах, и это может служить доказательством, что он неизвестен мореплавателям... Как вы думаете, Сайрес, если с корабля увидят эту незнакомую землю, то непременно захотят посетить ее и, так сказать, открыть никому не известный клочок земли?

– Разумеется, – поспешил ответить Пенкроф.

— Я тоже так думаю, — добавил инженер. — Можно даже утверждать, что капитан корабля сочтет своим долгом не только отметить на карте любой неизвестный клочок земли, но и обследовать его, а наш остров Линкольна как раз и есть такая неизвестная земля...

— Ну, хорошо, — перебил Пенкроф, — допустим, что этот корабль подойдет к острову и станет на якорь в нескольких кабельтовых от нас... Что мы тогда будем делать?

На этот прямо поставленный вопрос ответить было нелегко. Но после некоторого размышления Сайрес Смит спокойно сказал:

— Вы спрашиваете, что мы будем делать, друзья мои? А вот что мы сделаем: мы вступим в переговоры с капитаном корабля, уговорим его довезти нас до первого попутного порта и уедем отсюда, объявив остров Линкольна владением Северо-Американских Соединенных Штатов. Затем через некоторое время мы опять вернемся сюда, но уже не одни, а с теми, кто пожелает поселиться здесь вместе с нами навсегда и основать настоящую колонию, которая станет портом для наших кораблей в этой части Тихого океана!..

— Ура! Ура!.. — закричал Пенкроф, перебивая инженера. — Мы сделаем хороший подарок нашей родине! Ведь самое главное сделано. Остров почти весь исследован, все части острова имеют названия, здесь есть прекрасная естественная гавань, пресная вода, дороги, телеграф, мастерские, верфь и завод... И теперь остается только нанести остров Линкольна на карту!

— А вдруг кто-нибудь другой завладеет островом во время нашего отсутствия? — спросил Гедеон Спилет.

— Тысяча чертей! — воскликнул моряк. — Ну, тогда вы поезжайте, а я останусь здесь один охранять наш остров и ручаюсь головой, что украсть его у меня будет потруднее, чем вытащить часы из кармана какого-нибудь зазевавшегося ротозея!

Прошел еще час, а все еще нельзя было с уверенностью сказать, идет ли судно к острову Линкольна или же проходит мимо. Оно было теперь уже гораздо ближе к острову, но с какой скоростью оно идет и каким курсом? Даже Пенкроф, моряк, и тот не мог этого определить. Ветер дул с северо-востока, и можно было предположить, что судно идет правым галсом, а следовательно, прямо к острову. Да отчего бы и не подойти ему к неизвестному острову? Море такое спокойное, что, даже не зная этих мест, можно было смело править к берегу, не боясь разбиться о рифы.

Около четырех часов, ровно через час после получения телеграммы, Айртон появился в Гранитном дворце и, войдя в большой зал, сказал:

— К вашим услугам, господа.

Сайрес Смит, как обычно, пожал ему руку, подвел его к окну и сказал:

— Айртон, мы вас просили прийти сюда по очень важному делу... Какой-то корабль показался невдалеке от нашего острова.

Айртон слегка побледнел, и на мгновение в его глазах мелькнуло смущение. Затем, высунувшись из окна, он окинул взглядом горизонт, но, конечно, ничего не увидел.

— Вот, возьмите подзорную трубу, — сказал Гедеон Спилет, — и посмотрите как следует, Айртон... Возможно, это «Дункан», который прибыл сюда, чтобы отвезти вас на родину.

— «Дункан», — пробормотал Айртон, — так быстро!

Последние слова как бы невольно слетели с языка у Айртона, и он в отчаянии схватился руками за голову.

Неужели двенадцать лет полного одиночества на пустынном острове казались ему недостаточным наказанием? Неужели этот раскаявшийся грешник еще не простил себя и не ждал прощения от других людей?

– Нет, – сказал он наконец, – нет, это не «Дункан».

— Взгляните еще раз, Айртон, — сказал инженер, — нам необходимо знать это наверняка, чтобы решить, что делать дальше.

Айртон снова взял подзорную трубу и навел ее на нужную точку на горизонте. Несколько минут он внимательно смотрел на корабль, не говоря ни слова, затем сказал:

— Там корабль, это верно, но только я думаю, что это не «Дункан».

— А почему вы так уверены в этом? — спросил Гедеон Спилет.

— Потому что «Дункан» — паровая яхта, а я нигде не вижу дыма, ни вверху, ни за кормой.

— А может быть, яхта идет сейчас только под парусами? — заметил Пенкроф. — Ветер для нее как раз попутный, и капитан, наверное, пользуется случаем сэкономить уголь.

— Может быть, вы и правы, мистер Пенкроф, — ответил Айртон, — капитан яхты, конечно, мог приказать потушить огонь в топках под котлами и теперь идет под парусами, пользуясь попутным ветром. Пусть это судно подойдет поближе к острову, и тогда мы уже наверняка все узнаем.

Вслед за тем Айртон отошел от окна и присел в углу зала на стул отдохнуть, а колонисты остались на своем наблюдательном посту и еще долго оживленно разговаривали о незнакомом судне, но бывший изгнаник с острова Табор не принимал участия в этой беседе.

Все были до такой степени взволнованы, что не могли продолжать обычную работу. А Гедеон Спилет и Пенкроф нервничали больше всех, они не могли даже стоять на одном месте и беспокойно ходили по комнате взад и вперед. Герберт тоже очень волновался, но, главным образом, из любопытства. И только Наб сохранял свое обычное спокойствие, ведь его родина там, где живет Сайрес Смит. Что касается инженера, то он ничем не выказывал своего волнения и, погруженный в размышления, скорее опасался, чем желал прибытия этого корабля.

Между тем судно немного приблизилось к острову. В подзорную трубу можно уже было рассмотреть, что это корабль очень больших размеров, а не одно из парусных прао, на которых обычно занимаются своим гнусным промыслом пираты Тихого океана. Судя по внешнему виду судна, можно было думать, что плохие предчувствия инженера не подтверждаются и что появление этого судна вблизи острова Линкольна ничем не будет угрожать мирному существованию его обитателей. Когда судно подошло поближе, Пенкроф еще раз тщательно осмотрел его в подзорную трубу и объявил, что, судя по оснастке, это бриг и что он идет правым галсом под одними нижними парусами как раз на остров Линкольна. Это подтвердил и Айртон.

Но если бриг не изменит направление на юго-запад, то вскоре скроется за скалистыми выступами мыса Когтя. Для того чтобы наблюдать за ним и привлечь его внимание, когда он будет поближе к берегу, колонистам пришлось бы подняться на возвышенность бухты Вашингтона, вблизи гавани Воздушного Шара. Но было уже пять часов, скоро наступит вечер, и проходящий мимо острова бриг исчезнет в сумраке приближающейся ночи.

— Ну, а что же мы будем делать, когда станет совсем темно? — спросил Гедеон Спилет. — Как вы думаете, не зажечь ли нам хороший костер и этим сигналом дать знать о себе проходящему кораблю?

Предложение журналиста заслуживало серьезного внимания, и, хотя Сайрес Смит все еще не мог отделаться от тайных предчувствий, решено было сделать так, как предлагал Гедеон Спилет. Ночи в этих широтах довольно продолжительны, и бриг мог уйти очень далеко от острова, а кто знает, появится ли когда-нибудь другой корабль вблизи острова Линкольна? Кто знает, что ожидает здесь колонистов, если они упустят шанс вернуться на родину?

— Да, каким бы ни было это судно, — сказал инженер, — мы непременно должны дать знать о себе этому бригу. Если мы упустим этот случай, то потом всю жизнь будем жалеть об этом.

С общего согласия было решено, что Наб и Пенкроф отправятся к гавани Воздушного Шара и, как только наступит ночь, разведут там большой костер, который непременно обратит на себя внимание экипажа.

Но в ту минуту, когда Наб и моряк собирались уйти из Гранитного дворца, бриг поменял галс и, не снижая скорость, быстро пошел к берегу, держа курс на бухту Союза.

Наб и Пенкроф, конечно, тотчас же вернулись к окну, а подзорная труба перешла в руки Айртона, который должен был окончательно решить, «Дункан» это или нет. Яхта лорда Гленарвана по оснастке издали тоже была похожа на бриг, но у нее на палубе между двумя мачтами должна быть видна труба, из которой вырывались густые клубы черного дыма, когда яхта шла на парах.

Несмотря на приближавшиеся сумерки, на поверхности океана было еще сравнительно светло, и, пользуясь подзорной трубой, можно было отлично рассмотреть бриг, находившийся на расстоянии десяти миль от берега. Айртон вскоре опустил трубу и сказал:

— Это не «Дункан». Я ручаюсь, что это не яхта лорда Гленарвана!..

Подзорная труба перешла к Пенкрофу, и моряк в свою очередь стал рассматривать бриг. По словам капитана «Бонавентура», это было судно водоизмещением от трехсот до четырехсот тонн, построенное по всем правилам судостроительного искусства, отлично оснащенное и, вероятно, приспособленное для быстрого хода. Вопрос только в том, какой стране оно принадлежит? Определить это пока было трудно.

— А между тем, — сказал моряк, — на гафеле развевается флаг, но я еще не могу различить его цвет.

— Мы это узнаем через полчаса, — заметил Спилет. — Теперь уже нет никаких сомнений в том, что капитан этого брига хочет пристать к берегу, и, следовательно, если не сегодня, так завтра мы уже наверняка будем знать все, что нас интересует.

— Все равно! — возразил Пенкроф. — По-моему, всегда лучше знать, с кем имеешь дело, и я был бы очень не прочь узнать, какого цвета флаг у этого брига.

Разговаривая, моряк не выпускал из рук подзорную трубу и продолжал следить за приближающимся бригом.

День склонялся к вечеру, и вместе с уходящими лучами солнца затихал и ветер, все еще продолжавший дуть с моря. Флаг корабля обвис, обмотавшись вокруг гафеля, так что разглядеть его в сумерках стало еще труднее.

— Я наверняка могу сказать, что это не американский флаг, — продолжал сообщать результаты своих наблюдений Пенкроф. — И не английский, красный цвет сразу бросился бы мне в глаза, и не французский, и не немецкий, и не русский... Тот белый... И не желтый испанский флаг... А между тем он одноцветный... Постойте... Чьи корабли всего чаще встречаются в этой части Тихого океана... Разве чилийский? Но он трехцветный... Бразильский?.. Нет, у Бразилии флаг зеленый... Может быть, японский? Нет, он желтый с черным... А этот...

В эту минуту порыв ветра подхватил флаг и слегка расправил его в воздухе. Айртон схватил подзорную трубу, которую опустил моряк, поднес ее к глазам и вслед за тем глухим голосом сказал:

— Флаг черный!

И в самом деле, черный флаг развевался на гафеле брига, и одного этого было уже совершенно достаточно, чтобы подозрительно отнести к подходившему бригу.

Неужели предчувствия инженера имели основания? Неужели это пиратское судно? Может быть, эти пираты разбойничали в южной части Тихого океана, соперничая с малайскими прайо, и грабили торговые суда? Но что им понадобилось на острове Линкольна? Может быть, пираты искали подходящее местечко для хранения награбленных грузов? Может быть, они искали надежную стоянку для своего брига на зимние месяцы? Неужели владениям колонистов суждено превратиться в какой-то гнусный притон, в столицу пиратов Тихого океана?

Все эти мысли невольно приходили в голову взволнованным колонистам. Черный цвет флага не оставлял никаких сомнений относительно того, какое именно судно подходит к ост-

рову Линкольна. Это пираты! Такой же флаг разевался бы и на «Дункане», если бы шайке разбойников удалось осуществить свои преступные замыслы.

Но теперь не было времени на пустые разговоры.

— Друзья мои, — сказал Сайрес Смит, — может быть, этот пиратский бриг намерен только осмотреть берега нашего острова. Быть может, экипаж не будет высаживаться на сушу. В этом нет ничего невероятного. Но мы должны прежде всего скрыть наше присутствие на острове. Мельница на плато Дальнего Вида слишком бросается в глаза. Пусть Айртон и Наб снимут с нее крылья. Потом надо будет замаскировать густыми ветками окна Гранитного дворца. Погасите все огни. Ничего не должно выдавать наше пребывание на острове.

— А наш корабль? — спросил Герберт.

— О, за него бояться нечего! — ответил Пенкроф. — Он ведь далеко отсюда, в гавани Воздушного Шара, и я надеюсь, что этим негодяям не удастся найти его!

Все приказания инженера были немедленно выполнены. Наб и Айртон отправились на плато и приняли все меры к тому, чтобы скрыть признаки жилья, которые могли быть заметны с берега. Пока они занимались этим делом, остальные колонисты сходили в лес Якамара и принесли оттуда громадное количество зеленых веток и лиан, чтобы замаскировать оконные проемы в наружной стене Гранитного дворца так, что издали их можно было принять за естественную листву. Затем принесли оружие, порох и пули, все это сложили так, чтобы иметь под рукой в нужную минуту в случае внезапного нападения пиратов.

Когда все эти предосторожности были приняты, Сайрес Смит, обращаясь к своим товарищам, сказал:

— Друзья мои, если эти негодяи сделают попытку овладеть островом, мы, конечно, будем защищать его, не так ли?

— Да, Сайрес, — ответил за всех журналист, — мы будем защищать его до последней капли крови!

Инженер протянул руку своим товарищам, которые горячо пожали ее. Только Айртон, снова занявший свое место в углу, не присоединился к колонистам и как бы не желал давать подобного обещания. Может быть, бывший преступник все еще считал себя недостойным сближаться с честными людьми?

Сайрес Смит своим чутким сердцем отлично понимал, что происходит в душе Айртона, и, подойдя к нему, спросил:

— А как поступите вы, Айртон?

— Я исполню свой долг, — ответил Айртон.

Затем он подошел к окну и стал смотреть на море сквозь закрывавшие его ветки и лианы.

Было уже половина восьмого. Солнце около двадцати минут назад скрылось за Гранитным дворцом. Ночь вступала в свои права и темным флером окутывала западную сторону горизонта. Несмотря на это, бриг продолжал идти к бухте Союза. Он теперь был уже не дальше чем в восьми милях от берега и проходил на траверсе плато Дальнего Вида, повернув от мыса Когтя к северу, пользуясь течением прилива. По-видимому, он уже вошел в бухту Союза, потому что прямая линия, проведенная от мыса Когтя до мыса Челюстей, проходила уже за кормой брига.

Первый вопрос: далеко ли пойдет бриг в глубь бухты? Затем тотчас же возник и второй вопрос: если он проникнет далеко в бухту, бросит он якорь или нет? Может быть, он ограничится только осмотром побережья и затем снова выйдет в море, не высаживая экипаж на берег? Все это будет известно меньше чем через час. Колонистам оставалось только ждать.

Сайрес Смит с видимым беспокойством смотрел на черный флаг, развевавшийся на гафеле подозрительного судна. Появление пиратов угрожало разрушить все то, что создали он и его товарищи, все то, над чем колонисты так долго трудились.

Пираты — а в том, что это именно пираты, колонисты уже не сомневались, — может быть, уже не в первый раз видят этот остров и поэтому, подходя к нему, даже подняли свой флаг.

Может быть, они уже и раньше высаживались на остров? Это до некоторой степени объяснило бы некоторые обстоятельства, остававшиеся неразгаданными до сих пор. Может быть, в не исследованных еще частях острова жили их сообщники и теперь они приехали повидаться с ними?

Сайрес Смит мысленно задавал себе эти вопросы один за другим, но не находил на них ответа. Однако он ясно осознавал, что прибытие этого брига могло повлечь за собой ужасные последствия для колонии.

Тем не менее он сам и его товарищи были твердо намерены сопротивляться до последнего. Хорошо бы узнать численность экипажа на этом бриге и его вооружение. Но как это сделать, как пробраться на бриг?

Настала ночь. Молодой месяц скрылся. Глубокий мрак окутывал и остров, и море. Тяжелые тучи, собравшиеся на горизонте, постепенно заволакивали все небо. Ветер совершенно стих еще с наступлением сумерек. Ни один листок не шелестел на дереве, ни одного всплеска волн не слышно было на берегу. Корабль был невидим, все огни на нем были потушены, и если он еще и находился в виду острова, то колонисты не видели, в каком именно месте.

— Э, кто знает? — говорил Пенкроф. — Может быть, этот проклятый бриг уплывет ночью, и мы и следов его не увидим на рассвете?

Словно в ответ на замечание моряка в эту минуту сверкнула яркая вспышка, а за ней тотчас же раздался пушечный выстрел.

Бриг был еще здесь, и на нем были пушки.

Звук выстрела послышался ровно через шесть секунд после вспышки. Это означало, что бриг находился всего в миле с четвертью от берега.

Одновременно послышался лязг цепей, которые с шумом проходили через клюзы.

Бриг стал на якорь перед Гранитным дворцом.

Глава вторая

Обсуждение. – Предчувствия. – Предложение Айртона. – Предложение принято. – Айртон и Пенкроф на острове Спасения. – Беглые с острова Норфолка. – Героическая попытка Айртона. – Возвращение. – Шестеро против пятидесяти.

Теперь уже можно было не сомневаться в намерениях пиратов. Они стали на якорь недалеко от острова, очевидно рассчитывая завтра же утром на лодках отправиться к берегу.

Сайрес Смит и его товарищи твердо решили защищать остров от вторжения незваных гостей, но при этом они должны были соблюдать осторожность и не подвергать себя ненужной опасности. Может быть, пираты не узнают, что на острове живут люди, если ограничится только осмотром побережья и не пойдут в глубь острова. Может быть, пиратам нужно только возобновить запасы пресной воды, и они не пойдут дальше устья реки Милосердия и тогда не заметят не только моста на реке, построенного в полутора милях от устья, но и мастерских, устроенных в Гrotах, которые по внешнему виду сами по себе мало привлекательны.

Но тогда зачем они подняли этот черный флаг? Почему выстрелили из пушки, если не хотели завладеть островом, неужели сделали это из простого бахвальства? Сайрес Смит теперь знал, что пираты явились не с пустыми руками. Но чем могли колонисты острова Линкольна ответить на пушечные залпы пиратов? Ружейными выстрелами – и только.

– Несмотря на это, – заметил Сайрес Смит, – наша позиция неприступна. Здесь мы можем почти не бояться нападения пиратов. Верхнее отверстие старого водостока так хорошо заросло кустарником и густой травой, что постороннему человеку его не найти, а следовательно, пираты не смогут попасть в Гранитный дворец.

– Но наши плантации, наш птичник, наш кораль, наши мастерские! – вскричал Пенкроф, топая ногой. – Они могут все это разорить и уничтожить за несколько часов!

– Да, Пенкроф, могут, – ответил Смит, – и мы не в состоянии помешать им.

– Да сколько их? Это, по-моему, самый важный вопрос, – сказал Спилет. – Если их не больше двенадцати человек, то с ними мы могли бы справиться, ну а если их там человек сорок, пятьдесят…

– Мистер Смит, – сказал Айртон, подходя к инженеру, – может быть, вы разрешите мне…

– Что такое, мой друг?

– Разрешите мне попытаться пробраться на корабль и узнать, сколько на нем человек команды…

– Но, Айртон… – возразил инженер, – вы рискуете своей жизнью…

– А почему бы и не рискнуть, сэр?

– Но это уже не обязанность, это геройский подвиг…

– Я должен сделать больше того, что обязан, – ответил Айртон.

– Вы, конечно, отправитесь к бригу на лодке? – спросил Гедеон Спилет.

– Нет, сэр, я хочу добраться до него вплавь. Лодка не пройдет незамеченной там, где отлично может проскользнуть человек.

– А вы уверены, что бриг стоит в одной миле с четвертью от берега? – спросил Герберт.

– Я хороший пловец, мистер Герберт.

– Повторяю вам, вы рискуете своею жизнью, – сказал инженер.

– Все равно, – возразил Айртон. – Мистер Смит, я прошу у вас на это разрешения как милости. Это, может быть, поднимет меня в моих собственных глазах!

– Ступайте, Айртон, – ответил инженер, отлично понимая, что отказ глубоко огорчит раскаявшегося преступника, снова ставшего честным человеком.

– Я пойду с вами, – объявил Пенкроф.

— Вы не доверяете мне? — поворачиваясь к моряку, спросил Айртон, затем он покорно опустил голову и грустным голосом проговорил: — Увы! Я это заслужил...

— Нет! Нет! — быстро перебил его Сайрес Смит. — Пенкроф доверяет вам! Вы не так поняли его слова.

— Разумеется, — ответил моряк, — я хотел проводить Айртона только до островка Спасения. Может быть, хотя это и маловероятно, что кто-нибудь из этих прохвостов высадился на островок, и вдвоем мы без особого труда помешаем ему поднять тревогу... Затем я останусь на островке и буду ждать возвращения Айртона, который один поплынет к бригу, как он и предлагал с самого начала.

Объяснение это вполне удовлетворило и успокоило болезненную подозрительность Айртона, и он стал собираться на разведку. Его дерзкий и смелый план был рискованным, но мог увенчаться успехом. Пользуясь темнотой, он собирался подплыть к бригу, уцепиться за ватерштаг или вантпутенс и установить число пиратов, а может быть, даже подслушать, о чем они будут говорить, и разузнать, зачем и надолго ли они прибыли к острову Линкольна.

Айртон и Пенкроф в сопровождении остальных колонистов дошли до самого берега. Здесь Айртон разделся и натер себя рыбым жиром, чтобы не замерзнуть в холодной воде. Мера эта была очень разумной, потому что неизвестно, сколько времени ему придется провести в воде.

Тем временем Пенкроф и Наб отправились за лодкой, которая была пришвартована в нескольких сотнях шагов выше у берега реки Милосердия, а когда они вернулись, Айртон уже ждал их. На плечи Айртону набросили одеяло, и колонисты по очереди пожали ему руку, желая удачи.

Айртон сел в лодку вместе с Пенкрофом. Было половина одиннадцатого, когда пловцы скрылись в ночном мраке, а остальные колонисты отправились в Гроты, где решили дожидаться возвращения своих товарищей.

Смельчаки быстро пересекли пролив, подплыли к противоположному берегу островка и вышли на берег, действуя очень осторожно на случай, если пираты бродят поблизости. Выждав некоторое время, они убедились, что на островке нет ни души. Айртон в сопровождении Пенкрофа быстрыми шагами перешел через островок, вспугивая птиц, гнездившихся в расщелинах. Затем он, не колеблясь, бросился в море и бесшумно поплыл по направлению к бригу, на котором к этому времени кое-где на палубе зажгли огни, и отважный пловец мог плыть уже прямо к цели.

Оставшийся на островке Пенкроф на всякий случай спрятался в углублении береговой скалы, ожидая возвращения своего товарища.

Айртон сказал правду, назвав себя хорошим пловцом, он быстро и в то же время совершенно бесшумно скользил в волнах. Над водой виднелась только его голова с горящими глазами, устремленными на темную массу корабля, огни которого отражались в море. Все его мысли были сосредоточены только на том, что он должен обязательно выполнить свой долг. Он не думал об опасностях, грозивших ему на корабле, если пираты его заметят, казалось, он даже забыл, что и в море есть опасные враги — страшные акулы. Течение несло Айртона, и он быстро удалялся от берега.

Через полчаса Айртон, никем не замеченный, подплыл к бригу и, слегка приподнявшись на воде, уцепился за ватерштаг. Передохнув минуту, он осторожно подтянулся на цепях и взобрался вверх на волнорез. Там сушилось несколько пар матросских штанов. Айртон, не выбирай, взял первые попавшиеся и надел. Затем он сел поудобнее и стал прислушиваться.

Экипаж брига еще не спал. Напротив, до Айртона доносились разговоры, песни, веселый смех. Но вот наступила минута сравнительного затишья, и Айртон, к своему удивлению, услышал следующий разговор, пересыпаемый ругательствами и проклятиями:

— Что и говорить, этот бриг хорошая добыча!

- «Быстрый» отличный ходок! По шерстке и кличка!...
- Норфолкским черепахам его не догнать, как бы они ни торопились за нами!
- Ура нашему капитану!
- Ура Бобу Гарвею!

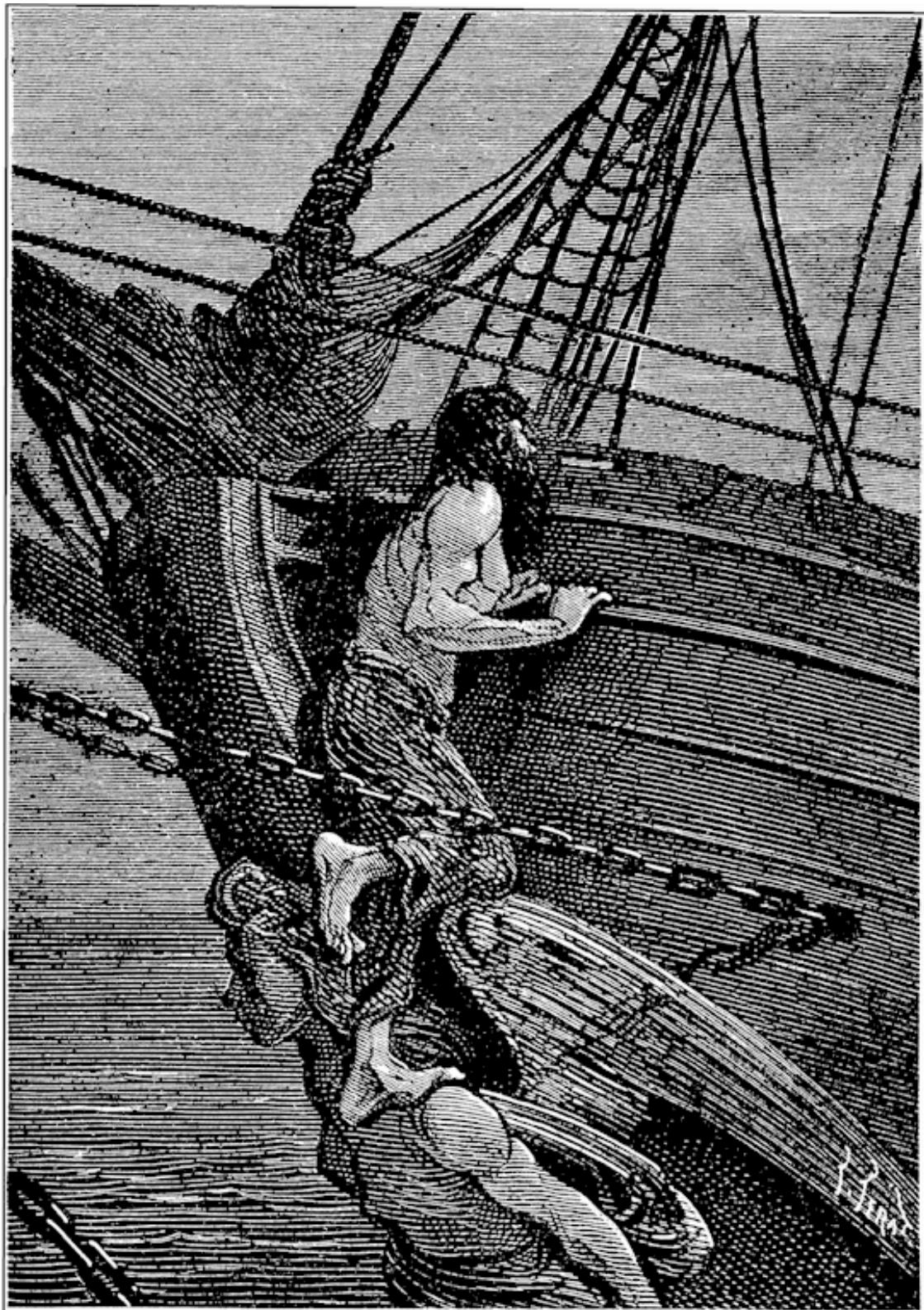
Что почувствовал Айртон, слушая этот разговор, станет понятно только после того, как читатель узнает, что Боб Гарвей, которого так превозносили пираты, раньше состоял в шайке Бена Джойса, или Айртона. То, что не удалось Айртону, осуществил Боб Гарвей, недаром пользовавшийся репутацией отчаянного головореза. Он захватил вблизи острова Норфолк бриг «Быстрый», который вез на Сандвичевые острова груз оружия, инструментов и съестных припасов. Вся его банда перешла на бриг, и затем пираты, все поголовно беглые каторжники, занялись разбоем в южных широтах Тихого океана. Они грабили корабли, убивали экипаж и пассажиров с еще большей жестокостью, чем малайцы.

Преступники горланили во всю глотку и, потягивая вино, пьяными голосами хвастались своими похождениями. Слушая эту болтовню, Айртон узнал все, что его интересовало. Вот что он узнал.

Экипаж «Быстрого» состоял исключительно из английских ссыльных, бежавших с острова Норфолк.

Но что такое Норфолк?

На $29^{\circ}2'$ южной широты и $165^{\circ}42'$ восточной долготы, к востоку от Австралии, находится небольшой вулканического происхождения островок окружностью всего шесть миль, на котором стоит гора Питта, возвышающаяся на тысячу сто футов над уровнем моря. Это и есть остров Норфолк, ставший местом ссылки для самых закоренелых преступников из английских тюрем. Ссыльных на острове пятьсот человек, стерегут их сто пятьдесят солдат и столько же надзирателей под начальством губернатора и соответствующего числа офицеров и чиновников. Дисциплина на острове более чем суровая, и за малейшие проступки виновных жестоко наказывают. Трудно даже представить себе, какое это сборище негодяев, выброшенных из общества на эту уединенную скалу. Несмотря на строгий надзор и жестокие наказания, иногда ссыльным все-таки удается обмануть бдительность охраны и бежать. Они захватывают какой-нибудь корабль и начинают разбойничать на островах Полинезийского архипелага. Точно так же овладел бригом Боб Гарвей со своей шайкой. То же самое много лет назад хотел сделать и Айртон.

Боб Гарвей захватил бриг «Быстрый», стоявший на якоре вблизи острова Норфолк, и перебил весь экипаж до последнего человека. Вот уже год злополучный бриг, превратившийся в пиратский корабль, плавал по морям Тихого океана под командой Гарвея, бывшего шкипера дальнего плавания, а теперь морского разбойника, хорошо известного Айртону.

Большинство преступников собралось на юте, в кормовой части судна, а остальные разлеглись на палубе и громко разговаривали, не умолкая. Лишь иногда разговор заглушался громкими криками, пением и звоном стаканов.

Айртон узнал также, что «Быстрый» совершенно случайно подошел к острову Линкольна. Боб Гарвей ни разу еще не заходил в эту часть океана, но, увидев неизвестный остров, не обозначенный ни на одной карте, пират, как верно угадал Сайрес Смит, решил пристать к острову, осмотреть его и, если место окажется подходящим, сделать его постоянным притоном и устроить для брига постоянную гавань.

Что касается поднятия черного флага на гафеле «Быстрого» и пушечного выстрела, то это и в самом деле было сделано пиратами из простого бахвальства по примеру военных кораблей, стреляющих из пушки при поднятии национального флага. Выстрел вовсе не был сигналом, и между островом Линкольна и беглыми ссыльными с острова Норfolk не было никакой связи. Пираты даже не подозревали, что здесь живут люди.

Колонистам угрожала серьезная опасность. Нет сомнения, что остров Линкольна с его источниками пресной воды, доступной бухтой, небольшой удобной гаванью, с благоустроенным Гранитным дворцом, со всевозможными благами, которыми так прекрасно воспользовались колонисты, – как раз то, что нужно пиратам. В руках Боба Гарвея и его шайки остров станет превосходным убежищем. Он не обозначен на картах, следовательно, пиратам здесь надолго будут обеспечены безопасный приют и безнаказанность. Конечно, Бобу Гарвею с его сообщниками не придет в голову пощадить колонистов, и они безжалостно убьют их всех. Сайрес Смит и его товарищи не могли надеяться укрыться от пиратов где-нибудь на острове. Злодеи собирались здесь обосноваться, даже если «Быстрый» отправится вскоре на свой мерзкий промысел, несколько человек команды наверняка останутся на острове и займутся устройством убежища на зиму. Итак, борьба неизбежна. Нельзя дать пиратам свить себе здесь гнездо, надо уничтожить до последнего этих презренных, недостойных сострадания негодяев, против которых все средства хороши.

Так думал Айртон, слушая беседу пиратов. Он был уверен, что Сайрес Смит и остальные колонисты будут придерживаться такого же мнения.

Но могут ли они оказать пиратам серьезное сопротивление и рассчитывать на победу? Это зависит от того, как бриг вооружен и сколько на нем человек команды.

Все это Айртон решил узнать любой ценой. Вскоре, когда разговоры и крики стали постепенно стихать и большинство пиратов заснули мертвцки пьяным сном, он, не колеблясь, решил подняться на палубу «Быстрого», где царил глубокий мрак, потому что там погасили все фонари.

Айртон с волнореза по бушприту добрался до бака. Осторожно пробираясь между спящими пиратами, он обошел весь бриг и узнал, что «Быстрый» вооружен четырьмя пушками, стреляющими ядрами от восьми до десяти фунтов весом. Он даже на ощупь исследовал каждое орудие и узнал, что пушки заряжаются с казенной части. Значит, это не старинные, а новейшие пушки, скорострельные, обладающие страшной разрушительной силой.

На палубе лежало человек десять, остальные пираты, по всей вероятности, разошлись на ночь по каютам. Насколько мог судить Айртон, подслушивая разговоры разбойников, всего на бриге должно быть около пятидесяти человек. Пятьдесят человек отпетых мерзавцев, готовых на любое преступление, – это слишком много для шести обитателей острова Линкольна. Но, во всяком случае, уже хорошо, что благодаря смелому поступку Айртона Сайрес Смит и остальные колонисты будут точно знать силы противников и сумеют принять все меры для защиты своих владений от нападения шайки пиратов.

Айртону больше нечего было делать на бриге, и он с сознанием исполненного долга мог вернуться к своим товарищам и дать им отчет о результатах разведки. Он собирался уже спуститься с брига и плыть к острову.

Но вдруг Айртону пришла в голову мысль, вполне достойная героя, который, по его собственным словам, хотел сделать больше, чем от него могли требовать другие. Он решил пожертвовать своей жизнью для спасения острова и его жителей. Сайрес Смит, несмотря на всю свою гениальность, не сможет долго сопротивляться пятидесяти хорошо вооруженным бандитам, и дело кончится тем, что разбойники победят колонистов в открытом бою или подвергнут Гранитный дворец осаде и возьмут осажденных измором. Айртон представил себе безжалостно убитыми людей, которые не побоялись на утной посудине съездить за ним на остров Табор, которые обращались с ним как с родным, снова сделали его человеком и даже заставили его раскаяться и примириться с жизнью и с людьми... А этот остров, находящийся в таком цветущем состоянии, превратится в притон разбойников!.. И потом, говорил себе Айртон, он сам ведь и есть настоящая причина обрушившегося на колонистов несчастья, потому что Боб Гарвей, его бывший приятель, лишь осуществил задуманные им, Айртоном, планы. Ужас охватил все его существо... Под влиянием этих страшных мыслей он почувствовал непреодолимое желание взорвать бриг, а вместе с ним и всех пиратов. Сам Айртон, конечно, тоже погибнет при взрыве, но зато исполнит свой долг.

Айртон не колебался ни минуты. Добраться до крюйт-камеры, в которой хранят порох и которая всегда устраивается в кормовой части судна, было нетрудно. На пиратском корабле пороха должно быть немало, и достаточно искры, чтобы в одно мгновение уничтожить и корабль, и его команду.

Айртон осторожно спустился в межпалубное пространство, где вповалку спали пьяные пираты. У подножия грот-мачты тускло горел фонарь, и тут же стояли козлы, обвешанные различным огнестрельным и холодным оружием, которое, по-видимому, содержалось в отличном порядке.

Айртон осмотрелся вокруг и, подойдя к козлам, взял револьвер и убедился, что он заряжен. Для того, что он задумал сделать, ему больше ничего не требовалось. Затем он осторожно стал пробираться к корме, где должна была находиться крюйт-камера.

Но в межпалубном пространстве было почти совсем темно, и, как ни осторожно пробирался Айртон, он все-таки задевал кого-то из пиратов. Некоторые из них просыпались, и тогда на виновника переполоха сыпались проклятия и удары. Не раз Айртон должен был останавливаться и выжидать, пока успокоятся потревоженные разбойники. Наконец он все-таки добрался до перегородки, отделявшей кормовую часть судна, и почти ощупью нашел дверь, которая, вероятно, вела как раз в крюйт-камеру. На двери висел замок.

Айртону нужно было взломать замок, и он принялся за работу. Но он не мог сделать это бесшумно. Наконец замок уступил могучим усилиям Айртона, и дверь открылась...

Вдруг тяжелая рука легла Айртону на плечо.

– Ты что тут делаешь? – спросил его грубым голосом человек высокого роста, который, оставаясь в темноте, поднес фонарь к лицу Айртона.

Айртон отскочил назад. При тусклом свете фонаря он узнал своего бывшего сообщника Боба Гарвея, но тот считал Айртона уже давно умершим, и ему, конечно, и в голову не могло прийти, что перед ним стоит его бывший товарищ и начальник Бен Джойс.

– Что ты тут делаешь? – повторил свой вопрос Боб Гарвей, хватая Айртона за пояс штанов.

Айртон, не отвечая, сильным ударом кулака отбросил капитана пиратов в сторону и бросился мимо него в крюйт-камеру. Всего один выстрел из револьвера в бочку с порохом, и все будет кончено!..

– Ко мне, ребята!.. Скорей! – закричал Боб Гарвей.

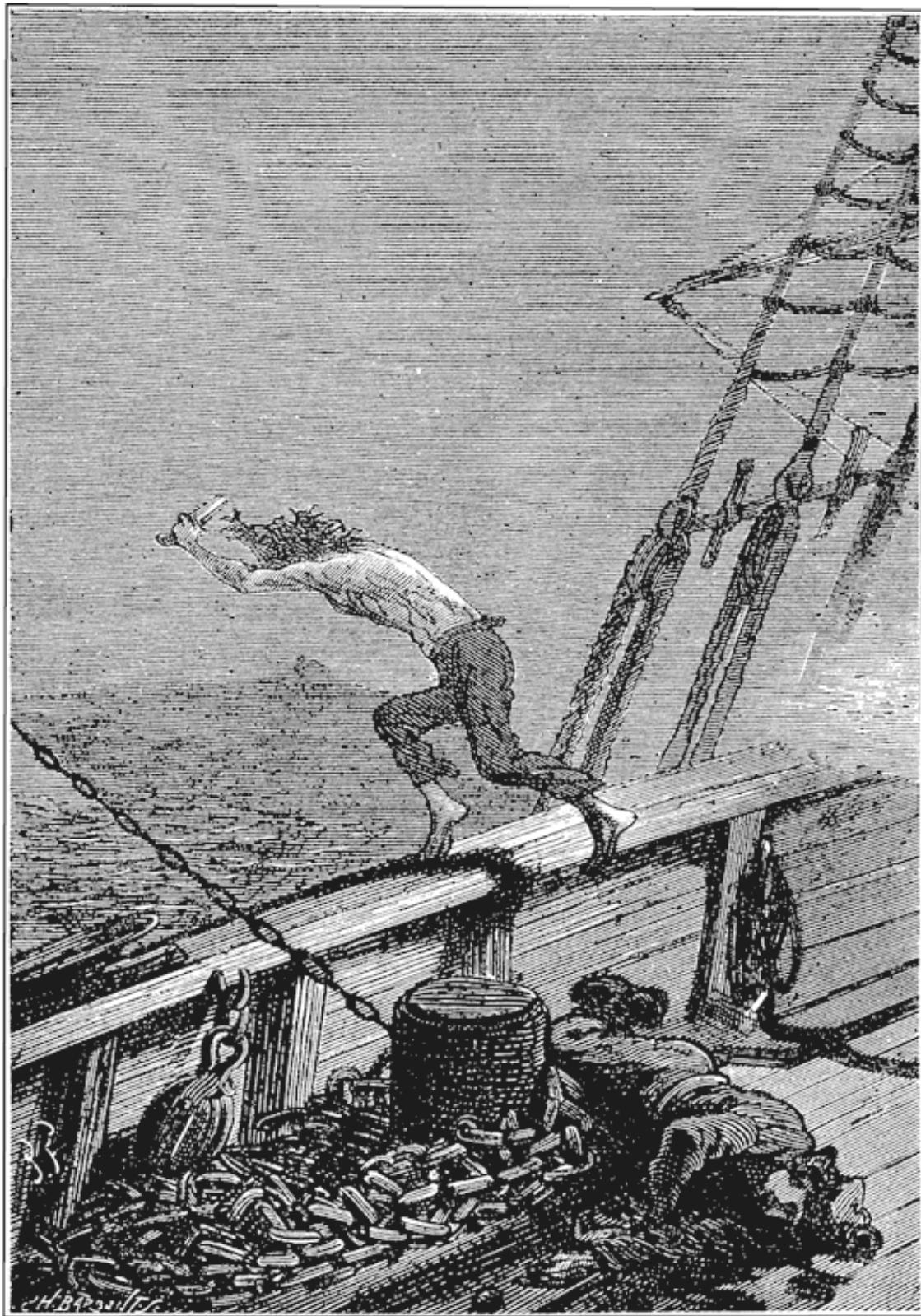
Два-три пирата проснулись от его крика и, бросившись на Айртона, попытались повалить его на пол. Но силач Айртон легко вырвался из их объятий. Он дважды выстрелил из

револьвера и уложил двух бандитов, но сам Айртон получил в плечо удар ножом, который не успел отразить.

Айртон понял, что ему уже не удастся осуществить свой план. Боб Гарвей успел запереть дверь в крюйт-камеру. Вслед за тем зашевелились проснувшиеся пираты, которые спешили на помощь к своему капитану. Айртону оставалось только одно: спасаться бегством и поберечь себя для того, чтобы сражаться с разбойниками рядом с Сайресом Смитом. Но сможет ли он убежать? Айртону некогда было раздумывать над этим вопросом. Нужно было спешить, чтобы присоединиться к друзьям, ожидающим его возвращения.

В револьвере осталось еще четыре пули. Айртон сделал два выстрела, один – в Боба Гарвея, но не задел его, по крайней мере сильно. Воспользовавшись минутным замешательством противника, Айртон побежал к трапу, чтобы выбраться на верхнюю палубу. Пробегая мимо грот-мачты, он разбил фонарь ударом рукоятки револьвера, и между деками стало темно, что должно было помочь ему.

Крики и выстрелы разбудили спавших на палубе пиратов, которые как раз в это время сбегали вниз по трапу. Третьим выстрелом Айртон отбросил одного из них, а остальные шарахнулись в сторону, не понимая, что происходит. В два прыжка Айртон выскочил на палубу, а еще через три секунды, свалив последним выстрелом в упор еще одного пирата, который схватил его за горло, он перемахнул через борт и прыгнул в море.

Но не успел Айртон проплыть и шести метров от брига, как вокруг него градом посыпались пули.

Что почувствовали Пенкроф, притаившийся под скалой на берегу островка Спасения, Сайрес Смит, Спилет, Герберт и Наб, сидевшие в Гротах, услышав грохот выстрелов, – этого не передать словами. Они бросились на берег и, сжимая в руках ружья, готовы были отражать нападение неприятеля. Положение казалось опасным. Вероятно, пираты схватили Айртона и

убили его. Возможно, что эти негодяи через час, не позже, под покровом ночи на лодках подплывут к острову.

Прошло полчаса в смертельной тревоге. Выстрелы становились все реже и наконец совсем прекратились, но ни Айртон, ни Пенкроф не возвращались. Неужели разбойники уже овладели островком Спасения? Может быть, им следует бежать на помощь к Айртону и Пенкрофу? Но как это сделать? Начался прилив, и вода в проливе стояла так высоко, что через него нельзя было перебраться, а лодки нет, она на островке. Сайрес Смит и его товарищи очень тревожились, переживая мучительные минуты ожидания.

Наконец в половине первого ночи к берегу подошла лодка, в которой сидело два человека. Это были Айртон, легко раненный в плечо, и Пенкроф, целый и невредимый. Обрадованные товарищи встретили их с распластертыми объятиями.

Затем все немедленно отправились в Гrotы. Там Айртон рассказал обо всем, что с ним случилось, при этом он не скрыл настоящую причину переполоха, вызванного его неудавшейся попыткой взорвать бриг и потопить пиратов.

Все горячо пожимали руку Айртону, который рассказал о своем подвиге только потому, что это должно быть принято во внимание при обсуждении дальнейшего образа действий. Пираты теперь знают, что на этом неизвестном острове есть люди. Они высадятся на берег большой командой, хорошо вооруженные. Их ничто не остановит. Если колонисты попадут к ним в руки, им нечего ждать пощады.

- Ну что ж? Мы сумеем достойно умереть! – сказал журналист.
- Разумеется, а пока будем наблюдать за ними, – предложил инженер.
- Есть какая-нибудь надежда, что мы выпутаемся, мистер Сайрес? – спросил моряк.
- Да, Пенкроф.
- Гм! Шестеро против пятидесяти!
- Да, шестеро!.. Не считая...
- Кого же? – перебил Пенкроф.

Сайрес Смит вместо ответа молча указал рукой на небо.

Глава третья

Туман рассеивается. – Диспозиция инженера. – Три поста. – Айртон и Пенкроф. – Первая шлюпка. – Еще две шлюпки. – На островке. – Шестеро пиратов на берегу. – Бриг снимается с якоря. – «Быстрый» обстреливает остров. – Положение безнадежно. – Неожиданная развязка.

Ночь прошла без происшествий. Колонисты были настороже и не покидали наблюдательного поста в Гrotах. Пираты, вопреки опасениям инженера, не пытались высадиться на берег. Все враждебные действия с их стороны пока ограничились только стрельбой по спасавшемуся бегством Айртону, а затем уже ни один выстрел, ни один крик не нарушили безмолвия ночи, и ни один звук не указывал на присутствие брига вблизи острова Линкольна. Можно было даже предположить, что пираты, не рассчитывая на свои силы и не желая сражаться с обитателями острова, снялись с якоря и ушли от негостеприимных берегов.

Однако, когда занялась заря, колонисты увидели сквозь утренний туман большую темную массу на том месте, где остановился накануне пиратский бриг. Это был «Быстрый».

– Друзья мои, – сказал инженер. – Вот что, по-моему, необходимо сделать, пока туман еще не рассеялся. Он отлично скрывает нас от взоров пиратов, и мы можем действовать, не привлекая их внимания. Нас только шестеро против пятидесяти, но они этого не знают и наверняка думают, что нас гораздо больше… Хорошо было бы не выводить их из этого заблуждения и заставить даже нас бояться. Поэтому я предлагаю разделиться на три отряда: один останется в Гrotах, другой займет пост вблизи устья реки Милосердия, а третий отправится на островок Спасения, чтобы не допустить или, по крайней мере, задержать высадку пиратов на остров. У нас есть два карабина и четыре кремневых ружья. Следовательно, у каждого будет оружие, а так как пороха и пуль у нас много, то заряды можно не экономить. У пиратов, кроме ружей, есть еще и несколько пушек, но нам не страшны ни те, ни другие. Что они могут сделать с этими гранитными скалами? Мы не станем стрелять из окон Гранитного дворца, и пиратам не придет в голову, что это и есть наша главная квартира, которую они могли бы разгромить своими снарядами и нанести нам непоправимый ущерб. При этом мы должны избегать открытой борьбы, потому что, повторяю, нас всего шестеро против пятидесяти. Мы должны действовать, не попадаясь на глаза пиратам. Поэтому не жалейте пороха и пуль и стреляйте как можно чаще, но только цельтесь хорошенъко, это заставит злодеев держаться подальше от нас. На каждого из нас приходится от восьми до десяти пиратов, и все они должны быть убиты!

Сайрес Смит говорил совершенно спокойно и так же хладнокровно обрисовал критическое положение колонистов, как будто бы речь шла о распределении обычных ежедневных работ между членами колонии. Его товарищи одобрили все эти распоряжения, не сделав ни одного возражения. Каждому оставалось только поспешить занять свой пост и устроиться на нем поудобнее, пользуясь тем, что туман еще не совсем рассеялся.

Наб и Пенкроф тотчас же поднялись в Гранитный дворец и принесли оттуда почти все боевые припасы. Гедеон Спилет и Айртон, оба отличные стрелки, вооружились карабинами, стрелявшими на целую милю. Остальные ружья взяли Сайрес Смит, Наб, Пенкроф и Герберт.

Затем все разделились на группы, по два человека в каждой. Сайрес Смит и Герберт оставались в Гrotах и могли держать под обстрелом обширную часть берега, прилегающую к Гранитному дворцу, до мостика на ручье Водопада.

Гедеон Спилет и Наб должны были укрыться между скалами возле устья реки Милосердия и помешать переправе пиратов на лодке или высадке на противоположном берегу. Для того чтобы облегчить им эту задачу, мост и все мостики были разобраны.

Что касается Айртона и Пенкрофа, то они должны были переправиться на лодке через пролив и устроить засаду на островке в двух разных местах. При таком распределении колонисты смогут защищать от неприятеля почти всю доступную для высадки береговую полосу.

Стрельба будет производиться одновременно с четырех различных сторон, что поддержит в неприятеле убеждение, что остров густо населен и хорошо защищен.

Если, несмотря на все эти меры, неприятелям удастся высадиться на берег или если возникнет угроза быть обойденными с тыла, Пенкроф и Айртон снова переправятся через пролив и присоединятся к тому отряду, которому будет грозить наибольшая опасность.

Перед тем как разойтись по своим постам, колонисты в последний раз пожали друг другу руки на прощанье. Пенкроф, как ни тяжело ему было, сумел справиться с волнением и, сохранив спокойствие, молча обнял Герберта, которого любил как своего собственного сына... Затем они расстались.

Несколько минут спустя Сайрес Смит и Герберт уже заняли позицию в скалах возле Гро-тов, а Спилет и Наб – вблизи устья реки Милосердия. Тем временем Айртон и Пенкроф сели в лодку и, благополучно переправившись через пролив, высадились на островок Спасения, где и притаились в расщелинах между скалистыми утесами на восточном берегу.

Пираты, конечно, не заметили никого из колонистов, потому что даже с островка Спасения сквозь густую пелену тумана с трудом можно было различить очертания брига.

Было ровно половина седьмого утра.

Вскоре туман начал рассеиваться, и стали видны верхушки мачт брига. Еще несколько минут клочья тумана носились над морем, потом поднялся небольшой ветерок и быстро разогнал влажную дымку.

Теперь «Быстрый» был виден полностью, он стоял на двух якорях, носом к северу, а левым бортом – к острову. Сайрес Смит не ошибся, определяя накануне расстояние, на котором стоял бриг, – до него и в самом деле было не больше одной мили с четвертью.

Зловещий черный флаг все так же развевался на гафеле.

Инженер в подзорную трубу рассмотрел, что четыре пушки – вся артиллерия брига – наведены на остров Линкольна. По-видимому, пираты твердо решили силой захватить остров и теперь только ожидали приказа начать обстрел.

Но пока еще «Быстрый» молчал. Человек тридцать пиратов расхаживали по палубе, стояли на юте. Два матроса, взобравшись на брам-стеньгу, с подзорными трубами в руках внимательно осматривали побережье.

Вероятно, Боб Гарвей и его пираты не знали, как объяснить ночное происшествие. Удалось ли добраться живым до берега этому почти голому человеку, который, взломав замок, открыл дверь в крюйт-камеру, а затем сражался с ними и, стреляя из их же револьвера, убил одного и ранил двоих? Неужели ни одна пуля его не задела? Кто он такой? Откуда и зачем явился на бриг? Неужели он хотел поджечь бочонки с порохом и взорвать бриг, как это показалось Бобу Гарвею? Но ведь при этом он и сам бы погиб. Пираты терялись в догадках. Впрочем, теперь они знали, что на острове есть жители, которые, очень может быть, окажут упорное сопротивление при попытке пиратов высадиться на берег. Но сколько ни смотрели пираты в свои подзорные трубы, нигде не увидели ни души. Побережье казалось совершенно пустынным, во всяком случае, на нем не было никаких следов пребывания людей, а между тем они должны быть здесь. Может быть, жители испугались и убежали в глубь острова?

Все эти вопросы невольно приходили в голову главарю шайки пиратов, и он, как человек осторожный, хотел сначала изучить местность, а потом уже высаживаться на берег.

Так прошло еще полтора часа, и все это время на бриге не заметно было никаких приготовлений ни к бомбардировке, ни к высадке на берег. По-видимому, Боб Гарвей еще колебался. Даже в лучшие подзорные трубы ни самому Бобу Гарвею и никому из пиратов не удалось рассмотреть притаившихся в расщелинах между скалами защитников острова. Завеса из зеленых веток и лиан, выделявшаяся на гранитной стене, видимо, не привлекла внимания пиратов. Да и кому, в самом деле, могло прийти в голову, что колонисты устроили для себя жилище на такой высоте в гранитном массиве?

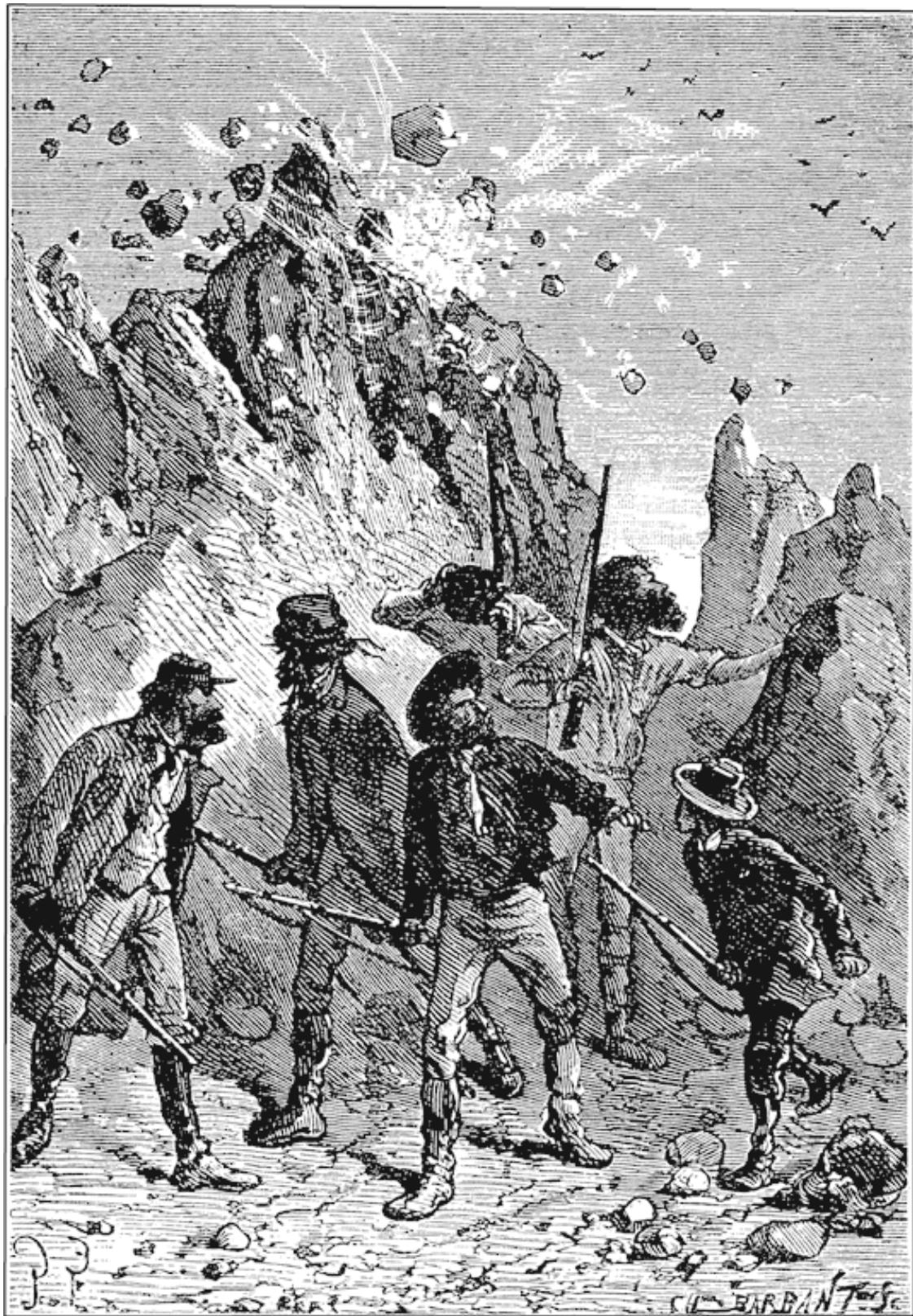
На всем побережье бухты Союза от мыса Когтя до крайней оконечности мыса Челюстей ничто не указывало на то, что остров обитаем... А между тем ночное происшествие категорически опровергало это предположение!

Но в восемь часов колонисты заметили на палубе «Быстрого» какое-то движение. Вскоре на воду спустили большую шлюпку. Вслед за тем в шлюпку прыгнули семеро пиратов, вооруженных ружьями. Один из них, очевидно старший, сел на корме у руля, четверо, сложив ружья, взялись за весла, а двое с ружьями наготове поместились на носу, устремив взгляд на прибрежные утесы. Вероятно, шлюпку отправили для того, чтобы осмотреть побережье, не высадиваясь на землю. Иначе Боб Гарвей послал бы несколько шлюпок с двумя-тремя десятками пиратов.

Пираты, осматривавшие побережье с салингов, вероятно, заметили, что, прежде чем подойти к острову, нужно пройти мимо маленького островка, отделяющегося проливом шириной около полукилометра. Однако, наблюдая в подзорную трубу за всеми движениями пиратов, Сайрес Смит убедился, что шлюпка пока не собирается заходить в пролив, а подходит к островку Спасения. Это была вполне понятная мера предосторожности.

Пенкроф и Айртон, притаившиеся в расщелинах между береговыми скалами, увидели, что пираты плывут прямо на них, и ждали, когда шлюпка подойдет на расстояние выстрела.

Шлюпка двигалась вперед очень осторожно. Гребцы почти не работали веслами и погружали их в воду только после больших промежутков. Было видно, что один из сидевших на носу лодки пиратов держал в руке лот и все время тщательно измерял глубину фарватера, проложенного течением реки Милосердия. Это указывало, что Боб Гарвей намерен подвести свой бриг как можно ближе к берегу. Человек тридцать пиратов, рассыпавшись по вантам, следили за каждым движением шлюпки и сигналами указывали ей направление, которого она должна была держаться, занимаясь промерами.

В двух кабельтовых от берега шлюпка остановилась. Рулевой, выполнивший обязанности старшего, приподнялся и, осматривая побережье, выбирал удобное место, чтобы лучше пристать к островку.

В этот момент вдруг раздались два ружейных выстрела. Легкий дымок взвился над прибрежными скалами. Рулевой и пират, делавший промеры лотом, навзничь упали в лодку. Айртон и Пенкроф не промахнулись и сразили обоих негодяев почти одновременно.

Не успел еще рассеяться дым от ружейных выстрелов, как в ту же минуту грянул пушечный выстрел, окутавший борта брига облаками порохового дыма. Ядро со свистом пронеслось по воздуху и, ударив в верхушку скалы, где прятались Айртон и Пенкроф, осыпало их градом мелких обломков гранита... Стрелки остались целы и невредимы.

Пираты на шлюпке разразились градом проклятий и поспешили отъехать подальше. На место рулевого пересел другой пират, и гребцы дружно налегли на весла. Но шлюпка не повернула к бригу, как этого можно было ожидать. Отойдя на приличную дистанцию от островка, она пошла вдоль берега, очевидно, с намерением обогнуть островок с юга. Гребцы усиленно работали веслами, желая как можно скорее выйти из-под обстрела.

В пяти кабельтовых от самой выступающей части южного берега бухты, оканчивавшейся мысом Находки, шлюпка наконец изменила направление и, описав полукруг, направилась к устью реки Милосердия, не выходя из-под защиты пушек своего корабля.

Этим маневром пираты, видимо, хотели проникнуть в пролив с юга и обойти с тыла защитников острова. Если бы их намерение осуществилось, находившиеся на островке Спасения люди, сколько бы их ни было, оказались бы в ловушке, с одной стороны их обстреливали бы пираты с лодки, а с другой – пушки «Быстрого».

Прошло четверть часа. Шлюпка двигалась в том же направлении. Тишина и полное спокойствие царили в воздухе и на море.

Пенкроф и Айртон быстро разгадали намерение пиратов, но пока еще не собирались уходить со своих постов. Может быть, они не хотели без крайней необходимости открывать неприятелю свое убежище и подставлять себя под выстрелы из пушек, а может быть, рассчитывали на помощь Наба и Гедеона Спилета, охранявших устье реки, и на Сайреса Смита с Гербертом, спрятавшихся возле Гротов.

Через двадцать минут после того, как Айртон и Пенкроф сразили меткими выстрелами двух пиратов, шлюпка была почти в двух кабельтовых от устья реки. В это время начинался прилив, и вода стала прибывать со своей обычной стремительностью. Течение подхватило шлюпку, увлекая ее к реке, и пираты, работая веслами изо всех сил, едва могли удерживать ее посередине пролива. Когда они проходили на расстоянии ружейного выстрела от устья реки, защитники этой части побережья угостили их двумя пулями, и еще два пирата замертво свалились на дно шлюпки. Наб и Гедеон Спилет тоже не промахнулись.

С брига на это тотчас же ответили новым пушечным выстрелом. Предательский дымок выдавал место, где укрывались защитники острова. Но, к счастью, ядро и им не причинило никакого вреда, и пострадали только одни скалы.

В шлюпке оставалось только трое живых людей. Прилив подхватил шлюпку, она вошла в пролив и промчалась мимо Сайреса Смита и Герberта, которые не стали стрелять, опасаясь промахнуться на таком большом расстоянии. Усиленно работая веслами, гребцы – их оставалось всего двое, а третий сидел у руля – поспешили обогнуть островок с севера и направились к бригу.

До сих пор колонистам было не на что жаловаться. Противники с первых же шагов понесли чувствительную потерю. У них уже четверо были убиты или, может быть, тяжело ранены, а из колонистов никто не получил ни одной царапины, и все их пули попали в цель. Если пираты и дальше станут посыпать по одной шлюпке в поисках мест, удобных для стоянки брига и высадки, то защитники острова перебьют их всех одного за другим.

Теперь колонисты на опыте могли убедиться, как хорошо придумал инженер, разделив их на три группы и устроив засады в различных местах. Пираты, конечно, не могли знать, сколько человек засело в том или другом месте, и, наверное, предполагали, что имеют дело с

многочисленным, хорошо вооруженным противником. А раз это так, то разбойники не могли рассчитывать занять остров без серьезного сопротивления.

Примерно через полчаса шлюпка, боровшаяся с приливом, подошла наконец к борту «Быстрого». При виде убитых и раненых пираты разразились громкими проклятиями и три-четыре раза выпалили по острову из пушки, но и на этот раз ядра не причинили никакого вреда осажденным.

Тогда человек двенадцать пиратов, ослепленные яростью и еще не протрезвевшие после вчерашней попойки, прыгнули в шлюпку и отчалили от брига. Одновременно спустили еще одну шлюпку поменьше, в которую уселось восемь человек. Первая шлюпка направилась прямо к островку Спасения с очевидным намерением выбить оттуда сидевших в засаде колонистов, а вторая шлюпка взяла южней, пытаясь пройти к устью реки Милосердия.

Айртону и Пенкрофу теперь угрожала большая опасность, и если они не хотели попасться в руки неприятелей, то должны были оставить свой пост и перебраться на остров Линкольна.

Но они сначала подождали, пока шлюпка подойдет к ним на расстояние выстрела, и снова приветствовали ее двумя меткими пулями. Затем, выпустив еще с десяток пуль, главным образом с целью запугать неприятеля, Пенкроф и Айртон побежали к тому месту на противоположной стороне островка, где стояла их лодка, и, переплы whole через пролив, вышли на берег как раз в ту минуту, когда вторая шлюпка подходила к южной оконечности покинутого ими островка. Вытащив лодку на песок, они побежали к Гrotам.

Едва они успели присоединиться к Сайресу Смиту и Герберту, как первая шлюпка пристала к островку Спасения, и пираты тотчас же разбежались по побережью, разыскивая виновников гибели их товарищей.

Почти в ту же минуту послышались выстрелы возле устья реки Милосердия, к которому успела уже подойти вторая шлюпка. Из восьми человек, сидевших в этой шлюпке, двое были убиты Спилетом и Набом. Испуганные пираты выронили весла, и течение, подхватив шлюпку, понесло ее прямо на рифы, загораживающие вход в реку. Шлюпка завертелась и разбилась о скалы. Но шестеро уцелевших пиратов, подняв над головой ружья, чтобы их не намочило водой, благополучно выбрались, прыгая с камня на камень, на правый берег реки и, спасаясь от выстрелов засевших возле устья реки колонистов, бросились бежать по направлению к мысу Находки, где их не могли достать пули осажденных.

Теперь положение представлялось в следующем виде. Островок Спасения занят двенадцатью пиратами, среди которых, впрочем, было несколько тяжело раненных, но зато у них в распоряжении оставалась шлюпка. На остров Линкольна удалось попасть шести пиратам, но они не могли переправиться на левый берег, потому что мост был разобран.

— Мы еще держимся! — закричал Пенкроф, вбегая в Гrotы и обращаясь к инженеру. — Право, недурно, мистер Сайрес! Как вы думаете?

— Я думаю, — ответил инженер, — что теперь все дело должно измениться... Неужели вы рассчитываете, что пираты и дальше будут действовать так же неосмотрительно? Они же не тупицы и не будут сами подставлять свои лбы под наши пули... Смотрите, не ошибитесь, Пенкроф!

— Ну, это видно будет!.. А только через пролив они к нам сюда не переберутся, — возразил моряк. — Этого им не позволят карабины Айртона и мистера Спилета!.. Вы ведь и сами знаете, что они бьют дальше, чем на целую милю!

— Все это так, — вмешался Герберт, — но что же могут сделать два карабина против корабельных пушек?

— Но ведь брига-то, кажется, еще нет в проливе! — возразил своему воспитаннику Пенкроф.

— А если предположить, что он войдет в пролив... тогда что? — спросил Сайрес Смит.

— Это невозможно!.. Он рискует сесть на мель и погибнуть!

– Нет, это возможно, – вмешался в разговор Айртон. – Пираты могут воспользоваться приливом, чтобы войти в пролив, а в проливе они сядут на мель во время отлива… Если это случится, то под огнем их пушек мы не удержимся на своих постах, и придется уходить в другое место…

– Тысяча чертей! Вот так штука! – вскричал Пенкроф. – Смотрите-ка, разбойники и в самом деле собираются сняться с якоря!..

– А не перебраться ли нам сейчас, пока еще не подошел бриг, в Гранитный дворец? – спросил Герберт.

– Еще успеем! – ответил Сайрес Смит.

– А как же Наб и мистер Спилет?.. – спросил Пенкроф.

– За них бояться пока нечего… они сами придут к нам, когда нельзя будет там оставаться! Айртон, приготовьтесь! Теперь вы и Спилет должны выручить нас и хорошенько припугнуть пиратов.

Предположение Айртона оказалось прискорбной истиной. «Быстрый» поворачивался на якоре и, по-видимому, готовился подойти к островку. До начала отлива оставалось еще полтора часа, и поэтому бриг, пользуясь тем, что течение уже замедлилось, мог маневрировать, не боясь наткнуться на рифы или сесть на мель. Но Пенкроф, в отличие от Айртона, не допускал даже мысли, что бриг рискнет войти в пролив.

Между тем пираты, занявшие островок, один за другим перешли на противоположный берег, и от острова Линкольна их отделял лишь пролив. Вооруженные только ружьями, они не могли причинить никакого вреда колонистам, находящимся в засаде возле устья реки Милосердия и в Гротах. Конечно, пираты не могли предполагать, что у противников имеются дальнобойные карабины, и поэтому считали, что им ничто не грозит. Они, не скрываясь, ходили по берегу, иногда приближаясь к воде.

Впрочем, колонисты недолго оставляли их в этом заблуждении. Карабины Айртона и Спилета заговорили одновременно и, очевидно, сообщили двум пиратам что-то не очень приятное, потому что те со стоном упали на землю.

Выстрелы произвели смятение в рядах пиратов. Оставив на произвол судьбы своих убитых или, может быть, только раненых товарищей, они бросились бежать на другую сторону островка. Там они, толкая один другого, торопливо попрыгали в шлюпку и, гребя изо всех сил, быстро поплыли к бригу.

– На восемь меньше! – радостно закричал Пенкроф, торжествуя победу. – Вот что значит иметь в руках хорошие ружья!..

– Господа, – перебил его Айртон, снова заряжая свой карабин, – дела принимают дурной оборот. Бриг распускает паруса.

– Якорь поднимают!.. – крикнул Пенкроф.

– Да, да!.. Слышите?..

И в самом деле, ясно слышался лязг якорных цепей, когда матросы поднимали якорь. Затем «Быстрый» поставил кливер и марсели и, пользуясь ветром, который дул с моря, стал понемногу подходить к берегу.

Колонисты, сидевшие в засаде возле устья реки Милосердия и в Гротах, с невольным трепетом следили за маневрами подходившего к берегу брига. Положение их становилось опасным!..

Самое большее через четверть часа бриг подойдет к острову и уже на близкой дистанции начнет громить из пушек несчастных защитников острова, которым останется только искать спасения в бегстве… Пираты, конечно, высаживаются на остров, и колонисты не смогут им помешать… С одними ружьями они не могли противостоять артиллерии…

Сайрес Смит все это прекрасно понимал и, глядя на подходивший бриг, спрашивал себя, что им теперь делать. Нужно было как можно скорее принять какое-нибудь решение. Но какое?

Что делать? Запереться в Гранитном дворце и сидеть там в осаде несколько недель, может быть, даже месяцев? Это, конечно, можно, потому что провизии у них в кладовых хватит на целый год. Ну а что будет потом? Пираты высадятся на остров и, сделавшись здесь полными хозяевами, начнут с того, что разорят все, что только можно будет разорить, и в конце концов все-таки захватят и укрывшихся в Гранитном дворце колонистов.

Впрочем, оставался еще один шанс. Может быть, Боб Гарвей побоится ввести свой корабль в узкий пролив и будет держаться возле восточной стороны островка. В таком случае целых полмили отделяло бы его от берега, а на таком расстоянии пушечные выстрелы не могли причинить особого вреда.

– Никогда, – повторял Пенкроф, – никогда этот Боб Гарвей, если он хороший моряк, не войдет в пролив! Должен же он знать, чем рискует, если погода изменится и вдруг начнется шторм! Ну, сами посудите, что он будет делать, если бриг разобьется о рифы?

Пиратский бриг тем временем подходил к островку, и видно было, что он направляется к южной оконечности. С моря дул легкий ветерок, прилив уже не гнал воду к земле, и Боб Гарвей мог без малейшего опасения лавировать судном как ему угодно.

Фарватер был определен и вымерен первой шлюпкой, и поэтому бриг мог смело углубиться в пролив. Намерения Боба Гарвея теперь были совершенно ясны. Он хотел остановиться напротив Гротов и ядрами отвечать на выстрелы защитников острова, которые успели уже убить восемь человек из его команды.

Вскоре «Быстрый» достиг южной оконечности островка и легко обогнул его. После этого там подняли косой грот, и бриг, держа руль к ветру, через несколько минут был уже на устье реки Милосердия.

– Злодеи!.. Идут в пролив! – воскликнул Пенкроф.

В это время Наб и Гедеон Спилет присоединились к остальным колонистам. Они благоразумно решили уйти из засады возле устья реки Милосердия, где не могли противостоять пушечным ядрам. Это, конечно, было самое лучшее, что они могли сделать, потому что если колонисты и могли хоть как-то защищаться от наступающего врага, то только объединенными силами. Гедеон Спилет и Наб пробирались к своим товарищам, укрываясь за скалами, пули сыпались на них градом, но, к счастью, ни одна из них не попала в цель.

– Спилет! Наб! Наконец-то! – обрадовался инженер. – Вы не ранены?

– Нет! – ответил журналист. – Легкие контузии, да и то рикошетом!.. Но смотрите!.. Этот проклятый бриг входит в пролив!

– Да, – подтвердил Пенкроф, – и через десять минут он бросит якорь перед Гранитным дворцом!

– У вас есть план действий, Сайрес? – спросил Спилет.

– По-моему, нам надо укрыться в Гранитном дворце, пока еще есть время и пока пираты не могут нас увидеть.

– Я с вами согласен, – ответил Гедеон Спилет, – но когда мы будем там...

– Тогда и решим, что нам делать дальше, – перебил его инженер.

– Тогда идем, и скорее! Нельзя терять ни минуты! – сказал Спилет.

– А как вы думаете, мистер Сайрес, может быть, мне и Айртону остаться здесь? – спросил моряк.

– Зачем, Пенкроф? – ответил Сайрес Смит. – По-моему, в этом нет необходимости. Нам теперь следует держаться всем вместе!

Нельзя было терять ни минуты. Колонисты один за другим вышли из засады в Гротах. Скалистые выступы скрывали их от врагов, но несколько ружейных выстрелов и осколки сыпавшихся камней служили доказательством, что «Быстрый» находится уже недалеко от берега.

Вскочить в корзину подъемника и подняться до двери Гранитного дворца, где из предосторожности еще накануне были заперты Топ и Юп, – на все это потребовалось не больше одной минуты.

Колонисты отступили как раз вовремя. Подбежав к окнам большого зала, сквозь закрывавшие их зеленые ветви и лианы они увидели, что бриг, окутанный клубами порохового дыма, идет по проливу. Осажденным пришлось даже отойти под прикрытие гранитной стены, потому что пираты вслепую стреляли из всех четырех пушек и громили ядрами все побережье, устье реки и Гrotы, где, впрочем, уже никого не было. Скалы рассыпались вдребезги, и пираты каждый выстрел приветствовали громкими криками «ура».

Несмотря на это, колонисты надеялись, что пираты не будут стрелять по Гранитному дворцу, так как Сайрес Смит предусмотрительно замаскировал окна зеленью. Вдруг одно ядро, слегка задев дверное отверстие, со свистом влетело в коридор.

– Проклятие! Они нас нашли! – невольно вскрикнул Пенкроф.

Пираты, может быть, и не заметили никого из колонистов, но Боб Гарвей счел нужным непременно послать хоть одно ядро в слишком подозрительные зеленые ветки, закрывавшие верхнюю часть высокой гранитной стены. За первым ядром последовало второе, которое, сорвав зеленый занавес, пробило зияющее отверстие в граните.

Положение колонистов становилось отчаянным. Их убежище было открыто. Они ничем не могли ответить на эту стрельбу, не могли парализовать разрушительную силу ядер, громивших фасад Гранитного дворца, не могли укрыться от осколков гранита, летавших вокруг них, словно картечь. Они могли только спрятаться в верхнем коридоре и оставить свое жилище... Вдруг раздался глухой треск, и вслед за тем послышались страшные нечеловеческие крики.

Сайрес Смит, а за ним и все остальные колонисты бросились к окнам...

Бриг, подброшенный в воздух каким-то мощным водяным столбом, переломился пополам и меньше чем через десять секунд пошел ко дну вместе со своим преступным экипажем!

Глава четвертая

Колонисты на берегу. – Айртон и Пенкроф собирают все ценное. – Разговор за завтраком. – Рассуждения Пенкрофа. – Тщательный осмотр остова брига. – Крюйт-камера осталась нетронутой. – Новые богатства. – Металлический цилиндр.

– Они взлетели на воздух! – крикнул Герберт.

– Да! Они взлетели на воздух, как будто Айртону удалась его смелая попытка поджечь пороховую камеру! – сказал Пенкроф, прыгая в корзину подъемника вслед за Набом и Гербертом.

– Но что же случилось? – спросил Гедеон Спилет, который все еще не мог прийти в себя после этой неожиданной развязки.

– Наконец-то мы узнаем!.. – как бы про себя проговорил инженер.

– Что именно мы узнаем?..

– Потом! Потом!.. Не отставайте, Спилет!.. Прежде всего нужно узнать, удалось ли спастись кому-нибудь из экипажа!..

И Смит, увлекая за собой Спилета и Айртона, выбежал на берег, где уже стояли Пенкроф, Наб и Герберт.

Корабль целиком исчез под водой, даже мачты и те были не видны. После того как его подбросило водяным столбом, он лег на бок и в этом положении пошел ко дну, очевидно, потому, что в трюме образовалась громадная течь. Но в этом месте пролив был глубиной не более двадцати футов, и во время отлива остов затонувшего брига обязательно обнажится.

На поверхности воды плавали обломки затонувшего брига – запасные мачты и реи, клетки с еще живыми курами, различные ящики, бочки. Все это в момент крушения находилось на палубе и теперь всплыло на поверхность. Но нигде не было видно никаких обломков именно остова брига – ни палубных досок, ни корабельной обшивки. Это было очень странно, и внезапная гибель «Быстрого» казалась очень загадочной.

Между тем обе мачты брига, сломавшиеся всего в нескольких футах над палубой, оборвав штаги и ванты, вскоре всплыли в проливе вместе со всеми парусами, одни были распущены, а другие свернуты и закреплены. Это было счастливой находкой для колонистов, и нужно было только позаботиться, чтобы все эти богатства не унесло наступившим отливом. Пенкроф и Айртон бросились в лодку, собираясь отправиться за добычей, чтобы перетащить ее на берег.

Когда они уже хотели садиться в лодку, Гедеон Спилет остановил их и спросил:

– А вы не боитесь, что на нас могут напасть те шесть пиратов, которые высадились на правом берегу реки? – спросил он.

Колонистам и в самом деле не следовало забывать, что шестеро разбойников, шлюпка которых разбилась о рифы, высадились на берег недалеко от мыса Находки.

Все повернулись к мысу Находки и стали осматривать эту часть побережья. Пиратов нигде не было видно. Они, конечно, видели, как затонул их бриг в проливе, и теперь, вероятно, скрывались где-нибудь в лесу.

– Мы займемся ими потом, – сказал наконец Сайрес Смит. – Они, конечно, могут быть опасны, потому что у них есть оружие, но шестеро против шести – это уже не страшно, и, по-моему, у нас даже больше шансов на победу. Поэтому примемся пока за дело, которое нельзя откладывать.

Айртон и Пенкроф сели в лодку и отчалили от берега.

Море было спокойным, и вода в проливе стояла очень высоко, так как два дня назад наступило новолуние, а вместе с ним началось время самых больших приливов. Корпус брига должен был показаться из воды не раньше чем через час.

Айртон и Пенкроф перевязали веревками обломки мачт и плававшие запасные реи и отбуксировали все это до берега, а затем уже общими силами колонисты вытащили добычу на сушу. Потом лодка подобрала клетки с курами, бочки, ящики и другую мелочь. Все собранное тотчас же перенесли в Гроты, ставшие на время главным складом.

Тут же на воде плавало несколько трупов. В одном из них Айртон узнал Боба Гарвея и, указывая на него, сказал взволнованным голосом:

– Вот таким я был, Пенкроф.

– Но теперь вы уже совсем другой человек, Айртон! – поспешил успокоить его моряк.

Немного странным казалось то, что всплыло так мало трупов. Айртон и Пенкроф насчитали всего пять-шесть тел. Вероятно, крушение брига произошло так неожиданно и так быстро, что пораженные ужасом пираты не успели прыгнуть в воду, а когда судно легло на борт, они утонули вместе с ним, запутавшись в бортовых сетках или в снастях. Отлив быстро уносил с собой трупы погибших пиратов в открытое море, избавляя колонистов от печальной обязанности хоронить их в каком-нибудь уголке острова.

Два часа Сайрес Смит с товарищами вытаскивали на берег всплывавшие на поверхность различные предметы, сортировали их, отвязывали и сушили паруса, которые нисколько не пострадали во время катастрофы. Колонисты так увлеклись работой, что почти не разговаривали, хотя поговорить им было о чем, но они отложили все разговоры до вечера, когда соберутся все вместе в большом зале Гранитного дворца. В самом деле, остатки брига, или, лучше сказать, то, что на нем находилось, представляло собой целое богатство. Каждое судно – это отдельный маленький мирок, и инвентарь колонистов мог теперь пополниться множеством самых разнообразных полезных предметов. Это был как бы тот же ящик, который они подобрали на мысе Находки, но только гораздо больших размеров.

«Кроме того, – думал Пенкроф, – может быть, нам удастся воспользоваться и самим бригом. Если он пошел ко дну только потому, что в каком-нибудь месте образовалась течь, так ведь пробоину можно заделать… Да, это было бы недурно… Кораблик в триста-четыреста тонн куда больше нашего «Бонавентура»… На таком корабле можно отправиться в дальнее плавание!.. Плыви себе тогда куда захочешь!.. Надо будет поговорить об этом с мистером Сайресом и Айртоном и хорошо осмотреть бриг!.. Это дело того стоит!..»

И в самом деле, если окажется, что бриг еще годится для плавания, это дало бы колонистам надежду вернуться на родину. Но для того чтобы решить такой важный вопрос, нужно было дождаться, пока спадет вода, и тщательно осмотреть корпус брига со всех сторон.

Когда колонисты выловили из воды все, что плавало по поверхности, и убрали в надежное место, то решили наконец немного отдохнуть и позавтракать. Они буквально умирали с голода. К счастью, кладовая была недалеко, и Наб по праву считался расторопным поваром. С обычным искусством он быстро приготовил сытный завтрак. Завтракать расположились прямо на земле, возле Гротов. Как только утолен был первый голод, заговорили о неожиданном событии, которое так чудесно спасло колонистов от нападения пиратов.

– Это настоящее чудо, – говорил Пенкроф. – Надо признаться, что разбойники взлетели на воздух именно в ту минуту, когда нам угрожала самая серьезная опасность!

– Как, по-вашему, Пенкроф, – спросил журналист, – чем можно объяснить этот чудесный случай и отчего бриг взлетел на воздух?

– Э, мистер Спилет, ничего не может быть проще, – ответил Пенкроф. – На разбойничьем судне порядки не такие, как на военном корабле! Ссыльные преступники – не матросы! С брига все время палили, а крюйт-камера, наверное, была открыта… Тут уж достаточно малейшей неосторожности, чтобы взорвать всю эту посудину!

– Мистер Сайрес, – сказал вдруг Герберт, – меня больше всего удивляет, что взрыв оказался каким-то незаметным, его даже было почти не слышно… И на воде плавало совсем мало остатков от корпуса, – ни досок, ни обломков. Судя по тому, как этот бриг спокойно пошел

ко дну, можно подумать, что он не взорвался, а просто затонул, как будто наткнулся на подводный риф.

— Тебя это удивляет, дитя мое? — спросил инженер.

— Да, мистер Сайрес.

— И меня тоже это удивляет, Герберт, — ответил инженер. — Но мы, конечно, отыщем ключ к загадке, когда осмотрим бриг.

— Мистер Сайрес, вы тоже думаете, что «Быстрый» пошел ко дну только оттого, что наскочил на какой-то воображаемый риф? — спросил Пенкроф.

— А почему бы и нет? — заметил Наб. — По-твоему, значит, в проливе нет подводных скал?

— Совсем не потому, Наб, — возразил Пенкроф. — Ты, брат, должно быть, смотрел с закрытыми глазами. Ты, значит, не заметил, а я отлично видел, что, прежде чем пойти ко дну, бриг поднялся на воздух, точно его подбросило огромной волной, а затем уже упал на левый борт. Если бы бриг, как ты говоришь, наткнулся на подводный риф, он не затонул бы так быстро, а медленно погружался бы в воду, как тонут порядочные корабли с пробоиной в киле...

— Может быть, он и потонул так быстро оттого, что это был не порядочный, а разбойничий корабль! — отозвался Наб.

— Не понимаю, Пенкроф, о чем вы спорите... Мы и так скоро все узнаем, — попытался успокоить спорщиков инженер.

— Конечно, узнаем, — сказал матрос, — но я готов спорить на что угодно, даю голову свою на отсечение, что в проливе нет рифов. Кстати, мистер Сайрес, по-вашему, и в этом произшествии есть что-то загадочное?

Сайрес Смит ничего не ответил.

— Послушайте, Пенкроф, — сказал Гедеон Спилет, — оставим пока в стороне вопрос о том, почему потонул бриг, достаточно и того, что это случилось как раз вовремя.

— Да!.. — ответил моряк. — Но вопрос не в этом. Я спрашивал мистера Смита, не находили ли он во всем этом что-то сверхъестественное?

— Я пока ничего не хочу говорить по этому поводу, Пенкроф, — сказал инженер. — Вот и все, что я вам могу ответить.

Такой ответ не удовлетворил Пенкрофа. Он был твердо уверен, что бриг затонул вследствие «взрыва», и упрямо придерживался своего мнения. Он и мысли не допускал, что в этом узком проливе с песчаным дном могла оказаться какая-нибудь подводная скала... Он бы заметил что-нибудь подобное, потому что не раз во время отливов переправлялся через этот самый пролив и отлично знал, что там ничего нет, кроме мелкого песка, которым покрыто и все побережье. Кроме того, бриг пошел ко дну еще во время прилива, когда вода в проливе стояла так высоко, что бриг, конечно, не мог наскочить на подводные рифы, которых не было видно даже при отливе. Значит, «Быстрый» не налетел на скалу. А если это так, значит, бриг взорвался.

Надо признать, что рассуждения Пенкрофа заслуживали серьезного внимания.

Около половины второго колонисты сели в лодку и поплыли к месту, где затонул бриг. Они очень жалели, что не могут воспользоваться пиратскими шлюпками. Одна из них разбилась о подводные рифы возле устья реки Милосердия и уже ни на что не годилась, а другая исчезла вместе с бригом и, вероятно, была им раздавлена, потому что не всплыла на поверхность.

Тем временем корпус «Быстрого» начал понемногу показываться из воды. Бриг лежал даже не на боку, как думали колонисты. После того как мачты сломались при падении, он перевернулся килем кверху вследствие перемещения балласта. Такое странное на первый взгляд положение брига объяснялось тем, что, прежде чем погрузиться в воду, он был как бы подброшен на воздух страшной силой водяного столба, который был вызван каким-то необъяснимым пока феноменом.

Колонисты обехали вокруг брига и, по мере того как спадала вода, все яснее понимали, какую ужасную аварию потерпел пиратский корабль, и если они еще не могли установить причину роковой катастрофы, зато увидели ее последствия.

В передней части судна по обе стороны киля, футах в семи-восьми от форштевня, борта брига на протяжении двадцати футов были искрошены в щепы. При этом, конечно, образовались такие пробоины, что заделать их было невозможно. Исчезли медная обшивка и обшивные доски, вероятно превратившиеся в мелкие щепы, не осталось никаких следов от тимберсов и связывавших их толстых железных болтов и нагелей. Весь низ судна до кормовой обшивки был расщатан и словно разорван. Фальшь-киль оказался тоже оторванным, а сам киль сломан в нескольких местах до такой степени, что никакой плотник не взялся бы за его починку.

— Тысяча дьяволов! — воскликнул Пенкроф. — Чистая работа! Тут так все исковеркано, что бриг и с места не сдвинешь, а уж починить его и подавно будет трудно!..

— Даже невозможно, — сказал Айртон.

— Во всяком случае, — заметил Гедеон Спилет, — взрыв, если только в самом деле был взрыв, произвел странное действие! Он уничтожил и разрушил почти всю подводную часть корпуса брига, а палубы не пострадали! Эти громадные пробоины — скорее результат удара о подводные камни, чем следствие взрыва крюйт-камеры!

— В проливе нет подводных камней! — возразил Пенкроф. — Я допускаю все, что хотите, только не это! Бриг не мог натолкнуться на риф!.. Их тут нет!..

— Надо попытаться проникнуть внутрь брига, — сказал инженер, — может быть, там мы найдем ключ к объяснению причины этой необычной гибели брига.

Это был самый лучший способ пролить свет на интересующую всех тайну. Кроме того, осматривая внутренность брига, колонисты узнают, что уцелело из груза, и решат, что делать для того, чтобы не дать этому богатству погибнуть.

В это время попасть внутрь брига было не трудно. Вода все больше и больше спадала, и нижняя палуба, которая стала верхней после того, как судно перевернулось килем кверху, уже не была залита водой. Во многих местах она была проломлена балластом, состоявшим из тяжелых чугунных болванок. Отчетливо слышалось журчание воды, вытекающей сквозь дыры в корпусе.

Сайрес Смит и его товарищи с топорами в руках осторожно двигались вперед по полу-разрушенной палубе. На каждом шагу попадались закрытые ящики и бочки разных размеров. По мнению инженера, они недолго пробыли в воде, поэтому их содержимое еще не успело сильно намокнуть и испортиться. Так что все эти ящики следовало считать ценной находкой.

Колонисты не возражали своему руководителю и решили перетащить весь груз в надежное место. Через несколько часов должен был начаться прилив, и колонисты не хотели терять ни одной минуты. Айртон и Пенкроф с проворством моряков, работающих во время аврала, тотчас же прикрепили тали в одной из самых больших пробоин в трюме для того, чтобы было легче вытаскивать наружу ящики и бочки. Затем добычу складывали в лодку и перевозили на берег, где пока все сваливали в одну общую кучу, чтобы впоследствии рассортировать и разобрать все это как следует.

Во время работы колонисты между прочим заметили, и это их очень обрадовало, что груз корабля очень разнообразен. Там можно было найти чуть ли не все, что пожелаешь: колониальные товары, домашнюю утварь, посуду, инструменты, ткани — словом, все то разнообразие и смешение товаров, которое встречается обычно на торговых судах, совершающих рейсы в Полинезию. Когда вскроют ящики, можно было рассчитывать найти всего понемногу. Это очень устраивало обитателей острова Линкольна.

Между тем Сайрес Смит совершенно неожиданно для себя обнаружил, что от взрыва или от удара — пока это было еще неизвестно — пострадала не только подводная часть брига. Такие же точно разрушения оказались и во внутренних помещениях судна, особенно в носо-

вой части. Все переборки и пиллерсы были исковерканы и сломаны, словно от взрыва снаряда, начиненного сильным взрывчатым веществом. По мере того как вытаскивали из трюма ящики, бочки и тюки, пространство освобождалось от загромождавшего его груза, и колонисты получали возможность пройти от носа до кормы затонувшего брига. Все эти тюки, ящики и бочонки не были тяжелыми, но они в беспорядке лежали друг на друге.

Наконец колонистам удалось настолько расчистить себе дорогу, что они смогли добраться до кормы, до той ее части, под которой находился ют. Здесь, по указаниям Айртона, следовало искать крюйт-камеру. Сайрес Смит надеялся, что крюйт-камера не была взорвана и что им удастся раздобыть несколько бочек с порохом, которые обычно обивают металлом, поэтому порох не должен был подмокнуть.

Предположения инженера оказались верными. Среди большого количества орудийных снарядов оказалось около двадцати бочек, обитых изнутри медью. Пенкроф и Айртон осторожно вытащили драгоценные бочки одну за другой. При этом моряк воочию убедился, что «Быстрый» погиб вовсе не от взрыва крюйт-камеры. Как это ни странно, но кормовая часть брига, где находилась крюйт-камера, пострадала меньше всего.

— Да, порох тут ни при чем!.. Но ведь и подводных рифов нет в проливе... — говорил упрямый Пенкроф.

— Так отчего же пошел бриг ко дну? — спросил Герберт.

— Не знаю, — ответил Пенкроф, — мистер Сайрес тоже этого не знает, да и никто никогда не узнает!

Разгрузка и осмотр брига заняли немало времени, а тем временем начинался прилив. Пришлось на несколько часов отложить дальнейшие работы. Впрочем, колонистам нечего было опасаться, что прилив унесет корпус брига в открытое море: он уже так крепко завяз в песке, словно стоял на якоре.

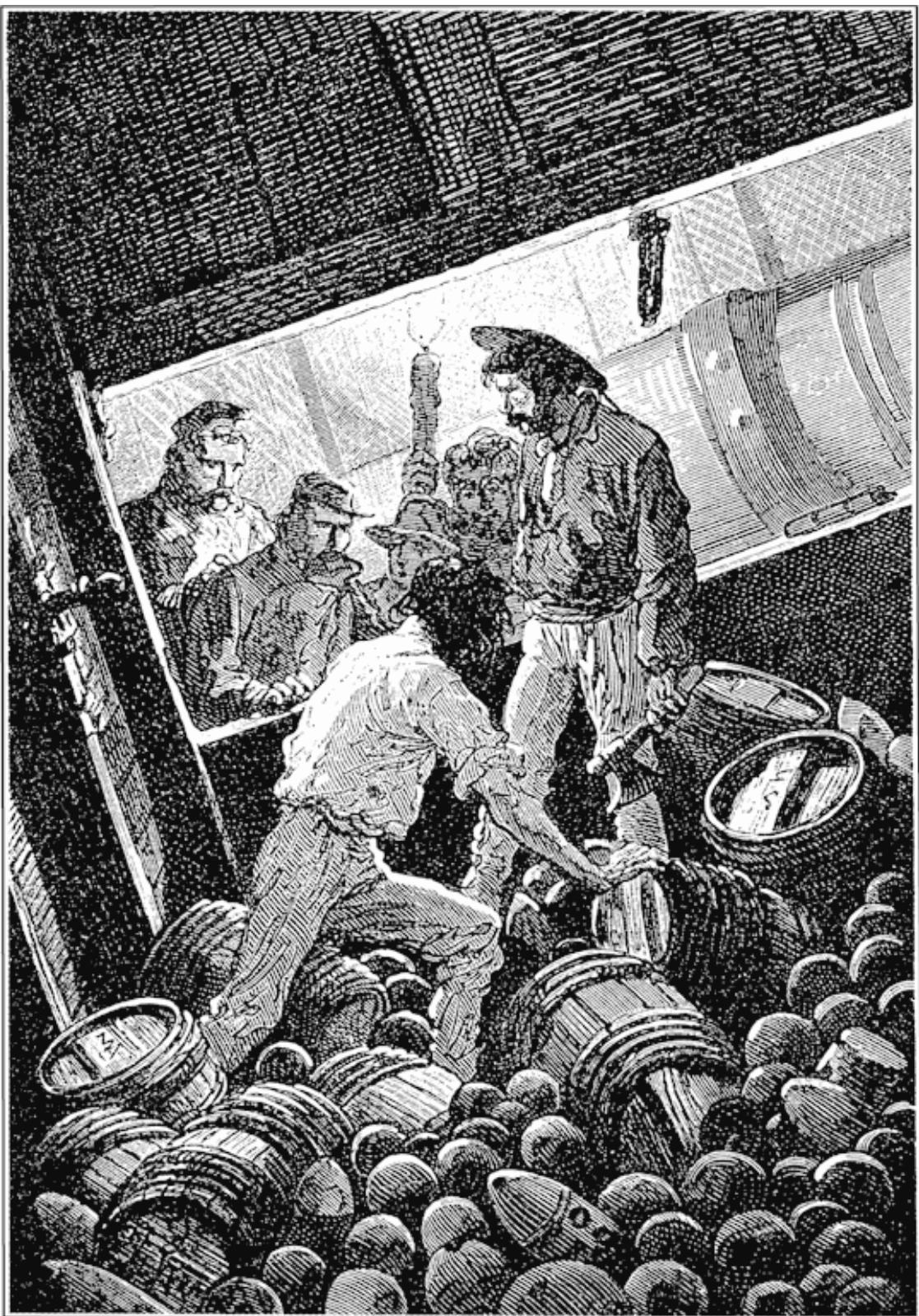
Поэтому колонисты без всякого ущерба могли отложить дальнейшие работы до следующего отлива. Бриг находился в таком ужасном состоянии, что о починке его нечего было и думать. Надо было ограничиться спасением груза и остатков корабельного корпуса, которые иначе будут затянуты и поглощены зыбучим песком на дне пролива.

Было уже пять часов вечера, когда колонисты покинули «Быстрый» и вернулись на остров. В этот день им пришлось много потрудиться, и поэтому они сначала с аппетитом поели, чтобы подкрепить ослабевшие силы. Но после обеда, несмотря на усталость, они не в силах были устоять против искушения узнать, что послала им судьба, и принялись вскрывать ящики и тюки, из которых состоял груз «Быстрого».

В большинстве ящиков оказалось готовое мужское платье, которое так было нужно колонистам. Тут были костюмы, всевозможное белье и обувь всех размеров. Осматривая это богатство, колонисты громкими криками выражали свою радость.

— Да, теперь мы богачи! — кричал Пенкроф. — Но только что мы будем делать с такой массой одежды?

Но груз «Быстрого» состоял не только из готового платья, белья и обуви. Пенкроф то и дело кричал «ура», приветствуя появление все новых и новых предметов. В одних бочонках оказалась водка, в других — табак, холодное и огнестрельное оружие... кипы хлопка, земледельческие орудия, плотничьи, столярные и кузнецкие инструменты, ящики со всевозможными семенами, которые, по-видимому, ни капельки не пострадали от недолгого пребывания в воде. Как кстати пришлось бы все это два года назад!.. Но даже теперь, когда колонисты, благодаря гению инженера, не нуждались ни в чем, вся эта добыча не была для них лишней, и они могли только радоваться, что судьба послала им такое богатство.

В кладовых Гранитного дворца было достаточно места, но в тот день оставалось слишком мало времени, чтобы все убрать туда как следует. Нужно было помнить, что шестеро пиратов еще находятся на острове, и, если колонисты не будут держаться настороже, негодяи могут причинить им немало бед. Хотя мост на реке Милосердия был разобран, это, конечно, не остановит разбойников, находившихся в безвыходном положении.

Потом, когда будет закончена разгрузка судна, колонисты решат, как им быть с оставшимися на острове пиратами, а пока решено было стеречь ящики и тюки, сложенные в кучу вблизи Гротов. Часовые всю ночь по очереди охраняли побережье от вторжения незваных гостей.

Ночь прошла спокойно, и пираты ничем не обнаружили своего присутствия вблизи Гротов. В этом убеждало часовых, между прочим, и спокойное поведение Юпа и Топа, которые тоже провели ночь в карауле и, наверное, заметили бы появление неприятеля.

Следующие три дня, 19, 20 и 21 октября, колонисты продолжали снимать с корабля весь груз и части оснастки, которые могли им пригодиться. Во время отлива лодка безостановочно сновала от берега к бригу и обратно, перевозя добычу, которую колонисты извлекали из трюма, а как только начинался прилив, колонисты прекращали выгрузку и перетаскивали вещи в кладовые. Между прочим, колонисты отодрали большую часть медной обшивки от корпуса, который с каждым днем все глубже погружался в песок. Но еще раньше, чем песок поглотил лежавшие на дне тяжелые предметы, Айртон и Пенкроф, ныряя несколько раз на дно пролива, сумели вытащить не только якоря вместе с цепями и чугунные болванки, но даже четыре пушки, которые подняли с помощью герметически закупоренных пустых бочек.

Таким образом, арсенал колонии обогатился не меньше, чем кладовые и кухня. Пенкроф, который любил строить грандиозные планы, с энтузиазмом говорил о необходимости построить батарею, которая охраняла бы канал и устье реки. Он клятвенно уверял, что с такими четырьмя пушками можно сражаться с целым флотом и не подпустить ни один даже самый большой корабль к острову Линкольна.

Между тем, когда от брига оставался только ни на что негодный остов, наступила ненастная погода, которая закончила его разрушение. Сайрес Смит хотел взорвать бриг, чтобы затем подобрать на берегу выброшенные приливом обломки, но сильный северо-восточный ветер и бурное море избавили инженера от всяких хлопот, и ему не пришлось тратить порох.

В ночь с 23 на 24 октября на море разыгрался шторм, остов брига совсем ревнулся, и часть обломков выбросило на берег.

Сайрес Смит тщательно обыскал все шкафы на юте, но, конечно, нигде не нашел никаких следов корабельных документов. Вероятно, пираты уничтожили все, что имело бы отношение к личности капитана «Быстрого» и его владельца. Нельзя было даже узнать, под каким флагом корабль плавал до тех пор, пока не попал в руки пиратов, потому что на корме, рядом с названием судна, не было написано название порта, к которому бриг был приписан. Несмотря на это, Айртон и Пенкроф уверяли, что по конструкции брига и по некоторым другим признакам это было английское судно.

Через неделю после катастрофы, или, лучше сказать, после счастливой, но необъяснимой развязки драмы, которой колонисты были обязаны своим спасением, от брига уже нельзя было найти никаких следов даже при самой низкой воде во время отлива. Последние обломки брига и те исчезли, и только в кладовых Гранитного дворца хранилось почти все, что было на разбойниччьем бриге.

Причина, вызвавшая крушение брига, так и осталась бы навсегда тайной для колонистов, если бы Наб, бродя по берегу 30 ноября, не нашел совершенно случайно обломок толстого металлического цилиндра, носивший несомненные следы взрыва. Цилиндр был изогнут и разломан вдоль ребра, как будто бы от действия сильного взрывчатого вещества.

Наб принес этот кусок металла своему хозяину, который в это время работал вместе с остальными колонистами в мастерских Гротов.

Сайрес Смит заинтересовался находкой, внимательно осмотрел цилиндр и, обращаясь к моряку, сказал:

— Пенкроф, вы до сих пор еще утверждаете, что «Быстрый» пошел ко дну не потому, что наткнулся на подводный риф?

– Да, мистер Сайрес, – ответил моряк. – Вы не хуже меня знаете, что в проливе нет никаких подводных рифов…

– А как, по-вашему, мог он удариться или, лучше сказать, мог об него удариться этот металлический риф? – спросил инженер, показывая ему исковерканный цилиндр.

– Неужели этот жалкий кусок железа?.. – воскликнул Пенкроф тоном полнейшего недоверия.

– Друзья мои, – продолжал Сайрес Смит, – все вы, конечно, помните, что, прежде чем пойти ко дну, бриг поднялся вверх, подброшенный огромным столбом воды?

– Да, мистер Сайрес! – подтвердил Герберт.

– Так хотите вы знать, что подняло этот столб?.. Вот этот цилиндр, – сказал инженер.

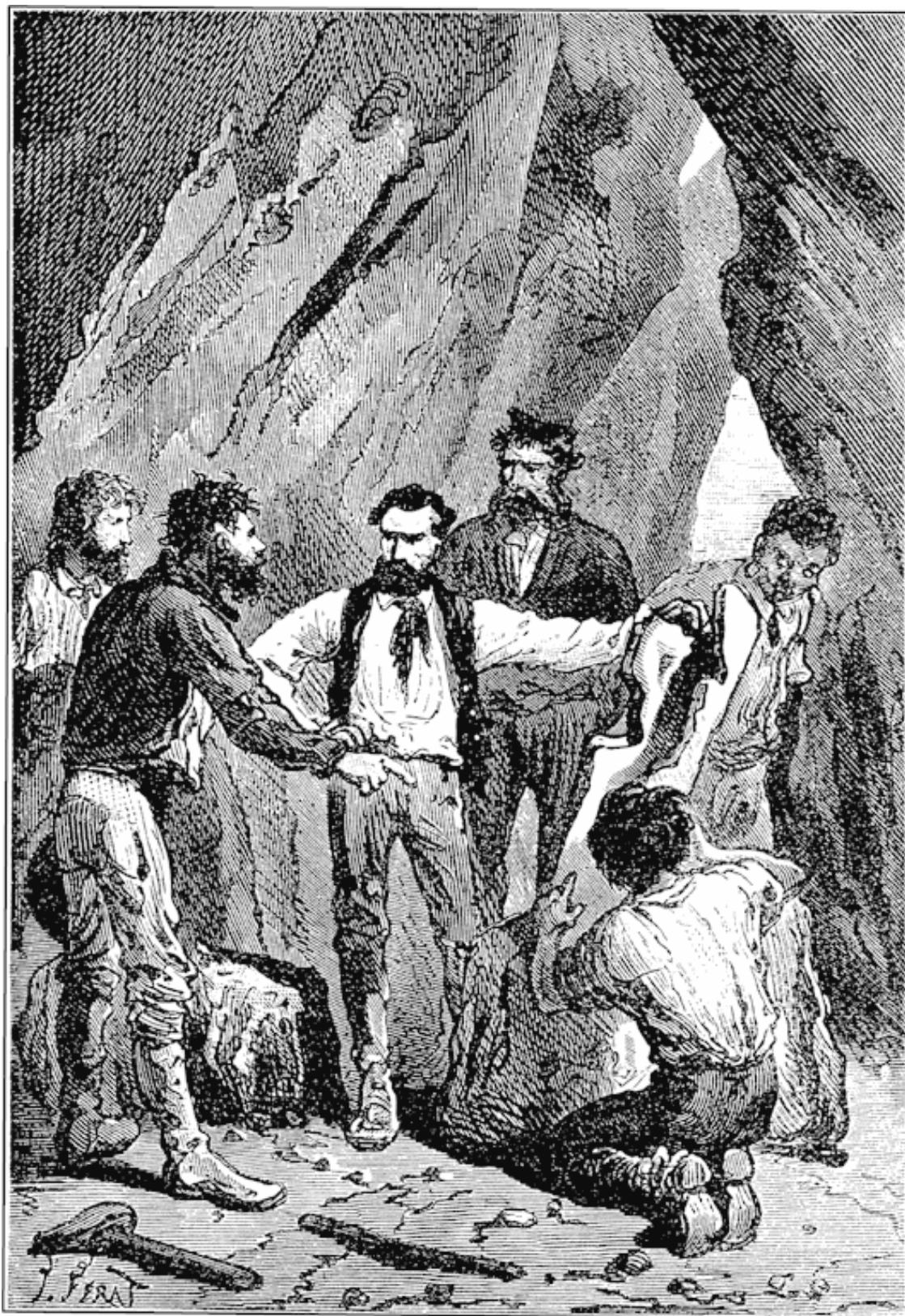
– Не может быть! – удивленно проговорил Пенкроф.

– Да! Этот цилиндр – все, что осталось от торпеды!

– От торпеды! – повторили все в один голос, окружая инженера.

– Но кто же мог пустить эту торпеду? – спросил Пенкроф, продолжая сомневаться.

– Только не я, вот и все, что я могу вам сказать! – ответил Сайрес Смит. – Но кто-то ее пустил, и вы сами видели, какой страшной разрушительной силой она обладает.

Глава пятая

Объяснения инженера. – Грандиозные планы Пенкрофа. – Воздушная батарея. – Четыре ядра. – Оставшиеся в живых пираты. – Колебания Айртона. – Великодушие Сайреса Смита. – Пенкроф нехотя сдается.

Итак, причина крушения брига найдена – это торпеда. Сайрес Смит во время войны не раз имел дело с этими снарядами и поэтому не мог ошибиться. Только такой снаряд, начиненный каким-то взрывчатым веществом – нитроглицерином или чем-нибудь другим, – мог с ужасающей силой вместе со столбом воды подбросить на воздух и сам бриг. Действием этого снаряда объясняются и пробоины в носовой части, и повреждения внутри самого судна, сделавшие его совершенно непригодным. Понятно, что «Быстрый» не выдержал удара торпеды, которая так же быстро потопила бы любой броненосец, как простую рыбачью лодку.

– Да, теперь все ясно... непонятно только, каким образом в пролив попала торпеда!

– Друзья мои, – сказал Сайрес Смит, – теперь уже не остается никакого сомнения в том, что на нашем острове живет какой-то таинственный человек, может быть, это тоже потерпевший крушение, подобно нам выброшенный на остров Линкольна. Я все это говорю, главным образом, для того, чтобы Айртон узнал обо всех загадочных событиях, случившихся за эти два года. Кто этот неизвестный благодетель, который так вовремя всегда приходит нам на помощь в трудные минуты? Этого я не знаю и даже не могу себе представить, кто бы это мог быть. Что заставляет этого человека скрываться от нас и оказывать нам помощь так таинственно? Я не могу придумать какое-нибудь более или менее правдоподобное объяснение. Но это, конечно, нисколько не уменьшает его достоинств, тем более что оказывать нам помощь в том виде, как это делалось до сих пор, может только человек, располагающий огромной силой. Айртон обязан ему точно так же, как и мы, потому что я убежден, что неизвестный, вытащивший меня из воды после падения воздушного шара, и автор записки, которую мы нашли в заливе, одно и то же лицо. Это он, и никто другой, сообщил нам о несчастном положении нашего друга Айртона на острове Табор. Он подбросил на мыс Находки ящик с вещами, которые были нам необходимы. Он зажег сигнальный огонь ночью на плато, чтобы мы нашли дорогу домой. Дробинка, которая оказалась в теле молодого пекари, вылетела из его ружья. Наконец, он взорвал торпедой пиратский бриг. Одним словом, все эти загадочные факты, которые мы не могли объяснить, – все это дело рук нашего таинственного покровителя. Но кто бы он ни был – потерпевший крушение или же добровольно поселившийся в уединении на этом острове, – мы можем только благодарить его за все, что он для нас сделал. Мы у него в долгу, и я не теряю надежды, что рано или поздно нам представится случай заплатить этот долг.

– Я с вами согласен, дорогой Сайрес, – сказал Гедеон Спилет. – Да, на нашем острове действительно скрывается какой-то могущественный человек, который с самого нашего прибытия на остров не перестает нам покровительствовать. Мне кажется, что этот неизвестный обладает сверхъестественными возможностями, если только в наше время можно еще верить в сверхъестественное. А что, если он пробирался к нам в Гранитный дворец через колодец и таким образом узнавал все, что мы говорили, все наши намерения и планы? Неужели это он бросил бутылку с запиской, когда мы в первый раз вышли в море на «Бонавентуре»? Неужели он выбросил Топа из озера и убил дюгоня? Неужели он, наконец, хотя все заставляет это предполагать, вытащил вас из воды, Сайрес, и при таких обстоятельствах, когда обыкновенный человек был бы не в состоянии вам помочь? Если все это так, тогда он и в самом деле обладает необыкновенным могуществом и может повелевать стихиями.

Рассуждения журналиста были справедливы, и его товарищи это понимали.

– Да, – снова заговорил Сайрес Смит, – если мы больше не сомневаемся, что во всем этом замешан человек, я готов признать, что это человек необыкновенный, обладающий такими

средствами, которые недоступны простому смертному. Во всем этом много таинственного, но, если мы найдем неизвестного доброго гения, мы узнаем и его тайну. Вопрос заключается вот в чем: оставить ли нам в покое этого великодушного человека и предоставить ему действовать под покровом таинственности или же мы должны сделать все возможное, чтобы найти его? Я бы хотел услышать ваше мнение.

— Мое мнение, — ответил Пенкроф, — что, кто бы ни был этот человек, он прежде всего хороший малый и заслуживает уважения.

— Согласен, — сказал Сайрес Смит, — но это не ответ, Пенкроф.

— Хозяин, — заговорил Наб, — я думаю, что, сколько бы мы ни искали этого таинственного господина, мы найдем его только тогда, когда он сам захочет этого.

— А что, брат Наб, ведь это, пожалуй, верно, — сказал Пенкроф.

— Я согласен с Набом, — заметил Гедеон Спилет, — но это нисколько не противоречит нашему желанию узнать тайну. Найдем мы этого таинственного человека или нет, мы, по крайней мере, выполним свой долг.

— Ну, а ты, мой мальчик, что скажешь? — спросил инженер, обращаясь к Герберту.

— О! — воскликнул Герберт с загоревшимся взглядом. — Мне хотелось бы увидеть и поблагодарить того, кто сначала спас вам жизнь, а потом спас и всех нас!..

— Что и говорить, мой мальчик, — сказал Пенкроф. — Я тоже не прочь повидать его, да думаю, не отказались бы от этого и остальные! Я человек не особенно любопытный, но с удовольствием пожертвовал бы одним глазом, чтобы встретиться лицом к лицу с этим человеком. Мне кажется, что он должен быть очень красив, высокого роста, сильный, с длинной густой бородой и такими же длинными волосами, которые развеваются, как солнечные лучи, а сам он сидит на облаках и держит в одной руке большой шар!

— Но послушайте, Пенкроф, — сказал Гедеон Спилет, — да ведь таким изображают Господа Бога.

— Да, мистер Спилет, — ответил ему моряк, — но я представляю его себе именно в таком виде.

— Ну, а вы, Айртон? — спросил инженер.

— Мистер Смит, — ответил Айртон, — в этом деле я не могу дать вам совет. Могу только сказать, что все, что вы ни сделаете, будет хорошо. Если вы пожелаете, чтобы и я принимал участие в поисках таинственного незнакомца, я с удовольствием готов помочь вам в этом.

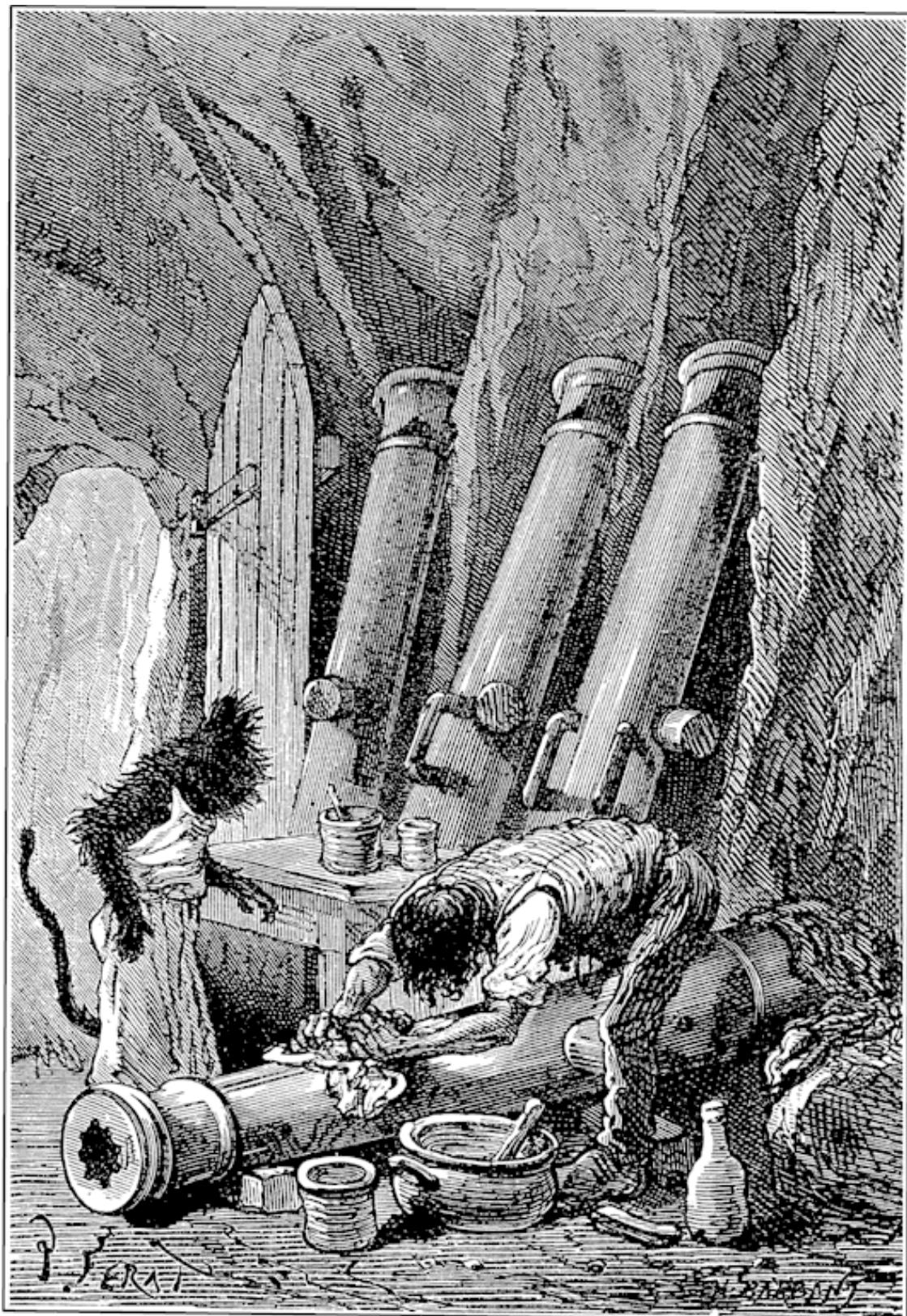
— Благодарю вас, Айртон, — сказал Сайрес Смит, — но я хочу получить прямой ответ на вопрос. Вы наш полноправный товарищ, вы уже несколько раз рисковали для нас своей жизнью, и поэтому мы должны советоваться с вами каждый раз, когда обсуждается какой-нибудь важный вопрос. Поэтому я прошу вас высказать свое мнение.

— Мистер Смит, — ответил Айртон, — я думаю, что мы должны сделать все, что только можем, чтобы найти этого неизвестного благодетеля. Может быть, он одинок? Может быть, он страдает и нуждается в дружеском участии? Я тоже, как вы справедливо заметили, считаю, что я у него в долгу, и хотел бы расплатиться с ним. Только этот неизвестный мог отправиться на остров Табор, увидеть там дикаря и затем сообщить вам о нем, чтобы вы могли спасти несчастного и вернуть его к жизни. Только благодаря тому, что он позаботился обо мне, я снова стал человеком. Я никогда не забуду того, что он для меня сделал.

— Решено, — сказал Сайрес Смит. — Мы как можно скорее начнем поиски этого неизвестного покровителя. Мы шаг за шагом исследуем все непроходимые места, как заправские сыщики, и пусть наш неизвестный друг и покровитель простит нам это, приняв во внимание наши добрые намерения.

В течение нескольких дней колонисты занимались сенокосом и уборкой хлеба. Они хотели сначала закончить все неотложные работы и потом уже приступить к исследованию неизвестных частей острова. Едва они успели убрать хлеб, как уже нужно было собирать

овощи, завезенные с острова Табор. Это тоже нельзя было откладывать, а все собранное следовало тотчас же убрать в кладовые. К счастью, в Гранитном дворце хватало места, туда можно было сложить все богатства острова Линкольна. Зерно и овощи убрали в специально приспособленные закрома и лари. Запасы колонии вообще хранились в большом порядке и были не доступны ворам, ни двуногим, ни четвероногим. Сырости тоже нечего было опасаться в этих кладовых, устроенных внутри гранитной скалы. Естественные пещеры в верхнем отделении Гранитного дворца были значительно расширены с помощью кирки, а там, где не брала кирка, с помощью пороха, и таким образом Гранитный дворец превратился в главный склад провианта, боеприпасов, оружия и различных инструментов и орудий – словом, всего имущества колонии.

Затем по настоятельной просьбе Пенкрофа колонисты с помощью талей и крана перетащили в Гранитный дворец четыре пушки с затонувшего брига. Это были превосходные орудия, их поставили в большом зале, и длинные стальные дула грозно выглядывали в амбразуры, пробитые в гранитной стене между окнами. Место для устройства воздушной батареи было выбрано очень удачно, с такой высоты можно было обстреливать всю бухту Союза. Любой

корабль, показавшийся в виду острова, непременно попадал под огонь этой грозной воздушной батареи.

— Мистер Сайрес, — сказал однажды Пенкроф, это было 8 ноября, — устройство батареи мы теперь закончили, и, по-моему, не мешало бы нам испытать, как далеко бьют наши пушки.

— Вы думаете, что это будет полезно? — спросил инженер.

— И вы еще спрашиваете? Это необходимо. Иначе как мы узнаем, на какое расстояние можно стрелять этими чугунными штучками, которых мы так много натаскали?

— Что ж, попробуем, Пенкроф, — ответил инженер. — Но только, по-моему, этот опыт следует произвести не с обычным порохом, который я бы не хотел расходовать, а с пироксилином. Пороха у нас сравнительно немного, а пироксилина мы можем иметь сколько захотим.

— Но прежде нужно знать, что пушки не разорвутся от пироксилина, — заметил Спилет, который не меньше Пенкрофа хотел испытать артиллерию Гранитного дворца.

— Думаю, что нет, — ответил инженер. — Но на всякий случай будем действовать осторожно.

У инженера были основания считать, что опыт замены пороха пироксилином удастся, потому что он был специалистом в артиллерийском деле и с одного взгляда отметил все достоинства имевшихся у них орудий. Эти прекрасные орудия из кованой стали заряжались с казенной части и могли вмещать огромный заряд, а следовательно, и стрелять на значительное расстояние. И в самом деле, дальность полета снаряда зависит от величины траектории, которую описывает ядро: чем больше начальная скорость, тем больше траектория, а следовательно, тем большее расстояние пролетает ядро.

— Да, — сказал Сайрес Смит своим товарищам, — начальная скорость полета снаряда прямо зависит от количества пороха, использованного для заряда. При изготовлении артиллерийских орудий самое главное употреблять металл, который обладает наибольшим сопротивлением, а сталь до сих пор считается самым лучшим металлом в этом отношении. Вот почему я уверен, что эти пушки прекрасно выдержат расширение газов пироксилина и дадут блестящие результаты.

— Мы лучше убедимся в этом, когда испробуем пушки! — ответил Пенкроф.

Нечего, конечно, и говорить, что все четыре пушки находились в превосходном состоянии. С тех пор как их вытащили из воды, моряк все свое свободное время посвящал уходу за ними. Он чистил, полировал, смазывал все части механизма, отвинчивая и разбирая для этого затворы. И теперь эти пушки блестели не хуже орудий какого-нибудь фрегата Соединенных Штатов.

Итак, в этот день в присутствии всего состава колонии, включая Юпа и Топа, поочередно были испытаны все четыре пушки воздушной батареи. Вместо пороха использовали пироксилин, причем инженер, конечно, принял во внимание его взрывчатую силу, в четыре раза превышающую силу обычного пороха. Стрелять решили большими коническими ядрами.

Пенкроф держал веревку запального фитиля первого орудия и нетерпеливо ждал команды стрелять. Сайрес Смит сделал знак, и в ту же минуту грянул выстрел. Ядро со свистом пронеслось над островком и через мгновение исчезло в волнах, хотя и очень далеко от батареи, но все-таки нельзя было точно определить, какое оно пролетело расстояние.

Вторую пушку навели на крайние скалы мыса Находки, ядро, ударив в остроконечный утес, находившийся на расстоянии почти трех миль от Гранитного дворца, разбило его вдребезги.

Наводил пушку и стрелял Герберт, глядя на результат, он был в полном восторге от удачного выстрела. Но Пенкроф радовался еще больше — и как учитель за своего ученика, и как отец за своего любимого ребенка.

Третья пушка стреляла в сторону дюн на северном берегу бухты Союза, и ядро, ударившись на излете в песок, по крайней мере, в четырех милях от Гранитного дворца, подскочило вверх и затем скрылось в море в облаке пены.

Для четвертого выстрела Сайрес Смит немного увеличил заряд, чтобы приблизительно определить предел дальности снаряда. Все отошли подальше в сторону на случай разрыва орудия и подожгли фитиль с помощью длинной веревки. Раздался страшный грохот, но дуло пушки не разорвалось. Колонисты бросились к окнам и успели увидеть, как ядро, раздробив верхушки скал на мысе Челюстей больше чем в пяти милях от Гранитного дворца, исчезло в заливе Акулы.

– Ну, мистер Сайрес, – спросил Пенкроф, предварительно прокричав несколько раз «ура» во всю силу своих могучих легких, – как вы находите нашу батарею? Теперь сюда могут являться хоть все пираты Тихого океана! Ни один из них не высадится на берег без нашего разрешения!

– Если вы хотите знать мое мнение, Пенкроф, то я бы предпочел, чтобы они здесь вообще не появлялись.

– Кстати, что вы намерены делать с шестью разбойниками, которым удалось высадиться на остров? Неужели мы позволим им слоняться по нашим лесам, полям и лугам? Эти пираты ничем не лучше ягуаров, и, по-моему, мы имеем полное право уничтожить их, как вредных хищников. Как вы думаете, Айртон? – спросил Пенкроф, обращаясь к своему товарищу.

Айртон медлил с ответом, а Сайрес Смит с сожалением подумал о том, как неделикатно поступил Пенкроф, задав этот вопрос, и его очень растрогал ответ смущенного Айртона:

– Я ведь тоже был одним из таких ягуаров, мистер Пенкроф, и поэтому не могу судить других...

С этими словами Айртон вышел из комнаты.

Тут только Пенкроф понял, какую бес tactность он себе позволил:

– Ну и дурак же я! Какую я, однако, сделал мерзость! Ни за что оскорбил беднягу Айртона!.. Но кто бы он ни был раньше, теперь он наш товарищ и точно так же, как и мы, имеет право высказывать свое мнение...

– Разумеется, – сказал Гедеон Спилет, – но такая скромность делает ему честь. Даже раскаявшись, он не может забыть свое печальное прошлое. Удивляться тут нечему, и его можно только уважать за это...

– Верно, мистер Спилет, – ответил Пенкроф. – Я обещаю вам, что больше не повторю ничего подобного! Я лучше откусчу себе язык, чем решусь хотя бы невольно обидеть беднягу Айртона!.. Но теперь уже поздно, и того, что случилось, не вернешь, будем говорить о деле. По моему мнению, эти бандиты не заслуживают никакого сочувствия с нашей стороны, и мы должны как можно скорее очистить от них наш остров.

– Это ваше мнение, Пенкроф? – спросил инженер.

– Да, это мое мнение.

– Значит, по-вашему, мы должны уничтожить их, даже не дожидаясь каких-либо враждебных действий с их стороны?

– А разве, по-вашему, мало того, что они уже сделали? – спросил Пенкроф, видимо не понимая инженера.

– А может быть, они изменятся нравственно, – сказал Сайрес Смит, – может быть, они почувствуют раскаяние...

– Вы думаете, что они могут раскаться? – проговорил моряк, пожимая плечами.

– Пенкроф, вспомни Айртона! – вмешался Герберт, взяv моряка за руку. – Ведь он же стал честным человеком!

Пенкроф недоуменно посмотрел на своих товарищей. Ему и в голову не приходило, что его предложение может показаться кому-нибудь неприемлемым. По своему немного рез-

кому характеру он не понимал, как можно «церемониться», так он говорил, с шайкой пиратов, сообщников Боба Гарвея, убивших экипаж «Быстрого». По его мнению, это были не люди, а дикие звери, которых не только можно, но даже следует уничтожить без колебаний.

— Вот так штука! — проговорил он. — Все против меня! Вы хотите величественить с этими мерзавцами! Что ж? Прекрасно! Пусть будет по-вашему! Только смотрите, как бы не пришлось потом раскаиваться в этом!

— Не понимаю, Пенкроф, о чем ты говоришь, — сказал Герберт. — Что они смогут нам сделать, если мы будем соблюдать осторожность?

— Гм! — произнес журналист, который до сих пор еще не высказал свое мнение. — Их ведь шестеро, и все они хорошо вооружены. А что, если они устроят засаду в различных местах? Я думаю, им нетрудно будет перестрелять нас одного за другим, тогда они станут хозяевами на острове...

— А почему же они не сделали до сих пор ничего подобного? — возразил Герберт. — Я думаю, это не принесет им никакой пользы. Потом вы забываете, что и нас тоже шесть человек.

— Отлично! Превосходно! — ворчал Пенкроф, которого не могли убедить никакие доводы. — Пусть себе эти честные люди занимаются своим делом, и не будем больше о них думать!

— Послушай, Пенкроф, — сказал Наб, — зачем ты корчишь из себя такого кровожадного человека, такого злодея? Я уверен, что, если бы один из этих несчастных попался тебе где-нибудь на дороге на расстоянии ружейного выстрела, ты не стал бы стрелять в него...

— Я убил бы его, как бешеную собаку, Наб, — холодно ответил Пенкроф.

— Пенкроф, — сказал инженер, — вы часто с большим вниманием прислушивались к моему мнению. Не согласитесь ли и на этот раз поступить по моему совету?

— Я поступлю, как вы пожелаете, мистер Смит, — ответил моряк, хотя и не совсем охотно.

— В таком случае не будем ничего предпринимать против них до тех пор, пока они не нападут на нас первыми.

Этим и закончился разговор о том, как поступить с пиратами. Колонисты решили не нападать на них, но в то же время на всякий случай держаться настороже. Остров был достаточно велик и плодороден, и если в глубине души у этих преступников осталась хоть капля порядочности, если они еще не совсем очерствели, то могли еще исправиться и снова стать честными людьми. Они попали в такие условия, что невольно должны будут измениться и начать новую жизнь. Во всяком случае, колонисты, хотя бы из одного только чувства человеческого, должны дать им на это время. Конечно, колонисты теперь уже не могли, как раньше, безбоязненно разгуливать по всему острову. До сих пор они остерегались только встречи с дикими зверями, а теперь по острову бродило шестеро пиратов, шестеро беглых ссыльных, может быть, из числа самых закоренелых преступников. Конечно, колонистам грозила серьезная опасность, и люди менее храбрые утратили бы покой.

Будь что будет! Они не имеют права поступить иначе, что бы там ни говорил Пенкроф! И только будущее покажет, кто из них был прав!

Глава шестая

План экспедиции. – Айртон в корале. – Гавань Воздушного Шара. – На борту «Бонавентура». – Телеграмма в кораль. – Айртон не отвечает. – Отъезд на следующий день. – Почему телеграф не действует. – Выстрел.

Закончив все неотложные работы, колонисты стали готовиться к экспедиции, которая теперь имела две цели. Во-первых, они хотели исследовать весь остров и найти таинственного человека, существование которого уже не подвергалось никакому сомнению, а во-вторых, выяснить, что случилось с пиратами, где они поселились, чем занимаются и какая опасность угрожает с их стороны мирному существованию колонии.

Сайрес Смит хотел отправиться в путь как можно скорее, но, так как экспедиция должна была продолжаться несколько дней, необходимо было взять с собой повозку и уложить в нее запас провизии на все время путешествия, посуду и все необходимое для устройства бивуака на ночь. А между тем как раз в это время один из онагги сильно ушиб себе ногу, и поэтому его нельзя было запрягать. Колонистам поневоле пришлось отложить отъезд, они решили дать отдохнуть больному животному еще неделю и отправиться в путь 20 ноября. Ноябрь в южных широтах соответствует маю в Северном полушарии. Приближалось лето, и погода стояла прекрасная. Солнце ярко сияло с безоблачных небес, к тому же наступали самые длинные дни в году. Словом, время было самое подходящее для того, чтобы отправиться в путешествие. Если предполагаемая экспедиция и не даст желаемых результатов, то в любом случае принесет большую пользу. Возможно, колонисты сделают немало открытий в области естественных богатств острова, ведь Сайрес Смит решил исследовать леса Дальнего Запада, тянувшиеся до самого конца Змеиного полуострова.

В течение девяти дней, остававшихся до начала экспедиции, решено было закончить работы на плато Дальнего Вида.

Айртон хотел воспользоваться этим временем для того, чтобы проведать кораль. Он предполагал пробыть там приблизительно дня два, то есть ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы оставить в стойлах обильный запас корма для четвероногих обитателей скотного двора, а затем он должен был вернуться в Гранитный дворец.

Когда Айртон уже собрался уходить, Сайрес Смит спросил его, не хочет ли он, чтобы с ним вместе отправился еще кто-нибудь из колонистов, так как теперь на острове уже не так безопасно, как прежде.

Айртон ответил, что в этом нет необходимости, что с работой он справится и один, а встречи с пиратами он не боится. Если же случится что-нибудь неожиданное в корале или в окрестностях, он немедленно сообщит об этом по телеграфу.

На рассвете 9 ноября Айртон отправился в кораль на повозке, запряженной одним онагги. Через два часа он уже был на месте и по телеграфу передал, что на ферме все благополучно.

Следующие два дня Сайрес Смит посвятил тому, чтобы сделать Гранитный дворец недоступным для вторжения незваных гостей. Он уже давно решил совершенно скрыть верхнее отверстие старого водостока, наглухо заделанное кирпичами и замаскированное растениями, посаженными вдоль южного угла озера Гранта. Сделать это было нетрудно, потому что требовалось только фута на два-три повысить уровень воды в озере, и тогда вода затопит отверстие.

Для этого нужно было устроить небольшие плотины в тех местах, где начинались ручей Водопада и Глицериновый ручей. Колонисты под руководством инженера горячо принялись за работу, и за два дня были сооружены две плотины каждая шириной от семи до восьми футов и высотой три фута, а материалом послужили сцементированные обломки гранитных утесов, которыми были усеяны берега озера и гребень плато.

Когда работа была окончена и вода в озере поднялась до нужного уровня, никто бы и не подумал, что в южной части озера когда-то существовал подземный сток, через который раньше изливался избыток озерной воды.

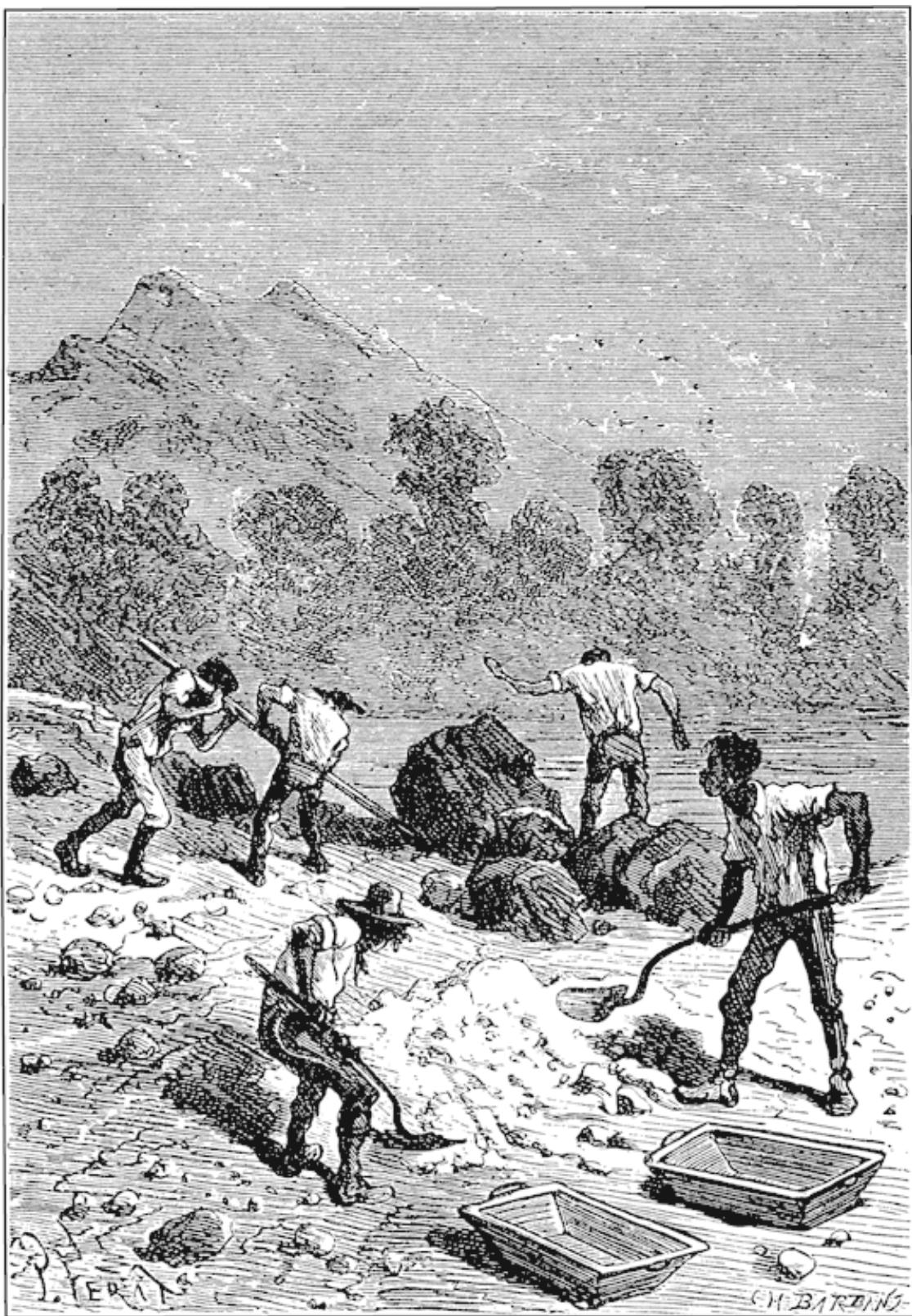
При этом отводной канал, снабживший водой Гранитный дворец и вместе с тем приводивший в движение подъемник, никого не пострадал. Стоило только поднять кверху корзину подъемника, и удобное убежище колонистов было в полной безопасности.

Как только было окончено строительство плотин, Пенкроф, Гедеон Спилет и Герберт решили посетить гавань Воздушного Шара, где на якоре стоял «Бонавентур». Пенкроф очень беспокоился и хотел узнать, не побывали ли там пираты.

— Ведь эти джентльмены выбрались на южный берег, — говорил он, — и если они пошли вдоль берега, то могли обнаружить нашу маленькую гавань. В таком случае я не дам и полдоллара за «Бонавентур».

Опасения Пенкрофа имели основания, и поэтому решили проверить, как там обстоят дела.

10 ноября после полудня моряк и его товарищи готовились отправиться в путь. Пенкроф, заряжая по две пули в оба ствола своего ружья, так многозначительно качал головой и так выразительно смотрел на окружающих, словно хотел сказать, что не пощадит любого, кто попадется ему на дороге, будь это человек или животное. Гедеон Спилет и Герберт тоже зарядили ружья, и в три часа дня все трое покинули Гранитный дворец.

Наб провожал их до поворота реки Милосердия и, как только они перешли на другой берег, поднял мост. Перед уходом Пенкроф условился, что о своем возвращении они сообщат ружейным выстрелом. По этому сигналу Наб опустит мост, и они перейдут по нему на левый берег реки.

Небольшой отряд направился прямо по дороге к гавани, к южному берегу острова. Им надо было пройти всего три с половиной мили, но Гедеон Спилет и его спутники потратили

на переход два часа. По пути они обыскали всю опушку леса со всех сторон, но не нашли никаких следов пиратов. Вероятно, беглецы, не зная ни численности колонистов, ни средств их обороны, скрывались в каком-нибудь недоступном месте острова.

Подойдя к гавани, Пенкроф с большим удовольствием увидел, что «Бонавентур» спокойно покачивается на якоре возле берега. В этом, впрочем, не было ничего удивительного. Гавань Воздушного Шара была так хорошо замаскирована среди высоких скал, что ее нельзя было обнаружить ни с моря, ни с суши, заметить ее можно было только сверху.

— Прекрасно! Разбойники еще не успели здесь побывать, — сказал Пенкроф. — Змеи любят скрываться в высокой траве, и мы, вероятно, найдем их в лесах Дальнего Запада.

— Для нас это большое счастье, — заметил Герберт, — потому что если бы они нашли «Бонавентур», то завладели бы им, чтобы убежать отсюда, и нам не скоро бы удалось снова съездить на остров Табор.

— Да, это правда, — сказал Спилет. — При первой же возможности надо будет съездить туда и оставить там записку с указанием координат острова Линкольна и местопребывания Айртона на случай, если шотландская яхта придет за ним.

— Прекрасно, мистер Спилет, — ответил моряк, — «Бонавентур» стоит целехонек на своем месте, так что и судно, и экипаж готовы отправиться в путь по первому приказу.

— По-моему, Пенкроф, это надо будет сделать сразу, как только мы вернемся из нашего путешествия по острову. Вероятно, что наш таинственный незнакомец, если только нам удастся найти его, сообщит нам много интересного об острове Линкольна и острове Табор. Я убежден, что именно он написал записку, которую мы нашли в бутылке, и поэтому очень возможно, что он знает и о том, когда должна вернуться яхта!

— Тысяча чертей! — воскликнул Пенкроф. — Дорого бы я дал за то, чтобы узнать, кто он такой! Он нас знает, а мы его нет! Если это просто человек, такой же, как и мы, потерпевший крушение, тогда зачем он от нас прячется? Мы ведь не бродяги, не разбойники, а общество порядочных людей не может быть никому неприятным! По своей ли воле он попал сюда? Может ли он, если захочет, покинуть остров? Да может быть, его уже здесь и нет? А что, если он уже уехал?..

Разговаривая, Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет поднялись на «Бонавентур» и начали ходить по палубе. Вдруг Пенкроф, случайно бросив взгляд на битенг, на который был намотан якорный канат, громко вскрикнул:

— Ах, черт возьми! Как я этого не заметил сразу!

— Что случилось, Пенкроф? — спросил Спилет.

— А то, что этот узел завязан не мной!

И Пенкроф указал на веревку, которой якорный канат был привязан к битенгу, чтобы он не размотался.

— Кто же мог это сделать? — удивленно спросил Гедеон Спилет.

— Не знаю, только не я! Я готов поклясться, что это не мой узел!.. Я всегда завязываю двойным морским узлом...

— А не могли вы хоть один раз ошибиться, Пенкроф, и завязать простым узлом?

— Нет, я не мог сделать такой ошибки, — упрямо повторял Пенкроф. — Я это делаю машинально, просто по привычке, и тут не может быть и речи об ошибке!

— Тогда, значит, пираты побывали на «Бонавентуре»? — спросил Герберт.

— Про это я ничего не знаю, — ответил Пенкроф, — зато наверняка могу сказать, что кто-то был на «Бонавентуре», поднимал якорь, а потом снова бросал в воду. Э, стойте! Да вот вам еще и другое доказательство! Видите, якорный канат не обмотан парусиной на клюзе²⁴. Нет, нет!.. Меня не обманешь... Кто-то пользовался нашим судном!

²⁴ Это делается для того, чтобы канат не перетирался, когда судно стоит на якоре.

– Но если бы пираты побывали на нем, они бы разграбили что только можно или, что еще вернее, сами убежали бы на нем...

– Бежать... а куда?.. На остров Табор?.. – возразил Пенкроф. – Вы, значит, думаете, что они рискнули бы пуститься в дальнее плавание на таком небольшом суденышке?

– При этом еще нужно, чтобы они знали о существовании острова Табор, – заметил Спилет.

– Пираты или нет, а только кто-то был на нашем судне без нас и даже плавал на нем... Это так же верно, как то, что я Бонавентур Пенкроф из Вайн-Ярда!

Моряк говорил так уверенно, что ни Гедеон Спилет, ни Герберт не решились с ним спорить. Кроме того, судно, по-видимому, даже стояло не на том месте, где Пенкроф швартовался в последний раз. Опытный моряк не сомневался, что «Бонавентур» снимался с якоря. Зачем это делать, если только кто-то побывавший на судне не плавал на нем?..

– Но как же мы не заметили «Бонавентур», когда он проходил мимо острова? – спросил Спилет, желавший выяснить, как все это могло случиться.

– Э, мистер Спилет, – ответил моряк, – стоит только выбрать для этого ночь потемнее, и с попутным ветром можно так далеко уйти от острова, что корабль не разглядишь ни в какие телескопы!

– Все-таки я не понимаю, – продолжал Гедеон Спилет, – зачем пиратам мог понадобиться «Бонавентур» и почему, наконец, они привели его обратно в гавань?

– Эх, мистер Спилет, мало ли что делается на этом острове такого, что мы не можем себе объяснить!.. Отнесем и это к той же категории и выкинем пока из головы! Для нас самое важное, что «Бонавентур» стоит здесь на якоре в целости и сохранности!.. Будет очень жаль, если пираты вздумают прокатиться на нем еще раз. Боюсь, что тогда мы не найдем его на прежнем месте!

– В таком случае, Пенкроф, – спросил Герберт, – не лучше ли отвести «Бонавентур» к Гранитному дворцу?

– И да, и нет, – ответил Пенкроф, – или скорее нет. Устье реки Милосердия – плохая стоянка для судна, и, кроме того, море там очень бурное.

– А если дотащить его по песку до самых Гротов?

– Пожалуй... – ответил Пенкроф. – Но раз мы покинем Гранитный дворец и отправимся в довольно длительную экспедицию, я думаю, «Бонавентуру» здесь будет безопаснее, чем возле Гротов... Лучше ему оставаться здесь, пока мы не справимся с пиратами.

– Я с вами согласен, – сказал Спилет. – Здесь в случае бури он не пострадает от плохой погоды, как в устье реки Милосердия.

– Ну а что, если пираты еще раз заглянут сюда? – спросил Герберт.

– Видишь ли в чем дело, мой мальчик, – ответил Пенкроф, – если они не найдут корабль здесь, они станут искать его в другом месте и прежде всего вблизи Гранитного дворца... Ну а в то время, пока мы будем заниматься исследованием острова, никто не помешает им захватить «Бонавентур». Поэтому я согласен с мистером Спилетом, что его надо пока оставить в гавани Воздушного Шара. Но когда мы вернемся, если к тому времени нам не удастся избавиться от этих негодяев, тогда, конечно, нужно будет на всякий случай перевести корабль поближе к Гранитному дворцу.

– Отлично. Идем домой! – сказал Спилет.

Вернувшись в Гранитный дворец, Пенкроф, Герберт и Гедеон Спилет тотчас же рассказали инженеру о том, что кто-то пользовался баркой. Инженер одобрил их решение оставить пока барку на старом месте. Он пообещал моряку исследовать часть пролива между островом Линкольна и островком Спасения и выяснить, нельзя ли устроить там искусственную гавань. Если это удастся, тогда «Бонавентур» всегда будет у них на виду, а если понадобится, то его можно будет даже запереть.

В тот же вечер Айртону отправили телеграмму с просьбой на обратном пути захватить с собой из корала двух коз, которых Наб хотел держать под рукой на лугу плато Дальнего Вида. Однако Айртон не ответил на посланную депешу, даже не подтвердил звонком, что телеграмма получена. Инженера это очень удивило. Но, может быть, Айртона не было в это время в корале или, может быть, он уже возвращался в Гранитный дворец? В этом не было ничего невозможного, потому что после его ухода прошло два дня, а он обещал вернуться 10-го вечером или же 11-го рано утром.

Колонисты решили дожидаться возвращения Айртона в Гранитный дворец. Наб и Герберт по очереди караулили около моста, чтобы опустить его, как только Айртон покажется на дороге.

Но в десять часов вечера стало ясно, что Айртон не придет. Решили послать вторую телеграмму с требованием немедленно ответить.

Эта телеграмма тоже осталась без ответа. Колонисты сильно встревожились. Что там случилось? Может быть, Айртона нет в корале, а может быть, он там, но или болен, или в плену у пиратов? Может быть, надо поспешить к нему на помощь, хотя и очень рискованно идти лесом в такую темную ночь?

Мнения разделились. Одни настаивали на том, чтобы идти немедленно, а другие говорили, что благоразумие требует отложить это до утра.

— А может быть, Айртон не отвечает потому, — заметил Герберт, — что у него испортился телеграфный аппарат… тогда, сколько бы мы ни звонили, он все равно не в состоянии нам ответить.

— Это вполне возможно, — сказал Спилет.

— Подождем до завтра, — предложил Сайрес Смит. — Действительно может быть так, что там испортился телеграфный аппарат, и поэтому Айртон или не получил наших телеграмм, или не может на них ответить.

Колонисты послушались совета инженера и решили ждать до утра, и, конечно, все без исключения провели очень тревожную ночь.

На рассвете 11 ноября Сайрес Смит опять отправил телеграмму, но ответа не получил. Через несколько минут он повторил свою попытку, но результат был тот же самый.

— Идем в кораль! — сказал он.

— Но только хорошо вооруженные, — добавил Пенкроф.

Перед уходом решили, что кто-то должен остаться в Гранитном дворце, и с общего согласия оставили там Наба. Наб должен был проводить своих товарищей до Глицеринового ручья, поднять за ними мост и затем, спрятавшись за деревьями, поджидать их возвращения или прихода Айртона.

Если же появятся пираты и попытаются перебраться через ручей, он должен будет задержать их, стреляя из ружья, а когда сопротивление станет невозможным, запрется в Гранитном дворце, уберет корзинку подъемника и будет там в полной безопасности ожидать возвращения остальных колонистов.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт и Пенкроф решили идти прямо в кораль, а если Айртона там нет, предпринять поиски в лесу по соседству с коралем.

В шесть часов утра инженер и его спутники перешли Глицериновый ручей, а Наб, проводив их и подняв мостики, укрылся за группой больших драконовых деревьев, которые росли на левом берегу ручья почти у самой воды.

Спустившись с плато Дальнего Вида, колонисты направились по дороге, ведущей прямо к коралю. Они шли с ружьями наперевес, готовые стрелять при первом же появлении врага, кто бы он ни был. Два карабина и два кремневых ружья были заряжены пулями.

По обеим сторонам дороги тянулся густой кустарник, где могли скрываться высадившиеся на остров пираты. Они были вооружены и очень опасны.

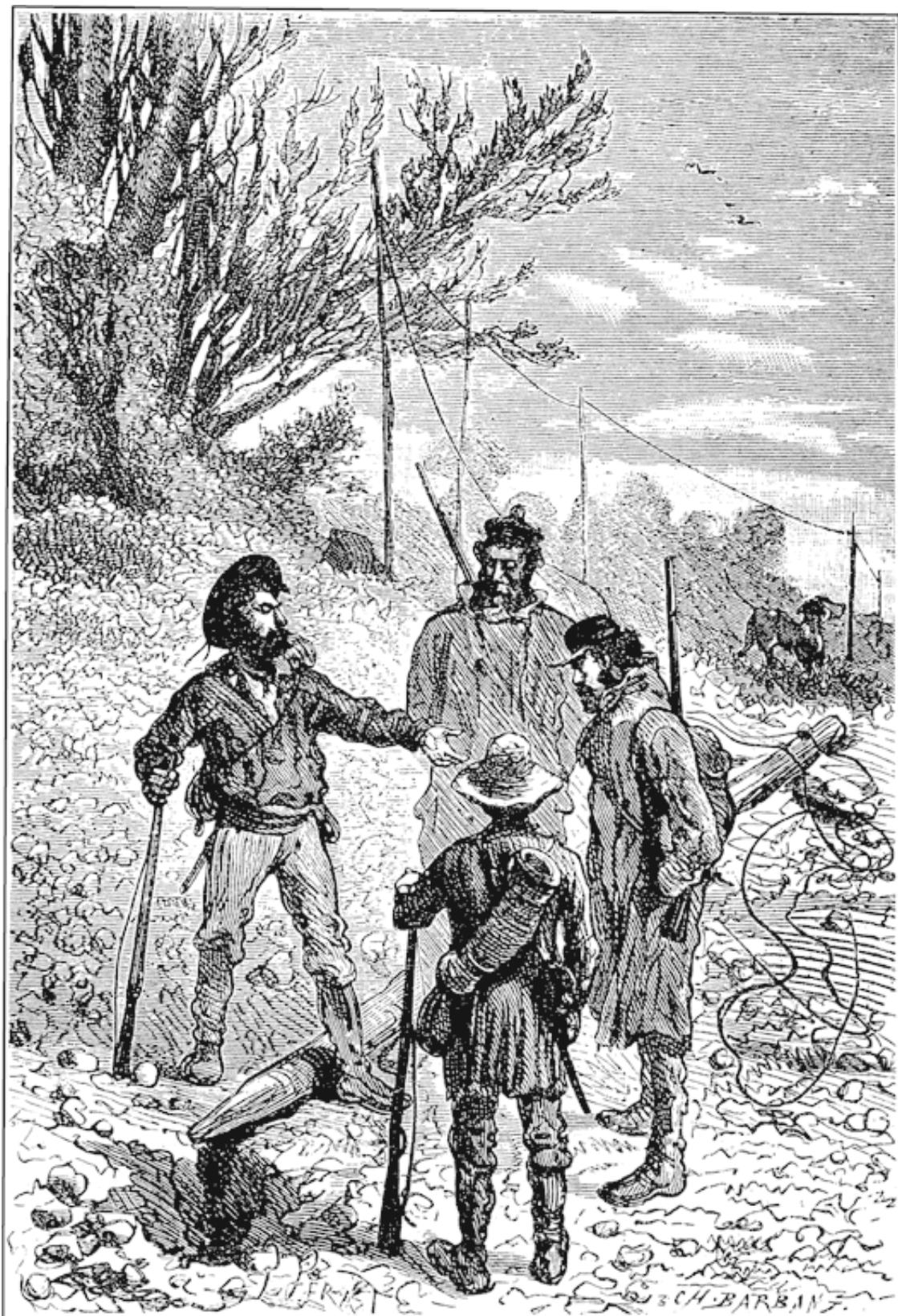
Колонисты шли быстро и только изредка обменивались короткими фразами. Топ бежал впереди то по дороге, то между кустов, но вел себя спокойно, поэтому можно было предположить, что пираты не подстерегали их в засаде. Топ обладал прекрасным чутьем, и, если бы злодеи скрывались где-нибудь поблизости, он наверняка начал бы громко лаять.

Колонисты прошли уже почти две мили, но нигде не обнаружили обрыва телеграфного провода. Столбы стояли на своих местах, изоляторы были все целы, и проволока натянута правильно. Но дальше инженер стал замечать, что проволока как будто уже не так тую натянута, и чем дальше, тем больше она обвисала. Дойдя до столба № 74, Герберт, который шел впереди, вдруг остановился и громко крикнул:

– Проволока оборвана!

Спутники Герберта приблизились шаг и через минуту подошли к тому месту, где стоял юноша.

Телеграфный столб оказался поваленным и лежал поперек дороги. Обрыв провода теперь был установлен, и стало понятно, почему колонисты не могли получить ответ от Айртона и почему он, наверное, не получил ни одной телеграммы.

— А ведь это не ветер повалил телеграфный столб, — заметил Пенкроф.

— Нет, — подтвердил Гедеон Спилет. — Тут кто-то разрыл землю, а потом просто вытащил столб.

— Смотрите, провод оборван, — сказал Герберт, показывая концы провода, который, видимо, был разорван нарочно.

— А когда это сделано? Излом свежий? — спросил Сайрес Смит.

— Не похоже, чтобы это было сделано давно, — ответил Герберт, — я уверен, что провод оборван недавно.

— Скорей в кораль! В кораль! — крикнул Пенкроф.

Колонисты прошли ровно половину пути от Гранитного дворца до кораля. Им оставалось пройти еще две с половиной мили, и они снова быстрым шагом двинулись вперед.

Очевидно, в корале что-то случилось. Айртон, конечно, посыпал им телеграмму в Гранитный дворец, но она не дошла до них из-за разрыва провода. Однако не это беспокоило колонистов, а то, что Айртон обещал вернуться еще накануне вечером или, самое позднее, утром, а между тем до сих пор его не было. Наконец, не без причины было прервано сообщение между коралем и Гранитным дворцом, а кому, кроме пиратов, могло это понадобиться?

Колонисты уже не шли, а бежали, задыхаясь от волнения и тревоги. Все они успели искренно привязаться к своему новому товарищу. Неужели они найдут его убитым рукой одного из тех разбойников, главарем которых он сам был одно время?

Вскоре колонисты достигли того места, где дорога шла вдоль ручейка, притока Красного ручья, орошающего луга в корале. Тут они пошли медленнее, чтобы немного отдохнуть и со свежими силами вступить в битву, если придется иметь дело с пиратами. Держа ружья наготове, с взвешенными курками, они тревожно осматривались по сторонам. Топ глухо ворчал, и это ворчание умной собаки не предвещало ничего хорошего.

Наконец сквозь деревья показалась ограда кораля. С первого взгляда не было заметно ничего подозрительного. Ворота, как обычно, были закрыты. В корале царила глубокая тишина. Не слышно было ни блеяния муфлонов, ни голоса Айртона.

— Пойдем туда! — сказал Сайрес Смит.

Инженер пошел вперед, а его спутники остались караулить шагах в двадцати от ограды, готовые стрелять по первому знаку.

Сайрес Смит привычным жестом повернул щеколду и уже хотел открыть ворота, как вдруг Топ бросился к воротам с громким лаем. В ту же минуту раздался выстрел, над оградой сверкнул огонь, и вслед за ним послышался крик боли.

Герберт, сраженный пулей, упал на землю.

Глава седьмая

Спилет и Пенкроф в корале. – Герберта переносят в дом. – Отчаяние Пенкрофа. – Смит и Спилет советуются. – Способ лечения. – Надежда на выздоровление. – Как предупредить Наба? – Надежный и верный посолец. – Ответ Наба.

Услышав крик Герберта, Пенкроф выронил ружье и бросился к нему.

– Они его убили! – закричал он. – Они убили моего мальчика! Убили!

Сайрес Смит и Гедеон Спилет тоже подбежали к Герберту. Журналист опустился на колени и приложил ухо к сердцу юноши.

– Он жив, – сказал Спилет, поднимая голову, – но его нельзя оставлять здесь. Надо его перенести...

– В Гранитный дворец? Но это невозможно! – перебил его инженер.

– Тогда в кораль! – воскликнул Пенкроф.

– Подождите одну минуту, – сказал Сайрес Смит.

Вслед за тем он отошел от них и повернулся налево, стараясь обойти ограду. Вдруг Смит увидел перед собой пирата, тот выстрелил в него, но пуля только пробила инженеру шляпу. Второго выстрела он сделал не успел, потому что Сайрес Смит вонзил ему прямо в сердце кинжал, который в этом случае оказался надежнее любого ружья. Разбойник бездыханным свалился на землю.

Тем временем Гедеон Спилет и моряк перелезли через забор и, отбросив бревна, которыми изнутри были подперты ворота, открыли их и побежали к дому Айртона. Там никого не было, и через несколько минут раненый Герберт уже лежал на кровати Айртона.

Вскоре к ним присоединился и Сайрес Смит. Пенкроф просто с ума сходил при виде Герберта, лежавшего без сознания. Он молился со слезами на глазах, рыдал, как безумный, бился головой об стену. Смит и Спилет старались его утешить и успокоить, но Пенкроф их не слушал. Впрочем, они сами с трудом сдерживали рыдания и почти не могли говорить.

Тем не менее они делали все, что только могли, чтобы привести в сознание несчастного юношу, который умирал у них на глазах. В течение своей тревожной жизни, полной всевозможных приключений, Гедеону Спилету не раз приходилось исполнять обязанности доктора и оказывать первую помощь. Он обладал некоторыми познаниями в медицине и часто лечил раны, нанесенные огнестрельным оружием. Поэтому и теперь он, не колеблясь, стал ухаживать за раненым Гербертом. Сайрес Смит помогал ему.

Журналиста больше всего пугала продолжительность обморока, который можно было объяснить или большой потерей крови, или же тем, что пуля не только задела кость, но и повредила жизненно важные органы.

Герберт был без сознания, очень бледный, и пульс у него бился так слабо и с такими большими перебоями, что Гедеону Спилету иногда казалось, что сердце бедного юноши остановилось. Состояние раненого внушало очень серьезные опасения, и Гедеон Спилет с озабоченным видом всматривался в лицо Герберта.

Осторожно, стараясь не причинить боль, они обнажили грудь юноши и смывли кровь, прикладывая платки, смоченные холодной водой. Когда остановили с помощью компрессов кровь, стало видно, куда именно ранен Герберт. На груди между третьим и четвертым ребром краснело небольшое пулевое отверстие.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет осторожно повернули на бок несчастного юношу, у которого при этом вырвался слабый стон, его можно было принять за последний вздох умирающего.

На спине у Герберта виднелось точно такое же круглое отверстие, покрытое запекшейся кровью. Пуля прошла навылет.

— Слава богу! — сказал Спилет. — Рана сквозная, пуля не застряла в теле, и нам не придется ее извлекать!

— А что, пуля не задела сердце? — спросил тревожным голосом Сайрес Смит.

— Нет, сердце не тронуто! Иначе Герберт бы умер!

— Умер! — вскрикнул Пенкроф полным отчаяния голосом.

Ему показалось, что Герберт умер, потому что он рассыпал только последнее слово Спилета.

— Нет, нет, Пенкроф, он не умер! — старался успокоить его Сайрес Смит. — Он живой! Пульс продолжает биться! Слышите, он даже стонет, хотя и очень слабо. Но послушайте, Пенкроф, возвращите себя в руки и помогайте нам. Нам его тоже жаль, и если мы вместо того, чтобы ухаживать за ним, начнем плакать и стонать, от этого ему лучше не будет. Успокойтесь, друг мой... Вы думаете, нам не тяжело было бы лишиться его??!

Пенкроф умолк. Крупные слезы градом полились у него из глаз и заструились по щекам.

Тем временем Гедеон Спилет старался вспомнить все, что знал из хирургии, и обдумывал, какой ему применить способ лечения. Осмотр раненого показал, что пуля прошла навылет... Насколько серьезна эта рана?.. Какие важные органы были задеты? Ответить на это не мог бы сейчас даже настоящий хирург.

Однако Спилет знал, что прежде всего нужно предупредить воспаление поврежденных органов, затем воспаление внешних отверстий ран и, наконец, не дать развиться лихорадке. Но какие лекарства у него есть для того, чтобы предотвратить воспаление и лихорадку? Пока ничего, кроме холодной воды.

Во всяком случае, необходимо было скорее сделать перевязку. Следовало бы промыть раны теплой водой и затем попытаться стянуть края ран, но Спилет не стал этого делать, боясь вызвать новое кровотечение. Герберт и без того потерял много крови и очень сильно ослаб от этого. Журналист ограничился тем, что обмыл осторожно обе ранки холодной водой.

Герберта повернули на левый бок и оставили его лежать в этом положении.

— Не нужно, чтобы он двигался, — сказал Гедеон Спилет. — Теперь может начаться нагноение ран на спине и на груди, и такое положение удобнее всего для того, чтобы они скорей зажили. Герберту необходим полный покой.

— Что? Значит, его нельзя перенести в Гранитный дворец? — спросил Пенкроф.

— Нельзя, Пенкроф, — ответил Спилет.

— Проклятие! — крикнул моряк, грозя небу кулаком.

— Пенкроф! — остановил его Сайрес Смит.

Гедеон Спилет между тем снова принял внимательно осматривать своего пациента. Герберт все еще лежал без сознания, с бледным, бескровным лицом, и это очень беспокоило его доктора.

— Сайрес, — сказал он наконец, — я ведь не врач... Я просто не знаю, что мне делать... помогите мне... посоветуйте... вы так много знаете!..

— Прежде всего не волнуйтесь, мой друг, — ответил инженер, пожимая руку журналисту. — Не теряйте самообладания, действуйте хладнокровно и помните только одно: нужно спасти Герберта!

Эти слова вернули Гедеону Спилету самообладание, и, как бы устыдившись малодушия, охватившего его в минуту отчаяния, он снова стал, по крайней мере внешне, таким же спокойным и хладнокровным, как и раньше. Он подошел к кровати и сел на стоявший возле нее табурет. Сайрес Смит стал около него. Пенкроф снял с себя рубашку, разорвал ее на клочки и машинально стал щипать корпию.

Гедеон Спилет, осматривая раны, сказал Смиту, что он постарается остановить кровотечение, но не будет стремиться к тому, чтобы раны зажили, потому что, наверное, повреждены внутренние органы и нужно, чтобы гной не скапливался в груди, а выделялся наружу.

Сайрес Смит согласился с ним, и они решили перевязать раны, не стягивая их. К счастью, края ран были чистыми.

А есть ли у них средство против неизбежного воспалительного процесса, который мог скоро начаться и сопровождаться повышением температуры?

Да! Они имели это средство. Они могли использовать компрессы из холодной воды, которая считается самым сильным успокаивающим средством при воспалении ран. Кроме того, холодная вода, снимая жар, позволяет держать рану в полном покое, препятствует доступу воздуха внутрь раны, что, по крайней мере в первое время, считается очень вредным. Лечение холодной водой самое простое и дает хорошие результаты.

Гедеон Спилет и Сайрес Смит действовали так поневоле, за неимением ничего другого, руководствуясь здравым смыслом. Принесли холодной воды, хорошо промыли тряпки и стали прикладывать Герберту на обе раны компрессы, периодически смачивая их холодной водой.

Тем временем Пенкроф зажег огонь в камине и стал рыться в шкафчике, где хранились различные съестные припасы, в которых не было недостатка в уединенном жилище Айртона. Там оказались и кое-какие лекарственные растения, – сам бедный Герберт собирал их в окрестностях озера Гранта. Корреспондент выбрал те коренья и травы, какие ему были нужны, и в небольшой кастрюльке сварил из них, добавив кленовый сахар, прохладительное питье, которое почти насильно вливали по капле в рот Герберту, все еще лежавшему без сознания. У него уже начиналась лихорадка, и он весь день и всю ночь провел в бреду, не приходя в себя. Жизнь несчастного юноши висела на волоске, и этот волосок мог оборваться каждое мгновение.

На другой день, 12 ноября, у колонистов появилась надежда на благополучный исход болезни. Герберт пришел наконец в сознание. Он открыл глаза, узнал Сайреса Смита, Гедеона Спилета и Пенкрофа. Он даже сказал несколько слов. Оказалось, что он не помнит ничего из того, что случилось. Ему кратко обо всем рассказали, и Гедеон Спилет попросил его лежать спокойно, не шевелиться, добавив, что жизнь его уже вне опасности, и, если он не будет волноваться, раны заживут через несколько дней. Впрочем, Герберт почти не чувствовал боли; холодная вода отлично делала свое дело, и компрессы не дали развиться воспалению. Рубцевание ран шло совершенно правильно, лихорадка не усиливалась, напротив, жар даже спадал, и можно было надеяться, что эта ужасная рана не повлечет за собой никаких серьезных последствий. Пенкроф ожидал и с каждой минутой чувствовал, как у него становится легче на сердце. Словно сестра милосердия или любящая мать, он не отходил от постели своего любимого ребенка...

Вскоре Герберт заснул, на этот раз сон его был уже гораздо спокойнее.

– Мистер Спилет, скажите мне еще раз, что вы надеетесь на его выздоровление, – говорил Пенкроф. – Скажите мне еще раз, что вы спасете Герберта.

– Да, он выздоровеет! Мы его спасем! – ответил корреспондент. – Рана очень серьезная и, вероятно, пуля задела легкое, но повреждение легкого не грозит смертью раненому.

– Слава богу! – проговорил Пенкроф.

Нечего, конечно, и говорить, что в течение этих суток, проведенных колонистами в домике Айртона в корале, они так были заняты спасением Герберта, что ни о чем другом и не думали. Они словно забыли о том, какая им угрожает опасность в случае внезапного вторжения пиратов, а между тем злодеи могли появиться каждую минуту, и необходимо было принять какие-нибудь меры безопасности. Но уже на следующий день, когда Пенкроф дежурил у постели больного, Сайрес Смит и Гедеон Спилет заговорили о дальнейших действиях.

Прежде всего они решили осмотреть кораль и поискать Айртона, но нигде не нашли его ни живого, ни мертвого.

Может быть, его увезли с собой насильно бывшие товарищи? Может быть, они перебрались через забор и напали на него в ту минуту, когда он этого всего меньше ожидал? Может быть, он сопротивлялся и погиб в борьбе? Вероятно, так и было. Перелезая через ограду, Гедеон Спилет видел одного пирата, убегавшего по южному склону горы Франклина, куда за ним тотчас же бросился Топ. Это был один из шестерых преступников, высадившихся на остров, после того как их шлюпка разбилась о скалы в устье реки Милосердия. Кроме того, человек, которого Сайрес Смит убил ударом кинжала, несомненно, принадлежал к банде пиратов Боба Гарвея.

При осмотре короля все оказалось в полном порядке. Двери хлевов оставались запертыми, и благодаря этому животные не могли разбрестись по лесу. Не было никаких следов борьбы ни в самом доме, ни внутри ограды. Все было цело. Исчезли только боеприпасы, имевшиеся у Айртона на всякий случай.

– Они его захватили врасплох, – сказал Сайрес Смит. – А так как он наверняка вступил с ними в борьбу, они убили его.

– Да, я тоже думаю, что они его убили! – ответил журналист. – Затем пираты забрались в король, здесь им понравилось, они нашли много запасов, но, увидев нас, испугались и убежали. Так или иначе, но наверняка можно сказать только то, что в данную минуту Айртона здесь нет.

– Надо обыскать весь лес, – сказал инженер, – и очистить остров от этих негодяев. Пенкроф точно предчувствовал, на что способны эти злодеи, когда предлагал устроить на них охоту, как на диких зверей. Если бы мы его послушали, это избавило бы нас от многих бед!

– Да, это верно, – согласился Спилет. – Теперь мы имеем право быть с ними безжалостными.

– Во всяком случае, – сказал инженер, – мы не можем идти искать их сейчас. Надо отложить это до тех пор, пока Герберт окрепнет настолько, что его можно будет перенести в Гранитный дворец.

– Ну, а как же Наб? – спросил журналист.

– Наб в полной безопасности.

– А что, если его встревожит наше долгое отсутствие и он вздумает прийти сюда?

– Он ни в каком случае не должен делать этого! – с живостью перебил его Сайрес Смит. – Они встретят его на дороге и убьют!

– Мне почему-то кажется, что он непременно постараится пробраться к нам!

– Эх! Если бы телеграфный провод не был испорчен, я бы сказал ему, чтобы он и думать не смел идти сюда! Но, к несчастью, этого сделать нельзя. Оставить Пенкрофа и Герберта здесь одних мы тоже не можем... Вот что! Я отправлюсь один в Гранитный дворец...

– Нет, нет, Сайрес, – возразил Спилет, – вы не должны, вы не имеете права рисковать своей жизнью! Вся ваша храбрость не поможет ни вам, ни нам. Разбойники, вероятно, сидят где-нибудь недалеко в засаде, и, если только вы вздумаете выйти за ограду и пойдете по дороге к дворцу, нам придется оплакивать двоих вместо одного!

– Но как же Наб? Он уже целые сутки ничего не знает о нас и, наверное, собирается идти сюда!..

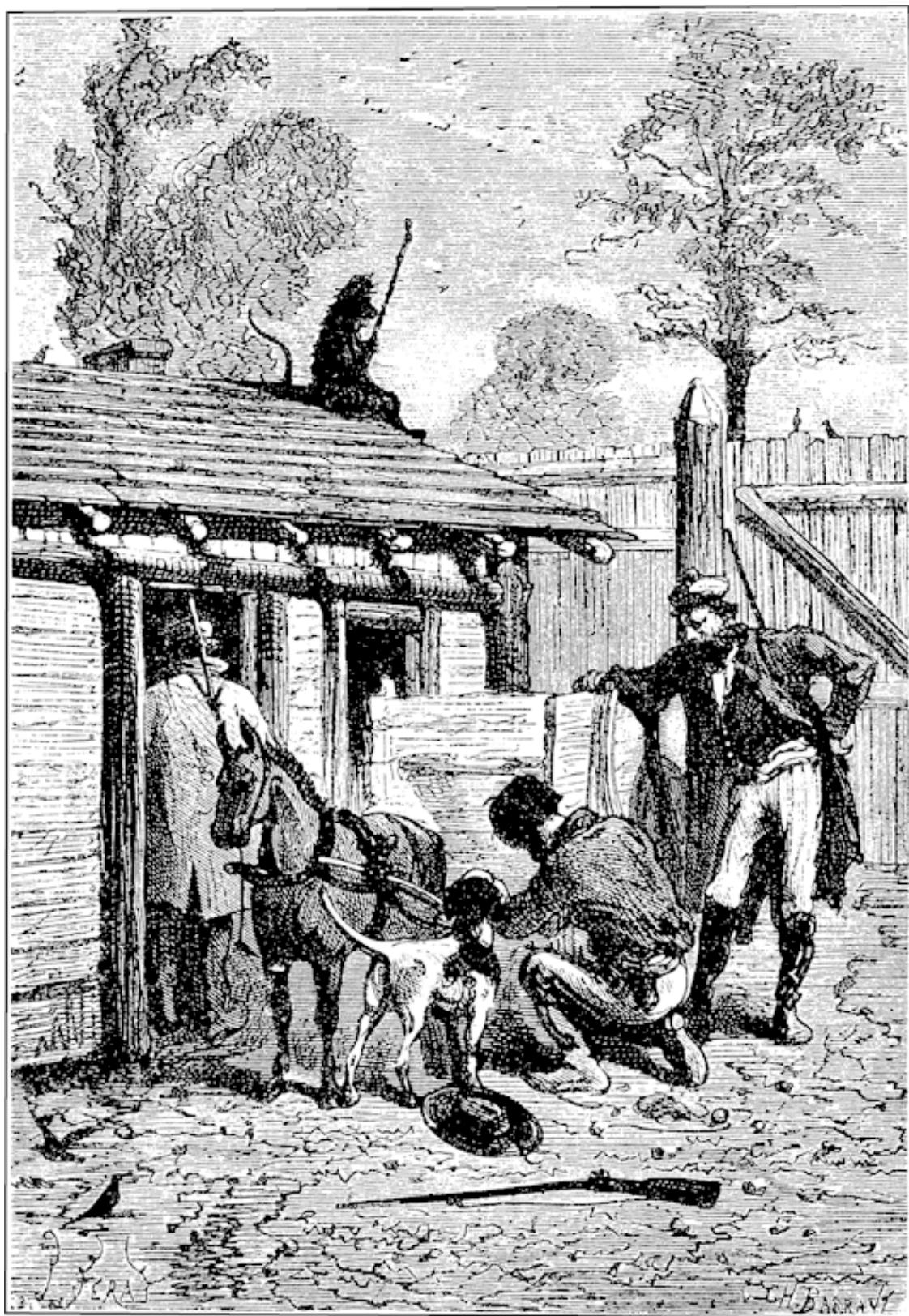
– Он ничего не знает о том, что здесь случилось, поэтому не будет так осторожен, как мы, и его, наверное, убьют... – закончил фразу Гедеон Спилет.

– Неужели нет способа его предупредить?

Инженер машинально взглянул на Топа, который бегал вокруг них, словно хотел обратить на себя внимание и сказать: «А я-то на что?»

– Топ! – крикнул Сайрес Смит.

Умное животное одним прыжком подскочило к своему хозяину.

– Да, Топ пройдет! – сказал журналист, сразу поняв мысль инженера. – Топ отлично пройдет там, где мы не прошли бы! Он отнесет нашу записку в Гранитный дворец и принесет нам известия от Наба!

– Пишите скорее записку! Скорей!

Гедеон Спилет вырвал листок из своей записной книжки и быстро написал:

«Герберт ранен. Мы в корале. Будь осторожен. Не выходи из Гранитного дворца. Не видно ли вблизи пиратов? Ответ пришли с Топом».

Эта лаконичная записка содержала все, что нужно было знать Набу, и в то же время спрашивала у него о том, что интересовало колонистов. Затем журналист сложил листок и привязал его к ошейнику Топа на видном месте.

– Топ! Умная моя собака, – сказал инженер, лаская животное, – иди к Набу! Понимаешь, Топ?.. Иди к Набу!.. Иди!.. Иди!

Топ отлично понял, чего от него хотят, и начал прыгать, чтобы его поскорее выпустили за ограду. Привязанная к его ошейнику записка лучше всяких слов объясняла ему, в чем дело. Он отлично знал дорогу от короля до Гранитного дворца и мог пробежать это расстояние меньше чем за полчаса. Там, где не могли бы пробраться ни Сайрес Смит, ни Спилет, Топ промчится незаметно, скрываясь то в высокой траве, то в кустарнике на лесной опушке.

Инженер подошел к воротам короля и открыл одну половину.

– Наб!.. Топ, Наб! – повторил он еще раз, протягивая руку в сторону Гранитного дворца.

Топ бросился вперед и почти тотчас же скрылся из виду.

– Он добежит! – уверенно сказал Спилет.

– Да, и принесет нам ответ. Он очень умен.

– Который час? – спросил Гедеон Спилет.

– Десять часов.

– Через час он может уже вернуться. К тому времени мы выйдем к воротам встретить его.

Ворота снова заперли и направились в домик. Герберт все еще крепко спал. Пенкроф заботливо менял холодные компрессы. Гедеону Спилету пока нечего было делать, и он решил подготовить что-нибудь поесть. В то же время он не спускал глаз с той части короля, которая примыкала к горе Франклина, откуда можно было ожидать нападения пиратов.

Колонисты с беспокойством ожидали возвращения Топа. Еще не было одиннадцати часов, а Сайрес Смит и Спилет с карабинами в руках уже подошли к воротам, чтобы открыть их, как только услышат лай собаки. Они были уверены, что, если Топу удастся благополучно пробраться в Гранитный дворец, Наб не станет его задерживать и тотчас же отшлет обратно.

Прошло не более десяти минут, как вдруг они услышали выстрел, а вслед за ним и собачий лай.

Инженер быстро открыл ворота и, увидев в ста шагах от себя дымок от выстрела, послал туда пулю. Тотчас же Топ вбежал в ворота, и инженер быстро закрыл их.

– Топ! Топ! – воскликнул инженер, обнимая собаку и гладя ее по голове.

К ошейнику Топа была привязана записка, написанная крупным почерком Наба:

«Пиратов нет вблизи Гранитного дворца. Я не пойду никуда. Бедный мистер Герберт!»

Глава восьмая

Пираты вокруг короля. – Временное жилище. – Лечение Герберта. – Радость Пенкрофа. – Воспоминания о прошлом. – Что обещает будущее. – Мысли Сайреса Смита по этому поводу.

Итак, пираты были здесь. Они сидели в засаде возле короля и подкарауливали колонистов, чтобы перестрелять их одного за другим. Теперь колонистам следовало поступать с ними как с хищными животными. Но при этом нужно было действовать очень осторожно, потому что в настоящее время численное превосходство было на стороне разбойников, которые к тому же занимали более выгодную позицию, чем осажденные. Оставаясь невидимыми, они следили за каждым шагом колонистов и могли напасть на них в любую минуту.

Ни Сайрес Смит, ни Гедеон Спилет не имели намерения сдаваться беглым ссылочным и решили бороться до последнего. Они приняли решение остаться в корале, где имелось достаточно запасов провизии, которых могло хватить надолго. В доме Айртона было все необходимое, и колонисты могли здесь жить, ни в чем не нуждаясь. Пираты, испуганные появлением людей, которых они не ожидали, не успели ничего разграбить.

По мнению Гедеона Спилета, пираты попали в король следующим образом. Выйдя на сушу, они пошли вдоль южного берега и, обогнув Змеиный полуостров и не желая углубляться в леса Дальнего Запада, дошли до устья ручья Водопада. Отсюда они направились к северу по левому берегу ручья и таким образом достигли первых отрогов горы Франклина, где стали искать себе какое-нибудь убежище. Вскоре они увидели кораль, где в то время никого не было. Там, вероятно, они и поселились, чтобы привести в исполнение свои гнусные замыслы. Появление Айртона застало их врасплох, но им удалось одолеть его и... остальное уже нетрудно себе представить, зная, с какими людьми ему пришлось иметь дело!

Теперь пираты – их осталось только пятеро, но они хорошо вооружены – бродят по лесу вокруг короля. Выйти за ограду и отправиться на их поиски означает подставить себя под выстрелы, не имея возможности ни ответить им тем же, ни где-нибудь спрятаться. Рисковать таким образом было бы чистейшим безумием.

– Надо ждать! У нас нет другого выбора! – повторял Сайрес Смит, как только начинался об этом разговор. – Когда Герберт поправится, мы все вместе устроим облаву на злодеев и справимся с ними. Это войдет в программу нашей экспедиции и будет сделано одновременно...

– С поисками нашего таинственного покровителя, – сказал Гедеон Спилет, заканчивая фразу инженера. – Где-то он теперь, наш таинственный защитник?! Как жаль, дорогой Сайрес, что он не приходит сейчас к нам на помощь!

– Кто знает! – проговорил инженер.

– Что вы хотите сказать? – спросил Спилет.

– Что, может быть, это не самое плохое из того, что нам предстоит пережить, дорогой Спилет. Кто знает, может быть, нам предстоят более тяжелые испытания, и ему еще представится случай оказать нам серьезную помощь. Но дело пока не в этом. Здоровье Герберта прежде всего.

Это было самое больное место колонистов. Прошло несколько дней, и состояние бедного мальчика, к счастью, не ухудшилось. Раны затягивались, а это уже многое значило при ранениях подобного рода. Компрессы из холодной воды оказались прекрасным средством и не давали ранам воспалиться. Спилету, кроме того, казалось, что эта вода, содержащая примесь серы, что объяснялось близким соседством вулкана, способствовала заживлению ран. Гной выделялся уже не так обильно, и благодаря неусыпным заботам Герберт постепенно возвращался к жизни. Температура у него стала уменьшаться. Впрочем, Герберт был очень слаб, потому что его все еще продолжали держать на строгой диете и довольно часто давали пить

отвары лекарственных трав в качестве жаропонижающего. Но главное, чтобы не было лихорадки, а хороший уход и полный покой принесут ему пользу.

Гедеон Спилет, Сайрес Смит и даже Пенкроф быстро научились очень хорошо делать перевязки юному раненому. Все белье, какое было в доме, пошло на бинты. На тщательно промытые ранки накладывали сначала корпию, потом компрессы и перевязывали не слишком туго, но и не слабо, так, чтобы не вызвать застоя крови и воспаления. Спилет придавал большое значение тому, как именно сделана перевязка, и каждый раз повторял своим товарищам то, что большинство хирургов говорит по этому поводу: хорошо сделанную операцию приходится видеть очень часто, но очень редко приходится видеть хорошо сделанную перевязку.

На десятый день, 22 ноября, Герберту стало лучше. У него появился аппетит, и он начал есть. На щеках показался легкий румянец, и он с улыбкой смотрел на своих «сиделок». Он даже разговаривал, хотя Пенкроф, стараясь помешать ему, без умолку говорил сам, рассказывая больному самые невероятные истории. Герберт спросил его об Айртоне. Юноша удивлялся, что Айртон к нему не приходит, и думал, что он занят работой в корале. Но моряк, не желая волновать Герберта, не сказал ему правду и ответил, что Айртон отправился к Набу, чтобы вместе с ним защищать Гранитный дворец.

— Каковы эти пираты! — говорил Пенкроф. — Эти джентльмены не имеют права на жалость, с ними нельзя поступать иначе, как с дикими зверями! А мистер Смит хотел действовать на них добром! Попадись они мне, я покажу, как надо на них действовать, когда угощу их пулей!

— А их больше не видели? — спросил Герберт.

— Нет, дитя мое, — ответил моряк, — но мы быстро разыщем их, как только ты выздоровеешь. Тогда посмотрим, осмелятся ли эти негодяи, нападающие из засады, встретиться с нами лицом к лицу!

— Я еще очень слаб, Пенкроф, вряд ли я скоро встану!

— Э, пустяки! Ты поправишься и снова наберешься сил. Пуля прошла навылет! По-моему, и говорить-то не стоит о таких пустяках. Со мной бывало и похуже, да вот живу и чувствую себя прекрасно.

Судя по тому, как весело разговаривал Пенкроф, можно было считать, что дело идет на поправку, и, если не произойдет осложнение, Герберта можно считать вне опасности. Но что бы стали делать колонисты, если бы вдруг его положение ухудшилось или если бы, например, пуля осталась в теле или нужно было бы ампутировать ногу или руку!

— Нет, — повторял Гедеон Спилет, — я без содрогания не могу подумать об этом!

— И все же, если бы нужно было делать операцию, — сказал ему однажды Сайрес Смит, — неужели вы стали бы раздумывать?

— Нет, Сайрес! — ответил Гедеон Спилет. — Но я очень рад, что в этом не было необходимости.

Итак, колонисты и на этот раз вышли победителями из почти безвыходного положения благодаря своим знаниям, призвав на помощь здравый смысл, они не потеряли самообладания даже в самые критические минуты. Но впереди, может быть, их ждет нечто худшее, когда не помогут ни знания, ни удивительное хладнокровие. Они совершенно одни на острове. Люди не могут жить без общества: оно им необходимо. Тогда никакие беды не страшны. Сайрес Смит хорошо это знал и нередко задавал себе вопрос, что будет с ними, если случится что-нибудь такое, с чем они не в состоянии будут справиться собственными силами? А помощи ждать неоткуда!

Ему казалось, что для него и для его друзей, до сих пор живших так хорошо, началась полоса несчастий. Уже два с половиной года они находятся на острове, и до сих пор им все удавалось. Они нашли на острове полезные ископаемые, богатую фауну и флору, — словом, природа со своей стороны дала им все необходимое, и они благодаря своим знаниям сумели

извлечь пользу из ее даров. С точки зрения материального благополучия колония процветала в полном смысле этого слова. Кроме того, в тех случаях, когда они оказывались бессильны, им приходил на помощь какой-то таинственный незнакомец... Но все это не могло продолжаться вечно.

Сайрес Смит начинал даже думать, что удача от них отвернулась.

И в самом деле, совершенно неожиданно вблизи острова появился пиратский корабль, и, хотя преступники были уничтожены, шестерым из них удалось избежать гибели. Они благополучно высадились на берег, и пятеро из них – одного инженеру удалось убить, – могли считать себя здесь почти в полной безопасности. Они, вероятно, захватили врасплох Айртона и убили его, они же чуть не убили Герберта. Может быть, это только начало новых бед, которые вскоре обрушатся на колонистов? Сайрес Смит думал об этом постоянно и часто беседовал со Спилетом об их печальном положении. Инженеру тоже начинало казаться, что таинственный незнакомец, выручавший их в критические минуты, по какой-то причине перестал оказывать им свое покровительство. Может быть, он покинул остров Линкольна? А может быть, он погиб так же, как погибнут и они в этой неравной борьбе?

Что можно сказать в ответ на это? Ничего. Но из этого вовсе не следовало, что Сайрес Смит и его товарищи приходили в отчаяние под тяжестью обрушившихся на них невзгод. Ничего подобного. Они все так же смело смотрели в будущее, не падали духом, анализировали свои шансы, хладнокровно обсуждали дальнейшие планы и были готовы бороться до последней минуты.

Глава девятая

От Наба нет известий. – Отвергнутый план Пенкрофа и Спилета. – Вылазка Гедеона Спилета. – Обрывок материи. – Записка. – Поспешный отъезд. – Прибытие на плато Дальнего Вида.

Выздоровление раненого Герберта шло нормальным путем. Теперь колонисты уже не боялись за него и желали только как можно скорее перевезти его в Гранитный дворец. Как ни хорошо был устроен и снабжен дом в корале, однако он не был таким удобным, как их жилище в гранитной массе утеса. Кроме того, здесь было небезопасно, и трое колонистов – раненый Герберт, конечно, не мог идти в счет – не только ночью, но и днем должны были держаться настороже и бдительно охранять свое убежище от внезапного набега пиратов. А в неприступном дворце не только пятеро, но даже целая сотня разбойников не могли причинить им никакого вреда, и любое нападение окончилось бы полным поражением атакующих. Поэтому они с нетерпением ждали, когда Герберт окрепнет настолько, что его можно будет перенести из кораля во дворец, несмотря на то, что переход через лес Якамара при настоящих обстоятельствах был очень опасен.

От Наба не было известий, но это не беспокоило колонистов. Он в полной безопасности в Гранитном дворце и, наверное, не даст пиратам захватить себя врасплох. Они даже не посыпали больше к нему Топа, потому что не хотели без особой необходимости подвергать опасности своего умного, верного помощника.

Итак, колонисты поневоле находились еще в доме Айртона, хотя им хотелось как можно скорее вернуться в Гранитный дворец. Инженер был очень недоволен тем, что силы колонии распылены, так как это было только на руку пиратам. Айртон исчез бесследно, Наб в Гранитном дворце, а здесь их всего трое, не считая Герберта, против пятерых пиратов, к тому же им нужно ухаживать за раненым юношем. Герберт прекрасно понимал, сколько беспокойства он приносит своим старшим товарищам, и очень тревожился по этому поводу.

Несмотря на затруднительное положение, колонисты больше чем когда-либо мечтали очистить остров от случайно попавших на него пиратов. Этот вопрос они обсудили 23 ноября днем. Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф воспользовались тем временем, когда Герберт спал, чтобы он не мог их услышать.

– Друзья мои, – сказал Спилет после того, как они поговорили о Набе и о том, что в настоящее время невозможно восстановить телеграфное сообщение с Гранитным дворцом. – Я согласен с вами, что выйти из кораля на дорогу, ведущую во дворец через лес, и нести с собой раненого Герберта означало бы идти затем, чтобы подставить себя под пули, не имея возможности ответить на них. Вместо этого я хотел предложить вам другое. Не устроить ли нам настоящую охоту на этих негодяев?

– Я тоже думал об этом, – ответил Пенкроф. – Мы ведь не такие люди, чтобы нас можно было испугать ружьем, и, если только мистер Сайрес разрешит, я хоть сейчас готов немного побродить по лесу!.. Черт возьми! Да каждый из нас справится с одним разбойником, если встретится с ним!

– А если придется действовать одному против пятерых? – спросил инженер.

– Я пойду вместе с Пенкрофом, – сказал Спилет, – и я уверен, что вдвоем, хорошо вооруженные, да если еще мы возьмем Топа…

– Дорогой Спилет, и вы, Пенкроф, – возразил им Сайрес Смит, – давайте рассуждать хладнокровно. Если бы пираты находились в каком-нибудь определенном месте на острове, если бы мы наверняка знали, где именно они укрылись, и если бы все дело заключалось только в том, чтобы их выбить оттуда, тогда я, конечно, ничего бы не имел против открытого нападения. Но на самом деле все иначе, и я боюсь, что вы послужите мишенью для злодеев…

– Э, мистер Сайрес, – перебил его Пенкроф, – пуля не всегда попадает по адресу!

– Однако пуля, которая ранила нашего Герберта, не заблудилась, дорогой Пенкроф, – сказал ему инженер в ответ. – К тому же я считаю необходимым напомнить вам, что, если вы оба уйдете из корала, мне придется в одиночку его защищать и еще ухаживать за Гербертом. Уверены ли вы, что пираты не следят за нами и не увидят, что вы ушли отсюда? А что, если они подождут, пока вы не отойдете подальше в лес, а затем, зная, что в корале остались только раненый мальчик и один мужчина, нападут на нас?..

– Вы, как всегда, правы, мистер Сайрес, – ответил Пенкроф, у которого в груди бушевала глухая ярость. – Да, вы правы, нам нельзя уходить вдвоем! Разбойники будут стараться опять завладеть коралем, потому что они теперь знают, какие запасы здесь хранятся! Вам одному, конечно, не справиться с ними!.. Эх, если бы мы были в Гранитном дворце!

– Если бы мы были в Гранитном дворце, – сказал инженер, – тогда наше положение было бы совершенно иное! Там я не боялся бы оставить раненого Герберта с кем-нибудь одним из нас, а трое остальных отправились бы в лес искать пиратов. Но, к сожалению, мы в корале и должны оставаться здесь до тех пор, пока не сможем уйти из него все вместе.

Против доводов Сайреса Смита нельзя было возразить, его товарищи прекрасно понимали это и согласились с ним.

– Если бы Айртон был здесь! – заметил Гедеон Спилет. – Мне ужасно жаль этого человека! Недолго он прожил среди людей после того, как снова пришел в себя!

– А вы уверены, что он убит? – спросил Пенкроф каким-то странным тоном.

– Неужели вы думаете, Пенкроф, что эти мерзавцы пощадили его? – спросил Гедеон Спилет.

– Да, если им это было выгодно.

– Что? Значит, вы думаете, что Айртон, встретив своих бывших товарищей, забыл все, чем он нам обязан?..

– Кто знает? Может, и так! – ответил моряк, который, не задумываясь, высказал это ужасное предположение.

– Пенкроф, – вмешался Сайрес Смит, взяв моряка за руку, – вы сейчас высказали очень серьезное и к тому же ни на чем не основанное обвинение против Айртона!.. Я вас прошу, во имя нашей дружбы, признать свою ошибку и не говорить больше ничего подобного... Я ручаюсь, что Айртон нам не изменял!

– Я тоже, – горячо присоединился к нему Спилет.

– Да... да!.. Мистер Сайрес... я не прав, – ответил Пенкроф, – я и в самом деле не имел никаких оснований, чтобы думать так об Айртоне... Сознаюсь, это очень скверно было с моей стороны! Но меня нельзя слишком строго винить за это! Я совсем потерял голову! Случай с Гербертом и потом наше заключение в корале привели меня в такое состояние, что я и сам себя не узнаю. Ничего подобного со мной никогда не было!..

– Будьте терпеливы, Пенкроф, – ответил инженер. – Спилет, как вы думаете, когда можно будет перенести Герберта в Гранитный дворец?

– Трудно сказать, Сайрес. Малейшая неосторожность может повлечь за собой серьезные последствия. До сих пор, слава богу, выздоровление идет полным ходом, так что через неделю, если все будет хорошо... Там увидим!

Через неделю! Значит, надо отложить возвращение в Гранитный дворец до первых чисел декабря.

Весна была в полном разгаре, приближалось лето. Погода стояла прекрасная, и с каждым днем становилось все теплее. Леса сплошь зеленели в своем роскошном уборе; скоро должна была созреть пшеница, и для колонистов наступала страдная пора. Как только они вернутся в Гранитный дворец, нужно будет приниматься за полевые работы, которые предполагалось прервать на время экспедиции по обследованию острова.

Конечно, вынужденное пребывание в корале тяжело сказывалось на экономическом благосостоянии колонии. Но если осажденные и покорялись необходимости, то из этого вовсе не следовало, что они переносили это терпеливо.

Раза два за это время журналист выходил из корала на дорогу и обходил вокруг ограды посмотреть, нет ли вблизи пиратов. Топ, конечно, сопровождал его, и Гедеон Спилет с ружьем в руках готов был к любой неожиданности.

В первый раз он никого не видел и не заметил ничего подозрительного. Собака предупредила бы его об опасности, но Топ не лаял, значит, опасаться было нечего, по крайней мере в настоящее время. Разбойникам, вероятно, надоело сидеть в засаде, или же они отправились на охоту за дичью и бродили в это время в другой части острова.

Но когда Гедеон Спилет 27 ноября отправился на разведку во второй раз и прошел по лесу с четверть мили к югу от горы, Топ вдруг начал обнаруживать явные признаки беспокойства. Собака уже не бежала спокойно впереди, а кружилась на сравнительно небольшом пространстве и обнюхивала траву и кусты, словно искала какие-то следы.

Гедеон Спилет насторожился и, сжимая в руке заряженное ружье, приказал собаке искать и сам пошел следом за ней, укрываясь за деревьями. Впрочем, он был уверен, что Топ едва ли почуял присутствие человека, потому что иначе начал бы глухо и злобно ворчать. Но собака не ворчала, значит, врагов вблизи не было.

Так прошло около пяти минут. Топ все еще продолжал рыскать в кустах, а Спилет осторожно шел за ним. Вдруг собака бросилась в густой кустарник и, выскочив оттуда, подбежала к журналисту, держа в зубах клочок материи. Это был испачканный в грязи лоскут разорванной во время борьбы одежды. Спилета так поразила эта находка, что он сразу вернулся в кораль.

Колонисты втроем внимательно рассмотрели находку Топа и единогласно пришли к выводу, что это клочок от куртки Айртона. Это был лоскут войлока, или линкольнского фетра, единственной материи, которая изготавливалась на суконной фабрике колонии.

– Вот видите, Пенкроф, – заметил Сайрес Смит, – Айртон оказал им сопротивление. Его бывшие товарищи увили его с собой против его воли. Неужели вы и теперь еще считаете его изменником?

– Нет, мистер Сайрес, – ответил моряк, – я уже давно отказался от этой мысли... Это просто нашло на меня тогда!.. Но, как мне кажется, находка этого кусочка сукна дает нам возможность вывести следующее заключение...

– Какое? – спросил корреспондент.

– А вот какое! Пираты не убивали Айртона в корале. Он с ними боролся, значит, они увили его живым! Может быть, он и сейчас жив.

– Да, я согласен с вами... Очень возможно, что они его не убивали, – задумчиво проговорил инженер.

Это давало некоторую надежду, за которую, как утопающий за соломинку, ухватились товарищи Айртона. И в самом деле, они раньше предполагали, что пираты захватили Айртона врасплох в корале и бедняга пал под пулями злодеев точно так же, как и Герберт. Но если предположение Пенкрофа верно и пираты не убили его, а увили с собой куда-нибудь живым, то возможно, что он до сих пор у них в плену. Может быть, кто-нибудь из них узнал в нем своего прежнего товарища по Австралии, главаря беглых каторжников Бена Джойса? Кто знает, может быть, они надеялись привлечь Айртона на свою сторону? Он был бы им очень полезен, если бы им удалось заставить Айртона изменить колонистам или островитянам, как их, наверное, называют пираты!..

Таким образом, находка обрывка материи была истолкована как благоприятное предзнаменование, и теперь уже колонистам казалось, что Айртон жив и рано или поздно непременно найдется. Если он жив, но в плену, то сделает все возможное, чтобы вырваться из рук пиратов, и это сразу улучшит положение колонистов.

— Во всяком случае, — заметил Гедеон Спилет, — если только Айртону посчастливится убежать, он отправится прямо в Гранитный дворец. Он, конечно, ничего не знает о том, что злодеи чуть не убили Герберта, и ему даже в голову не придет, что мы заперты в корале.

— Я бы хотел, чтобы он был теперь в Гранитном дворце и чтобы мы все вместе там были, — сказал Пенкроф. — Эти негодяи ничего не могут сделать с нами здесь, но никто не помешает им забраться на плато Дальнего Вида, уничтожить все наши посевы и разорить птичник!..

Пенкрофу по сердцу пришло заниматься сельским хозяйством, и он, как настоящий фермер, приходил в отчаяние, когда не все шло так, как следует. Но, как это ни странно, Герберт больше всех желал как можно скорее вернуться в Гранитный дворец. Прикованный к постели, он находился в полном сознании и знал многое из того, что от него старались скрыть. Герберт отлично понимал, как необходимо им всем перебраться во дворец, а между тем он задерживал их в корале. И поэтому юноша хотел только одного: выбраться из короля как можно скорее. Ему казалось, что он легко перенесет путешествие в Гранитный дворец. Он уверял, что поправится гораздо скорее, как только попадет в свою комнату, откуда из окон видно море и где он будет дышать свежим морским воздухом.

Каждый день Герберт упрашивал Гедеона Спилета выполнить его просьбу, но тот, опасаясь, что по дороге у юноши раскроются раны, которые еще не совсем зажили, под разными предлогами откладывал переезд.

Но тут совершенно неожиданно случилось обстоятельство, заставившее Сайреса Смита и его товарищей уступить просьбам юноши, хотя они и не были уверены, что им не придется впоследствии раскаиваться за то, что они дали свое согласие.

Это случилось 29 января. В этот день в семь часов утра Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф по обыкновению разговаривали в комнате Герберта. Вдруг послышался громкий лай Топа.

Смит, Пенкроф и Спилет, схватив стоявшие возле них заряженные ружья, выскочили из дома.

Топ, увидев людей, бросился к воротам и начал рваться наружу с громким лаем, но на этот раз его лай выражал скорее удовольствие, а не гнев.

— Кто-то идет сюда!

— Да!

— Кто бы это ни был, но только это не враг!

— Может быть, это Наб?

— А может быть, Айртон?

Едва инженер и его товарищи успели обменяться этими словами, как какое-то животное перескочило через ограду и оказалось внутри короля.

Это был мастер Юп собственной персоной. Никто другой, конечно, не мог бы попасть так легко и таким необыкновенным путем в кораль. Топ весело бросился к своему другу и с громким лаем принялся прыгать вокруг него.

— Юп! — удивленно вскрикнул Пенкроф.

— Его послал сюда Наб, — сказал Спилет.

— Тогда у него должна быть записка, — заметил инженер.

Пенкроф бросился к обезьяне. Если Набу и в самом деле надо было сообщить что-то важное своему хозяину, он не мог найти более проворного посланца, чем Юп, который сумел пробраться там, где не могли бы пройти не только колонисты, но даже Топ.

Сайрес Смит не ошибся, когда говорил, что у Юпа должна быть записка. На шее орангутанга висел небольшой мешочек, и в него была вложена записка, написанная крупным почерком Наба.

Наб сообщал печальные вести. Сайрес Смит развернул записку и громко прочел следующее:

— «Пятница, 6 часов утра.
Пираты на плато Дальнего Вида.
Наб».

Колонисты молча переглянулись и сразу вернулись в дом. Что им теперь делать? Пираты захватили плато Дальнего Вида! Это предвещало разрушение, опустошение, разорение, полную гибель всего, что они создали за несколько лет!..

Герберт с первого взгляда на грустные лица вошедших в комнату Сайреса Смита, Гедеона Спилета и Пенкрофа понял, что случилось какое-то несчастье, а когда он увидел Юпа, у него уже не оставалось никаких сомнений, что какая-то беда угрожает Гранитному дворцу.

— Мистер Сайрес, — сказал он, — я хочу поехать в Гранитный дворец. Я отлично вынесу это путешествие. Поедемте туда как можно скорее!

Гедеон Спилет подошел к Герберту и стал его осматривать, затем он лаконично сказал:
— Хорошо, поедем!

Колонисты быстро обсудили вопрос, как переправить Герберта в Гранитный дворец: перенести ли его на носилках или перевезти в повозке, на которой приехал сюда Айртон и которой почему-то не воспользовались пираты. На носилках раненый чувствовал бы себя гораздо спокойнее и не ощущал бы никаких толчков, но тогда его должны нести двое, и если бы по дороге на них напали пираты, они могли отвечать на выстрелы злодеев только из одного ружья.

Если перевезти Герберта в тележке, тогда руки у всех останутся свободными, чтобы при необходимости дать серьезный отпор. Разве нельзя положить в тележку побольше травы, затем прикрыть ее сверху матрацем, на котором лежал Герберт, и медленно, шаг за шагом, двигаться вперед, стараясь, чтобы раненый не чувствовал никакой тряски? Конечно, можно.

В одну минуту выкатили повозку из сарая и подвезли к самым дверям. Пенкроф запряг онагги, затем Сайрес Смит и Гедеон Спилет подняли Герберта вместе с матрацем и осторожно перенесли в повозку, куда предварительно настелили траву и положили еще один матрац.

Погода стояла прекрасная. Яркие солнечные лучи пробивались сквозь зеленую листву.
— Ружья заряжены? — спросил Сайрес Смит.

Ружья оказались заряженными. Инженер и Пенкроф вооружились двустволками, а Спилет держал в руках дальнобойный карабин; словом, все было в полном порядке, и они могли трогаться в путь.

— Ты как себя чувствуешь, Герберт? — спросил его инженер. — Тебе удобно?
— Отлично, мистер Сайрес! Не бойтесь за меня, я не умру по дороге! — ответил раненый.

Но, говоря так, юноша бодрился, видно было, что ему стоило больших усилий казаться гораздо крепче, чем он был на самом деле. Еще немного, и этот энергичный юноша, отвечающий с легкой ironией на вопрос о том, как он себя чувствует, будет лежать без чувств.

У инженера болезненно сжалось сердце. Он медлил подавать сигнал к отъезду. Но теперь уже не время было раздумывать — это могло огорчить Герберта и, может быть, даже убить его.

— С богом! — наконец сказал он.

Ворота короля распахнулись. Юп и Топ, понимавшие, когда следует молчать, бросились вперед. Повозка выехала за ограду, ворота заперли, и онагги, которым правил Пенкроф, медленно пошел по дороге.

При данных обстоятельствах для путешественников было бы гораздо безопаснее ехать не по большой дороге, как они называли сделанную ими просеку, которая шла от короля прямо к Гранитному дворцу, а пробираться лесом. Но там раненый больше страдал бы от тряски, и поэтому колонисты решили ехать по прямой дороге, хотя она была известна пиратам, которые, вероятно, этим же путем проникли на плато Дальнего Вида.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет шли по обе стороны повозки, готовые встретить и отразить любое нападение. Впрочем, вряд ли можно было ожидать здесь появления пиратов, потому что они, вероятно, еще находились на плато Дальнего Вида. Наб, наверное, написал и отоспал свою

записку, как только увидел разбойников. Записка была написана в 6 часов утра, и проворный орангутанг, довольно часто бывавший в корале, потратил не больше сорока пяти минут, чтобы пройти пять миль, отделявшие Гранитный дворец от корала. Поэтому дорога должна быть совершенно безопасна, и если колонистам придется стрелять, то только тогда, когда они будут приближаться к Гранитному дворцу.

Несмотря на это, колонисты были настороже, прислушиваясь к любым шорохам в лесу и испытующим взором оглядывая окрестности. Юп с большой палкой в руках и Топ то бежали впереди, то сворачивали в лес и, видимо, не чуяли никакой опасности.

Пенкроф не выпускал вожжей из рук, и повозка медленно тащилась по дороге. Они выехали из корала в половине восьмого утра и в течение часа проехали четыре мили из пяти, отделявших кораль от плато. До сих пор все шло благополучно.

Дорога была пустынная, как и вся эта часть леса Якамара, простиравшаяся между рекой Милосердия и озером Гранта. Все вокруг было спокойно. Лесная чаща казалась такой же безжизненной, как и в день высадки колонистов на остров.

Повозка подъезжала к склонам плато Дальнего Вида. Еще одна миля, и путники увидят мостик на Глицериновом ручье. Сайрес Смит не только надеялся, но и был уверен, что мостик не разрушен и не поднят. Разбойники прошли этим путем на плато, и, перейдя на другой берег ручья, они из простой предосторожности не поднимали мостик, чтобы обеспечить себе дорогу для отступления в случае неудачи.

Наконец сквозь начавший редеть лес вдали на горизонте блеснуло море. Но как ни хотели колонисты поскорее попасть домой, они не могли оставить Пенкрофа с Гербертом одного и продолжали идти рядом с повозкой.

Вдруг Пенкроф остановил онагги и громко вскрикнул:

— Ах, негодяи!

Рукой он показывал на густые клубы дыма, поднимавшиеся над плато, где стояли мельница, конюшни, птичник и другие постройки.

В дыму быстро двигался какой-то человек.

Это был Наб.

Колонисты громко крикнули. Наб услышал крик и подбежал к ним.

Пираты, разорив все, что было можно, остальное подожгли и ушли полчаса назад.

— А что мистер Герберт? — спросил Наб.

Гедеон Спилет в ту же минуту подошел к повозке.

Герберт лежал без сознания.

Глава десятая

Герберта перенесли в Гранитный дворец. – Наб рассказывает о том, что произошло. – Сайрес Смит осматривает плато Дальнего Вида. – Гибель и опустошение. – Колонисты не в силах вылечить Герберта. – Ивовая кора. – Смертельная лихорадка. – Топ опять начинает лаять.

Пираты, опасность, угрожавшая Гранитному дворцу, разгром плато Дальнего Вида, полуобгорелые развалины – все было забыто, все отошло на задний план! Резкая перемена в состоянии здоровья Герберта – вот о чем думали и о чем говорили колонисты. Неужели, несмотря на все принятые меры, перевозка оказалась для него роковой, и, может быть, даже произошли повреждения каких-нибудь внутренних органов? Спилет ничего не мог пока ответить на это и точно так же, как и остальные колонисты, был в отчаянии.

Осторожно, стараясь не потревожить больного, они съехали с горы к берегу реки и здесь быстро сделали из веток носилки и положили на них Герберта вместе с матрацем. Юноша все никак не приходил в сознание. Через десять минут Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Пенкроф были уже у подъемника, а Наб остался, чтобы отвести онагти в конюшню.

Подъемник пошел вверх, и вскоре Герберт уже лежал на своей постели в Гранитном дворце.

Спилету удалось быстро привести его в чувство, и Герберт наконец открыл глаза. Он даже улыбнулся, увидев, что находится в своей комнате, но был так слаб, что с большим трудом смог сказать несколько слов.

Гедеон Спилет тщательно осмотрел его раны, которые еще не совсем зажили и поэтому могли снова раскрыться... но никакого ухудшения не было. Чем же тогда объяснить эту страшную слабость? Почему состояние здоровья Герберта так резко ухудшилось?

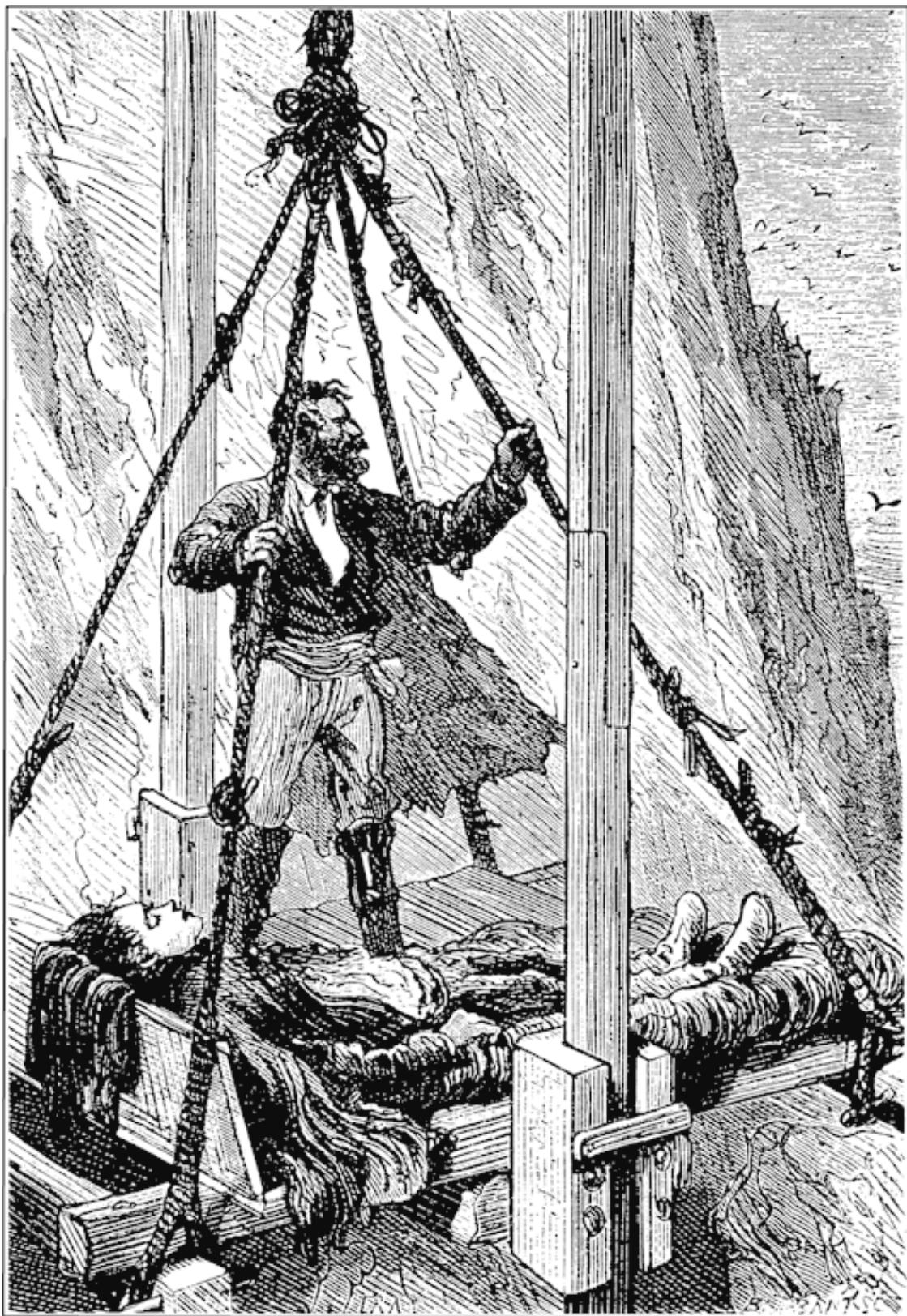
Юноша задремал лихорадочным сном, он метался и бредил. Спилет и Пенкроф остались сидеть возле его постели.

В это время Сайрес Смит рассказал Набу о том, как был ранен Герберт и как они жили в корале, а потом и Наб в свою очередь дал ему подробный отчет о событиях, разыгравшихся на плато Дальнего Вида.

Пираты показались в лесу, вблизи Глицеринового ручья, только минувшей ночью. Наб в это время был на плато, сторожил птичник. Заметив разбойников, он бросился к мосту и выстрелил в одного из пиратов, который собирался переправиться через ручей, но было так темно, что едва ли его пуля попала в злодея, скорее она только испугала его. Во всяком случае, один Наб не мог удержать на том берегу пятерых разбойников, и ему не оставалось ничего другого, как убежать в Гранитный дворец, где он мог считать себя в полной безопасности.

Но что делать дальше? Как помешать пиратам разгромить плато Дальнего Вида? Мог ли Наб сообщить инженеру о нашествии врагов? И могут ли они прийти на помощь? Что сейчас происходит в корале?

Сайрес Смит и его товарищи ушли из Гранитного дворца 11 ноября, а теперь было уже 29 ноября. Прошло восемнадцать дней, и за это время Наб получил от них только одно сообщение. Тогда Топ принес ему печальные новости: Айртон исчез, Герберт тяжело ранен, а инженер, журналист и моряк заперты с больным юношем в корале.

«Что делать?» – спрашивал себя бедный Наб. Ему самому нечего было бояться: пираты при всем желании не могли забраться к нему в Гранитный дворец. Но зато плато Дальнего Вида, все постройки, плантации, птичник – все непременно попадет в руки злодеев! И бедняга Наб, привыкнув всегда и во всем точно выполнять приказы своего хозяина, решил и теперь если не просить у него распоряжений, то хотя бы сообщить ему о появлении пиратов.

Раздумывая о том, каким образом известить инженера, он решил воспользоваться услугами Юпа и отправить с ним записку. Наб знал, как умен и понятлив этот орангутанг. Юп отлично понимал значение слова «король», которое часто произносили при нем, кроме того, он довольно часто ездил туда, главным образом, вместе с Пенкрофом, исполняя при этом обязанности кучера. Умная и ловкая обезьяна наверняка сумеет благополучно пробраться к коралю, а если пираты и заметят ее, то примут за одного из лесных обитателей.

Наб не стал долго думать. Он быстро написал записку и вложил ее в небольшой мешочек, который повесил на шею Юпу. Затем он подвел обезьяну к двери Гранитного дворца, опустил вниз веревку, которая доставала до самой земли, и несколько раз повторил:

– Юп, Юп! Король, кораль!

Обезьяна, видимо, поняла, чего от нее хотят, схватилась за веревку, быстро соскользнула вниз и скрылась в темноте, не привлекая внимания пиратов.

– Ты хорошо сделал, Наб, – сказал Сайрес Смит, – но ты, пожалуй, сделал бы еще лучше, если бы не посыпал к нам Юпа с запиской!

Говоря это, Сайрес Смит думал о Герберте, для которого переход в Гранитный дворец сопровождался сильным ухудшением состояния здоровья.

Затем Наб продолжил свой рассказ. Пираты, к его удивлению, не показывались на побережье. Вероятно, они не знали точного числа жителей острова и думали, что Гранитный дворец охраняется большим отрядом. Разбойники, конечно, не забыли, что, когда они подплывали к берегу на шлюпке, их осыпали выстрелами с разных сторон, поэтому и побоялись идти в ту сторону, где засели островитяне с дальнобойными ружьями. Другое дело плато Дальнего Вида: на нем никого не было, и, кроме того, оно находилось вне зоны обстрела защитников Гранитного дворца, которые могли обстреливать только восточную сторону побережья. И пираты, пробравшись туда, дали полную свободу своим низменным инстинктам: они грабили, ломали и жгли все, что попадалось им на глаза, а потом ушли всего за полчаса до прибытия колонистов, которые, по мнению разбойников, должны были еще находиться в корале.

Наб по веревке спустился вниз, взбежал на плато и, рискуя обратить на себя внимание пиратов и быть убитым, бросился тушить пожар, охвативший постройки на птичьем дворе, но, конечно, не мог один сражаться с бушующей стихией... В это время на опушке леса показалась повозка, в которой колонисты везли домой раненого Герберта.

Вот и все, что знал Наб и что он поспешил рассказать своему хозяину. Надежды Сайреса Смита на исправление пиратов не осуществились, они теперь еще долго будут угрожать мирной жизни обитателей острова Линкольна. Трудно даже представить себе, чем все это может кончиться. А между тем до появления пиратского брига колонисты жили счастливо и ни на что не жаловались!

Гедеон Спилет вместе с Пенкрофом остался в Гранитном дворце у постели больного Герберта, а Сайрес Смит в сопровождении Наба отправился на плато Дальнего Вида посмотреть, до какой степени разорили и опустошили его пираты.

Хорошо еще, что пираты не рискнули спуститься вниз и пройти до Гранитного дворца. Если бы они это сделали, тогда наверняка мастерские в Гrotах тоже были бы разгромлены. Но кто знает? Может быть, их легче было бы восстановить, чем плато Дальнего Вида!

Сайрес Смит и Наб, подойдя к устью реки Милосердия, стали медленно подниматься по левому берегу на плато. Здесь пока нигде не было заметно никаких следов пребывания пиратов, на другом берегу, покрытом густым лесом, тоже не было видно ничего подозрительного.

Очевидно, пираты узнали о возвращении колонистов в Гранитный дворец, – они могли видеть повозку, пробирающуюся по дороге из корала, – или же, разорив все, что было можно, на плато, ушли в лес Якамара и не знали, что колонисты вернулись.

В первом случае пираты вернулись бы в кораль, оставленный без охраны, где хранились ценные припасы. Во втором случае они, вероятно, направились в свой лагерь, чтобы там ждать удобного момента для нового нападения на колонистов.

Как в том, так и в другом случае следовало бы опередить их и не дать им осуществить свои планы, но очистка острова от пиратов полностью зависела от состояния здоровья Герберта. Число колонистов было само по себе невелико, а теперь из-за необходимости ухаживать за больным Гербертом нечего было и думать выступать против злодеев.

Инженер и Наб вышли на плато. Там их глазам представилась полная картина разрушения. Хлебное поле все вытоптано! Почти созревшие колосья примяты к земле. Плантации пострадали не меньше. Огород весь изрыт и уничтожен! К счастью, в Гранитном дворце хранился довольно большой запас семян, и благодаря этому ущерб можно было в недалеком будущем восместить.

Но зато огонь ничего не пощадил. Мельница, птичник, конюшни, где стояли онагги, – все было уничтожено. Испуганные животные бродили по всему плато. Домашние птицы, улетевшие во время пожара на озеро, теперь вернулись на привычные места и с квохтаньем и кудахтаньем рылись в земле, отыскивая корм. Нужно было все строить заново. Лицо Сайреса Смита было бледнее обычного и ясно выражало с трудом сдерживаемый гнев, но он не произнес ни слова.

В последний раз окунул он взором опустошенные поля, развалины сожженных построек, и затем они с Набом вернулись в Гранитный дворец.

Следующие дни были самыми печальными из всех дней, проведенных колонистами на острове. Здоровье Герберта не улучшалось, он слабел с каждым днем. У него, по-видимому, начиналась какая-то серьезная болезнь, результат сильного физического расстройства всего организма. Гедеон Спилет целые дни проводил у постели больного и со страхом думал о том, что скоро настанет момент, когда он не в состоянии будет бороться с прогрессирующим развитием болезни.

Бедняжка Герберт все время лежал в полузыбытии и часто бредил. Несмотря на довольно большой выбор лекарственных трав, колонисты не могли приготовить для больного ничего другого, кроме прохладительного питья. Лихорадку нельзя было назвать еще очень сильной, но приступы начинали уже повторяться через правильные промежутки времени.

Гедеон Спилет окончательно определил болезнь только 6 декабря. В этот день приступ начался легкой дрожью, которая скоро перешла в потрясающий озноб, бедный юноша лежал бледный, а пальцы, нос и уши резко побелели. Пульс был слабый, с большими перебоями, кожа сухая, больной чувствовал сильную жажду. После ознона начался жар: лицо пылало, кожа покраснела, пульс усилился. Затем все тело больного покрылось обильным потом, и жар спал. Приступ продолжался около пяти часов.

Гедеон Спилет с этого момента не отходил от постели Герберта. Теперь он знал наверняка, что юноша заболел перемежающей лихорадкой. Необходимо было остановить болезнь раньше, чем она усилится.

– Чтобы остановить лихорадку, нужно какое-нибудь сильное жаропонижающее средство, – сказал Гедеон Спилет Сайресу Смиту в ответ на вопрос, чем помочь больному.

– Жаропонижающее средство! – повторил инженер. – Но здесь не растет хинное дерево, и у нас нет ни кручинки хинина!

– Да, хинина, к несчастью, у нас нет! – согласился Гедеон Спилет. – Но на берегу озера растет ива, а ивовая кора до известной степени может иногда заменить хинин.

– Попробуем ивовую кору! У нас нет выбора! – ответил Сайрес Смит.

Действительно, ивовая кора в некоторых случаях может заменить хинин точно так же, как и кора конского каштана, листья остролиста и еще некоторые другие лекарственные растения.

Но так как у колонистов не было выбора, то они должны были тотчас же испробовать это средство, хотя и знали, что по своему действию оно уступает хинину.

Сайрес Смит сам отправился к озеру и, срезав несколько кусков коры со ствола черной ивы, принес в Гранитный дворец, высушил на огне и затем тщательно истолок кору в порошок. В тот день вечером Герберт принял новое лекарство.

Ночь прошла относительно спокойно. Герберт, правда, немножко бредил, но приступы не возобновлялись как ночью, так и в течение всего следующего дня.

Пенкроф ожил и снова начал надеяться на благополучный исход болезни. Гедеон Спилет не говорил ни слова. По первому приступу нельзя было судить, какой характер приняла лихорадка, и приступы могли повторяться не каждый день, а через день, как это обычно бывает при перемежающихся лихорадках. Поэтому колонисты со страхом ждали наступления следующего дня.

Гедеон Спилет обратил внимание на то, что хотя в этот день приступа не было, но Герберт лежал пластом, весь разбитый, и жаловался, что у него болит и кружится голова. Осматривая больного, Гедеон Спилет совершенно неожиданно для себя сделал другое открытие, страшно напугавшее его: у Герberта обнаружилась боль в печени, и вскоре начался сильный бред.

Гедеон Спилет не знал, что ему делать с новым осложнением. Он отвел инженера в сторону и сказал ему:

— Это болотная лихорадка!

— Болотная лихорадка! — повторил Сайрес Смит. — Вы ошибаетесь, Спилет. Такая лихорадка не может развиться сама по себе, эта болезнь распространяется путем заражения...

— К несчастью, не ошибаюсь, — ответил журналист. — Герберт, очевидно, подхватил лихорадку на болоте Казарок. У него уже был вчера первый приступ. Если завтра приступ повторится и если нам не удастся предупредить третий... он его не перенесет.

— Но ивовая кора?..

— Это слишком слабое средство для такой тяжелой формы болезни, — ответил Спилет. — Третий приступ болотной лихорадки, если его не предупредить приемом хинина, бывает всегда смертелен!

К счастью, Пенкроф не слышал ни одного слова из этого разговора. Иначе он сошел бы с ума.

После этого станет понятно, в какой тревоге провели инженер и журналист весь этот день 7 декабря и следующую ночь...

Второй приступ лихорадки начался среди дня. Это был ужасный припадок. Герберт чувствовал, что умирает! Он протягивал руки к Сайресу Смиту, к Спилету, к Пенкрофу! Он не хотел умирать!.. Он хотел жить!.. Это была ужасная сцена, раздиравшая сердце Пенкрофа, который обезумел от горя! Его насилино увили из комнаты...

Приступ продолжался пять часов. Теперь уже все ясно понимали, что третьего приступа болезни Герберт не перенесет.

Ночь прошла в мучительном беспокойстве. Герберт сильно бредил, в бреду он произносил слова, от которых разрывались сердца его товарищей. Он вспоминал различные эпизоды их жизни на острове, сражался с пиратами и даже несколько раз звал Айртона. Он умолял поскорее прийти к ним на помощь таинственного незнакомца, постоянно вспоминал его... Затем возбужденное состояние сменилось полным упадком сил, и юноша впал в глубокое забытье... Гедеону Спилету несколько раз даже казалось, что несчастный умирает.

На другой день, 8 декабря, ни бреда, ни лихорадки не было, но больной ослаб еще больше. Бедняжка Герберт едва мог пошевелить руками, которые свешивались, как плети. Ему давали порошок ивовой коры, хотя Спилет не ожидал от этого хороших результатов.

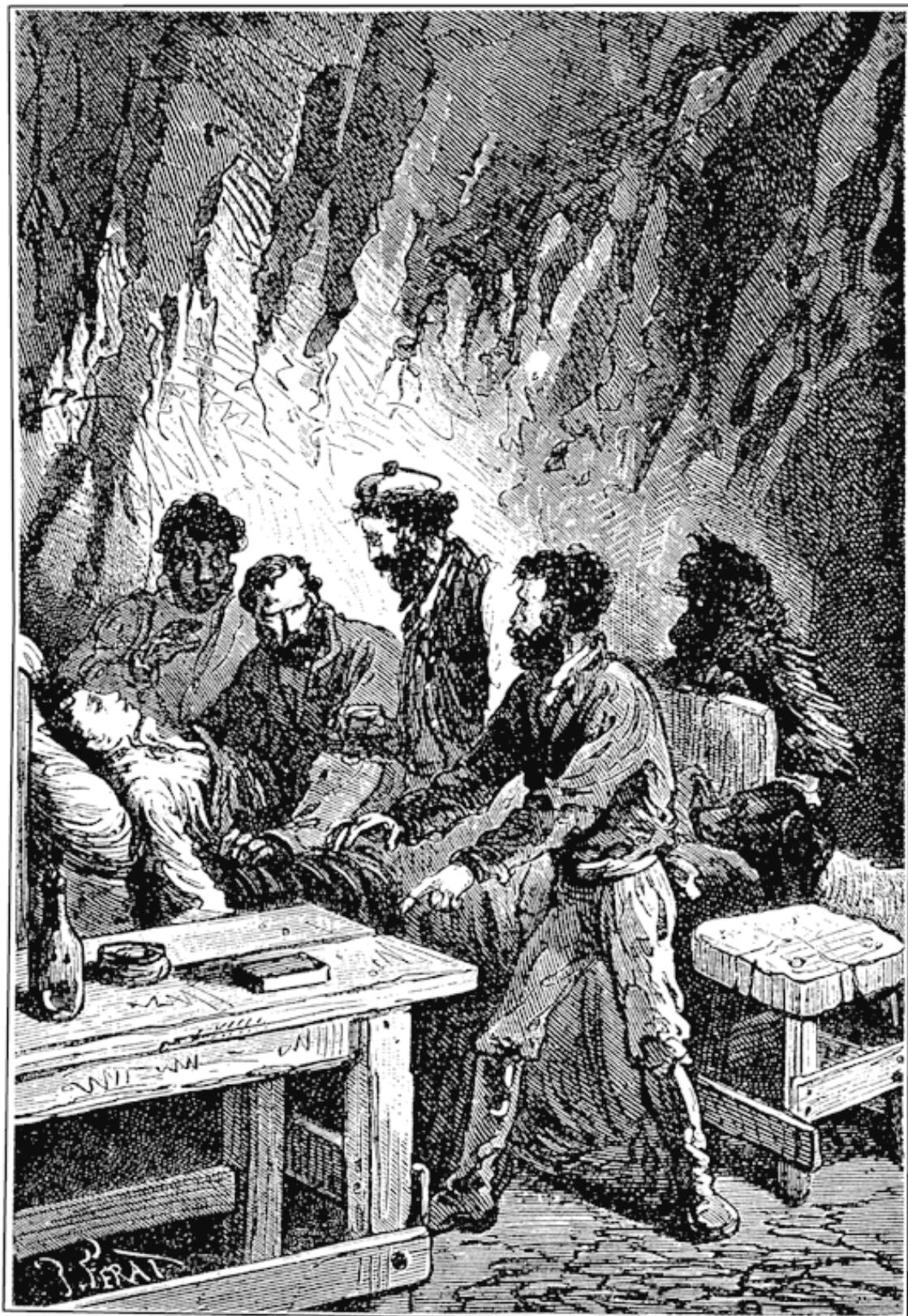
— Если до завтрашнего дня мы не дадим Герберту более сильное жаропонижающее средство, он умрет! — сказал Спилет.

Наступила ночь, вероятно, последняя ночь в жизни этого смелого мальчика, такого доброго, умного, развитого не по летам, которого все колонисты любили, как сына. На острове Линкольна было все, в чем нуждались колонисты, не было только хинных деревьев, кора которых до сих пор является единственным средством против злокачественной лихорадки.

Ночью с 8 на 9 декабря у Герберта начался сильный бред, и он уже никого не узнавал.

Можно ли было надеяться, что он доживет до завтра, до третьего приступа, который он, впрочем, все равно не перенесет. Едва ли. Скорей всего, все будет кончено в эту ночь, и колонисты потеряют своего сына.

В три часа утра Герберт вдруг громко вскрикнул. Казалось, предсмертные судороги сотрясают его тело. Видимо, это было начало агонии. Наб, который дежурил около больного, в испуге бросился в соседнюю комнату, где находились остальные колонисты.

Внезапно Топ как-то странно залаял...
Все поспешили в комнату больного и, окружив постель метавшегося в жару юноши, старались его успокоить. Гедеон Спилет взял больного за руку и стал считать пульс.

Было пять часов утра. Лучи восходящего солнца стали заглядывать в окна Гранитного дворца. День обещал быть прекрасным, и этот день будет последним в жизни несчастного Герберта!

Косые лучи солнца осветили стол, стоявший возле постели умирающего.

Вдруг Пенкроф с громким криком указал на какой-то предмет, лежавший на столе. Это была небольшая продолговатая коробочка, на крышке четким почерком было написано:

Chininum sulfuricum²⁵.

²⁵ Сернокислый хинин.

Глава одиннадцатая

Необъяснимая тайна. – Выздоровление Герберта. – Неисследованные части острова. – Приготовление к отъезду. – Первый день. – Ночь. – Второй день. – Каури и казуары. – Следы в лесу. – На мысе Аллигатора.

Гедеон Спилет подошел к столу, взял коробочку и открыл ее. В ней было приблизительно двести гран белого порошка, он тотчас же попробовал его на язык и почувствовал сильную горечь. Не могло быть никаких сомнений. Это действительно был драгоценный хинин, лучшее средство против болотной лихорадки.

Теперь нельзя было терять ни минуты, нужно было немедленно дать Герберту это чудодейственное лекарство. Только потом они могут обсудить, каким образом коробочка с хинином попала на стол в комнате Герберта.

– Кофе, – потребовал Гедеон Спилет.

Несколько минут спустя Наб принес чашку теплого напитка. Спилет положил туда около восемнадцати гран хинина, размешал и почти насильно влил в рот лежащему без сознания Герберту.

Лекарство было дано вовремя, потому что третий приступ, которого все так боялись, еще не начался. Но раз нашелся хинин и его успели дать вовремя, третьего приступа, по всей вероятности, не будет.

Колонисты ожили, приободрились, у них появилась надежда. Таинственный незнакомец опять появился, опять пришел к ним на помощь и как раз в ту минуту, когда на него уже не рассчитывали.

Через несколько часов лекарство подействовало, и Герберт спокойно уснул, он уже не бредил и не метался... Успокоившиеся колонисты могли теперь поговорить о таинственном появлении коробочки с хинином. Влияние и могущество таинственного незнакомца было более чем очевидно. Но как ему удалось ночью проникнуть в Гранитный дворец? Ответить на этот вопрос, конечно, никто не мог, и вообще таинственный покровитель острова Линкольна облекал все свои действия такой тайной, что никакая даже самая пылкая фантазия не могла бы дать более или менее правдоподобное объяснение.

В течение этого дня Герберту давали хинин каждые три часа.

Результаты лечения не замедлили сказаться, и уже на следующий день состояние здоровья больного улучшилось. Его, конечно, нельзя было считать совсем вне опасности, потому что болотная лихорадка трудно поддается лечению и часто дает опасные рецидивы, но за Гербертом очень хорошо ухаживали, так что бояться было нечего. Самое главное – лекарство – было у них под рукой, а если его не хватит, таинственный покровитель принесет или пришлет еще! И колонисты надеялись, что все окончится благополучно.

На этот раз надежда их не обманула. Еще через десять дней, 20 декабря, Герберт начал поправляться. Он еще был очень слаб, и его держали на строгой диете, но приступы лихорадки больше не повторялись. Пациент беспрекословно выполнял все, что ему предписывали, лишь бы поскорее выздраветь. Бедняжка был так молод, и ему так хотелось жить!

Пенкроф был похож на человека, которого только что вытащили из бездны. Он с ума сходил от радости и целыми днями болтал без умолку, не находя себе места и повторяя одно и то же. С тревогой и недоверием ожидал он времени, когда должен был наступить третий приступ, и, убедившись, что опасность миновала, бросился к журналисту и чуть не задушил его в своих мощных объятиях. С этой минуты он уже называл его не иначе как доктором Спилетом. Осталось найти и настоящего доктора.

– Мы его найдем! – говорил моряк.

И тогда, кто бы ни был этот человек, ему не миновать могучих объятий благодарного Пенкрофа.

Между тем незаметно прошел декабрь, а с ним окончился и 1867 год, в котором колонистам пришлось пережить так много тяжелых испытаний. Новый, 1868 год начался прекрасной погодой. Жара стояла почти тропическая, и только легкий ветерок с моря смягчал немногого летний зной. Герберт с каждым днем чувствовал себя все лучше и лучше. По его просьбе кровать его переставили к окну, и он полной грудью вдыхал в себя целебный морской воздух, насыщенный солеными испарениями. У него появился аппетит, и доктор Спилет наконец отменил диету и разрешил больному есть все, что пожелает. Нужно было видеть, с каким удовольствием Наб готовил выздоравливающему легкие и в то же время вкусные и питательные кушанья!

— Ого! Чем он тебя угощает! — шутил Пенкроф. — Так и я не прочь стать больным, чтобы меня кормили так же хорошо!..

Все это время пираты ни разу не появлялись в окрестностях Гранитного дворца. Об Аиртоне не было никаких известий. Все были убеждены, что несчастный давно убит разбойниками, и только Сайрес Смит и Герберт не теряли надежды найти его живым. Впрочем, все сомнения на этот счет должны были вскоре разрешиться. Как только Герберт совсем поправится и начнет ходить, они отправятся в экспедицию, которая должна была все прояснить. Но ждать нужно было еще долго, может быть, даже месяц, потому что нужны были все силы колонии для того, чтобы вступить в борьбу с пиратами с надеждой на победу. Впрочем, Герберт поправлялся очень быстро. Все зловещие признаки исчезли, и раны совсем зажили.

В течение января были закончены все неотложные работы на плато Дальнего Вида. Все дела пока ограничились спасением уцелевшего урожая на полях и в огороде. Колонистам удалось собрать достаточно овощей и злаков, чтобы посеять семена в следующем сезоне. Что касается разрушенных и сожженных построек, конюшни и мельницы, то их восстановление Сайрес Смит решил отложить до лучших времен. Пираты могли опять появиться на плато Дальнего Вида, когда колонисты отправятся в экспедицию на розыски злодеев, а инженер не хотел давать им повод к новым грабежам и поджогам. Вот когда они очистят остров от кровожадных пиратов, тогда и примутся за работу и снова построят все лучше прежнего.

Герберт в первый раз встал с постели в начале второй половины января. Сначала он провел у окна только час, затем время это постепенно увеличивалось, и больной поднимался уже часа на два, на три. Силы возвращались к нему с каждым днем во многом благодаря его крепкому организму. В январе ему исполнилось восемнадцать лет, за время болезни он сильно вырос и обещал стать представительным и красивым мужчиной. Выздоровление его шло быстрыми темпами, но ему все еще требовался хороший уход и строгий режим, в этом отношении доктор Спилет был очень строг.

К концу месяца Герберт уже гулял по берегу и по плато Дальнего Вида. Он несколько раз купался в море вместе с Пенкрофом и Набом, и морские ванны тоже принесли ему большую пользу. Сайрес Смит решил, что теперь они могут отправиться в экспедицию, и назначил отъезд на 15 февраля. Ночи в это время года обычно очень светлые, и это давало еще один шанс на успех предстоящих поисков.

Как только был решен вопрос о дне отъезда, колонисты занялись необходимыми приготовлениями к предполагаемому путешествию. Сборы были весьма основательными, потому что колонисты дали себе слово не возвращаться в Гранитный дворец, пока не выполнят то, что задумали: уничтожить пиратов и найти Аиртона, если он еще жив, разыскать таинственного покровителя, который принимал такое участие в судьбе колонии и так много сделал для колонистов.

За время своих странствований по острову колонисты уже подробно исследовали весь восточный берег от мыса Когтя до мыса Челюстей и болота Казарок, где они охотились несколько раз, окрестности озера Гранта, часть леса Якамара, лежавшую между дорогой в

кораль и левым берегом реки Милосердия, берега реки и Красного ручья и, наконец, подножие горы Франклина, где был устроен кораль.

Они исследовали также, но не так подробно, побережье бухты Вашингтона на юге острова, от мыса Когтя до мыса Аллигатора, очень лесистую и немного болотистую береговую полосу на западе и песчаные дюны, занимавшие всю северную часть острова по обе стороны полуоткрытой пасти залива Акулы.

Но они совершенно не знали громадные лесистые пространства, покрывавшие Змеиный полуостров, весь правый берег реки Милосердия до береговой полосы бухты Вашингтона и левый берег ручья Водопада, а также местность к западу, северу и востоку от горы Франклина, где, по мнению инженера, должно быть немало гротов и пещер, в которых мог скрываться от них таинственный покровитель. В общем, неисследованные местности занимали несколько тысяч акров, их следовало осмотреть во время предполагаемой экспедиции.

Поэтому колонисты решили двинуться через леса Дальнего Запада и сразу осмотреть все пространство на правом берегу реки Милосердия.

Возможно, было бы лучше сначала направиться в кораль, куда снова могли забраться пираты, чтобы его разграбить, что вполне возможно, или чтобы там поселиться. Но если пираты приходили в кораль только ради грабежа, то теперь ничего исправить нельзя, а если же они там укрепились, приготовившись к осаде, колонисты успеют их выгнать позднее.

Поэтому, после долгих обсуждений и споров, колонисты все-таки остановились на первом варианте и решили идти через леса Дальнего Запада к мысу Аллигатора. Пробираясь лесом, им придется прокладывать себе путь топорами, но зато они наметят дорогу, которая в будущем свяжет Гранитный дворец с южной оконечностью Змеиного полуострова на протяжении шестнадцати-семнадцати миль.

Повозка была в полной исправности. Онагги отдохнули и могли выдержать долгий переезд. В повозку тщательно уложили большое количество разнообразных съестных припасов, походную палатку вместе с другими лагерными принадлежностями, переносную кухню, посуду, а также оружие и боеприпасы, в которых теперь не было недостатка в богатом арсенале Гранитного дворца. Отправляясь в путь, колонисты не должны были забывать, что пираты могут напасть на них в лесу и перестрелять поодиночке. Поэтому маленький отряд должен был идти сомкнутым строем рядом с повозкой и ни в коем случае не разбредаться по лесу, как они это делали раньше.

На этом же основании колонисты решили, что никто не останется в Гранитном дворце. Топ и Юп тоже, конечно, входили в состав экспедиции. Неприступное жилище в гранитной скале должно было само охранять себя.

Канун отъезда, 14 февраля, пришелся на воскресенье. В этот день никто не работал. Колонисты отдыхали и набирались сил перед далеким путешествием.

Герберт хотя и выздоровел, но, конечно, был еще слаб и не мог идти всю дорогу пешком вместе с остальными своими товарищами, и поэтому для него было оставлено место в повозке.

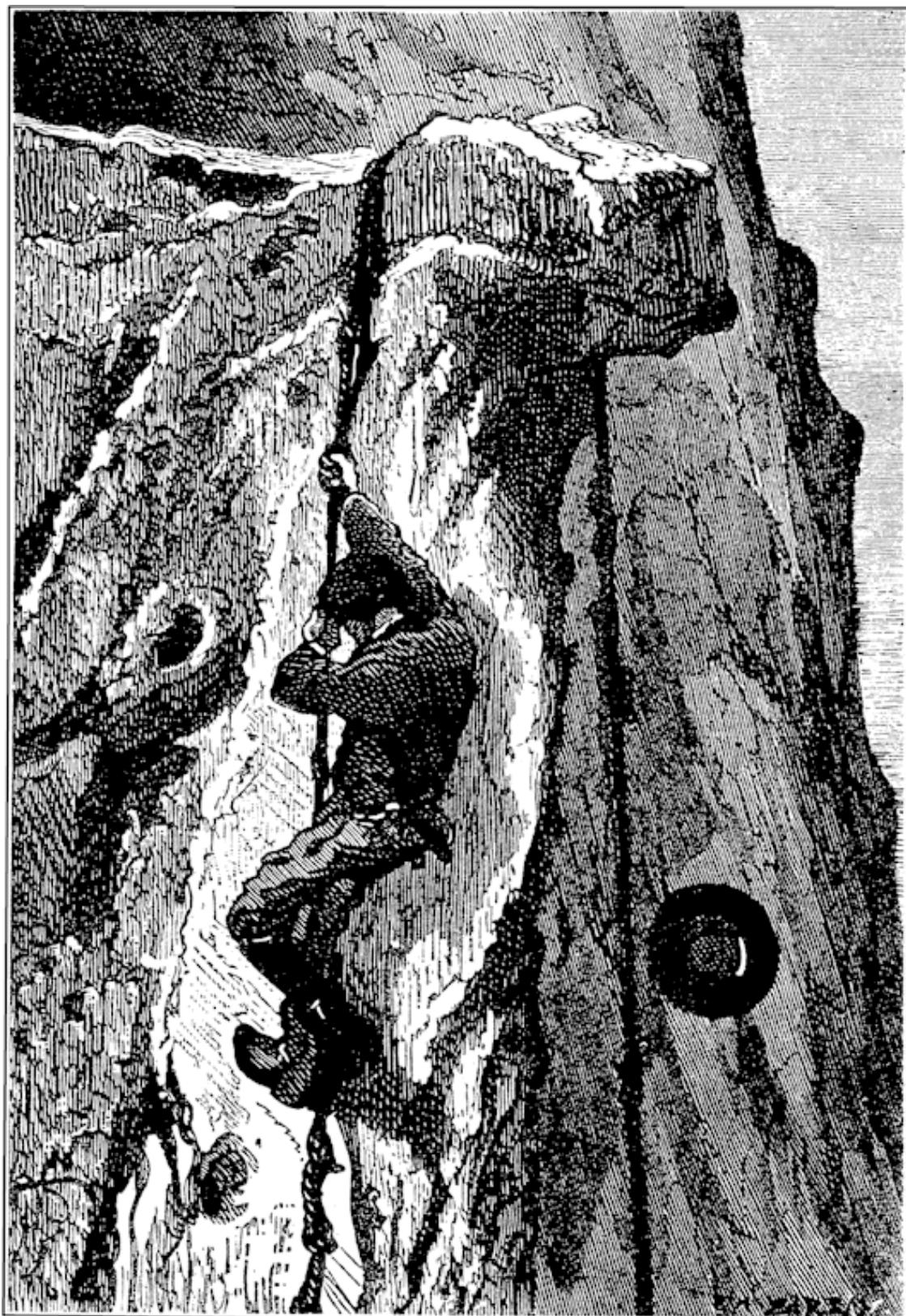
На следующий день на рассвете, прежде чем подать сигнал к отъезду, Сайрес Смит позаботился принять необходимые меры, чтобы сделать Гранитный дворец недоступным для вторжения неприятеля. Механизм подъемника разобрали. Веревочные лестницы, по которым раньше поднимались наверх, отнесли в Гроты и там глубоко зарыли в песок, чтобы достать, когда они вернутся домой, потому что иначе попасть в Гранитный дворец было нельзя. Этим делом занимался Пенкроф, он последним спустился по канату, специально переброшенному через один из острых выступов. Затем канат сдернули, и теперь уже никто не мог с берега забраться в покинутое жилище, которое, как говорили колонисты, не нуждалось в защитниках.

Погода стояла прекрасная.

— А день-то, должно быть, будет жаркий, — весело сказал Спилет.

– Ничего, доктор Спилет, – ответил Пенкроф, – мы все время будем идти лесом под густыми деревьями, и солнце нас даже и не увидит!

– В дорогу! – сказал инженер.

Запряженная повозка стояла на берегу возле Гротов, и, как только колонисты подошли к ней, Спилет потребовал, чтобы Герберт сел в повозку, хотя бы только на первое время, и юноша как ни спорил, но вынужден был подчиниться предписаниям своего врача.

Наб взялся править онагги, Сайрес Смит, Спилет и Пенкроф решили идти впереди. Топ с громким лаем бегал от одного к другому. Герберт предложил Юпу место в экипаже рядом с собой, и орангутанг тотчас же воспользовался этой любезностью. Наконец все были готовы к отъезду, и маленький отряд весело тронулся в путь.

Повозка обогнула угол скалы возле устья и, проехав с милю по левому берегу реки, переправилась через большой мост, откуда начиналась дорога к гавани Воздушного Шара. Затем исследователи свернули вправо и стали углубляться под зеленый свод лесов Дальнего Запада, тянущихся от правого берега реки до самого конца мыса Аллигатора.

Первые две мили путешественники прошли быстро, потому что деревья росли здесь довольно редко, кое-где они переплетались цепкими лианами, да изредка между ними рос густой кустарник. Но для колонистов это были такие пустяки, о которых и говорить не стоило, и повозка катилась вперед почти без остановок. Ни серьезных препятствий, ни опасных встреч еще не было.

Густая листва защищала путников от солнца, и в лесу жара совсем не чувствовалась. Различные виды деревьев сменяли один другой; одни широко раскидывали свою зеленую корону, другие, как стрельчатые башни, далеко уходили вверх, в голубую лазурь. Царство пернатых имело здесь представителей почти всех видов, обитающих на острове: глухари, якамары, фазаны, лори, болтливые какаду и пестрые попугайчики. В траве сновали, выбегая чуть не из-под ног, агути, кенгуру и дикие свиньи. Все это, вместе взятое, напомнило колонистам их первые экскурсии в лес после прибытия на остров.

— Однако, — заметил Сайрес Смит, — животные и птицы сейчас гораздо пугливее, чем прежде. Вероятно, здесь недавно побывали пираты, следы которых мы, наверное, скоро увидим.

Инженер оказался прав. То тут, то там колонисты обнаруживали следы сравнительно недавнего пребывания людей в этой части леса. В одном месте их внимание обратили на себя обломанные ветки, может быть, с целью обозначить дорогу, в другом они нашли остатки потухшего костра, а немного дальше увидели следы ног, ясно отпечатавшиеся в глинистой почве. Но еще ничто не указывало на близость постоянного лагеря пиратов, которые, впрочем, могли просто бродить по всему острову, нигде надолго не останавливаясь.

Инженер советовал своим товарищам пока не начинать охоту. Ружейные выстрелы могли услышать пираты. Кроме того, преследуя какую-нибудь птицу или животное, охотники могли увлечься, далеко отойти от повозки и, возможно, попасть под выстрелы злодеев, поэтому ходить врозь по лесу было неблагоразумно.

После того как колонисты прошли около шести миль от Гранитного дворца, пробираться вперед сквозь густую чащу стало трудно. В некоторых местах приходилось останавливаться и рубить деревья, чтобы проложить дорогу для повозки. Но, прежде чем углубиться в чащу, Сайрес Смит каждый раз посыпал вперед Топа и Юпа, которые добросовестно выполняли подобное поручение. И только после того как собака и обезьяна, обыскав заросли, возвращались обратно, не проявляя беспокойства, инженер приказывал трогаться дальше, уверенный, что впереди нет ни диких зверей, ни пиратов — встреча с последними, впрочем, была бы менее желательна.

Вечером первого дня похода колонисты остановились на ночлег в девяти милях от Гранитного дворца, на берегу небольшого ручья, впадавшего в реку Милосердия, о существовании которого они не знали. Вероятно, кроме этого ручья, им попадется еще немало различных ручьев и ручайков, орошающих эту часть острова, отличающуюся такой богатой растительностью.

За ужином, заменившим собой и обед, все ели очень много, продолжительная ходьба возбудила в них сильный аппетит. После ужина сразу же занялись устройством бивуака, чтобы оградить себя от любого неожиданного нападения. Если бы, как раньше, дело заключалось только в том, чтобы оградить себя от нападения хищных животных вроде ягуаров, то для этого достаточно было бы разложить костры вокруг лагеря, одно это обеспечило бы им полное спокойствие на всю ночь. Но при данных обстоятельствах костры могли привлечь внимание пиратов, которые не замедлили бы попытаться захватить колонистов врасплох, поэтому предпочтительнее было провести ночь в темноте. Но лагерь нельзя было оставлять без охраны, и колонисты разделились на две смены и по двое, сменяясь через каждые два часа, будто охраняли бивуак как от четвероногих, так и от двуногих врагов. Герберт настойчиво требовал, чтобы и ему разрешили караулить вместе с другими, но на это никто не согласился. В первую смену дежурили Гедеон Спилет и Пенкроф, а во вторую – Сайрес Смит и Наб.

Впрочем, ночь продолжалась всего несколько часов. Если же кругом и было темно, то только потому, что густая листва не пропускала свет. В наступившейочнойтиши безмолвие изредка нарушалось рычанием ягуаров да громкими криками обезьян, которые, по-видимому, очень беспокоили Юпа.

Ночь прошла спокойно, утром 16 февраля исследователи снова тронулись в путь, хотя остановок было меньше, чем накануне, но все-таки двигались они вперед очень медленно.

В этот день удалось пройти всего шесть миль, так как дорогу все время приходилось прокладывать топором. Как настоящие хозяева, колонисты щадили высокие большие деревья, которые к тому же было трудно рубить, и приносили в жертву кустарник и молодую поросль. Из-за этого дорога получалась не прямой, как предполагали раньше, а с зигзагами.

В этот день Герберт открыл новые виды деревьев, которых колонисты ни разу еще не встречали на острове: это были древовидные папоротники с поникшими ветвями, ползущие пальмы, очень похожие на лианы, и, наконец, рожковые деревья с длинными стручками, содержащими сахаристое вещество, на которые с жадностью набросились онагти. В этой же части леса, немного подальше, колонисты увидели великолепные каури, которые росли не в одиночку, а группами. Их цилиндрические стволы, увенчанные зеленым конусом, достигали высоты более двухсот футов. Это действительно были царственные деревья, которыми их родина Новая Зеландия славится не меньше, чем Ливан своими знаменитыми кедрами.

Что касается фауны, то она пока не предоставила колонистам ничего нового. Впрочем, один раз они видели, только издали, не успев подойти поближе, пару больших птиц, родиной которых считается Австралия. Это были казуары, похожие на эму. Они достигали высоты пять футов, имели темное оперение и шею синего цвета. Топ бросился за ними, но казуары так быстро убежали, что в одну минуту оставили его далеко позади.

Однако следы пиратов интересовали колонистов гораздо больше, чем флора и фауна, и они не раз находили их в течение дня. Возле одного, по-видимому, недавно погашенного костра они заметили несколько десятков следов и долго их рассматривали. Терпеливо измерив длину и ширину каждого отпечатка, колонисты определили, что это следы пяти пар ног. Так что можно было с уверенностью сказать, что возле костра отдыхали пять человек. Но, как ни искали колонисты, они не смогли обнаружить следы шестого человека, которым мог быть только Айртон, пропавший три месяца назад.

– Айртона не было с ними! – с грустью сказал Герберт.

– Ты прав, – ответил Пенкроф, – его не было с ними, потому что они убили его. Жаль, что у этих негодяев нет берлоги, где их можно было бы затравить, как тигров!

– Скорее всего, – заметил корреспондент, – они бродят наудачу, ночуя где попало, и делают это нарочно, чтобы сбить преследователей и чтобы самим было легче захватить нас врасплох и стать хозяевами острова.

— Хозяевами острова! — вскрикнул моряк. — Хозяевами острова! — повторил он еще раз таким хриплым голосом, как будто его горло сжало железным кольцом. Затем он успокоился и продолжил: — А вы знаете, мистер Сайрес, какой пулей зарядил я мое ружье?

— Нет, Пенкроф.

— Той самой, которая пробила насеквоздь грудь Герберта, и я даю вам слово, что она попадет в цель!

Но эта вполне справедливая месть все-таки не могла вернуть к жизни Айртона!.. Тщательный осмотр следов, к сожалению, убеждал колонистов, что они больше не увидят спасенного ими изгнанника с острова Табор.

В этот вечер на ночлег расположились в 14 милях от Гранитного дворца. Сайрес Смит предполагал, что до мыса Аллигатора осталось примерно пять миль.

И в самом деле на другой день колонисты достигли оконечности полуострова и таким образом прошли через весь лес Дальнего Запада. Но они не нашли убежища, где скрывались пираты, и не заметили таинственного жилья загадочного незнакомца.

Глава двенадцатая

Исследование Змеиного полуострова. – Бивуак возле устья ручья Водопада. – В шести-стах шагах от короля. – Рекогносцировка Гедеона Спилета и Пенкрофа. – Их возвращение. – Все вперед! – Открытая дверь. – Освещенное окно. – При лунном свете.

Весь следующий день, 18 февраля, колонисты посвятили исследованию лесистой части Змеиного полуострова от мыса Аллигатора до ручья Водопада. Они имели возможность тщательно осмотреть весь лес, потому что даже в самом широком месте, между западным и восточным берегом полуострова, было не больше трех-четырех миль. Эта часть лесов Дальнего Запада поражала не столько богатой, сколько роскошной растительностью. Гигантские стволы деревьев с необыкновенно густой зеленой кроной свидетельствовали о могучем плодородии почвы, какой не наблюдалось нигде на острове. Глядя на этих зеленых гигантов, можно было подумать, что находишься в девственном лесу Центральной Америки или Африки. В действительности же такое странное на первый взгляд явление, по всей вероятности, объяснялось тем, что здесь представители растительного царства, кроме обильной влаги, имели и необходимое для их развития тепло, которое обеспечивал вулканический огонь и которое отсутствовало в умеренном климате. Среди деревьев преобладали каури и эвкалипты гигантских размеров.

Но колонисты пришли сюда не для того, чтобы созерцать красоты природы. Они и раньше знали, что остров Линкольна находится в исключительных климатических условиях, в этом отношении его можно было сравнить с Канарскими островами, которые сначала назывались Счастливыми. Раньше колонисты гордились своим островом, а теперь – увы! – оказывалось, что он принадлежит не им одним. Жестокие пираты бродили по острову, и колонисты должны были истребить их всех до последнего.

В западной части полуострова, несмотря на тщательные поиски, исследователи не заметили ничего подозрительного – ни срубленных деревьев, ни обломанных веток, ни следов, ни золы от потухших костров, ни брошенных стоянок.

– Меня это не удивляет, – сказал Сайрес Смит своим товарищам. – Пираты, как вы помните, высадились на берег недалеко от мыса Находки и, перейдя через болото Казарок, углубились в леса Дальнего Запада. Они, вероятно, шли примерно по той же дороге, по которой сначала направились сюда и мы, переправившись через реку Милосердия. На это указывают следы, найденные нами в лесу. Когда пираты дошли до Змеиного полуострова, то поняли, что здесь в лесу не найдут для себя удобного убежища, и повернули на север. Тогда-то они и обнаружили кораль…

– Куда они, по всей вероятности, и вернулись после разгрома плато Дальнего Вида… – сказал Пенкроф.

– Не думаю, – ответил ему инженер. – Они осторожны и, наверное, не станут жить в корале, понимая, что мы будем их там искать. Они могли зайти в кораль и, может, будут заходить еще не раз, только для того, чтобы запастись провизией, но жить там не будут.

– Я согласен с Сайресом, – сказал Спилет, – мне кажется, что если пираты и устроятся где-нибудь надолго, то не в корале, а где-нибудь поблизости, в отрогах горы Франклина.

– Тогда о чём еще думать! Идемте в кораль, мистер Сайрес! – предложил нетерпеливый Пенкроф. – Надо же покончить с ними, наконец… Мы и так много времени потеряли.

– Успеем еще, дорогой Пенкроф, – возразил инженер. – Вы забываете, что нам нужно до конца исследовать леса Дальнего Запада и окончательно выяснить, нет ли тут какого-нибудь человеческого жилья. Мы ведь отправились в экспедицию, преследуя двойную цель, Пенкроф. Если, с одной стороны, мы должны наказать преступников, то с другой – выразить свою признательность!

— Хорошо сказано, мистер Сайрес, — ответил моряк. — Хотя я и надеюсь на успех, но уверен, что мы найдем этого господина только тогда, когда он сам этого захочет!

Пенкроф этими словами высказал то, о чем думали и все остальные. Место, где скрывается неизвестный покровитель, вероятно, так же таинственно, как и он сам.

В этот вечер на ночлег остановились возле устья ручья Водопада. При выборе места для бивуака колонисты руководствовались опытом предыдущих дней и, конечно, приняли все необходимые меры предосторожности на случай внезапного нападения пиратов или хищных зверей. Герберт окреп и снова стал таким же здоровым и сильным, как до болезни. Путешествие действовало на него прекрасно, он с наслаждением вдыхал в себя живительный лесной воздух и больше не сидел в повозке, а шел пешком во главе отряда.

На следующий день, 19 февраля, колонисты покинули побережье, где по другую сторону устья тянулись разбросанные в живописном беспорядке базальтовые скалы самых причудливых форм и очертаний, и направились к северу вдоль левого берега ручья Водопада. Местами они шли по тропинкам, проложенным во время первой экскурсии к западному берегу. В это время колонисты находились не больше чем в шести милях от горы Франклина.

Инженер предполагал сначала подробно исследовать всю долину ручья, а затем осторожно добраться до короля. Если окажется, что король занят, они силой выгонят тех, кто им завладел, если же в корале нет никого, они сразу же его займут и уже оттуда будут совершать короткие экскурсии для исследования окрестностей горы Франклина.

Все колонисты единогласно приняли этот проект. Они хотели отомстить пиратам и снова стать единственными владельцами острова.

Повозка медленно катилась по узкой долине, разделявшей два мощных южных отрога горы Франклина. Деревья, сплошь покрывающие весь Змеиный полуостров и береговую полосу, росли гораздо реже по мере приближения к вулкану. Холмистая местность предоставляла много возможностей для устройства засады, поэтому двигаться вперед следовало очень осторожно. Топ и Юп бежали впереди отряда в качестве разведчиков и, сворачивая с дороги то вправо, то влево, обшаривали каждый кустик, соперничая друг с другом в ловкости и сообразительности. Но ничто не указывало на недавнее пребывание людей на берегах ручья, не было заметно ни одного признака близкого присутствия пиратов.

Около пяти часов повозка остановилась примерно в шестистах шагах от ограды короля. Деревья и кустарник одинаково хорошо маскировали как ограду короля, так и повозку колонистов.

Теперь нужно было выяснить, занят король неприятелем или нет. Идти туда открыто, при свете дня, с риском получить пулю было нельзя. Чтобы не повторилось с кем-нибудь того же, что случилось с Гербертом, следовало дождаться наступления ночи и тогда уже действовать по обстоятельствам под покровом темноты.

Так думал инженер, но не все были с ним согласны. Гедеон Спилет хотел сразу же идти на разведку, по крайней мере, хотя бы обследовать местность вокруг короля. Пенкроф, окончательно потерявший терпение, вызвался его сопровождать.

— Нет, друзья мои, — твердо сказал инженер. — Подождите до ночи. Я не позволю никому из вас без необходимости рисковать собой.

— Но, мистер Сайрес... — возразил моряк, видимо не желавший на этот раз повиноваться.

— Я вас прошу, Пенкроф, — повторил инженер.

— Хорошо! — ответил Пенкроф и, чтобы дать выход своему гневу, начал ругать пиратов отборными эпитетами из морского лексикона.

Как ни хотелось Спилету и Пенкрофу поскорее пойти на разведку к коралю, им пришлось послушаться инженера и остаться возле повозки, внимательно наблюдая за тем, что делалось в лесу.

Так прошло три часа. Ветер к ночи стих, и полная тишина воцарилась под зеленым сводом высоких деревьев. Шорох сухих листьев под ногами торопливого животного, тяжелый полет ночной птицы, треск веток можно было бы отчетливо услышать в безмолвии ночи, но нет – кругом было так тихо, как только может быть тихо в лесу ночью. Даже Топ и тот спокойно лежал в траве, положив голову на передние лапы.

В восемь часов стало достаточно темно, чтобы отправиться на разведку. Гедеон Спилет заявил, что готов идти на рекогносцировку вместе с Пенкрофом. Топ и Юп остались возле повозки вместе с инженером, Гербертом и Набом, так как случайный крик обезьяны или лай собаки мог привлечь внимание пиратов.

– Будьте осторожны, – посоветовал разведчикам Сайрес Смит. – Вы должны не воевать с пиратами, а только посмотреть, занят король или нет.

– Хорошо, – ответил Пенкроф.

И они ушли.

Под деревьями из-за густой листвы было уже так темно, что с трудом можно было рассмотреть что-нибудь в тридцати-сорока шагах. Спилет и Пенкроф, как настоящие разведчики, двигались вперед с большой осторожностью, останавливаясь при малейшем подозрительном шуме.

Они шли в нескольких шагах один от другого, чтобы их труднее было заметить и еще потому, что так в них труднее было бы попасть. И, если сказать правду, они каждую минуту ожидали, что вот-вот загремят ружейные выстрелы.

Через пять минут после того, как они покинули своих товарищ, Гедеон Спилет и Пенкроф вышли из леса возле просеки, перед которой возвышалась ограда короля.

Они остановились под деревом. На лужайке было еще относительно светло. Прямо перед ними виднелись ворота короля, по-видимому, они были заперты. От дерева, под которым они стояли, до ворот нужно было пройти всего тридцать шагов, но эти тридцать шагов представляли собой опасную зону. А что, если там, за оградой, скрываются пираты? Даже самый плохой стрелок не промахнется на таком расстоянии, и пуля или несколько пуль, пущенных с ограды, уложат на месте любого, кто рискнет выйти на просеку, отделявшую опушку леса от короля.

Спилет и Пенкроф были храбрыми людьми и не привыкли отступать перед опасностью, как бы она ни была велика, но они знали, что малейшая неосторожность с их стороны не только будет стоить им жизни, но и повлечет за собой гибель остальных колонистов. Если их убьют, что будут делать Сайрес Смит, Наб и Герберт?

Но Пенкроф был так возбужден, что не мог действовать хладнокровно. Он видел перед собой ворота короля, где, как он предполагал, укрылись пираты, и, не думая о последствиях, рванулся вперед… Спилет едва успел удержать его, схватив за руку.

– Через несколько минут станет совсем темно, – прошептал он на ухо Пенкрофу, – и тогда мы пойдем вместе.

Пенкроф остановился и стал ждать, судорожно сжимая ружье и проклиная про себя ни на чем не основанную, по его мнению, излишнюю осторожность.

Прошло немного времени, и вечерние сумерки уступили место ночному мраку. Темнота, распространявшаяся, казалось, из лесной чащи, окутала всю просеку. Гора Франклина, как гигантский экран, закрывала горизонт с запада. Темнота наступила очень быстро, как это, впрочем, всегда бывает в странах, близких к экватору. Теперь разведчики могли действовать.

Стоя под деревом на опушке леса, Спилет и Пенкроф не спускали глаз с ограды. Король казался совершенно безлюдным. Верхушка изгороди обозначалась ровной непрерывной линией, слегка выделявшейся в окружающем мраке. Если бы пираты находились в короле, они, наверное, выставили бы часового на случай внезапного нападения островитян.

Гедеон Спилет сжал руку своего товарища, и они ползком, держа ружья наготове, стали приближаться к королю. Так добрались они до самых ворот. Все было тихо.

Пенкроф приподнялся и осторожно толкнул несколько раз ворота, которые, как они и предполагали, оказались запертыми. Но при этом моряк сделал открытие, что засовы, которыми запирались ворота, снаружи не были задвинуты.

Из этого можно было сделать заключение, что пираты находились в корале и, не надеясь на прочность запоров, подперли их изнутри.

Гедеон Спилет и Пенкроф молчаостояли несколько минут, прислушиваясь.

Внутри кораля было тихо. Даже муфлоны и козы, очевидно, мирно спали в своих стойлах и не нарушали ночной тишины.

Не услышав ничего подозрительного, журналист и моряк хотели перелезть через ограду, но в таком случае они нарушили бы свое обещание, данное Сайресу Смиту.

Очень возможно, что их смелая попытка имела бы успех, но она могла окончиться и полной неудачей. Если пираты не ожидали никакой опасности, если они ничего не знали об экспедиции, предпринятой колонистами с целью их уничтожить, если, наконец, у колонистов появилась возможность застать своих смертельных врагов врасплох, имели ли они право перелезать через забор и тем, может быть, лишить себя и своих товарищей такого шанса?

Спилет полагал, что не имели. Он считал более благоразумным собраться всем вместе и затем уже попытаться проникнуть в кораль. Ночь темная, и всем им удастся незаметно подойти к ограде, тем более что ее, по-видимому, не охраняли. А теперь надо как можно скорее вернуться к повозке и обсудить план дальнейших действий.

Пенкроф, вероятно, был такого же мнения, потому что беспрекословно последовал за журналистом, когда тот, сделав ему знак рукой, повернулся обратно в лес.

Несколько минут спустя они уже доложили инженеру о результатах своей рекогносировки.

– Знаете что? – произнес инженер после недолгого размышления. – Я думаю, что пиратов нет в корале. Они наверняка ушли из него, захватив с собой провизию.

– Мы все это узнаем, когда перелезем через забор, – сказал Пенкроф.

– Идем в кораль, друзья, – сказал Сайрес Смит.

– А повозку мы оставим в лесу? – спросил Наб.

– Нет, – ответил инженер, – здесь ведь наши боеприпасы, оружие и провизия, а в случае опасности она может послужить нам прикрытием.

– Едем, едем, – торопил Гедеон Спилет.

В одну минуту запрягли онагги, и повозка, выехав из леса, бесшумно покатилась к ограде кораля. Вокруг было все так же темно и тихо, как и в то время, когда Пенкроф и Спилет ползком пробирались на разведку. Густая трава, как пушистый ковер, заглушала шаги животных и людей.

Колонисты шли немного впереди повозки, держа ружья наготове, Юп, по приказанию Пенкрофа, послушно шел в арьергарде. Наб держал Топа на привязи, чтобы собака, почувствовав чужих, не выскоцила вперед и не подняла тревогу раньше времени.

Вскоре показалась опушка леса. На просеке никого не было. Маленький отряд немедля направился прямо к воротам. Опасную зону прошли очень быстро. Но кругом царила все та же тишина. Подъехав к воротам, повозка остановилась. Наб взял под уздцы онагги, чтобы они не заржали. Смит, Спилет, Герберт и Пенкроф подошли к воротам посмотреть, нельзя ли их как-нибудь приоткрыть…

Одна половина ворот оказалась открытой.

– Ну, что вы скажете теперь? – спросил инженер, обращаясь к Пенкрофу и Гедеону Спилету.

Те от удивления не могли даже выговорить ни слова.

– Клянусь спасением моей души, эта половинка была заперта! – пробормотал Пенкроф.

Колонисты стояли молча, раздумывая, как им быть. Так были пираты или нет в корале в то время, когда Спилет и Пенкроф подходили к ограде? По-видимому, да, потому что тогда ворота были заперты, и открыть их могли, конечно, только пираты! Важно знать – ушли они все вместе или же кто-нибудь из них отправился на разведку, а остальные просто забыли закрыть за ним ворота?..

Все эти вопросы один за другим промелькнули в голове у каждого колониста, но кто мог ответить на них?

Вдруг Герберт, который из любопытства заглянул в ворота, быстро отступил назад и схватил за руку Сайреса Смита.

– Что такое? – спросил его инженер.

– Свет!

– В доме?

– Да!

Все пятеро подошли к открытым воротам и заглянули во двор. И в самом деле, в окне, которое было как раз напротив, виднелся слабый свет.

Сайрес Смит в ту же минуту принял решение.

– Вот подходящий случай, – сказал он своим товарищам, – напасть на пиратов, когда они сидят здесь и ни о чем не подозревают. Они теперь в наших руках! Вперед!

С ружьями наготове колонисты проскользнули в кораль. Повозка осталась у ворот за забором под охраной Юпа и Топа, которых привязали к ней из осторожности.

Сайрес Смит, Пенкроф и Гедеон Спилет с одной стороны, Герберт и Наб с другой направились вдоль ограды, внимательно всматриваясь в эту часть короля, погруженную в глубокий мрак.

Через несколько минут все они уже стояли перед запертой дверью.

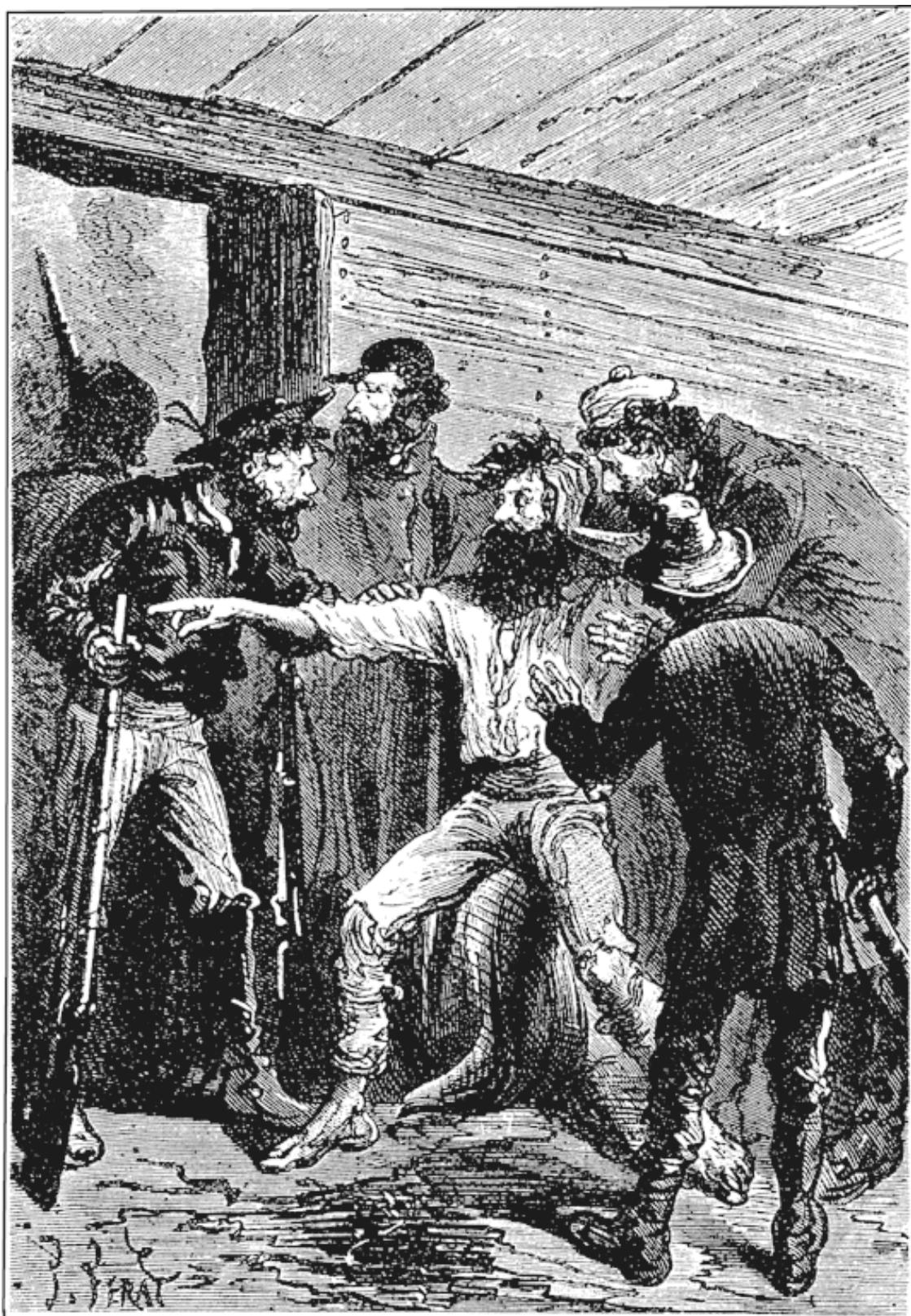
Сайрес Смит движением руки приказал своим спутникам не трогаться с места и подошел к окну, слабо освещенному изнутри.

Он прильнул к стеклу и стал осматривать комнату. На столе стоял зажженный фонарь, у стола виднелась кровать, на которой раньше спал Айртон.

На кровати лежал человек.

Вдруг Сайрес Смит отшатнулся и произнес задыхающимся голосом:

– Айртон!

В ту же минуту колонисты бросились к двери, сильным толчком открыли ее и ворвались в комнату.

Айртон, по-видимому, спал. По его лицу было заметно, что он долго и жестоко страдал. На руках и ногах несчастного виднелись кровавые полосы.

Сайрес Смит наклонился над ним.

— Айртон! — крикнул он, схватив за руку своего товарища, которого им наконец удалось найти при таких необыкновенных обстоятельствах.

Айртон открыл глаза, взглянул на Сайреса Смита, а затем обвел взглядом всех остальных.

— Вы?! — воскликнул он. — Это вы!

— Айртон, Айртон! — повторял Сайрес Смит.

— Где я?

— В доме, в корале!

— Один?

— Да.

— Но они скоро вернутся! — закричал Айртон. — Они скоро придут! Защищайтесь! Защищайтесь!

И Айртон, как сноп, снова упал на постель.

— Спилет, — сказал инженер, — с минуты на минуту на нас могут напасть пираты. Скорее ввезите повозку во двор. Закройте покрепче ворота и возвращайтесь все сюда!

Спилет, Пенкроф и Наб поспешили выполнить распоряжения инженера. Уже через минуту они были у ворот, где стояла повозка, возле которой глухо ворчал Топ.

Инженер, должно быть, тоже услышал ворчание собаки, потому что вышел из дома, приготовившись стрелять. Герберт с ружьем стоял рядом с ним. Оба они тревожно вглядывались в вершину холма, к которому кораль примыкал одной стороной. Если пираты засели там, они могут перестрелять всех колонистов одного за другим.

В эту минуту на востоке, над черной полосой леса, показалась луна, озарившая своим серебристым светом все окрестности. Кораль теперь был виден как на ладони. Потоки бледных лучей заливали стену дома со стороны горы и часть ограды, которая казалась как будто выкрашенной белой краской. Но ворота и часть изгороди, примыкавшая к воротам, пока еще оставались в тени.

Вскоре во дворе показалась темная масса. Это повозка выехала в круг, освещенный луной, и Сайрес Смит услышал, как его товарищи торопливо закрывали ворота, которые они, кроме засовов, подперли еще поднятыми с земли большими бревнами.

Вдруг Топ, оборвав веревку, с громким лаем пробежал мимо инженера к ручью, который протекал позади дома под небольшой группой деревьев.

– Внимание, друзья! Цельтесь!.. – крикнул Сайрес Смит.

Колонисты подняли ружья и взвели курки, приготовившись стрелять. Топ продолжал лаять, а Юп, бросившийся вслед за собакой, издавал какой-то пронзительный тревожный свист.

Колонисты решили пойти посмотреть, что там такое, и последовали за обезьянкой к ручью. И что же они увидели там при ярком лунном свете?

На берегу лежало пять человеческих тел!

Это были трупы пиратов, тех самых, которые четыре месяца назад высадились на остров Линкольна!

Глава тринадцатая

Рассказ Айртона. – Планы его прежних сообщников. – Судья острова Линкольна. – «Бонавентур». – Поиски в окрестностях горы Франклина. – Верхние долины. – Подземный гул. – Ответ Пенкрофа. – В глубине кратера. – Возвращение.

Что все это значило? Кто убил пиратов? Может быть, это сделал Айртон? Нет, минуту тому назад он сам боялся их возвращения!

Кроме того, Айртон спал в это время, Сайрес Смит с трудом смог разбудить его. Наконец, он был так слаб, что, сказав всего несколько слов, в сильном изнеможении упал на постель и снова заснул.

Какие только предположения не приходили в голову колонистов! Чрезвычайно возбужденные, они почти не спали в эту ночь и больше уже не выходили из комнаты Айртона, никто не хотел пойти еще раз посмотреть на лежавшие возле ручья трупы пиратов. С большим нетерпением они ожидали пробуждения Айртона, но были убеждены, что он не сможет ответить им на интересующие их вопросы, потому что бедняга даже не знал, каким образом он сам очутился в корале... Но если он ничего не знал об этом, зато многое мог сообщить об обстоятельствах, предшествовавших этой ужасной казни.

На другой день Айртон проснулся в обычное время. Оцепенение, в котором он так долго находился, наконец прошло. Его товарищи с участием пожимали ему руки, выражая искреннюю радость, что наконец-то они опять видят его целым и невредимым после долгой разлуки.

Затем Айртон кратко рассказал о том, что случилось с ним с того времени, как он ушел из Гранитного дворца.

10 ноября, на следующий день после его прибытия в кораль, в сумерках на него напали пираты, которые перелезли через ограду. Они набросились на него, связали, заткнули ему рот и перетащили в темную пещеру у подножия горы Франклина, служившую им временным убежищем.

Пираты решили его убить и, наверное, покончили бы с ним на другой же день, как вдруг один из пиратов узнал его и назвал тем именем, под которым он сам разбойничал в Австралии. Разбойники хотели убить островитянина Айртона, но они пощадили Бена Джойса.

Но злодеи недаром оставили ему жизнь. Они требовали от него, чтобы он изменил своим товарищам и присоединился к ним. Они хотели, чтобы он помог им проникнуть в Гранитный дворец. А раз им удастся проникнуть в эту неприступную крепость, они перебьют колонистов и станут полными хозяевами острова Линкольна.

Айртон не согласился. Бывший главарь разбойников, раскаявшийся и получивший прощение, предпочитал погибнуть в муках, чем изменить своим товарищам, которым он был многим обязан.

Связанный по рукам и ногам, с тряпкой во рту, Айртон провел почти четыре месяца в темной пещере.

Пираты узнали о существовании короля вскоре после высадки на остров, и с тех пор заходили туда каждый раз, когда им нужно было возобновить запас провизии, но не жили там постоянно. Когда 11 ноября колонисты подошли к коралю, там в это время было всего двое разбойников. Они стреляли в Герберта, и один из них, вернувшись в пещеру, хвастался, что ему удалось убить островитянина. Другой пират больше не возвращался; его, как известно, убил Сайрес Смит ударом кинжала прямо в сердце.

Можно себе представить беспокойство и отчаяние Айртона, когда он узнал о смерти Герберта. Колонистов осталось теперь только четверо, и они тоже, наверное, попадут в руки злодеев!

После этого события, пока тяжелая рана Герберта удерживала колонистов в корале, пираты почти не выходили из пещеры, даже после разгрома плато Дальнего Вида они опять вернулись в свое убежище, вероятно опасаясь мести колонистов.

С Айртоном разбойники обращались все хуже и хуже. На его руках и ногах ясно были видны кровавые следы от веревок, которыми он был связан днем и ночью. Каждую минуту он ждал смерти и был уверен, что пираты не оставят его в живых.

Так продолжалось до второй половины февраля. Пираты в ожидании подходящего случая напасть на колонистов очень редко покидали свое убежище. Несколько раз они ненадолго уходили на охоту в лес Якамара или в леса Дальнего Запада на южном берегу острова. Айртон ничего больше не слышал о своих товарищах-колонистах и уже не надеялся их увидеть еще раз.

Наконец, вследствие жестокого обращения и очень плохого питания, Айртон ослаб до такой степени, что впал в глубокое забытье. Он уже ничего не ел, ничего не видел и не слышал. За прошедшие два дня он даже не сознавал, что происходит вокруг.

— Но, мистер Сайрес, — сказал он в заключение, — я ведь лежал связанный в пещере... Как же я очутился в корале?

— А как это случилось, что пираты лежат мертвые здесь, в корале, на берегу ручья? — вопросом на вопрос ответил инженер.

— Мертвые? — вскрикнул Айртон и, несмотря на свою слабость, приподнялся и сел на постели.

Его товарищи бросились поддержать его. Айртон сказал, что хочет встать, они помогли ему и затем все вместе направились к ручью, протекавшему через кораль.

Было уже совсем светло. На берегу ручья в тех самых позах, в каких их застала внезапная смерть, лежали трупы пятерых пиратов.

Айртон был потрясен. Сайрес Смит и остальные колонисты смотрели на него, не произнося ни слова.

По знаку инженера Наб и Пенкроф осмотрели уже окоченевшие трупы пиратов. Нигде на их телах не было никаких ран ни от огнестрельного, ни от холодного оружия. И только уже при повторном, более тщательном осмотре Пенкроф заметил маленькое красное пятнышко на лбу у одного, на груди у другого, на спине у третьего, на плече у четвертого и пятого. Пятнышки были едва заметны и казались следами контузии от пули мелкого калибра, которая почему-то отскочила от тела, не пробив даже кожу.

— Вот эти красные точки и есть причина смерти! — сказал Сайрес Смит.

— Но каким же оружием они убиты? — с удивлением спросил Спилет.

— Оружием, поражающим мгновенно, но каким, мы не знаем.

— А кто их убил? — спросил Пенкроф.

— Человек, который творит суд на острове, — ответил Сайрес Смит, — тот, кто перенес вас сюда, Айртон. Загадочный незнакомец, могущество которого проявилось еще раз... Их убил наш добрый гений, который помогал нам в тех случаях, когда мы сами оказывались бессильными, и который, несмотря на все сделанное им для нас, таинственно скрывается.

— Надо его найти! — с обычной пылкостью воскликнул Пенкроф.

— Да, будем искать его, — ответил Сайрес Смит, — но я заранее уверен, что нашего таинственного покровителя мы найдем только тогда, когда он сам пожелает призвать нас к себе.

Могущество таинственного покровителя, перед которым все, что делали колонисты до сих пор, оказывалось таким незначительным, раздражало и одновременно радовало инженера. Невольное подчеркивание их слабости могло оскорбить гордую душу. Безмерное великодушие и в то же время нежелание вступить в контакт с людьми, которым делалось добро, уклонение от всяких выражений признательности указывали на презрительное отношение к людям. Это презрение до известной степени умаляло в глазах Сайреса Смита значение благодеяний.

— Будем искать, — повторил он, — и вместе с тем будем надеяться, что нам представится когда-нибудь возможность доказать нашему высокомерному покровителю, что он имел дело не с неблагодарными людьми! Я бы многое отдал за то, чтобы мы могли расплатиться с ним, оказав ему, хотя бы ценой жизни, какую-нибудь важную услугу!

С этого времени поиски таинственного покровителя стали единственной заботой обитателей острова Линкольна. Они стремились найти ключ к этой загадке, — ключ, который открыл бы имя и местопребывание на острове человека, одаренного поистине сверхъестественным могуществом.

Вскоре колонисты вернулись в дом и прежде всего занялись Айртоном, к которому, благодаря их заботам, быстро вернулись и моральные, и физические силы.

Наб и Пенкроф перенесли трупы пиратов в лес и глубоко зарыли их в землю на некотором расстоянии от короля.

Затем колонисты поведали Айртону обо всем, что произошло за время его отсутствия. Они рассказали о ранении Герберта, о том, как им удалось вылечить его благодаря таинственному появлению коробочки с хинином, и о том, как уже потеряли всякую надежду увидеть Айртона, потому что думали, что пираты его убили.

— А теперь, — сказал Сайрес Смит в заключение, — нам остается исполнить наш долг. Одна часть нашей задачи выполнена, но если теперь можно не опасаться пиратов, то это сделано не нами и не себе мы обязаны тем, что после четырех месяцев тревожной жизни стали опять единственными обладателями острова.

— Так что же, — высказался Гедеон Спилет, — обшарим весь этот лабиринт скал и утесов по склонам горы Франклина! Обыщем все пещеры, все мышиные норки! Если вы хотите видеть журналиста, который стоит на пороге тайны и очень хочет открыть ее, то он перед вами.

— Надеюсь, мы не станем возвращаться в Гранитный дворец до тех пор, пока не найдем нашего таинственного покровителя, — сказал Герберт.

— Да! — подтвердил инженер. — Мы сделаем все, что в человеческих силах... Но я повторяю вам еще раз, друзья мои, я уверен, что мы найдем его только тогда, когда он нам позволит.

— Значит, мы пока останемся в корале? — спросил Пенкроф.

— Да, пока останемся здесь, — ответил Сайрес Смит, — провизии здесь достаточно, и потом, король находится как раз в самом центре района предполагаемых исследований. А в случае необходимости всегда можно съездить в Гранитный дворец.

— Хорошо, — сказал моряк, — но я позволю себе сделать одно замечание.

— Какое?

— Лето проходит, а, как вы и сами знаете, это самое лучшее время для того, чтобы поплыть...

— Поплыть... куда? — с удивлением спросил Гедеон Спилет.

— Как куда? На остров Табор, — ответил Пенкроф, — нужно же отвезти туда записку с точным указанием местоположения нашего острова, где сейчас находится Айртон. Мы ведь хотели это сделать на случай, если шотландская яхта придет за ним. Но, может быть, мы уже опоздали.

— Но послушайте, Пенкроф, — спросил Айртон, — на чем же вы хотите отправиться к острову Табор?

— На «Бонавентуре»!

— На «Бонавентуре»? — воскликнул Айртон. — Но его больше нет.

— «Бонавентура» нет?! — взревел Пенкроф, вскакивая на ноги.

— Да, корабль погиб! — продолжал Айртон. — Пираты случайно нашли его в маленькой бухточке на южной стороне острова неделю назад, попробовали выйти на нем в открытое море и...

— И?.. — повторил с бьющимся сердцем Пенкроф.

— И, так как на борту не было такого рулевого, как Боб Гарвей, они налетели на скалу, и корабль разбился в щепки!

— Будь они прокляты! Бандиты! Подлые негодяи! — заревел Пенкроф.

— Пенкроф, — сказал Герберт, взяв моряка за руку, — мы выстроим другой «Бонавентур», еще лучше! Вспомни, у нас теперь есть для этого все металлические части, весь такелаж!

— Да ты разве не знаешь, — возразил Пенкроф, — что для того, чтобы построить судно в тридцать-сорок тонн, нам всем нужно будет работать, по крайней мере, пять или шесть месяцев?

— Что же делать? — спросил Спилет. — Хотя, признаюсь, и мне очень досадно, что поездку на остров Табор придется отложить до следующего года.

— Не горюйте, Пенкроф, — сказал инженер. — Остается только надеяться, что лорд Гленарван не так скоро еще приедет за Айртоном и мы, может быть, не опоздаем.

— Ах, мой «Бонавентур», мой бедный «Бонавентур»! — повторял Пенкроф, глубоко огорченный гибелю судна, которое он строил своими руками и которым так гордился.

О гибели «Бонавентура» сожалели все колонисты, поэтому тут же было решено как можно скорее выстроить новый корабль. На этом пока и закончили обсуждение вопроса о поездке на остров Табор. И колонисты снова приступили к исследованию наиболее недоступных и таинственных мест острова.

Поиски возобновились в тот же день, 19 февраля, и продолжались целую неделю. Местность вокруг основания горы Франклина представляла собой настоящий лабиринт прихотливо разбросанных узких ущелий, долин, гротов и пещер, где можно было скрываться годами. Поэтому колонисты и решили прежде всего обыскать окрестности горы Франклина. Приступая к исследованиям в этой части острова, Сайрес Смит считал необходимым делать это тщательно, не торопясь и строго придерживаясь определенной последовательности ввиду сложного рельефа.

Исследование окрестностей вулкана колонисты начали с южной стороны, где по узкой долине бежал ручей Водопада, бравший свое начало на горе Франклина. Там Айртон показал им пещеру, где скрывались пираты и где сам он томился в заключении почти четыре месяца до тех пор, пока его кто-то не перетащил в домик в коралле. В пещере все оставалось в том же виде, как было при Айртоне. Колонисты нашли там немного съестных припасов, пороха и пуль, похищенных пиратами во время нашествий в кораль и разгрома плато Дальнего Вида.

Сайрес Смит осмотрел всю долину, примыкавшую к пещере и поросшую огромными деревьями, среди которых преобладали деревья хвойных пород. Отсюда, обогнув юго-западные склоны горы, колонисты углубились в еще более узкое ущелье, тянущееся до гряды живописно нагроможденных на берегу моря базальтовых скал.

Здесь растительности было гораздо меньше. Деревья росли довольно редко, а трава уступала место камням. Дикие козы и муфлоны прыгали по утесам. К северу от этого места начинилась бесплодная часть острова. Исследователи установили, что из множества долин, отходивших, разветвляясь во всех направлениях, от горы Франклина, только три были покрыты лесом и богатыми пастбищами. В их число входила долина, отведенная под кораль, с запада она примыкала к долине ручья Водопада, а с востока — к долине Красного ручья. Эти два ручья, превращавшиеся ниже по течению в настоящие реки благодаря обилию притоков, несли один в море, а другой — в озеро Гранта массу воды и, без сомнения, оказывали огромное влияние на плодородие почвы в южной части острова. Что касается реки Милосердия, то ее питали многочисленные ручьи, протекавшие под зеленым сводом лесов Якамара. Все эти ручьи были очень похожи на те водяные потоки, которые, разделяясь на тысячи маленьких ручейков, орошали Змеиный полуостров.

Любая из этих трех долин, где не было недостатка в воде, могла служить отличным убежищем какому-нибудь отшельнику, который мог бы жить здесь в полном уединении, ни в чем

не нуждаясь. Но как ни тщательно исследовали колонисты эти долины, им не удалось обнаружить следы человеческого пребывания.

Может быть, таинственный человек устроил убежище в глубине бесплодных ущелий, среди обвалившихся скал, или в оврагах на северной стороне горы, где ясно виднелись потоки застывшей лавы?

У подножия горы Франклина с северной стороны находились только две широкие, но не глубокие долины, с довольно ровными краями и без всяких признаков растительности. Дно долин было покрыто потоками застывшей лавы, взрыхленной большими буграми, и усеяно каменными глыбами с примесью обсидиана и лабрадорита. Исследование этих долин оказалось долгим и трудным, потому что здесь попадалось множество пещер, хорошо замаскированных снаружи и труднодоступных. Одни из них воронкообразно уходили в землю, другие образовались в боковых гребнях долин, третья были похожи на Гроты и располагались внутри беспорядочно набросанных груд камней и скал, прикрытых сверху лавой и осыпавшимся пеплом.

Колонисты осмотрели даже мрачные тоннели, образовавшиеся еще во времена извержения вулкана, которые шли, углубляясь, в недра горы. Исследователи проникали в эти мрачные подземные галереи с зажженными смоляными факелами в руках и внимательно осматривали каждую впадину, каждое углубление. Но всюду царили тишина и мрак. Нигде не было заметно никаких признаков, которые давали бы возможность предположить, что человек когда-либо ходил по этим тоннелям, что он касался руками этих камней, почерневших от давно угасшего огня. Эти мрачные подземные тоннели оставались все в том же диком виде, в каком они были в то время, когда сила подземного огня подняла их из океанской бездны вместе со всей массой острова Линкольна.

Однако Сайресу Смиту совершенно неожиданно пришлось убедиться, что здесь не везде господствует та могильная тишина, которая поразила их сначала. Пройдя почти до конца одной из мрачных впадин, тянувшихся на несколько сот метров внутрь горы, он вдруг с удивлением услышал глухой гул, похожий на рокотание отдаленного грома, причем стены, отражая звук, только еще больше усиливали его.

Гедеон Спилет, который шел рядом с инженером, тоже слышал этот отдаленный грохот, служивший неопровергимым признаком деятельности подземного огня. Они молча стояли несколько минут, прислушиваясь, и решили, что в недрах острова происходит какая-то химическая реакция.

– Значит, мы ошиблись… и вулкан еще не погас?! – сказал наконец Спилет.

– Вероятно, уже после того, как мы исследовали кратер вулкана, в нижних слоях началась какая-то деятельность, – ответил инженер. – Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Любой вулкан, считающийся потухшим, может в один прекрасный день снова начать действовать.

– А если это подготовительная работа для нового извержения? – спросил Гедеон Спилет. – Как вы думаете? Разве это не грозит какой-нибудь опасностью острову Линкольна?

– Не думаю, – ответил инженер. – Существует кратер, то есть предохранительный клапан, и если внутри горы скопится слишком много газов, они вырвутся через это отверстие, и лава, как и раньше, потечет по своему обычному пути.

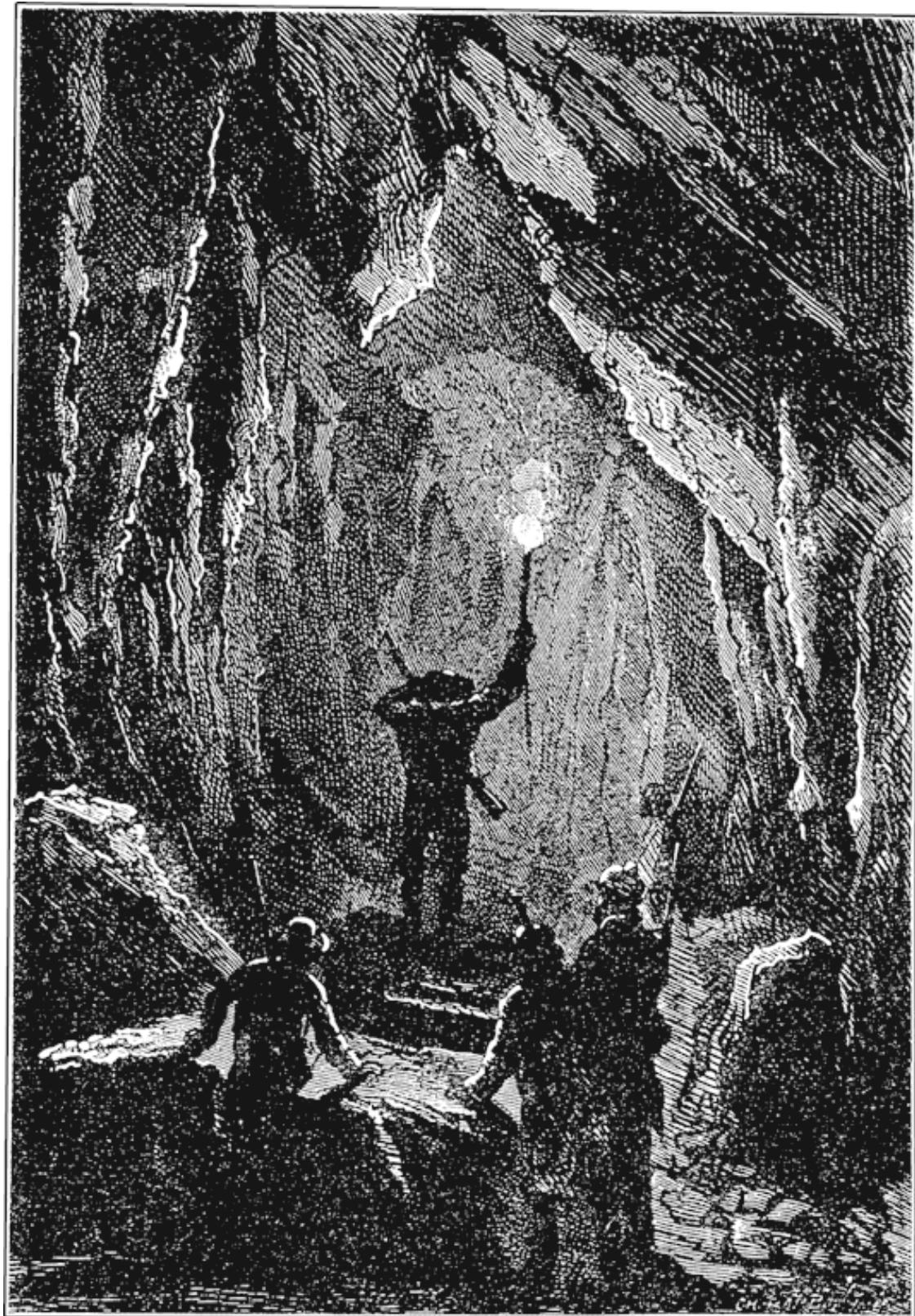
– Если только лава не проложит себе новую дорогу к плодородным частям острова!

– На каком основании, дорогой Спилет, вы предполагаете, – спросил Смит, – что лава не пойдет по уже проложенному пути?

– Э, вулканы очень капризны! – ответил Спилет.

– Обратите внимание, – продолжал инженер, – что наклон всего массива горы Франклина способствует изливу потоков лавы в долины, которые мы исследуем в настоящее время. Только землетрясение в состоянии изменить центр тяжести горы так, чтобы направить потоки лавы в другую сторону.

– Но при извержениях вулканов очень часто бывают и землетрясения, насколько я знаю, –
вразился Гедеон Спилет.

– Почти всегда, – ответил Сайрес Смит, – особенно когда начинают пробуждаться подземные силы и недра земного шара после долгого отдыха приходят в движение. Конечно, извер-

жение вулкана будет для нас неприятным фактом, и я, признаюсь вам, был бы очень рад, если бы этот вулкан еще долго не просыпался... Но помешать ему мы не в состоянии, не правда ли? Во всяком случае, что бы ни случилось, я почти уверен, что ни Гранитному дворцу, ни плантациям на плато Дальнего Вида не грозит серьезная опасность. Вы не обратили внимания на рельеф почвы между плато Дальнего Вида и горой Франклина? Уровень земли там заметно понижается, и если лава потечет когда-нибудь в эту сторону, то она, не дойдя до озера Гранта, свернет к северу, зальет дюны и устремится к заливу Акулы.

– Над вершиной горы еще пока не видно клубов дыма, которые могли бы служить признаком близкого извержения, – сказал Гедеон Спилет.

– Да, – ответил Сайрес Смит, – я тоже не заметил ни малейшего дыма, хотя не далее как вчера смотрел на вершину кратера. Вероятно, нижняя часть жерла кратера за время долгого бездействия вулкана сильно засорилась обломками скал и пеплом, осевшим на затвердевшую лаву, так что предохранительный клапан, о котором я вам только что говорил, в данное время слишком перегружен. Но при первом же сильном толчке все это моментально вылетит, и вы можете быть уверены, дорогой Спилет, что ни остров, который можно рассматривать как очень большой котел, ни гора, играющая роль трубы, не разорвутся под давлением газов. Но повторяю вам, было бы гораздо лучше, если бы извержения не было.

– Но не приснилось же нам все это? – возразил Спилет. – Слышите грохот там, в самых недрах вулкана?!

– В самом деле, – сказал инженер, прислушиваясь, – ошибки здесь быть не может... Там происходит реакция, но мы не в состоянии определить, насколько это серьезно, и даже приблизительно не можем определить, чем все это кончится...

Сайрес Смит и Гедеон Спилет вышли из тоннеля и сразу же сообщили друзьям о своем открытии.

– Прекрасно! – воскликнул Пенкроф, выслушав новости. – Вулкан хочет порезвиться! Пускай, это нас не касается! Когда нужно будет, его уймут!

– Кто это? – спросил Наб.

– Наш добрый дух, наш покровитель, Наб! Он сумеет заткнуть ему кратер, если тот вздуывает очень широко его разинуть!

Всегда увлекающийся Пенкроф до такой степени проникся верой в могущество таинственного покровителя колонистов, который уже столько раз приходил им на помощь в чрезвычайных обстоятельствах, что и теперь считал его как бы обязанным остановить извержение вулкана и спасти их от новой беды. Этот покровитель, по его мнению, был не обыкновенным человеком из плоти и крови, а божеством острова, именно поэтому, несмотря на все усилия колонистов, они не могут найти, да и не найдут никогда ни самого доброго духа, ни таинственного места, где он обитает.

С 19 по 25 февраля колонисты занимались исследованием северной части острова, где осмотрели все труднодоступные места. Они даже стали выступать скалы, предположив, что они могут служить стенами жилища таинственного существа. Инженер начертил точный план горы и, не пропустив ни одного подозрительного места, обыскал всю гору от нижних камней в ее подножии до края усеченного конуса, венчавшего первую площадку, и верхнего выступа огромной «шляпы», в глубине которой открывался кратер.

Наконец, колонисты спускались даже в кратер вулкана, из глубин которого доносился глухой гул. Над вершиной горы еще не курился дымок, не поднимался пар, стенки кратера были холодными, температура внутри кратера не повысилась – словом, ничто пока не указывало на близость извержения, которого тем не менее следовало ожидать в недалеком будущем. Но их тревожило совсем не это: им хотелось разыскать своего покровителя, а ни его самого, ни его убежища они не могли найти нигде, несмотря на все свое старание!

Окончив осмотр горы, колонисты отправились на розыски в дюны. Шаг за шагом исследовали они отвесные стены берегов залива Акулы, от основания до самого верха, хотя спускаться к воде было очень трудно... Никого! Ничего!

Всего два слова, а как красноречиво говорили они о разочаровании колонистов, затративших так много физических сил и энергии только для того, чтобы получить отрицательный результат. Это было неприятно и обидно!

Но пора было подумать о возвращении домой. Поиски все равно не могли продолжаться вечно. Колонисты могли предполагать только одно: их таинственный покровитель или добрый гений, как его называл Пенкроф, обитает не на поверхности острова. Пылкая фантазия некоторых колонистов начинала создавать уже целые легенды об этом существе. Теперь Пенкроф и Наб говорили о нем как о существе не от мира сего и поэтому не нуждающемся в том, без

чего не могут жить простые смертные... Пылкое воображение уносило их далеко за пределы действительности.

25 февраля колонисты вернулись в Гранитный дворец, они попали в него по канату, перекинутому через выступ скалы с помощью стрелы. Затем они собрали подъемник и восстановили сообщение своего дома с побережьем.

Месяц спустя, 25 марта, они праздновали третью годовщину своего пребывания на острове Линкольна!

Глава четырнадцатая

Прошло три года. – Вопрос о новом корабле. – Вопрос решен. – Процветание колонии. – Корабельная верфь. – Зимние холода в Южном полушарии. – Пенкроф сдается. – Стирка белья. – Гора Франклина.

Прошло уже три года со времени бегства пятерых пленников из осажденного Ричмонда. Конечно, в течение этих лет они часто вспоминали свою далекую родину, мысли о которой никогда их не покидали.

Они не сомневались, что гражданская война уже закончилась, и закончилась именно так, как они желали, то есть гуманные идеи Севера восторжествовали над сепаратистскими стремлениями южан. Но как велась эта война в последнее время обеими сторонами? Сколько за это время было пролито крови? Кто из них близких и друзей пал в борьбе? Вот что их интересовало и служило предметом вечерних бесед, хотя колонисты не могли даже приблизительно сказать, когда они снова увидят Америку. Но, мечтая о возвращении на родину, они не предполагали оставаться там навсегда. Нет, им нужно было попасть туда только на короткое время, чтобы снова возобновить связь с цивилизованным миром и установить регулярное сообщение между островом Линкольна и Америкой, а потом они вернутся на свой остров и проведут здесь остальные годы жизни, может быть лучшие, принимая деятельное участие в процветании основанной ими колонии.

Эту мечту можно было осуществить только двумя способами: или к острову Линкольна подойдет какой-нибудь корабль, который перевезет их в Америку, или же они сами построят достаточно большое судно, чтобы доплыть до ближайшей обитаемой земли.

– А может быть, наш добрый гений гораздо раньше даст нам возможность возвратиться на родину, – говорил Пенкроф.

Пенкроф не шутил, и если бы в один прекрасный день ему или Набу, который тоже верил в могущество таинственного незнакомца, сказали, что в заливе Акулы или в гавани Воздушного Шара стоит на якоре и ждет их судно в триста тонн водоизмещением, они нисколько не удивились бы. Там, где дело касалось чудесного, их ничто не могло удивить или заставить усомниться.

Но с ними был Сайрес Смит, который не разделял их веры в чудеса и посоветовал им вернуться к реальности, подумать о постройке нового судна и поскорей приступить к работе. И в самом деле, надо было как можно быстрее доставить на остров Табор записку с указанием нового местопребывания Айртона.

«Бонавентур» разбрался о скалы, и, по словам Пенкрофа, требовалось, по крайней мере, шесть месяцев для того, чтобы построить новое судно. Но пока они будут строить это судно, наступит зима, и поездку придется отложить до весны.

– Я надеюсь, что к весне мы закончим строительство, – сказал инженер, обсуждавший этот вопрос вместе с Пенкрофом. – Но я хочу предложить вам, мой друг, немного изменить предполагаемый проект. Нам приходится строить новое судно, и, я думаю, будет гораздо целесообразнее построить большую шхуну или бриг. Мы ведь не можем сказать утвердительно, что шотландцы приедут за Айртоном, и даже приблизительно не знаем, когда это должно произойти. Возможно, что яхта уже подходила к острову и, не найдя там Айртона, отправилась обратно. Не лучше ли нам построить такой корабль, на котором мы могли бы добраться до Полинезийских островов или до Новой Зеландии? Как вы думаете, дорогой Пенкроф?

– Я думаю, мистер Сайрес, – ответил моряк, – что вы одинаково хорошо построите как маленькое судно, так и большое. Леса здесь сколько угодно, инструменты у нас тоже есть. Все дело только в том, что одна работа займет меньше времени, а другая – больше.

— А за сколько месяцев можно будет построить судно водоизмещением от двухсот до трехсот тонн? — спросил Сайрес Смит.

— Да как вам сказать?.. Месяцев семь, а то и восемь, — ответил Пенкроф, — но при этом надо иметь в виду, что зимой в сильные морозы дерево с трудом поддается обработке, так что мы не сможем работать на открытом воздухе. Поэтому прибавим еще несколько недель, и получается, что нам удастся построить корабль к будущему ноябрю. Это самый короткий срок.

— Отлично! — ответил Сайрес Смит. — Это как раз самое благоприятное время для того, чтобы отправиться на остров Табор или рискнуть доплыть до обитаемых земель.

— О чём же тогда долго думать, мистер Сайрес? — сказал Пенкроф. — Готовьте чертежи, и рабочие тотчас же примутся за дело. Я думаю, что Айртон будет нам хорошим помощником.

На общем совете колонисты единогласно одобрили проект инженера. И в самом деле, ничего лучше нельзя было придумать.

Сайрес Смит немедленно принялся за чертежи судна и изготовление лекал для плотников. Его товарищи в это время рубили и доставляли деревья на место строительства. Подходящий материал выбрать было нетрудно, леса Дальнего Запада дали лучшие сорта дуба и ильма. Для перевозки леса нужна была дорога, и колонисты решили воспользоваться просекой, проложенной во время последней экспедиции через лес к мысу Аллигатора; ее немного расширили, расчистили, и получилась довольно хорошая, хотя и извилистая дорога, которую назвали дорогой Дальнего Запада. Срубленные для расчистки дороги деревья тоже привезли как строительный материал на верфь, к Гrotам.

Закончив доставку леса, колонисты сразу же принялись распиливать деревья на бруски и доски, а затем сушить их, потому что в сыром виде дерево использовать нельзя. Плотники усердно пилили и строгали весь апрель, в течение которого хорошая погода несколько раз сменялась сильными бурями, довольно обычными для дней осеннего равноденствия. Юп добровольно стал усердным помощником колонистов. Он то ловко взбирался на дерево, чтобы обвязать его верхушку концом веревки, то таскал на своих могучих плечах стволы и брусья.

Весь срубленный и распиленный лесоматериал сложили на хранение и сушку в большом дощатом сарае, построенном около Гrotов, и здесь оставили в ожидании, когда его можно будет использовать.

Апрель в этом году отличался очень хорошей погодой, как это, впрочем, довольно часто бывает в октябре месяце в Северном полушарии. Поэтому, закончив с рубкой леса, колонисты продолжили обычные земледельческие работы, и вскоре на плато Дальнего Вида не осталось никаких следов недавнего разгрома. Они успели даже заново построить мельницу и восстановить сгоревшие и разрушенные надворные постройки. Рядом с птичьим двором появились новые конюшни и сараи, размеры которых посчитали нужным увеличить, потому что их население значительно возросло. В конюшне, например, вместо двух стояло уже пять онагги, из них четверо, взрослые, сильные, отлично выезженные, прекрасно ходили как в упряжке, так и под седлом, а пятый только недавно появился на свет. К орудиям для обработки земли добавился еще небольшой плуг, и онагги очень быстро привыкли возить его по полю не хуже настоящих волов из Йоркшира или из Кентукки. Колонисты распределили между собой работу, и никто из них ни одного дня не сидел без дела. Каким завидным здоровьем обладали эти труженики, как весело они проводили вечера, собираясь после трудового дня в Гранитном дворце, какие планы на будущее они строили!..

Конечно, Айртон жил точно такой же жизнью, как и остальные колонисты, и больше уже не выражал желания переселиться в кораль. Несмотря на это, он постоянно имел печальный, задумчивый вид и почти не разговаривал, когда они собирались поболтать вечером перед сном. Но это был образцовый работник, умный, сильный, ловкий, всегда умевший найти выход в случае какого-нибудь затруднения. Его товарищи не только любили, но и уважали его, и он это знал.

Кораль тоже не был забыт. Каждые два дня кто-нибудь из колонистов или в повозке, или верхом отправлялся туда, чтобы дать корм муфлонам и козам и привести оттуда молоко, о чем всегда напоминал Наб. Эти поездки служили также поводом поохотиться. Поэтому Герберт и Гедеон Спилет вместе с Топом чаще своих товарищих путешествовали по дороге в кораль, и благодаря их прекрасным ружьям к столу всегда подавалась в изобилии какая-нибудь дичь: морские свинки, агути, кенгуру, пекари, дикие свиньи, потомки свиней, привезенных с острова Табор, утки, глухари, тетерева, якамары и кулики. Моллюски с устричной отмели, морские черепахи, семга, снова стаей заплывшая в реку Милосердия для метания икры, овощи с плато Дальнего Вида, грибы, орехи и ягоды, собранные в лесу, позволяли разнообразить ежедневное меню и делать обильные запасы на будущее. Наб, главный повар, с утра до ночи работал в своей кухне, похожей на лабораторию, и едва успевал заготавливать впрок все, что ему приносили.

В это же время была восстановлена и телеграфная линия между коралем и Гранитным дворцом, поэтому, когда кто-нибудь из колонистов, отправившись в кораль, считал нужным провести там ночь, он сообщал об этом своим товарищам по телеграфу. Теперь на острове было вполне безопасно.

Впрочем, то, что случилось один раз, могло повториться. Колонисты не имели права рассчитывать на полную безопасность и в будущем, потому что на остров снова могли высадиться пираты или беглые каторжники. Возможно, что какие-нибудь друзья или сообщники Боба Гарвея, оставшиеся на острове Норфолк, знали о его планах и при первом удобном случае отправятся по его следам. Поэтому колонисты внимательно следили за тем, что делалось на океане, и каждый день в подзорную трубу осматривали весь горизонт от бухты Союза до бухты Вашингтона. Отправляясь в кораль, они также внимательно исследовали западную сторону горизонта, а с отрогов горы был виден значительный участок восточного горизонта. Словом, они пользовались каждым удобным случаем окунуть взглядом ту или иную часть открывавшегося перед ними горизонта, не исключая и негостеприимных северных берегов. Пока нигде не было замечено ничего подозрительного, но колонисты все равно считали необходимым бдительно охранять свои владения.

Однажды вечером инженер рассказал своим товарищам о проекте укрепления корала. Он считал необходимым сделать ограду повыше и, кроме того, пристроить сбоку нечто вроде блокгауза, где в случае нападения они могли бы выдержать осаду. Гранитный дворец, устроенный на недосягаемой высоте, мог считаться неприступным, но кораль, его постройки, животные, запасы всегда будут привлекать алчные взоры пиратов, которые могут высадиться на острове. Если колонистам придется очень долго сидеть там в осаде, они должны иметь дополнительные средства защиты.

Все, конечно, одобрили этот проект, но его выполнение пришлось отложить до будущей весны.

К 15 мая киль нового судна уже стоял на стапелях, вскоре на его концах появились ахтерштевень и форштевень. Киль из отличного строевого дуба имел в длину сто десять футов, что позволяло сделать средний бимс шириной двадцать пять футов. Но этим и ограничилось все, что успели сделать плотники до наступления холодов и ненастя. Впрочем, они работали после этого еще неделю и успели собрать кормовой шпангоут, а потом работы пришлось приостановить. Надо было подождать, когда погода изменится и хоть немного потеплеет.

В последние дни этого месяца погода стояла отвратительная. Ветер дул с востока и по временам переходил в ураган. Инженер, слушая, как воет ветер, очень тревожился за судьбу верфи, где находился остов будущего судна. Ведь ее нельзя было устроить в другом месте вблизи Гранитного дворца, а островок Спасения, как колонисты уже знали, плохо защищал побережье от непогоды и сильного восточного ветра, при этом огромные волны обрушивались на гранитную стену.

К счастью, все обошлось, и опасения инженера не оправдались. Ветер переменился и стал дуть с юго-востока, теперь ярость урагана разбивалась о скалистые выступы мыса Находки, которые, принимая на себя штормовые удары, защищали побережье Гранитного дворца.

Пенкроф и Айртон, самые усердные кораблестроители, продолжали работать до последней возможности. Не обращая внимания ни на ветер, трепавший им волосы и пронизывающий их до костей, ни на дождь, из-за которого они промокали насекомые, они продолжали пилить, строгать и стучать молотком еще прилежнее, потому что, работая, они согревались. Но около 10 мая вслед за дождями начались морозы, древесина затвердела, как железо, и с трудом поддавалась обработке, так что плотники поневоле прекратили работу.

Сайрес Смит и его товарищи не могли не обратить внимания на то, как сильно на острове зимой понижается температура. Такие морозы бывают и в Америке, в штатах, лежащих на таком же расстоянии от экватора, как и остров Линкольна. Если в Северном полушарии это явление объясняется тем, что на всей территории до самого Ледовитого океана нет возвышенностей, преграждающих путь северным ветрам, то такое объяснение, конечно, не годилось для острова Линкольна, незначительному в сущности клочку земли, лежавшей посреди океана.

— Ученые установили, — говорил по этому поводу своим товарищам Сайрес Смит, — что на островах и в прибрежных местностях средняя температура зимнего периода всегда выше, чем в центре материков, лежащих на тех же широтах. При этом Средиземное море, несмотря на свою величину, почти не играет в этом отношении никакой роли, что, впрочем, объясняется его изолированным положением на континенте. Я сам не раз слышал, что в Ломбардии зима более суровая, чем в Шотландии, вероятно, это зависит от того, что океан зимой отдает теплоту, которую он поглощает летом. Естественно, что острова находятся в лучших условиях, так как они со всех сторон окружены морем.

— Но в таком случае, мистер Сайрес, — спросил Герберт, — почему остров Линкольна не подчиняется общему закону?

— Это трудно объяснить, — ответил инженер, — хотя, по моему мнению, это происходит потому, что наш остров находится в Южном полушарии, в котором, как ты и сам знаешь, мой мальчик, холоднее, чем в Северном.

— Да, это правда, — согласился Герберт. — В Южном полушарии плавучие льды встречаются гораздо ближе к экватору, чем в Северном.

— Правильно! — подтвердил Пенкроф. — Когда я занимался китоловным промыслом, то видел айсберги у самого мыса Горн.

— В таком случае, может быть, морозы на острове Линкольна объясняются близостью льдов, — заметил Гедеон Спилет.

— В вашем предположении нет ничего невозможного, дорогой Спилет, — ответил Сайрес Смит, — вероятно, именно этому мы и обязаны такими холодами зимой. Должен вам сказать, что есть еще одна причина того, что в Южном полушарии гораздо холоднее, чем в Северном. Дело в том, что солнце летом ближе к Южному полушарию, чем к Северному, а зимой, естественно, дальше от него. Этим и объясняется такое резкое колебание температуры, и если нам кажется, что зима здесь очень холодная, то при этом мы должны помнить, что летом на острове Линкольна подчас стоит нестерпимая жара.

— А почему это вы, мистер Сайрес, позвольте вас спросить, уверены, — заговорил вдруг Пенкроф, сдвигая сердито брови, — что наше полушарие хуже? Хотя я вас очень уважаю и считаю за очень ученого человека, но все-таки не могу не сказать вам, что я этому не верю.

— Дорогой Пенкроф, — смеясь, возразил инженер, — верите вы этому или нет, а между тем так оно и есть. Если хотите, я вам сейчас объясню, отчего это происходит. Земля, повинувшись законам механики, в своем годовом движении вокруг Солнца описывает не круг, а эллипс. Земля в определенное время года бывает в самой удаленной от Солнца точке, то есть в афелии, когда она приближается к Солнцу на минимальное расстояние, говорят, что она находится

в перигелии. И вот в то время, когда в Южном полушарии наступает зима, Земля все более удаляется от Солнца, поэтому зимы здесь гораздо холоднее, чем на тех же широтах в Северном полушарии. С этим уже ничего не поделаешь, и люди, какими бы знаниями они ни обладали, не в силах изменить систему мироздания.

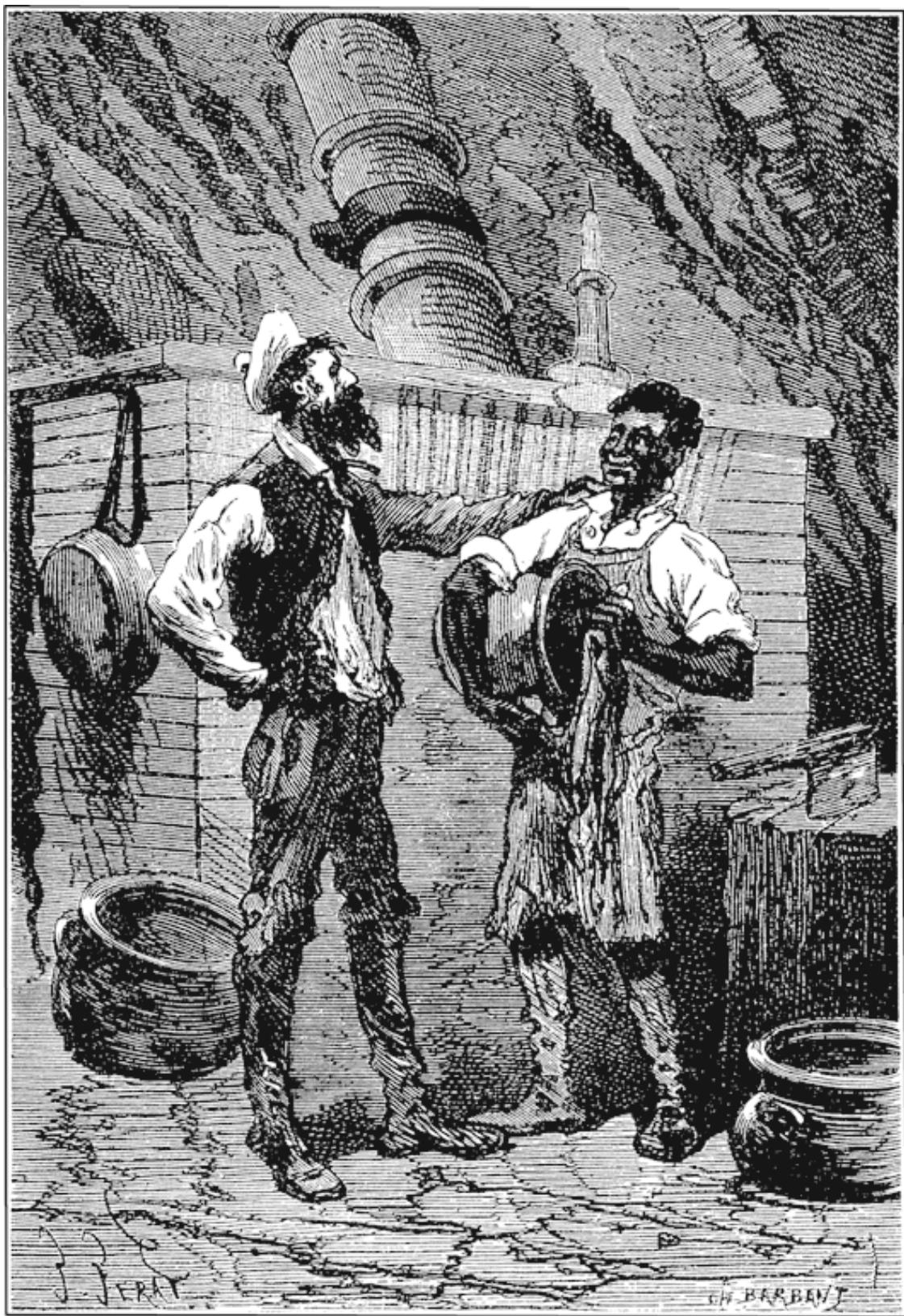
— Слушая вас, мистер Сайрес, — продолжал Пенкроф, которому, по-видимому, трудно было сразу отказаться от своих воззрений, — невольно приходит в голову, как, однако, люди много знают! Вот если бы записать все, что знают люди, какую бы пришлось написать толстую книгу!

— Но если написать о том, чего люди не знают, книга получится еще толще! — с легкой иронией возразил Сайрес Смит.

Но как бы то ни было, по той или другой причине, а только в июне настали обычные зимние холода, и колонисты теперь гораздо больше времени проводили в стенах Гранитного дворца. Все с трудом выносили это невольное заключение.

— Знаешь, Наб, — сказал однажды Гедеон Спилет, — я сейчас охотно уступил бы тебе право на получение всего, что когда-нибудь получу в наследство, и даже засвидетельствовал бы дарственную у нотариуса, если бы ты нашел способ выписать для меня какую-нибудь газету. Нам хорошо живется, но все-таки я с ума схожу от того, что здесь нет газет и нельзя, проснувшись утром, пробежать глазами сырой, пахнущий типографской краской газетный лист и в одну минуту узнать, что делается на белом свете!

Наб весело рассмеялся.

— Честное слово! — ответил он. — Я и не думаю никогда об этом, да и думать некогда: видите, сколько работы.

Наб отчасти говорил правду: у каждого из колонистов было достаточно неотложных дел как внутри, так и вне дома.

Три года упорной работы вознаградили обитателей острова за труды, и колония их, которой они так гордились, переживала период наивысшего процветания. Даже внезапное появление пиратов, сопровождавшееся гибелю брига, в результате способствовало их обогащению. Не говоря уже о том, что они приобрели весь такелаж, который предполагалось использовать для оснастки нового строящегося судна, все кладовые Гранитного дворца были завалены всевозможной утварью, посудой, инструментами, оружием, боеприпасами, одеждой, бельем и массой других предметов, не считая запасов провизии. Теперь уже не было необходимости изготавливать линкольнский фетр из шерсти муфлонов. Если в первую зиму колонисты жестоко страдали от холода, то теперь они смело встречали наступающую зиму, зная, что у них нет недостатка в теплой одежде. Белья тоже было достаточно, с ним обращались аккуратно и соблюдали выработанные привычкой требования гигиены. Из хлористого натрия, полученного выпариванием морской воды, Сайрес Смит добыл натриевую соль или соду и хлор, который затем дал ему хлористую известь. Эти вещества были использованы для разных домашних нужд и для стирки белья. Впрочем, стирку белья, так как его было много, устраивали четыре раза в год, как это делалось когда-то в патриархальных семействах, и Пенкроф вместе с Гедеоном Спилетом, который все еще ждал, когда почтальон принесет ему газету, показали себя замечательными прачками.

Так прошли зимние месяцы: июнь, июль и август. Зима в этом году тоже была суровой, и средняя температура не превышала 8° по Фаренгейту (13° ниже нуля по Цельсию). В общем, она немного превышала среднюю температуру прошлой зимы. Яркий огонь всегда пыпал в каминах Гранитного дворца, и дым, выходя из трубы, оставлял длинные черные полосы на гранитной стене. Топливо не экономили, да и зачем его жалеть, если оно росло рядом, в нескольких шагах от дворца. К тому же пригодились остатки древесины, предназначеннной для постройки судна, что позволяло меньше расходовать каменный уголь, который трудно было доставлять от горы Франклина.

Люди и животные были совершенно здоровы, хотя мастер Юп иногда мерз от холода. Это, пожалуй, был его единственный недостаток, и колонисты, жалея своего четверорукого товарища, решили сшить ему нечто вроде халата на теплой ватной подкладке. Впрочем, Юп стоил таких забот. Это был идеал ловкого, усердного, неутомимого, скромного и молчаливого слуги! Юпа можно было поставить в пример всем его двуногим собратьям Старого и Нового Света.

– В этом нет ничего удивительного, – говорил Пенкроф, – у нашего Юпа четыре руки, и понятно, что он может сделать в два раза больше человека, у которого только две руки.

Прав или не прав был Пенкроф, а только умный Юп безуказненно исполнял свои обязанности.

В течение семи месяцев, прошедших со времени последних поисков в окрестностях горы Франклина, и весь сентябрь, когда погода наконец изменилась к лучшему, колонисты ни разу не разговаривали о таинственном покровителе острова. Его могущественное влияние пока тоже ни в чем не проявлялось, но, может быть, это происходило потому, что за эти семь месяцев с колонистами не случилось никакой беды.

Сайрес Смит заметил, что если раньше таинственный незнакомец все-таки навещал их, проникая каким-то необъяснимым путем к ним в Гранитный дворец, о чем каждый раз их предупреждал громким лаем Топ, обладавший удивительным чутьем, то за последнее время эти визиты прекратились. Собака совсем перестала рычать, обезьяна тоже не обнаруживала никаких признаков беспокойства. Оба друга, а они были настоящими друзьями, не бродили больше вокруг отверстия мрачного колодезя, не лаяли и не рычали, что первое время привлекало внимание инженера. Но мог ли он думать, что эта тайна так и останется тайной и что он никогда не получит к ней ключа? Мог ли он или кто-нибудь другой с уверенностью сказать,

что не случится ничего такого, что вызовет на сцену таинственного покровителя? Кто знает, что ожидает их в будущем?

Наконец зима кончилась, но как раз в самом начале весны произошло событие, которое могло иметь серьезные последствия.

Утром 7 сентября Сайрес Смит, взглянув на вершину горы Франклина, заметил, что над кратером вулкана вьется легкий дымок.

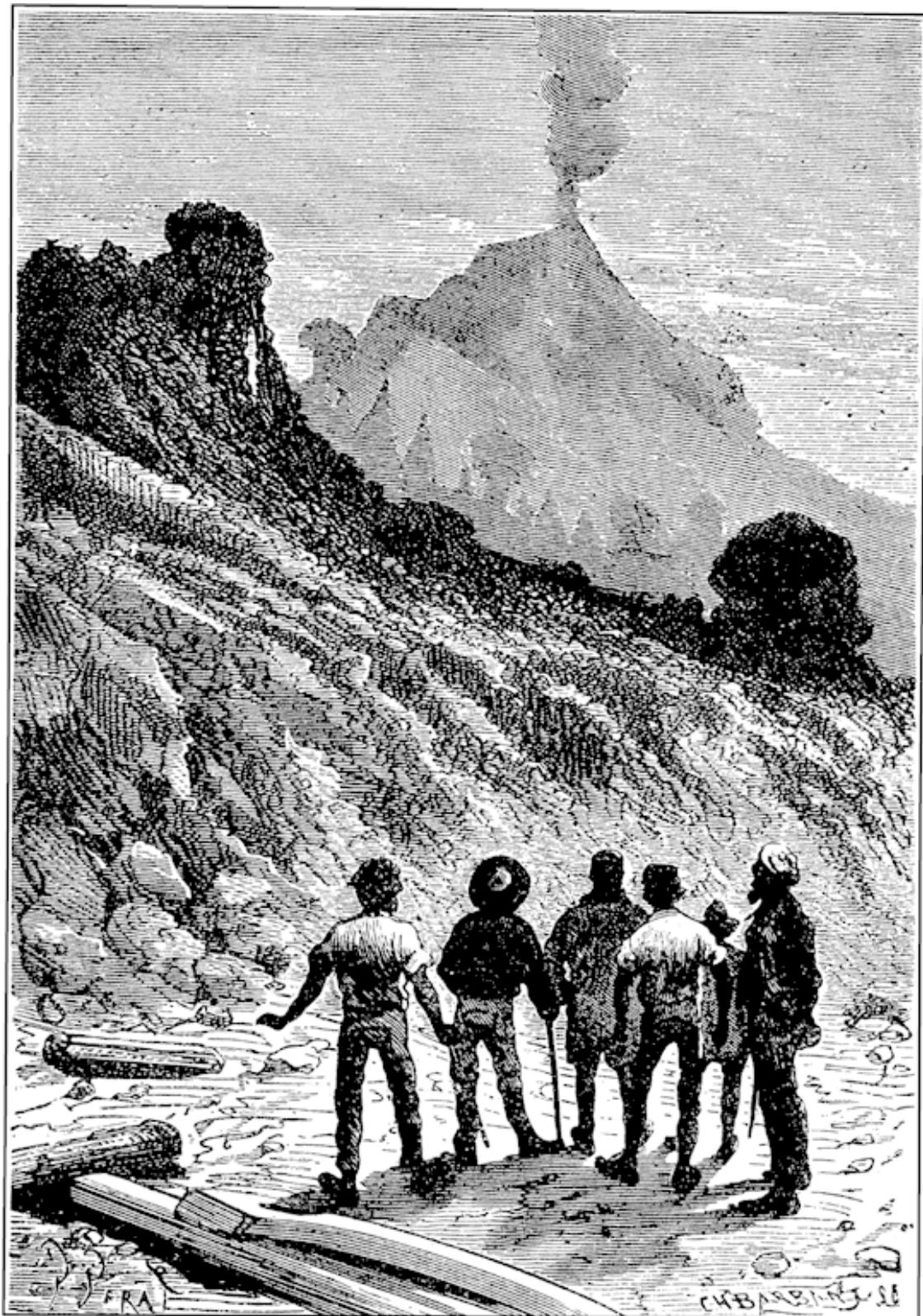
Глава пятнадцатая

Пробуждение вулкана. – Весна. – Начало работ. – Вечер 15 октября. – Телеграмма. – Вопрос. – Ответ. – Отъезд в кораль. – Записка. – Новый телеграфный провод. – Базальтовый берег. – Прилив. – Отлив. – Пещера. – Ослепительный свет.

Сайрес Смит сразу же сообщил о своем открытии остальным колонистам, все они, бросив работу, собирались вместе и молча смотрели на вершину горы Франклина.

Итак, вулкан проснулся, газы и водяные пары пробились сквозь толстый слой пепла, камней и минеральных пород, скопившихся в глубине кратера. Но чем все это кончится? Только выходом скопившихся газов или извержением лавы? Этого колонисты не знали и не могли предотвратить катастрофу... Это было выше их сил.

Но даже в случае извержения вулкана нет оснований предполагать, что пострадает весь остров Линкольна. Извержение лавы не всегда сопровождается разрушениями. Когда-то остров уже подвергся такому испытанию – доказательством служили застывшие потоки лавы, стекавшие по северным склонам горы. К тому же, кроме кратера на вершине, на северной стороне горы имелось еще боковое отверстие, через которое колонисты уже проникали вовнутрь вулкана и через которое, если начнется извержение, потоки жидкой лавы должны будут устремиться в сторону, противоположную южной плодородной части.

Впрочем, то, что было раньше, не означало, что именно так будет и теперь. Наоборот, очень часто бывает, что лава открывает для себя новые выходы в совершенно других местах. Подобные случаи уже наблюдались как в Старом, так и в Новом Свете: на Этне, Попокатепете, Оризабе. До тех пор пока не выяснится окончательно, по какому направлению устре-мится лава, можно всего опасаться. Достаточно даже самого слабого землетрясения, которым

иногда сопровождается извержение, чтобы в одно мгновение изменилось внутреннее строение горы и раскаленная лава пошла по новому пути.

Сайрес Смит подробно объяснил все это своим товарищам. Не преувеличивая опасности, но и не желая их обнадеживать, он привел все доводы за и против сложившейся ситуации.

Колонисты ничего не могли сделать. Можно было, впрочем, надеяться, что в случае землетрясения колебание почвы не разрушит гранитную твердыню, в недрах которой они устроили свое жилище. Но коралю грозит большая опасность, если, конечно, откроется новый кратер на южной стороне горы Франклина.

С этого дня вершина горы была постоянно окутана дымом, с каждым днем он клубился все сильнее и поднимался все выше, но в его густых клубах не видно было пламени. Очевидно, весь процесс происходил в нижней части жерла вулкана.

Несмотря на близившееся извержение вулкана, с наступлением хорошей погоды колонисты возобновили свою обычную работу. Особенно торопились они с постройкой судна. Чтобы ускорить дело, Сайрес Смит устроил гидравлическую пилу, быстро распиливавшую толстые древесные стволы на брусья и доски. Механизм приводился в действие силой прибрежного водопада и был так же несложен, как деревенские лесопилки, работающие в Норвегии.

К концу сентября на верфи уже возвышался каркас корабля, которому предполагалось дать оснастку шхуны. Борта будущей шхуны были уже закончены, шпангоуты поддерживались временными креплениями. Даже в этом виде можно было уже безошибочно сказать, насколько удачной будет форма судна. Узкая в носовой и очень широкая в кормовой части, шхуна, по-видимому, могла совершить длительное плавание. Но для обшивки, внутренней отделки судна и настилки палубы требовалось время. К счастью, колонистам не пришлось самим изготавливать металлические части, потому что на это пошли железо и сталь с разбитого брига. Пенкроф и Айртон тогда вытащили даже болты и медные заклепки из исковерканной обшивки. Благодаря этому работа кузнецов сократилась до минимума, но зато плотникам досталось много дел.

Затем опять пришлось прервать строительство судна на неделю, потому что созрела пшеница и подошло время сенокоса и уборки овощей. Колонисты, отложив в сторону топоры и пилы, принялись косить и жать, а после того должны были еще убрать все это в кладовые. По окончании полевых работ все снова приступили к отделке шхуны.

Работы было еще так много и они так торопились поскорей закончить ее, что к ночи труженики буквально изнемогали от усталости. Чтобы не терять времени, они перестали даже завтракать и обедали в полдень, а ужинали, когда становилось уже совсем темно. После ужина колонисты сразу расходились по своим комнатам и ложились спать.

Но иногда, если завязывался интересный разговор, они отступали от этого правила и засиживались за беседой немного дольше, чем следовало. Колонисты говорили о будущем и любили мечтать о том, как изменится их положение, когда они дойдут на своей шхуне до ближайшей обитаемой земли. Но как ни хотелось им вырваться отсюда, разговор неизменно заканчивался обещанием вернуться на остров Линкольна. Они говорили, что никогда и ни за что не покинут свою колонию, которую они основали с таким трудом и которая достигла таких успехов. А со временем, когда установится сообщение с Америкой, она будет процветать еще больше.

Пенкроф и Наб больше других говорили о своем желании жить и умереть на острове.

— Герберт, — говорил моряк, — ты никогда не покинешь наш остров Линкольна?

— Никогда, Пенкроф, особенно если ты решишь здесь остаться!

— Это уже решено и подписано, мой мальчик, — отвечал Пенкроф, — я буду тебя здесь ждать. Ты привезешь сюда свою жену и детишек... я буду нянчить ваших мальчиков и обещаю тебе сделать из них лихих молодцов!

— Решено и подписано! — в тон ему отвечал Герберт, улыбаясь и краснея одновременно.

— А вы, мистер Сайрес, — продолжал фантазировать Пенкроф, — вы будете постоянным губернатором острова! Ах! Кстати! Как вы думаете, сколько жителей может он прокормить? Я думаю, тысяч десять!

Вот что обычно служило предметом разговоров перед отходом ко сну, причем Пенкроф всегда очень увлекался и увлекал других, и дело кончалось тем, что журналист основывал здесь свою газету «Нью-Линкольн Геральд».

Конечно, Пенкроф и Гедеон Спилет в своих мечтах заглядывали далеко вперед, но только в их планах и надеждах не было ничего, что заслуживало бы насмешки... Каждый человек мечтает о том, чтобы создать что-то постоянное, что пережило бы его самого и сохранило память о нем в потомстве. На этом, в известной степени, основано господство человека над всем остальным, и это сделало его владыкой Земли. Но кто знает, может быть, Топ и Юп тоже имели свое представление о будущем и тоже мечтали оставить о себе память в потомстве!

Один только Айртон не говорил ни слова. Но его молчание ничего не доказывало: он тоже мечтал... мечтал увидеть лорда Гленарвана и доказать ему, что он снова стал честным человеком.

Вечером 15 октября разговор на эту тему затянулся гораздо дольше обычного. Было девять часов вечера. Как ни бодрились колонисты, а усталость брала свое, и наконец, с трудом подавляя зевки, они решили пойти спать. Первым подал пример Пенкроф и со словами «Спокойной ночи!» направился в свою комнату, как вдруг зазвонил электрический звонок телефона аппарата, находящегося в зале.

Колонисты с удивлением переглянулись. Все были здесь: Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Пенкроф, Герберт, Айртон и Наб. В корале никого не было.

Сайрес Смит встал. Остальные последовали его примеру и молча смотрели друг на друга, не понимая, что бы это могло значить. Может быть, им просто послышалось?

— Что это значит? — первым нарушил молчание Наб. — Уж не дьявол ли это звонит?

Ему никто не ответил.

— В воздухе пахнет грозой, — как бы про себя заметил Герберт. — Может быть, это влияние электричества...

Но Герберт так и не закончил начатую фразу, потому что в эту минуту инженер, на которого были обращены все взоры, отрицательно покачал головой.

— Подождем, — сказал Гедеон Спилет. — Если действительно кто-то хочет говорить с нами, он позвонит еще раз.

— Но кто же это может быть, скажите, пожалуйста? — спросил Наб.

— Кто же другой, — ответил Пенкроф, — как не...

Пенкроф замолчал, потому что в эту минуту снова зазвенел звонок.

Сайрес Смит подошел к аппарату и, нажимая на кнопки, отправил в кораль следующую телеграмму:

«Что вам угодно?»

Несколько минут спустя обитатели Гранитного дворца получили ответ:

«Приходите скорее в кораль».

— Наконец-то! — воскликнул Сайрес Смит.

Да! Наконец они узнают эту тайну!

Возможность узнать тайну острова так их взволновала, что они забыли про усталость, забыли про то, как сильно им хотелось спать. В одну минуту колонисты собрались в дорогу, молча спустились вниз и быстро пошли по берегу. Топа и Юпа они оставили дома.

Ночь была очень темная. Хотя было новолуние, луна давно скрылась за тучами. Герберт не ошибся, сказав, что собирается гроза. Тяжелые свинцовые тучи нависли над островом. На небе не было видно ни одной звездочки, и только отблески далеких молний временами освещали темный горизонт. Гроза, видимо, приближалась. Не пройдет и нескольких часов, как

над головами колонистов загремит гром, засверкают молнии и начнется сильный ливень. Ночь обещала быть очень бурной.

Но ни мрак, ни приближавшаяся гроза не могли остановить этих людей, хорошо знавших дорогу в кораль. Они быстро поднялись по левому берегу реки на плато, перешли через мост на Глицериновом ручье и бесстрашно углубились в лес.

Они шли очень быстро; волнение и любопытство придали им новые силы. Они были уверены, что наконец узнают разгадку тайны, которую так долго не могли отгадать, узнают имя таинственного незнакомца, деятельность которого так тесно связана с их существованием. Они хотели найти своего таинственного покровителя, такого могущественного и великодушного, и желание их наконец исполнялось. Разве можно сейчас думать об усталости! Кто знает, может быть, они услышат, каким образом он мог приходить к ним на помощь именно в ту минуту, когда это было необходимо? Может быть, он каким-то путем проникал в Гранитный дворец и, подслушивая их разговоры, слышал все, о чем они говорили?

Все эти мысли проносились в голове каждого колониста, еще больше возбуждая их любопытство, и они невольно ускоряли шаги. В лесу под деревьями было так темно, что с трудом можно было рассмотреть дорогу. Кругом царила мертвая тишина. Животные и птицы, чувствуя приближение грозы, притаились в кустах и затихли. Ветра не было. Лишь шаги колонистов, шагавших по твердой почве, раздавались в ночном безмолвии.

В первые пятнадцать минут пути молчание нарушил только Пенкроф, ограничившись одной фразой:

- Нам надо было захватить фонарь.
- Мы возьмем фонарь в корале, – ответил инженер.

Сайрес Смит и его товарищи вышли из Гранитного дворца в девять часов двенадцать минут. В девять часов сорок пять минут они уже прошли три мили, осталось еще две.

Вдруг над островом засверкали молнии. При ослепительном свете молний листья на деревьях казались темной кружевной массой, висевшей в воздухе. Гроза, по-видимому, должна была вот-вот разразиться. Вспышки молний сверкали все чаще, ослепляя колонистов, хотя громовые раскаты доносились еще издалека. Колонисты просто задыхались от духоты, но продолжали быстро идти вперед, словно увлекаемые таинственной силой.

В четверть одиннадцатого при яркой вспышке молнии они на мгновение увидели выступившую перед ними из мрака ограду короля, и вслед за тем, еще раньше, чем они успели войти в ворота, над их головами загремели громовые раскаты.

Минуту спустя Сайрес Смит и его спутники стояли уже перед дверью бывшего дома Айртона.

Может быть, таинственный незнакомец ждал их в доме, потому что именно отсюда была послана телеграмма? Но если бы там был кто-нибудь, он не сидел бы в темноте, а между тем в окне не было света.

Инженер постучал в дверь.

Никто не ответил.

Сайрес Смит открыл дверь, и колонисты вошли в темную комнату.

Наб высек огонь и зажег фонарь, и колонисты осмотрели всю комнату...

В комнате никого не было. Все вещи стояли на своих обычных местах.

– Неужели мы ошиблись? Неужели это была галлюцинация? – пробормотал Сайрес Смит. – Нет! Ни о чем подобном не может быть и речи! Мы ведь сами телеграфировали и получили ответную телеграмму, в которой ясно было сказано: «Приходите скорее в кораль».

Колонисты все сразу подошли к столу, на котором стоял телографный аппарат. Там тоже все было в полном порядке.

– Кто был здесь в последний раз? – спросил инженер.

– Я, мистер Сайрес, – ответил Айртон.

– Когда это было?..

– Четыре дня тому назад.

– Смотрите! Записка! – воскликнул Герберт, указывая на бумажку, лежавшую на столе. На бумажке было написано по-английски: «Идите вдоль нового телеграфного провода».

– Идем! – сказал Сайрес Смит, прочитав записку.

Теперь он все понял. Телеграмма была отправлена не из короля, а прямо из таинственного убежища незнакомца, который подсоединился к телеграфному сообщению с помощью дополнительного провода.

Наб взял зажженный фонарь, и все вышли из дома.

Буря бушевала с ужасной силой. Удары грома раздавались почти мгновенно вслед за молнией. Грозная стихия завладела островом. В ослепительном блеске молний видна была вершина горы Франклина, окутанная дымом.

Во всем корале, между оградой и домом, колонисты не нашли нового телеграфного провода. Но как только они вышли из короля и подбежали к первому столбу, инженер при вспышке молнии заметил провод, который от изолятора спускался прямо к земле.

– Вот он! – воскликнул он.

Провод тянулся по земле, по всей длине он был обмотан изоляционным материалом, как это делается обычно при прокладке кабеля под водой или в земле.

Судя по направлению провода, можно было предположить, что он шел через лес и южные отроги и, следовательно, вел на запад.

– Пойдем вдоль провода! – сказал Сайрес Смит.

При свете фонаря и блеске молний колонисты быстро пошли вдоль провода, который указывал им путь. Гром гремел непрерывно и с такой силой, что нельзя было расслышать ни одного слова. Впрочем, говорить было не о чем, нужно было только идти вперед.

Сайрес Смит и его товарищи поднялись по склону, идущему между долинами короля и ручьем Водопада, который они перешли вброд в самом узком месте. Они уверенно двигались вперед, ориентируясь по проводу, который то висел на нижних ветвях деревьев, то тянулся по земле.

Инженер предполагал, что провод приведет их в глубину долины и что именно там и находится таинственное жилище. Но оказалось, что он ошибся. Им пришлось подняться на юго-западный отрог и спуститься в бесплодную равнину, которой заканчивалась базальтовая стена из беспорядочно, но очень живописно нагроможденных обломков скал. Время от времени кто-нибудь из колонистов нагибался, находил провод и, если оказывалось, что они уклонились с пути, сразу же исправлял ошибку. Теперь колонисты пришли к заключению, что провод ведет прямо к морю. Возможно, что там между скалами в какой-нибудь пещере находилось таинственное убежище их покровителя, которого они безрезультатно искали до сих пор.

Все небо было в огне. Молнии сверкали одна за другой. Несколько раз они ударяли в кратер вулкана и пропадали в клубах густого дыма. В такие моменты колонистам даже казалось, что это из жерла кратера извергается пламя.

В одиннадцать часов без нескольких минут колонисты стояли на западном берегу острова, который высоко поднимался над уровнем моря. Поднялся сильный ветер. Внизу, на расстоянии не более пятисот футов, бушевал прибой.

По расчетам Сайреса Смита, они прошли почти полторы мили от короля.

Телеграфный провод в этом месте тянулся между скалами по очень крутыму склону узкого извилистого ущелья. Колонисты один за другим осторожно стали спускаться в ущелье, перепрыгивая с камня на камень и рискуя каждую минуту свалиться в море. Спуск в этом месте был очень труден и опасен, но колонисты не обращали на это внимания. Они, даже если бы и хотели, не могли остановиться и вернуться назад, – какая-то сверхъестественная сила влекла их к таинственному убежищу, как магнит притягивает железо.

Итак, почти бессознательно спускались они по крутому склону ущелья, которое даже днем показалось бы непроходимым. Камни выскакивали у них из-под ног, с шумом скатывались вниз и при блеске молнии казались еще не остывшими болидами. Сайрес Смит как глава колонии шел впереди, Айртон как самый хладнокровный из всех замыкал шествие. Колонисты старались идти осторожно, но местами склон был таким крутым, что им приходилось скользить вниз по совершенно гладкой стене, затем они поднимались и продолжали путь.

Наконец провод резко повернул и пошел вдоль береговых скал, которые были очень похожи на ряд рифов и, наверное, накрывались водой во время прилива. Колонисты незаметно для себя достигли подножия высокой базальтовой стены.

Здесь начинался небольшой узкий выступ, который тянулся вдоль берега. Провод проходил по этому выступу, и колонисты тоже пошли этой дорогой. Но через сто шагов начался пологий спуск прямо к морю.

Инженер наклонился и приподнял провод. Оказалось, что он спускался в море.

Его товарищи были очень удивлены, не понимая, что это значит.

Все невольно вскрикнули. Неужели и на этот раз их обманула надежда раскрыть наконец эту тайну? Или, может быть, им нужно броситься в море и там искать подводную пещеру? Они были так возбуждены, что готовы были, не раздумывая, сделать это.

Инженер остановил их. Он отвел своих товарищ из отверстия в скале и, спокойно усаживаясь на камни, сказал:

– Подождем. Теперь прилив. Когда настанет время отлива, дорога будет открыта.

– Почему вы так уверены? – с раздражением спросил Пенкроф.

– Если бы к нему нельзя было пройти, он не позвал бы нас!

Сайрес Смит говорил это с таким убеждением, что все возражения замерли на устах его товарищ. Замечание его было вполне логично. Можно было предположить, что у подножия стены находилось отверстие, доступное во время отлива, а теперь скрытое под водой.

Нужно было подождать несколько часов. Колонисты молча расселись на камнях в глубоком портике, выдолбленном в скале. Едва только они успели сделать это, как начался дождь. Сначала он падал крупными каплями, а потом превратился в ливень. Разразилась сильная гроза. Почти каждую минуту сверкали молнии, гремел гром, и каждый удар, прежде чем затихнуть, долго еще отражался эхом в ущельях.

Волнение колонистов не поддавалось никакому описанию. Тревожные мысли не оставляли их ни на минуту. Они были близки к тому, чтобы поверить, что их таинственный покровитель не простой смертный, а какое-то сверхчеловеческое существо.

В полночь Сайрес Смит взял фонарь и осторожно спустился к воде взглянуть, не обнаружились ли скалы. Со времени начала отлива прошло уже два часа.

Инженер не ошибся. Уровень воды у берега понизился, и над мрачной бездной океана обрисовались очертания полукруглого отверстия большой пещеры или тоннеля. В этом месте телеграфный провод, согнутый под прямым углом, уходил в зияющее отверстие.

Через минуту Сайрес Смит вернулся к своим спутникам и сказал:

– Через час проход будет свободен.

– Так он и в самом деле существует? – спросил Пенкроф.

– Неужели вы сомневались? – вместо ответа спросил Смит.

– Но ведь в пещере вода будет держаться на одном уровне с океаном, и поэтому идти там будет нельзя, – заметил Герберт.

– Или в этой пещере совсем не будет воды, – сказал Сайрес Смит, – и в таком случае мы пойдем через нее, как шли до сих пор, или же мы найдем там какой-нибудь способ добраться до таинственного убежища.

Прошел еще час. Колонисты под проливным дождем спустились к морю. За три часа уровень моря понизился на пятнадцать футов. Верхняя часть отверстия возвышалась над водой

не менее чем на восемь футов. Свод подземной пещеры был похож на гигантскую арку какого-то фантастического моста, под которым с шумом катились пенящиеся волны.

Инженер наклонился и увидел большой черный предмет, плававший по поверхности воды.

Это была лодка, привязанная к одному из внутренних выступов в стене пещеры. Лодка оказалась сделана из листового железа, скрепленного заклепками. На дне под банками лежали весла.

– В лодку! – лаконично сказал Сайрес Смит.

Минуту спустя все колонисты уже сидели в лодке. Наб и Айртон взялись за весла, Пенкроф сел у руля. Смит расположился на носу, держа в руках фонарь, который должен был освещать им путь.

Лодка прошла под сводом, который сначала был очень узким, а затем внезапно расширился. Было очень темно, и света, отбрасываемого фонарем, не хватало для того, чтобы определить размеры этой пещеры, то есть ее ширину, высоту и длину. Под непроницаемыми сводами этой базальтовой галереи царила торжественная тишина. Ни малейший шум не доносился снаружи, даже раскаты грома не проникали сквозь массивные стены пещеры.

В некоторых местах земного шара существуют такие огромные пещеры – нечто вроде естественных катакомб, образовавшихся в отдаленные геологические эпохи. Одни из этих пещер всегда залиты океанской водой, в глубине других образуются целые озера. Таковы Фингалова пещера на острове Страффа, принадлежащем к группе Гебридских островов, гроты Моргат в бухте Дуарнене в Бретани, пещеры Бонифацио на Корсике, Лизе-фьорд в Норвегии и огромная Мамонтова пещера в Кентукки, имеющая в высоту пятисот футов и в длину более двадцати миль.

Но колонистов больше интересовал вопрос, как далеко простирается эта пещера и скоро ли они достигнут цели. Уже четверть часа лодка плыла по гладкой поверхности воды. Сайрес Смит отдавал приказания рулевому Пенкрофу, который беспрекословно поворачивал лодку в указанном направлении.

– Правее! – закричал вдруг инженер.

Лодка изменила направление и поплыла по правой стороне, почти у самой стены. Прежде чем плыть дальше, инженер хотел убедиться, что телеграфный провод по-прежнему тянется вдоль стены.

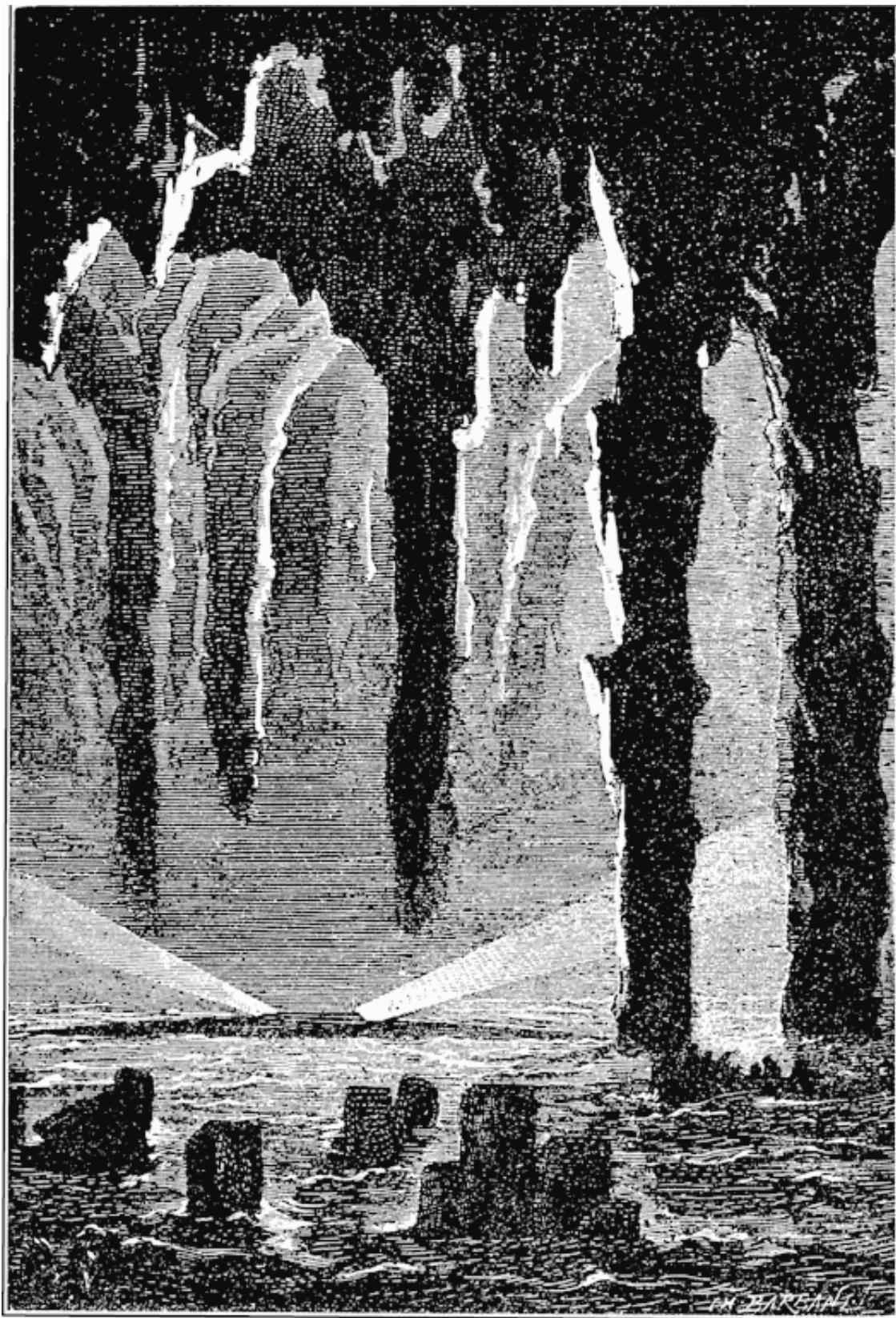
Провод, прикрепленный к выступам скалы, шел в глубь пещеры, как бы приглашая их следовать за собой.

– Вперед! – скомандовал Сайрес Смит.

Гребцы погрузили весла в воду, и лодка снова быстро двинулась дальше. Прошло еще четверть часа, и лодка за это время проплыла, наверное, не меньше полутора, считая от входа в пещеру. В эту минуту вдруг снова раздался голос Сайреса Смита:

– Стоп!

Лодка остановилась, и колонисты с удивлением увидели яркий свет, озарявший громадную пещеру, спрятанную глубоко в недрах острова.

На высоте не меньше ста футов виднелся свод пещеры, поддерживаемый базальтовыми колоннами, все они казались вылитыми по одному образцу. Неправильные наслоения базальта покрывали эти колонны, воздвигнутые природой, может быть, еще в первую эпоху образования Земли. Небольшие поднимавшиеся кверху столбики из базальта стояли правильными рядами, возвышаясь на сорок-пятьдесят футов. В то время как на океане бушевали волны, здесь не

было заметно ни малейшего волнения, и спокойная вода только чуть плескалась у подножия базальтовых столбов. Яркий свет, на который инженер обратил внимание своих товарищей, как бы пронизывал стены пещеры насквозь, озаряя каждый выступ, каждый гребень, каждый камень, которые сверкали и переливались, как драгоценные камни.

Вся эта игра световых огней отражалась в гладкой поверхности воды, и лодка плыла между полос света и в то же время сама отражала от себя свет, который играл и переливался на мокрых веслах и в капельках воды, покрывавших ее борта.

Сайрес Смит, конечно, не сомневался в происхождении этих световых лучей, исходивших от источника света, в виде прямых ярких снопов. Только с помощью электричества можно было полностью осветить пещеру. Этот свет давало электрическое солнце, заливавшее своими лучами всю пещеру, освещая даже самые темные углы.

По знаку Сайреса Смита весла снова опустились в воду, подняв целый фонтан брызг, сверкающих, как алмазы, и лодка поплыла к источнику света, откуда расходились электрические лучи, и вскоре была от него на расстоянии не более полкабельтова.

В этом месте ширина пещеры составляла примерно триста пятьдесят футов, а дальше видна была огромная базальтовая стена, замыкавшая с другой стороны выход из таинственной пещеры. Пещера здесь принимала такие размеры, что наполнявшее ее море образовало здесь небольшое озеро с высокими базальтовыми берегами и таким же куполом, залитым волнами электрического света, отбрасываемого двумя рефлекторами. Косые лучи электрического солнца производили необыкновенный эффект, и чем ближе подплывали колонисты к источнику света, тем светлее становилось в пещере, но это был не резкий, а мягкий, успокаивающий свет, и даже больные глаза могли прямо смотреть на него. И в то же время он обладал всеми свойствами настоящего солнечного света.

В самом центре озера находился длинный веретенообразный темный массив, совершенно неподвижный. С двух его сторон снопами выходили лучи яркого света, словно из жерл двух раскаленных добела печей. По виду он был похож на гигантского кита, имел в длину около двухсот пятидесяти футов и возвышался над поверхностью воды на десять-двенадцать футов.

Лодка медленно приближалась к нему. Сайрес Смит встал, выпрямившись, на носу и с нескрываемым волнением смотрел на этот странный темный снаряд. Вдруг он схватил журналиста за руку.

– Это он! Это может быть только он! – вскричал инженер. – Это он!..

Затем он снова опустился на скамью и почти шепотом произнес имя, которое услышал только Гедеон Спилет.

Журналист, очевидно, тоже знал это имя, иначе оно не произвело бы на него такого сильного впечатления, и он в свою очередь тихо спросил:

– Неужели это он... человек вне закона?..

– Он! – подтвердил Сайрес Смит.

По приказу инженера лодка подплыла к плавучему снаряду и подошла к левому боку, откуда через толстое стекло вырывался поток яркого света.

Сайрес Смит и его товарищи поднялись на платформу. Там оказался открытый люк. Все вошли в него и спустились вниз по лестнице.

Лестница оканчивалась в узком коридоре, освещенном электричеством. В противоположном конце виднелась дверь, Сайрес Смит открыл ее.

Колонисты быстро, не останавливаясь, прошли через роскошно обставленную комнату, примыкавшую к библиотеке, с потолка которой лились потоки яркого света. В глубине библиотеки виднелась широкая дверь. Она тоже оказалась незапертой.

Глазам колонистов предстал большой зал, нечто вроде музея, где были собраны все драгоценные минералы, лучшие произведения искусства и чудеса техники. В первую минуту коло-

нисты подумали, что находятся в мире чудес, в комнате какого-то могущественного волшебника.

На роскошном диване лежал человек, который, казалось, не замечал их присутствия.

Сайрес Смит сделал шаг вперед и, к величайшему изумлению своих спутников, за исключением, может быть, Гедеона Спилета, громко сказал:

— Капитан Немо, вы хотели нас видеть — и мы пришли.

Глава шестнадцатая

Капитан Немо. – Его первые слова. – История борца за независимость. – Ненависть к притеснителям. – Жизнь под водой. – Один. – Последняя пристань «Наутилуса». – Таинственный гений острова.

При этих словах лежавший на диване человек приподнялся, и колонисты увидели его лицо: прекрасная голова, высокий лоб, гордый взгляд, белая борода и густые волосы, отброшенные назад.

Человек оперся рукой на спинку дивана. В его глазах не было ни страха, ни досады, он спокойно смотрел на своих гостей. По его лицу видно было, что он уже давно страдает какой-то тяжелой болезнью, подтачивающей его силы, но, когда он заговорил, голос его звучал твердо.

– У меня нет имени, сэр, – ответил он инженеру по-английски.

– Я знаю, кто вы! – возразил Сайрес Смит.

Капитан Немо устремил сверкающий взгляд на инженера, как бы желая его уничтожить. Но тотчас же откинулся на подушки дивана и тихо сказал:

– Впрочем, не все ли равно? Я скоро умру!

Сайрес Смит подошел к капитану Немо. Гедеон Спилет взял руку больного, рука была горячая. Айртон, Пенкроф, Герберт и Наб держались в почтительном отдалении в углу великолепного салона.

Капитан Немо высвободил свою руку, как бы недовольный такой фамильярностью, и знаком предложил инженеру и журналисту сесть.

С волнением смотрели на него колонисты. Вот человек, которого они все эти годы называли своим покровителем, добрым гением острова… человек, обладавший таким необыкновенным могуществом! Вот кто всегда так неожиданно и так таинственно приходил им на помощь в трудные минуты! Вот кому они многим обязаны! Вот кто спас Сайреса Смита, спас Айртона и вылечил Герберта! Пенкроф и Наб готовились найти могущественного волшебника, но увидели человека, да еще больного и умирающего.

Но как мог Сайрес Смит знать капитана Немо? Почему капитан так быстро поднялся, услышав свое имя, которое, как он предполагал, было никому не известно?..

Капитан Немо посмотрел на инженера, сидевшего около него.

– Вам известно имя, которое я носил, сэр? – спросил он.

– Да, я его знаю, – ответил Сайрес Смит. – Кроме того, я знаю название этого превосходного подводного корабля…

– «Наутилус»? – сказал, слегка улыбаясь, капитан.

– Да, «Наутилус».

– Но знаете ли вы… знаете ли вы, кто я?

– Да, знаю.

– А между тем прошло уже тридцать лет, как я прервал все связи с обитаемым миром, тридцать лет, как я живу в глубине океана. Единственное место, где я нашел то, что искал… независимость! Кто мог выдать вам мою тайну?

– Человек, который никогда не давал вам клятвы сохранить ее, капитан Немо, и который, следовательно, не может быть обвинен в измене.

– Это француз, которого несколько лет назад случай забросил на палубу «Наутилуса»?

– Он самый.

– Так, значит, ни он, ни оба его спутника не погибли в водовороте, в который попал «Наутилус»?

– Да, они спаслись, а затем этот француз описал все свои приключения, а вместе с тем рассказал вашу историю в книге под заглавием «Восемьдесят тысяч лье под водой».

— Он прожил со мной всего несколько месяцев, сэр, — живо перебил его капитан.

— Да, это верно, — ответил Сайрес Смит, — но нескольких месяцев этой необычайной жизни было достаточно, чтобы вы стали известны...

— Как великий преступник, конечно? — перебил его капитан Немо с высокомерной улыбкой. — Да, преступник, бунтовщик, может быть, даже изгнанный из общества!

Инженер промолчал.

— Что же вы не отвечаете, сэр?

— Я не имею права судить капитана Немо, — сказал Сайрес Смит, — по крайней мере, за его прошлое. Как и всем, мне неизвестны причины, которые заставили вас вести такой необычайный образ жизни, и я не могу, да и не имею права, осуждать последствия, не зная, чем они вызваны. Зато мне отлично известно, что с момента нашего прибытия на остров Линкольна благодетельная рука неустанно покровительствовала нам... Мы все обязаны жизнью добруму, великодушному и могущественному человеку, и этот добрый, великодушный и могущественный человек — вы, капитан Немо!

— Да, это я, — кратко ответил капитан.

Смит и Спилет встали. Остальные колонисты подошли к ним, и каждый, как умел, одни словами, а другие жестами, старались выразить свою признательность.

Капитан Немо знаком остановил их и, видимо тронутый этим душевным порывом, проговорил взволнованным голосом:

— Сначала выслушайте меня.

И затем капитан Немо в немногих словах, кратких и точных, рассказал историю своей жизни.

Рассказ продолжался недолго, но, чтобы довести его до конца, капитану пришлось собрать все свои силы. С трудом преодолевал он свою слабость. Несколько раз Сайрес Смит просил его отдохнуть, но старец отрицательно качал головой, как человек, который знает, что умирает, и поэтому не может ничего откладывать. Спилет предложил ему свои услуги как врачу, но капитан Немо ответил:

— Мне ничто не поможет, мои дни сочтены.

Капитан Немо был по происхождению индус, принц Даккар, сын раджи, правителя независимой страны Бандельканда, и племянник знаменитого индийского героя Типпо Саиба. Когда ему исполнилось десять лет, отец послал его в Европу, чтобы он получил там высшее образование. Раджа втайне надеялся, что его сын получит возможность на равных бороться с теми, кто притеснял его родину.

С десяти до тридцати лет принц Даккар, одаренный блестящими способностями, выдающимся умом и благородной душой, занимался под руководством лучших профессоров того времени и достиг успеха в науках, литературе и искусстве.

Он много путешествовал и обехал всю Европу. Аристократическое происхождение и богатство везде делали юношу желанным гостем, но мирская суeta никогда не привлекала его. Молодой красавец, он вел серьезную одинокую жизнь, горел жаждой знания и хранил в сердце неугасимую жажду мести.

Да, принц Даккар пытал жаждой мести! Он ненавидел только одну страну, в которой за все время пребывания в Европе ни разу не был, несмотря на то, что, как человека образованного, его не мог не интересовать прогресс этой страны. Он ненавидел Англию, и эта ненависть усиливалась тем, что многое в Англии восхищало его.

Этот индус ненавидел Англию, как только может побежденный ненавидеть победителя. Угнетатель не мог ожидать пощады от угнетенного. Сын одного из трех индийских раджей, которых Соединенное Королевство сумело подчинить себе только юридически, вельможа из рода Типпо Саиба, с детства ненавидевший притеснителей, обуреваемый жаждой мести и

любовью к своей родине, молодой принц Даккар не хотел да и не мог быть рабом в золотых цепях и поэтому не пожелал посетить страну, которая обрекла Индию на рабство.

Принц Даккар изучал науки и искусства, и его мнением дорожили знаменитые художники и артисты. Как ученый он обладал самыми разносторонними знаниями, кроме того, как человек, собиравшийся принять самое деятельное участие в борьбе за освобождение своей родины, он изучил тонкости дипломатии при европейских дворах. В глазах поверхностного наблюдателя принц Даккар казался одним из тех знатных иностранцев, «граждан мира», которые хотят все знать, но не желают действовать, не принадлежат ни к одной партии и переезжают из одной страны в другую в поисках развлечений.

Но так только казалось. На самом же деле этот художник, ученый и дипломат в душе оставался настоящим индусом. Он был индусом, жаждущим мщения, он был индусом еще и потому, что, как и все его земляки, надеялся когда-нибудь вернуть родине утраченные права, изгнать поработителей и снова сделать Индию независимой.

В 1849 году принц Даккар возвратился в Бандельканд. Там он женился на девушке из знатной индусской семьи, женился по любви, и жена его точно так же мечтала об освобождении своей родины от ига поработителей. У них родилось двое детей. Но, наслаждаясь семейным счастьем, Даккар не забывал о порабощении Индии. Он ждал только удобного случая вступить в борьбу, и этот случай очень скоро представился.

Английское иго стало невыносимым для индусов. Принц Даккар воспользовался этим обстоятельством. Он уже не скрывал от своих земляков клокотавшей в его груди ненависти к чужеземцам. Он объехал не только независимые еще государства полуострова Индостан, но и владения, непосредственно подчиненные англичанам. Он напоминал своим землякам о подвигах знаменитого Типпо Сайба, погибшего геройской смертью в битве при Серингапатаме.

В 1857 году вспыхнуло великое восстание сипаев. Принц Даккар был душой этого восстания. Он его организовал, действуя лично и через своих преданных друзей. Он отдал этому делу все свое состояние, все свои таланты. Он был и руководителем, и простым бойцом за святое дело свободы. Рискуя жизнью, он сражался в первых рядах, не думая о себе и стараясь своим примером увлечь других на великий подвиг борьбы за освобождение своей дорогой родины. Он участвовал в двадцати больших сражениях и был десять раз ранен, но смерть не коснулась его даже тогда, когда под английскими пулями пали последние борцы за независимость.

Никогда еще британскому господству в Индии не грозила такая страшная опасность. Если бы надежды сипаев оправдались и они получили бы вовремя помощь, то очень может быть, что они не были бы побеждены и наступил бы конец владычеству Соединенного Королевства в Азии.

Имя принца Даккара гремело повсюду. Герой, носивший его, не скрывался и сражался открыто. За его голову назначили огромную цену. И хотя не нашлось негодяя, который согласился бы предать его, отец, мать, жена и дети героя поплатились за него своей жизнью раньше, чем он узнал, какая им угрожает опасность.

И на этот раз, как это случалось много веков, право и законность уступили силе. Да и не могло быть иначе: цивилизация обладает могущественными средствами. Как бы там ни было, герои-сипаи были побеждены и несчастная страна древних раджей подпала под еще более жестокое иго Англии.

Принц Даккар после подавления восстания вернулся в горы Бандельканда. Теперь навеки он остался один, без семьи. Возненавидев все, что носило имя человека, пылая жаждой мщения всему цивилизованному миру и желая навсегда уйти от него, он собрал все, что осталось от его богатства, призвал к себе двадцать самых верных своих товарищей, и в один прекрасный день они все исчезли.

Куда же отправился принц Даккар искать независимость, в которой ему отказал обитающий мир?.. Под водой, в глубине морей, где он был свободен от всякого преследования.

Воин превратился в ученого. На одном пустынном острове в Тихом океане он начал постройку подводного судна по своим собственным чертежам. Только ему одному известным способом он сумел использовать огромную механическую силу электричества. Принц Даккар применял электричество для всех нужд своего плавучего снаряда, оно двигало, освещало и согревало корабль, заменяя дрова и каменный уголь. Море с его неисчерпаемыми богатствами – не только естественными, но и потерянными людьми, – с мириадами всевозможных рыб и млекопитающих, с бесконечными полями водорослей давало все, что нужно было принцу Даккару и его экипажу. Таким образом, исполнилось его заветное желание не иметь никаких связей с землей. Людей, которых он взял с собой, точно так же ничто не привязывало к жизни на земле. Свой подводный корабль он назвал «Наутилус», сам принял имя капитана Немо и... скрылся под водой.

В течение многих лет капитан Немо плавал по всем океанам от одного полюса к другому. Изгнанный из цивилизованного мира, он собрал в этих неизвестных подводных мирах огромные сокровища. Миллионы, опустившиеся на морское дно в 1702 году вместе с испанскими галионами в бухте Вigo, дали ему неиссякаемый источник богатства, и он всегда от имени неизвестного лица предоставлял их в распоряжение народа, сражавшегося за независимость своей родины.

Долго жил так капитан Немо, не имея никаких связей с остальным миром, как вдруг однажды ночью три человека попали на палубу его «Наутилуса».

Это были профессор-француз, его слуга и рыбак из Канады. Они все трое упали в море при столкновении «Наутилуса» с американским фрегатом «Абраам Линкольн», который преследовал подводное судно.

Капитан Немо узнал от этого профессора, что «Наутилус» принимали за гигантское млекопитающее из семейства китообразных, за какого-то мифического нарвала и охотились за ним во всех морях.

Капитан Немо имел полное право сбросить в океан этих трех человек, которых случай забросил на палубу «Наутилуса», но не сделал этого. Целых семь месяцев прожили они у него в качестве пленников и могли наслаждаться всеми чудесами подводного мира, который они исследовали на протяжении восьмидесяти тысяч километров.

Наконец этим трем пленникам, ничего не знавшим о прошлом капитана Немо, совершенно случайно удалось убежать, завладев одной из шлюпок «Наутилуса». В это время «Наутилус» боролся с течением, которое несло его к берегам Норвегии. Капитан Немо был уверен, что беглецы, попав в этот страшный водоворот, не смогли из него выбраться и стали жертвами своей безумной попытки. Он, конечно, не знал, да и не мог знать, что француз и оба его спутника почти чудом были выброшены на один из Лофотенских островов, где их и нашли рыбаки, которые отнеслись к ним с большим участием. Профессор, вернувшись во Францию, издал книгу, в которой подробно, день за днем, описал свое необыкновенное путешествие на «Наутилусе» в течение семи месяцев.

Еще долго после этого капитан Немо продолжал вести такую же жизнь, плавая по морям. Но его товарищи постепенно умирали, и оставшиеся в живых с чувством неподдельного горя хоронили их на коралловом кладбище в глубине Тихого океана. Все меньше и меньше людей оставалось на «Наутилусе», и наконец капитан Немо остался один.

Капитану Немо было в то время шестьдесят лет. Оставшись в одиночестве, он отвел свой «Наутилус» в одну из подводных гаваней, служивших ему иногда местом стоянки. Эта гавань находилась под островом Линкольна, где и теперь стоит «Наутилус».

Капитан Немо провел в этой гавани шесть лет, не выходя в плавание и ожидая смерти, ожидая той минуты, когда он присоединится к своим товарищам. Однажды, совершенно случайно, он увидел падение воздушного шара с пятью пассажирами. На капитане Немо был надет скафандр, и он прогуливался под водой в нескольких кабельтовых от берега, когда разорва-

лась сетка и порывом ветра инженера сбросило в море. Несмотря на свою ненависть к людям, капитан Немо и на этот раз поддался чувству великодушия... и спас Сайреса Смита.

Сначала он хотел убежать от этих пяти человек, потерпевших крушение, но выход из гавани, где он нашел себе убежище, был закрыт, – под действием вулканических сил произошло поднятие базальтовой стены, и «Наутилус» не мог выйти из подводной пещеры. Легкое суденышко еще могло проскользнуть через преграду, но «Наутилус» сидел довольно глубоко в воде.

Поэтому капитан Немо остался. Он начал наблюдать за этими людьми, его интересовало, что они будут делать и как устроятся на этом острове. Потом, когда он узнал, что это люди честные, энергичные, связанные узами братской дружбы, в нем появилось к ним теплое чувство. Они не подозревали о его существовании, и это дало ему возможность узнать все тайны маленькой колонии. В своем костюме водолаза он легко добирался до дна колодца внутри Гранитного дворца и, поднявшись по выступам стенок до верхнего отверстия, мог слушать разговоры колонистов, вспоминавших прошлое, обсуждавших настоящее и строивших планы на будущее. От них он узнал, что в Северной Америке идет гражданская война, начатая из-за отмены рабства. Он узнал их мысли по этому поводу, узнал, что двое из них принимали деятельное участие в этой войне. Да, такие люди примерили капитана Немо с человечеством. Они стали его благородными представителями на острове, где принц Даккар доживал в уединении оставшиеся дни.

Капитан Немо спас жизнь Сайресу Смиту. Он привел собаку к Гrotам, выбросил Топа из озера, оставил возле мыса Находки ящик с различными предметами, необходимыми для колонистов, пустил лодку по течению реки Милосердия, сбросил лестницу из дверей Гранитного дворца после изгнания обезьян, подбросил бутылку с запиской, в которой сообщал о пребывании Айртона на острове Табор, взорвал пиратский бриг с помощью торпеды, установленной на дне канала, спас Герберта от смерти и принес для него хинин, наконец, он убил пятерых пиратов электрическими пулями, которые сам изобрел и использовал во время охоты под водой. Вот простая разгадка тех необъяснимых событий, которые так удивляли колонистов и казались сверхъестественными. Все они свидетельствовали о могуществе и великодушии капитана Немо.

Дело в том, что у этого человеконенавистника появилось желание делать добро людям. Он чувствовал приближение смерти и хотел, прежде чем уйти в другой мир, сделать все, что было в его силах, для людей, примиривших его с миром и смягчивших его загрубевшее от горя и страдания сердце. Поэтому он и вызвал их к себе, на «Наутилус», телеграммой, которая была отправлена по дополнительному телеграфному проводу, соединявшему каюту капитана Немо через кораль непосредственно с Гранитным дворцом. Может быть, он не стал бы их звать, если бы знал, что Сайрес Смит настолько знаком с его историей, что мог, войдя к нему в каюту, назвать его капитаном Немо.

Капитан закончил рассказ о своей жизни. Тогда заговорил Сайрес Смит. Он еще раз припомнил все случаи, когда могущественный капитан Немо приходил к ним на помощь при самых критических обстоятельствах, и от своего имени и от имени своих друзей поблагодарил великодушного человека, которому они были столь многим обязаны.

Но капитан Немо, видимо, не придавал никакого значения своим поступкам и не хотел принимать слов благодарности. Его больше беспокоила другая мысль, и он высказал ее, прежде чем пожать руку, которую ему протягивал инженер.

– Сэр, – сказал он взволнованным голосом, – я рассказал вам историю всей моей жизни, и теперь судите меня!

Говоря так, капитан Немо, очевидно, имел в виду драматическое событие, свидетелями которого были три иностранца, случайно попавшие на его подводное судно. Наблюдательный

профессор не мог, конечно, не упомянуть об этом в своей книге, и его рассказ должен был произвести ужасное впечатление на читателей.

Дело в том, что за несколько дней до бегства профессора и его спутников «Наутилус» преследовал какой-то военный фрегат в северной части Атлантического океана. Вдруг из председуемого «Наутилус» превратился в атакующего и, пробив подводную часть фрегата, потопил его.

Сайрес Смит понял намек, но не ответил ни слова.

— Это был английский фрегат, сэр, — громко сказал капитан Немо, в котором на минуту ожила принц Даккар, — вы слышите, что я говорю, — это был английский фрегат! Не я, а он напал на меня! Я был зажат в узкой мелкой бухте!.. Мне нужно было пройти, и… я прошел!

Затем, немного успокоившись, он добавил:

— Я поступил вполне законно и справедливо. Я всегда делал добро там, где мог, но не отступал перед злом там, где мои противники этого заслуживали. Прощать обиды врагам вовсе не значит быть справедливым!

Никто не возразил капитану Немо, и молчание воцарилось на несколько минут, затем капитан заговорил снова:

— Я все-таки хотел бы знать, какого вы обо мне мнения, господа?

Сайрес Смит протянул руку капитану Немо и ответил ему торжественным голосом:

— Капитан, ваша ошибка состоит в том, что вы желали вернуть прошлое, а когда это не удалось, когда вам пришлось пережить такие страшные страдания и потери, вы от отчаяния прониклись ненавистью ко всему человечеству. Это было одно из тех роковых заблуждений, которые одних приводят в восторг, а другие за это порицают виновных. Но ваше заблуждение и ваша жизнь скорее вызывают восхищение, чем порицание, и вам, как герою, нечего бояться суда истории. Она любит геройские подвиги, хотя подчас и осуждает их последствия.

Капитан Немо глубоко вздохнул и поднял руку кверху, как бы призывая небо в свидетели.

— Был ли я прав или ошибался? — проговорил он.

Сайрес Смит ответил ему:

— Капитан Немо, не имеет значения, правы вы или виноваты. Честные люди, которые стоят здесь перед вами, вечно будут вас оплакивать и никогда не забудут ни вас, ни того, что вы для них сделали!

Герберт подошел к капитану Немо, опустился на колени, молча взял его руку и поцеловал ее.

Из глаз умирающего тихо покатилась слеза.

— Благослови тебя Бог, дитя мое, — прошептал он.

Глава семнадцатая

Последние часы капитана Немо. – Воля умирающего. – Подарок на память новым друзьям. – Гроб капитана Немо. – Советы колонистам. – Торжественная минута. – На дне океана.

Наступил день, но солнечные лучи не проникали в подземную пещеру. Было время прилива, и море залило наружное отверстие. Впрочем, электрический свет, вырывавшийся из чечевицеобразных иллюминаторов «Наутилуса», не угасал ни на минуту, и зеркальная поверхность воды все так же сверкала вокруг подводного судна.

Капитан Немо очень устал и в изнеможении лежал на диване. Колонисты хотели перенести его в Гранитный дворец, но он выразил желание остаться на «Наутилусе», среди своих сокровищ, которых нельзя было купить ни за какие миллионы, и здесь дожидаться неизбежной смерти. Во время глубокого полузабытья, когда капитан Немо лежал с закрытыми глазами почти без сознания, Сайрес Смит и Гедеон Спилет внимательно наблюдали за больным. Капитан Немо умирал, они это видели. Жизнь вскоре должна была покинуть его тело, когда-то такое могучее, а теперь лишь представлявшее хрупкую оболочку, которую скоро покинет душа.

Инженер и журналист тихо совещались, что им делать. Есть ли какая-нибудь возможность помочь умирающему? Нельзя ли если не спасти, то хотя бы продлить его жизнь на несколько дней? Но он сам сказал, что от его болезни нет лекарства, и спокойно ожидал смерти.

– Мы не можем ничем помочь ему, – сказал Гедеон Спилет.

– Но от какой болезни он умирает? – спросил Пенкроф.

– Он просто угасает от истощения сил, – ответил Спилет.

– А что, если вынести его отсюда на свежий воздух, на солнце? Может быть, ему станет лучше? – предложил Пенкроф.

– Нет, Пенкроф, – возразил инженер, – тут ничем нельзя помочь. Кроме того, капитан Немо ни за что не согласится покинуть свой корабль. Он уже столько лет живет на «Наутилусе» и на «Наутилусе» желает умереть.

Капитан Немо, вероятно услышав слова Сайреса Смита, приподнялся и слабым, но внятным голосом сказал:

– Вы совершенно правы, сэр. Я должен и хочу умереть здесь. У меня есть к вам одна просьба.

Сайрес Смит, а за ним и остальные колонисты подошли к дивану и, приподняв немного капитана Немо, поправили подушки, чтобы умирающему было удобно в полулежачем положении.

Колонисты стали невольными свидетелями того, как капитан Немо прощался со всем, что было для него дорого, что наполняло его жизнь в течение тридцати лет. Медленно обвел он взглядом все сокровища этого зала, залитого электрическим светом, переливавшегося в арабесках потолка. Он смотрел на картины, украшавшие салон и принадлежавшие кисти знаменитых итальянских, фламандских, французских и испанских мастеров. Затем взор его перешел

на бронзовые и мраморные статуи, возвышавшиеся на своих пьедесталах, на великолепный орган, стоявший у задней стены, на витрины вокруг стоящего в центре зала большого аквариума, в котором находились прекраснейшие дары подводного царства: морские растения, зоофиты, раковины, бесценный жемчуг... Наконец глаза его остановились на девизе, написанном над дверями этого музея, – девизе «Наутилуса»:

«*Mobilis in mobili*»²⁶.

Казалось, он хотел в последний раз полюбоваться этими шедеврами искусства и природы, которые радовали его во время долгого пребывания под водой.

Сайрес Смит отошел немного в сторону, ни одним словом не нарушая торжественного безмолвия. Он ждал, когда умирающий снова заговорит.

Так прошло несколько минут, в течение которых капитан Немо, вероятно, припомнил всю свою жизнь. Наконец он повернулся к колонистам и сказал:

– Вы считаете себя обязанными мне, господа?..

– Капитан, каждый из нас охотно пожертвует собой, если этим он отнимет вас у смерти!

– Хорошо, – проговорил капитан Немо. – Благодарю вас!.. Обещайте мне, что исполните мою последнюю волю, а я буду вознагражден за все, что сделал для вас.

– Мы обещаем исполнить ваше желание, капитан, – торжественным тоном сказал Смит.

Этими словами инженер давал клятву за себя и за своих друзей.

– Господа, – продолжал капитан, – завтра я умру.

Движением руки он остановил Герберта, у которого невольно вырвались слова протesta.

– Итак, завтра я умру, и я хочу, чтобы мой «Наутилус» стал моей могилой. Это мой гроб!

Все мои друзья погребены на дне океана, и я хочу лежать там же.

Колонисты в глубоком молчании слушали эти слова – последнюю волю капитана Немо.

– Выслушайте меня внимательно, господа, – продолжал капитан, – «Наутилус», как я уже говорил вам, не может выйти из этой пещеры. Но если он не может покинуть свою тюрьму, то может погрузиться на дно и вместе с собой похоронить в недрах океана и мои бренные останки...

Колонисты все так же молча, почтительно склонив головы, слушали умирающего.

– Завтра, после моей смерти, мистер Смит, – продолжал говорить капитан Немо, – вы и ваши друзья покинете «Наутилус». Все сокровища, которые здесь хранятся, должны исчезнуть вместе со мной. Один лишь подарок оставит вам на память о себе принц Даккар, печальная история жизни которого вам теперь известна... Там... в этом сундучке... лежат бриллианты на несколько миллионов, большая часть их принадлежала мне еще в то время, когда я был мужем и отцом и считал себя почти счастливым, кроме того, там есть жемчуг, собранный мной и моими умершими товарищами на дне морей. Обладая этим богатством, вы сможете принести немало пользы. В руках таких людей, как вы и ваши товарищи, мистер Смит, деньги, я уверен, не могут быть орудием зла.

Слабость заставила капитана Немо замолчать. После короткого отдыха он продолжил говорить:

– Завтра вы возьмете этот сундучок, выйдете из салона и закроете за собой дверь. Затем вы подниметесь на платформу «Наутилуса», закроете люк и наглоухо завинтите крышку.

– Мы сделаем так, как вы говорите, капитан, – ответил Сайрес Смит.

– Хорошо. Затем вы сядете в лодку, которая доставила вас сюда. Но прежде чем вы покинете «Наутилус», вы откроете два больших крана, которые находятся на ватерлинии. Вода проникнет в резервуары, «Наутилус» начнет опускаться и ляжет на дно...

Сайрес Смит невольно отступил в ужасе, но капитан Немо, понимая, что его испугало, успокоил его:

²⁶ Подвижное в подвижном.

– Не бойтесь. Вы только похороните мертвого!

Никто из колонистов не осмелился возразить капитану Немо. Это были его последние распоряжения перед смертью, и им оставалось только повиноваться.

– Обещаете мне исполнить мое последнее желание, господа? – спросил капитан Немо.

– Обещаем, капитан, – за всех ответил инженер.

Капитан Немо знаком поблагодарил их и затем попросил колонистов оставить его одного на несколько часов. Гедеон Спилет предложил остаться возле больного на всякий случай, но умирающий отказался и уверенно прибавил:

– Я доживу до завтра, сэр!

Колонисты вышли из салона и через библиотеку и столовую прошли на нос «Наутилуса», в машинное отделение, где были установлены электрические машины, которые не только освещали и отапливали подводный корабль, но и приводили в действие все механизмы.

«Наутилус» сам по себе был чудом техники, в котором заключалось много других чудес, восхищавших колонистов. Сайрес Смит рассматривал все с неподдельным восторгом.

Затем колонисты по трапу поднялись на платформу, которая возвышалась над водой всего на семь-восемь футов. Здесь они остановились возле большого чечевицеобразного стекла, похожего на огромный глаз, из которого вырывался сноп света. За стеклом видна была каюта со штурвалом, предназначенная для рулевого, управляющего «Наутилусом» во время его движения под водой; свет от электрического рефлектора освещал путь на значительное расстояние.

Сайрес Смит и его друзья сначала ничего не говорили. Все, что они только что видели и слышали, произвело на них сильное впечатление. Их сердца сжимались от боли, когда они думали, что тот, кто столько раз приходил к ним на помощь, их покровитель, с которым они познакомились несколько часов назад, находится при смерти! Принц Даккар всегда будет стоять в ряду тех удивительных личностей, память о которых остается навсегда.

– Вот это человек! – сказал наконец Пенкроф. – Мне просто не верится, что можно долгие годы жить на дне океана! А что, если и там, в подводных глубинах, он не нашел того, что искал, того душевного покоя, который так хотел найти!

– А ведь этот «Наутилус», – заметил Айртон, – мог бы нам отлично пригодиться... Мы могли бы на нем уехать с острова Линкольна и без труда добраться до какой-нибудь обитаемой земли.

– Тысяча чертей! – воскликнул Пенкроф. – Я ни за что в свете не соглашусь управлять подводным судном. Плавать по воде – это я понимаю, но плыть под водой – ни за что!

– Мне кажется, – заметил Спилет, – что управлять таким судном, как «Наутилус», совсем нетрудно. Вероятно, мы легко и быстро освоились бы с этим. Под водой не страшны ни бури, ни пираты. В нескольких футах от поверхности вода в океане так же спокойна, как на поверхности небольшого озера или пруда.

– Может быть, не спорю! – возразил моряк. – Но мне больше по сердцу славный штурм на хорошо оснащенном корабле. Корабли строят для того, чтобы плавать по воде, а не под водой...

– Друзья мои, – прервал их инженер, – вы напрасно спорите о преимуществах и недостатках «Наутилуса». «Наутилус» нам не принадлежит, и мы не имеем права им распоряжаться. Впрочем, при любых обстоятельствах мы не можем им воспользоваться. Вы ведь слышали от капитана Немо, что «Наутилус» не может выбраться из этой пещеры, потому что выход для него заперт из-за подвижки базальтовой скалы. Кроме того, капитан Немо желает, чтобы «Наутилус» после его смерти пошел ко дну вместе с его останками. Это его последняя воля, и мы обязаны исполнить ее...

Побеседовав еще некоторое время на платформе, Сайрес Смит и его товарищи снова спустились внутрь «Наутилуса». Слегка перекусив в столовой, они вернулись в салон.

Капитан Немо уже отдохнул, его глаза оживленно блестели, а на бледных губах блуждала легкая улыбка.

Колонисты подошли к нему.

— Господа, — сказал им капитан Немо, — вы мужественные, благородные и хорошие люди. Все вы безгранично преданы общему делу. Я часто наблюдал за вами... Я вас полюбил от всего сердца!.. Вашу руку, мистер Смит!

Сайрес Смит подал ему руку, и он крепко пожал ее.

— Отлично! Очень хорошо! — прошептал он.

Затем капитан заговорил опять:

— Но довольно обо мне! Мне нужно поговорить о вас самих и об острове Линкольна, где вы нашли себе приют... Вы ведь хотите уехать отсюда?

— Только для того, чтобы вернуться, капитан, — быстро ответил Пенкроф.

— Вернуться?.. Да, это ваше желание, Пенкроф, — сказал капитан Немо, улыбаясь. — Я знаю, вы очень сильно полюбили этот остров. Он преобразился благодаря вашим трудам, и поэтому он по праву принадлежит вам!

— Капитан, — сказал Сайрес Смит, — мы намерены присоединить его к Соединенным Штатам и устроить здесь порт для нашего флота, которого так не хватает в этой части Тихого океана.

— Вы думаете о своей родине, господа, — проговорил задумчиво капитан, — вы трудитесь для ее успеха, для ее славы. Вы совершенно правы... Родина!.. Туда следует вернуться! Там, у себя на родине, следует умереть!.. А я, я умираю вдали от всего, что я любил!

— Может быть, вы хотите еще что-нибудь поручить нам? — спросил инженер. — Может быть, вы желаете передать что-нибудь своим друзьям в горах Индии?

— Нет, мистер Смит, у меня нет больше друзей! Я последний представитель своего рода... И я уже давно умер для тех, кто знал меня... Но будем говорить лучше о вас. Уединение, одиночество — это очень печально, это выше человеческих сил... Я умираю, потому что вообразил, что можно жить в полном одиночестве!.. Вы должны сделать все возможное, чтобы покинуть остров Линкольна и вернуться на родину. Я знаю, что пираты разбили ваше судно...

— Мы сейчас строим новый корабль таких размеров, что на нем можно будет добраться до ближайшей обитаемой земли, — сказал Гедеон Спилет. — Но, если рано или поздно нам удастся уехать отсюда, мы все-таки вернемся на остров Линкольна. Слишком много воспоминаний связывают нас с этим островом, чтобы мы могли забыть его!

— Кроме того, здесь мы узнали капитана Немо, — заметил Сайрес Смит.

— И все здесь будет напоминать нам о вас! — прибавил Герберт.

— И здесь я буду спать вечным сном, если... — ответил капитан. Он задумался и вместо того, чтобы закончить фразу, сказал: — Мистер Смит, мне нужно переговорить с вами наедине!

Уважая желание больного, товарищи инженера удалились в соседнюю комнату.

Сайрес Смит оставался наедине с капитаном Немо всего несколько минут, затем он позвал своих друзей, но не сказал им, о чем разговаривал с ним умирающий.

Гедеон Спилет внимательно осмотрел больного. Было очевидно, что капитана поддерживало только сильное нервное возбуждение и что скоро он будет не в состоянии бороться с физической слабостью.

День прошел спокойно. В состоянии больного не произошло никаких перемен. Колонисты не покидали «Наутилус». Наступила ночь, но в подземной пещере нельзя было заметить, что стемнело.

Капитан Немо не страдал, но он медленно угасал. Его благородное бледное лицо, на которое неумолимая смерть уже наложила свою печать, было совершенно спокойно. Порой он почти шепотом произносил отдельные слова и фразы, припоминая различные события своей

необыкновенной жизни. Видно было, что жизнь постепенно уходит из его тела, ноги и руки уже начинали холодеть.

Раза два он еще говорил с колонистами, и при этом на устах его играла улыбка, которая уже не сходила с его лица до самой смерти.

Наконец, вскоре после полуночи, капитан вдруг сильным движением скрестил руки на груди, как бы желая умереть в таком положении.

К часу ночи вся его жизнь сосредоточилась в глазах. Глаза в последний раз вспыхнули огнем, который когда-то сверкал так ярко, он прошептал: «Бог и родина!..» – и тихо скончался.

Сайрес Смит наклонился и закрыл глаза тому, кто был принцем Даккаром и уже не был больше капитаном Немо!

Герберт и Пенкроф плакали. Айртон тоже украдкой смахнул слезу. Наб опустился на колени рядом со Спилетом, застывшим на своем месте как изваяние.

Сайрес Смит поднял руку над головой умершего.

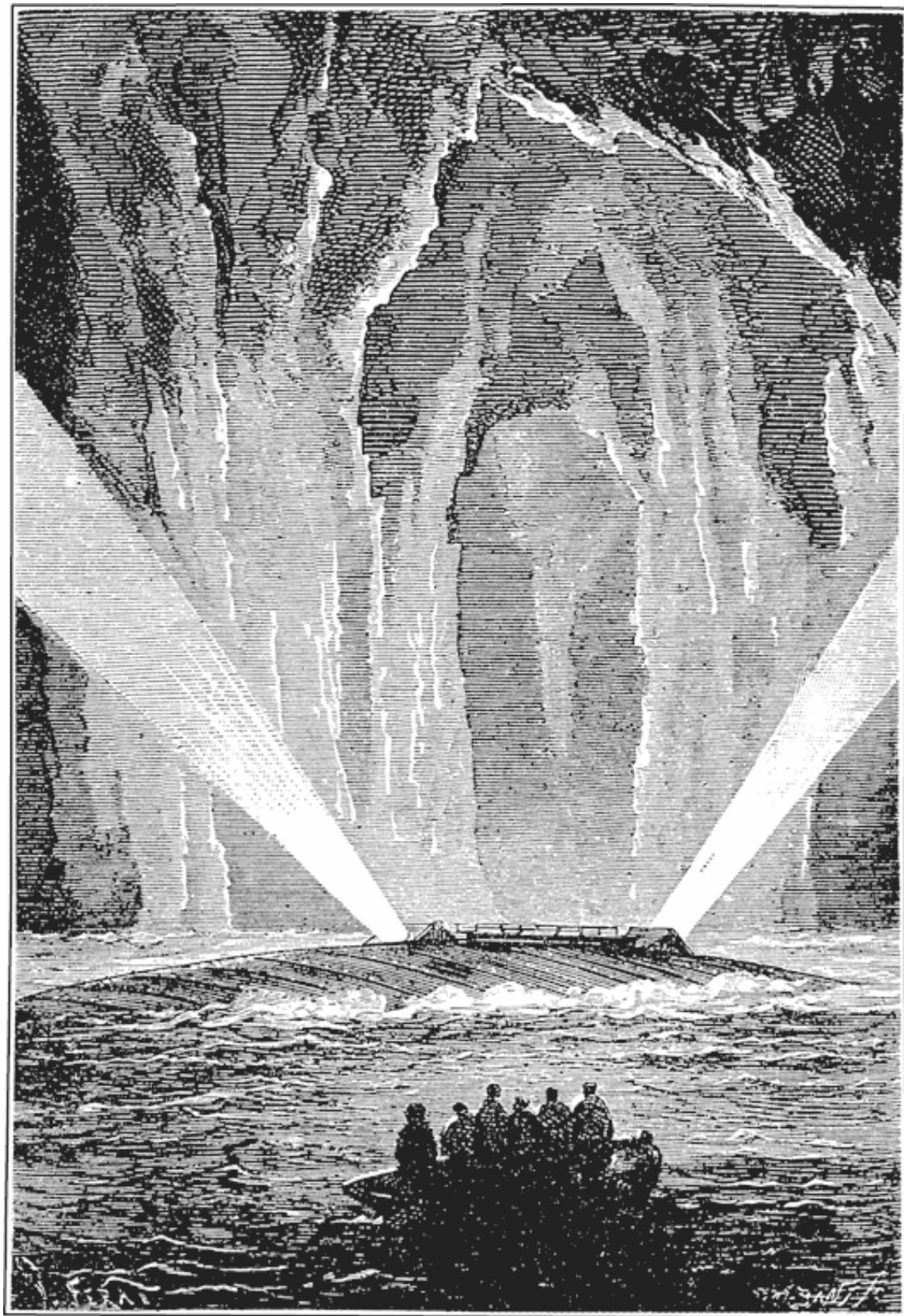
– Господи, прими душу усопшего раба твоего! – проговорил он взволнованным голосом, а затем, обернувшись к своим товарищам, произнес: – Помолимся за того, кого мы только что лишились!

* * *

Несколько часов спустя колонисты, исполняя обещание, данное капитану Немо, выполнили его последнюю волю.

Сайрес Смит и его товарищи покинули «Наутилус», унося с собой подарок, который оставил им на память их благодетель, – сундучок с несметными богатствами.

Великолепный салон, залитый ярким электрическим светом, где лежало тело капитана Немо, был заперт на ключ. Люк из толстой листовой стали задвинули и завинтили так, чтобы ни одна капля воды не проникла во внутренние помещения «Наутилуса».

Потом колонисты сели в лодку, пришвартованную к подводному кораблю. Лодку направили к корме. Там, на уровне ватерлинии, виднелись два больших крана; эти краны сообщались с резервуарами, которые обеспечивали погружение «Наутилуса».

Краны открыли, резервуары наполнились водой, и «Наутилус», медленно погружаясь, исчез под водой.

Некоторое время колонисты еще могли следить за ним. Яркий свет освещал прозрачную воду, но в пещере становилось все темнее. Наконец свет погас, и вскоре «Наутилус», ставший гробом капитана Немо, покоился в глубине океана.

Глава восемнадцатая

Размышления колонистов. – Строительные работы. – 1 января 1869 года. – Дым над вершиной вулкана. – Первые признаки извержения. – Айртон и Сайрес Смит в корале. – Исследование пещеры Даккара. – Что сказал капитан Немо инженеру?

На рассвете колонисты в глубоком молчании достигли выхода из пещеры, которую они в память о капитане Немо назвали пещерой Даккара. В это время был отлив, и они легко прошли под базальтовым сводом, края которого омывали морские волны.

Железную лодку они оставили в этом месте, потому что здесь она была защищена от ярости морских волн. Впрочем, Пенкроф, Наб и Айртон из предосторожности на всякий случай вытащили ее на выступ, примыкавший к пещере с одной стороны, так что лодке ничего не угрожало.

К утру гроза прошла. Последние раскаты грома постепенно замирали на западе. Дождь перестал, но небо было еще покрыто облаками. В общем, октябрь, первый весенний месяц Южного полушария, обещал быть не очень хорошим, переменный ветер не позволял рассчитывать на устойчивую погоду.

От пещеры Даккара Сайрес Смит и его товарищи вышли на дорогу к коралю. Наб и Герберт сняли провод, которым капитан Немо соединил кораль с пещерой: он мог еще пригодиться впоследствии.

По дороге колонисты почти не разговаривали. События этой ночи с 15 на 16 октября произвели на них сильное впечатление. Не стало их таинственного покровителя, который всегда приходил к ним на помощь в трудные минуты, не стало человека, которого они называли добрым гением острова. Капитан Немо и его «Наутилус» были погребены на дне океана. Колонисты чувствовали себя еще более одинокими, чем прежде, в первые дни на острове Линкольна. Они привыкли за эти годы надеяться на его могущественное вмешательство, которое как раз теперь им было особенно нужно. Все колонисты одинаково чувствовали глубину этой потери, и даже Спилет и Сайрес Смит не составляли исключения. Поэтому все они возвращались домой в грустном настроении.

Около девяти часов утра колонисты подошли к Гранитному дворцу.

Они решили сразу же продолжить строительство шхуны и постараться закончить ее как можно скорее. Сайрес Смит отдавал этому делу все свои мысли и все свое время. Кто знает, что может случиться в будущем? Колонисты чувствовали бы себя гораздо спокойнее, если бы имели в своем распоряжении крепкий корабль, который мог выдержать сильный шторм и в случае необходимости отправиться в дальнее плавание. Если, построив шхуну, колонисты не решатся покинуть остров Линкольна и отправиться к какому-нибудь архипелагу Полинезии или к берегам Новой Зеландии, то им все равно нужно съездить на остров Тabor и оставить там записку о новом месте жительства Айртона. Это необходимо было сделать на случай появления в этих водах шотландской яхты, что считалось шансом на спасение.

Главными судостроителями были Сайрес Смит, Пенкроф и Айртон, им помогали Наб, Гедеон Спилет и Герберт, и все шестеро без устали работали с утра до вечера, стараясь как можно меньше отвлекаться от дела. Им нужно было закончить шхуну через пять месяцев, к началу марта, чтобы успеть съездить на остров Тabor до начала периода штормов, которые сделают невозможным даже этот небольшой переход. И плотники старались не терять ни одной минуты. К счастью, у них был готовый такелаж: вся оснастка «Быстрого» была спасена. Колонисты главным образом спешили достроить корпус шхуны, чтобы спустить ее на воду.

Последние месяцы 1868 года были посвящены непрерывной работе по постройке шхуны, все остальные дела отошли на второй план. Через два с половиной месяца шпангоуты уже были на своих местах, а нижняя часть корпуса обшита досками. Специалист теперь мог бы сказать,

что и на этот раз чертежи Сайреса Смита оказались превосходными и что шхуна будет отлично держаться на воде и прекрасно выдержит любое плавание.

Пенкроф весь отдавался работе и, не стесняясь, начинал ворчать, когда кто-нибудь из колонистов менял топор плотника на ружье охотника. А между тем необходимо было пополнить запас дичи в кладовых Гранитного дворца в преддверии будущей зимы. Но Пенкроф все равно был очень недоволен, когда на верфи не хватало рабочих. В такие дни он становился более вспыльчивым и раздражительным и, проклиная всех и все, со злостью работал один за шестерых.

Все лето стояла ненастная погода. Несколько дней была сильная жара, удушливый воздух был сильно насыщен электричеством, так что весь этот период ознаменовался страшными грозами. Отдаленные раскаты грома гремели почти непрерывно. На острове звучал глухой постоянный гул, как это бывает часто в странах, близких к экватору.

1 января 1869 года разразилась ужасная гроза, молнии то и дело разрезали пространство над островом и своими огненными стрелами раскалывали в щепы громадные деревья. В этот день погиб один из громадных каркасов, которые росли недалеко от птичьего двора, у южного берега озера. Интересно, имела ли эта гроза какое-нибудь отношение к тому, что происходило в недрах земли? Нет ли какой-нибудь связи между сложными турбулентными движениями в атмосфере, насыщенной огромным электростатическим напряжением, и вулканической деятельностью в недрах острова Линкольна? Сайрес Смит говорил, что почти уверен в этом, и свое убеждение основывал на том, что наиболее сильные и частые грозы начались именно с того времени, когда обнаружилось, что считавшийся потухшим вулкан вновь начал проявлять признаки готовящегося извержения.

3 января Герберт, поднявшись на рассвете на плато Дальнего Вида, чтобы оседлать онагги, вдруг с удивлением заметил, что вершина вулкана окутана густыми клубами.

Он сразу же сообщил об этом своим друзьям, и колонисты поспешили на плато и оттуда стали рассматривать курившуюся гору Франклина.

– Эге! – вскричал Пенкроф. – Это уже не пары! Мне кажется, что наше чудовище не только дышит, но и курит!

Образное выражение, использованное моряком, как нельзя лучше определяло изменение в поведении вулкана. Уже три месяца из кратера вылетали более или менее густые пары как результат химического соединения под влиянием высокой температуры различных минеральных веществ. На этот раз к парам примешивался плотный сероватый дым, который столбом поднимался кверху, над самым кратером этот столб имел в диаметре не меньше трехсот футов, на высоте семисот-восьмисот футов от кратера он расплывался, напоминая огромный гриб.

– В кратере пламя, – сказал Гедеон Спилет.

– И мы не в силах его потушить, – ответил Герберт.

– Следовало бы послать трубочистов прочистить вулкан, – совершенно серьезно заметил Наб.

– Отлично, Наб! – подхватил Пенкроф. – Не возьмешь ли ты на себя эту работу?

И Пенкроф громко захохотал.

Сайрес Смит, отойдя в сторону, внимательно наблюдал густые клубы дыма, выбрасываемые кратером, он даже прислушивался, как бы стараясь уловить отдаленный гул. Затем он снова подошел к своим товарищам.

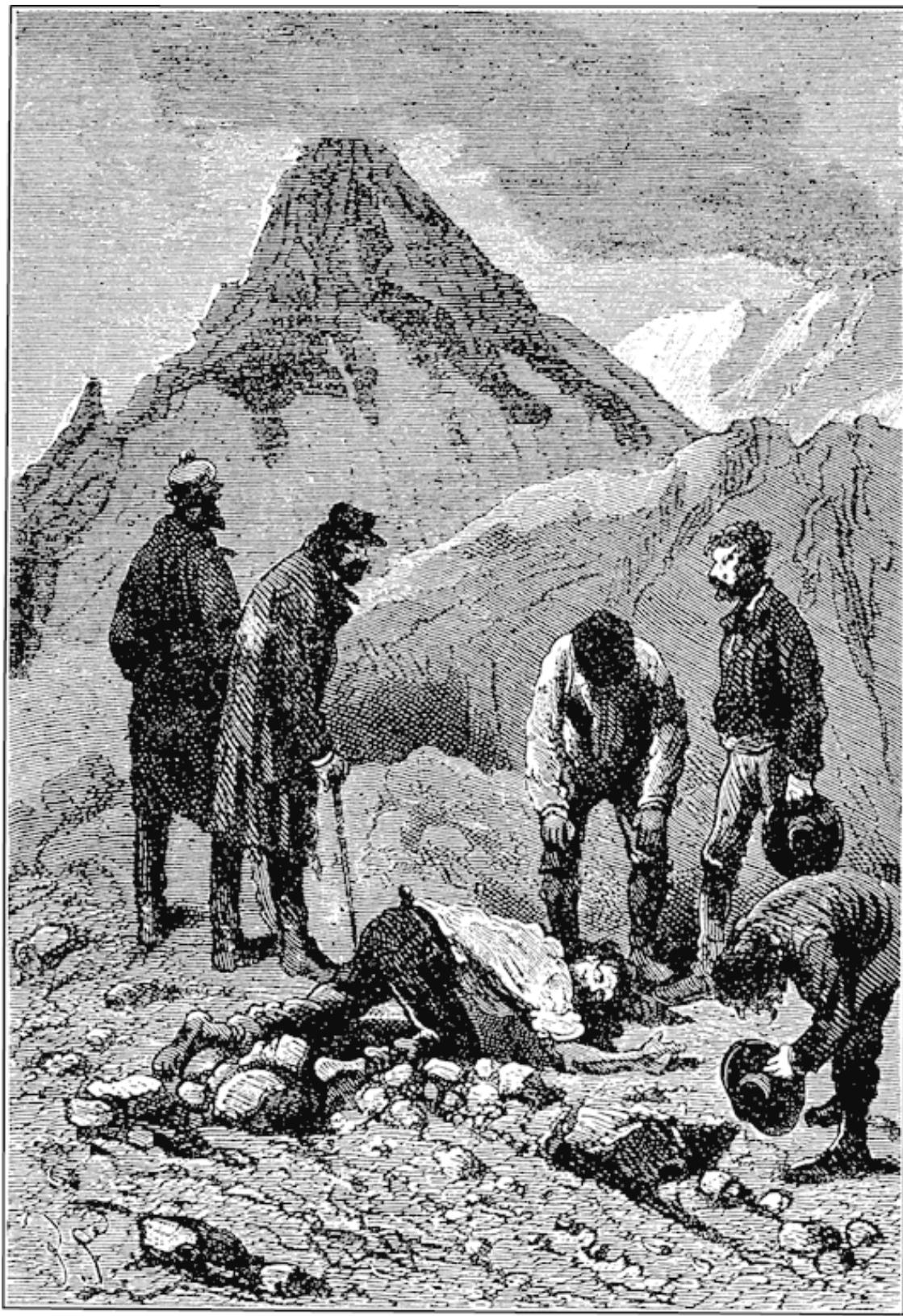
– Друзья мои, – сказал он, – я считаю своим долгом сказать вам, что в недрах вулкана произошли очень серьезные изменения. В настоящее время вулканические вещества находятся не только в состоянии кипения, они уже воспламенились, и, по всей вероятности, скоро начнется извержение!

– Ну что ж, мистер Смит, мы полюбуемся отсюда на извержение вулкана, – возразил Пенкроф, – и, если нам понравится, мы будем аплодировать! Надеюсь, что это извержение нам ничем не угрожает?

– Думаю, что нет, Пенкроф, – ответил Сайрес Смит, – для выхода лавы остается открытый прежний путь, и до сих пор она текла на север. Но...

– Но так как это извержение не принесет нам никакой пользы, то было бы гораздо лучше, если бы его совсем не было, – перебил его Спилет.

– Кто знает? – возразил моряк. – Может быть, внутри этого вулкана есть какое-нибудь полезное и драгоценное вещество, которое он любезно нам выбросит, и мы сумеем его использовать!

Сайрес Смит покачал головой, не ожидая ничего хорошего от такого внезапного изменения деятельности вулкана. Он не так легко, как Пенкроф, относился к последствиям извержения. Если потоки лавы вследствие расположения кратера и не угрожали непосредственно лесистым и плодородным частям острова, то могли появиться другие осложнения. Нередко извержения сопровождаются землетрясениями, и остров вулканического происхож-

дения, такой, как остров Линкольна, состоящий из самых разнообразных веществ: базальта, гранита, лавы и рыхлой земли, – то есть вещества, которые недостаточно плотно связаны между собой, – мог очень легко распасться. Если извержение лавы не представляло серьезной опасности, то всякое движение в нижних слоях земли поколебало бы остров, и последствия этого колебания могли быть роковыми.

– Мне кажется, – сказал вдруг Айртон, который стоял на коленях, приложив ухо к земле, – мне кажется, что я слышу глухой гул, как будто бы едет телега, нагруженная железом.

Колонисты внимательно прислушались и убедились, что Айртон не ошибся. К подземному рокоту примешивался временами какой-то рев, который то усиливался, то стихал. Можно было подумать, что в недрах земного шара проносились порывы ветра. Но, собственно говоря, не было слышно еще ни одного подземного взрыва. Из этого можно было заключить, что пары и дым находили свободный выход через центральный кратер, и предохранительный клапан был настолько широк, что, по всей вероятности, взрыва не произойдет, и до известной степени можно было не бояться извержения.

– Долго еще мы будем тут стоять? – заговорил Пенкроф. – Разве вы не хотите больше приниматься за работу? Пусть себе гора Франклина дымит, грохочет, вздыхает, выбрасывает огонь и пламя, сколько ей угодно, но из этого вовсе не следует, что мы не должны ничего делать! Пойдемте, Айртон, Наб, Герберт!.. Мистер Сайрес, мистер Спилет, долго еще вы будете тут стоять! Нужно сейчас же приниматься за работу! Нам надо сегодня ставить переборки, а для этого дела дюжина рабочих рук вовсе не много. Я хочу, чтобы не позже чем через два месяца в гавани Воздушного шара стоял новый «Бонавентур» – надеюсь, вы ничего не будете иметь против того, чтобы сохранить это имя за новой шхуной? Ну, а чтобы сделать это, нельзя терять ни минуты... Поэтому оставьте пока гору в покое и идем работать!

Колонисты, хотя и не очень охотно, пошли за Пенкрофом на верфь и приступили к устройству переборок, составлявших как бы пояс корабля и связывающих отдельные части корпуса между собой. Это была трудная и кропотливая работа, требовавшая многих рук.

Весь этот день, 3 января, колонисты прилежно трудились, и никто не обращал внимания на вулкан, которого, кстати, не было видно с берега возле Гранитного дворца. Впрочем, раза два большая темная тень застилала ненадолго ярко сиявшее солнце, совершившее свой обычный дневной круг по совершенно безоблачному небу, – это означало, что в это время густые облака черного дыма проходили между солнечным диском и островом Линкольна. Ветер дул с моря и относил дым к западу. Сайрес Смит и Гедеон Спилет заметили эти черные облака и несколько раз, не прерывая работы, обсуждали это явление и высказывали предположение, что очень скоро начнется извержение. А это еще больше заставляло торопиться с окончанием постройки шхуны. Если шхуна будет готова раньше, чем начнется извержение, это даст им лишний шанс на спасение в случае, если разразится катастрофа. Кто знает, может быть, эта шхуна, которую они строят теперь, окажется их единственным убежищем.

Вечером после ужина Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Герберт снова поднялись на плато Дальнего Вида. В наступившей темноте можно было гораздо лучше, чем днем, увидеть, есть ли в жерле кратера огонь и вылетают ли вместе с пламенем и пеплом над вершиной кратера раскаленные камни, как это обычно бывает при извержениях.

– Кратер в огне! – закричал Герберт, который раньше других взбежал на плато.

Гора Франклина, отстоявшая от плато Дальнего Вида миль на шесть, имела в эту минуту вид гигантского факела из снопов пламени, искр, раскаленных камней и пепла. Дым и пепел затемняли блеск огня, так что пламя не слишком ярко выделялось во мраке ночи. Несмотря на это, красноватые отблески освещали остров, смутно выделяя темные массы лесов близ вулкана. Огромные облака дыма поднимались к небу, застилая его темной пеленой, сквозь которую мерцали редкие звезды.

– Однако дело довольно быстро движется вперед! – сказал инженер.

— В этом нет ничего удивительного, — ответил Спилет. — Вулкан проснулся уже давно. Вспомните, Сайрес, что дым впервые появился еще в то время, когда мы исследовали склоны горы, рассчитывая найти там убежище капитана Немо. Если я не ошибаюсь, это было 15 октября?

— Да, — подтвердил Герберт, — и с того времени прошло уже два с половиной месяца!

— Подземный огонь разгорался в течение десяти недель, — продолжал Гедеон Спилет, — и поэтому нет ничего удивительного в том, что теперь пламя так бушует!

— А что, Спилет, вы не замечаете, что почва под нашими ногами как будто дрожит? — спросил Сайрес Смит.

— В самом деле! — ответил Гедеон Спилет. — Но от этого еще далеко до землетрясения.

— Я и не говорю, что непременно будет землетрясение, — сказал Сайрес Смит. — Избави нас Бог от этого! Нет! Эти колебания почвы происходят от кипения внутри кратера. В данном случае земная кора представляет не что иное, как стенки парового котла, а ведь вы знаете, что под давлением газов котел дрожит и вибрирует, как металлическая пластина. То же самое происходит теперь и с вулканом.

В эту минуту из жерла кратера вылетел огненный фейерверк и ярко озарил окрестности. Тысячи искр и раскаленных камней полетели вверх, а затем огненным дождем посыпались вниз. Этот взрыв сопровождался громовыми ударами, следовавшими непрерывно один за другим, похожими на залпы картечи.

Сайрес Смит, Спилет и Герберт пробыли на плато Дальнего Вида около часа, потом они спустились вниз и вернулись в Гранитный дворец. Инженер шел, опустив голову, и казался настолько озабоченным, что Гедеон Спилет обратил на это внимание и спросил своего товарища, чем он обеспокоен и не предвидит ли он в ближайшем будущем какой-нибудь опасности, прямо или косвенно связанной с предстоящим извержением вулкана.

— И да, и нет, — ответил Сайрес Смит.

— Но, — продолжал Спилет, — самое большое несчастье, которое только может с нами случиться, — это сильное землетрясение, которое, конечно, может поколебать весь остров? Но я не думаю, что это произойдет, так как для газов и для лавы уже есть свободный выход наружу.

— Дело не в этом, — ответил Сайрес Смит, — меня не страшит землетрясение в смысле сотрясения почвы, вызванного расширением подземных газов. Нет, совсем другие причины могут иметь гибельные последствия...

— Какие же эти причины, дорогой Сайрес?

— Я еще не уверен, что это непременно случится... Я должен сначала посмотреть... Мне нужно будет пойти на гору... Мне нужно несколько дней, чтобы знать, чего нам ждать в будущем...

Гедеон Спилет не настаивал с расспросами, и вскоре, несмотря на гул подземных взрывов, становившихся все сильнее и гулко разносившихся по острову, обитатели Гранитного дворца спали крепким сном.

Прошло еще три дня — 4, 5 и 6 января. Колонисты продолжали работать на верфи, и инженер, не пускаясь в объяснения, своим деятельным участием как бы подтверждал свою мысль, что им необходимо как можно скорее закончить шхуну. Вершина горы Франклина была окутана густым темным облаком зловещего вида и временами вместе с пламенем извергала огромные раскаленные камни, которые иногда падали обратно в кратер. Пенкроф, до сих пор не желавший признавать, что извержение вулкана может грозить им какой-нибудь опасностью, видел в этом явлении только комическую сторону и не раз говорил по этому поводу:

— Вот так штука! Смотрите! Вулкан играет в бильбоке! Вулкан жонгирует!

И в самом деле, пепел и раскаленные обломки все чаще падали обратно в зияющее жерло кратера, но, видимо, лава, вытесняемая внутренним давлением, не дошла еще до отверстия кратера. По крайней мере, из кратера, обращенного жерлом на северо-восток и видимого с

плато Дальнего Вида, лава не текла, и огненно-жидкая масса не изливалась вниз по северному склону горы.

А между тем, несмотря на то, что колонисты спешили с постройкой шхуны, им приходилось заниматься и другими неотложными делами в разных местах острова. Прежде всего нужно было ездить в кораль, где содержалось стадо муфлонов и коз, ухаживать за ними и давать им корм. Обычно туда ездили один Айртон, привыкший к этой работе, вот и теперь он должен был отправиться в кораль на следующий день, 7 января. Поэтому Пенкроф и другие колонисты удивились, когда услышали, что инженер сказал Айртону:

— Вы едете завтра в кораль?.. Я поеду вместе с вами.

— Но, мистер Сайрес, — вскричал моряк, — теперь каждый день, каждый час дорог, а если вы уедете завтра вместе с Айртоном, у нас окажется на четыре руки меньше!

— Мы завтра вернемся, — ответил Сайрес Смит, — мне очень необходимо съездить в кораль... Я хочу узнать, где именно произойдет извержение...

— Извержение! Извержение! — проворчал Пенкроф с сердитым видом. — Экая важная штука это извержение!.. Вот уж, признаюсь вам, оно меня нисколько не беспокоит!

Несмотря на возражения моряка, исследование горы, намеченное инженером, должно было состояться не позже следующего дня. Герберту очень хотелось пойти вместе с Сайресом Смитом, но он не хотел огорчать Пенкрофа и поэтому ни одним словом не обмолвился о своем желании.

Утром, на рассвете, Сайрес Смит и Айртон сели в повозку и быстро покатали к коралю.

Густые облака дыма, вырывавшиеся из кратера, висели над лесом. Эти тяжелые, непрозрачные облака медленно расходились в воздухе и висели слишком низко. Своим происхождением они были обязаны не только дыму. В густой массе облаков носились и перегоревшие минеральные вещества, обратившиеся в тончайшую пыль, и мягкий сероватый пепел, похожий на легкую пудру. Вулканический пепел так легок, что иногда он несколько месяцев висит в воздухе. В Испании после извержения в 1783 году в течение целого года атмосфера была до такой степени насыщена вулканической пылью, что солнечные лучи едва проникали сквозь нее.

Но теперь, как это, впрочем, случается довольно часто, вулканическая пыль не держалась долго в воздухе и осаждалась на землю. Едва Сайрес Смит и Айртон успели приехать в кораль, как посыпалась сероватая пыль, похожая на охотничий порох, что мгновенно изменило вид всей окрестности. Слой пепла толщиной в несколько дюймов покрыл деревья и лужайки. Но, к счастью, ветер все еще дул с северо-востока, и большая часть этой серой массы осела на воду, а облака рассеялись.

— Ничего подобного никогда не видел, мистер Сайрес, — сказал Айртон.

— А вместе с тем это очень важно, — ответил инженер. — Этот пущолан, или вулканический пепел, пемза, измельченная в порошок, — одним словом, вся эта минеральная пыль указывает, насколько глубоко происходит химическая реакция в нижних пластах вулкана.

— Но неужели мы ничего не можем сделать?

— Ничего. Мы можем только следить за развитием извержения. Вы, Айртон, займитесь коралем, а я тем временем поднимусь к истоку Красного ручья и осмотрю северный склон горы. Потом...

— Потом... мистер Смит?

— Потом мы отправимся в пещеру Даккара... Я хочу посмотреть... Я вернусь за вами через два часа.

Айртон пошел в кораль и в ожидании возвращения инженера занялся муфлонами и козами, которые казались очень неспокойными, словно инстинктом предчувствуя стихийное бедствие.

Между тем Сайрес Смит, поднявшись по восточному склону, обогнул Красный ручей и вышел к тому месту, где во время первой экспедиции он и его товарищи обнаружили серный источник.

Как здесь все изменилось! Раньше только из одной трещины выходил дымок, а теперь он был из-под земли в тринадцати местах. Очевидно, в этом месте земная кора подвергалась сильнейшему давлению. Воздух был насыщен сернистым газом, водородом и углекислотой с примесью водяных паров. Сайрес Смит чувствовал, как под его ногами дрожал вулканический туф, этим туфом, который был, в сущности, пеплом, который со временем превратился в огромные глыбы твердого камня, была усеяна вся равнина. Но инженер не видел еще потоков новой лавы.

Осматривая северный склон горы Франклина, инженер заметил следующее: из кратера вырывались клубы дыма и языки пламени, раскаленные мелкие камни взлетали в воздух и дождем падали на землю, но и здесь из жерла кратера не изливалась лава. Все это доказывало, что расплавленная масса еще не дошла до верхнего отверстия.

— Я предпочел бы видеть, что она уже льется! — пробормотал Сайрес Смит. — По крайней мере, я бы знал наверняка, что лава направилась по своему обычному пути. А кто теперь может сказать, каким путем она пойдет? А что, если она проложит себе другой путь? Но не в этом заключается опасность! Капитан Немо отлично понимал это! Нет, опасность не в этом!

Сайрес Смит дошел до огромного вала, который образовали потоки застывшей лавы, тянущиеся далеко к северо-востоку и окаймлявшие оба берега узкого залива Акулы. Долгоостоял он на этом месте, внимательно изучая застывшие потоки лавы, и с уверенностью мог сказать, что предыдущее извержение вулкана произошло очень давно.

Потом он повернулся обратно и пошел к коралю, прислушиваясь к подземному гулу, который теперь уже не прерывался ни на минуту. По временам слышались отдельные громкие взрывы. В девять часов утра Сайрес Смит был уже в корале.

Айртон ждал его.

— Я обеспечил животных кормом, мистер Смит, — сказал он инженеру.

— Отлично, Айртон.

— Муфлоны и козы очень беспокойны, мистер Смит.

— Да, в них говорит инстинкт, а инстинкт никогда не обманывает.

— Если вы желаете...

— Возьмите фонарь и огниво, Айртон, — сказал ему в ответ инженер, — и идите за мной.

Айртон сделал все, как ему было сказано. Распряженные онагти бродили по коралю. Исследователи заперли ворота снаружи, и Сайрес Смит в сопровождении Айртона направился к западу по узкой тропинке, которая вела прямо к морскому берегу.

Они шли по земле, усыпанной пеплом. В лесу не видно было ни одного животного. Даже птицы и те улетели. Иногда порыв ветра поднимал слои пепла, и колонисты, окруженные густой пылью, несколько минут не видели друг друга. В такие минуты они останавливались и закрывали платком глаза и рот, чтобы не ослепнуть и не задохнуться.

В таких условиях Сайрес Смит и Айртон не могли идти быстро. К тому же дышать было так трудно, словно в воздухе не хватало кислорода. Они останавливались чуть не через каждые сто шагов перевести дыхание и вобрать в себя больше кислорода. Было уже больше десяти часов, когда наконец инженер и его спутник достигли гребня нагроможденных друг на друга базальтовых и порфировых скал, образующих северо-западный берег острова.

Айртон и Сайрес Смит начали спускаться с этого скалистого берега, двигаясь почти той же самой дорогой, по которой ночью, во время грозы, так спешили к пещере Даккара. Днем этот спуск был не так опасен, кроме того, густой слой пепла, покрывавший гладкие, скользкие, точно отшлифованные, скалы, давал возможность более уверенно спускаться по их покатой поверхности.

Вскоре они достигли выступа, возвышавшегося футов на сорок над водой. Сайрес Смит помнил, что этот выступ шел дальше, постепенно понижаясь, к самому морю. Хотя теперь было время отлива, но спуска не было видно, и волны, потемневшие от вулканического пепла, бились о базальтовый берег.

Сайрес Смит и Айртон без труда нашли вход в пещеру Даккара.

— Где-то здесь должна быть лодка, которую вы убирали вместе с Пенкрофом, — сказал инженер.

— Она здесь, мистер Смит, — ответил Айртон, притягивая к себе легкую шлюпку, которая была спрятана в углублении.

— Сядем в нее, Айртон.

Оба колониста сели в лодку. Айртон высек огонь и зажег фонарь, поставив его на носу лодки. Затем он взялся за весла, а Сайрес Смит сел у руля, чтобы управлять движением лодки по темной воде. Лодка скользнула под низкие своды пещеры.

«Наутилус» уже не освещал электрическим светом мрачную пещеру. Может быть, там, на глубине, электричество по-прежнему продолжало сиять, но ни один луч не проникал через толщу воды из бездны, где покоялся капитан Немо.

Тем не менее света фонаря было достаточно, чтобы инженер мог управлять лодкой и плыть вдоль правой стены пещеры. Гробовое молчание царило в пещере, но вскоре Сайрес Смит ясно услышал глухой гул, доносившийся из недр горы.

— Это вулкан, — сказал он.

Вскоре к этому шуму присоединился и резкий неприятный запах, и инженер со своим спутником вдохнули в себя воздух, насыщенный парами серы.

— Вот чего боялся капитан Немо! — пробормотал Сайрес Смит, и лицо его при этом слегка побледнело. — Но так или иначе, а нужно довести наше исследование до конца.

— Поедем дальше! — ответил Айртон, склонившись над веслами, и лодка поплыла к задней стене пещеры.

Через двадцать минут лодка подплыла к задней стене пещеры и остановились.

Сайрес Смит встал на скамейку и фонарем осветил стену, отделявшую пещеру от кратера вулкана. Какова толщина этой стены, разделяющей две бездны — сто или десять футов? Сайрес Смит не знал. Но подземный грохот слышался здесь очень отчетливо, и поэтому стена не могла быть очень толстой.

Осмотрев стену по горизонтали, инженер прикрепил фонарь к концу весла и стал исследовать верхнюю часть стены. Там сквозь едва заметные трещины и щели просачивался едкий дым, наполнявший пещеру зловонием. Трещины шли вдоль всей стены, некоторые из них всего на два-три фута не доходили до поверхности воды в пещере.

Сайрес Смит, размышая, молча смотрел на трещины несколько минут, а затем, опуская фонарь, опять повторил:

— Да, капитан Немо был прав! Вот где нам грозит опасность, и опасность страшная!

Айртон ничего не сказал, по знаку Сайреса Смита он снова взялся за весла, и через полчаса они уже вышли из пещеры Даккара.

Глава девятнадцатая

Сайрес Смит рассказывает о результатах исследования. – Ускорение работ по постройке шхуны. – Последнее посещение короля. – Борьба двух стихий. – Спуск шхуны на воду. – Ночь с 8 на 9 марта.

Утром на следующий день, 8 января, пробыв почти сутки в корале, где пришлось поработать, задавая корм скоту, Айртон и Сайрес Смит вернулись в Гранитный дворец.

Инженер немедленно собрал на совет всех своих товарищей и коротко сообщил им о том, что острову Линкольна угрожает страшная опасность, предотвратить которую не в состоянии никакие человеческие силы.

– Друзья мои, – сказал он с глубоким волнением, – к несчастью, остров Линкольна по своему строению не принадлежит к числу тех островов, которые будут существовать до тех пор, пока будет существовать земной шар. Рано или поздно ему грозит полное разрушение, причина этого разрушения заключается в нем самом, и ничто не может его спасти.

Колонисты молча переглянулись и затем с удивлением посмотрели на инженера. Они, видимо, не понимали его.

– Объясните это нам проще, Сайрес! – сказал Гедеон Спилет.

– Я объясню вам, – ответил Смит, – или, вернее, сообщу вам то, что сказал мне капитан Немо, когда я разговаривал с ним наедине. Вы помните, он тогда попросил вас выйти из комнаты и оставить нас одних.

– Капитан Немо! – вскрикнули колонисты.

– Да, и это была его последняя услуга, которую он пожелал оказать нам перед смертью...

– Последняя услуга! – воскликнул Пенкроф. – Последняя услуга! Вы ошибаетесь!

Я убежден, что, хотя он и умер, он еще долго будет оказывать нам свое покровительство!

– Но что же сказал вам капитан Немо? – спросил Спилет.

– Вы хотите знать, друзья мои, что он мне сказал? Тогда слушайте! – продолжал инженер. – Остров Линкольна находится в совершенно иных условиях, чем все другие острова Тихого океана, и капитан Немо сообщил мне, что из-за особенностей строения наш остров должен рано или поздно разрушиться!

– Остров Линкольна разрушится! Не может быть! – воскликнул Пенкроф, недоверчиво пожав плечами.

– Выслушайте меня, Пенкроф, – возразил ему инженер. – Вот что установил капитан Немо, и в чем убедился и я сам не далее как вчера, исследовав пещеру Даккара. Эта пещера тянется почти под всем островом до самого вулкана, и от кратера она отделяется только задней стеной этой пещеры. В этой стене, которая, по-видимому, очень тонкая, я вчера обнаружил трещины и щели, откуда выходят сернистые газы, образующиеся в недрах вулкана.

– И что дальше? – спросил Пенкроф, наморщив лоб.

– Дальше я убедился, что эти трещины увеличиваются под влиянием внутреннего давления, что базальтовая стена постепенно становится все тоньше, и в самом скором времени она расколется, открыв свободный проход для воды, наполняющей пещеру, в недра вулкана.

– Великолепно! – сказал Пенкроф, пытаясь обратить все в шутку. – Вода погасит вулкан, и все будет кончено.

– Да, всему наступит конец! – сказал Сайрес Смит. – В тот день, когда море прорвется сквозь стену и проникнет в жерло кратера, где кипит расплавленная масса горючих веществ, в тот день, Пенкроф, остров Линкольна взорвется, как взорвалась бы Сицилия, если бы Средиземное море влилось в Этну.

Колонисты ничего не ответили на такое убедительное заявление инженера. Они поняли, какая опасность им угрожает.

Надо заметить, что Сайрес Смит нисколько не преувеличивал. Многие считали, что можно потушить вулканы, которые почти всегда возвышаются на берегах морей или озер, открыв туда доступ воде. Но они не понимали, что подобным способом можно взорвать часть земного шара, как паровой котел. Вода, устремившись в замкнутое пространство, где температура достигает нескольких тысяч градусов, мгновенно превратилась бы в пар, и образовалось бы такое количество энергии, которое не выдержала бы никакая твердая оболочка.

Теперь никто не сомневался, что их острову грозит в будущем страшное разрушение, и он закончит свое существование в тот момент, когда разрушится стена, отделяющая пещеру Даккара от кратера вулкана. И эта катастрофа должна была произойти очень скоро... ждать ее оставалось не месяцы, не недели, не дни, а, может быть, всего несколько часов.

Колонисты были в отчаянии. Но они не думали об опасности, угрожавшей им самим. Нет! Их приводила в отчаяние мысль, что катастрофа уничтожит маленький уголок земли, где они нашли приют. Им было горько и обидно потерять этот остров, который они так сильно полюбили и которому готовили такое славное будущее! Сколько сил было потрачено! Сколько трудов и надежд!

Пенкроф готов был разрыдаться, крупные слезы покатились у него из глаз, и он даже не старался их скрыть.

Беседа продолжалась еще довольно долго. Все без исключения принимали участие в разговоре и обсуждали, какими средствами для спасения они могут располагать. Утешительного было мало, и в конце концов они пришли к заключению, что нельзя терять ни минуты и нужно как можно скорее закончить постройку и оснастку шхуны, которая оказалась единственным шансом на спасение для обитателей острова Линкольна.

Все дружно принялись за работу. Теперь уже ни к чему было жать хлеб, собирать урожай, охотиться и увеличивать запасы в Гранитном дворце! С них было достаточно и того, что хранилось в кладовых и на кухне, и на корабль можно было бы нагрузить столько провизии, что ее хватило бы даже на самое продолжительное путешествие. Главное – нужно спешить с постройкой шхуны, чтобы она была готова и оснащена раньше, чем наступит неизбежная катастрофа.

Работа продолжалась с лихорадочной поспешностью. К 23 января корабль был уже наполовину обширен. Состояние вулкана не изменилось. Из кратера по-прежнему вырывались газы, дым, пламя и вылетали раскаленные красные камни. Но в ночь с 23 на 24 января лава поднялась до первого выступа вулкана и снесла его коническую верхушку. Раздался страшный грохот. Колонисты сначала подумали, что это остров разваливается на части, и все бросились вон из Гранитного дворца.

Это случилось около двух часов ночи.

Небо пыпало. Верхний конус – массив высотой в тысячу футов и весом в миллиарды фунтов – сорвался с горы и упал вниз с такой силой, что от удара задрожал весь остров. К счастью, этот конус был немного наклонен к северу и поэтому упал на бесплодную равнину, покрытую песком и туфом, между вулканом и морем. Теперь из расширившегося кратера вырывалось целое море огня, и казалось, что воспламенился весь воздух над островом. Огненно-жидкая расплавленная масса лавы, словно вода из переполненного сосуда, тысячами раскаленных огненных струй змеилась по склонам вулкана.

– Кораль! Кораль! – вскрикнул Айртон.

И в самом деле, из-за того, что новый кратер был наклонен уже в другую сторону, лава потекла в сторону короля. Бедствие грозило плодородным частям острова, истокам Красного ручья и лесу Якамара... Там все погибнет!..

Крик Айртона словно разбудил колонистов, и все бросились к конюшне, где стояли онагги. В одну минуту они запрягли животных в повозку. Всеми владела только одна мысль: быстрее ехать в король и выпустить на свободу муфлонов и коз.

Они ехали очень быстро и прибыли в кораль, когда не было еще и трех часов утра. Муфлоны и козы громко ревели и в ужасе метались в своих стойлах. Поток расплавленной лавы уже спустился с горы в долину и пожирал все, что попадалось ему на пути. Айртон распахнул ворота, открыл стойла, и обезумевшие от страха животные разбежались во все стороны.

Через час кипящая лава залила кораль, высушила небольшой ручеек, протекавший через него, подожгла дом, который запыпал, как солома, и до последнего столбика уничтожила ограду. От кораля ничего не осталось.

Колонисты пробовали остановить стремившиеся к югу потоки лавы, но все их попытки оказались безуспешными: человек бессилен перед такими стихийными бедствиями.

Между тем наступило утро 24 января. Прежде чем вернуться в Гранитный дворец, Сайрес Смит и его товарищи захотели выяснить, в каком направлении устремятся потоки раскаленной лавы. Поверхность земли понижалась от горы Франклина к восточному берегу, и

поэтому можно было опасаться, что раскаленный поток, несмотря на преграду в виде густого леса Якамара, дойдет до плато Дальнего Вида.

— Озеро должно защитить нас, — сказал Гедеон Спилет.

— Надеюсь! — ответил ему Сайрес Смит, и одним этим словом было сказано все.

Колонисты хотели дойти до той равнины, куда обрушилась верхушка горы Франклина, но потоки лавы преградили путь. С одной стороны она текла по долине Красного ручья, а с другой — по долине ручья Водопада, превращая на своем пути оба эти потока в пар. Не было никакой возможности перебраться через раскаленную лаву, наоборот, нужно было отступать перед ней, и очень быстро.

Вулкан, лишенный своей вершины, был совершенно неузнаваем. На месте прежнего кратера было нечто вроде ровной поверхности. Из двух отверстий или, лучше сказать, трещин, образовавшихся на южном и восточном склонах горы, двумя длинными отдельными потоками непрерывно изливалась огненно-жидкая лава. Облака дыма и пепла, вылетавшие из отверстий, смешивались с небесными тучами, сгустившимися над горой. Удары грома вторили подземному грохоту. Раскаленные камни взлетали вверх на тысячу футов, взрывались там и рассыпались, как картечь. Вспышки молний, не переставая, сверкали над вершиной вулкана.

К семи часам вечера колонистам, приютившимся на опушке леса Якамара, нельзя было уже оставаться на этом месте. Вокруг них начали летать раскаленные осколки камней, и лава, переполнив русло Красного ручья, угрожала отрезать им дорогу к коралю. Первые ряды деревьев на опушке уже загорелись, и их сок, мгновенно превратившийся в пар, разорвал их стволы, как детские хлопушки. Более сухие деревья оставались почему-то нетронутыми среди всеобщего разрушения.

Колонисты направились к коралю. Они шли медленно, часто оборачиваясь назад. Но вследствие значительного уклона лава быстро продвигалась к востоку, не успевали еще нижние слои лавы остынуть и отвердеть, как их уже покрывали новые волны расплавленной массы.

Между тем главный поток лавы, стремившийся по долине Красного ручья, с каждой минутой становился все больше и грозил страшными бедами и острову, и колонистам. Весь лес в этой части острова был уже объят пламенем, густые клубы черного дыма стояли над деревьями, и лава уже залила их корни.

Колонисты остановились вблизи озера, в полмили от устья Красного ручья. Для них в эту минуту решался вопрос жизни и смерти.

Сайрес Смит всегда предпочитал смотреть в лицо опасности. Зная, что он имеет дело с людьми, которым смело можно говорить правду, какова бы она ни была, он сказал:

— Или озеро остановит этот поток, и, таким образом, восточная и южная части острова не пострадают, или лава зальет леса Дальнего Запада, и тогда не останется ни одного деревца, ни одного кустика. Тогда на этих голых скалах нас ждет смерть, которая и не замедлит явиться к нам во время взрыва острова!

— Значит, теперь, — сказал Пенкроф, скрестив руки на груди и топая ногой, — совершенно ни к чему заканчивать постройку шхуны?

— Пенкроф, — возразил ему Сайрес Смит, — мы обязаны сделать все для нашего спасения.

В это время огненная река, проложив себе дорогу между великолепных деревьев, которые она пожирала на своем пути, достигла края озера. В этом месте рельеф почвы немного менялся, начинался подъем, и если бы еще немного увеличить преграду, то, возможно, удалось бы изменить направление потока лавы.

— За дело! — воскликнул Сайрес Смит.

Мысль инженера была понятна. Нужно было запрудить поток лавы и заставить его излиться в озеро.

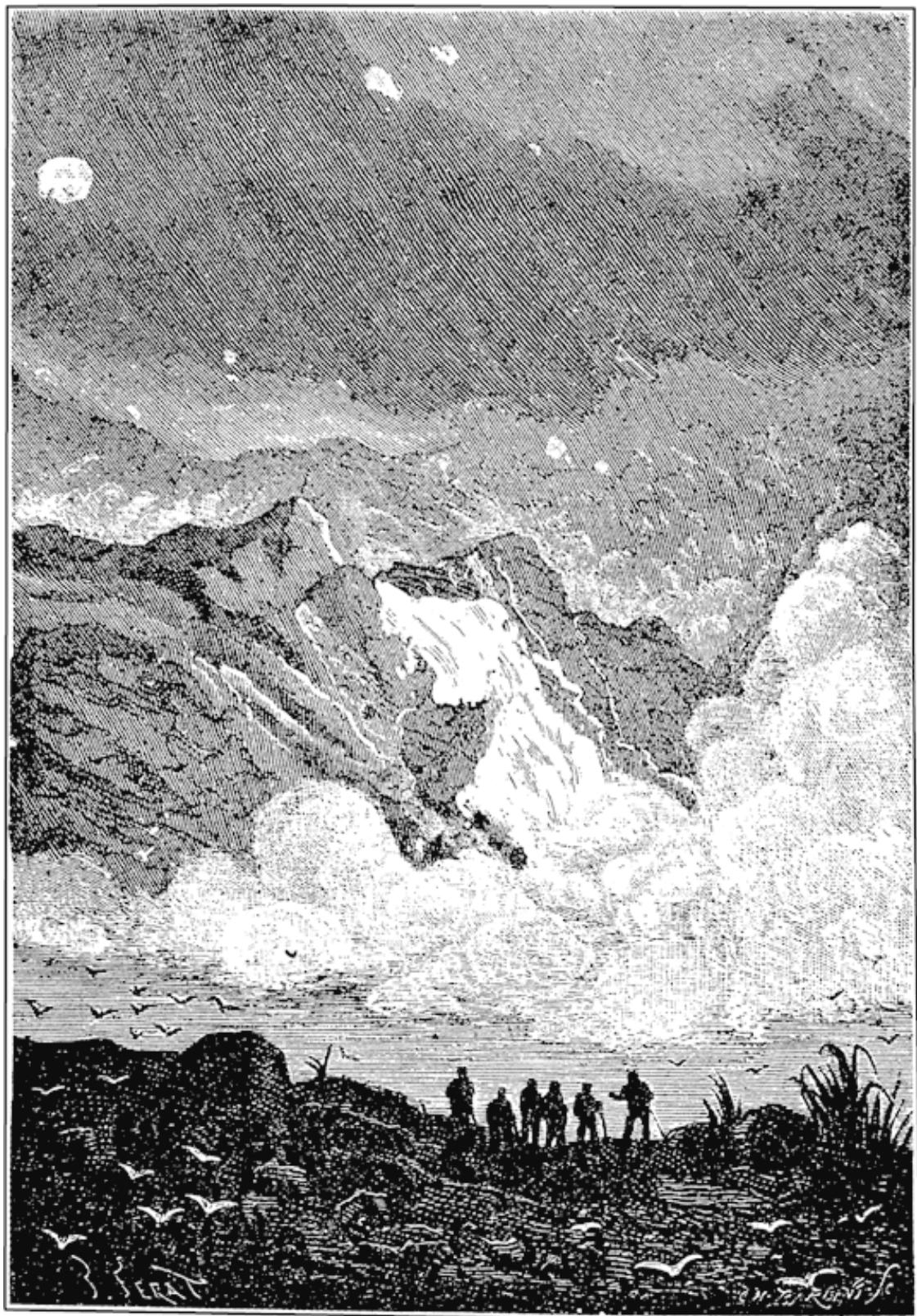
Колонисты побежали на верфь, схватили там кирки, лопаты, топоры. За несколько часов из земли и срубленных деревьев они возвели насыпь, или плотину, высотой три фута и длиной

в несколько сот шагов. Они были так возбуждены, что не замечали времени, и когда наконец плотина была готова, им показалось, что они работали всего несколько минут!

Колонисты закончили работу как раз вовремя, еще минута, и было бы поздно. Расплавленная масса жидкой лавы подошла к плотине. Огненный поток вздулся, как река во время весеннего половодья, пытаясь выйти из берегов и угрожая уничтожить эту единственную преграду на своем пути и устремиться в леса Дальнего Запада... Но плотина отлично исполнила свое назначение и остановила движение лавы на юг... Лава вдруг повернула в сторону и с высоты двадцати футов огненным каскадом низверглась в озеро Гранта.

Задыхаясь от волнения, колонисты стояли возле насыпи и безмолвно смотрели на борьбу двух стихий.

Какое величественное и в то же время ужасное зрелище представляла собой эта борьба огня и воды! Никакое перо не в состоянии описать это сражение! Никакая кисть художника не в силах нарисовать эту картину. От соприкосновения с кипящей лавой вода кипела и испарялась. Клубы пара взлетали в воздух, словно вырываясь из внезапно открытых клапанов гигантского парового котла, и поднимались высоко в небо. Но как ни много воды было в озере Гранта, она все-таки должна была вся испариться, потому что приток воды в озеро прекратился, а огненно-жидкая лава, источник которой был неисчерпаем, все так же продолжала катить свои пылающие волны, и казалось, что им не будет конца.

Струи лавы, влившись в озеро, сразу застывали и громоздились друг на друга. Постепенно заполняя все озеро, лава все ближе и ближе подходила к середине озера, наполняя его быстро твердевшей каменной массой. Слой за слоем затвердевшая лава опускалась на дно озера, угрожая заполнить собой весь водоем. Но колонисты могли не бояться, что озеро выйдет из берегов и зальет окрестности, потому что весь излишек воды, который мог бы при-

этом образоваться, тотчас же превращался в пар. Вода в озере кипела, как в кotle, и с шумом и свистом поднималась вверх в виде паров, которые ветер относил в сторону, и затем они уже в виде дождя падали в море. Количество лавы в озере увеличивалось, и остывшие глыбы лавы нагромождались одна на другую. Там, где еще так недавно серебрились тихие воды озера Гранта, лежали кучи дымящихся камней, словно дно озера внезапно поднялось и вытолкнуло на поверхность тысячи рифов и подводных скал. Через три часа с того момента, как первые потоки лавы хлынули в озеро Гранта, его уже нельзя было узнать: воды в нем почти не осталось, вместо нее твердые красно-бурые камни, как громадные глыбы грязного льда, заполняли собой весь обширный водоем, похожий на громадный ледник. Но – увы! – это был не лед, а застывшая лава.

На этот раз огонь победил воду.

Направить поток лавы в озеро было очень удачным решением, и колонисты могли только радоваться, что это у них получилось. Это дало им еще несколько дней передышки. Плато Дальнего Вида, Гранитный дворец и верфь были спасены, быть может, еще на некоторое время. Нужно было воспользоваться этим, чтобы закончить обшивку корабля и тщательно его закопать. Потом они спустят корабль на воду и перейдут на него жить. Когда шхуна будет уже на волнах, они, не опасаясь за свою жизнь, спокойно займутся оснасткой. Взрыв мог уничтожить остров, поэтому оставаться на суще было крайне рискованно. Гранитный дворец, который до сих пор давал им надежное убежище, мог обрушиться каждую минуту.

В течение следующих дней, с 25 по 30 января, шестеро колонистов работали с таким усердием и сделали так много, что большего нельзя было бы требовать и от двадцати плотников. Они почти совсем не отдыхали, а свет от пламени, вылетавшего из кратера, давал им возможность работать и ночью. Лава продолжала изливаться, хотя и не так обильно и не так стремительно. Это тоже было хорошо для колонистов, так как озеро Гранта почти совсем заполнилось лавой, и если бы наплыв лавы не уменьшился, то она вышла бы из берегов и разлилась по всему плато Дальнего Вида, а оттуда, конечно, и по берегу вблизи Гранитного дворца.

Но если эта часть острова оставалась пока в безопасности, то на южном берегу дело обстояло совсем иначе.

Дело в том, что второй поток лавы, устремившийся по широкой долине ручья Водопада, где рельеф местности понижался по обоим берегам ручья, не встретил на своем пути никаких преград. Огненный поток уже разлился по лесам Дальнего Запада. Деревья, страдавшие от недостатка влаги из-за страшной, почти тропической жары, стоявшей в это время, мгновенно загорелись все целиком, от корней до верхушек, чему немало способствовали лианы, переплетавшиеся ветви деревьев и кустарников, которые горели, как факелы. Казалось даже, что по верхушкам деревьев пламя бежит быстрее, чем огненно-жидкий поток лавы, медленно расходившийся во все стороны и заполнявший все выемки.

Обезумевшие от страха мирные и хищные животные и птицы в ужасе покидали эту часть леса и искали спасение на реке Милосердия и на болоте Казарок, по ту сторону гавани Воздушного Шара. Но колонисты были слишком озабочены своим собственным положением, чтобы обращать внимание на самых страшных зверей. Они даже покинули Гранитный дворец и, не желая укрываться в Гротах, которые легко могли разрушиться и задавить их, жили в палатке близ устья реки Милосердия.

Каждый день Сайрес Смит и Гедеон Спилет взбирались на плато Дальнего Вида. Иногда с ними отправлялся кто-нибудь из колонистов, чаще всего Герберт. Что касается Пенкрофа, то он не хотел смотреть на страшные опустошения, которые причинило извержение вулкана.

И в самом деле, остров Линкольна представлял собой слишком печальное зрелище. Почти вся лесистая часть его была уничтожена. Только на краю Змеиного полуострова уцелел небольшой клочок леса. Там и тут виднелись обугленные, почерневшие, лишенные ветвей стволы деревьев. Местность, где свирепствовал лесной пожар, теперь была еще более пустын-

ной, чем болото Казарок. Лава погубила все. Там, где прежде мягкие контуры зелени приятно ласкали взор, выжженная почва была сплошь покрыта дымящимися, а кое-где еще пылающими потоками лавы. Русла ручья Водопада и реки Милосердия совершенно пересохли, и, если бы полностью высохло и озеро Гранта, колонистам нечего было бы утолить жажду. Но, к счастью, его южная часть не подверглась еще этой участи. Там образовалось нечто вроде пруда, и этот пруд был единственным источником пресной воды на острове. На северо-западе отчетливо вырисовывались отроги вулкана, похожие на гигантскую когтистую лапу, вцепившуюся в землю. Какое печальное зрелище! Какой ужасный вид! Какое горе для колонистов, которые вместо плодородного цветущего острова, где у них было буквально все, в одно мгновение очутились на пустынной скале! Они погибли бы от голода, если бы у них не было запасов пищи на всякий случай!

— Просто сердце разрывается, глядя на эту картину! — сказал Гедеон Спилет.

— Да, Спилет, — ответил инженер. — Только бы нам успеть закончить корабль. Тогда нам, может быть, удастся спастись от гибели.

— Вы не замечаете, Сайрес, что вулкан как будто успокаивается? Лава, правда, еще льется, но уже не так обильно...

— Это ничего не доказывает, — ответил Смит. — Пламя все так же продолжает бушевать в недрах горы, и каждую секунду море может ворваться туда. Мы похожи на пассажиров горящего корабля, которые не в силах потушить огонь и в то же время знают, что рано или поздно огонь дойдет до крюйт-камеры! Идем, Спилет! Нам нельзя терять ни минуты!

Еще неделю, то есть до 7 февраля, лава продолжала изливаться на остров, но потоки ее не шли уже дальше прежних пределов. Сайрес Смит больше всего боялся, как бы огненно-жидкая масса не хлынула на песчаный берег у Гранитного дворца, — тогда колонистам не удастся отстоять верфь, и надежда на спасение исчезнет. Несмотря на кажущееся затишье, колонисты вскоре ощутили довольно сильные колебания почвы, и это очень сильно их обеспокоило.

Время бежало незаметно, и как ни усердно работали колонисты, а 20 февраля до спуска корабля на воду оставалось работы еще на месяц. Но просуществует ли остров столько времени? Пенкроф и Сайрес Смит с самого начала извержения решили спустить шхуну на воду, как только корпус будет проконопачен и осмолен. Настилку палубы и оснастку можно было сделать потом. Для колонистов важнее всего было обеспечить для себя надежное убежище вне острова, которому каждую минуту грозило разрушение. Может быть, им придется отвести корабль в гавань Воздушного Шара, подальше от центра извержения, потому что в устье реки Милосердия, между островком Спасения и гранитной стеной, судно могло быть раздавлено при разрушении острова. Поэтому колонисты старались как можно скорее закончить корпус корабля.

Наступило 3 марта, и можно было рассчитывать спустить корабль на воду через десять дней.

И в сердцах колонистов родилась тайная надежда, что, может быть, удастся спастись от гибели, которая грозила им в конце четвертого года их пребывания на острове Линкольна. Даже Пенкроф, по-видимому, вышел из своего мрачного, подавленного состояния, охватившего его при виде полного разорения и уничтожения его владений. Теперь все его помыслы сосредоточились на скорейшей постройке корабля, единственном шансе на спасение.

— Мы успеем его достроить, — говорил он инженеру, — мы обязательно достроим его, мистер Сайрес. Теперь как раз самое подходящее время, приближается осень, и скоро наступит равноденствие. Если понадобится, можно будет остановиться на острове Табор и провести там зиму. Остров Табор после острова Линкольна! Ах, несчастные мы люди! Мне и не снилось никогда, что придется переживать такое несчастье!

— Давайте работать! — неизменно отвечал инженер.

И все снова с азартом принимались за дело.

— Хозяин, — спросил Наб несколько дней спустя, — как вы думаете, если бы капитан Немо был еще жив, неужели и при нем случилось бы то же самое?

— Да, Наб, — ответил Сайрес Смит.

— Ну а я думаю, что нет! — прошептал Пенкроф на ухо Набу.

— Я тоже! — серьезно ответил Наб.

В первую неделю марта гора Франклина снова приняла грозный вид. Расплавленная лава поднималась из кратера в виде тонких блестящих стеклянных нитей и затем огненным дождем падала на землю. Кратер опять наполнился вулканическими веществами, изливавшимися из него во всех направлениях. Огненные потоки накрыли затвердевший туф и окончательно сожгли и уничтожили все, что уцелело после первого извержения. Лава на этот раз потекла вдоль юго-западного берега озера Гранта, пересекла Глищериновый ручей и залила плато Дальнего Вида. Этот последний удар окончательно погубил все труды колонистов. Все погибло. Не существовало больше ни мельницы, ни надворных построек, ни конюшни, ни птичника. Испуганные пернатые обитатели птичьего двора разлетелись во все стороны. Топ и Юп обнаруживали сильные признаки беспокойства: они инстинктом чувствовали приближение катастрофы. Во время первого извержения погибло большинство животных, живших на острове. Уцелевшие звери переселились на болото Казарок, а некоторые из них нашли приют на плато Дальнего Вида. Но теперь они должны были покинуть и это последнее убежище. Поток лавы дошел до края гранитной стены, и огненные каскады с высоты полились на берег у подножия Гранитного дворца.

Никакое перо не в силах описать потрясающего ужаса этой картины! Ночью эта река расплавленной огненной массы, низвергавшейся сверху и пенившаяся внизу, была похожа на Ниагару, с той лишь разницей, что вместо воды здесь падала и пенилась кипящая лава.

Колонистам некуда было больше отступать. Хотя еще не весь корпус корабля был прокопан и просмолен, они решили спустить его на воду.

Пенкроф и Айртон стали готовить шхуну к спуску и рассчитывали произвести это утром следующего дня, 9 марта.

Но в ночь с 8-го на 9-е вдруг раздался оглушительный взрыв, и над вершиной горы взвился огромный столб дыма высотой более трех тысяч футов. Стена пещеры Дакара, очевидно, не выдержала давления газов и раскололась, море, ворвавшись в жерло вулкана и соприкоснувшись с клокочущей и кипящей массой, моментально превратилось в пар. Но кратер не оказался достаточно просторным выходом для всего количества пара, и страшный взрыв, который слышно было за сто миль, потряс воздух и остров. Гора Франклина разлетелась на куски, и обломки горы полетели в море. Через несколько минут волны Тихого океана покрывали то место, где некогда был остров Линкольна.

Глава двадцатая

Однокая скала на Тихом океане. – Последнее убежище обитателей острова Линкольна. – Впереди смерть. – Неожиданное спасение. – Как и почему оно пришло. – Последняя услуга. – Остров среди материка. – Могила капитана Немо.

Однокая скала длиной в тридцать и шириной в пятнадцать футов, выступающая из воды не больше чем на десять футов, – вот и все, что волны Тихого океана сохранили от острова Линкольна.

Это было все, что осталось от массива Гранитного дворца. Гранитная стена упала, разрушилась, и несколько обломков, нагроможденных друг на друга, образовали эту торчавшую из моря скалу. Все остальное исчезло в морской бездне: нижний конус горы Франклина, разлетевшийся от взрыва, залив Акулы, замкнутый двумя мысами, плато Дальнего Вида, островок Спасения, гранитные твердыни гавани Воздушного Шара, базальтовая пещера Даккара и даже длинный Змеиный полуостров, лежавший так далеко от места извержения! От острова Линкольна уцелела только эта небольшая скала, где нашли себе убежище шестеро бывших колонистов и их собака Топ.

Животные и птицы все погибли: одни утонули, а другие были раздавлены или сгорели, и даже бедняжка Юп и тот – увы! – не избег этой участи и встретил смерть, провалившись в какую-нибудь расщелину или попав под рухнувшую скалу.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Пенкроф, Наб и Айртон спаслись только потому, что в момент взрыва находились в палатке на берегу и бросились в море, когда остров раскололся на части.

Когда они выплыли на поверхность, то увидели невдалеке однокую скалу и вскарабкались на нее.

И вот на этой голой скале они жили уже девять дней! Немного съестных припасов в карманах, которыми они предусмотрительно запаслись на случай катастрофы, и несколько капель пресной воды, накопившейся в углублениях скалы после дождя, – вот и все, что осталось у этих несчастных, еще недавно живших в полном изобилии. Их последняя надежда, их корабль был разбит во время катастрофы! И теперь они не имели никакой возможности покинуть эту скалу. У них нечем было развести огонь, чтобы хоть немного согреться. Они были обречены на смерть.

18 марта у колонистов осталось провизии в виде консервов всего на два дня, хотя они и старались расходовать пищу как можно экономнее. Все их знания, вся их изобретательность были теперь ни к чему. Их положение было таким безвыходным, что им уже ничто не могло помочь. Спасти их мог только случай.

Сайрес Смит казался спокойным. Более нервный Гедеон Спилет и Пенкроф, охваченный глухой яростью, расхаживали по скале взад и вперед. Герберт держался возле инженера и смотрел на него, как на человека, от которого он ждал помощи, но инженер ничем не мог помочь ни себе, ни ему. Наб и Айртон безропотно покорялись судьбе.

– Ах, горе! Горе! – то и дело повторял Пенкроф. – Если бы у нас была хоть какая-нибудь лодочки! В ней мы могли бы добраться до острова Табор. Но у нас нет ничего! Совсем ничего!

– Капитан Немо вовремя умер! – сказал как-то Наб.

Прошло еще пять дней. Сайрес Смит и его несчастные товарищи соблюдали строжайшую экономию, стараясь расходовать как можно меньше продуктов, и ели ровно столько, сколько нужно было, чтобы не умереть с голода. Они очень ослабли и едва держались на ногах. Герберт и Наб, как более слабые, иногда даже начинали бредить.

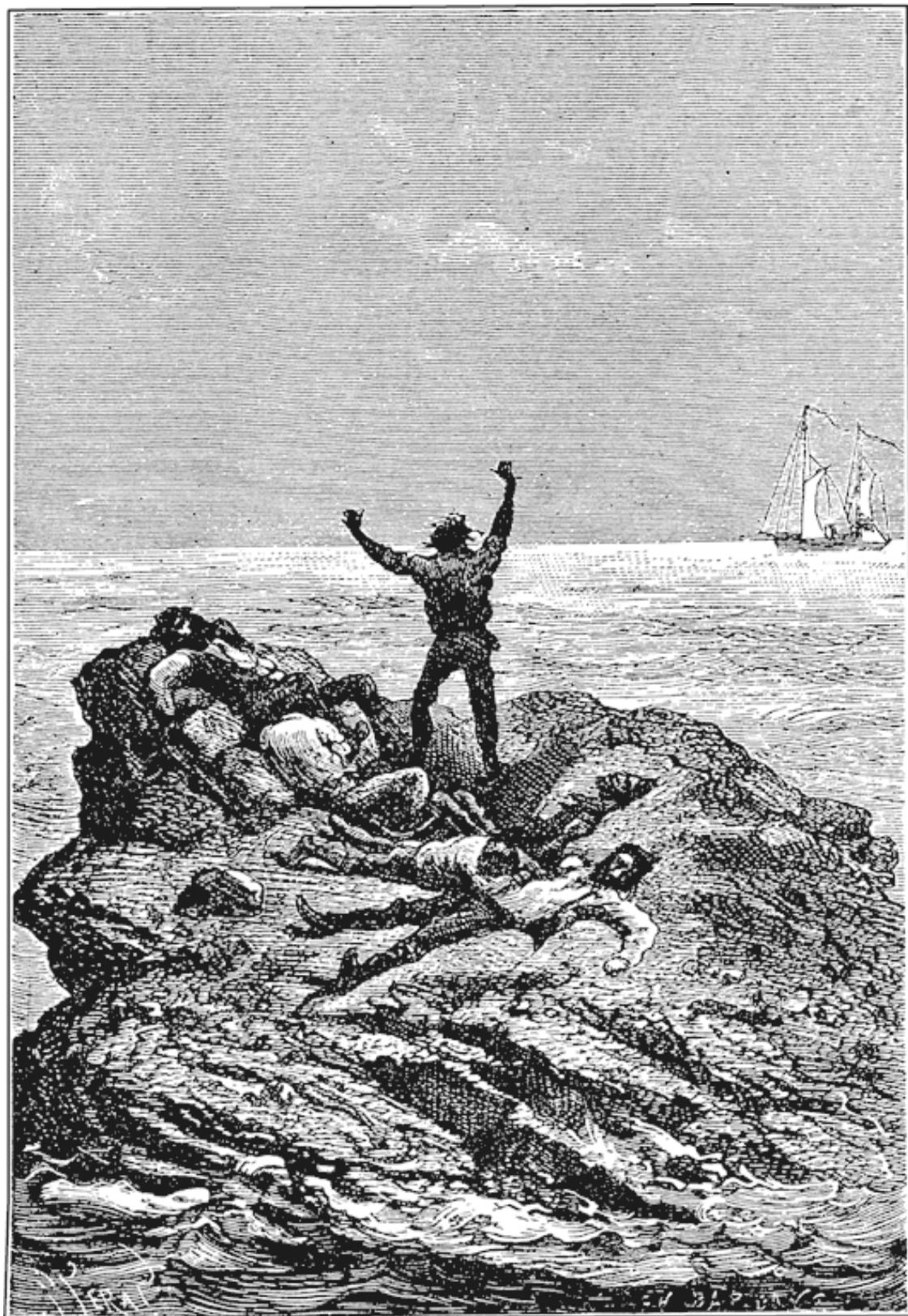
Неужели они и теперь еще не потеряли надежду на спасение? Едва ли! На что они могли надеяться? Может быть, они рассчитывали, что какой-нибудь корабль пройдет мимо? Но они

уже по опыту отлично знали, что суда не заходят в эту часть Тихого океана. Может быть, они надеялись, что именно в это время шотландская яхта приплывет за Айртоном на остров Табор? Это было маловероятно, кроме того, даже если бы яхта вернулась за Айртоном, она все равно не могла бы приплыть сюда, потому что колонисты так и не успели съездить на остров Табор и оставить там записку о переезде Айртона на остров Линкольна. Поэтому капитан яхты, осмотрев островок и не найдя там Айртона, скорее всего, отправится в обратный путь, и яхта уйдет к более низким широтам, спасаясь от равноденственных бурь.

Нет! У них уже не осталось никакой надежды на спасение... Ужасная смерть от голода и жажды ожидала их на этой скале.

Наконец они ослабли до такой степени, что лежали без сил на скале, не сознавая, где они и в каком ужасном положении находятся. И только Айртон нечеловеческим усилием воли поднимал иногда голову и бросал полный отчаяния взор на бурлившее вокруг пустынное море...

Утром 24 марта Айртон протянул руки, как бы указывая на какую-то точку, появившуюся на горизонте. Он встал на колени, потом выпрямился во весь рост и стал махать руками, пытаясь подать сигнал...

В виду скалы показался корабль!.. Этот корабль не случайно попал в эти места. Одинокая скала – вот куда держал курс этот так неожиданно появившийся корабль, который шел полным ходом, поставив паруса и выпуская клубы черного дыма из трубы... Колонисты давно заметили бы этот корабль, если бы были в состоянии наблюдать за горизонтом.

– «Дункан»! – прошептал Айртон и упал без чувств.

* * *

Когда наконец Сайрес Смит и его товарищи пришли в себя, то увидели, что находятся в каюте парохода. Удивленно оглядываясь по сторонам, они не понимали, как им удалось избежать смерти.

Айртон одним словом разъяснил их недоумение.

– «Дункан»! – прошептал он.

– «Дункан»! – повторил за ним Сайрес Смит.

И в самом деле, они находились на «Дункане», яхте лорда Гленарвана, которая под командованием Роберта Гранта, сына капитана Гранта, была послана на остров Табор за Айртоном, чтобы отвезти его на родину после двенадцати лет изгнания…

Колонисты были спасены и возвращались на родину.

– Капитан Роберт, – спросил Сайрес Смит, – почему, не найдя Айртона на острове Табор, вы решили пройти еще сто миль к северо-востоку?

– Мистер Смит, – ответил Роберт Грант, – мы шли не только за Айртоном, но и за вами и вашими друзьями!

– За мной и моими друзьями?

– Да, конечно! На остров Линкольна.

– На остров Линкольна! – воскликнули хором Спилет, Герберт, Наб и Пенкроф, удивленно глядя на капитана.

– Каким же образом вы узнали о существовании острова Линкольна? – спросил Сайрес Смит. – Ведь этот остров даже не обозначен на картах.

– Я узнал о нем из записи, оставленной вами на острове Табор, – ответил Роберт Грант.

– Из записи?! – вскричал Гедеон Спилет.

– Да, я нашел там вот эту записку, – ответил Роберт Грант, подавая инженеру листок бумаги, на котором были указаны широта и долгота острова Линкольна, «где в настоящее время находятся Айртон и пятеро американских колонистов, потерпевших крушение».

– Капитан Немо!.. – сказал Сайрес Смит, прочитав записку и убедившись, что она написана тем же почерком, что и записка, найденная в корале.

– А! Теперь я понимаю, как это было! – воскликнул Пенкроф. – Это он взял наш «Бонавентур» и один отважился пойти на остров Табор!..

– Чтобы оставить там эту записку! – добавил Герберт.

– Ну что же, разве я был не прав, – вскрикнул моряк, – когда говорил вам, что капитан Немо даже после своей смерти хоть один раз да поможет нам еще чем-нибудь?

– Друзья мои, – взволнованно сказал Сайрес Смит, – мы всегда будем помнить капитана Немо, спасшего нас…

При последних словах инженера его товарищи обнажили головы и шепотом повторили имя капитана Немо и произнесли короткую молитву.

Затем Айртон подошел к Сайресу Смиту и спросил его:

– Куда поставить этот сундучок?

Это был сундучок с драгоценными камнями, который Айртон спас с риском для жизни, когда остров обрушился в море. Теперь он честно возвращал его инженеру.

– Айртон! Айртон! – только и мог выговорить глубоко растроганный Сайрес Смит.

– Сэр! – обратился он к Роберту Гранту. – Вы оставили на острове Табор преступника, а теперь вы видите перед собой честного человека, который искупил свою вину. Я горжусь тем, что могу пожать ему руку!

После этого колонисты рассказали Роберту Гранту необычайную историю капитана Немо, а также историю своей жизни на острове Линкольна. Потом, сфотографировав скалу,

оставшуюся от острова Линкольна, которая отныне должна была быть нанесена на карту Тихого океана, и отметив ее координаты, Роберт Грант приказал идти в обратный путь.

Две недели спустя колонисты высадились в Америке. Кровопролитная гражданская война давно уже окончилась победой Севера, и теперь время сглаживало следы войны и разрушения.

Большая часть состояния, заключавшегося в сундучке, завещанном капитаном Немо колонистам острова Линкольна, была использована на приобретение обширных земель в штате Айова. Одну жемчужину, самую крупную и лучшую из всех, преподнесли в подарок леди Гленарван от бывших колонистов, которых «Дункан» спас от гибели и отвез на родину.

Громадные пространства девственной земли быстро были заселены людьми, которым Сайрес Смит и его товарищи предложили работу. Так образовалась большая колония, которую назвали именем острова, исчезнувшего в волнах Тихого океана. Здесь были река Милосердия, гора, получившая название горы Франклина, небольшое озеро Гранта, были и леса Дальнего Запада. Словом, это был как бы тот же остров Линкольна, только посреди материка.

Под умелым руководством инженера и его друзей колония процветала. Здесь жили все прежние обитатели острова Линкольна: они дали клятву никогда не расставаться. Наб не представлял себе жизни без инженера, которого он и теперь называл своим хозяином. Айртон всегда был готов пожертвовать своей жизнью. Пенкроф со всем пылом своей страстной натуры занимался сельским хозяйством и даже изменил ради этого морю. Герберт получил образование под руководством Сайреса Смита, а Гедеон Спилет начал издавать «Нью-Линкольн Геральд», ставший одной из самых лучших газет в мире.

В этой колонии Сайрес Смит и его друзья несколько раз принимали лорда и леди Гленарван, капитана Джона Манглса с его женой, сестрой Роберта Гранта, самого Роберта Гранта и майора Мак-Наббса, всех, кто имел отношение к истории капитана Гранта и капитана Немо.

Все жили счастливо в новой колонии, соединенные узами дружбы точно так же, как они были дружны и в прошлом. Но никогда они не забывали остров, который принял их, бедных и одиноких, и четыре года давал им все, что нужно для жизни, остров, от которого осталась только небольшая гранитная скала, омываемая волнами Тихого океана, — могила того, кто был капитаном Немо!